

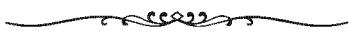
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТИНИКЪ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ [159]
ИЮНЬ 2015

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

АЛЬФОНСО X: ПОЛИТИКА И ПРАВО

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ [159]

Под общей редакцией А.В. Марея

МОСКВА, 2015

Редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Ф.Г. Тараторкин	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефко	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар ректор РГГУ, профессор,
член-корреспондент РАН

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятов	доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Д.Р. Жантиев	кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано к печати 27.05.2015 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 20,3.

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214
Тел. +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2015

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляя на суд читателя очередной номер «Исторического вестника», мы значительно расширяем географию научных интересов журнала. И связано это не только с презентацией «испанской темы» как таковой. В значительной степени исследования и документы опубликованные в нашем очередном томе говорят о схожести процессов государственного строительства в Европе, включая, естественно, и Россию.

По сути, мировая научная мысль никогда не разделялась на национальные кластеры. Знания не ведают санкций, а исследовательский мир вне зависимости от текущей конъюнктуры неизменно обращает внимание на вопросы имеющие общенаучную ценность. К их числу относится и проблема формирования основ европейского права. И для нас, в канун 2016 — года тысячелетия российского законодательства, интерес этот более чем не праздный. Данный том — результат изысканий уникального международного коллектива и одновременно текущий итог развития отечественной школы испанистики. Здесь, впервые за долгие годы, под одной обложкой публикуются исследования, посвященные Альфонсо X и его времени.

Работы как отечественных, так и зарубежных коллег сгруппировались вокруг нескольких основных объектов исследования. Прежде всего это статьи О.В. Аурова, Г.А. Поповой и А.В. Русанова, объединенные проблемой изучения университетского образования в Европе XIII в. и университетского законодательства Альфонсо X и его рецепции в сопредельных королевствах. Второй блок представлен статьей И.И. Варьяш и трудами двух зарубежных историков: аргентинского ученого Д. Панатери и севильской исследо-

вательницы М. Клейне. Они посвятили свои тексты изучению образов власти в творчестве Альфонсо X. Третий блок, собранный из статей профессора Комплутенского университета Мадрида Х. Санчеса-Арсильи Берналя и доцента университета Севильи Х. Вальехо, носит сугубо правовой характер и рассматривает проблемы теории права и закона в законодательстве Мудрого короля. Наконец, статьи А.В. Марея, Е.С. Марей и М.К. Карапуловой посвящены образам прошлого в наследии Альфонсо X и их роли в формировании идеологии его правления а также отображению самого Мудрого короля в историографии XIII — начала XIV в..

Нельзя обойти вниманием и две рецензии, включенные в состав номера. Понимая малую изученность личности и эпохи Альфонсо X в отечественной литературе, мы приняли решение отойти от стандартной практики рецензирования новейших изданий в пользу исследований, уже ставших классическими. Рецензия И.В. Ершовой вводит в отечественный научный оборот одну из основных работ, посвященную культуре эпохи Альфонсо X. Обзор, представленный Н.К. Спиченко, знакомит читателя с одним из основных исследований по истории испанской адвокатуры.

Представление этого номера было бы неполным без упоминания Л.В. Черниной, которая перевела статьи иностранных авторов на русский язык, что позволило приблизить исследования наших зарубежных коллег к отечественному читателю.

А.Э. Титков
главный редактор журнала
«Исторический вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

УНИВЕРСИТЕТЫ И КОРОЛИ

А.В. Марей. Вместо предисловия.....	6
О.В. Ауров. Из Болоньи в Кастилию: люди, книги, образ жизни. (Заметки по истории университетов в Кастилии и Леоне в XIII—XIV вв.)	12
Г.А. Попова. Об истории одного предприятия короля Альфонсо X Мудрого: Estudios e Escuelas generales de latin e de arabigo.....	80
А.В. Русанов. Юридическое наследие короля Альфонсо X Мудрого и корпоративное право Португальского университета в конце XIII — XIV в.	102
И.И. Варяш. Власть короля и королевское право в «Семи Партидах» Альфонсо Мудрого.....	122
М. Клейне. Образы королевской власти в творчестве Альфонсо X: Rex iustus.....	150
Д. Панатери. Ритуал в «Семи Партидах» короля Альфонсо X Мудрого.....	200

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО И ИСТОРИЯ: ДВА ЛИЦА ИДЕОЛОГИИ

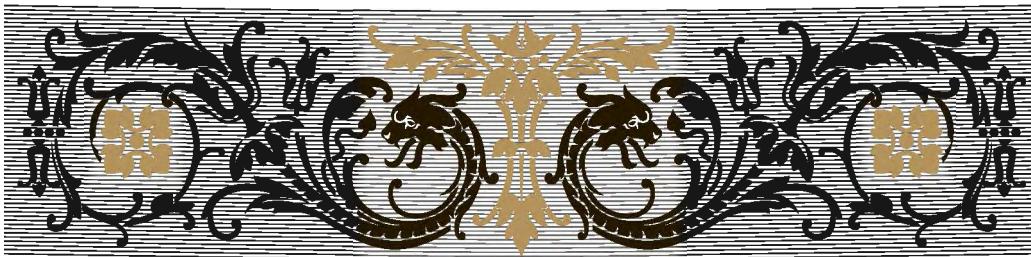
X. Санчес-Аресилья Берналь. «Теория закона» в законодательной деятельности Альфонсо X Мудрого.....	228
X. Вальехо. Новое прочтение «Королевского фуэро».....	284
A.В. Марей. Альфонсо X в отражении средневековой историографии: конец XIII — начало XIV в. ...	316
М.К. Караулова. От «Поэмы о Фернане Гонсалесе» к «Первой всеобщей хронике»: особенности репрезентации образа графа Фернана Гонсалеса в XIII в.	354
E.С. Марей. Две версии мятежа Сисенанда в «Первой всеобщей хронике Испании»	376

ИСТОРИОГРАФИЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.В. Ауров. Изучение истории средневековой Испании в России и СССР	398
Г.В. Савенко. Памяти Н.П. Денисенко	426
И. Ершова. Величие мысли и дела: концепция культуры Альфонсо X Мудрого. Рецензия на книгу: Márquez Villanueva Fr. El concepto cultural Alfonsí	432
Н.К. Спиченко. Шесть веков испанской адвокатуры. Рецензия на книгу: Alonso Romero M.P., Garriga Acosta C. El régimen jurídico de la abogacía en Castilla (siglos XIII–XVIII) ..	442

ИСТОЧНИКИ

Part.II.31 «Об училищах, где усваиваются науки, и о магистрах, и о студентах». Перевод и комментарии О.В. Аурова.....	454
Part.VII.2 «Глава всех зол»: законы против предательства в «Семи Партидах». Перевод и комментарии А.В. Марея.....	466

А.В. Марей

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

сторические сравнения — дело опасное и неблагодарное, но, если соотнести кастильского монарха с русскими правителями, то наиболее близкой аналогией оказываются сразу два царя, приходившихся друг другу дедом и внуком, соответственно: Иван III и Иван IV. Именно при этих самодержцах были инициированы реформы, в том числе, и в области законодательства, имеющие серьезное сходство с преобразованиями, проведенными Альфонсо X. Возможно, именно такое отдаление, в том числе, и в географическом плане, позволяет лучше показать не разницу в темпах развития между Россией и Европой — процессы, шедшие в Кастилии до Альфонсо X примерно соответствовали эпохе становления Московского княжества в начале XIV века, — но анахроничную, во-многом, вневременную природу феномена Альфонсо Мудрого, короля, опередившего свое время, умершего непонятным современниками и затем прославленного отдаленными потомками как строитель нового государства.

Сын короля Кастилии и Леона Фернандо III Святого и принцессы Беатрисы Швабской, Альфонсо X был современником и родственником Фридриха II Штауфена, Людовика IX Святого, Эдуарда I Плантагенета. По своему статусу он был равен всем перечисленным монархам, а по политическому значению и авторитету превосходил их. К его слову прислушивались не толь-

ко христианские монархи Европы, но и мусульманские правители северной Африки. Приняв из рук своего отца обширное королевство, он еще более расширил его, присоединив к Кастилии бывшие тайфы Мурсии, Ньеблы и Хереса и оставив мусульманам лишь Гранаду и вассальные по отношению к ней территории Тариfy и Альхесираса. Династическими браками своих братьев, сыновей и дочерей он связал свое королевство с большей частью европейских дворов, от Португалии до Норвегии¹. Встав перед необходимостью идеологического обоснования своей монархии, он инициировал и, во-многом, реализовал ряд историографических и юридических проектов, не имевших аналогов в современной ему Европе. Параллельно с этим он участвовал в составлении трактатов о свойствах камней, азартных играх и соположении звезд, составлял астрономические таблицы и даже писал гимны духовного содержания — знаменитые «Кантиги Святой Деве Марии».

В историю он вошел под прозвищем «Мудрого», если о нем писали его друзья, или «Астролога» — если враги. Трудами хронистов XIV–XV веков² в средневековой историографии был создан, во-многом, негативный образ Альфонсо X, наиболее коротко и афористично обрисованный арагонским автором XV века Херонимо Суритой, сказавшим о короле, что он «больше знал о небе, порядке и движении планет, нежели об управлении своим домом»³. Этот негативизм был преодолен — со значительным трудом — лишь к XX веку, когда об Альфонсо Мудром начали писать как об одном из провозвестников и, в какой-то мере, основателей испанского государства Нового времени⁴. Своей законодательной и политической деятельностью этот монарх оставил далеко позади всех своих современников, серьезно опередив время. Достаточно сказать, что «Семь Партид», ставшие венцом законодательства Альфонсо Мудрого, оказались в полной мере востребованы лишь два с половиной века спустя, в эпоху Католических королей.

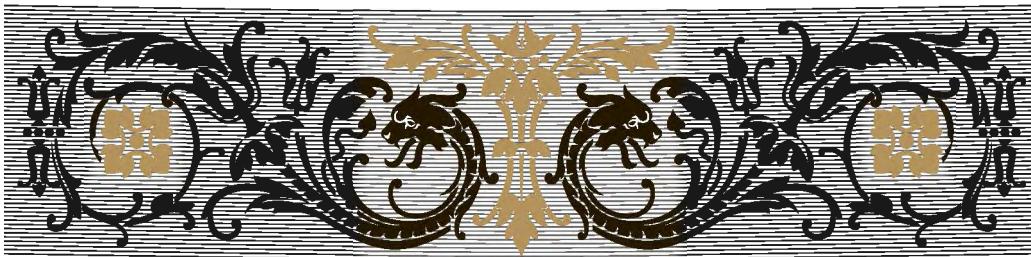

¹ В «Истории в диалогах до 1288 года» сохранился рассказ о замысле кастильского короля выдать свою dochь замуж за великого хана монголов, просившего ее руки. Скорее всего, этот эпизод носит вымыщеный характер, однако прекрасно иллюстрирует ощущения современников от матrimониальной политики Альфонсо Мудрого.

² Об истоках формирования этого имиджа мнай написана статья, опубликованная в этом номере журнала.

³ Zurita, III.75

⁴ См. например: Maravall, J.A. Del régimen feudal al régimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // Id. Estudios de historia del pensamiento español. Vol.1. Madrid, 1999. P. 89–137.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

AHDE — Anuario de Historia del Derecho Español.

Anales — González Jiménez M. Unos anales del reinado de Alfonso X // BRAH. 192 (1995). P. 461–491.

Anales JM — Chronicón del Excelentísimo señor D. Juan Manuel, hijo del infante D. Manuel // España Sagrada. Vol.2/ por E. Florez. Madrid, 1754. P. 213–222.

BCT — Biblioteca capitular. Toledo.

Bio. — *Fita F.* Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Gil de Zamora // BRAH. 5. 1884. P. 308–328.

BN — Biblioteca Nacional (Madrid).

BRAH — Boletín de la Real Academia de Historia

Bull. Salam. — Beltran de Heredia V. Bulario de la Universidad de Salamanca (1219–1549). Vol. 1. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1966 (Acta Salmanticensia, 12).

Card.I / Card.II — Chronicon de Cardeña I y II// España Sagrada. Vol.23/ por E. Florez. Madrid, 1767. P. 370–380.

CAX — Crónica de Alfonso X según el ms.II/2777 de la Biblioteca del Palacio Real (Madrid) / Edición, transcripción y notas por Manuel González Jiménez. Índice por Mª A. Carmona Ruiz. Murcia, 1998.

CIC — Corpus Iuris Civilis.

CIC (Gothofredus) — Corpus Juris Civilis Romani... cum notis intgris Dionysii Gothofredi... T. 1–5. Neapoli, 1828–1830.

CIC (Mommsen) — Corpus Iuris Civilis. Vol. 1: Institutiones. Digesta; Vol. 2: Codex Iustinianus; Vol. 3: Novellae /Ed. T. Mommsen et al. Berolini, 1872–1895.

CODOIN — Colección de documentos inéditos para Historia de España.

Conc. de Toledo IV — [Concilio de Toledo]. Concilios visigóticos y hispano-romanos / Ed. por J. Vives, G. Martínez Díez. Barcelona — Madrid, 1963.

Conc. Lateran.III (a. 1179) — Concilii Lateranensis Generalis, sub Alexandro papa III. Decreta //Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio... /Evulg. J.D. Mansi... Editio Novissima... Vol. 22. Venetiis: Apud Antonium Zatta, 1778. Col. 211–468.

Conc. Lateran.IV (a. 1215) — Constitutiones Concilii quarti Lateranensis una cum Comentariis glossatorum / Ed. A. García y García. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1981 (Monumenta iuris canonici. Series A: Corpus Glossatorum. Vol. 2).

Cont. Hispana — Continuatio Hispana // MGH: AA. T. 11: Chronica Minora. Vol. 2. Berolini, 1894. P. 323–369.

Chart. Bonon. — *Chartularium Studii Bononiensis. Documenti per la Storia della Università di Bologna dalle origini al secolo XV.* Vol. 1. Bologna, 1909.

CLC — Córtes de los Antiguos Reinos de León y Castilla.

DHUniv.Barc. — *Documentos para la historia de la Universidad de Barcelona. I: Preliminares (1289–1451)* /Por Jorge Rubió Balaguer. Barcelona: Universidad de Barcelona. Facultad de Filosofía y Letras, 1971.

Escor. — Real Biblioteca del Monasterio de San Lorenzo de El Escorial.

FLaz.Gald. — Fundación Lázaro Galdiano. Biblioteca (Madrid).

Fred. Chron. — *Fredegarius. Fredegarii scholastici chronicum cum suis continuatoribus, sive appendix ad sancti Gregorii episcopi Turonensis historiam Francorum* // MGH.: SRM. T. 2. Hannoverae, 1888. P. 18–193.

HID — Historia. Instituciones. Documentos.

Inst. Disc. — Sánchez Prieto A.B. Las *Institutionum Disciplinae*: programa educativo para un noble godo // Ideales de formación en la historia de la educación / Coord. por J. Vergara Ciordia, F. Sánchez Barea, B. Comella Gutiérrez. Madrid, 2011. P. 102–104.

Isidori Etym. — *Isidorus Hispalensis. Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX* / Ed. by W. M. Lindsay. Oxford, 1911. 2 vol.

Isidori Historia... — Rodríguez Alonso C. Las Historias de los Godos, vandalo y svevos de Isidoro de Sevilla: estudio, edición crítica y traducción. León, 1975.

La Fuente. Apénd. — Apéndice // La Fuente y Condón V. Historia de las universidades, colegios y demás establecimientos de enseñanza en España. T. 1. Madrid, 1884. P. 289–298.

LF — *Consuetudines feudorum. Textus compilationis antique et recensionis Vulgate* //Conseutudines feudorum /Ed. K. Lehmann. Editio altera curavit K.A. Eckhart. Aalen: Scientia Verlag, 1971 (Biblioteca rerum historiarum, I).

Luc.Tud. — *Lucae Tudensis Chronicon mundis* / ed. E. Falque. Turnhout: Brepols, 2003.

Luc.Tud.Rom. — Crónica de España por Lucas, obispo de Túy. Primera edición del texto romanceado conforme a un códice de la Academia preparada y prolongada / por J. Puyol. Madrid, 1926.

MHE — Memorial Histórico Español.

Part. — Las Siete Partidas del muy noble Rey Don Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio Lopez, del Consejo Real de Indias de S.M. T. 1. Madrid: Compañía General de Impresores y libreros del Reyno, 1843.

PCG — Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Publ. por R. Menéndez Pidal. Madrid, 1955.

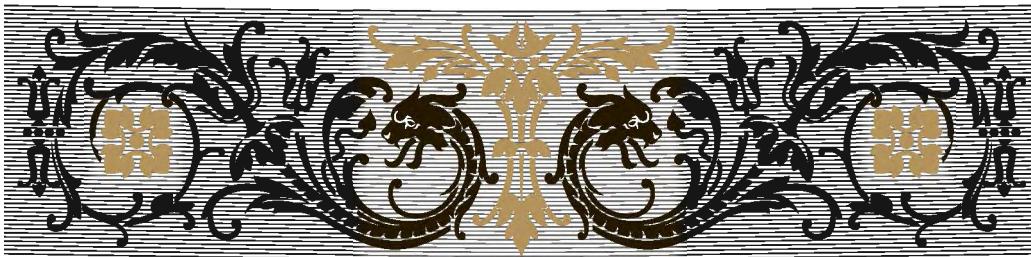
Rod.Tol. — Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / ed. J.Fernández Valverde. Turnhout: Brepols, 1987.

Sigiberti Gemblacensis Chronica — Chronica Sigeberti Gemblacensis // MGH: SS. T. 4. Hannover. 1844. P. 300–374.

Thucyd. — Thucyddes. Historiae in two volumes. Oxford: Oxford University Press, 1942.

Tol.II / Tol.III — Anales Toledanos II y III // España Sagrada. Vol.23/ por E. Florez. Madrid, 1767. P. 401–423.

О.В. Ауров

ИЗ БОЛОНЫ В КАСТИЛИЮ: ЛЮДИ, КНИГИ, ОБРАЗ ЖИЗНИ

Заметки по истории университетов в Кастилии и Леоне
в XIII—XIV вв.¹

Вступительные замечания

Как известно, истоками своей современной правовой системы Европа обязана возрождению ученого права, ставшему ключевым элементом процесса рецепции *ius commune*, общего права нового типа, теоретическую основу которого составили вновь открытое римское право (в его Юстиниановой версии), с одной стороны, и реформированное каноническое право «Декрета Грациана» и собрания папских декреталий — с другой². Колossalный интеллектуальный подвиг, связанный с откры-

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партий” Альфонсо X Мудрого».

² См., напр., об этом: Calasso F. Introduzione al diritto commune. Milano, 1951; *Idem*. Medioevo del Diritto. I. Le fonti. Milano, 1954; Kuttner S. The Revival of Jurisprudence // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century. Oxford, 1982. P. 299–323; Wieaker F. A History of Private Law in Europe. Amsterdam, New York, Oxford, 1996; Lange H., Kriechbaum M. Römisches Recht im Mittelalter. Bd. 1: Die Glossatoren. München, 1997; Bd. 2: Die Kommentatoren. München, 2007; Bellomo M. La Europa del Derecho común. Roma, 1999; Pennington K. Learned Law, Droit Savant, Gelehrtes Recht: The Tyranny of a Concept // Rivista internazionale di diritto comune. 1994. N. 5. P. 197–209; The Creation of the IUS COMMUNE. From Casus to Regula / Ed. By J.W. Cairns, P.J. du Plessis. Edinburgh, 2010; Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М., 1886; Моддер-

тием и освоением, комментированием, практическим применением и внедрением в сферу действующего законодательства важнейших достижений римской правовой мысли, которая, по существу, обрела свое второе рождение в эпохи Высокого и Позднего Средневековья, был бы невозможен без участия университетских юристов — гlosсаторов и их преемников-комментаторов. Сначала в Северной Италии (прежде всего — в Болонье), а затем и в других центрах изучения и преподавания нового права, которые во множестве возникали на протяжении XII—XV вв., профессора университетов шаг за шагом создали принципиально новую правовую систему — *ratio scripta*, «писаный разум», как они восторженно ее именовали.

При этом чем дальше, тем в большей степени процесс становления и развития ученого университетского права, начатый болонскими гlosсаторами на рубеже XI—XII вв., обогащался влиянием местных правовых традиций, обретал все более выраженную локальную специфику, без учета которой невозможно понять не только суть процесса рецепции *ius commune* как целостного явления, но и содержание, оригинальные черты самой болонской традиции. Особенности процесса восприятия и усвоения этой традиции на местах давно уже превратились в один из ключевых объектов исследований по истории римского права в Средние века³. Ниже речь пойдет об одном из аспектов этой важной проблемы — становлении традиции болонского ученого права в одном из средневековых государств Пиренейского полуострова — Кастильско-Леонском королевстве, сложившемся в XI—XIII вв. в процессе христианской Реконкисты.

Начало активной рецепции *ius commune* в Кастилии и Леоне (на что уже давно обращается внимание в научной литературе⁴) пришлось на период их наивысшего политического и военного могущества в правление

ман В. Рецепция римского права. СПб., 1888; Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. М., 1910; Марей А.В. К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII—XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96—102; Полдникова Д.Ю. Договорные теории классического *ius commune* (XIII—XVI вв.). М., 2011 и др.

³ См., напр., об этом: Мартинес Мартинес Ф. Когда Европа была единой. Общее право, стиль итальянский, стиль французский и кастильское приложение // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 143—162.

⁴ См., напр.: Larraona A., Tabera A. El Derecho justiniano en España // Atti del Congresso Internazionale di Diritto Romano (Bologna e Roma, XVII—XXVII Aprile MCMXXXIII). Bologna. Vol. 2. Pavia, 1935. P. 83—182; García y García A. Derecho común en España: los juristas y sus obras. Murcia, 1991; García y García A. El derecho común en Castilla durante el siglo XIII // Glossae. 1993—1994. N. 5—6. P. 45—74; Pérez Martín A. El Derecho procesal del «Ius commune» en España. Murcia, 1999.

королей Фернандо III Святого (1217–1252), окончательно объединившего две исторические области в границах единого государства⁵, и продолжателя его дела Альфонсо X Мудрого (1252–1284), давшего начало кастильскому «ренессансу XIII века»⁶. На несколько десятилетий Кастилия и Леон из провинции Латинского Запада превратились в один из ключевых центров политической и культурной жизни. И не в последнюю очередь это было связано с началом становления традиции ученого права и университетского преподавания.

При всей очевидной важности этого процесса, его исследование со пряжено со значительными трудностями, связанными с недостатком и спецификой источников проблемы, на что, в частности, уже в 1960-х гг. обращал внимание испанский медиевист В. Бельтран де Эредиа. По его наблюдениям, применительно к периоду до второй половины XV — начала XVI в. документальные свидетельства по истории испанских университетов почти отсутствуют даже в архиве старейшего университета — Саламанкского, начало истории которого принято относить к первым десятилетиям XIII в. Историк отмечает, что число папских булл, касающихся этого учреждения, датируемых периодом до 1500 г., не превышает 12; почти столь же незначительно и количество датируемых тем же периодом привилегий; сохранившиеся регистры университетских документов содержат информацию об актах, составленных начиная с 1464 г., причем далее следуют две большие лакуны (для 1480–1503 и 1513–1526 гг.). Что же касается других испанских собраний средневековых материалов, то там хранятся лишь отдельные документы по интересующей нас проблеме, и они не позволяют составить общей картины (причем последние также относятся к периоду около 1500 г. и позднее).

На этом фоне особое значение приобретают коллекции документов из папских собраний. И действительно, они относительно богаты: В. Бельтран де Эредиа сообщает о хранящихся в Ватиканском архиве регистрах папских булл, в числе которых следует выделить, прежде всего, регистр «Ходатайства» (*Súplica*). К этому регистру восходят все остальные — Ватиканский, Авиньонский, Латеранский, «Писем» (*Breves*), содержащие сведения о документах по истории университетов. Кроме того, ограниченная инфор-

⁵ См., напр.: *González Jiménez M.* Fernando III el Santo. El rey que marcó el destino de España. Sevilla, 2006.

⁶ См., напр., об этом: *Emperor of Culture. Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance* / Ed. by R. Burns. Philadelphia (Penn.), 1990; *Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio* / Coord. por Miguel Rodríguez Llopis. Barcelona, 2001; *González Jiménez M.* Alfonso el Sabio. Barcelona, 2004.

Фернандо III Святой. Средневековая миниатюра

мация содержится в некоторых других фондах архива, прежде всего — в регистрах Апостольской Палаты (*Introitus et Exitus, Solutiones et Obligationes, Collectoriae, Diversa cameralia*) и др. Однако и здесь период XIII — середины XIV в. почти не представлен: большая часть выявленных свидетельств относится к периоду после 1400 г.

К тому же содержание папских булл, отраженное в регистре, не отличается особым разнообразием. Оно включает информацию, главным образом, о материальном обеспечении профессоров и студентов, и лишь затем (и в гораздо меньшей степени) — о тематике учебных курсов, порядке получения ученых званий и должностей, судебных тяжбах, в которых были вовлечены профессора и студенты, и т.п.⁷ Таким образом, «за бортом» папской университетской документации оказывается весьма существенный круг сюжетов, причем даже тех, присутствия которых, казалось бы, следовало ожидать. В их числе — важные детали, касающиеся персонального состава профессорского и студенческого корпуса, особенно — светской его части (90% папской документации касается лиц из среды духовенства — секулярного и регулярного клира), организации процесса преподавания, внутренних писаных и неписаных законов и норм, определявших течение университетской жизни, и др.

Желание разобраться в этих вопросах, прежде всего, заставляет уточнить постановку проблемы. Не имея возможности рассматривать исто-

⁷ Beltran de Heredia V. Bulario de la Universidad de Salamanca (1219–1549). Vol. 1. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1966. P. 13–19.

рию ранних университетов Кастилии и Леона исключительно (или главным образом) по материалам их собственных архивов, мы вынуждены отталкиваться от общих моделей. Прежде всего — от той, которая сложилась в болонской *alma mater studiorum* во всех возможных смыслах этого слова. Начавшись в Болонье, процесс формирования университетов в дальнейшем переступил за Альпы и двинулся далее — в том числе в юго-западном направлении — к Монпелье, и далее — южнее Пиренеев. Именно поэтому ниже я буду говорить главным образом о судьбах болонской модели университетской организации, включив в круг источников свидетельства болонского происхождения, как документальные, так и изобразительные.

Помимо документов *stricto sensu*, значительную информацию содержат источники иных видов. В первую очередь я имею в виду тексты правовые, главным образом — специально посвященный университетам титул Part.II.31 в составе «Семи Партий» Альфонсо X, отражающий представления кастильского законодателя XIII — первой половины XIV в. об идеальном учебном заведении университетского типа, на значение которого для формирования испанского законодательства о высшем образовании еще в конце XIX в. указывал В. де Ла Фуэнте⁸. Явно недостаточно изученными остаются также материалы, имеющие прямое отношение к сфере университетского преподавания, часть из которых, несомненно, имеет болонское происхождение, прежде всего — рукописные версии Корпуса Юстиниана в его средневековой редакции⁹.

Априори ясно, что подобное расширение круга источников хотя и позволяет существенно детализировать наши представления о раннем периоде истории кастильских и леонских университетов, но также неспособно дать полную информацию о предмете исследования. По меньшей мере, однако, следя намеченным выше путем, можно уточнить постановку проблемы и наметить пути дальнейших поисков, в первую очередь — архивных.

⁸ La Fuente y Condón V. Historia de las universidades, colegios y demás establecimientos de enseñanza en España. T. 1. Madrid, 1884. P. 107–112.

⁹ Единственная известная мне публикация на эту тему — издание трех паленсийских *lecturae*: *De appellatione* (не позднее 1187 г.), *De recusatione iudicis* (не позднее 1181 г.) и *De testibus* (не позднее 1181 г.), принадлежащих перу болонского гlosсатора Уголино де Сеско (ум. после 1233 г.), оригинал которых находится в Библиотеке Каталонии (ms.55). См.: Martínez Díez G. Tres lecciones del siglo XII del Estudio General de Palencia // AHDE. 1990. T. 60. P. 391–449.

1. Люди: из Кастилии в Болонью, из Болоньи в Кастилию

1.1. Студенты из Кастилии и Леона в Болонье: от *natio Hispana* к Испанскому коллегию

История учреждений начинается с людей, и университет не является исключением из этого общего правила. В данном случае можно уверенно сказать, что первые связи Кастилии и Леона с далекой Болоньей проложили кастильские и леонские студенты, обучавшиеся в Болонском университете. Эти связи не прекратились и позднее, ближе к середине XIV в., когда они

Болонский университет. Гравюра П. Памфили. Конец XVIII в.

получили отражение в папских документах. Несмотря на то, что к этому времени университеты существовали уже и на испанской земле — как в Кастилии и Леоне, так и в Арагон-Каталонии, для кастильцев и леонцев образование в Болонье сохраняло свою привлекательность. Во всяком случае, это хорошо видно в случае клириков, о которых только и позволяют судить регистры папской канцелярии.

Некоторые из них, начав высшее образование на родине, в дальнейшем продолжали его в Болонье, а иногда и в других университетах Италии. В частности, именно так в 1340-е гг. поступил некий Хуан де Ривадавия, диакон из Туйской епархии, учившийся грамматике и логике в Саламанке, а затем — каноническому праву в Перудже и Болонье¹⁰.

¹⁰ Bull. Salam. P. 357, doc. no. 53 (a. 1344, Avignon): Qui a longis retroactis temporibus tam in grammatical et logical facultatibus in Salamantin, quam etiam et in jure canon. in Perusin. et Bononien. studiis pro adipiscenda scientia multipliciter insudavit.

Возможны были и иные варианты карьеры, также завершившиеся в *alma mater studiorum*. Так, некий магистр Фернандо начал свое образование в Париже (где достиг уровня лиценциата искусств), а продолжил в Болонье, где стал врачом; все это позволило ему получить должность каноника и пребендю в Сеговийской епархии¹¹. В дальнейшем особо успешные кастильские и леонские студенты могли даже достичь статуса профессора Болонского университета, как это видно в случае лиценциата канонического права Хуана Санчеса, в последней четверти XIV в. получившего каноникат и пребендю в Толедо¹².

Однако большинство документов, в которых фигурируют кастильские и леонские клирики, ставшие студентами в болонской *alma mater*, не упоминают о их предшествующем образовании. Эти лица (как правило, через посредство влиятельных покровителей, наличие которых можно предполагать даже в тех случаях, когда их имена не упоминаются) либо перед началом учебы, либо уже будучи болонскими студентами, просят предоставить им церковные должности (как правило — каноникаты), пребенды, престимонии и другие права на извлечение части доходов, причитающихся соответствующим церковным учреждениям, что обеспечило бы им материальные возможности для жизни и учебы в Болонье. В качестве специализации такие лица, как правило (хотя и не всегда), предсказуемо выбирали для себя цивильное или каноническое право. Типичный пример такого рода — некий Фернандо Санчес, родственник кардинала Педро Гомеса, которому влиятельный родственник в 1343 г. сумел выхлопотать должность каноника Толедского собора и соответствующую пребендю, что позволило молодому человеку не только учиться в Болонье, но и претендовать там на получение докторской степени¹³.

Впрочем, далеко не все влиятельные кастильские клирики стремились пристроить своих протеже в Болонье. Саламанка уже в середине XIV в. считалась совсем неплохим местом учебы: не случайно там учился некий Ордоньо Родригес де Вильякирана, родственник основателя болонского Коллегия Святого Климента, толедского архиепископа Хиля Альвареса де

¹¹ Bull. Salam. P. 391, doc. no. 93 (a. 1357, Avignon): Orator vester magister Fernandus de Salamanca, licentiatus Parisiis in artibus et Bononiae in medicina. Подобный же пример см.: Ibid. P. 525, doc. no. 264 (a. 1394, Avignon).

¹² Bull. Salam. P. 423–424, doc. no. 148 (a. 1375): Per diversa tempora in decretis in studio Bononien. legisti.

¹³ Bull. Salam.: P. 347–348, doc. no. 40 (a. 1343, Avignon); Ibid. P. 353–354, doc. no. 48 (a. 1343, Avignon): Possis usque ad quadriennium jura civilia audite et legere ac in eis honorem recipere doctoratus.

Альборнос-и-Луна (ок. 1310–1367), примаса Испании, а позднее — сабинского (Римская область) епископа-кардинала и папского легата в Италии (1353–1357 и 1362–1367 гг.). Как следует из документа, отраженного в папском регистре «Ходатайств», Ордоньо Родригес отличался буйным нравом и в схватке с одним из своих товарищей отсек ему мечом два пальца на левой руке, за что был лишен своих церковных бенефиций. Впрочем, с течением времени могущественный покровитель сумел добиться восстановления своего родственника в правах¹⁴.

Приведенные примеры в полной мере характеризуют общую тенденцию, которую на значительном документальном материале показал видный современный испанский историк права А. Перес Мартин. По его данным, применительно к периоду XII — середины XIV в. в Болонье обучалось или преподавало не менее 22 юристов (как канонистов, так и цивилистов) испанского происхождения¹⁵; кроме того, по меньшей мере два испанца в тот же период изучали там же неюридические дисциплины — богословие и логику¹⁶.

Начиная со второй половины XIV столетия история испанского (в том числе — кастильского и леонского) присутствия в Болонье связана с основанием в 1364 г. Испанского коллегия при Болонском университете, инициатором которого стал уже упоминавшийся кардинал Хиль де Альборнос. История этого выдающегося образовательного и научного центра выходит за рамки настоящего исследования, тем более что посвященная ему литература весьма значительна¹⁷. Мне важен уже сам факт существования этого учреждения, ставшего испанским форпостом в Болонье начиная с момента своего основания. Не затрагивая материалов из архи-

¹⁴ Bull. Salam. P. 349–350, doc. no. 42 (a. 1343, Avignon): Olim existens in studio Salamantin. et quidam socius ejus Johannes nomine, operante humani generis inimico, devenierunt ad rixam, et evaginatis gladiis hic et inde, dictus Ordonius dictum J. invasit, in qua invasione dictus J. duos manus sinistrae, videlicet medium et medicum, et nichilominus quidam alias Petrus nomine qui dicto O. In dicta rixa juvabat, auricularem occasionaliter digitos amiserunt.

¹⁵ Pérez Martín A. *Españoles en el Alma Mater Studiorum. Profesores hispanos Bolonia (de fines del s.XII a 1787)*. Murcia, Salamanca, 1998. P. 29–39.

¹⁶ Ibid. P. 91.

¹⁷ Общую библиографию работ А. Переса Мартина, посвященных истории Коллегия Святого Климента см.: Pérez Martín A. *Españoles en el Alma Mater Studiorum...* P. 7. См. также: García Valdecasas J.G., Vanderwilde A. *Italia en España, Bolonia en don Gil // España y Bolonia: siete siglos de relaciones artísticas y culturales* / Ed. por J.L. Colomer, A. Sierra Desfilis. Madrid, 2006. P. 9–16; Serra Desfilis A. *El Colegio de España en Bolonia y la arquitectura universitaria del primer Renacimiento en Italia y España // Ibid. P. 17–30; Medica M. Il cardinale Albornoz e l'parte bolonese del Trecento // Ibid. P. 49–64.*

вов самого Коллегия¹⁸, ограничусь лишь одним документом — списком (*rotulus*) членов Коллегия Святого Климента (студентов, бакалавров, магистров), датированным 1388 г. и зафиксированным в папском регистре «Ходатайства». Он включает 27 имен (напомню, что в папских регистрах фигурируют почти исключительно духовные лица), в числе которых — каноники из Севильи, Куэнки, Паленсии, Осмы, Бургоса, Сегорбе, Овьедо, Толедо, Кордовы, Хаэна, Калаорры, а также из Арагона (Майорка) и Португалии (Лиссабон, Сантарен). Специализация указана далеко не всегда, однако показательно и то, что есть: «искусства» (*artes*), богословие, каноническое и цивильное право¹⁹.

И этот список — далеко не единственный документ такого рода²⁰, позволяющий представить, сколь основательно и серьезно испанская колония обустроилась в Болонье во второй половине XIV в. Тонкий ручеек выходцев из-за Пиренеев, устремившихся за знаниями в *alma mater studiorum* начиняя с конца XII в., к концу периода превратился в полноводную реку. При этом, сколь бы многочисленным и влиятельным ни становилось испанское землячество (*natio Hispana*) непосредственно в Болонье, оно сохраняло тесные связи с родной землей: не случайно и в конце XIV в. ректор Коллегия продолжал числиться в ряду кастильских клириков в качестве каноника Бургосской епархии с соответствующими пребендами, престимониями и иными правами²¹.

1.2. Из Болоньи в Кастилию: болонские легисты при дворе Альфонсо X

Приток испанцев — студентов, бакалавров, магистров, а затем и профессоров — в болонский *alma mater studiorum* определял, однако, лишь один вектор кастильско-болонских взаимосвязей эпохи рецепции *ius commune*: документы фиксируют и движение в обратном направлении — из Болоньи. Уже в конце XII столетия популярность Болонского университета к югу и к северу от Альп была столь значительна, что заставляла городские власти, крайне заинтересованные в сохранении и процветании университета,

¹⁸ Круг этих источников столь обширен, что несомненно требует специального исследования, подобного осуществленному А. Пересом Мартином. Обзор источников по истории Коллегия, в том числе фондов его архива, см., напр.: Pérez Martín A. Españoles en el «Alma Mater Studiorum»... Р. 11–14.

¹⁹ Bull. Salam. P. 428–430, doc. no. 154 (a. 1388, Avignon).

²⁰ См., напр.: Ibid. P. 420, doc. no. 142 (a. 1373, Villanueva); P. 421, doc. no. 144 (a. 1375, Avignon); P. 476, doc. no. 197 (a. 1390, Avignon) etc.

²¹ Bull. Salam: P. 515, doc. no. 243 (a. 1394, Avignon).

Болонские студенты немецкой «нации» (землячества). Миниатюра XV в.

ской корпорации, принимать особые меры во избежание «расползания» профессорского корпуса, в то время как представители последнего все внимательнее относились к приглашениям преподавать за пределами города, порой вдалеке от Болоньи и даже от Италии вообще.

Именно эту тенденцию фиксируют некоторые документы, содержание которых получило отражение в университете картулярии. Первый из них датируется 31 октября 1198 г., когда некий *doctor* Джованни торжественно поклялся на Евангелиях, что впредь не будет преподавать студентам цивильное право иначе как в Болонье, причем, помимо прочего, запрещалось консультировать студентов из других городов, давать им для ознакомления свои научные труды и даже разрешать присутствовать при чтении лекций. О значимости события говорит тот факт, что оно произошло в собрании всех болонских граждан, в присутствии подеста Умберто, судьи Уголино де Гозио, стряпчих Пьетро да Романчио, Родальдо Рубео, Пальмерио и других должностных лиц²².

С начала XIII в. такие клятвы стали приноситься все чаще, число их участников возрастало, а местом церемонии становились уже не частные

²² Chart. Bonon. P. 8–9, doc. no. VI (a. 1198): «..in pontili hospitii domini Uberti Bononie potestatis, coram domino Ugolino de Gosio iudice, Petro de Romancio, Rodaldo Rubeo, Palmerio causidicis et aliis multis, dominus Johannis preceptor tactis sacrosanctis evangelii iuravit quod de cetero in aliquam aliam terram non leget scientiam legum scolaribus, nisi in Bononia, et quod non dabit operam nec consilium nec auditorium». См. также: Ibid. P. 9–10, doc. no. VIII (a. 1199).

дома, а Дворец коммуны. Помимо подеста и судей, в них стали принимать участие нотарии и свидетели из числа видных болонских граждан²³. А вот во второй половине столетия такого рода документы неожиданно исчезли: число конкурирующих с Болоньей университетов к этому времени оказалось столь велико, что простого ограничения мобильности профессоров стало явно недостаточно. Болонский *studium* в лице своих лучших представителей стал искать иные пути для сохранения положения своей *alma mater* как ведущего университета латинской Европы.

Именно в этот период в Кастилии и Леоне в правление Фернандо III обосновалась группа болонских легистов — как профессоров, так и воспитанников Болонского университета, заложившая основы ученого права в Кастильско-Леонском королевстве. Имена большинства из них остались неизвестными, за исключением четырех — магистра Рольдана,leonского нотария Хуана Альфонсо, Фернандо Мартинеса из Саморы, но в первую очередь — Джакобо Бонаджунто (в Кастилии превратившегося в Хакобо Законника (*Jacobo de las Leyes*))²⁴. Именно они создали в Кастилии и Леоне настоящую «мастерскую»²⁵ по изготовлению памятников ученого права, в соответствии с принципами, выработанными в рамках традиции *ius commune*. Создававшееся легистами новое кастильское право становилось важнейшим средством масштабных социально-политических преобразований, инструментом строительства основ государственности, которую в испанской историографии принято называть «корпоративной»²⁶. Речь идет о сословном централизованном государстве Раннего Нового времени, путь к которому был начат политическими и интеллектуальными усилиями Фернандо Святого и Альфонсо X Мудрого и который завершился лишь при правление старших испанских Габсбургов.

²³ Chart. Bonon. P. 16–17, doc. no. XVII (a. 1213); P. 21, doc. no. XXI (a. 1216); P. 23–24, doc. no. XXV (a. 1218); P. 30, doc. no. XXXIV (a. 1220) et al.

²⁴ См., напр., об этом: *Calasso F. Medioevo del diritto...* P. 615–616; *Ríaza R. Historia de la literatura jurídica española*. Madrid, 1998. P. 43–45; 95–101.

²⁵ Об «Альфонсовой мастерской» (выражение И. Фернандес-Ордоньес) как центре изготовления рукописей и текстов см., напр.: *Fernández-Ordoñez I. El taller historiográfico alfonsí. La Estoria de España y la General estoria en el marco de las obras promovidas por Alfonso el Sabio // El Scriptorium alfonsí: de los Libros de Astrología a las «Cantigas de Santa María» / Coord. por J. Montoya y A. Rodríguez*. Madrid, 1999. P. 105–126; *Idem. El taller de las Estorias // Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España /Ed. por I. Fernández Ordoñez*. Valladolid, 2001. P. 61–82.

²⁶ См., напр., об этом: *Maravall J.A. Del régimen feudal al régimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // Idem. Estudios de historia del pensamiento español. Part. 1*. Madrid, 1983. P. 97–145.

Саламанка. Портал малого коллегия университета. Гравюра XIX в.

Главным памятником нового права стали знаменитые «Семь Партид» (изначально — *Fuero de las Leyes*) (1256—1265²⁷) Альфонсо X Мудрого. Помимо них трудами болонских легистов были созданы «Зерцало» (*Especulo*) (1252—1255), свод из пяти частей, предназначенный для королевских судей, а также четырехчастное «Королевское фуэро» (1252—1255), которое должно было стать моделью для унификации местного (форального) права. Следует отметить также относящийся к тому же периоду (середина XIII в.) «Мурсийский кодекс» «Фуэро Хузго» — наиболее ранняя кастильская редакция «Вестготской правды» («Книги приговоров»); переложение латинского текста V—VII вв. на кастильский язык было проведено по указанию Фернандо III и представляло собой не только перевод, но и интерпретацию оригинала²⁸. В начале следующего, XIV столетия эту линию продолжили «Законы о стиле» (*Leyes del Estilo*), связанные по содержанию с «Королевским фуэро» и целиком написанные Фернандо Мартинесом из Саморы²⁹.

²⁷ Обзор историографии «Семи Партид» см.: Марей А.В. Язык права средневековой Испании... С. 27—39. Традиционная датировка времени создания памятника подвергается обоснованным сомнениям; в частности, Х. Санчес-Арсилья Берналь датирует завершение процесса составления памятника лишь второй четвертью XIV в. См., напр., об этом: Там же. С. 14—23.

²⁸ Подробнее см. об этом: *Mencé C. Fuero Juzgo (Manuscrit Z.III.6 de la bibliothèque de San Lorenzo de Escorial)*. Vol. 1. Paris: Septentrion, Presses universitaires, 1996. P. 3—4.

²⁹ *Leyes del Estilo // Códigos españoles*. T. 1. Madrid, 1847. P. 301—344.

К этим выдающимся памятникам следует добавить также ряд правовых трактатов, теоретических произведений более частного характера. В их числе — написанные на кастильском языке ученые сочинения по процессуальному праву Хакобо-Законника («Цветы права», «Учебник» (*Doctrinal*), «Сумма о девяти временах тяжб»)³⁰, Фернандо Мартинеса из Саморы («Золотая сумма о порядке судопроизводства» и, возможно, «Жемчужина тяжб»)³¹, а также анонимные латинские тексты того же жанра *Iudex debet citare, Ad summam notitiam* и др.³² В совокупности все это обширное законодательное и теоретико-правовое наследие заставляет рассматривать королевский двор как важнейший центр распространения нового права и болонской академической культуры в целом. Но одним только двором дело не ограничилось; не меньшее значение имела преемственность болонской дидактической традиции, о которой ниже.

1.3. Болонская модель и становление первых университетов в Кастилии и Леоне (XIII—XIV вв.)

В исследованиях по истории испанских средневековых университетов общим местом стала констатация факта прямой зависимости первых университетов Кастилии и Леона (и в первую очередь — университета в Саламанке) от Болонского университета. Эта зависимость, сохранившаяся на всем протяжении XIII—XIV вв., проявилась в близости или даже идентичности модели организации университета, прослеживавшейся вплоть до мелочей. Совпадали даже даты начала и окончания учебного года — соответственно, день святого Луки (18 октября) и 7 сентября следующего года, — тогда как, например, в Париже год начинался со дня Вознесения Святого Креста (14 сентября)³³. Упоминание о Болонье встречается уже в первых документах, касающихся Саламанки. Так, в 1255 г. Папа Александр IV постановил, чтобы ученые степени, присвоенные Саламанкским университетом, признавались повсюду, кроме Парижа и Болоньи, тем самым поставив молодой леонский *studium* непосредственно за ведущими университетскими центрами

³⁰ См.: Ureña y Smeraud R. de, Bonilla y San Martín A. Obras del Maestro Jacobo de las Leyes, jurisconsulto del siglo XIII. Madrid, 1924.

³¹ См.: Cerdá Ruiz Funes J. «Margarita de los pleitos» de Fernando Martínez de Zamora. Texto procesal del siglo XIII // AHDE. 1950. T. 20. P. 634—738.

³² Pérez Martín A. El Derecho procesal del «Ius commune» en España. Murcia, 1999.

³³ См., напр., об этом: Beltrán de Heredia V. Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218—1600). T. 1. Salamanca, 1970. P. 190—194 ss.

Альфонсо IX Леонский. Миниатюра XIII в.

Латинского Запада³⁴. Такое начало выглядит весьма многообещающим. Тем более что Саламанкский университет к середине XIII в. был отнюдь не единственным в Кастилии и Леоне, и даже не первым.

Первым *studium generale* (дословно — «общим училищем») принято считать созданный по инициативе короля Кастилии Альфонсо VIII студиум в Паленсии; его возникновение датируется временем около 1208 г. (хотя Г. Мартинес Диэс оспаривает эту датировку, говоря о более ранней³⁵). Несколько позднее правитель Леона Альфонсо IX положил начало университету в Саламанке (1218–1219 гг.), хотя настоящая история университета началась при Альфонсо X Мудром, по существу создавшем университет заново. Он же основал училища в Севилье (1254 г.; 1260 г. — утверждение *breve* Папой Александром IV), Вальядолиде (1260-е гг.; официальный статус — лишь с 1346 г.) и в Алькала-де-Энарес (середина XIII в.)³⁶.

Считается, что история большинства этих училищ оказалась весьма кратковременной: Паленсийский студиум действовал до середины XIII в.,

³⁴ Bull. Salaman. P. 322–323, doc. no. 15 (a. 1255, Anagni): ... postquam aliquis magistrorum vel scholarium in Salamantino studio in quacumque facultate, examine legitimo praecedente, inventus fuerit idoneus ad regendum, in quolibet generali studio, Parisiensi et Bononiensi dumtaxat exceptis, in facultate ipsa pro qua ibi semel examen subiit, sine iterato examine ac aliquid contradictione regere valeat....

³⁵ Martínez Díez G. Tres lecciones del siglo XII del Estudio General de Palencia... P. 391–392.

³⁶ См., напр., об этом: Tamayo y Salmonán R. La Universidad: epopeya medieval. Notas para un estudio sobre el surgimiento de la universidad en el Alto Medioevo. Mexico, 2005. С. 94–97.

Севильский — до 1270-х гг., а училище в Алькале уже к началу XIV в. прекратило существование и было вновь воссоздано лишь в 1499 г.³⁷ Однако это не совсем так. Судя по сохранившимся (к сожалению, весьма ограниченным) данным, в 1263 г. Папа Урбан IV предпринял попытку восстановления университета в Паленсии. Обращаясь к местному епископу и капитулу, он призывал их всячески способствовать этому и пожаловал паленсийским магистрам и студентам такие же привилегии (*privilegiis, indulgetiis, libertatibus et immunitatibus*), которыми обладали магистры и студенты Парижского и ряда других университетов³⁸. Столетием позднее, в 1372 г., в документах упоминается о преподавании грамматики и «искусств» «в Паленсийском училище» (*in studio Palentin.*), причем лицо, исполнявшее эти функции, имело ранг магистра³⁹.

То же можно сказать и о Севильском студиуме, в котором при Альфонсо X преподавались латинский и арабский языки: булла Папы Александра IV (1260 г.), подобно университету, именовала это учебное заведение *generale studium*, а его преподаватели и учащиеся надеялись правом взимать доходы со своих префектов и церковных бенефициев так же, как это делают профессора и студенты других учреждений университетского типа⁴⁰. Затем академическая жизнь в Севилье явно пошла на спад, однако и в середине XIV в. там спорадически преподавались серьезные дисциплины, в частности — каноническое право⁴¹. Причем это еще не все, поскольку каноник Хуан Лопес, который читал эту дисциплину, получил каноникат в Кордове — городе, где именно в это время существовала собственная школа, возможно, связанная с севильской. Сохранившиеся о ней сведения весьма скучны, но не подлежат двоякому толкованию. Так, под 1343 г. в папских регистрах фигурирует некий магистр «искусств» Диего Альфонсо де Вильямайор, позднее назначенный папским нотарием (последнее заставляет предположить, что этот лицо имело и юридическую квалификацию)⁴². Четыре десятилетия спустя в том же городе преподавал еще один юрист — Хуан Фернандес де Фриас,

³⁷ Ibid.

³⁸ Bull. Salam. P. 326, doc. no. 20 (a. 1263, Orvieto). Эта норма не принесла плодов, и после 1263 г. упоминания об университете в Паленсии исчезают. См.: Fuente Pérez M.J. El monte Helicon. El studium generale de Palencia y los inicios de la Universidad /Lección Inaugural del Curso Académico 2012–2013. Valladolid: Universidad de Valladolid, 2012.

³⁹ Bull. Salam. P. 419, doc. no. 140 (a. 1372, Avignon).

⁴⁰ Bull. Salam. P. 323–324, doc. no. 17 (a. 1260, Anagni).

⁴¹ Bull. Salam. P. 365, doc. no. 69 (a. 1349, Avignon): «qui alias legit de jure canonico in civitate Hispalen».

⁴² Bull. Salam. P. 350, doc. no. 43 (a. 1343, Villanueva): «in Cordubén. civitate de artibus actu regentis».

Папа римский Урбан IV. Гравюра XVII в.

певчий Кордовской епархии, который в 1386 г. получил право сдать магистерский и докторский экзамен в Саламанке⁴³.

Впоследствии академическая жизнь в этих учреждениях, знавшая периоды подъемов и спадов, так и не достигла университетского уровня. Однако приведенные выше разрозненные упоминания все равно имеют первостепенную важность, поскольку свидетельствуют о живучести семян, посаженных Болоньей. Даже там, где по каким-либо причинам преподавание прекращалось, сохранялись как минимум представления о высоком статусе и авторитете как самого профессора, так и приносимого им знания. Этот своеобразный «латентный» спрос на ученость актуализировался при первой реальной возможности, когда в соответствующем месте появлялся квалифицированный преподаватель.

Подчеркну — *преподаватель*, а не учреждение, поскольку в первую очередь университет был именно совокупностью людей, корпорацией профессоров и студентов — собственно, *universitas*⁴⁴. Там, где по тем или иным (не всегда понятным современному исследователю) причинам такие корпорации не складывались, все попытки вдохнуть жизнь в учреждения — «учи-

⁴³ Bull. Salam. P. 462–463, doc. no. 178 (a. 1386, Avignon).

⁴⁴ La Fuente y Condón V. Historia de las universidades... P. 76–106; Calasso F. Medioevo del diritto... P. 510–515; Riaza R. Historia de la literatura jurídica española... P. 83–84; Magallón Ibarra J.M. El renacimiento medieval de la jurisprudencia romana. Mexico, 2002. P. 94–104; A History of the University in Europe. Vol.1: Universities in the Middle Ages. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1992. P. 54–55, 63–65. Общий обзор источников по истории первых кастильских и леонских университетов см.: Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte / Herausgegeben von H. Coing. Bd.1: Mittelalter (1000–1500). München, 1973. S. 98, 116, 1226, 126.

лища» (*studia*) или «общие училища», совокупность отдельных школ (*studia generalia*), — бывали обречены на неудачу. Представляется, что именно таковой была судьба Паленсийского *studium*. Восстановить его поочередно пытались Папы Гонорий III в 1220–1225 гг.⁴⁵ и Урбан IV в 1263 г.⁴⁶, однако безрезультатно: по неизвестным нам причинам корпорации не возникало; не помогали обращения ни к королям, ни к знати, ни к паленсийскому епископу и клиру. Все происходило как будто бы в соответствии с известными словами Фукидида: «Город — это люди, а не стены...»⁴⁷: без сплоченного академического сообщества университета не складывалось.

В Саламанке же, пусть и не сразу, все пошло по-иному. Поначалу университет, основанный в первые десятилетия XIII в. королем Леона Альфонсо IX, захирел и не возродился в 1240-х гг., несмотря на попытки реанимировать его, предпринятые Фернандо III⁴⁸. Тем не менее Альфонсо X удалось добиться этого позднее, в 1255 г., при активной поддержке Папы Александра IV⁴⁹. Нам неизвестно, каким образом в Саламанке оформилась университетская корпорация. Мы знаем лишь, что 15 июля 1255 г. понтифик, находившийся в тот момент в Ананьи, не только упомянул в своей грамоте саламанкскую академическую корпорацию (обратившись к *universitati magistrorum, rectorum et scholarum Salamantin.*), но и пожаловал ей право иметь и использовать собственную печать⁵⁰.

В тот же день саламанкская *universitas* получила право не подчиняться постановлениям папских легатов об отлучении ее членов от Церкви: принятие подобных решений Александр IV зарезервировал исключительно за собой, еще раз подтвердив это буллами, изданными в сентябре того же года; в конечном итоге право отлучать от Церкви студентов и профессоров было зарезервировано за особым папским представителем при университете⁵¹. Тогда же, в сентябре 1255 г., для повышения статуса вновь воссозданной

⁴⁵ Bull. Salam. P. 308, doc. no. 2 (a. 1220, Laterano); P. 309, doc. no. 3 (a. 1221, Laterano); P. 309–311, doc. no. 4 (a. 1225, Laterano).

⁴⁶ Bull. Salam. P. 326, doc. no. 20 (a. 1263, Orvieto).

⁴⁷ Thucyd. VII.77.7: «ἄνδρες γὰρ πόλις καὶ οὐ τείχη».

⁴⁸ Historia de la Universidad de Salamanca /Coord. por L.E. Rodríguez-San Pedro Bezares. T.2. Salamanca, 2004. P. 111.

⁴⁹ Bull. Salam. P. 319–320, doc. no. 10 (a. 1255, Napoli): «...generale studium statuisti et ut generale studium a doctoribus et docentibus in posterum frequentetur, humiliter postulasti a nobis apostolico id munime roborari».

⁵⁰ Bull. Salam. P. 320, doc. no. 11 (a. 1255, Anagni).

⁵¹ Bull. Salam. P. 320–321, doc. no. 12 (a. 1255, Anagni): «universitati magistrorum, rectorum et scholarium»; см. также: Ibid. P. 321, doc. no. 13 (a. 1255, Anagni); P. 321–322, doc. no. 14 (a. 1255, Anagni).

корпорации, Папа приравнял присваемые ею ученые степени к аналогичным степеням других университетов, поставив выше Саламанки (как уже отмечалось) лишь Болонью и Париж⁵². Еще через месяц, по просьбе Альфонсо X, для привлечения студентов во вновь воссозданный университет Александр IV разрешил изучать там цивильное право всем кастильским клирикам, за исключением регулярных⁵³.

С этого времени история корпорации не прерывалась уже ни на день, о чем наглядно свидетельствуют как немногочисленные ранние документы из университетского архива, так и регистры папской канцелярии. Изучение этих неопубликованных источников целесообразно продолжать и далее: фундаментальные публикации В. Бельтрана де Эредиа⁵⁴ отнюдь не исчерпали информационных возможностей Ватиканских архивов. И все же применительно к периоду до середины XIV в. сложно ждать сенсационных открытий, способных полностью переменить наш взгляд на раннюю историю университетов Кастилии и Леона: основные эвристические возможности соответствующих фондов исчерпаны. Не сулит перспективы новых находок и архив болонского Коллегия Святого Климента, детально исследованный А. Пересом Мартином.

Однако это вовсе не означает, что искать нечего: просто делать это надо в другом месте.

2. Книги: рукописные версии «Книги феодов» в Кастилии и Леоне XIII–XIV вв.

2.1. Болонья как *alma mater librorum*⁵⁵

Широко известно высказывание латинского грамматика Теренциана Мавра: «Книги имеют свою судьбу, в зависимости от того, как их принимает читатель»⁵⁶. В полной мере оно справедливо и для книги универ-

⁵² Bull. Salam. P. 322–323, doc. no. 15 (a. 1255, Anagni).

⁵³ Bull. Salam. P. 323, doc. no. 16 (a. 1255, Anagni).

⁵⁴ См.: *Bulario de la Universidad de Salamanca (1219–1549)* / Publ. por V. Beltran de Heredia. Vol. 1–2. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1966; *Beltrán de Heredia V. Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218–1600)*. T. 1–6. Salamanca, 1970–1972.

⁵⁵ О происхождении выражения см.: *Alma mater librorum. Nove secoli di editoria bolgnese per l'Università*. Bologna, 1988.

⁵⁶ Pro captu lectoris habent sua fata libelli. См.: Terentianus Maurus. *De syllabis (etiam metrika ratione)*. 1286 //Terentiani Mauri De litteris, de syllabis, de metris /Introduzione, testo critico e traduzione per C. Cignolo. Hildesheim, Zürich, New York, 2002. P. 93 (Corpus Grammaticorum Latinorum. URL: <http://kaali.linguistjussieu.fr/CGL/text.jsp?id=T66> (дата обращения: 24.11.2014)).

ситетской, вне которой возникновение и функционирование средневековых *studia generalia* было бы невозможным. В контексте настоящего исследования особенно важен тот факт, что история распространения традиции ученого права в XIII–XIV вв. в значительной степени являлась и историей рукописных книг, которые изготавливались в болонских университетских скрипториях и расходились по всей Латинской Европе. Ведь их востребованность в местах, зачастую весьма удаленных от Болоньи, определялась рецепцией традиций римско-правовых штудий и преподавания нового права. Профессора и лицензиаты, покидавшие Болонью, везли с собой книги, остававшиеся там, куда вместе с ними приходила традиция *ius commune*.

Применительно к периоду XIII–XIV вв. мы хорошо знаем об этом из актового материала, обязанного своим происхождением проявлению нового типа учебных заведений в пиренейских странах. Спрос на книги, прежде всего на университетские копии Свода Юстиниана — *Corpus Iuris Civilis* (далее — СIC), создавался как преподавателями, так и юристами-практиками. Показательно, в частности, что в Барселоне второй трети XIV в. для того, чтобы получить лицензию на юридическую практику в городе, необходимо было не только предъявить свидетельство о наличии у соискателя профильного образования, но и предъявить полный экземпляр СIC, состоящий из пяти стандартных частей: в противном случае просьбы о предоставлении такой лицензии просто не рассматривались⁵⁷. Данные, полученные исследователями применительно к самым разным регионам Латинского Запада, свидетельствуют, что барселонское требование отнюдь не являлось исключением из правил⁵⁸.

Здесь самое время напомнить, что *Corpus Юстиниана* в его средневековой версии сильно отличался от привычной современным исследователям. Последние воспринимают его по знаменитой реконструкции Т. Моммзена⁵⁹.

⁵⁷ DHUniv.Barc. T. 1. P. 18: ...et qui in eis uti voluerint officio judicandi et advocandi, requiratur et fiat quod ipsi jurisperiti audiverint jura civilia quinque annis et habeant omnes *quinque libros textuales juris civilis cum apparatu ordinario*, et nisi predicta fecerint et habeant, non admittantur in officium judicandi et advocandi in civitate et vicariis Barchinonae et Valesii et baiuliis subiectis baiulie Barchinonae... (doc. n. 12 (a. 1334, Valencia)); Ibid. doc. n. 20 (a. 1359). P. 35–36.

⁵⁸ См., напр., об этом: Nebbiai D. «Leges de voluntariis». Bibliothèques et culture des juristes en Italie d'après les inventaires de livres (XIIIe–XVe siècles) // Juristische Buchproduktion im Mittelalter / Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 677–740.

⁵⁹ Corpus Iuris Civilis. Vol. 1: Institutiones. Digesta; Vol. 2: Codex Iustinianus; Vol. 3: Novellae / Ed. T. Mommsen et al. Berolini, 1872–1895.

Фридрих II. Изображение из его книги «*De arte venandi cum avibus*»
«Об искусстве охоты с птицами»). Конец XIII в.

Однако средневековая версия⁶⁰ была иной. Она включала пять частей (*volumina*), комплектовавшихся следующим образом: *Vol. I — Digestum vetus* (D.I–XXIV.2); *Vol. II — Infortiatum* (D.XXIV.3–XXXVIII.17); *Vol. III — Digestum Novum* (D.XXXIX.1 — L.17); *Vol. IV* (собственно, *Codex* в узком смысле) — большая часть Кодекса Юстиниана (C.I–IX); *Vol. V — «tres libri»* («три книги», т.е. три оставшиеся книги Кодекса (C.X–XII)); Институции Юстиниана; «Authenticum» (латинский перевод Новелл, в том числе — их греческой части в латинских переводах), а также так называемая «Decima collatio» — LF и *constitutiones extravagantes* ряда германских императоров (в том числе «Амальфийские конституции» Фридриха II и текст Констанцского мира 1183 г.); этот пятый том обычно именовали «малым томом» (*Volumen parvum*), либо просто «томом» (*Volumen*), либо, наконец, «Authenticum» (в широком смысле). Свод венчала «Ординарная глосса» — универсальный комментарий, обрамлявший основной текст подобно рамке⁶¹.

⁶⁰ Представление о ней дает издание CIC, подготовленное в 1583 г. французским эрудитом Дени Годфруа (Dionysus Gothofredus) (1549–1622); в настоящей работе использовано переиздание: *Corpus Juris Civilis Romani... cum notis integris Dionysii Gothofredi...* T. 1–5. Neapoli, 1828–1830 (далее — CIC-Gothofredus).

⁶¹ См., напр., об этом: *Calasso F. Medioevo del Diritto. T.1: Le fonti*. Milano, 1954. P. 526–528; *Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte...* S. 156; *Bellomo M. La Europa del Derecho común*. Roma, 1999. P. 69; *Марей А.В. К осмыслинию феномена рецепции римского права: формирование ius commune в Западной Европе в XII–XIV вв....* С. 99–100.

Именно такая версия во множестве копировалась в университетских скрипториях: ведь средневековая Болонья являлась центром книгопроизводства ровно в той же мере, в какой она была центром образования и научных штудий, в первую очередь — в области цивильного и канонического права, но далеко не только⁶². История университетской книги — прежде всего в Болонье — во всем ее многообразии достаточно хорошо изучена. Процесс копирования был там буквально поставлен на поток. Одним из основных центров университетской жизни являлась *statio universitatis* (*statio publica*). «Там дважды в неделю ректоры университета проводили судебные собрания, там вывешивались наиболее важные объявления и там же хранились важнейшие документы университета и собирались рукописи для их дальнейшего копирования», — замечает мой учитель В.И. Мажуга⁶³.

Именно сюда передавались *exemplares* (*exempla*) — вычитанные и выверенные экземпляры произведений, текст которых часто содержал разметку на стандартные равные части (*petia*), что существенно облегчало и удешевляло как процесс копирования (один и тот же текст мог по частям одновременно передаваться разным писцам⁶⁴), так и исчисление платы (*taxatio*) писцам, осуществлявшим копирование⁶⁵. Изначально центральная роль в этом процессе принадлежала так называемым *стационариям*, фигурирующим в болонских документах начиная с 1250 г., но в качестве особой категории лиц «при университете» существовавших

⁶² О покупке и изготовлении рукописей СIC непосредственно в Болонье, а также в университетских центрах, возникших под ее влиянием, см., напр.: Bellomo M. Universidad en la época del Derecho Común. Roma, 2001. P. 107–127.

⁶³ Мажуга В.И. Об истории создания комментария Бартоло ди Сассоферрато к *Digestum Novum* (по данным болонского списка 1370 г. из собрания Архива Санкт-Петербургского института истории РАН) // Италия и Европа. Сборник памяти Виктора Ивановича Рутенбурга. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 99–100.

⁶⁴ Так, напр., исследованный В.И. Мажугой болонский список комментария Бартоло ди Сассоферрато к *Digestum Novum*, датируемый 1370 г., был скопирован пятью писцами, из которых три выполнили основную часть работы. См.: Мажуга В.И. Болонский список комментария Бартоло да Сассоферрато к *Digestum Novum* в Научном архиве СПБИИ РАН // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXI: Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936). СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. С. 97; Он же. Об истории создания комментария Бартоло ди Сассоферрато к *Digestum Novum*... С. 97–116.

⁶⁵ См., напр., об этом: Там же. С. 96–99; Bellomo M. Universidad en la época del Derecho común... P. 115–118; Tipologia degli exemplaria giuridici // Juristische Buchproduktion im Mittelalter... S. 105–172; Soetermeer F. Exemplar und Pecia. Die Herstellung juristischer Bücher in Bologna im 13. und 14. Jahrhundert // Ibid. S. 481–516.

намного раньше. До середины XIII в. стационарии являлись свободными предпринимателями, действовавшими в соответствии с собственными представлениями о своих функциях, но в дальнейшем они были разделены на две категории, обязанности которых подверглись тщательной регламентации.

По наблюдениям М. Белломо⁶⁶, первую категорию составляли стационарии, на попечение которых передавались *exempla* и которые являлись стационариями *stricto sensu* (так называемыми *stationarii exempla tenentes*) и которые должны были предоставлять для копирования *exempla* — выверенные рукописи отдельных частей Свода Юстиниана, а также связанную с ними дидактическую и специальную литературу — *summa, questiones, lectura, distinctiones, brocarda, dissensiones dominorum* и др.⁶⁷

Помимо этих стационариев, существовали еще и те, которые выполняли функции простых книгопродавцов, в том числе — действуя в качестве посредников так называемых *stationarii* (или *venditores librorum*). В принципе, стационарии и первой, и второй категории и после 1250 г. не являлись должностными лицами университета: если они желали стать таковыми, то должны были принести особую клятву ректорам, что открывало доступ в число «университетских стационариев» (*stationarii universitatis*)⁶⁸.

В последней четверти XIII в. функции последних перешли к главному университетскому надзирателю — генеральному педелью, должностному лицу, функции которого были весьма широки и, строго говоря, выходили далеко за пределы обязанностей позднейших «классных надзирателей», на что, в частности, обращает внимание уже упоминавшийся В.И. Мажуга. Не случайно именно генеральный педель должен был принять перед профессором, передавшим ему на копирование свое произведение, обязательство выступать в суде против всех возможных возражений со стороны третьих лиц; со своей стороны, профессора должны были сохранять копию собственного текста, чтобы при необходимости прибегнуть к ней для выверки спорных мест⁶⁹.

В процессе массового копирования сложился характерный болонский стиль, в числе особенностей которого были, в частности, расположение копируемого текста в две колонки, специфика письма и декоративного

⁶⁶ Bellomo M. Universidad en la época del Derecho común... P. 114.

⁶⁷ Об основных жанрах этой литературы см., напр.: Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte. S. 140–147.

⁶⁸ Bellomo M. Universidad en la época del Derecho común... P. 113–114.

⁶⁹ Мажуга В.И. Об истории создания комментария Бартоло ди Сассоферрато к Digestum Novum... С. 100–101.

оформления рукописей. Иллюминированные манускрипты, созданные в Болонье, подчас поражают роскошью, степень которой лишь увеличивалась от XIII к XIV в.: возрастали число и художественный уровень исполнения миниатюр, все более изысканными становились инициалы, тщательно прорабатывались второстепенные элементы и т.д.⁷⁰ Параллельно возрастила стоимость книг, а вместе с ней — и опасность их утраты в результате кражи. Подобные случаи не были редкостью в Болонье уже в середине XIII в., что отразил и университетский картулярий. Так, например, в 1267 г. некий Ринальдуччо из Сант-Анджело (Анконская Марка) был обвинен преподававшим в Виченце магистром Иоанном в краже *Digestum Novum*, которая пропала из дома профессора⁷¹.

Роскошь болонских рукописей была в полной мере оценена далеко за пределами Италии, в том числе — и в Кастилии и Леоне. По данным Х. Йарса Луасеса, юридические рукописи составляют наиболее значимую часть иллюминированных болонских кодексов в испанских собраниях, наряду с рукописями Священного Писания⁷². Общее же число средневековых рукописей текстов цивильного права эпохи рецепции *ius cattipite* в испанских собраниях составляет 442, из которых 322 находятся в библиотеках и архивах, расположенных в пределах средневекового королевства Кастилия и Леон.

Распределение этих кодексов по главным хранилищам страны, по данным А. Переса-Мартина, следующее: Бурго-де-Осма (prov. Сория) — 5 (все — в Библиотеке капитула кафедрального собора); Калаорра — 1 (Библиотека кафедрального собора); Кордова — 15 (все — в Архиве кафедрального собора); Сан-Лоренсо-де-Эль-Эскориал — 68 (все — в Королевской библиотеке Эскориала); Леон — 3 (в библиотеках кафедрального собора и базилики Святого Исидора); Лugo — 1 (библиотека Провинциального музея); Мадрид — 87 (1 — библиотека Королевской академии истории, 3 — Национальный исторический архив, 3 — библиотека Фонда Л. Гальдиано, 74 — Национальная библиотека); Оренсе — 2 (все — в библиотеке кафедрального собора); Саламанка — 1 (Универси-

⁷⁰ См., напр., об этом: Gibbs R. The development of the illustration of legal manuscripts by Bolognese illuminators between 1241 and 1298 // Juristische Buchproduktion im Mittelalter... S. 173–218; L'Engle S. Trends in Bolognese legal illustration: the early Trecent // Ibid. S. 219–244.

⁷¹ Chart. Bonon. P. 144, doc. no. CXXXVIII (a. 1267): De domo et hospitio dicti magistri Iohannis et furtive et malo modo exportaverit dictum librum et instrumentum laborerii.

⁷² Yarza Luaces J. Manuscritos iluminados bolonenses en España, siglos XIII y XIV // España y Bolonia... P. 31–48.

Император Лотарь III. Изображение из средневековой рукописи

тетская библиотека); Севилья — 24 (библиотека кафедрального собора и Библиотека «Коломбина»); Сигуэнса — 3 (библиотека кафедрального собора); Толедо — 99 (библиотека Капитула кафедрального собора). К этому числу следует добавить также многое большее количество рукописей памятников канонического права того же периода, однако здесь полной оценки не существует⁷³. Часть этих рукописей была изготовлена непосредственно в Болонье; но другие делались в Кастилии и Леоне по болонскому образцу, причем по тому же образцу была организована и система копирования манускриптов.

Это, в частности, хорошо видно по содержанию закона (Part.II.31.11), включенного во вторую книгу «Семи Партий» Альфонсо X. Согласно его положениям, в университетах (*estudios generales*) предписывалось иметь собственных стационариев, содержавших особые лавки, в которых студенты могли за плату получать «хорошие книги, пригодные для чтения, точно отражающие основной текст и гlossenу» для копирования, «как полностью, так и частично, для улучшения уже переписанных ранее». Учитывая важность вопроса, законодатель запрещал держать такую лавку кому-либо без разрешения ректора. Последний же, прежде чем выдать такое разрешение, должен был проверить книги соискателя, чтобы удостовериться в их качестве, а главное — в точности содержащегося в них текста. Кроме того,

⁷³ Pérez Martin A. La producción de codices jurídicos en España: ius commune y ius propria // Juristische Buchproduktion im Mittelalter... S. 568.

тем же ректором, с согласия университетской корпорации, устанавливается размер платы за каждую тетрадь, предоставляемую стационарием студентам для копирования⁷⁴. Так, в дополнение к болонским, в Кастилии и Леоне появлялись и собственные копии СIC.

2.2. Болонские рукописи XIII—XIV вв. в Кастилии и Леоне (на примере рукописных версий *Libri Feudorum*)

Восстановление полной истории бытования рукописей СIC — как привезенных из Болоньи, так и скопированных на месте, — в Кастилии и Леоне в эпохи Высокого и Позднего Средневековья остается делом будущего и выходит далеко за рамки настоящего исследования. Однако сделать некоторые наблюдения предварительного характера можно, если несколько сузить область поисков, ограничившись одной из частей Юстинианова Свода, имевшей более или менее самостоятельное значение. В данном случае в этой роли предстают *Libri (Consuetudines) Feudorum* (LF), текст которых, как уже говорилось, был помещен болонскими юристами в пятую, заключительную, часть Свода (*Volumen*)⁷⁵. Воспринимавшееся средневековыми юристами как логическое продолжение полной латинской версии Новелл (*Authentici*), составлявших предыдущие девять разделов — *collationes* той же части СIC⁷⁶, ученое феодальное право вполне логично помещалось в состав *Decima collatio* как

⁷⁴ См.: Part.II.31.11 (Como los Estudios generales deuen auer Estacionarios, que tengan tiendas de libros para exemplarios): Estacionarios ha menester que aya en todo Estudio general, para ser cumplido; que tenga en sus estaciones buenos libros, e legibles, e verdaderos de testo, e de glosa; que los logen a los Escolares, para fazer por ellos libros de nuevo, o para emendar los que touieren escritos. E tal tienda, o estacion como esta non la deue ninguno tener, sin otorgamiento del Rector del Estudio. E el Rector, ante que le de licencia para esto, deue fazer esaminar primeramente los libros, de aquel que deuia tener la estacion, para saber si son buenos, e legibles, e veradaderos. E aquel que fallare que non tiene tales libros, non le deue consentir, que sea Estacionario, nin logue a los Escolares los libros, a menos de ser bien emendados primeramente. Otrosi deue apreciarle el Rector, con consejo del estudio, quanto deue recibir el Estacionario por cada quaderno, que prestare a los Escolares para escreuir, o para emendar sus libros. E deue otrosi recibir buenos fiadores del, que guardara bien e lealmente todos los libros, que a el fueren dados para vender, que non fara engaño ninguno.

⁷⁵ В издании Готофреда LF см.: CIC Gothofredus. T. 5. Napoli, 1830. P. 491–548. Далее следует «Пятая книга» — подборка конституций германских императоров, посвященных феодальному праву; в нее вошли 16 конституций императоров Конрада II, Генриха VI, Лотаря III и Фридриха I Барбароссы; см.: Liber Quintus De feudis quo variae constitutiones imperatorum ad hanc partem juris pertinentes continentur // Ibid. P. 549–553. Издание К. Леманна включило лишь часть этих конституций.

⁷⁶ Calasso F. Medioevo del Diritto. T.1. P. 527–528; Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte... S. 166–167; Bellomo M. La Europa del Derecho común... P. 69.

значимая часть римского вещного права; именно в этом качестве оно активно изучалось в университетах.

Первым идею включить LF в состав CIC (а в его рамках — именно в указанное место) выдвинул гlosсатор Уголино деи Пресбiteri (ум. ок. 1233)⁷⁷. В тот же период на LF стали распространяться стандартные принципы комментирования CIC; характер комментариев к нему носили сочинения Одофреда Болонского (ум. 1265) (*Summa ... in usibus feudorum*), марсельского правоведа Жана Бланша (ум. ок. 1269) (*Summa super usibus feudorum*), сицилийского юрисконсульта Андреа из Изернии (ок. 1230–1316) (прозванного «королем феодального права» (*monarcha feudistarum*)) (*Commentaria super usibus feudorum*), неаполитанского юриста, придворного судьи и советника Карла II Анжуйского Джакомо из Бельвиго (1270–1335) (*Commentarii super consuetudinibus usus feudorum*) и, наконец, заменитого Бальдо деи Убальди (*Lectura super usibus feudorum*)⁷⁸.

В тесной связи с традицией комментирования первоначального текста и под прямым влиянием этой традиции в XII–XIII вв. сложились три редакции памятника: (1) *Obertina* (*Compilatio antiqua*) (сер. XII в.) — компиляция законов королей франков и лангобардов, основу которой составили два послания Оберто дель'Орто, миланского судьи и юрисконсульта императора Лотаря III (1125 (1133)–1137), своему сыну Ансельму, студенту Болонского университета, посвященные институтам феодального права, текст которых был позднее дополнен и отредактирован неизвестным юристом; (2) *Ardizzoniana* (ок. 1240 г.) — редакция, включившая, помимо перечисленного выше, постановления Лотаря III и Фридриха I Барбароссы (1152 (1155)–1190), а также выдержки из трудов ряда болонских юристов; основа этой версии — *summa* и аппарат гlosс к ней, были созданы в Модене юристом Пиллио из Медичини ок. 1200 г., а позднее текст был отредактирован выдающимся специалистом по феодальному праву болонским юристом Джакомо из Ардицоне; (3) *Accursiana* (*Vulgata*) (ок. 1250) — дополненная за счет постановлений императоров Генриха VI (1169 (1191)–1197) и Фридриха II (1197 (1220)–1250); эта поздняя (и наиболее распространенная) версия подразделялась на две книги (включавшие, соответственно, 26 (в другой нумерации — 28) и 57 (в другой нумерации — 58) титулов); ее составителем являлся знаменитый Аккурсий (ок. 1182 — ок. 1263), автор

⁷⁷ Calasso F. Medioevo del Diritto... P. 555.

⁷⁸ Ibid. P. 578–579; Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte... S. 186–188, 210–212.

«Ординарной гlossen» ко всему Своду Юстиниана; при этом, та часть «Ординарной гlossen», которая относилась непосредственно к LF, была написана не самим Аккурсием, а юрисконсультом Джакомо Коломби, в свою очередь частично использовавшим более раннюю *suntta* Пиллио из Медичины⁷⁹.

На тесную связь памятника с болонской традицией ученого права указывает мадридская рукопись LF, хранящаяся в Национальной библиотеке (Mss.392, в более ранней нумерации — С-8) и датированная XIV в.⁸⁰ На ее главные особенности обратил внимание уже известный немецкий юрист, историк средневекового права Карл Леманн (1858–1918), который в 1892 и 1896 гг. подготовил и издал тексты наиболее ранней (*Compilatio antiqua*) и позднейших (*Textus compilationis antiquae et recensionis vulgatae*) версий памятника (последнее, однако, без «Ординарной гlossen»)⁸¹.

По наблюдениям немецкого историка права, текст памятника в рукописи Mss.392 представлен в редакции Джакомо из Ардицоне, снабжен гlossenой, не охватывающей лишь завершающую часть текста (в нумерации К. Леманна — LF. II.40 и далее), и достаточно полон: он включает обе книги поздней редакции — первую (27 титулов, в той или иной мере совпадающую с версией текста, опубликованной немецким исследователем) и вторую, завершающая часть которой довольно сильно отличается от всех версий, представленных К. Леманном, в том, что касается порядка расположения титулов, однако совпадает с ними в основном.

Помимо LF (fols. 1r — 17r), в состав кодекса Mss.392 входят трактат *Casus decretorum* (fol. 18r — 87v) итальянского канониста Бартоломео да Брешиа (ум. 1258), его же «Пятничные и воскресные лекции» (*Quaestiones dominicales*

⁷⁹ См., напр., об этом: LF. S. 25–28; 115–157; Calasso F. Medioevo del Diritto. T.1. P. 554–555.

⁸⁰ Рукопись была известна К. Леманну (см.: Lehmann K. Handschriften des langobardischen Lehnrechts in Spanien und Holland // Idem. Consuetudines feudorum... S. 301). В описаниях рукописного собрания BN факт наличия LF в составе Mss.392 не оговаривается вообще; содержание обозначается как собрание трактатов по каноническому праву. См.: Inventario general de manuscritos de la Biblioteca Nacional. T. 1. Madrid, 1953. P. 257–258; см. также: URL: <http://catalogo.bne.es/uhtbin/cgisirsi/nixChtSNRX/BNMADRID/291860126/9> (дата обращения: 15.10.2014).

⁸¹ К настоящему времени эти издания переизданы в кн.: Consuetudines feudorum. *Textus compilationis antique et recensionis Vulgate* // *Conseutudines feudorum* / Ed. K. Lehmann. Editio altera curavit K.A. Eckhart. Aalen: Scientia Verlag, 1971 (Biblioteca rerum historiarum, I). S. 23–69, 158–298. Издание текста с «Ординарной гlossenой», а также с гlossenой болонского юриста XIV в. Бальдо (или Бальда — Baldus) деи Убальди (1319/27–1400), см., напр., в приложении к монографии наиболее видного современного исследователя ученого феодального права М. Монторци: Consuetudines fevdorum // Montorzi M. Diritto feudale nel Basso Medioevo. Materiali di lavoro e strumenti critici per l'esegesi della glossa ordinaria ai Libri feudorum. Con la ristampa anastatica dei Libri feudorum e della loro glosa ordinaria. Torino, 1991. P. 121–204.

Фридрих I Барбаросса (в центре). Изображение XIII в.

vel veneriales) (fol. 87v — 108v), «Книга казусов из Декреталий» (*Liber casuum Decretalium*) португальского канониста Жоана де Деуша (ок. 1190—1267) (fol. 109r — 146r), «Комментарий к титулу «О правилах права»» (*Apparatus super titulo De regulis iuris*) итальянского канониста Дино де Россониса из Мугелло (ок. 1253 — между 1298 и 1303) (fol. 147—170r) и, наконец, анонимный текст *Casus codicis*, представляющий собой перечень инципитов к конституциям начальной части Кодекса Юстиниана (fol. 171r—197r).

Такой перечень текстов мог быть интересен в первую очередь придворному легисту, сталкивавшемуся в своей деятельности с проблематикой как цивильного (LF, инципиты Кодекса Юстиниана), так и канонического (остальная часть кодекса) права. Это предположение подтверждается и происхождением рукописи, попавшей в Национальную библиотеку из Королевской библиотеки⁸².

С первого взгляда текст LF в MSS.392 никак не связан с университетской традицией, прежде всего потому, что не содержит маргиналий (значимый внешний признак рукописи университетского происхождения, что будет специально показано ниже). И тем не менее это не так, что подтверждается самым неожиданным образом: в отличие от других известных мне редакций LF, эта завершается знаменитой привилегией Фридриха Барбароссы, пожалованной в 1158 г. студентам и профессорам Болонского универ-

⁸² Inventario general de manuscritos de la Biblioteca Nacional. T. 1. P. 258.

ситета⁸³. Как известно, привилегия, с одной стороны, устанавливала особо жесткие наказания преступления против *scolastici*⁸⁴, а с другой — вверяла суд по делам, возбужденным против студентов, либо их профессорам, либо болонскому епископу, лишая этого права судей иных юрисдикций⁸⁵.

О том, что обе эти нормы были хорошо известны в Кастилии в период создания рукописи MSS.392 и даже ранее, говорит их присутствие в тексте «Семи Партий»: они включены в титул Part.II.31, специально посвященный проблемам регламентации университетской жизни. Как явствует из закона Part.II.31.7, кастильский законодатель признавал юрисдикцию университетских профессоров, а также епископа города, в котором располагался университет, над их студентами. Правда, эта норма действовала лишь применительно к гражданским делам и распространялась на иски, возбуждаемые студентами против своих товарищей; при этом, если такое дело возбуждалось в местном — не университетском — суде, оно уже не могло передаваться под университетскую юрисдикцию. Что же касается преподавателей, то за ними в подобных случаях закреплялось право выбора — отвечать перед епископом или же перед местным светским судьей. При этом, в противовес хартии 1158 г., из сферы университетской юрисдикции полностью изымались дела об убийствах, членовредительстве, а также относящиеся к юрисдикции короны (*justicia*)⁸⁶.

⁸³ Privilegium scolasticum //Frederici I imp. constitutiones //MGH: LL. T. 2. Hannoverae, 1837. P. 111.

⁸⁴ Ibid.: Hac igitur generali et in eternum valitura edicimus lege, ut de cetero nullus ita audax inveniatur, qui aliquam scolaribus iniuriam inferre presumat, nec ob alterius provinciae delictum, quod aliquando ex perversa consuetudine fieri audimus, aliquot dampnum eis inferat; sciturus, huius constitutionis temeratoribus et illius temporis, si ipsi hoc vindicare neglexerint, locorum rectoribus restitutionem rerum ab omnibus **in quadruplum** exigendam, notaque infamie ipso iure eis irrogata, **dignitate** sua in perpetuum **careant**.

⁸⁵ Ibid.: Verumtamen si eis litem super aliquot negotio quisquam movere presumpserit, huius rei optione scolaribus data, eos coram domino aut magistro suo vel ipsius civitatis episcopo, quibus hanc iurisdictionem dedimus, convenient. Quod si vero ad alium iudicem trahere temptaverint eum, et si iustissima causa fuerit, pro tali conamine a debito cadat.

⁸⁶ Part.II.31.7: Los Maestros que muestran las sciencias en los estudios, pueden juzgar sus escolares, en las demandas que ouieren unos con otros, e en las otras, que los omes les fiziessen, que no fuessen sobre pleyo de sangre; e non les deuen demandar, nin traer a juyzio delante otro alcalde sin su plazer dellos. Pero si les quisieren demandar delante de su maestro, en su escogencia es, de responder a ella, o delante del obispo del logar, o delante del juez del fuero, qual mas quisiesse... Otros dezimos, que si el escolar es demandado ante el juez del fuero, e non alegare su priuillejo, diciendo que non deue responder, si non adelante de su maestro, o ante el obispo, assi como sobredicho es, si respondiere llanamente a la demanda, pierde el priuillejo que auia, quando en aquellas cosas sobre que respondio, e deue yr por el pleyo adelante, fasta que sea acabado por aquel juez, ante

Интересен и следующий закон того же титула «Семи Партид» (Part. II.31.8). В отличие от предыдущего, прямой связи с содержанием конституции 1158 г. он не имеет. Вместе с тем, однако, очевидно, что, не воспроизведя буквы постановления Фридриха Барбароссы, текст закона в полной мере отражает ее дух, поскольку фиксирует фискальные привилегии университетских профессоров, приравнивая их по статусу к рыцарям и, по образцу последних, освобождая членов преподавательской корпорации не только от королевских платежей, но и от военной повинности, а также от занятия любых должностей, если назначение на последние осуществляется вопреки их желанию⁸⁷.

Еще одна точка соприкосновения болонской и кастильско-леонской традиций связана с аспектом, затронутым, но не рассмотренным мной выше, а именно — с причинами возникновения маргиналий. Как уже говорилось, мадридская рукопись MSS.392 (C-8) их практически не содержит, и именно это не позволяет должным образом связать ее не только с традицией *iustitia comitiale*, к которой она несомненно принадлежала, но и с системой университетского преподавания в более узком смысле.

Между тем факт наличия маргиналий следует рассматривать как значимое (пусть и не единственное) свидетельство университетского происхождения рукописи. Для того чтобы понять это, достаточно вновь обратиться к Партидам Альфонсо X, к закону Part.II.31.9, объясняющему причины появления помет над/под основным текстом, а также на полях рукописей. Упомянутый закон регламентирует порядок получения степени магистра соискателями из числа студентов, стремившимися к ней для того, чтобы в дальнейшем посвятить себя преподаванию. Для этого желающий пройти испытания должен был представить перед особой комиссией, состоящей из старших и наиболее авторитетных профессоров (*Mayoralles de los Estudios*), и продемонстрировать свое умение филигранно владеть методикой преподавания. Именно способность вести занятия, проводившиеся в форме лекций, то есть собственно «чтений» (*lecciones*) в самом прямом

quién lo comenzó. Mas si por ventura el escolar se quisiesse ayudar de su priuillejo, ante que respondiesse a la demanda, diciendo que non queria, nin deue responder, si non ante su maestro, o delante del obispo, e el le apremiassse, e le fiziesse responder a la demanda: estonce el que auia la demanda contra el, deue perder porende todo el derecho que auia en la cosa que le demandaua. E el juez que assi lo apremiassse deue auer pena porende por aluedrio del rey; fuerias si el pleyto fuesse de justicia, o de sangre, que fuesse mouido contra escolar, que fuesse lego.

⁸⁷ Part.II.31.8: <...> Otrosi dezimos, que los maestros sobredichos, e los otros, que muestran los saberes en estudios, en las tierras del nuestro señorío, que deuen ser quitos de pecho, e non son tenidos de yr en hueste, nin en caualgada, nin de tomar otro oficio, sin su plazer.

Надгробие Пьетро деи Чернити. Скульптор Розо ди Парма. XIV в.

смысле этого слова, а также положительная репутация и хорошие манеры и становились основанием для предоставления искомой степени. Проходя испытание, соискатель должен был проявить хорошее знание основного текста СIC и сопровождающей его гlosсы, которые ему надлежало комментировать в соответствии с избранной тематикой. В процессе комментирования следовало проявить способность к гладкой и правильной речи, умение выступать в диспутах (*questiones*), а также четко и ясно отвечать на вопросы слушателей⁸⁸. Соответственно, студентам оставалось лишь фиксировать профессорские комментарии на полях собственных экземпляров Юстинианова Свода.

Сообщая об этом, кастильский законодатель второй половины XIII в. лишь воспроизводил общую норму, изначально утвердившуюся в Болонье и хорошо известную как по письменным, так и по изобразительным источникам. Роль лекции — чтения! — описанного типа в системе преподавания, практиковавшейся болонскими профессорами, была столь велика, что глагол *legere* в документах из картулярия Болонского университета используется для обозначения акта проведения занятий вообще⁸⁹. Более же наглядно представить себе процесс чтения лекций позволяют изображения болонских профессоров, представленных в процессе занятий в окруж-

⁸⁸ Part.II.31.9 (Como deuen prouar al Escolar que quiere ser Maestro, ante que le otorguen licencia):...deue dar algunas liciones de los libros de aquella sciencia, en que quiere començar. E si ha buen entendimiento del testo, e de la glosa de aquella ciencia, e ha buena manera, e desembargada lengua para mostrarla; e si responde bien a las questiones, e a las preguntas, que le finieren, deuenle despues otorgar pùblicamente honrra, para ser Maestro.

⁸⁹ Chart. Bonon. P. 9, doc. no. VI (a. 1198); in aliam terram non leget scientiam legum scolari-bus; Ibid. P. 10, doc. no. VIII (a. 1199); non leget scolaribus nisi in Bononia...; Ibid. P. 16–17, doc. no. XVII (a. 1213); P. 21, doc. no. XXI (a. 1216); P. 23–24, doc. no. XXV (a. 1218); P. 30, doc. no. XXXIV (a. 1220) etc.

Надгробие Бонифацио Галлузци. Скульптор Беттино ди Болонья. XIV в.

жении студентов в изображениях на профессорских надгробиях из городских церквей; некоторые из них в настоящее время представлены в экспозиции Городского музея Средневековья (*Museo Civico Medievale*) г. Болоньи. В частности, речь идет о памятниках профессорам Пьетро Чернити (ум. 1338 г.) из болонской церкви Святого Иакова (скульптор — Розо ди Парма) и Бонифацио Галлузци (ум. 1346 г.) из церкви Святого Доминика того же города (скульптор — Беттино ди Болонья) и некоторых других. Иконография таких надгробий довольно однообразна: профессор изображается восседающим на кафедре, перед ним — раскрытая книга; такие же книги — на пюпитрах перед студентами; часть слушателей, склонившись над своими кодексами, тщательно фиксирует слова профессора (что особенно хорошо видно в случае надгробия Бонифацио Галлузци), другие (немногие) — обсуждают услышанное с сидящими рядом, но каламы (палочки для письма) в их руках свидетельствуют о готовности в любой момент последовать примеру своих товарищей и зафиксировать важные мысли в своих экземплярах книги.

О том, сколь глубокие корни болонская дидактическая практика пустила на землях Кастилии и Леона, свидетельствуют не только нормативные, но и документальные источники. Так, в Саламанкском университете XIV в. мы видим испытания на получение ученой степени, проводимые по болонской методике не только для юристов — цивилистов и канонистов, но и для богословов, а также для преподавателей «искусств». В любом случае, действовали единые нормы: от желающих получить степень требовались положительная репутация, наличие опыта преподавания и проведение открытых лекций; итоги подводились специальной комиссией. Порой в качестве соискателей выступали опытные преподаватели, как это видно, например, в случае некоего профессора теологии Томаса (Фомы) Португальского,

члена францисканского ордена, учившегося «искусствам» и богословию в Англии и Франции (Париже), некоторое время перемежавшего свою учебу с преподаванием и участием в обязательных профессорских диспутах в Португалии, Париже и Саламанке, вновь в Португалии, откуда перебрался в родную (?) Англию, в Кембридж, и, наконец, удостоенного права пройти испытание на получение магистерской степени в Тулузе, представ перед комиссией в составе четырех магистров, что следует рассматривать как обычную практику⁹⁰. Сам по себе этот пример отнюдь не единичен, хотя найти другого члена профессорской корпорации со столь же «извилистой» карьерой «приглашенного преподавателя» совсем не просто⁹¹.

Документы из папских архивов дают и другие примеры аналогий дидактических практик в Болонье, с одной стороны, и Кастилии и Леоне (прежде всего — в Саламанке) — с другой. В частности, это касается отмеченной выше формы употребления слова *legere*. Так, в документе 1375 г. упоминается преподающий в Болонье каноническое право — *in decretis in studio*

⁹⁰ Bull.Salam. P. 415–416, doc. no. 136 (a. 1371); dil. fil. Thomas Portugalen., ordinis fratrum minorum professor, pluribus annis in ipso ordine et maxime in partibus Angliae artes et theologiam audiverit, et deinde in provincia Portugaliae secundum morem dictis ordinis dictas artes pluribus annis legerit, et demum in studio Parisien. ad quod accesserat hujusmodi theor. Facultatem annis pluribus audiverit, ac subsequenter in studio Salamantino duobus ut baccalarius et tribus annis ut lector legerit, disputaverit actusque scholasticos publicos atque multos in eadem universitate fecerit; et subsequenter Parisiis ad hoc canonice electus redierit, et in predicta universitate Parisien. sermones et disputationes plures fecerit; et demum ad partes Portugaliae rediens, in generali capitulo ejusdem ordinis electus fuerit ad legendum librum sententiarum in studio Cantabrigiae, Elien. dio., ut post licentiam magisterium in sacra pagina obtinere valeret: nos volentes eumdem Thomam, apud nos de religionis zelo, litterarum scientia, vitae ac morum honestate et aliis probitatis et virtutum meritis multipliciter commendatum, horum intuit, necnon consideratione carissimi in Christo filii nostri Fernandi regis Portugaliae illustris, nobis super hoc humiliter supplicantis, favore prosequi gratiae specialis, hujusmodi ipsius regis ac dicti Thomae in hac parte supplicationibus inclinati, discretion tuae, de qua in his et aliis speciale in Domino fiduciam obtinemus, per apostolica scripta committimus et mandamus quatenus eidem Thome, si ipsum ad hoc per diligentem examinationem idoneum esse reperetis, legendi praedictum librum sententiarum in studio Tolosano in aestate proxime future vel in una alia, prout eidem Thome placuerit, auctoritate apostolica licentiam largiari. Et subsequenter, si post hujusmodi lecturam dictus Thome per tuam et aliorum saltem quattuor magistrorum in facultate predicta diligentem examinationem ad hoc idoneus et sufficiens repertus fuerit, ei magisterii honorem et docendi licentiam in hujusmodi facultate theologiae, servatis tamen constitutionibus Viennen. concilii et aliis solemnitatibus consuetis, auctoritate apostolica absque moris dipendio concedes, ita tamen queod ex hoc praefatus ordo ad praestandum aliquid eidem Thome pro suis expensis vel aliis necessariis ratione dicti magisterii ultra que antea minime teneatur: non obstan. quibusque privilegis....

⁹¹ О подготовке и проведении магистерского экзамена см., напр.: Bull. Salam. P. 427–428, doc. no. 153 (a. 1378); Ibid. P. 431, doc. no. 157 (a. 1380); P. 462–463, doc. no. 178 (a. 1386) etc.

Bononien. legisti, — некий лиценциат-канонист явно испанского происхождения по имени Хуан Санчес, получивший каноникат и пребенду в Толедо⁹². Аналогичным образом деловая латынь обозначает и профессиональную деятельность коллег этого Хуана Санчеса непосредственно в Кастилии и Леоне, как мы видим это, например, в случае некоего канониста, францисканца Диего из Валенсии, соискателя ученой степени, ранее преподававшего в Леоне и Саламанке, а также целого ряда других профессоров, фигурирующих в папских документах⁹³. Соответственно, учебная деятельность студентов, помимо обобщающего *studere*, обозначается более конкретным *audire*⁹⁴, подчеркивающим процесс восприятия профессорского «чтения» на слух; при этом оба глагола нередко употребляются как прямые синонимы: *studuit et audivit leges*.

Сказанное делает вполне понятным появление маргиналий — записей, помет, рисунков на полях рукописей, а также над и под основным текстом Юстинианова права и глоссы (которая с течением времени занимала все больше места). В совокупности маргиналии такого рода являются важным источником по истории средневековых университетов, в том числе — в Кастилии и Леоне. В целом ряде изученных мной рукописей СIC, хранящихся в испанских собраниях (Национальной библиотеке, библиотеке капитула Толедского собора, Королевской библиотеки Эскориала), части, содержащие LF (в особенности ее начальные титулы), буквально испещрены студенческими заметками. Особенно это характерно для толедской (неоспоримо болонской по происхождению) рукописи Ms.36-1 (XIV в.), двух эскуриальских рукописей (Escor. V.I.1; Escor. V.I.6 (обе — XIV в.)) (из которых последняя также скопирована в Болонье, а в отношении первой это можно утверждать с меньшей уверенностью, поскольку содержащиеся в ней текст и миниатюры отмечены влиянием нескольких центров), а также рукописи Ms. 15461 из собрания Фонда Х. Ласаро Гальдиано (тоже происходящей из Болоньи).

И, наоборот, особняком от них находится более ранняя (и, по всей видимости, также скопированная в Болонье) толедская рукопись Ms.36-2 (XIII в.), в которой LF занимает fols. 151г — 166г (остальная часть кодекса: Институции Юстиниана (fols. 1г — 46v), Аутентики (fols. 46v — 140v), три

⁹² Ibid. P. 423—424, doc. no. 148 (a. 1375).

⁹³ См., напр.: Ibid. P. 427—428, doc. no. 153 (a. 1378); Ibid. P. 462, doc. no. 177 (a. 1381); P. 463—464, doc. no. 178 (a. 1386) etc.

⁹⁴ Ibid. P. 467, doc. no. 182 (a. 1387) per quinque annos in jure civili studuit et audivit leges in studio Salamantin; Ibid. P. 474, doc. no. 192 (a. 1389): per biennum jura canonica in studio Salamantin. audivit; P. 480, doc. no. 204 (a. 1391) etc.

последние книги Кодекса Юстиниана (fols. 157г — 195в), «Ординарная гlosса» ко всему тексту). Эта рукопись едва ли использовалась в процессе преподавания: пометы на ее полях хотя и присутствуют, но явно немногочисленны и сделаны рукой писца, копировавшего основной текст и относящуюся к нему часть гlosсы (см., например: fols. 141г, 142в, 143г etc.).

Обращает на себя внимание идентичность текста LF, содержащегося в этой рукописи, с той его версией, которая представлена в явно болонской по происхождению другой толедской рукописи — Ms.36-1. Если бы она не относилась к более позднему времени (XIV в.), можно было бы предположить, что копия сделана именно с нее. Обращает на себя внимание строгое следование *LF-Vulgata*, при отсутствии сколь-нибудь заметных отличий от версии, представленной в издании К. Леманна. В обоих кодексах за LF следуют Амальфийские конституции императора Священной Римской империи Фридриха II, что является нормой: то же самое характерно и для структуры двух эскориальских кодексов.

Явным антиподом толедской рукописи Ms.36-2, почти лишенной маргинаций и явно не использовавшейся в процессе преподавания, при ближайшем рассмотрении оказывается рукопись Ms. 15461 из Архива Фонда Лáсаро Гальдиано (Мадрид)⁹⁵. Она представляет собой относительно небольшой фрагмент все той же пятой части средневековой версии CIC — 10 пронумерованных позднейшими владельцами листов (fols. 1г — 10в), содержащих весь текст LF, за исключением первых четырех с половиной титулов первой книги. В целом, текст соответствует версии *LF-Vulgata*, однако порядок титулов большей части второй книги (той, что следует после LF.I.5 — II.4 (fol. 1г — 3в)) явно нарушен. Полностью отсутствует титул LF.II.6, а LF.II.5 и LF.II.7 (fol. 3в) представлены в более ранней версии (*Antiqua* по терминологии К. Леманна). Затем следуют титулы LF.II.8—22, вслед за которой помещен титул LF.II.9 той же «Обертины», а за ними — LF.II.23—26, после чего изложение обрывается на начальной части LF.II.27 (fol. 3в). Далее пропущен целый лист, так как затем помещен титул LF.II.37—55(56) (за исключением LF.II.52 (53), о которой см. далее) (в нумерации К. Леманна). За ним следует ранее пропущенный титул LF.II.6, а далее — LF.II.57(58) (листы 9в — 10г). Затем идет конституция германского императора Конрада II (1037 г.) (fol. 10г)⁹⁶, не включающаяся в современные издания LF⁹⁷, но

⁹⁵ Общие сведения об этой рукописи см.: <http://www.bibliotecalazarogaldiano.es/I15641.html> (дата обращения: 05.05.2014).

⁹⁶ Полный текст см.: MGH: LL. T. 2. Hannoverae, 1837. P. 39—40.

⁹⁷ См.: Consuetudines feudorum... Ed. K. Lehmann; Consuetudines fevorum // Montorzi M. Diritto feudale nel Basso Medioevo...

в средневековом СIC открывавшая комплекс императорских конституций, служивших своеобразным приложением памятника⁹⁸. Последней в исследуемой рукописи стоит начальная часть LF.II.52(53) — конституция германского императора Лотаря III (1136 г.) (10r)⁹⁹; последний лист рукописи (10v) целиком занимают позднейшие пометы, сделанные готическим курсивом. «Ординарная гlossen» представлена лишь частично (листы 1г — 7r); без гlossen в рукописи даны титулы LF.II.40 и все последующие.

Подобная структура (за исключением, разумеется, выпущенного листа между fol. 6v и 7r) не могла быть случайной. Она объясняется не только временем и неизвестными мне местными условиями, следствием которых стало включение в текст фрагментов более ранней редакции, но и возможной невнимательностью копииста, а также — и в данном случае именно это и кажется наиболее интересным! — фигурой заказчика. По всей видимости, в этой роли выступал небогатый студент, который не мог оплатить писцу необходимый текст полностью и был вынужден ограничиться наиболее важными фрагментами. В пользу этой гипотезы свидетельствуют как обширные по объему пометы, сделанные готическим курсивом, так и наличие рисунков явно студенческого происхождения (fol. 2r, 9r (2 рисунка), 9v, 10v (набросок) (не считая помет-манусов: fol.2r, 5r, 5v, 6r, 6v, 8v, 9r).

К сожалению, ничего более точного о рукописи сказать нельзя: ее происхождение неясно. Мы знаем лишь, что для Архива она была приобретена основателем Фонда — мадридским банкиром и коллекционером Хосе-Ласаро Гальдиано (1862–1947), страстным любителем и собирателем древностей, стремившимся не столько к системному представлению конкретных сюжетов, сколько к объединению в рамках своей коллекции наиболее ярких, заметных вещей (что, судя по экспозиции Музея Фонда, ему в значительной степени удалось).

Однако, даже если сохранились бы детальные данные о месте приобретения этой конкретной рукописи, по большому счету, это никак не изменило бы общей ситуации в основном. А именно: уверенно вычленяя из общего массива рукописи, несомненно, использовавшиеся в процессе университетского преподавания, — каковыми, из числа известных мне версий LF, хранящихся в испанских собраниях, являются три — MSS.36-1, Escor.V.I.1 и

⁹⁸ Помимо означенной конституции Конрада II, это приложение включало конституции ряда других германских императоров — Генриха VI, Лотаря III, Фридриха I и некоторые другие тексты. См.: *Corpus Juris Civilis Romani... /Ed. Dionysii Gothofredi. T. 5. Neapoli, 1830. P. 549–553.*

⁹⁹ MGH. Legum Sectio, IV. T. 1. Hannoverae, 1893. P. 175–176.

Ms. 15461¹⁰⁰, — я не могу ничего сказать о том, использовались ли эти рукописи непосредственно в Кастилии и Леоне XIII—XIV вв. Ни характер маргинаций, ни какие-либо внешние признаки рукописей не свидетельствуют о том, что их использовали студенты, обучавшиеся не в Болонье или к северу от Пиренеев, а в Паленсии, Саламанке, Вальядолиде или вообще в пределах Кастильско-Леонской монархии.

Кроме того, в большинстве случаев остаются неясными время, в которое упомянутые выше рукописи оказались в Испании, на землях средневековых Кастилии и Леона, а также пути, которыми они в конечном итоге «осели» именно в тех собраниях, где находятся в настоящее время. Впрочем, из этого правила есть счастливые исключения. Так, с высокой долей уверенности можно предположить, каким образом в библиотеку капитула Толедского собора попала упоминавшаяся выше болонская рукопись CIC Ms.36-1 (XIV в.). Дело в том, что в регистрах папской библиотеки зафиксировано данное понтификом подтверждение акта о дарении толедского архиепископа Педро Диаса де Тенорио, который в 1386 г. преподнес свою личную библиотеку капитулу Толедского собора. По данным, собранным В. Бельтраном де Эредиа, это дарение было одним из наиболее щедрых за весь период до конца XV в. Особую ценность ему придает тот факт, что ранее П. Диас де Тенорио в течение некоторого времени являлся ректором Римского университета¹⁰¹; именно в тот период он приобрел значительную часть своего собрания, включавшего книги по богословию, цивильному и каноническому праву, философии и некоторым другим дисциплинам. Причем даритель не ограничился лишь передачей своих книг; вместе с ними он передал каноникам значительную денежную сумму (тысячу золотых флоринов) для приобретения новых рукописей, а также распорядился выстроить специальное помещение для хранения всех этих книжных богатств¹⁰².

¹⁰⁰ Исследованию этих рукописей я посвятил отдельную работу, которая находится в стадии публикации.

¹⁰¹ Beltran de Heredia V. Introducción // *Idem*. Bulario de la Universidad de Salamanca... Vol. 1. P. 52, 174.

¹⁰² Bull. Salam. P. 463, doc. n. 179 (a. 1386, Avignon): ... quod nuper tu omnes libros tuos tam theologiae ac juris canonici et cilivis, necnon philosophiae et aliarum licitarum facultatum, quam divinorum officiorum ac mille florenos auri pro certis aliis libris emendis eccl. tuae Toletan. concessisti et donasti et dilectis filiis capitulo dictae eccl. realiter tradidisti, et quod post hujusmodi alii libri de dictis florenis empti et eisdem capitulo traditi extiterunt, quodque quandam cameram pro ponendis et conservandis debite libris eisdem in dicta eccl. aedificare fecisti, tuque et praefati capitulum disposuistis quod dicti libri in eadem camera ponantur et perpetuo conserventur.

Бонифаций VIII. Фреска Джотто в Латеранской базилике в Риме. 1300 г.

Считать описанный случай правилом было бы, конечно, преувеличением, однако едва ли он был единственным явлением. Кроме того, существовали и другие пути. Так, в отдельных случаях книги рассыпались централизованно, как это было, например, с *Liber Sextus* — важным источником канонического права, включившим папские декреталии начиная с 1234 г. и помещенным в *Corpus Iuris Canonici* вслед за *Liber Extra* Григория IX. 3 марта 1298 г. буллой *Sacrosanctae* знаменитый Папа-юрисконсульт Бонифаций VIII провозгласил *Liber Sextus* самостоятельным источником канонического права. И уже вскоре книга оказалась в Саламанкском университете: оригинал соответствующего папского послания датируется 23 сентября того же года (местом ее издания назван г. Риети, недалеко от Рима). В данном случае, в отличие от примера с дарением архиепископа Педро Диаса де Тенорио, мы можем уверенно утверждать, что посыпаемая книга предназначалась для преподавания изначально. Папа неоднократно подчеркивает, что стремится сделать текст доступным студенческой аудитории: *ut et studiosi per ipsum a voce magistra efficiantur eruditiores*¹⁰³.

¹⁰³ Bull. Salam. P. 326–327. doc. no. 21 (a. 1298): ...ex nonnullis decretalibus praedecessorum nostrorum Romanorum pontificum atque nostris, librum quem annumeratum quemque veteris voluminis decretalium libris Sextum volumus nuncupari, ediderimus, tam ad utilitatem studentium quam ad expediendarum litium compendiosum remedium universitati vestrae per apostolica scripta mandamus quatinus prompto animo summaque ope et alacri studio illum, quem sub bulla nostra inclusum vobis transmictimus susipientes, eo ut amini in judiciis et in scholis, ut et studiosi per ipsum a voce magistra efficiantur eruditiores et celeriore judicia terminum sortiantur.

Последнее явно указывает на факт наличия полноценной системы университетского преподавания, организованной по болонскому образцу. Об этом же свидетельствует и относительная многочисленность книг по римскому и каноническому праву в Кастилии и Леоне XIV в., которые не могли предназначаться исключительно для придворных легистов и практикующих юристов. Наши источники не позволяют уверенно судить о степени прочности университетских традиций в Кастилии и Леоне XIII–XIV вв. Содержащаяся в них косвенная информация свидетельствует скорее о сложности и даже драматизме периода становления, когда вновь возникавшие очаги академической культуры могли исчезнуть едва ли не в любой момент, и порой — без шансов на будущее возрождение. Однако вновь создаваемые кастильские и леонские университеты не только сталкивались с серьезными препятствиями, но и получали значительную поддержку со стороны самых могущественных политических субъектов того времени — папской и королевской власти, заботившихся о том, чтобы болонское начинание не исчезло, а принесло плоды на пиренейской почве.

О внимании к университетам со стороны Пап XIII–XIV вв. выше говорилось немало. Теперь следует сосредоточиться на характеристике роли королей Кастилии и Леона того времени. По меньшей мере, один из них — Альфонсо X Мудрый — обладал четким видением того идеала, к которому должны были стремиться университеты его королевства. Этот идеал отразил специальный титул из «Семи Партий» (Part.II.31), специально посвященный организации университетской жизни. О нем и пойдет речь ниже.

3. Образ жизни: идеальный университет в зеркале «Семи Партий» Альфонсо X Мудрого

3.1. Титул Part.II.31 и проблема реконструкции идеальной модели университета (источниковедческие замечания)

Время составления отдельных частей «Семи Партий» до сих пор остается предметом дискуссий. Проблема заключается в том, что первые полные рукописи памятника появляются лишь к середине XIV в.¹⁰⁴ Однако в случае интересующих меня норм Второй Партиды, касающихся организации университетской жизни, существуют серьезные основания утверждать, что они были сформулированы в эпоху Альфонсо X и при его личном участии. И не в последнюю очередь об этом свидетельствуют документы из папских

¹⁰⁴ См., напр., об этом: Марей А.В. Язык права средневековой Испании... С. 28–31.

Альфонсо VIII Кастильский. Миниатюра XIII в.

и университетских архивов, подтверждающие личный вклад «мудрого короля» в дело становления университетов в Кастилии и Леоне.

Насколько можно понять из текстов папских грамот, именно кастильскому королю принадлежала инициатива возрождения переживавшего период упадка Саламанкского университета, в апреле 1255 г. всецело поддержанная посланием Папы Иннокентия IV¹⁰⁵. В октябре того же года Альфонсо X добился разрешения следующего Папы — Александра IV, позволившего всем клирикам королевства (кроме регулярных) обучаться в Саламанке цивильному праву и тем самым способствовавшего притоку студентов в возрожденный *studium generale*¹⁰⁶. Наконец, в июне 1260 г. тот же Папа специальным посланием поддержал другую королевскую инициативу — учреждение школы латинского и арабского языков в Севилье¹⁰⁷.

Еще более интересную картину отношения «мудрого короля» к делу становления и развития университетского образования в Кастилии и Леоне рисуют королевские грамоты. Оказывается, уже вскоре после своего вступления на престол в 1252 г. молодой правитель издал два документа, непосредственно посвященные Саламанкскому университету. В первом из них,

¹⁰⁵ Bull. Salam. P. 320, doc. no. 10 (a. 1255, Napoli): apud Salamaticam civitatem ... generale studium statuisti.

¹⁰⁶ Ibid. P. 323, doc. no. 16 (a. 1255, Anagni).

¹⁰⁷ Ibid. P. 323, doc. no. 17 (a. 1260, Anagni).

датированном 9 ноября 1252 г., Альфонсо X приказывает консехо г. Саламанки защищать права магистров и студентов, подтвердив привилегии, ранее пожалованные университету Альфонсо VIII и Фернандо III¹⁰⁸. Следующим днем — 10 ноября 1252 г. — датируется второе королевское послание саламанской территориальной общине, запрещающее горожанам представлять оружие и оказывать помощь студентам, склонным к буйному поведению и дракам (*peleadores*). Впредь подобная практика запрещалась под страхом выплаты штрафа в 100 мараведи в пользу короля¹⁰⁹.

Однако наибольшую значимость имело третье королевское постановление, провозглашенное полтора года спустя, в мае 1254 г., по просьбе студентов Саламанского университета (*estudio*), переданной через посредство их представителя (прокуратора). Постановление представляет собой пространную королевскую привилегию, затронувшую главные стороны университетской жизни.

Оно начинается нормами, регламентирующими сдачу студентам жилья в городе для устройства dormitorиев (студенческих общежитий). Запрещалось занимать помещения, ранее арендованные другими студентами. Собственникам домовладений (горожане из числа мирян, каноники или клирики) не разрешалось взвинчивать плату за него свыше 17 мараведи (вероятно, в год); за этим должны были следить особые должностные лица — консервадоры университета (*conseruadores¹¹⁰ del estudio*). Кроме того, студенты должны были неукоснительно соблюдать запреты, связанные с отлучением от церкви, наложенные на них местным епископом. К тому же без согласия последнего студенческой корпорации (*universitat*) запрещалось иметь собственную печать (причем местным алькальдам вменялось в обязанность защищать королевские права и привилегии, пожалованные корпорации ранее). Право наказывать студентов — вплоть до заключения в карцер и изгнания из города — отныне предоставлялось ис-

¹⁰⁸ La Fuente. Apénd. P. 294, doc. no. 5 (a. 1252, Badajoz).

¹⁰⁹ Ibid., doc. no. 6 (a. 1252, Badajoz).

¹¹⁰ От средн. лат. *conservator* — «служащий», «представитель» в широком смысле (вплоть до прокуратора). См.: Niermeyer J.F. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden: Brill, 1979. P. 253–254. Как будет показано ниже, в данном случае речь идет о должностных лицах, позднее именовавшихся *rectores* — ректорами. В папских регистрах, в записях, касающихся Саламанского университета, термин *conservador* (лат. *conservator*) встречается под 1255 г.; в тот период он обозначал главу университетской администрации, поставленного Папой и изначально имевшего широкие полномочия — вплоть до отлучения от Церкви. См.: ut nullus delegatus vel subdelegatus, executor seu etiam *conservator* possit auctoritate sedis apostolicae vel legatorum ipsius in universitatem absque speciali mandato sedis ejusdem faciente de indulgentia hujusmodi metionem (Bull. Salam. P. 321, doc. no. 12 (a. 1255, Anagni)).

ключительно епископу и старшему магистру (лат. *magister scholarum*, кастил. *maestrescuela*), назначавшемуся Папой и имевшему широкие полномочия (в частности, в вопросах о присуждении ученых степеней); правда, преступления, совершенные горожанами против студентов, по-прежнему поддежали суду алькальдов.

Значимость этих норм не подлежит сомнению, однако уступает важности завершающей части документа, которая не только устанавливает четкое штатное расписание, включавшее как профессоров (магистров и бакалавров), так и служащих университета, но и — беспрецедентная норма для XIII в.¹¹¹ — гарантирует университету государственное финансирование, покрывающее расходы как на выплату должностных окладов, так и на другие статьи, связанные с деятельностью учебного заведения. Размер жалованья соотносился со сферой деятельности соответствующего должностного лица. В итоге получалась следующая картина. Для преподавания цивильного права учреждались одна ставка магистра (с оплатой 500 мараведи в год — сумма поистине гигантская!) и одна — бакалавра из числа каноников (которому жалованья не полагалось, поскольку он получал доход от своей пребенды). Каноническое право должны были преподавать один магистр-декретист¹¹² (300 мараведи в год) и два магистра-декреталиста¹¹³ (500 мараведи в год). Преподавание «искусств» (*artes*) возлагалось на двух магистров логики (200 мараведи в год) и двух магистров грамматики (200 мараведи в год). Штат служащих включал стационария (100 мараведи в год) (особо оговаривалось, что все имеющиеся у него экземпляры текстов должны быть качественными и точно соответствовать оригиналу), магистра-органиста (50 мараведи в год) и аптекаря (50 мараведи). Консервадорами (ректорами) с окладом в 200 мараведи в год назначались сенешаль Арналь и декан Саламанкского собора; кроме того, последний получал еще 200 мараведи для покрытия иных расходов, связанных с деятельностью университета. В целом, королевские расходы на Саламаннский студиум должна были, таким образом, составить 2500 мараведи в год, что следует признать весьма значительной суммой; распоряжение этими деньгами поручалось консер-

¹¹¹ Для сравнения: в Болонье первые упоминания о профессорском жалованье фиксированного размера относятся к 1279 г. Но даже тогда речь шла о суммах, выплачивавшихся не государством, а студенческой корпорацией. См.: Bellomo M. Universidad en la época del Derecho Común... Р. 153–155.

¹¹² Декретисты преподавали первую часть канонического права — Декрет Грациана; см.: A History of the Universities... Vol. 1. Р. 393.

¹¹³ Декреталисты преподавали заключительную часть Корпуса канонического права — папские декреталии (*Liber Extra* Григория IX, *Liber Sextus* Бонифация VIII и др., книги, добавленные в XIV в. и позднее). См.: Ibid.

вадорам, которые становились подотчетными королю и/или назначенному им представителю¹¹⁴.

Очевидно, что именно эти меры, проведенные по приказанию Альfonсо X, и имел в виду Папа Иннокентий IV, заявляя в своем послании королю, датированном 1255 г., что тот фактически «учредил» (*statuisti*) Саламанкарский университет. Однако королевская привилегия 1254 г. интересна и в другом отношении: ее содержание свидетельствует о наличии у «мудрого короля» довольно целостного представления об университетской жизни. В этом плане упомянутый выше титул Партид Part.II.31 («Об училищах, в которых получают знания, и о магистрах, и об учащихся»¹¹⁵) оказывается прямым и непосредственным развитием привилегии 1254 г. С той, однако, разницей, что если в первом случае предметом заботы законодателя являлась регламентация жизни реально существующего учебного заведения, то в Партидах в качестве такового предмета выступал университет идеальный, некая обобщенная модель, призванная стать образцом для дальнейшего формирования существующих студиев и основания новых.

При знакомстве с этой моделью естественным возникают два основных вопроса. Первый — о реальных прототипах (или, по меньшей мере, основном прототипе) идеальной модели. Второй — о степени ее влияния на дальнейшую эволюцию университетов в Кастилии и Леоне. Ниже я постараюсь предложить ответы на оба.

3.2. Место расположения идеального университета

Идеальный характер модели проявляется уже в размышлениях законодателя о месте расположения университета, которому специально посвящен закон 2 («В каком месте следует основывать училища и каким образом должны быть защищены магистры и студенты»)¹¹⁶. Сами по себе размышления о таком месте содержат элемент правовой утопии. Прежде всего, последнее проявляется в замечаниях о том, что в городе, ставшем местом расположения студия, воздух должен быть приятным, а путь к городским воротам (*salidas*) — радовать глаз, «чтобы магистры, дающие знания, и студенты, которые их усваивают, вели в нем здоровую жизнь, и по вечерам, когда утомленными они встанут из-за своих занятий, могли бы предаваться отдыху и наслаждаться окружающим»¹¹⁷.

¹¹⁴ La Fuente. Apénd. P. 295–297, doc. no. 7 (a. 1254, Toledo).

¹¹⁵ Part.II.31: De los Estudios, en que se aprenden los saberes, e de los maestros, e de los escolares.

¹¹⁶ Part.II.31.2: En que logar deue ser establecido el Estudio, e como deuen ser seguros los maestros e los Escolares.

¹¹⁷ Ibid.

Папа римский Иннокентий IV. Портрет XVII в.

Этому закону вторит другой — Part.II.31.5, согласно которому занятия надлежит проводить за пределами города, на открытом воздухе, так, однако, чтобы одни магистры чтением своих лекций не создавали проблем для других, преподающих неподалеку¹¹⁸.

Подобные элегические представления об обучении в окружении живой природы отражают представления, восходящие, по меньшей мере, к платоновскому «Государству», с его рассуждениями об идеальном образовании и воспитании. О том, сколь рано эти представления утвердились на пиренейской почве, свидетельствует, в частности, анонимный трактат «Дисциплины для воспитания» (*Institutionum Disciplinae*), написанный во второй половине VII или в VIII в. и длительное время приписывавшийся Исидору Севильскому. Неизвестный автор, восхвалявший физические упражнения на свежем воздухе, рассматривает их как важное средство воспитания духа ученика и завершает текст прямой ссылкой на своего знаменитого предшественника: «Итак, наконец, каждый, усвоивший столько и таких прекрасных искусств и норм поведения, по праву сможет достичь почестей и власти, чтобы с полным основанием на него распространялось замечательное высказывание Платона: государство управляет правильно тогда, когда правят философы и философствуют правящие»¹¹⁹.

¹¹⁸ Part.II.31.5: En que logares deuen ser ordenadas las Escuelas de los Maestros, o de los Escolares.

¹¹⁹ Inst. Disc.: Sic denique tot tantisque praeclaris artibus moribusque instructus iure quisque ille ad honestatem imperiumque poterit peruenire, ut recte in eo ascribantur praecepua Platonis illa sententia: tunc bene regi rem publicam quando imperant philosophi et philo-

Завершающие замечания законодателя о том, что город, ставший местом расположения университета, должен быть в изобилии снабжен хлебом и вином и располагать достаточным количеством недорогого жилья, подходящего для аренды и образования dormitorieов, носят, однако, многое более практический характер. Они явно продиктованы реальным опытом университетской жизни и тесно связаны, в частности, с положением рассмотренной выше привилегии 1254 г., предусматривавшим контроль над ценами на аренду жилых помещений, сдаваемых студентам. Не случайно соответствующие положения закона Part.II.31.5 почти полностью воспроизводят эту норму в отношении правил найма жилья, прежде всего — запрета занимать помещения, уже арендованные другими студентами. Очевидно, «плотность» студенческого населения предполагалась весьма значительной даже в идеальном университете.

Впрочем, иное было бы странным: ведь значимость этой проблемы ощущалась и далеко за пределами Испании, в том числе — в самой Болонье, на что, в частности, обращает внимание М. Белломо¹²⁰. Обусловленное же этим избрание специальных должностных лиц для урегулирования проблем, связанных с оплатой жилья, съестных припасов и иных расходов также являлось обычной практикой. В той же Болонье этим занимались так называемые *taxatores hospiciorum*, известные по statutам 1317 и 1347 гг.¹²¹ Таким образом, при ближайшем рассмотрении в утопическом образе идеального местоположения университета оказывается отнюдь не столько утопии, сколько можно было бы себе представить.

Впрочем, это касается и других аспектов университетской жизни, регламентируемых титулом Part.II.31.

3.3. «Училища» «общие» и «особенные».

От «училища» к идеальному университету

Несмотря на то, что рассмотрение образа идеального университета, ограниченного в титуле Part.II.31, я начал с проблемы выбора места расположения такого, однако сам законодатель в первую очередь рассуждает о вопросах более общего плана, а именно — с определения понятия *estudio* (дослов-

sophantur imperatores. Русский перевод см.: Ауро́в О.В. «Дисциплины для воспитания»: малоизвестный педагогический трактат эпохи раннего Средневековья (латинский текст, перевод, комментарий) // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2013. № 1 (28). С. 7–20.

¹²⁰ Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 32–33.

¹²¹ Scwinger RCh. Student Education, Student Life // A History of the University in Europe. T. 1. P. 236–237.

но — «училище»). Рассматривая последнее как «сообщество магистров и студентов, которое создается в каком-либо месте добровольно и со стремлением усвоить знания», составители «Семи Партий» подразделяют училища на «общие» (*estudios generales*) и «особенные» (*estudios particulares*)¹²².

Принципиальное отличие между первыми и вторыми явно свидетельствует об их болонском происхождении: как известно, именно в Болонье университет (*studium generale*) сложился как совокупность отдельных школ — сообществ учеников, объединенных фигурай преподавателя и известных с конца XI — начала XII в.; разумеется, такие учебные заведения изначально были частными и создавались по частной инициативе. В начале XII столетия намечаются изменения: четко фиксируется факт существования школ, специализировавшихся на преподавании права¹²³, состояние университетских дел все менее рассматривается как исключительно частное дело студентов и профессоров. Поворот произошел в середине XII — начале XIII в.: в 1158 г. появилась уже неоднократно упоминавшаяся знаменитая привилегия Фридриха Барбароссы, а к началу следующего столетия в дела управления школами, первостепенная важность которых для города к этому времени стала очевидной, все активнее вмешивались должностные лица болонской коммуны. Лишь с учетом этих фактов можно адекватно понять замечания законодателя об учреждении «особенных» школ по решению прелатов и территориальных общин-консехо, с одной стороны, а «общих училищ» (собственно — университетов) — по указанию Папы, императора (именно так!) или короля¹²⁴. И если причины помещения в этот ряд последнего вполне объясняются тем, что «Семь Партий» относились к королевскому законодательству, то упоминание о Папе и императоре самым непосредственным образом отсылает к политическим реалиям Священной Римской империи, то есть в конечном счете все к той же Болонье.

Исходя из той же болонской модели, несложно объяснить и конкретный перечень специализаций магистров, содержащийся в законе Part.II.31.1: магистры «свободных искусств» (грамматики, логики, риторики, арифметики, геометрии, музыки и астрологии (астрономии)), а также цивильного и канонического права (в последнем случае речь идет исключительно о декретистах — *maestros de decretos*). Такая структура обучения — «семь свободных искусств» (условная классификация дисциплин, выполнявших

¹²² Part.II.31.1: Que cosa es Estudio, e quantas maneras son del, e por cuyo mandado deue ser fecho.

¹²³ См., напр., об этом: Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 1–3; A History of the University in Europe... P. 77–106.

¹²⁴ Part.II.31.1.

вспомогательную роль), а также цивильное (Юстинианово) и каноническое право — характерна в первую очередь для Болонского университета, который в ранний период своей истории представлял собой не что иное, как совокупность правовых школ; важно и то, что в Болонье (а затем, по его образцу, и в Падуе, и в Саламанке) до второй половины XIV в. не практиковалось преподавания богословия¹²⁵; отсюда — и отсутствие упоминаний о преподавании богословских дисциплин в «Семи Партидах».

Интересно сравнить перечень дисциплин, представленный в Part.II.31.1, с тем списком, который содержится в уже неоднократно упоминавшейся привилегии Саламанкскому университету 1254 г. Спектр «свободных искусств», предлагаемых для преподавания студентам, выглядит в последней гораздо скромнее; однако этот факт лишь подтверждает подчиненный характер, который преподавание *artes* носило в Болонье и в университетах, построенных по образцу *alma mater studiorum*.

То же неоспоримое болонское влияние прослеживается и в структуре идеального университета. Содержание уже упоминавшихся выше законов Part.II.31.1 и Part.II.31.5 представляет университет (*estudio general*) совокупностью специализированных школ — цивильного и канонического права, а также «свободных искусств» (с возможной более узкой специализацией в области грамматики, логики, риторики, арифметики, геометрии, музыки и астрологии (астрономии)). Это вполне соотносится с данными документов из Болонского университетского картулярия, касающимися основания отдельных школ-студиумов — основных структурных элементов болонского *studium generale*, сообщества школ такого рода. В Болонье начала XIII в. учреждение новых студиумов уже не являлось частным делом профессоров; оно подлежало утверждению городскими властями и должно было происходить во дворце коммуны, где глава вновь основываемой школы перед лицом судьи, представлявшего болонского подеста, и в присутствии свидетелей торжественно клялся неукоснительно соблюдать соответствующие положения коммунальных статутов¹²⁶.

Остается заметить, что болонская модель университета как сообщества школ прослеживается на примере отнюдь не только одной Саламанки

¹²⁵ Life G. The trivium and the Three Philosophies // A History of the University in Europe... P. 306–309.

¹²⁶ См., напр.: In palacio communis Bononiae, in presentia testium rogatorum et vocatorum ... in quorum presentia venit dominus Bonefatius quondam filius domini Odderici Bonicoscili ante dominum Frassum iudicem domini Guillielmi de Pusterla, volens regere Studium legum, corporaliter iuravit coram predicto domino Frasso iudice potestatis, ita observare et facere, ut in statuto de dominis legum continetur (Chart. Bonon. P. 33, doc. no. XXXVII (a. 1220)); см. также: Ibid. P. 35, doc. no. XXXIX (a. 1221) et al.

Лекция в средневековом университете. Миниатюра 1350-х гг.

второй половины XIII–XIV в. Мы видим ее и в других местах, например в Павии. Так, в послании Папы Гонория III, посвященном организации Паленсийского университета, упоминаются студиумы-школы богословия, канонического права *et aliarum facultatum*¹²⁷. В других булах (датированных 1220 и 1225 гг.) того же Папы, упорно пытавшегося сообщить дыхание жизни явно умиравшей структуре, упоминаются преподаватели богословия, канонического права, логики, а также искусств (*au(c)torista*)¹²⁸. В итоге школы в Паленсии сохранились (так, например, школа грамматики как отдельная структура упоминается еще и в конце XIV в.¹²⁹), но университетским городом не стал.

При ближайшем рассмотрении пример Паленсии оказывается исключением лишь отчасти. Как и в Болонье, в Кастилии и Леоне именно со школ-студиумов и начинался университет, факультетами которого они становились; в частности, папские документы содержат информацию о севильском студиуме, где преподавались латинский и арабский языки¹³⁰,

¹²⁷ Bull. Salam. P. 309, doc. no. 3 (a. 1221): ...in civitate tua scholas theologiae, sacrorum canorum et aliarum facultatum.

¹²⁸ Ibid. P. 308, doc. no. 2 (a. 1220); Ibid. P. 309, doc. no. 4 (a. 1225).

¹²⁹ Ibid. P. 419, doc. no. 140 (a. 1372).

¹³⁰ Ibid. P. 323–324, doc. no. 17 (a. 1260). В дальнейшем центром преподавания восточных языков стала Саламанка, вошедшая в число пяти европейских университетов, в которых в 1312 г. постановлением Виенского собора *Inter sollicitudines* были введены курсы еврейского, арабского, а также греческого. См., напр., об этом: Beltrán de Heredia V. *Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218–1600)*. T. 1. P. 100–102.

а также о кордовском, где изучались «искусства» (в том числе — музыка), каноническое и, возможно, цивильное право¹³¹. Однако отдельной школой все могло и закончиться: как известно, ни Севилья, ни Кордова до конца Средних веков в конечном итоге так и не превратились в университетские центры.

Там же, где этого не происходило — и прежде всего в самой Болонье, — уровень школы-студиума оставался ключевым, ведь, собственно говоря, школы и были университетом. Все, что возникало на уровне управления *studium generale* в целом, представляло собой не более чем самоуправляющуюся структуру — университетскую корпорацию как таковую. Все главные проблемы решались на уровне школ; на долю университета-*universitas* изначально оставались вопросы скорее гармонизации, чем унификации норм академической жизни в той мере, в которой это было необходимо; тот факт, что до середины XIII в. университет обходился без статутов, показателен сам по себе¹³².

Сказанное в полной мере поясняет причины, по которым система управления идеальным университетом, отраженная титулом Part.II.31, кажется скорее намеченной, чем детально прописанной, а четко отделить «профессиональных» управленцев от представителей академического сообщества, выбранных на общественных началах, порой практически невозможно.

Так, закон Part.II.31.2 упоминает о «представителях» (*mensajeros*) профессоров и студентов, которым гарантируется особая защита и с которых запрещается брать залоги или задерживать их за долги. Содержание еще одного закона — Part.II.31.10¹³³ — позволяет уточнить эту информацию, поясняя, о какого рода *mensajeros* идет речь. Оказывается, в данном случае подразумевается классный надзиратель — педель (лат. *bidellus*¹³⁴). В его обязанности входит в первую очередь распространение всякого рода офи-

¹³¹ Ibid. P. 350, doc. no. 43 (a. 1343, Villanueva); in Cordubén. civitate de artibus actu regentis; Ibid. P. 462–463, doc. no. 178 (a. 1386).

¹³² Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 19–52, 187–212; A History of the University in Europe... P. 108–141.

¹³³ Part.II.31.10: «Como todos los Escolares del Estudio ayan un mensajero, e que llaman Bedel, e qual es su oficio».

¹³⁴ П е д е л ь (от прев. *bedel*, восходящего к франкск. **budil*, др.-в.-нем. *bital* — « тот, кто востребует»;ср.: англ. *beadle*, нем. *Pedell*) — в современном языке — надзиратель в учебном заведении. О статусе педелей в Болонском университете XIII в. см., напр.: Pini A.I. Per una storia sociale dell'università: i bidelli bolognesi nel XIII secolo: Il bidello medievale tra università e società cittadina //Annali di Storia delle Università italiane. 1997. No. 1. P. 43–76.

циальной информации, касающейся праздников, продажи книг, организации их копирования в конкретных стациях (лавках стационариев), мест и времени проведения общих собраний, а также экзаменов на получение степени магистра. При этом никакой информации о формах ответственности педеля за выполнение его функций, а также о способах вознаграждения за исполнение его обязанностей не сообщается. Очевидно, что решение всех этих вопросов законодатель оставлял либо за главой школы¹³⁵, по поручению которого иногда действовал педель, либо — главным образом! — за студенческой корпорацией (*universidad*), должностным лицом которой педель и являлся.

Как и в Болонье в ранний период истории *alma mater studiorum*, в титуле Part.II.31 именно студенческая корпорация олицетворяет университет в целом. Показательно, что составители «Семи Партий» не используют термин *universidad* для обозначения преподавательских сообществ, предпочитая в более общем виде именовать их «братствами» (*hermandad*), хотя речь несомненно идет об *universitas* в самом широком смысле. Закон Part II.31.6¹³⁶, специально посвященный студенческим и преподавательским «братствам», подчеркивает их основополагающую роль при решении вопросов, представляющих общий интерес. Отдельное внимание уделяется проблеме старшины — ректора — и регламентации его полномочий. Из текста закона явствует, что последние касались, по преимуществу, вопросов дисциплины; ректору полагалось: «наказывать студентов, дабы они не создавали группировок и не устраивали драк ни вместе с студентами из разных мест, ни между собой. И чтобы следили за тем, чтобы по отношению к членам корпорации не допускалось бесчестных и беззаконных действий. Надлежало также следить, чтобы никто не расхаживал по ночам, но все отдыхали на своих местах на постоянных дворах и предавались исследованиям, и учебе, и добродетельной и честной жизни». При этом, однако, право привлечения студента к ответственности за уголовные преступления сохраняется за судьей.

Уже рассмотренный выше закон Part.II.31.11 позволяет расширить круг полномочий ректора, добавив к ним те, которые касались назначения на должность стационария и организации надзора за его деятельностью (о которых уже подробно говорилось выше). Упомянутый стацио-

¹³⁵ Part.II.31.10: *mayoral del estudio*. Возможно, это должностное лицо в папских грамотах фигурирует под наименованием *administrator studii* (Bull. Salam. P. 397–398, doc. no. 114 (a. 1364); P. 482–483, doc. no. 209 (a. 1391)).

¹³⁶ Part.II.31.6: Como los Maestros, e los Escolares pueden fazer ayuntamiento, e hermandat entre si, e escoger uno que los castigue.

нарий также должен быть причислен к должностным лицам университета, и на этом информация о составе университетской администрации исчерпывается.

Насколько эти сведения соответствовали реалиям университетской жизни Кастилии и Леона? Несомненно, они соотносятся с тем, что нам известно из актового материала, хотя очевидно, что жизнь не стояла на месте и постепенно все в большей мере выходила за рамки модели болонской *alma mater studiorum* на раннем этапе его истории. Об этом свидетельствуют как содержание подробно рассмотренной выше привилегии Альфонсо X, в 1254 г. пожалованной университету Саламанки, так и данные папских грамот.

Выше уже говорилось о том, что именно сложившаяся университетская корпорация, устойчивое академическое сообщество определяло облик Саламанкского университета, по меньшей мере, с середины XIII в. Не случайно именно к корпорации-*universitas* — сообществу магистров, ректоров и студентов — обращаются Папы в своих посланиях: *universitati magistrorum, rectorum et scholarium*¹³⁷. Именно саламанская *universitas* в 1255 г. получила право присваивать ученые степени и сполна пользовалась этим правом¹³⁸. Именно она, обладавшая всеми признаками юридического лица, включая право на обладание собственной печатью¹³⁹, раз за разом обращалась к Папе с просьбой о предоставлении каноникатов¹⁴⁰, пребенд и бенефиций своим конкретным членам, таковых не имеющим, но обладающим правом на получение вознаграждений за преподавательскую деятельность или на материальную помощь на время учебы¹⁴¹; и Папы нередко шли навстречу таким просьбам¹⁴².

Наконец, именно корпорация-*universitas*, статуты которой впервые упоминаются в доступных мне папских документах в 1393 г.¹⁴³, назнача-

¹³⁷ Bull. Salam. P. 320, doc. no. 11 (a. 1255); Ibid. P. 320–321, doc. no. 12 (a. 1255); Ibid. P. 321, doc. no. 13 (a. 1255) etc.

¹³⁸ Ibid. P. 321, doc. no. 15 (a. 1255); Ibid. P. 322–323, doc. no. 15 (a. 1255).

¹³⁹ Ibid. P. 320, doc. no. 11 (a. 1255, Anagni).

¹⁴⁰ То есть должности каноников, со всеми причитающимися им доходами, прежде всего — от пребенд.

¹⁴¹ См., напр.: P. 352, doc. no. 46 (a. 1343, Avignon); P. 359–360, doc. no. 58 (a. 1345, Villanueva) и др.

¹⁴² См., напр.: P. 343–344, doc. no. 34 (a. 1340, Avignon).

¹⁴³ Ibid. P. 495, doc. no. 218 (a. 1393): statutis dicti studii contrariis. Самые первые (не сохранившиеся) статуты Саламанкского университета были приняты в 1381 г. См.: Beltrán de Heredia V. Catálogo de la Universidad de Salamanca (1218–1600). Т. 1. Salamanca, 1970. P. 190.

ла и контролировала деятельность ректоров, которых изначально было не менее двух и которые неизменно фигурируют в одном ряду с магистрами и студентами — полноправными членами той же корпорации¹⁴⁴. Вместе с тем, однако, тесная связь Саламанкского университета с папским Римом (а позднее — с Авиньоном) предопределила появление ряда должностей, не упоминаемых в «Семи Партидах»; все эти должностные лица назначались либо непосредственно Папой, либо (по его поручению) папскими легатами или епархиальными властями Саламанки. Судя по актовому материалу, к числу таковых относились старший магистр (*magister scholarum*), представитель Папы, ответственный за присвоение ученых званий выпускникам университета, впервые упоминаемый в 1255 г.¹⁴⁵, а также схоластик (*scholasticus*), клирик диоцеза, которому поручался надзор за школами в епархии и соответствующими бенефициями и пребендами¹⁴⁶. Добавлю также, что на рубеже XIII—XIV вв. появились первые сведения о канцлерах университета, ответственных за ведение университетского делопроизводства, однако в доступных мне документах эта должность не упоминается, и потому я ограничусь ссылкой на данные В. Бельтрана де Эредии¹⁴⁷.

3.4. Профессора идеального университета, их статус и привилегии

Выше уже говорилось о том, что средневековый университет в первую очередь являлся социальным сообществом. И совсем не случайно в то время, как административные структуры — как в реальном университете XIII—XIV вв., так и в его идеальном отражении в титуле Part.II.31, — были прорисованы довольно нечетко, этого не наблюдается применительно к двум основным элементам университетской корпорации — профессорам и студентам, информация о которых отличается высокой степенью конкретности.

Для обозначения представителей профессорского корпуса кастильский законодатель использует термин «магистр» (*maestro*). В широком смысле под ним понимаются преподаватели всех категорий, в узком —

¹⁴⁴ Bull. Salam. P. 320, doc. no. 11 (a. 1255); P. 321, doc. no. 13 (a. 1255); P. 352, doc. no. 46 (a. 1343, Avignon); P. 352, doc. no. 47 (a. 1343, Avignon); P. 359—360, doc. no. 58 (a. 1345, Villanueva).

¹⁴⁵ Bull. Salam. P. 321—322, doc. no. 14 (a. 1255); P. 335—336, doc. no. 28 (a. 1333).

¹⁴⁶ Bull. Salam. P. 333—334, doc. no. 26 (a. 1321).

¹⁴⁷ См., напр., об этом: *Beltrán de Heredia V. La cancillería de la Universidad de Salamanca // Salmanticensis. 1954. N. 1; Idem. Catálogo de la Universidad de Salamanca (1218—1600). T. 5. Salamanca, 1973. P. 9—10.*

лица, получившие официальное разрешение (*licençia*) на преподавание, то есть ученую степень¹⁴⁸ и являющиеся главой собственной школы (в Болонье для наименования таковых в XII–XIV вв. использовали характерное понятие *dominus*).

Порядок проведения экзамена на степень магистра, регламентируемый законом Part.II.31.9¹⁴⁹, частично уже рассматривался мной выше, там, где речь шла о принципах университетского преподавания, поэтому ограничусь лишь краткими замечаниями. В качестве претендентов выступали лица, ранее прошедшие полный курс обучения и зарекомендовавшие себя с положительной стороны; использование законодателем понятия *discipulo* позволяет предположить, что, помимо учебного курса, студент должен был пройти некую дополнительную «подготовку к профессорскому званию», соотносимую со статусом современного аспиранта. Кроме того, необходимо было обладать положительной репутацией и хорошими манерами. Лицо, удовлетворяющее этим требованиям, допускалось к чтению нескольких открытых лекций (их тематика определялась по выбору самого претендента). В процессе их чтения следовало проявить хорошее понимание текста и гlosсы по избранной дисциплине, умение достойно держаться за кафедрой, а главное — ораторские способности и профессиональную компетентность при ответах на заданные вопросы и высказанные замечания. Окончательное решение принималось комиссией, состоящей из опытных профессоров, глав собственных школ, обсуждение в которой было тайным. В случае, если соискатель степени признавался достойным ее, он должен был принести клятву в том, что будет добротно и верно преподавать свою дисциплину, что ни лично, ни через другое лицо не пытался воздействовать на решение комиссии путем дачи взятки и что он никогда не сделает этого в будущем.

В целом, описанная процедура проведения экзамена совпадала с порядком, действовавшим в Болонье, а также в тех университетах, которые восприняли ее модель. Изначально экзамен на получение *licentia docendi* (одновременно являвшийся выпускным) проводил сам читавший курс преподаватель. Однако уже в 1219 г. Папа Гонорий III специальной буллой возложил обязанность приема экзамена на архиђакона Болоньи, что было призвано обеспечить независимость принимаемого решения. В дальнейшем болонский архиђакон превратился в председателя комиссии, процедура

¹⁴⁸ Part.II.31.9.

¹⁴⁹ Part.II.31.9: Como deuen prouar al Escolar que quiere ser Maestro, ante que le otorguen licencia.

Папа римский Гонорий III. Гравюра XVII в.

деятельности которой постоянно усложнялась и во второй половине XIII в. была приблизительно такой, которая описана в Part.II.31.9 (что, впрочем, не являлось конечной точкой процесса совершенствования деятельности рассматриваемого учреждения)¹⁵⁰.

К сожалению, сравнить детали процедуры приема экзаменов с той, которая реально практиковалась в университетах Кастилии и Леона в исследуемый период, не представляется возможным из-за отсутствия источников: приходится ограничиться лишь замечанием о том, что комиссия должна была состоять не менее чем из трех-четырех опытных профессоров¹⁵¹. Так или иначе, можно уверенно утверждать, что сдача квалификационных экзаменов в Саламанке стала будничным делом после того, как в 1255 г. Папа Александр IV пожаловал местной университетской корпорации право присваивать ученые степени, с их обязательным признанием всюду, кроме Парижского и Болонского университетов¹⁵². Начиная с этого времени папские регистры упоминают о соответствующих процедурах многократно: экзамены на получение ученой степени сдаются по

¹⁵⁰ Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 239–240, 245–257; Vergier J. Teachers //A History of the University in Europe... P. 145–147.

¹⁵¹ См., напр.: ...et post quattuor, saltim trium, in ejusdem juris facultate magistrorum diligentem examinationem, ad gradum et honorem magisterii facultatis ejusdem suscipiendo sufficienes et idoneas repereris... (Bull. Salam. P. 431, doc. no. 157 (a. 1380)); ...si post diligentem examinationem quatuor magistrorum in eadem theologia ad hoc sufficiens et idoneus repertus extiteris... (Bull. Salam. P. 462, doc. no. 177 (a. 1381)) etc.

¹⁵² Ibid. P. 322–323, doc. no. 15 (a. 1255).

цивильному и каноническому праву, богословию, а также «искусствам». Причем добиться права допуска к ним с течением времени оказывалось все сложнее: неоднократно встречаются упоминания о соискателях, к моменту получения степени уже имевших педагогический стаж три-пять лет и более¹⁵³.

Успешно прошедший экзамен и получивший *licentia docendi* обретал права магистра и мог начинать преподавательскую карьеру, избрав направление профессиональной специализации. Согласно закону Part. II.31.3¹⁵⁴ такая специализация была делом обязательным, хотя составители «Семи Партий» и допускали возможность определенных послаблений: «Но если для всех наук не смогут найти магистров, то достаточно, чтобы были магистры грамматики, логики, риторики, цивильного и канонического права».

Уровень оплаты труда профессора, размер которого должен был устанавливаться королем¹⁵⁵, зависел от преподаваемой им дисциплины. В отличие от рассмотренной выше саламанкской привилегии 1254 г., в данном случае законодатель не устанавливает конкретного размера оплаты, а ограничивается лишь констатацией различий ее уровня, а также порядка выплаты жалованья, которое следовало выдавать тремя частями: одна — непосредственно вслед за началом чтения курса (*estudio*), вторая — в Пасху, а третья — летом, в праздник святого Иоанна Крестителя¹⁵⁶.

И термин, используемый для обозначения профессорского жалования (каст. *salario* < лат. *salarium*), и порядок его выплаты явно ориентированы на всё ту же болонскую модель, в рамках которой происходил постепенный переход от индивидуального размера и порядка оплаты согласно частной договоренности между профессором и студентом (*collecta*) к единой тарифной сетке (*salarium*), изначально утвердившейся в университетах Южной Италии и в Неаполе и окончательно введенной в Болонье statutum 1252 г.¹⁵⁷ Отход от системы *collecta* объяснялся резко негативной позицией Церкви, осуждавшей восприятие образования как

¹⁵³ Ibid. P. 335–336, doc. no. 28 (a. 1333); Ibid. P. 398–399, doc. no. 115 (a. 1364); Ibid. P. 415–416, doc. no. 136 (a. 1371); Ibid. P. 427–428, doc. no. 153 (a. 1378); Ibid. P. 431, doc. no. 157 (a. 1380); Ibid. P. 453–454, doc. no. 165 (a. 1381); Ibid. P. 462, doc. no. 177 (a. 1381); Ibid. P. 462–463, doc. no. 178 (a. 1386); Ibid. P. 479–480, doc. no. 203 (a. 1391); Ibid. P. 549–550, doc. n. 310 (a. 1402).

¹⁵⁴ Part. II.31.3: Quantos Maestros deuen ser en el Estudio general, e a que plazos deuen ser pagados sus salarios.

¹⁵⁵ Ibid.: ...e los salarios de los maestros deuen ser establecidos por el Rey.

¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 143–148.

коммерческой услуги. Специально посвященные этому вопросу каноны III и IV Латеранских соборов запрещали взимать плату как с бедных учеников, так и за получение права на преподавание¹⁵⁸. И хотя, строго говоря, эти нормы не касались университетов, а распространялись лишь на епархиальные школы, однако было немало желающих придавать им расширенное толкование¹⁵⁹.

Соответственно, порядок оплаты труда профессоров за счет средств, выделенных королевской властью, предусмотренный в привилегии Альфонсо X от 1254 г., следует рассматривать как закономерное проявление системы *salarium*. В реальности, однако, отнюдь не король выступал спонсором университетов Кастилии и Леона: эту роль в рассматриваемый период неизменно выполняла Церковь (по меньшей мере — применительно к профессорам из среды духовенства). Так, уже в 1220 г. в послании знати и консехо Паленсии Папа Гонорий III требовал, чтобы в течение пяти лет четвертая часть «третей»¹⁶⁰ тратилась на восстановление *studium*, основанного королем Альфонсо VIII, и зарплату магистров; распределение собранных средств вменялось в обязанность местному епископу; в штат студия должны войти богослов, канонист, преподаватели логики и «искусств»; через пять лет новым посланием этот порядок был продлен и на следующее пятилетие¹⁶¹.

Однако система не прижилась. Среди прочего, об этом свидетельствует и попытка взять университеты на содержание Короны (привилегия Альфонсо X от 1254 г.), которая также не увенчалась успехом. И лишь в середине — второй половине XIII в. окончательно сложилась новая, судя по всему — более совершенная, система материального обеспечения как профессоров, так и студентов. Наиболее ранний из известных мне документов, позволяющих представить особенности этой новой системы, датируется 1260 г. Речь идет о папском послании персоналу вновь основанного Альфонсо X *generale studium* в Севилье, в котором Папа Александр IV пожаловал его персоналу из числа клириков право взимать доходы со своих префектов и церковных бенефициев «так же, как это делают профессора и студенты других училищ» — *sicut percipiunt clericisuarum praebendarum et beneficiorum proventus qui docendo et studiendo aliis studiis generalibus immorantur...*¹⁶². Все

¹⁵⁸ Conc. Lateran.III (a. 1179). can. 18; Conc. Lateran.IV (a. 1215). can. 11.

¹⁵⁹ Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 143–148.

¹⁶⁰ Часть десятины, остававшаяся в распоряжении приходского священника и использовавшаяся для ремонта и содержания церкви.

¹⁶¹ Bull. Salam. P. 308, doc. no. 2 (a. 1220). P. 309, doc. no. 4 (a. 1225).

¹⁶² Ibid. P. 323–324, doc. no. 17 (a. 1260).

содержание буллы свидетельствует о том, что описанный порядок является обычным, прочно установившимся. Свидетельство тому — десятки записей в папских регистрах о выделении пребенд и бенефициев как профессорам, так и студентам различных учебных заведений Кастилии и Леона второй половины XIII—XIV в.¹⁶³

Очевидно, что в конечном итоге следствием введения этого принципа оплаты труда стало улучшение материального положения профессоров точно так же, как это в конечном итоге произошло и у их болонских коллег, отказавшихся от *collecta* в пользу *salarium*. Статус преподавателя (особенно — юриста-цивилиста) становился все более выгодным. Дополнительную привлекательность ему создавала система особых льгот и привилегий.

Частично я уже касался этого вопроса выше, говоря о влиянии привилегии, пожалованной болонской *alma mater studiorum* императором Фридрихом I в 1158 г. и ставшей отправным пунктом формирования привилегированного правового положения университетских профессоров. Рассматривая ее нормы как образец, составители «Семи Партид» предусмотрели не только льготный правовой режим для членов университетской корпорации, но и право особого суда по гражданским делам, судьями в котором выступали преподаватели¹⁶⁴. Особенно же обширные льготы получили преподаватели цивильного права, привилегиям которых законодатель посвятил целый закон — Part.II.31.8¹⁶⁵.

Главным прототипом этого закона стала конституция императоров Феодосия II и Валентиниана III, изданная 15 мая 425 г. (на что в своем комментарии указывает и Гр. Лопес). Она вошла в состав Кодекса Феодосия (CTh. VI.21.1), однако ее текст был, скорее всего, известен составителям Партид по версии, вошедшей в состав Кодекса Юстиниана (C.XII.15.1). В первоначальном варианте конституция имела следующий текст:

«Императоры Феодосий Август и Валентиниан Цезарь Феофилу, префекту города. Грамматиков-грецистов Гелладия и Сириана, латиниста Феофила, софистов Мартина и Максима, а также правоведа Леонтия, Нам угодно почтить императорскими указами (*honorari codicillis*) о присвоении им ныне Нашим Величеством звания комитов первого ранга, так, чтобы они получили достоинство экс-викариев. С учетом этого, все другие, кто впредь будут назначены для ведения этого рода преподавания, так что все обучаю-

¹⁶³ Ibid. P. 334, doc. no. 27 (a. 1323, Avignon); P. 343–344, doc. no. 34 (a. 1340, Avignon); P. 358, doc. no. 55 (a. 1345, Avignon); P. 359–360, doc. no. 58 (a. 1345, Villanueva); P. 360, doc. n. 60 (a. 1346, Avignon) и др.

¹⁶⁴ Part.II.31.2.

¹⁶⁵ Part.II.31.8: Que honrras señaladas deuen auer los Maestros de las Leyes.

Папа римский Александр IV. Гравюра XVII в.

щие, если, в силу безупречности поведения, они ведут жизнь, достойную похвалы, если они проявят глубокие знания в том, чему обучают, красноречие в чтении лекций и объяснении материала, а также изысканную тонкость в рассуждениях, и будут сочтены достойными в собрании именитейших, те, кто будут занимать должность в означенном сообществе преподавателей, а именно, когда они достигнут двадцатого года в добросовестном служении и ревностных преподавательских трудах, пусть они удостоятся того же достоинства, что и мужи, названные выше. Дано в мартовские иды, в Константинополе, в 11-е консульство Феодосия Августа, совместное с Валентинианом Цезарем».

Очевидно, что на составителей Партид в первую очередь повлияла сама идея предоставления особых привилегий профессорам права. Соответственно, закон Part.II.31.8 начинается с панегирика этой дисциплине: «Изучение цивильного права — это как бы источник справедливости, и мир пользуется им в большей мере, чем другими науками». Далее, со ссылкой на авторитет римских императоров (разумеется, вполне безосновательно) говорится о пожаловании преподавателям-цивилистам привилегий четырех типов: во-первых, право называться магистрами, рыцарями (обыгранное римское *equites*, переведенное с латинского как *cavalleros* — «всадники», но также и «рыцари») и «сенаторами цивильного права»; во-вторых, особо уважительное отношение к магистрам-цивилистам со стороны их коллег-судей; в-третьих, право беспрепятственной аудиенции у императоров, королей или князей, за исключением особых случаев; в-четвертых, наконец, по истечении двадцатилетнего срока руководства собственной школой, право на получение почестей, полагающихся графу (обыгранное при переводе лат. *comes* — собствен-

но, «комит»¹⁶⁶). Наконец, все магистры (а не только юилисты) согласно закону Part.II.31.8 освобождались от платежей (*pecho*) и военной повинности.

Болонские истоки этой нормы не подлежат сомнению: имя императора Феодосия II пользовалось там особым авторитетом, поскольку в начале XIII в. среди болонских юристов получила распространение приписанная ему норма, полностью фальсифицированная и ложно датированная 433 г. Ее смысл сводился к констатации непрерывности преподавания права в Болонье начиная с римских времен: *studium incorruptum et inviolatum semper... debet permanere*¹⁶⁷. Соответственно, подлинная привилегия 425 г. рассматривалась как несомненное продолжение этих слов.

Что же касается конкретных правовых реалий, зафиксированных документами, то выше уже говорилось о привилегиях Альфонсо X Саламанкскому университету 1252–1254 гг. Судя по содержанию регистров папской канцелярии, Папы не отставали от королей в том, что касалось возвышения академического сословия. Так, предоставив в 1255 г. университетской корпорации Саламанки право иметь собственную печать (между прочим, вопреки королевскому запрету!)¹⁶⁸, Александр IV пошел еще дальше в противостоянии Альфонсо X и в том же году пожаловал университету привилегию, запрещающую любому папскому легату (не говоря уже об архиепископе Саламанки) отлучать университет от Церкви, на время или навсегда без специального приказа Папы, и вскоре продублировал эту норму; более того, следующим посланием тот же понтифик дал саламанкскому старшему магистру право снимать отлучения, наложенные на студентов и профессоров, при условии возмещения ущерба и совершения других необходимых действий лицом, попавшим под отлучение¹⁶⁹.

Саламаннский университет, получивший столь значительные привилегии, вовсе не был абсолютным исключением из правил. Наоборот, привилегированное положение профессорского корпуса, насколько можно судить по доступным мне документам, являлось абсолютной нормой. Не случай-

¹⁶⁶ Прототип этой нормы — упомянутая выше конституция из Кодексов Феодосия и Юстиниана, которая жалует отличившимся преподавателям знаки достоинства комита. См.: CTh. VI.21.1; C. XII.15.1.

¹⁶⁷ См., напр., об этом: Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 139–141.

¹⁶⁸ Bull. Salam. P. 320, doc. no. 11 (a. 1255).

¹⁶⁹ Ibid. P. 320–321, doc. no. 12 (a. 1255); Ibid. P. 321, doc. no. 13 (a. 1255); Ibid. P. 321–322, doc. no. 14 (a. 1255).

но Папа Урбан IV, мечтавший о восстановлении университета в Паленсии, среди прочего, пожаловал его магистрам и студентам такие же привилегии (*privilegiis, indulgentiis, libertatibus et immunitatibus*), которыми на момент издания буллы обладали магистры и студенты Парижского и других университетов¹⁷⁰.

И хотя никаких деталей в данном случае узнать невозможно, главное не вызывает сомнений: речь идет о еще одном законодательном акте, разывающем дух и букву болонской привилегии 1158 г.

3.5. Студенты идеального университета, их статус и привилегии

В законах, составивших титул Part.II.31, студенты и преподаватели, как правило, предстают как члены единой университетской корпорации, о чем уже говорилось выше. Немало общего прослеживается и в привилегиях, которые студенты, наряду с преподавателями, получали в составе такой *universidat(d)*, вплоть до права получения пребенда и бенефициев для получения содержания в период учебы, чем активно пользовались студенты из духовной среды (в противовес мирянам)¹⁷¹. Несомненно, однако, что существовали и специфические черты, свойственные исключительно студенческой, а не преподавательской жизни.

Первой из них являлся буйный студенческий нрав, о чем прямо говорится как в рассмотренных привилегиях Альфонсо X от 1252 г., так и в папских регистрах: достаточно вспомнить рассмотренный выше случай Ордоньо Родригеса де Вильякирана, родственника архиепископа Хиля Альвареса де Альборнос-и-Луна, который в вооруженной схватке с одним из своих товарищей отсек ему мечом два пальца на левой руке¹⁷². Этот случай датируется 1343 г., однако проблема возникла много раньше: многочисленные отлучения студентов прелатом Саламанки, упоминаемые в королевской привилегии 1254 г. и папских привилегиях 1255 г., были вызваны в первую очередь стремлением утихомирить их, охладив пыл наиболее буйных¹⁷³.

¹⁷⁰ Ibid. P. 326, doc. no. 20 (a. 1263).

¹⁷¹ Ibid. P. 341, doc. no. 31 (a. 1336, Avignon); Ibid. P. 342, doc. no. 32 (a. 1336, Avignon); Ibid. P. 343–344, doc. no. 34 (a. 1340, Avignon); Ibid. P. 344, doc. no. 35 (a. 1342, Villanueva); P. 348–349, doc. no. 41 (a. 1343, Avignon); P. 349, doc. no. 42 (a. 1343, Avignon; P. 352, doc. no. 46 (a. 1343, Avignon); P. 352–353, doc. no. 47 (a. 1343, Avignon); Ibid. P. 357, doc. no. 52 (a. 1344, Avignon); P..., doc. 71 (a. 1350, Avignon) etc.

¹⁷² Bull. Salam. P. 349–350, doc. no. 42 (a. 1343, Avignon).

¹⁷³ Ibid. P. 321–322, doc. no. 14 (a. 1255): ...in civitate Salmantina plueres doctores et scholares, propter violentas manuum injectiones in clericos, excommunicati decadant...

Более осторожно та же тема затрагивается в законе Part.II.31.2. Лишь с учетом сказанного выше можно понять, что имел в виду законодатель, говоря о злоупотреблениях — оскорблении, незаконных взятиях залога, актах насилия и прочих беззакониях — в отношении студентов, их родителей и их представителей. Явно симпатизируя академической корпорации, составители «Семи Партий» жестоко карали тех, кто осмеливался поднять руку на студентов: «И всякий, кто это нарушит, забрав у них что либо насильно или ограбив их, должен вдвое заплатить четверть стоимости присвоенного; и если он ранит, или подвергнет бесчестью, или убьет, преступник должен быть жестоко наказан, как тот, кто нарушил Наше перемирие и наши гарантии безопасности»; суровые наказания ждут даже судей, посмевших не выполнить королевское предписание в полном объеме.

Очевидно, что между студентами и преподавателями, с одной стороны, и горожанами — с другой, шла постоянная борьба, порой — вооруженная, сопровождавшаяся вспышками особенно жестокого насилия. Однако такое положение существовало далеко не только в Саламанке и шире — в Кастилии и Леоне. С одной стороны, средневековый мир вообще настороженно относился к чужакам, тем более — живущим по соседству, да еще и в немалом количестве. С другой стороны, студенты также не отличались ангельским нравом. Болонья, Монпелье, Неаполь, Париж — едва ли не все университетские центры Европы прошли через полосу конфликтов такого рода¹⁷⁴. Именно поэтому составители «Семи Партий» были вынуждены хотя бы частично отразить эту болезненную тему. Причем не только прямо, но и косвенно: воспроизведя основное содержание болонской привилегии 1158 г.¹⁷⁵ (Part.II.31.7) и сохранив для студентов право судиться у своих преподавателей, законодатель существенно урезал его, распространив лишь на частные гражданские иски; что же касается уголовной ответственности, то ее студенты должны были нести в общем порядке — по местному фуэро. В противном случае исчез бы жестокий, но зато верный способ охладить буйные горячие головы.

Еще одной характерной проблемой студентов была жилищная. Выше о ней говорилось достаточно подробно, поэтому здесь ограничусь лишь одним замечанием. А именно: тем, что проблемы и сложности расселения

¹⁷⁴ Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 75–106.

¹⁷⁵ Привилегия 1158 г. позднее была включена в состав «Новелл» (*Authentici*) Корпуса Юстинiana как *Habita IV.13*. Однако, как было показано выше, составители «Семи Партий» могли быть осведомлены о ней и непосредственно, что наглядно показывает исследование содержания мадридской рукописи *Mss.392* (C-8).

студенческой братии в полной мере воспроизводят аналогичные проблемы других университетских городов, в том числе — Болоньи. И как бы ни мечтали кастильские законодатели о размещении студентов в пригородной зоне (Part.II.31.5), в этой части правовой утопии было не суждено реализоваться. Дороговизна, скученность, борьба за удобное место жительства или даже за место вообще — все это было непреодолимо ни в Саламанке, ни в Болонье, ни где-либо еще: не случайно в описаниях этих трудностей, происходящих из разных регионов Латинской Европы, совпадает едва ли не все, вплоть до терминологии¹⁷⁶.

Заключительные замечания

Люди, книги, образ жизни — вот три основные направления болонских влияний, изучение которых позволяет составить достаточно целостное (что вовсе не означает *исчерпывающее*) представление о путях становления университетов в Кастилии и Леоне. Цель этих заметок, не претендующих на статус полноценного исследования, заключалась, прежде всего, в том, чтобы показать, что очевидная немногочисленность источников отнюдь не означает невозможности дальнейших исследований.

Действительно, хотя применительно к середине XIII—XIV в. мы знаем не очень многое о тех людях, которые путешествовали из Кастилии и Леона в Болонью в том или ином направлении, порой — туда и обратно, порой — несколько раз. И если персоналий, о которых мы знаем хотя бы что-нибудь, немного, это означает лишь то, что нам следует приложить особые усилия хотя бы для частичной реконструкции их биографий в формате микроистории. На самом деле мы можем сделать это в десятках случаев, просто перейдя от изучения тенденций к изучению людей для того, чтобы затем, уже на принципиально ином уровне вернуться к изучению тенденций. И поверьте, в этом есть смысл. Чего стоит один только казус Томаса (Фомы) Португальского, в качестве студента, а затем преподавателя объехавшего едва ли не всю Латинскую Европу и дающего потрясающий и сегодня пример академической мобильности!

Книги, книжность и все, что с ними связано, представляются значимым источником и сами по себе, и в качестве маркера внешних и внутренних академических связей. Выявление всего круга университетских рукописей в собраниях Испании (и, возможно, не только одной Испа-

¹⁷⁶ Bull. Salam. P. 396, doc. no. 113 (a. 1364); P. 420, doc. no. 142 (a. 1373).

нии) остается делом будущего. История каждого отдельного кодекса, его маргиналий, круга его владельцев — это малая часть истории университетов, которую следует шаг за шагом собрать как пазл. Видимо, здесь и следует искать главный резерв привлечения неопубликованных архивных материалов.

Наконец, *образ жизни* академического сообщества может быть реконструирован далеко не только в опоре на правовые тексты. Далеко не до конца использован актовый материал, не связанный по происхождению с университетскими архивами. Большую роль должны сыграть и вещественные источники.

В России, где традиции академической жизни не отличаются особой древностью и где к тому же они претерпели страшный ущерб в начале, середине и конце XX столетия, исследование университетской культуры западного мира (в том числе — пиренейских стран) играет особую роль. Очень хочется верить, что оно будет продолжено.

REFERENCES

1. *Aurov O.V.* «Disciplines for Education»: a little-known Early-Medieval Pedagogical Text (Latin Text, Translation, Commentary) [«Discipliny dlja vospitaniya»: maloizvestny pedagogichesky traktat epohi rannego Srednevekov'ja (latinskiy tekst, perevod, kommentarii)] //Vestnik PSTGU. Ser. IV: Pedagogika. Psichologija. 2013. N 1 (28). P. 7–20.
2. *Vinogradov P.G.* Roman Law in the Medieval Europe. [Rimskoe pravo v srednevekovoy Evrope]. M., 1910.
3. *Mazhuga V.I.* A Bolognese Exemplar of the Bartolo's Commentary on Digestum Novum in the Archive of SPBII RAN [Bolonsky spisok kommentariya Bartolo da Sassoferato k Digestum Novum v Nauchnom arhive SPbII RAN] // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. LXXI: Nasledie Nikolaja Petrovicha Likhacheva: interpretaciya texta i obraza. Materialy nauchnoy konferencii, posviashchennoy 150-letiyu so dnia rozhdeniya academika Nikolaya Petrovicha Likhacheva (1862–1936). SPb., 2014.
4. *Mazhuga V.I.* On the Creation of Bartolo's Commentary on *Digestum Novum* [Ob istorii sozdaniya kommentarija Bartolo di Sassoferato k Digestum Novum (po danym bolonskogo spiska 1370 g. iz sobranija Arhiva Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN)] // Italia i Europa. Sbornik pamiatni Viktoru Ivanovich Rutenburga. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014.
5. *Marey A.V.* A Considerations about the Reception of the Roman Law: a Formation of European Ius Commune, cent. XII–XV [K osmysleniju fenomena recepcii rimskogo prava: formirovanie ius commune v Zapadnoj Evrope v XII–XIV vv.] // Gosudarstvo i pravo. 2012. № 5. P. 96–102.
6. *Marey A.V.* Language of Medieval Spanish Law: from *Leges XII Tabularum* to *Siete Partidas* [Yazyk prava srednevekovoy Ispanii: Ot Zakonov XII Tablic do «Semi Partid»]. M., 2008.
7. *Martinez Martinez F.* When the Europe was united. Common Law: *mos italicus*, *mos gallicus* and the Castilian appendix [Kogda Evropa byla edinoj. Obshhee pravo, stil italyanskij, stil franzuzskij i kastilskoe prilozhenie] //IUS ANTIQUUM. Drevnee pravo. 2005. №2 (16). S. 143–162.
8. *Miromcev S.A.* A Reception of the Roman Law on the West [Recepacija rimskogo prava na Zapade]. M., 1886.
9. *Poldnikov D.Y.* Contractual Theories of the Classical *ius commune* (cent. XIII–XVI) [Dogovornye teorii classicheskogo ius commune (XIII–XVI vv.)]. M., 2011.

10. Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio / Coord. por Miguel Rodríguez Llopis. Barcelona, 2001.
11. Alma mater librorum. Nove secoli di editoria bolognese per l'Università. Bologna, 1988.
12. Bellomo M. La Europa del Derecho común. Roma, 1999.
13. Bellomo M. Universidad en la época del Derecho Común. Roma, 2001.
14. Beltrán de Heredia V. La cancillería de la Universidad de Salamanca //Salmanticensis. 1954. No. 1.
15. Calasso F. Introduzione al diritto commune. Milano, 1951.
16. Calasso F. Medioevo del Diritto. I. Le fonti. Milano, 1954.
17. Cerdá Ruiz Funes J. «Margarita de los pleitos» de Fernando Martínez de Zamora. Texto procesal del siglo XIII //AHDE. 1950. T. 20. P. 634–738.
18. Emperor of Culture. Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance / Ed. by R. Burns. Philadelphia (Penn.), 1990.
19. Fernández-Ordoñez I. El taller de las Estorias // Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España /Ed. por I. Fernández Ordoñez. Valladolid, 2001. P. 61–82.
20. Fernández-Ordoñez I. El taller historiográfico alfonsí. La Estoria de España y la General estoria en el marco de las obras promovidas por Alfonso el Sabio // El Scriptorium alfonsí: de los Libros de Astrología a las «Cantigas de Santa María» / Coord. por J. Montoya y A. Rodríguez. Madrid, 1999. P. 105–126.
21. Fuente Pérez M.J. El monte Helicon. El studium generale de Palencia y los inicios de la Universidad /Lección Inaugural del Curso Académico 2012–2013. Valladolid: Universidad de Valladolid, 2012.
22. García Valdecasas J.G., Vanderwilde A. Italia en España, Bolonia en don Gil // España y Bolonia: siete siglos de relaciones artísticas y culturales / Ed. por J.L. Colomer, A. Sierra Desfilis. Madrid, 2006. P. 9–16.
23. García y García A. Derecho común en España: los juristas y sus obras. Murcia, 1991.
24. García y García A. El derecho común en Castilla durante el siglo XIII // Glossae. 1993–1994. N 5–6. P. 45–74.
25. Gibbs R. The development of the illustration of legal manuscripts by Bolognese illuminators between 1241 and 1298 // Juristische Buchproduktion im Mittelalter /Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 173–218.
26. González Jiménez M. Alfonso el Sabio. Barcelona, 2004.
27. González Jiménez M. Fernando III el Santo. El rey que marcó el destino de España. Sevilla, 2006.
28. Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte / Herausgegeben von H. Coing. Bd.1: Mittelalter (1000–1500). München, 1973.
29. Historia de la Universidad de Salamanca /Coord. por L.E. Rodiríguez-San Pedro Bezares. T. 2. Salamanca, 2004.

30. *Kuttner S.* The Revival of Jurisprudence // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century. Oxford, 1982. P. 299–323.
31. *La Fuente y Condón V.* Historia de las universidades, colegios y demás establecimientos de enseñanza en España. T. 1. Madrid, 1884.
32. *Lange H., Kriechbaum M.* Römisches Recht im Mittelalter. Bd. 1: Die Glossatoren. München, 1997; Bd. 2: Die Kommentatoren. München, 2007.
33. *Larraona A., Tabera A.* El Derecho justinianeo en España // Atti del Congresso Internazionale di Diritto Romano (Bologna e Roma, XVII–XXVII Aprile MCMXXXIII). Bologna. Vol. 2. Pavia, 1935. P. 83–182.
34. *L'Engle S.* Trends in Bolognese legal illustration: the early Trecent // Juristische Buchproduktion im Mittelalter / Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 219–244.
35. *Life G.* The trivium and the Three Philosophies // A History of the University in Europe. Vol.1: Universities in the Middle Ages. Cambridge, 1992. P. 306–309.
36. *Magallón Ibarra J.M.* El renacimiento medieval de la jurisprudencia romana. Mexico, 2002.
37. *Maravall J.A.* Del régimen feudal al régimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // *Id.* Estudios de historia del pensamiento español. Part. 1. Madrid, 1983. P. 97–145.
38. *Martínez Díez G.* Tres lecciones del siglo XII del Estudio General de Palencia // AHDE. 1990. T. 60. P. 391–449.
39. *Medica M.* Il cardinale Albornoz e l'parte bolonese del Trecento // España y Bolonia: siete siglos de relaciones artísticas y culturales / Ed. por J.L. Colomer, A. Sierra Desfilis. Madrid, 2006. P. 49–64.
40. *Montorzi M.* Diritto feudale nel Basso Medioevo. Materiali di lavoro e strumenti critici per l'esegesi della glossa ordinaria ai Libri feudorum. Con la ristampa anastatica dei Libri feudorum e della loro glossa ordinaria. Torino, 1991.
41. *Nebbiai D.* «Leges de voluntariis». Bibliothèques et culture des juristes en Italie d'après les inventaires de livres (XIIIe–XVe siècles) // Juristische Buchproduktion im Mittelalter / Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 677–740.
42. *Niermeyer J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden: Brill, 1979.
43. *Pennington K.* Learned Law, Droit Savant, Gelehrtes Recht: The Tyranny of a Concept // Rivista internazionale di diritto comune. 1994. N. 5. P. 197–209.
44. *Pérez Martín A.* El Derecho procesal del «Ius commune» en España. Murcia, 1999.
45. *Pérez Martín A.* Españoles en el Alma Mater Studiorum. Profesores hispanos Bolonia (de fines del s.XII a 1787). Murcia, Salamanca, 1998. P. 29–39.
46. *Pérez Martin A.* La producción de codices jurídicos en España: ius commune y ius propria // Juristische Buchproduktion im Mittelalter / Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 568.

47. *Pini A.I.* Per una storia sociale dell'università: i bidelli bolognesi nel XIII secolo: Il bidello medievale tra università e società cittadina //Annali di Storia delle Università italiane. 1997. N 1. P. 43–76.
48. *Riaza R.* Historia de la literatura jurídica española. Madrid, 1998.
49. *Scwinges R.Ch.* Student Education, Student Life // A History of the University in Europe. Vol.1: Universities in the Middle Ages. Cambrige, 1992. P. 236–237.
50. *Serra Desfilis A.* El Colegio de España en Bolonia y la arquitectura universitaria del primer Renacimiento en Italia y España // España y Bolonia: siete siglos de relaciones artisticas y culturales / Ed. por J.L. Colomer, A. Sierra Desfilis. Madrid, 2006. P. 17–30.
51. *Soetermeer F.* *Exemplar* und *Pecia*. Die Herstellung juristischer Bücher in Bologna im 13. und 14. Jahrhundert // Juristische Buchproduktion im Mittelalter /Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 481–516.
52. *Tamayo y Salmorán R.* La Universidad: epopeya medieval. Notas para un estudio sobre el surgimiento de la universidad en el Alto Medioevo. Mexico, 2005.
53. The Creation of the IUS COMMUNE. From Casus to Regula / Ed. By J.W. Cairns, P.J. du Plessis. Edinburgh, 2010.
54. Tipologia degli exemplaria giuridici // Juristische Buchproduktion im Mittelalter / Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 105–172.
55. *Ureña y Smenjaud R. de, Bonilla y San Martin A.* Obras del Maestro Jacobo de las Leyes, jurisconsulto del siglo XIII. Madrid, 1924.
56. *Wieacker F.* A History of Private Law in Europe. Amsterdam, New York, Oxford, 1996.
57. *Yarza Luaces J.* Manuscritos iluminados boloñeses en España, siglos XIII y XIV // España y Bolonia: siete siglos de relaciones artisticas y culturales / Ed. por J.L. Colomer, A. Sierra Desfilis. Madrid, 2006. P. 31–48.

Ключевые слова:

средневековые университеты, средневековая Испания, Кастилия и Леон, Болонский университет, *natio Hispana*, Альфонсо X, «Семь Патриархов», правовая культура, средневековые рукописи.

Oleg V. Aurov

FROM BOLOGNA TO CASTILE: PERSONS, BOOKS, MODE OF LIFE

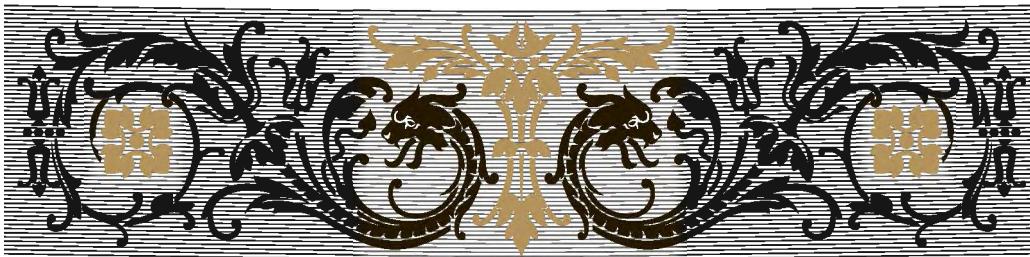
Notes on history of medieval universities in Castile and Leon
in the 13th and 14th cc.

The article is devoted to researching the initial period (13th and 14th cc.) of the history of universities in the Hispanic Medieval kingdoms of Castile and Leon. Three main aspects are emphasized. The first one is the academic mobility between Medieval Spain and Bologna's *alma mater studiorum*; this factor played a great role in the process of the installation of the universities' academic tradition in Iberia. The second aspect is a penetration of Bolognese manuscripts (the *Corpus Iuris Civilis* and others) to Castile and Leon; these manuscripts were brought from Bologna, and were copied in Spain, applying the Bolognese manner of manuscripts making. The third aspect was the implementation of the Bolognese academic culture in the Castilian and Leonian universities; this process was reflected in the norms of the royal Castilian legislation from the second half of the 13th c., and by the information of the documents, which discussed the Hispanic universities' history of the period.

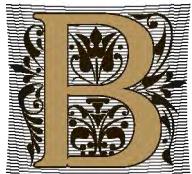
Ауров Олег Валентинович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС,
доцент РГГУ (Москва, Россия)

Г.А. Попова

ОБ ИСТОРИИ ОДНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КОРОЛЯ АЛЬФОНСО X МУДРОГО: ESTUDIOS E ESCUELAS GENERALES DE LATIN E DE ARABIGO¹

самом конце 1254 г., в декабре, король Кастилии и Леона Альфонсо X приказал оформить грамоту об учреждении школы латинского и арабского языков в Севилье². Документ относится к группе привилегий, составлявшихся в королевской канцелярии с особой тщательностью, к так называемым *privilegios rodados*: помимо качества пергамина и уровня работы писца, их отличает художественное, часто полихромное, оформление инициалов и королевской подписи, иногда с использованием золотой краски. Очевидно, что подобное оформление свидетельствует о важности содержания документа. В данном случае речь идет о привилегии, подтверждающей особое расположение и заботу короля о «благородном городе Севилье»³.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партий” Альфонсо X Мудрого».

² Sevilla, ciudad de privilegios. Escritura y Poder a través del Privilegio Rodado / eds. Borrero Fernandez M., Fernández Gómez M. Sevilla, 1995. N.13. P. 224–225.

³ ...Por grand sabor que he de facer bien e merced e levar a delante a la noble ciudad de Sevilla e de enriquecerla e ennoblecer más, porque es de las más honradas e de las mejores ciudades de España, e porque yase hi enterrado el muy honrado rey don Ferrando mío padre que la ganó de moros e la pobló de cristianos a muy gran loor e grant servicio de Dios e a honra e a pro de todo cristianismo, e porque yo fui con él en ganarla e en poblarla, otorgo que haya hi Estudio e Escuelas generales de latín e de arábigo... (Sevilla, ciudad de privilegios... N.13).

Традиционно этот факт рассматривается в контексте истории переводов и, шире, истории восприятия в годы правления Альфонсо X Мудрого литературного и научного наследия арабоязычного мира. Можно без преувеличения сказать, что сегодня мы обладаем весьма внушительным объемом сведений о самых разных аспектах развития ученого знания в середине — второй половине XIII в., когда Альфонсо X прилагал немало усилий к собиранию и систематизации самых различных областей познания⁴. Переводы с арабского языка были одним из важнейших этапов в этой деятельности и входили в круг постоянных интересов Альфонсо как до начала его правления⁵, так и на всем его протяжении до самого конца. Сведения об основании «языковой школы» в Севилье относятся к той стороне истории переводов, которая в наименьшей степени поддается изучению — организационной составляющей. По сути, упомянутая привилегия — единственное документальное свидетельство, непосредственно упоминающая эту составляющую. Все остальные сведения об организации процесса переводов могут быть извлечены из самих переведенных текстов, главным образом из их прологов, но не только. В последние два десятилетия с особой тщательностью изучаются сами манускрипты, созданные при дворе Альфонсо Мудрого, — анализируются кодикологические характеристики, миниатюры, украшающие их страницы, традиция последующего копирования. Комплексный анализ создания текстов в период правления Альфонсо привел к возникновению исследовательского направления, изучающего особый феномен «скриптория Альфонсо X» — *scriptorium alfonsí*. Речь идет не столько о месте, где профессиональные писцы переписывают и оформляют книги, сколько о группе ученых и знатоков, которым король сообщал о своем желании полу-

⁴ Этой стороне деятельности короля посвящены многочисленные ученые труды, из которых упомянем лишь несколько, как кажется, наиболее значительных: *Procter E. Alfonso X of Castile: patron of literature and learning*. Oxford, 1951; *Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance* / ed. by *Robert I. Burns*. University of Pennsylvania Press, 1990; *Márquez Villanueva F. El concepto cultural alfonsí*. Barcelona, 2004 [1.ª ed., Madrid, 1995]; *Alfonso X y su época. El siglo del Rey Sabio* / ed. *Rodríguez Illopis M.* Barcelona, 2001.

⁵ Еще будучи инфантом, Альфонсо X познакомился в Толедо, своем родном городе, где проводил немало времени, с деятельностью знатоков арабского языка, работавших с собраниями арабских рукописей. Традиция переводов научных и философских трактатов с арабского языка существовала в этом городе уже около века. А в 40-е — начале 50-х гг. XIII в. в Толедо над переводами Аристотеля и Аверроэса трудился Герман Алеманский (*Pérez González M. Herman el Alemán, traductor de la Escuela de Toledo. Estado de la cuestión* // *Minerva: Revista de filología clásica*. N° 6. 1992. P. 269–284), и хотя он не входит в круг тех людей, которые работали над заказами Альфонсо, весьма вероятно, что последний был хорошо осведомлен о Германе и плодах его переводческого труда.

чить сочинение на ту или иную тему, а они должны были подготовить текст и, выслушав замечания короля, сделать окончательную версию труда⁶.

Первые наблюдения над особенностями работы такого коллектива были сделаны еще в 30-е гг. прошлого столетия, когда Х.М. Мильяс Вальикроса начал систематическое изучение средневековых переводов с арабского языка, в том числе и тех, что были сделаны во второй половине XIII в.⁷ В одной из первых своих публикаций на основании анализа текста «Книги об астролябии заркала (или универсальной астролябии)» (*Libro de la Aṣafēha*)⁸ он пришел к заключению о высокой степени соответствия текста кастильского перевода арабскому оригиналу⁹. Долгое время это суждение определяло общие представления о работе переводчиков Альфонсо. В конце 70-х гг. начался новый период в изучении переводных средневековых текстов, в первую очередь научных. Группа исследователей под руководством Ж. Вернета и Х. Самсо последовательно сопоставила корпус трактатов по астрономии, астрологии и магии, созданных в правление Альфонсо X Мудрого¹⁰, с арабскими ориги-

⁶ El Scriptorium Alfonsí: de los Libros de Astrología a las Cantigas de Santa María / eds. Montoya Martínez J., Domínguez Rodríguez A. Madrid, 1999. P. X–XI.

⁷ Millás Vallicrosa J. M. El literalismo de los traductores de la corte de Alfonso el Sabio // Al-Andalus. 1933. P. 155–187; *Idem*. Las traducciones orientales en los manuscritos de la Biblioteca Catedral de Toledo. Madrid, 1942; *Idem*. (1943–50). Estudios sobre Azarquiel. Madrid-Granada, CSIC, 1945–1950; *Idem*. Una nueva obra astronómica alfonsí: el Tratado del cuadrante «sennero» // Al-Andalus. 1956. 21. P. 59–92.

⁸ Перевод трактата «Книга о неподвижных звездах» («*Kitab suwar al-kawakib*») Абд ар-Рахмана ал-Суфи, вошедший в состав «Книги знаний об астрологии» — подробнее см. ниже.

⁹ Millás Vallicrosa J.M. El literalismo...

¹⁰ Серия публикаций Института истории арабской науки им. Мильяса Вальикросы: *Carandell J. Risāla fi ‘ilm al-zilāl de Muhammad ibn al-Raqqām al-Andalusi*. Edición, traducción y comentario, Barcelona, 1988; *Castelló F. El Dikr al-Aqālīm de Ishaq ibn al-Hasan al-Zayyāt* (Tratado de Geografía Universal), Barcelona, 1989; *Casulleras J., Samsó J. (eds.)*, From Baghdad to Barcelona. Studies in the Islamic Exact Sciences in Honour of Prof. Juan Vernet, 2 vols., Barcelona, 1996; *Comes M., Puig R., Samsó J. (eds.)*. De Astronomia Alphonsi Regis. Proceedings of the Symposium on Alfonsine Astronomy held at Berkeley (August 1985) together with other papers on the same subject, Barcelona, 1987; *Comes M., Mielgo H., Samsó J. (eds.)*. Ochava espera y Astrofísica. Textos y estudios sobre las fuentes árabes de la astronomía de Alfonso X, Barcelona, 1990. *Comes M.* Ecuatorios andalusíes. *Ibn al-Samh, al-Zarqalluh y Abū-l-Salt*, Barcelona, 1991; *Puig R.* Al-Šakkāziyya li-bn al-Naqqāš al-Zarqalluh. Edición, traducción y estudio, Barcelona, 1986; *Rius M.* La alquibla en al-Andalus y al-Magrib al-Aqà. Barcelona, 2000; *Vernet J.* Estudios sobre Historia de la Ciencia Medieval (Reedición de trabajos dispersos, ofrecida al autor por sus discípulos con ocasión de los veinticinco años de su acceso a la cátedra de la Universidad de Barcelona), Barcelona, 1979; *Vernet J. (ed.)*. Textos y estudios sobre astronomía española en el siglo XIII, Barcelona, 1981; *Vernet J. (ed.)*. Nuevos textos y estudios sobre astronomía española en el siglo de Alfonso X. Barcelona, 1983; *Vernet J.* De ‘Abd al-Rahmān I a Isabel II. Recopilación de estudios dispersos sobre Historia de la Ciencia y la Cultura Española ofrecida al autor por sus discípulos con ocasión de su LXV aniversario, Barcelona, 1989.

Книга крестов. Страница манускрипта XIII в.

налами (в тех случаях, когда они дошли до нас). Отправной точкой в работе этой группы стало определение круга текстов, переведенных в 1250–1284 гг. В результате выводы Х.М. Мильяса Вальикросы были существенно уточнены. Выяснилось, что степень точности перевода очень различна и изменения, привнесенные в текст переводчиками и редактором, могли быть весьма значительны. Х. Самсо, обобщив наблюдения своих коллег, разделил переводные научные трактаты на восемь групп в зависимости от точности воспроизведения оригинала и метода редактирования текста¹¹.

Собственно переводами арабских сочинений, тексты которых известны в оригинале, можно считать упомянутую выше «Книгу об астролябии заркала (или универсальной астролябии)» (первый перевод на кастильский в 1256 г., второй — в 1277 г.); «Каноны Альбатени»; возможно, с некоторыми допущениями, «Полное руководство по определению положения звезд» (перевод на кастильский — 1254 г., на латинский — 1257 г.) и «Книгу об универсальной астролябии» (*Libro de la Lámina Universal*, перевод на кастильский — в 70-е гг. XIII в.).

В следующую группу вошли переводы-компиляции — трактаты, составленные из нескольких других. К таковым относится самый ранний научный перевод, выполненный по заказу Альфонсо между 1243

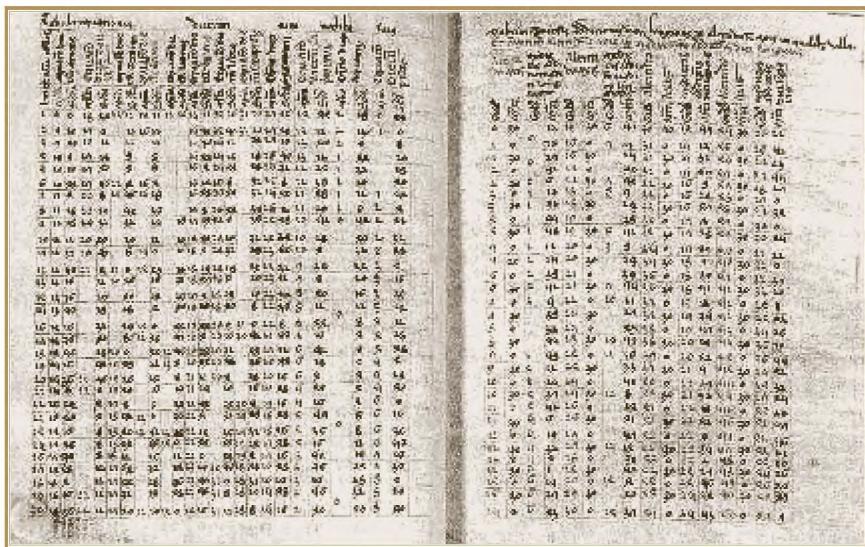
¹¹ Samsó J. Traducciones científicas arabo-romances en la Península Ibérica // Actes del VII Congrés de l'Associació Hispànica de Literatura Medieval (Castelló de la Plana, 22–26 de setembre de 1997) / eds. Fortuño Llorens S., Martínez Romero T. Vol. I. Castelló de la Plana, 1999. P. 199–231.

и 1250 гг. — знаменитый «Лапидарий». Одним из этих трактатов был, видимо, тот, который впоследствии стал известен в качестве отдельного перевода под названием *Picatrix* и обычно датируется 1256 г., в соответствии с указанием в рукописи (сохранилась только латинская версия). Но результат сравнения текстов «Лапидария» и *Picatrix*, безусловно, заставляет предполагать более раннюю дату перевода второго трактата. Еще одним примером перевода, в котором соединены разные сочинения, является «Книга крестов».

Другой вариант работы над арабским оригиналом — изменение структуры — перестановка глав местами, изменение разбивки на главы, исключение некоторых разделов. Подобной переработке подвергся трактат Ибн аль Хайсана «*Kitab fi hay'at al-'alam*», в кастильском переводе, сделанном после 1270 г., известном как «Книга об устройстве мира».

Особый интерес представляют переводы, в которые сделаны добавления, представляющие собой оригинальные тексты ученых, работавших над переводом. Несколько таких текстов входит в коллекцию трактатов под общим названием «Книга знаний об астрологии» (*Libro del saber de astrologia*). В трех трактатах, посвященных использованию и изготовлению разных видов астролябий и армиллярной сферы, руководства по изготовлению представляют собой оригинальные сочинения Исхака бен Сида (известен также как *Rabiṣag*)¹² — переводчика и астронома, самостоятельно создававшего инструменты для наблюдений и проводившего вычисления. Так, например, описание изготовления армиллярной сферы (*Alcora*) в соответствующем трактате содержится в двух вариантах — как часть перевода сочинения об использовании армиллярной сферы и в четырех главах, включенных в этот трактат и написанных на основании опыта самого переводчика. Между этими двумя описаниями есть заметные различия, касающиеся обозначенных фаз Луны, количества кругов — у Исхака бен Сида их больше, что позволяет производить более точные вычисления положения звезд относительно той или иной точки сферы. Для того чтобы произвести такие же вычисления, используя сферу, о которой говорится в арабском сочинении, необходимы дополнительные инструменты. Описание их использования сохранено в самом переводе, переводчик не стал вносить те изменения, которые были возможны при применении усовершенствований, сделанных и описанных им же.

¹² Об атрибуции этих текстов см.: Romano D. Le opere scientifiche di Alfonso X e l'intervento degli ebrei // Oriente e Occidente nel Medioevo: Filosofia e Scienze. Rome, 1971. P. 677–711.

Альфонсовы таблицы. 1252—1270 гг.

Наконец, последняя глава, авторство которой приписано дону Моше¹³, посвящена особому виду вычислений с использованием армиллярной сферы, а именно длительности временного периода до того или иного важного события — одной из основных астрологических техник, использовавшихся при составлении гороскопа. Причем и при описании этого вычисления не используются полностью возможности обновленной армиллярной сферы, и это, видимо, свидетельствует о том, что данный текст был составлен до создания руководства Исхака бен Сида.

Еще четыре группы составляют трактаты, которые в результате компиляций, переработки и дополнения текстов переводных сочинений превратились по сути в самостоятельные авторские тексты. Перевод с арабского, безусловно, был начальной стадией работы над такими сочинениями, однако на окончательную редакцию повлияли, прежде всего, конкретные цели составителя и заказчика, те задачи, для решения которых и должны были служить сведения, включенные в текст. В некоторых из таких трактатов указана дата перевода и, как правило, это период 1253—1256 гг., но до нас они дошли уже в сильно измененном виде — период редактирования относится к 70-м гг. XIII в. Все эти тексты были включены в уже упоминавшееся собрание «Книги знаний об астрологии» — трактаты об астролябиях (плоской, сферической), «Четыре книги о звездах восьмой сферы», Альфонсовы таблицы.

¹³ Идентификация этого персонажа остается спорной. Существует версия, что этот же человек известен по другим документам как Иосиф Альфаки (*Gil J.S. La escuela de traductores de Toledo y los colaboradores judíos. Toledo, 1985. P. 82—83.*)

Таким образом, анализ содержания перевода и его сравнение с арабским оригиналом позволяют более детально представить себе характер деятельности тех людей, которые прежде были известны главным образом как переводчики. Выбор трактата для перевода, его редактирование и составление компиляций, наконец, создание и включение в трактат собственных разделов — все требовало далеко не только лингвистических познаний и навыков.

Другое наблюдение, которое можно сделать на основании представленных исследований, касается способов организации работы над текстами, выполнявшихся по заказу короля. Как я уже упоминала выше, в исследованиях последних лет преобладает представление о скриптории Альфонсо X как о центре, где создавались и научные, и литературные произведения. Многое в оформлении рукописей позволяет делать вывод о существовании такого единого центра¹⁴. Сравнение прологов к научным, историческим и юридическим текстам также указывает на единый стиль редактирования последней версии текста¹⁵. Однако одновременно с этим существуют свидетельства об отсутствии координации между создателями трактатов. Так, один из составителей «Истории Испании», рассказывая о высадке на берегах Пиренейского полуострова отряда Тарифа в 710 г., признается, что не может указать точную дату, поскольку не умеет переводить мусульманскую датировку (известно, что это событие произошло в месяце Рамадан) в юлианскую. Очевидно, что ни автор, ни редактор этих строк не работали в том же самом месте, где и переводчики арабских астрономических трактатов, для которых подобное вычисление не составило бы труда, и они сразу бы сказали, что в 710 г. рамадан совпал с июлем¹⁶. О несовпадении ритмов работы в разных «мастерских» *scriptorium alfonsí* пишет И. Фернандес Ордоньес. По ее мнению, распространенное суждение (автором этой гипотезы является Г. Менендес Пидаль) о двух периодах в создании «альфонсинских текстов» — 150–1259 (преобладание переводческой деятельности) и 1269–1284 (создание

¹⁴ Domínguez Rodríguez A. Las miniaturas del Lapidario // Edición facsímil del Primer Lapidario de Alfonso X el Sabio. Madrid, 1982; Eadem. Astrología y Arte en el Lapidario de Alfonso X el Sabio. Madrid, 1984; Eadem. La miniatura del scriptorium alfonsí // Estudios Alfonsíes. Universidad ad de Granada, 1985.

¹⁵ Rico F. Alfonso el Sabio y la «General estoria»: tres lecciones. Barcelona, repr. 1984; Fernández Ordóñez I. El taller historiográfico alfonsí. La Estoria de España y la General estoria en el marco de las obras promovidas por Alfonso el Sabio // El Scriptorium Alfonsí... P. 105–126; Cárdenas A.J. Alfonso's Scriptorium and Chancery: Role of the Prologue in Bonding the Translatio Studii to the Translatio Potestatis // Emperor of Culture... P. 90–108.

¹⁶ Samsó J. Traducciones científicas arabo-romances... P. 210.

Миниатюра из рукописи «Кантиг Святой Деве Марии». XIII в.

оригинальных текстов) — не соответствует действительности, поскольку не учитывает датировку составления таких крупных произведений, как Фуэро Реаль (1254), «Семь Партий» (1256–1265), «Кантиг Святой Деве Марии» (1265–1275)¹⁷. И если это замечание, безусловно, справедливо в отношении юридических и литературных сочинений, то для периодизации работы над переводными текстами гипотеза Г. Менендеса Пидала по-прежнему остается актуальной. Полагаю, что работа скриптория Альфонсо X, существование которого убедительно доказывают кодикологические и текстологические исследования, соответствует последнему этапу в создании текста, когда должна была появиться последняя редакция, на основе которой мог быть изготовлен соответствующим образом оформленный кодекс. Промежуточные версии текста, скорее всего, возникали не здесь, учёные и знатоки разных дисциплин работали в различных центрах. Д. Каталан в 60-е гг. использовал понятие «историографическая мастерская»¹⁸, и, как кажется, это слово, уже упоминавшееся выше, «мастерская» (*taller*), может использоваться для обозначения и других подобных коллективов — астрономическая, юридическая, литературная мастерская. Традиционно существовало и другое обозначение для одного

¹⁷ Fernández Ordóñez I. El taller historiográfico alfonsoí... P. 106.

¹⁸ Подробнее см.: Catalan D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsoí: códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. Madrid, 1997.

из таких центров, а именно — школа или, как сформулировано в севильской привилегии, — *estudio e escuelas generales de latin y de arabigo*. Речь идет о переводческих центрах, а поскольку подавляющее большинство текстов, переведенных между 1250 и 1290 гг., были посвящены астрономии и астрологии, то можно предполагать, что в этих *estudio e escuelas* сотрудничали переводчики и ученые-астрономы и математики, а иногда эти специальности совмещал один человек. Только три текста, появившихся в правление Альфонсо и в основе которых лежит перевод с арабского, не связаны непосредственно с наукой о небесных телах — «Калила и Димна», «Вознесение Мухаммада», «Книга об играх».

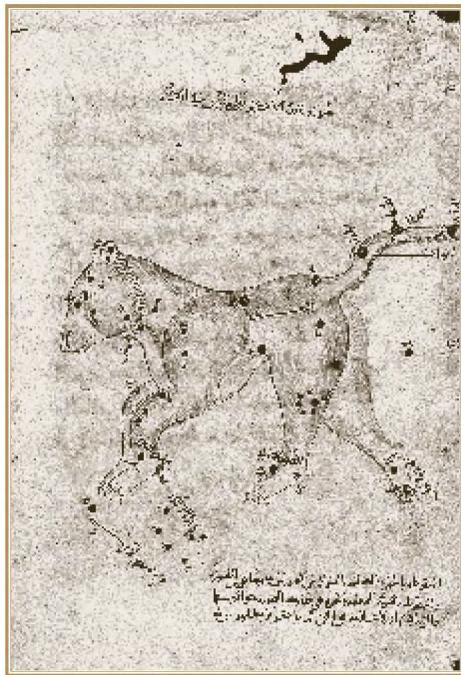
Сведения из прологов и колофонах переводных трактатов послужили основой для реконструкции порядка работы в Школах переводчиков, которую предложил в своей статье 1951 г. Г. Менендес Пидаль¹⁹. Выше уже шла речь о том, что выводы этой статьи относятся почти исключительно к переводной литературе, и преимущественно научной.

Над переводами в таких центрах работало, как правило, несколько человек. Такой «бригадный» метод появился еще в XII в. в Толедо: когда туда стали приезжать из разных частей Европы для изучения арабских переводов античных авторов и комментариев на них, то местные знатоки арабского стали помогать приезжавшим ученым осваивать арабоязычные трактаты и переводить их на латынь. Предположительно один переводчик делал устный перевод с арабского на кастильский, а второй записывал текст на латыни. Также продолжали работать и в XIII в., о чем свидетельствует следующий пассаж из пролога «Полного руководства по определению положения звезд»:

Сие есть великая и полная книга об астрологических положениях, которую составил величайший астролог Али Албенрагель и которую Иуда сын Моше по повелению господина Альфонсо, светлейшего короля Кастилии и Леона, перевел с арабского на родной язык, а Альваро по повелению названного светлейшего короля перевел его труд с родного языка на латинский²⁰.

¹⁹ Menéndez Pidal G. Como trabajaron las Escuelas alfonsíes // Nueva Revista de Filología Hispánica. A. V (1951). P. 363–380. Цит. по переизд.: Menéndez Pidal G. Varia Medievalia. II. Madrid, 2003. P. 13–41.

²⁰ Hic est liber magnus et completus quem Haly Albenragel summus astrologus composuit de Judicis Astrologie, quem Juda filius Mosse de precepto domini Alfonsi illustrissimi regis Castelle et Legionis transtulit de arabico in ydeoma maternum, et Alvarus dicti illustrissimi regis factura eius ex precepto transtulit de ydeomate materno in latinum. Цит. по: Menéndez Pidal G. Como trabajaron... P. 16.

Страница трактата «Книга о неподвижных звездах» Абд ар-Рахмана ал-Суфи. XIII в.

Важнейшим нововведением эпохи Альфонсо X Мудрого стало то, что перевод на кастильский превращается из устной посреднической версии в полноценный вариант текста, фиксируемый на пергамене. Некоторые трактаты существовали в двух вариантах — на кастильском и на латыни. Перевод сочинения *Picatrix* с арабского на кастильский был закончен в 1256 г., затем был сделан латинский перевод и до нас он дошел только в последнем варианте. В 1254–1255 (?) Иуда бен Моше га-Коэн перевел на кастильский «Полное руководство по определению положения звезд», а затем, как следует из цитированного пролога, был сделан латинский перевод. Помимо Альваро над ним трудились Эгиций Тебальди Пармский и Петр из Реджио, королевский нотарий. Большинство переводов научных трактатов было выполнено к 60-м гг. XIII в. (см. Приложение). Следующий этап, начавшийся примерно в середине 60-х гг., заметно отличался от предыдущего: хотя по-прежнему переводились отдельные тексты, основную часть работы составляли компиляция и редактирование уже выполненных переводов, а также их дополнение оригинальными текстами. Так, трактат «Kitab suwar al-kawakib» Абд ар-Рахмана ал-Суфи, легший в основу «Четырех книг о звездах восьмой сферы», был впервые переведен Иудой бен Моше совместно с Гиленом д'Аспа в 1256 г. В 1276 г., в период составления коллекции «Книги знания об астрологии», Самуэль га-Леви, Иоанн Мессинский и Иоанн Кремонский столь значительно переработали материалы

Толедо. Гравюра XIX в.

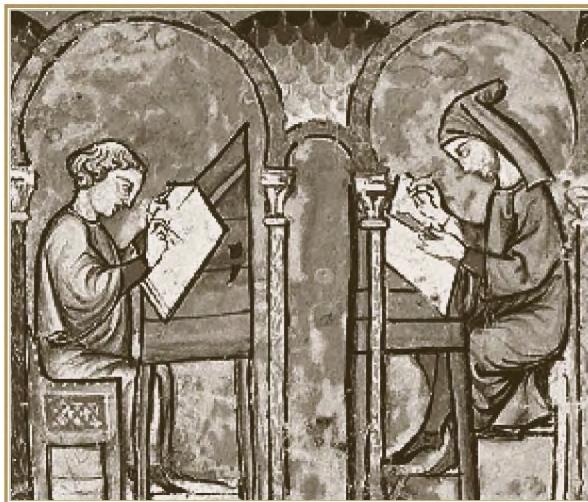
этого трактата, что, как уже упоминалось выше, его можно считать самостоятельным сочинением. Трактат об астролябии заркала был переведен Фернандо Толедским на кастильский язык в 1256 г., но в 1277 г. сразу несколько человек получили от короля указание переработать и дополнить его²¹. Исправлением перевода занимались в Бургосе Абрахам Альфаки и Бернардо Араб, а дополнения составил в Толедо уже не раз упоминавшийся Исхак бен Сид.

Последний пример, для которого мы располагаем сведениями об именах переводчиков-составителей и месте их работы, позволяет обратиться к весьма сложному для изучения аспекту бытования переводческих центров, или школ — их локализации, персональному составу и структуре.

Все, без исключения, авторы, касающиеся истории переводов в правление Альфонсо X, говорят о трех центрах, где существовали школы изучения языков — Толедо, Севилье и Мурсии. Однако информация, которой мы о них располагаем, не позволяет с уверенностью говорить о том, что это были центры, организованные по одной и той же схеме, со схожей структурой.

Толедская школа переводчиков, единственный из трех центров, традиционно упоминается в литературе почти исключительно под таким названием. Ее истории посвящено немало исследований, о чем уже шла речь выше. И если относительно корректности использования наименования «школа» в отношении той переводческой деятельности, которая осуществлялась в Толедо в XII в. под покровительством архиепископа Раймундо, вы-

²¹ Millás Vallencosa J.M. La traducciones... P. 33.

Школа переводчиков в Толедо. Средневековая миниатюра

сказываются сомнения уже не одно десятилетие²², то для XIII в. существование организованного центра переводов под патронатом короля обычно не оспаривается. Тем не менее надо заметить, что в текстах той эпохи мы не встретим ни слова «studium», ни «schola» (*escuela*) в качестве наименования толедского центра. По сути, его организационная структура никак не обозначается в источниках. Мы знаем только, что большинство переводчиков, выполнявших заказы Альфонсо X, работали в Толедо. Ни в одном из прологов к переводным трактатам, где традиционно описываются обстоятельства создания текста, нет и намека на существование в городе какой-либо структуры, специально организованной для переводов. Всегда речь идет о двусторонних отношениях между королем, дающим поручение исполнить работу, и выполняющим его переводчиком, иногда несколькими переводчиками. Большинство известных нам по именам толедских переводчиков были иудеями (подробнее см. Приложение): Иуда бен Моше га-Коэн, Раби-саг или Исхак бен Сид, Самуэль га-Леви. В Толедо также работал Абрахам Альфаки — придворный медик Альфонсо X, исключая период переработки перевода «Книги об астролябии заркала», когда, как уже упоминалось, он

²² Наиболее взвешенно суть дискуссии определил А. Гонсалес Паленсия: Los historiadores de la Filosofía y de la Ciencia en la Edad Media han solidado dar por sentada la existencia de un cuerpo organizado al que se ha llamado Escuela de Traductores de Toledo. Los escasísimos documentos hasta ahora hallados no permiten afirmar la existencia de tal Centro de traducciones. Pero las obras vertidas en Toledo son tantas, y las personas que en Toledo se ocuparon tan diversas, a través del siglo XII, que bien puede darse por supuesto un núcleo de gentes dedicadas en especial a esta labor, para lo cual debieron de tener la ayuda económica y el aliento moral de personajes toledanos (González Palencia A. El arzobispo Don Raimundo de Toledo. Barcelona—Madrid, 1942. P.118—119).

находился в Бургосе. Из известных нам переводчиков-христиан середины—второй половины XIII в. в Толедо жили Герман Алеманский (до 1266 г., когда занял епископскую кафедру в Асторге), Альваро Овьедский и Гарси Перес, сотрудничавшие с Иудой бен Моше. Про второго в прологе «Лапидария» говорится, что он был «клириком, весьма сведущим в астрологии»²³. Также вместе с Иудой бен Моше упоминаются имена двух других христиан-переводчиков — Хуана д'Аспа и Гиллена Арремона д'Аспа, последний, возможно, был севильским каноником²⁴. Если это так, то возникает вопрос о хронологическом соотношении следующих фактов — участие Гиллена д'Аспа в 1256 г. в переводе «Четырех книг о звездах восьмой сферы» в Толедо (особо отмечу — через два года после основания Севильской школы) и получение им статуса севильского каноника. В случае, если порядок этих событий был такой же, в каком они приведены здесь, то это можно было бы рассматривать как свидетельство о существовании связей между двумя центрами переводов — в Толедо и Севилье. Пока, однако, утверждать что-либо однозначно нельзя из-за отсутствия сведений источников. В качестве участника переводов, вернее, их редактора, мы знаем и королевского нотарию Хуана Кремонского, который сотрудничал и с Иудой бен Моше, и с Самуэлем га-Леви.

Большинство известных нам переводов, сделанных по заказу Альфонсо X, были первоначально (в 50-е гг. XIII в.) выполнены в Толедо. Очевидно, что помимо существовавшей уже не одно десятилетие традиции переводов этому способствовали богатейшие собрания арабоязычных рукописей, которые хранились в архиве собора святой Марии и в монастырях города. Х. Самсо выдвинул, как мне кажется, любопытную гипотезу о связи между этапами истории переводов с арабского языка на Пиренейском полуострове и переходом в руки христиан, с развитием Реконкисты, городов, где хранились важнейшие мусульманские библиотеки. Завоевание в 1085 г. Толедо, одного из самых крупных интеллектуальных центров аль-Андалуса XI в., открывает второй период в истории пиренейских переводов (середина XII — первая половина XIII в.)²⁵. Следующий и последний (вторая половина XIII в.) был связан с собраниями Кордовы и Севильи, отвоеванными Фернандо III в 1236 и 1248 гг. соответственно.

²³ Цит. по: *Gil J.S. La escuela de traductores...* P.58.

²⁴ *Procter E. Alfonso X...* P.127.

²⁵ Первый этап — конец XI—XII в. — Х. Самсо связывает с книжными собраниями Сарагосы. С рукописями, происходившими оттуда, работали Герман Каринтийский, Роберт Кеттон, Гуго де Санталья (*Samsó J. Traducciones científicas arabo-romances...* P. 230–231).

Панорама Севильи. Гравюра начала XVII в.

В соответствии с этой гипотезой основание школы арабского и латинского языков в Севилье, рассказ о котором послужил отправной точкой моих рассуждений, выглядит как очень обоснованный шаг. Если же принять во внимание, что Севильская школа определяется тем же термином, что употреблялся в это время для обозначения университетов — *estudios e escuelas generales*, то можно рассмотреть данную в Бургосе привилегию в контексте «университетской политики» Альфонсо X (напомню, что знаменитая привилегия университету Саламанки была оформлена в мае того же 1254 г.). Впрочем, здесь нам придется остаться больше в области планировавшегося и предполагавшегося, нежели реализованного на практике. Несмотря на блестящее начало — Севильская школа получила не только королевскую привилегию об основании, но и папскую санкцию как *generale litterarum studium*, оформленную в бреве Александра IV от 30 июня 1260 г., эта институция просуществовала не долго и не оставила существенного следа в истории переводов. Собственно, других достоверных свидетельств о развитии изучения арабского и латинского языков или иной учебной и научной деятельности в Севилье у нас нет. Как и в случае с Саламанкским университетом, использовать для описания Севильской школы данные 31-го титула Второй Партиды, регламентирующего устройство *estudio general*, можно лишь с известной долей условности. Как показывает А. Гарсия и Гарсия, авторы этого титула больше опирались на нормы канонического права, нежели фиксировали современные им реалии²⁶.

Ни один из известных нам текстов переводов нельзя связать именно с Севильей, так же, как мы не знаем ни одного имени переводчиков, которые

²⁶ García y García A. La enseñanza universitaria en las Partidas // Glossae. Revista de historia del derecho europeo. Murcia, 2, 1989–1990. P. 107–118.

Мурсия. Гравюра XIX в.

бы работали в Севилье. Об упоминавшемся выше Гиллене Арремоне д'Аспа известно, что он работал как переводчик в Толедо, а в связи с Севильей он именуется только как каноник. Можно предполагать, что король пытался решить проблему кадров в Севильской школе, наделяя известных знатоков арабского языка владениями в Андалусии. Иосиф Альфаки владел землями и домами в Севилье с 1253 г., Иуда бен Моше получил в 1266 г. в дар от короля несколько домов в Херес де ла Фронтера²⁷. Последний, однако, так и остался самым знаменитым и плодовитым переводчиком в Толедо, не сблизившись перспективами работы на новом месте.

Наконец, если говорить о мурсийской школе, то о ее существовании не сообщает ни один хронологически близкий христианский источник, и мы не располагаем известиями о каких-либо переводах, выполненных там. Собственно, уникальные сведения об этом центре сообщает историк XVII столетия Аль-Маккари в своем сочинении по истории аль-Андалуса (*Nafh at-tib min gusn al-Andalus ar-ratib wa dikri wazirihā Lisan Addin b. Al-Hatib*). В Мурсии жил выдающийся философ и медик Мухаммад бен Ахмад аль-Рикути, знаток «древних наук: логики, геометрии, арифметики, музыки и медицины»²⁸. Король Альфонсо после завоевания Мурсии в 1266 г., признав глубокие познания аль-Рикути, основал школу, где он обучал мусульман, иудеев и христиан, причем владея несколькими языками, аль-Рикути мог это делать на родном для любой аудитории языке. Безусловно,

²⁷ Gil J.S. La escuela de traductores... P. 62, 83.

²⁸ Цит. по: Samsó J. Dos colaboradores científicos musulmanes de Alfonso X // Llull. V. 4, 1981. P. 173.

привлекает внимание близкий к европейскому «университетскому стандарту» набор тех дисциплин, которые, вероятно, преподавал в своей школе мусульманский ученый, а также возможное многоязычие преподавания и поликонфессиональный состав студентов. Известно, что в начале 70-х гг. аль-Рикути уехал в Гранаду, поскольку в Мурсии на него оказывали сильное давление, вынуждая принять христианство, о чем также сообщает аль-Маккари²⁹. Судя по всему, после эмиграции аль-Рикути его школа перестала существовать.

Заключая экскурс в историю центров изучения языков и переводов, существовавших в правление Альфонсо X Мудрого, надо подчеркнуть роль самого короля в их организации. Если даже он и предполагал превратить их в крупные учебные центры, может быть, даже университеты, то это так и осталось лишь проектом. Реальное повседневное существование переводческих центров обеспечивалось и поддерживалось за счет регулярных королевских заказов на переводы с арабского и на составление на их основе научных трактатов. И есть все основания предполагать, что Альфонсо X лично принимал решение относительно судьбы текстов, которые выходили из-под пера ученых-переводчиков.

²⁹ Подробнее об этом см.: Martínez Ripoll A. Aportaciones a la vida cultural de Murcia en el siglo XIII. La «madrasa» de M. al-Ricoti y el «Studium solemne» de los dominicos. P. 33–46.

Приложение

Переводчики, работавшие над составлением трактатов
по заказу Альфонсо X³⁰

Имя переводчика	Общие сведения	Название перевода	Название и автор оригинала
Альваро (Alvaro de Oviedo)	Род. в Овьедо. Оsn. выполнены в Толедо. Автор трех трактатов с комментариями трудов Аверроэса	Libro compilado en los iudizios de las estrellas (De judiciis astrologiae)	Abū-l-Ḥassan ‘Alī ibn Abī-l-Riġāl. Kitāb al-barī’ fi aḥkām al-muġūm
Гарси Перес (Garci Perez)	Королевский нотарий в Андалусии	Lapidario (Libro de las formas et de las ymagenes)	Abolays (?)
Бернардо Араб (Bernardo Arabico, Bernaldo del Araugo)	Обращенный мусульманин (maestro Bernardo Arabico overo Saracino ³¹). Работал в Бургосе, 1278 г.	Libro de la açafeha (переработка 1278 г.)	
Фернандо Толедский (Ferrando de Toledo)		Libro de la açafeha (перевод 1256 г.)	Abū Ishāq Ibrāhīm ibn Yaḥyā al-Naqqāsh al-Zarqālī
Хуан д'Аспа (Juan d'Aspa, Daspa)		Libro de la alcora, 1259	Qusṭā ibn Lūqā
Гилен Арремон д'Аспа (Guillen Arremon d'Aspa, Daspa)	Каноник в Севилье (?)	Libro de las cruzes, 1259	Abū ‘Abd Allāh al-Baqqār. Kitāb al-amṭār wa-l-as̄ār.
Эгидий Тебальди Пармский (Aegidius de Thebaldis de Parma)	Переводил на латынь с кастильского	III libros de las estrellas de la ochava espera (Libros de las estrellas fixas), 1256	‘Abd al-Raḥmān al-Šūfi. Kitāb al-kawākib al-tābita al-musawwar (Kitab suwar al-kawakib)
Хуан Мессинский (Juan de Mesina)		Libro compilado en los iudizios de las estrellas (De judiciis astrologiae) 1257	Abū-l-Ḥassan ‘Alī ibn Abī-l-Riġāl. Kitāb al-barī’ fi aḥkām al-muġūm
Хуан Кремонский	Родом из Италии. Королевский нотарий	III libros de las estrellas de la ochava espera (Libros de las estrellas fixas), 1276	‘Abd al-Raḥmān al-Šūfi. Kitāb al-kawākib al-tābita al-musawwar (Kitab suwar al-kawakib)
		III libros de las estrellas de la ochava espera (Libros de las estrellas fixas), 1276	‘Abd al-Raḥmān al-Šūfi. Kitāb al-kawākib al-tābita al-musawwar (Kitab suwar al-kawakib)

³⁰ В таблице систематизированы сведения о переводчиках, работавших по заказам Альфонсо X. В скобках указаны варианты имен и названий текстов, встречающиеся в источниках. Вопросительный знак в скобках обозначает, что приводимая информация носит гипотетический характер и не может считаться установленным фактом.

³¹ Procter E. The scientific works of the court of Alfonso X of Castille: the King and his collaborators // The Modern Language Review. 40 (1945). P. 23.

Имя переводчика	Общие сведения	Название перевода	Название и автор оригинала
Бонавентура де Сена	Королевский нотарий. Работал над переводом на французский в Севилье	Escala de Mahoma. 1264	
Педро Реджио	Королевский нотарий, работал над переводом на латынь	Libro complido en los iudizios de las estrellas (De judiciis astrologiae), 1257 Lapidario (Libro de las formas et de las ymagenes), 1250	Abolays (?)
Иуда бен Моше га-Коэн (Yhuda. Fi de Mose fi de Mosca, Yhuda Mosca el Menor, Yhuda fi de Mose Alcohen, su alfaquin)	Толедский иудей, на королевской службе с 1243 г.(?) †1272 (?)	III libros de las estrellas de la ochava espera (Libros de las estrellas fixas) 1256 (перевод) 72 редактирование–1270	'Abd al-Rahmān al-Šūfi. Kitāb al-kawākib al-tābita al-musawwar (Kitab suwar al-kawakib)
Рабисаг (Исаак бен Сид) (Rabiçag, Rabiçag Aben Cayut)	†1294 Врач при дворе Альфонсо X, Санчо IV. Работал в Бургосе	Libro de las cruzes, 1259	Abū 'Abd Allāh al-Baqqār. Kitāb al-amṭār wa-l-as'ār.
		Libro de la alcora, 1259	Qustā ibn Lūqā
		Tablas Alfonsíes (часть Libro del saber de astrologia), 1262–1270	
		Libro de la açafeha	Abū Ishāq Ibrāhīm ibn Yaḥyā al-Naqqāsh al-Zarqālī. Kitāb al-'amal bi-l-ṣafīḥa al-Zīgiyā
		Libros del astrolabio redondo	
		Libro del ataçir	
		Lamina Universal, 1277	
Абрахам Альфаки (Abraham Alfaquí)	Libro de quadrante para rectificar	Libro de la Constitución del Universo, после 1270	Abū 'Alī al-Haiṭam. Kitab fi hay'at al-'ālam
		Escala de Mahoma (перевод на кастильский)	
Самуэль га-Леви (Samuel ha-Levi Abulafia)	Libro de la açafeha		Abū Ishāq Ibrāhīm ibn Yaḥyā al-Naqqāsh al-Zarqālī. Kitāb al-'amal bi-l-ṣafīḥa al-Zīgiyā
		Libro de la fabrica y de instrument del levantamiento que en arábigo se llama ataçir	
		III libros de las estrellas de la ochava espera (Libros de las estrellas fixas), 1276	'Abd al-Rahmān al-Šūfi. Kitāb al-kawākib al-tābita al-musawwar (Kitab suwar al-kawakib)

REFERENCES

1. Alfonso X y su época. El siglo del Rey Sabio / ed. Rodríguez Llopis M. Barcelona, 2001.
2. *Carandell J.* Risāla fī ‘ilm al-zilāl de Muhammad ibn al-Raqqām al-Andalusī. Edición, traducción y comentario, Barcelona, 1988.
3. *Cardenas A.J.* Alfonso's Scriptorium and Chancery: Role of the Prologue in Bonding the *Translatio Studii* to the *Translatio Potestatis* // Emperor of Culture... P. 90–108.
4. *Castelló F.* El Dikr al-Aqālīm de Ishaq ibn al-Hasan al-Zayyāt (Tratado de Geografía Universal), Barcelona, 1989.
5. *Casulleras J., Samsó J.* (eds.), From Baghdad to Barcelona. Studies in the Islamic Exact Sciences in Honour of Prof. Juan Vernet, 2 vols., Barcelona, 1996.
6. *Catalan D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí: códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. Madrid, 1997.
7. *Comes M.* Ecuatorios andalusíes. *Ibn al-Samh, al-Zarqālluh y Abū-l-Salt*, Barcelona, 1991.
8. *Comes M., Mielgo H., Samsó J.* (eds.). Ochava espera y Astrofísica. Textos y estudios sobre las fuentes árabes de la astronomía de Alfonso X. Barcelona, 1990.
9. *Comes M., Puig R., Samsó J.* (eds.). De Astronomia Alphonsi Regis. Proceedings of the Symposium on Alfonsine Astronomy held at Berkeley (August 1985) together with other papers on the same subject. Barcelona, 1987.
10. *Domínguez Rodríguez A.* Astrología y Arte en el Lapidario de Alfonso X el Sabio. Madrid, 1984.
11. *Domínguez Rodríguez A.* La miniatura del scriptorium alfonsí // Estudios Alfonsíes. Universidad ad de Granada, 1985.
12. *Domínguez Rodríguez A.* Las miniaturas del Lapidario // Edición facsímil del Primer Lapidario de Alfonso X el Sabio. Madrid, 1982.
13. El Scriptorium Alfonsí: de los Libros de Astrología a las Cantigas de Santa María / eds. Montoya Martínez J., Domínguez Rodríguez A. Madrid, 1999.
14. Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance / ed. by Robert I. Burns. University of Pennsylvania Press, 1990.

15. *Fernández Ordóñez I.* El taller historiográfico alfonsí. La Estoria de España y la General estoria en el marco de las obras promovidas por Alfonso el Sabio // *El Scriptorium Alfonsí...* P. 105–126.
16. *García y García A.* La enseñanza universitaria en las Partidas // *Glossae. Revista de historia del derecho europeo.* Murcia, 2, 1989–1990. P. 107–118.
17. *Gil J.S.* La escuela de traductores de Toledo y los colaboradores judíos. Toledo, 1985.
18. *González Palencia A.* El arzobispo Don Raimundo de Toledo. Barcelona-Madrid, 1942.
19. *Márquez Villanueva F.* El concepto cultural alfonsí. Barcelona, 2004.
20. *Martínez Ripoll A.* Aportaciones a la vida cultural de Murcia en el siglo XIII. La «madrassa» de M. al-Ricoti y el «Studium solemne» de los dominicos. P. 33–46.
21. *Menéndez Pidal G.* Como trabajaron las Escuelas alfonsíes // *Nueva Revista de Filología Hispánica.* A. V (1951). P. 363–380.
22. *Millás Vallicrosa J.M.* (1943–50): Estudios sobre Azarquiel. Madrid-Granada, CSIC. 1945–1950.
23. *Millás Vallicrosa J.M.* El literalismo de los traductores de la corte de Alfonso el Sabio // *Al-Andalus.* 1933. P. 155–187.
24. *Millás Vallicrosa J.M.* Una nueva obra astronómica alfonsí: el Tratado del cuadrante «sennero» // *Al-Andalus.* 1956. 21. P. 59–92.
25. *Millás Vallicrosa J.M.* Las traducciones orientales en los manuscritos de la Biblioteca Catedral de Toledo. Madrid, 1942.
26. *Pérez González M.* Herman el Alemán, traductor de la Escuela de Toledo. Estado de la cuestión // *Minerva: Revista de filología clásica.* № 6. 1992. P. 269–284.
27. *Procter E.* Alfonso X of Castile: patron of literature and learning. Oxford, 1951.
28. *Puig R.* Al-Šakkāziyya li-bn al-Naqqāš al-Zarqalluh. Edición, traducción y estudio. Barcelona, 1986.
29. *Rico F.* Alfonso el Sabio y la «General estoría»: tres lecciones. Barcelona, repr. 1984.
30. *Rius M.* La alquibla en al-Andalus y al-Magrib al-Aqóà. Barcelona, 2000.
31. *Romano D.* Le opere scientifiche di Alfonso X e l'intervento degli ebrei // *Oriente e Occidente nel Medioevo: Filosofia e Scienze.* Rome, 1971. P. 677–711.
32. *Samsó J.* Dos colaboradores científicos musulmanes de Alfonso X // *Llull.* V. 4. 1981. P. 173.

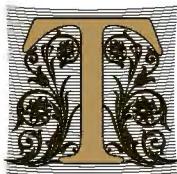
33. *Samsó J.* Traducciones científicas arabo-romances en la Península Ibérica // Actes del VII Congrés de l'Associació Hispànica de Literatura Medieval (Castelló de la Plana, 22–26 de setembre de 1997) / eds. Fortuño Llorens S., Martínez Romero T. Vol. I. Castelló de la Plana, 1999. P. 199–231.
34. Sevilla, ciudad de privilegios. Escritura y Poder a través del Privilegio Rodado / eds. Borrero Fernandez M., Fernández Gómez M. Sevilla, 1995.
35. *Vernet J.* (ed.). Nuevos textos y estudios sobre astronomía española en el siglo de Alfonso X. Barcelona, 1983.
36. *Vernet J.* (ed.). Textos y estudios sobre astronomía española en el siglo XIII. Barcelona, 1981.
37. *Vernet J.* De 'Abd al-Rahmān I a Isabel II. Recopilación de estudios dispersos sobre Historia de la Ciencia y la Cultura Española ofrecida al autor por sus discípulos con ocasión de su LXV aniversario. Barcelona, 1989.
38. *Vernet J.* Estudios sobre Historia de la Ciencia Medieval (Reedición de trabajos dispersos, ofrecida al autor por sus discípulos con ocasión de los veinticinco años de su acceso a la cátedra de la Universidad de Barcelona). Barcelona, 1979.

Ключевые слова:

школа переводчиков, *studio generale*, переводы с арабского XIII в., скрипторий Альфонсо X.

Galina A. Popova

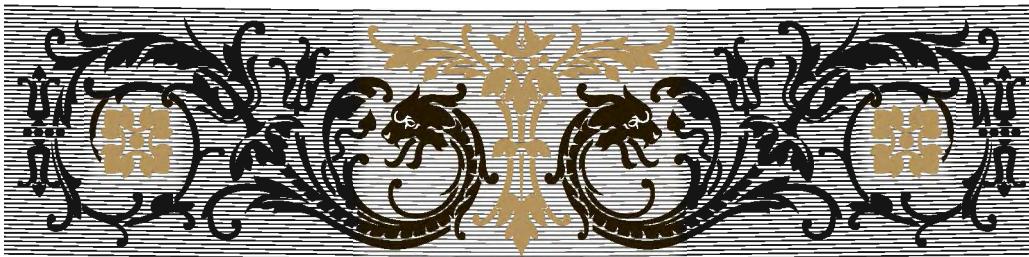
DESTINY OF ONE INITIATIVE OF ALFONSO X THE LEARNED: ESTUDIOS E ESCUELAS GENERALES DE LATIN E DE ARABIGO

The article studies the history of the centers of translations during the reign of Alfonso X. The most important information about them is contained in the manuscripts with the treatises translated from the Arabic. Direct evidences about these centers in the charters are rarely found. There are only two documents which touch upon one of these centers — «Studio Generale» in Sevilla. Data of the royal charters (specially donations) have not been closely examined and systematized until today and these acts could provide us with new information about the famous translators from Arabic and the authors of the original additions to the translated texts. There are evidences of the three centers, where the Arabic language was learned or used for teaching — Toledo, Seville, Murcia. They are scarcely comparable because each had an own proper structure. In Toledo the tradition of transitions from the Arabic has persisted since the XII c., and Alfonso X relied on a fruitful local practice. The most significant change introduced by the king consists in fixing the translation from Arabic into Castilian as an independent full-fledged version of the text. «Studio Generale» of Seville was arranged as educational and scientific center, but evidences about its activities are not preserved. The school in Murcia was organized by the famous Muslim mathematician, philosopher and physician al-Rikuti, who was teaching in Arabic and Castilian, and the history of this center ceased after his emigration. Actually, the centers of translations from Arabic continued working due to the regular royal orders for such translations and compilations of the scientific treatises.

Попова Галина Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН
(Москва, Россия)

А.В. Русанов

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КОРОЛЯ АЛЬФОНСО X МУДРОГО И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО ПОРТУГАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ XIII–XIV В¹.

аконодательство Альфонсо X предоставляет исследователям немало источников по университетской истории. Стоит особо подчеркнуть роль корпуса текстов, созданных при дворе этого монарха (в первую очередь «Семи Партид») как одного из первых эксплицитных выражений концепции *studium generale* (*estudio general*), связанной с постоянно существующей корпорацией школьников и магистров — *universitas* (*universidad, ayuntamiento*). Это одна из первых и подробнейших манифестаций возможности *основания* университета, в том числе королевской властью². В первую очередь речь идет о знаменитом XXXI титуле Второй Партиды, целиком посвященном школам, магистрам и школьникам³. Крайне важным для всех королевств Пи-

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого».

² Внимание «Семи Партидам» в данном контексте уделяется уже в классических работах по истории университетов: Denifle H. Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. B. I. Die Entstehung der Universitäten. B., 1885. S. 33; Rashdal H. The Universities of Europe in the Middle Ages. Oxford, 1895. Vol. 1. P. 8.

³ Alfonso X el Sabio. Las Siete Partidas del Sabio Rey Don Alfonso el Nono, nuevamente glosadas por el Licenciado Gregorio Lopez del Consejo Real de Indias de su Magestad. Segunda Partida Madrid, 1555. (Reprint.: Madrid, 1985. Vol. I.). Fl. 114–116.

ренейского полуострова представляется перенесение латинской терминологии, в том числе и связанной с университетами, на почву старокастильского языка⁴.

Безусловно, нуждается в дополнительном исследовании влияние данной концепции непосредственно на жизнь испанских университетов. Не раз отмечалась важность именно символического значения Партид и дискуссионность практического применения их положений⁵. Как отмечает А. Гарсия-и-Гарсия, законы «Семи Партид», касающиеся прав магистров и школяров, имеют крайне ограниченное значение непосредственно для исследования истории Саламанки или иных кастильских университетов. Объясняется это отсутствием у данного документа законодательной силы до 1347 года⁶.

Однако нельзя недооценивать последовательность политики Альфонсо X и его канцелярии в отношении школ королевства. Так, известен ряд документов рассматриваемого периода, где данная политика реализуется в отношении университета Саламанки⁷ (в том числе и знаменитая *Carta Magna*), а также их связь с наиболее «практичными» положениями Партид, касающимися проблем съема школярами жилья и соблюдения их привилегий горожанами⁸. В данной статье я постараюсь проследить, какое влияние приобрели разные аспекты леонско-кастильского законодательства периода Альфонсо X, связанные с университетской жизнью, в Португалии.

Прежде всего, следует охарактеризовать пути, по которым могли осуществляться подобные заимствования. В Португалии XIII–XIV вв. было известно и, более того, переводилось немалое количество кастильских ис-

⁴ См.: *Rubio Moreno L.* Contribución al estudio de las definiciones léxicas de las «Partidas» de Alfonso el Sabio. Avila, 1991. P. 739–744; *Марей А.В.* Язык права средневековой Испании: От Законов XII Таблиц до «Семи Партид». М., 2008. С. 26–27.

⁵ См.: *Iglesia Ferreira A.* Derecho municipal, derecho señorial, derecho regio // Historia, Instituciones, Documentos. 4. 1977. P. 155–197.

⁶ *García y García A.* Génesis de la Universidad, siglos XIII–XIV // Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. I: Trayectoria histórica e instituciones vinculadas. Salamanca, 2002. P. 30. Насколько можно судить, образ университета в Партидах в большей степени ориентирован непосредственно на Болонью (см.: *Idem.* La enseñanza universitaria en las Partidas // *Glossae. Revista de historia del Derecho europeo*. 1989–1990. 2. P. 107–118.)

⁷ Подробнее о составе данного корпуса текстов см.: *Ibid.* P. 22–25; *Alonso Romer M.P.* El fuero universitario, siglos XIII–XV // Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. II: Estructuras y flujos. Salamanca, 2004. P. 161–165, а также: *Beltrán de Heredia V.* Los orígenes de la Universidad de Salamanca. T. 1. Salamanca, 1953.

⁸ **Part.II.31.2.** En que logar debe ser establecido el estudio, et como deben ser seguros los maestros et los escolares que hi vinieren á leer et aprender; **Part.II.31.5.** En que logares deben ser ordenadas las escuelas de los maestros.

точников права⁹. Причем данные заимствования осуществлялись как местными конселью, так и королевской властью.

Самым ярким примером первого случая является собрание конселью Гварды, в котором сохранился список «Цветов права» Хакобо Законника. Также в состав так называемой «Тетради Обычаев Гварды» (*Caderno de Costumes da Guarda*) был включен текст «Королевского фуэро»¹⁰. Подобное заимствование обычно объясняется кастильским образованием местного юриста и рассматривается в контексте разнообразия законодательных норм Португалии в период только начинающейся правовой централизации (конец XIII — начало XIV в.)¹¹.

Однако для университетской истории гораздо более значительны заимствования, осуществлявшиеся королевской властью. В первую очередь влияние оказали Партиды. Ко времени правления Афонсу IV Храброго (1325–1357) относится сохранившийся перевод Третьей Партиды (1341 г.), осуществленный по королевскому указанию, а также многочисленные отрывки Первой (также сохранилась рукопись ее полного текста), Второй, Третьей и Седьмой Партид¹². Вполне вероятно, что существовали и более ранние переводы. Так, Ж. ди Азеведу Феррейра доказывает существование этих гораздо более ранних текстов (особенно в отношении Третьей Партиды), предполагая это следствием полного перевода, начатого по приказу короля Диниша (1279–1325)¹³. Кроме того, Ж. Домингиш выделяет две прямые ссылки к Партидам в законодательстве Диниша¹⁴. Также на основе указаний в завещании коимбрского

⁹ Caetano M. História do direito português: Vol. I. Fontes — Direito Púlico. Lisboa, 1981. P. 341–343; Albuquerque R. de, Albuquerque M. de. História do Direito Português. Vol. I. (1140–1415). 1 Parte. Lisboa, 1999. P. 181–196.

¹⁰ См.: Merêa P. A versão portuguesa das Flores de las Leyes de Jacome Ruys // Revista da Universidade de Coimbra. Vol. VI. P. 343–360, а также издание: Afonso X. Fuero Real. Braga, 1982. Vol. I.

¹¹ Albuquerque, R. de, Albuquerque M. de. História... P. 183.

¹² См.: Primeyra partida: édition et étude. Braga, 1980. Подробнее о происхождении и содержании данных фрагментов см.: Costa A. de Jesus da. Fragmentos preciosos de Códices Medievais. Braga, 1949. P. 22–25; Caetano M. História... P. 342; Gomes da Silva, N.J.E. História... P. 206; Azevedo Ferreira J. de. Fragmentos das Partidas de Afonso X reencontrados em Braga // Cahiers de linguistique hispanique médiévale. 18–19 (1993–1994). P. 367–402; Dias A.F. As partidas de Afonso X: novos fragmentos em língua portuguesa. Coimbra, 1994; Pinto P. Um novo fragmento português medieval da Terceira Partida de Afonso X // Boletim da Direção-Geral de Arquivos, Lisboa, 2009. № 8. P. 5.

¹³ Azevedo Ferreira J. de. Subsídios para uma edição de Terceira Partida de Afonso X // Boletim de Filologia. Homenagem a Manuel Rodrigues Lapa. Vol. II. T. XXIX. Lisboa, 1984. P. 114–117.

¹⁴ В законе короля Диниша о праве убежища в церкви («com estas sentenças sobreditas acordam myselfos direitos E outros a lley iiiijº da primeira partida Titollo xi [P 1.114] E diz assy homes hi a que nom deuem seer enparados em-na igreia E os podem ende sacar sem coima nhuma / assy como os ladroões manefestos E púbricos que teem os camjnhos E matam os

Король Афонсу IV Храбрый. Изображение XVII в.

каноника Жуана Гонсалвиша (1285 г.) можно предположить наличие уже в то время комментариев к Партидам, вероятно, осуществленных по приказу короля (а возможно и под его прямым руководством)¹⁵.

Всё это позволяет попытаться рассмотреть в свете кастильско-леонской традиции королевские документы, касающиеся ранней истории университета в Португалии. Он был основан между 1288 и 1290 гг. в Лиссабоне. К первой из дат, ограничивающих время его возникновения, относится прошение, отправленное группой португальских клириков Папе Николаю IV после одобрения короля Диниша. В этом прошении провозглашалась необходимость для королевства наличия собственного *studium generale* в связи с опасностями пути к иностранным центрам образования и предполагалось его финансирование из рент ряда монастырей¹⁶. К 1290 г. отно-

homens E os Roubam») и его же законе от 4 мая 1305 г. о том, что только король может посвящать в рыцари («Ca seede certos que de dereyto antjo e das leys dos enperadores que ante nos forom [P 2.21.2] nenhum homem de conçelho nom pode seer caualeiro nem auer honra de caualaria senom per seu Rey ou per seu filho que ha de reinar per seu mandado d'ElRey») (Domingues J. As Partidas de Castela e o Processo Medieval Português // Initium 18 — Revista Catalana d'Història del Dret (2013). P. 237–288).

¹⁵ В тексте завещания говорится о комментариях на народном и латинском языках к некой книге из семи частей («Item quemdam librum de VII^m partibus glossatum per linguam... Item alium librum de VII^m partibus glossatum per latinum»). См.: Albuquerque R. de, Albuquerque M. de. História... P. 195.

¹⁶ Petição dirigida ao Papa por alguns prelados portugueses para pagarem, das rendas dos Mosteiros e Igrejas, os salários dos Mestres e Doutores do Estudo Geral de Lisboa, que ia ser criada (Doc. 2) // Chartularium Universitatis Portugalensis (далее — CUP). Lisboa, 1966. Vol. I. P. 6–7.

сится два документа, согласно которым можно предположить функционирование к тому времени университета в Лиссабоне. Это — грамота короля Диниша от 1 марта, гарантирующая ряд университетских привилегий¹⁷, и булла *De statu Regni Portugalie*, датированная 9 августа¹⁸. Нам неизвестны другие документы, касающиеся португальского *studium generale* в первый период существования, который предшествовал переезду в Коимбру. Этот переход произошел около 1308 г. и был, согласно булле, его подтверждающей¹⁹, связан с конфликтами между школярами и горожанами. На протяжении XIV в. университет еще не раз менял свое местоположение: в 1337 г. он вернулся в Лиссабон, однако уже около 1354 г. он вновь переместился в Коимбру, где пребывал до 1377 г. В этом году по указанию короля Фернанду I университет обосновался в Лиссабоне, как оказалось, более чем на полтора столетия²⁰.

Как не раз отмечалось, специфику Португальского университета во многом определил тот факт, что к тому времени сложилась концепция *studium generale*, зафиксированная, в частности, Партидами²¹ (при этом зачастую подразумевается непосредственное влияние данного документа²²). Однако прежде чем перейти к непосредственному анализу источников, следует выделить важный аспект заимствований. Несколько мы можем судить, как представителям королевской канцелярии, так и, впоследствии, членам университетской корпорации постановления Альфонсо X, связанные со *studium generale*, были известны также и благодаря непосредственному знакомству с корпоративным правом Саламанки. Так, существует ряд гипотез о связи португальской королевской курии уже с университетом Паленсии в начале XIII в., причем ряд его профессоров, как предполагалось, оказал влияние на королевские реформы 1211 г., а впоследствии не раз там оказывались епископы. Существуют свидетельства о португальцах даже в недолго суще-

¹⁷ Carta de D. Dinis ampliando os privilégios concedidos ao Estudo Geral de Lisboa (Doc. 4) // CUP Vol. I. P. 10–11.

¹⁸ Bula de Nicolau IV aprovando o pagamento dos salários aos professores do Estudo Geral de Lisboa e concedendo privilégios aos mestres e alunos (Doc. 6) // CUP Vol. I. P. 12–13.

¹⁹ Bula de Clemente V autorizando a concessão de seis igrejas paroquiais ao Estudo que ia ser transladado para Coimbra (Doc. 22) // CUP Vol. I. P. 39–40.

²⁰ Об истории Португальского университета в Средние века см.: Braga T. História da Universidade de Coimbra nas suas relações com a instrução portuguesa. T. I. 1289 a 1555. Lisboa, 1892; Brandão M., Almeida, M.L. de. A Universidade de Coimbra: esboço da sua história. Coimbra, 1937; História da universidade em Portugal. Vol. I. (1290–1536). Lisboa, Coimbra, 1997; A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV. Lisboa, 2013.

²¹ Mattoso J. A Universidade portuguesa e as universidades europeias // História da universidade... P. 3.

²² Saraiva A.J. O crepúsculo da Idade Média em Portugal. Lisboa, 1986. P. 116–117.

ствовавшей высшей школе в Калаорре²³. Хотя роль Саламанки как центра образования всей пиренейской элиты особо возросла в XIV (а еще более — в XV) в.²⁴, уже в XIII в. она была важным центром, привлекавшим летрадос из соседних королевств, в том числе и ряд высших иерархов португальской церкви. Особенно важна среди них фигура лиссабонского епископа и главы Королевской канцелярии Домингуша Аниша Жарду, вероятно, непосредственно связанного с основанием *studium generale*²⁵.

Безусловно, сложно представить, чтобы королевская поддержка основания университета не была хотя бы отчасти связана с влиянием образа Альфонсо Мудрого на его внука по материнской линии, Диниша²⁶. Данное влияние было крайне разнообразно, в частности, стоит отметить соответствие роли королевской канцелярии в управлении королевством предписаниям Партиды²⁷.

В данном контексте приобретает значение образ мудрого и справедливого короля, *rex litteratus*, созданный в подражание Соломону и Давиду²⁸. При этом в кастильско-леонской историографии данный образ уже с начала XIII в. связывается с понятием *institutor scholarum*, заботящийся о различных аспектах распространения знания в королевстве²⁹. Особое значение

²³ Fleisch I. The Portuguese clergy and the European universities in the 12th and 13th centuries // Carreiras Eclesiásticas no Ocidente Cristão (séc. XII–XIV). Lisboa, 2007. P. 72–74.

²⁴ Mattoso J. A Universidade portuguesa... P. 11.

²⁵ Farelo M. Lisboa numa rede latina?... P. 263. См. также: Veríssimo Serrão J. Portugueses no Estudo de Salamanca. I. (1250–1550). Lisboa, 1962. P. 3–15.

²⁶ См.: Mattoso J. As relações de Portugal com Castela no reinado de Afonso X // Mattoso J. Fragmentos de uma composição medieval. Lisboa, 1987. P. 73–94; González Jiménez M. Alfonso X y Portugal // Alcanate. IV (2004–2005). P. 19–34.

²⁷ Это касается, в частности, роли канцлера в управлении государством — впоследствии во II титуле Установлений короля Афонсу V был прямо процитирован 4 закон 9 титула Второй Партиды. Хотя данный свод права, обобщающий королевское законодательство, относится к середине XV в., португальские исследователи, в частности А. ди Ж. да Кошта, прослеживают рассматриваемое влияние уже с конца XIII в. (*Costa A. de J. da Chancelaria Real Portuguesa e os seus registros, de 1217 a 1438 // Revista da Faculdade de Letras. História* (Porto) Ser. 2. Vol. 13 (1996). P. 81, 84.) К сожалению, отсутствует современное критическое издание Установлений короля Афонсу V. Здесь и далее используется издание 1792 г. (*Ordenações do Senhor Rey D. Affonso V. Coimbra, 1792.*)

²⁸ См.: Fleisch I. Sacerdotium — Regnum — Studium. Der westiberische Raum und die europäische universitätskultur in Hochmittelalter. Prosopographische und rechtsgeschichtliche Studien. Münster, 2006. S. 310–311, S. 356–358.

²⁹ См.: Nieto Soria J.M. Fundamentos ideológicos del poder real real en Castilla (siglos XIII–XV). Madrid, 1988; Pedredo-Sánchez M.G. O saber e os centros de saber nas Sete Partidas de Alfonso X, o Sabio // A Ciência e a Organisação dos Saberes na Idade Média. Porto Alegre, 2000. P. 203–204; Kleine M. La virtud de la prudencia y la sabiduría regia en el pensamiento político de Alfonso X el Sabio // Res publica. 17. 2007. P. 223–239; Farelo M. A universitas no labirinto: poderes e redes sociais // A Universidade medieval em Lisboa... P. 188–189.

это получило во время Альфонсо X, что проявилось в подробном описании устройства *estudio general* в Партидах. К сожалению, отсутствие как обширных правовых сводов, так и португальской хронистики до XV в. затрудняет анализ осмыслиения такого рода политики во времена короля Диниша³⁰, однако представляется возможным рассмотреть его в связи с университетскими грамотами.

Насколько можно судить, едва ли стоит рассматривать в связи с прямым влиянием законодательства Альфонсо X риторику прошения 1288 г. Оно начинается с соединения перифразов из Введения к Институциям Юстиниана и аутентики *Habita* императора Фридриха I Барбароссы³¹, чем подчеркивается значение законов для королевства и науки (*scientia*) для борьбы с ересью. Аналогично и в грамоте 1290 г. говорится об университете как о «сокровищнице знания», в чем едва ли можно усматривать влияние Альфонсо X. При этом для Лиссабона выбрано нетипичное обозначение *civitas regia*, призванное подчеркнуть право короля на основание университета вне зависимости от императора³². Можно предположить, что в данном случае ведется та же полемика в защиту того, что впоследствии будет названо *Studium Generale respectu regni*³³, ответом на которую было утверждение в Партидах равной возможности основания университета «по указанию Папы, или императора, или короля»³⁴. Безусловно, в случае короля Диниша также важно и утверждение его равенства с королями Кастилии и Леона, лишь недавно формально признавшими независимость Португальского королевства.

Таким образом, самые ранние документы Португальского университета свидетельствуют, скорее, о решении королевской властью в отношении университета проблем, сходных с теми, что рассматриваются Альфонсо X, однако без прямых заимствований из его наследия. Насколько можно судить, в «университетской политике» короля Диниша нашли отражение отвлеченные идеалы школы, существовавшие при дворе Альфонсо Муд-

³⁰ Farelo M. Lisboa numa rede latina? Os escolares em movimento // A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV. Lisboa, 2013. P. 240–241.

³¹ «cum Regiam celsitudinem non solum armis decoratam sed legibus oportet esse armatam ut tam tempore belli quam pacis res publica. Recte ualleat gubernari. Nam per scientiam mundus illuminatur et vita subiectorum ad obidienciam Deo et ministries eis plenius et fidelius informatur fides corroboratur ecclesia exaltatur et per viros ecclesiasticos defenditur contra hereticam prauitatem» (Petição... (Doc. 2). P. 6–7.)

³² См.: Fleisch I. Sacerdotium — Regnum — Studium... S. 310–317.

³³ Rashdall H. The Universities of Europe... Vol. 1. P. 12–15.

³⁴ «...et este estudio debe seer establecido por mandado de papa, ó de emperador, ó de rey» (II Part., Tit XXXI, Ley 1).

Вид Лиссабона до землетрясения. Гравюра начала XVIII в.

рого. Ярким выражением этих идеалов, оказавшим большое влияние на основывавшиеся впоследствии королями пиренейские университеты, стало описание Афинской школы в «Всеобщей истории»³⁵, отразившее идею центра, где все желающие могут найти все знания³⁶, причем расцвет этого места связан с «добрыми фуэро и привилегиями, которое там имели школьяры»³⁷. Показательной особенностью данной модели, реализуемой и поддерживаемой радением королевской власти, было минимальное внимание, уделяемое, собственно, городским властям³⁸, что не могло не приводить к многочисленным противоречиям и столкновениям с горожанами. Это, как упоминалось выше, произошло с лиссабонскими школьарами в конце XIII — начале XIV в. и вынудило короля перенести (а по сути, основать заново) *studium generale*.

³⁵ Rucquois A. Contribution des studia generalia à la pensée hispanique médiévale // Pensamiento medieval hispano: homenaje a Horacio Santiago-Otero. Madrid, 1998. Vol. 1. P. 740–743.

³⁶ «Et esto pusieron assi los sabios, como diximos, por que non touieren por bien que certedumbre del bien en este mundo, andudiesse errado buscando lo, mas que cierta miente fuese al logar o era» (*Alfonso el Sabio. General Estoria. Primera parte*. Madrid, 1930 (Libro VII, Cap. XXXIV). P. 193).

³⁷ «Et esto se aprendie en Grecia en Athenas mas que en otro logar del mundo a aquella sazon, e por esso uinien todos a Athenas mas que a otro logar, e otrossi por quantos buenos furos e priuilegios auien alli los escolares e por muchos plazeres que fallauan y». (Ibid.)

³⁸ Monsalvo Antón J.M. El Estudio y la Ciudad en el período medieval // Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. I: Trayectoria histórica e instituciones vinculadas. Salamanca, 2002. P. 448.

В целом, вероятно, в данном случае уместнее говорить именно о влиянии образов, таких как короли Кастилии и Леона в хрониках Родриго Хименеса де Рады и Луки Туйского, например, Альфонсо VIII, представленный «новым Соломоном».³⁹ Впрочем, нельзя исключать и неполноты картины в условиях столь ограниченной источниковой базы.

Несколько иную ситуацию мы наблюдаем в грамотах того же короля, дарованных университету после его обоснования в 1308 г. в Коимбре. Для данного периода мы обладаем большим количеством документов, касающихся разных сторон жизни корпорации. Безусловно, особое значение имеет королевская грамота от 15 февраля 1309 г. (так называемая *Magna Charta privilegiorum* Португальского университета⁴⁰), часто характеризуемая как его первые статуты.

На основе данного документа можно подробнее рассмотреть «программу» королевской власти относительно университета, изложенную в преамбуле следующим образом:

Ведь король никак лучше не мог бы достигнуть того, чтобы так расцвела справедливость, чем если бы приказал засеять землю и королевство, ему доверенное, семенем, ибо именно так милостью того, кто из смертного семени приносит обильный плод, королевство произвело бы сияющие пальмовые ветви справедливости, а земля — свои плоды, то есть мужей, всячески выдающихся в науке красноречия, поэтому точно так же учеными мужьями ради всех благ вашей небесной милости, которым они служат, король и королевство вполне укрепляются крепостью справедливости⁴¹.

Этот пассаж, безусловно, перекликается с кастильскими идеями, в частности, изложенными во введении к титулу Партид, где ведется речь о школах, «поскольку с помощью ученых людей и с помощью их советов люди, земли и королевства преуспевают, охраняются и управляются»⁴². Бо-

³⁹ См.: *Fleisch I. Sacerdotium — Regnum — Studium...* S. 357–358.

⁴⁰ *Carta de D. Dinis fundando y establecendo em Coimbra o Estudo Geral e condecendo-lhe privilégios* (Doc. 25) // СИР. Vol. I. P. 43–47. Закрепившееся в историографии название следует за традиционным названием грамоты, дарованной университету Саламанки Альфонсо X, которая будет рассмотрена далее.

⁴¹ «Quippe hec rex culte justitie nusquam mellius poterit ducere quam si terram et regnum sibi comjsum faciat semjne multiblicabillem semjnari vt sic demum per illius graciam quij de mortificato semine plurium frutum afert regnum emictas palmas justitie et terra germjnet fructose suas scilicet viros eloquiorum doctrina multipliciter insignatos vt perinde uestre celstis gratie viris literatis ad omnem bonum quomodo operantibus rex et regnum in soliditate justitie solidentur» (*Carta de D. Dinis...* (Doc. 25). P. 43–44).

⁴² «et porque delos omes sabios, los omnes tierras et los Reynos se aprovechan et se guardan et se guian poe el consejo dellos» (II Partida, XXXI, Prol.)

Университет в Коимбре. Гравюра XIX в.

лее того, в грамоте Диниша данные идеи конкретизируются, подробнее рассматривается «непосредственная польза» для королевства. Так, наличие преподавателей гражданского права необходимо, «дабы управители (*rectores*) и судьи нашего королевства по праву могли бы разрешать запутанные и трудные тяжбы, советуясь со знатоками»⁴³. В целом, можно отметить, что модель университета в грамоте короля Диниша претендует на большую универсальность, чем была свойственна, например, Партидам⁴⁴.

В португальской *Magna Charta* не раз отмечалось⁴⁵ влияние одноименного документа, дарованного королем Альфонсо Мудрым университету Саламанки⁴⁶. Стоит сразу оговорить, что необходимо отделить непосред-

⁴³ «vt rectores et et judices nosti regnij consillio peritorum dirimere ualeant subtilles et arduas questiones» (Carta... (Doc. 25) P. 44).

⁴⁴ Так в составе университета рассматривается «конвент братьев-проповедников и миноитов, обучающих Св. Писанию, дабы католическая вера была окружена нерушимой стеной воинов» («apud religiosos conuentus fratrum predicatorum et mionorum in sacra pagina doceat ut sit fides catholica circundata muro inexplorabili belatorum» (Ibid.)). Стоит упомянуть, что богословский факультет был утвержден Папой в Португальском университете только в 1400 г.

⁴⁵ Denifle H. Die Universitäten des Mittelalters... S. 526; Brandão M., Almeida M.L. de A Universidade de Coimbra: esboço da sua história. Coimbra, 1937. P. 52–55; Rodrigues M.A. Notas sobre a Universidade de Coimbra desde as origens (1290) até à fixação definitiva em Coimbra // Rodrigues M.A. A Universidade de Coimbra. Figuras e Factos da sua história. Porto, 2007. P. 9–233; Martins A. Lisboa, a cidade e o Estudo: a Universidade de Lisboa no primeiro século da sua existência // A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV. Lisboa, 2013. P. 54.

⁴⁶ Real cédula de Alfonso X el Sabio en que confirma los privilegios de la Universidad de Salamanca y le da una reglamentación. (Doc. 23) // Cartulario de la Universidad de Salamanca. Vol. I. Salamanca, 1970. P. 630–633.

ственное влияние права Саламанки от «болонского субстрата», ключевого для всех иберийских университетов. Так, например, М. Песег выделяет в португальских грамотах ряд общих черт с привилегиями университета Аериды (Льейды) (1300 г.), сохранившихся в составе *Liber constitutionum et statutorum*⁴⁷, отмечая, что, скорее всего, речь идет о заимствовании установлений Болоньи⁴⁸. Кроме того, сходства могут быть вызваны и аналогичностью проблем, с которыми сталкивались школяры.

Вероятнее всего, непосредственно на опыт Саламанки ориентировались при определении системы жалованья преподавателей и официалов, зафиксированной в грамоте Альфонсо Мудрого⁴⁹, а в Португалии — в грамоте короля Диниша 1323 г.⁵⁰ Непосредственное влияние представляется особенно значимым при общем для Коимбры и Саламанки финансировании университета из так называемых третин⁵¹.

⁴⁷ Llibre de les constitucions i estatuts de l'Estudi General de Lleida. Lleida, 2000.

⁴⁸ Peset M. Interrelaciones entre las universidades españolas y portuguesas en los primeros siglos de su historia. Coimbra, 1982. P. 23, 27–28.

⁴⁹ «Otrosi mando que ayan vn maestro en decretos e yo quele de tresientos maravedis cada anno. Otrosi mando que ayan dos maestros en decretales e yo queles de quinientos maravedis cada anno. Otrosi tengo por bien que ayan dos maestros en logica e yo queles de doscientos maravedis cada anno. Otrosi mando e tengo por bien que ayan dos maestros en la gramatica e yo queles de dosientos maravedis cada anno. Otrosi mando e tengo por bien que ayan dos maestros en fisica e yo queles de dosientos maravedis cada anno. Otrosi mando e tengo por bien que ayan vn estacionario e yo quele de cient maravedis cada anno e el que tenga todos los exenprarios buenos e correchos... Otrosi tengo por bien el dean de Salamanca e Arnal de Sençaque que yo fago conseruadores del estudio ayan cada anno dosientos maravedis por su trabaio e pongo otros dosientos maravedis que tenga el dean sobredicho para faser despesar en las cosas que fesieren menester al estudio. E estos maravedis sobredichos son por todo dos mill e quinientos maravedis e mando que los sobredichos conseruadores rresçiban e tengan estos maravedis sobredichos e que los despiendan en prouecho del estudio asi como yo mande e sobredicho es e que den c[uen]to e rason dellos cada anno a mi o a quien yo mandare» (Real cédula de Alfonso X el Sabio... (Doc. 23) P. 632).

⁵⁰ «o dicto Meestre de en cada hū anno ao Meestre das Leix sexcentas libras e ao Meestre das degreetaes quinhentas libras e ao Meestre da ffizica duzentas libras e ao Meestre da Musica setenta e cinco libras e de a dous conseruadores quarenta libras a cada hū» (Carta de D. Dinis determinando ao Mestre da Ordem de Cristo o quantitativo a pagar aos professors do Estudo Geral de Coimbra (Doc. 59) // CUP. Vol. I. P. 84–85). Данная грамота связана с передачей обязанностей по содержанию университета Ордену Христа, так что фиксируемая в ней система жалованья, скорее всего, восходит ко времени начальных уложений Португальского университета после переезда в Коимбру.

⁵¹ То есть части церковных десятин, получаемых королевской властью по соглашению с папами (первоначально для целей Реконкисты). Третины впервые предоставлены впервые предоставлены Фернандо III Святому Иннокентию IV в 1247 г., но именно Альфонсо Мудрый активировал их как постоянную часть функционирования казны, в частности, для финансирования университета.

Страница из «Свода цивильного права» Юстиниана. ВСТ. ms. 36-2, fol. 141r. Рукопись XIV в.

Место хранения: библиотека Толедского собора.

© Biblioteca capitular de Toledo

Страница из «Свода цивильного права» Юстиниана. ВСТ. ms. 36-1, fol. 181r. Рукопись XIV в.

Место хранения: библиотека Толедского собора.

© Biblioteca capitular de Toledo

Страница из рукописи «Семи Партий». BNE. ms. Vitr-4-6, fol. 6r. Рукопись XV в.

Место хранения: Национальная библиотека Испании (Мадрид).

© Patrimonio nacional

Страница из рукописи «Семи Партий». BNE. ms. Vitr-4-6, fol. 191r. Рукопись XV в.

Место хранения: Национальная библиотека Испании (Мадрид).

© Patrimonio nacional

Страница из рукописи «Семи Партий». ВСТ. ms. 43-11, fol. 1v. Рукопись XIV в.

Место хранения: библиотека Толедского собора.

© Biblioteca capitular de Toledo

Король Диниш. Изображение XVII в.

В период после смерти короля Диниша (1325 г.) происходит ряд важных изменений.

С одной стороны, насколько можно судить, для португальских королей всё слабее становится связь между ключевым для них образом «справедливого правителя», прислушивающегося к советам знатоков права, и необходимой для этого «институализации». Можно предположить связь этого процесса и уменьшения внимания короля к университету, в частности, в правление Афонсу IV (который при этом уделял немалое внимание вопросам централизации законодательства)⁵².

Однако идея об обязательствах королевской власти перед университетом сохраняется и переживает причудливую трансформацию. Теперь она может использоваться как пример несоблюдения королем своих обязанностей. Так, на кортесах 1371 г. высказывается претензия королю Фернанду, что он, несмотря на то, что «благороднейшим делом короля является поддержка летрадуш»⁵³, не уделяет должного внимания *studium generale*

⁵² См., например: Варьяш И.И., Русанов А.В. Новая научная интерпретация грамоты 1338 года, выданной Афонсу IV Португальскому университету // Средние века. № 73(3/4). С. 326–340.

⁵³ «huma das majs nobres cousas que no mundo o Rej pode auer por que mais prol uem aa sua terra ssij he auer em ela letrados e entendudos E que porem os Reijs que ante nos fforom... trabalharom se dauer em este rreijno estudo geeral de que os homens pudesssem aprender çiençia pera per ella seer sua terra mais nobre» (Artigos das Cortes realizadas em Lisboa, onde se pede que a Universidade de Coimbra seja reformada nos seus lentes (Doc. 276) // CUP. Vol. I. P. 297).

и, более того, тратит на другие нужды предоставленные для него Папой средства⁵⁴. Показательно, что король вынужден, по сути, признать заботу об университете как свою обязанность, однако в тексте статей кортесов нет прямых отсылок к источнику такого представления.

С другой стороны, хотя во второй половине XIV столетия Партиды активно использовались как источник права в судебных процессах⁵⁵, они встречали сопротивления обладателей особых привилегий и прав. На это жаловались на кортесах 1361 г. в Элаваше клирики, указывая, что суды пользуются Партидами, «созданными королем Кастилии, подданными которого мы не являемся», но пренебрегают каноническим правом, которому должен подчиняться любой христианин⁵⁶.

В связи с данным процессом следует рассматривать и королевскую грамоту, адресованную консервадору университета Коимбры 13 апреля 1361 г.⁵⁷ Она отвечает на жалобу университетской корпорации, согласно которой консервадор, являющийся гарантом привилегий школяров в городской среде, «когда случается, что они ссылаются на какие-либо свои права, содеянные прежде вас, по своим книгам, вы не хотите это рассматривать, кроме как если покажут эти права в книгах Партид (*de partida*) об этом. И я считаю благом и повелеваю вам, чтобы, когда они вам покажут какие-либо права в своих книгах, вы бы их соблюдали, посовещавшись прежде с летрадуш, которые в этом разбираются, таким образом, чтобы сторонам не было затруднений без причины»⁵⁸. Н.Ж.Э. Гомиш да

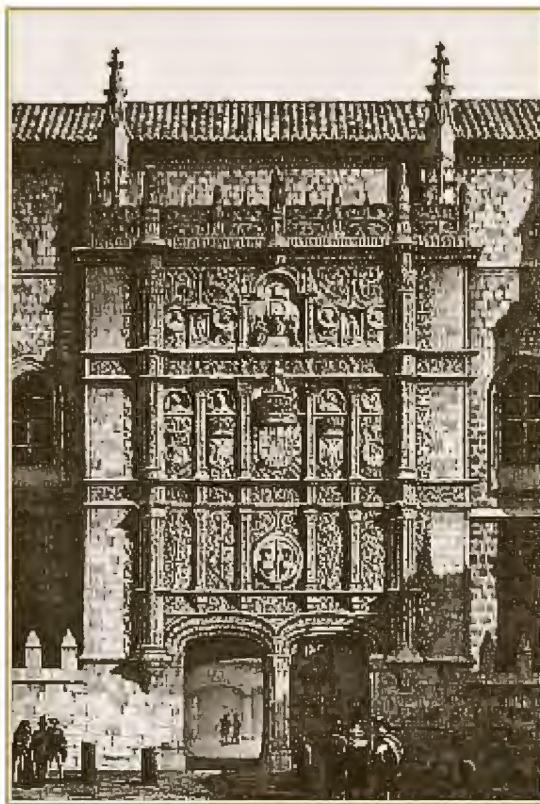
⁵⁴ «E foij lhjs outorgando per o papa com certas rrendas que pera os encargos do dicto studio derom as quaes rrendas ssempr forom em māao dos Reijs que ante nos forom pera eles pagarem os leentes e os outros que conpriam ao dicto estudo E que eram na nosa E que o dicto estudo nom era rreformado de leentes commo lhj conujnha e fazja mester por por a qual rrazom mujtos da nossa terra sse hjam for dela aaprender o que nom era nos seruiço nem onrra ca mjlor ficaria na nossa terra o que eles leuam que o leuarem fora dela des hjo o nosso Reyno aueria por hj mjlor fama» (Ibid.).

⁵⁵ Domingues J. As Partidas de Castela... P. 260–277.

⁵⁶ Gama Barros H. da. História da Administração publica em Portugal nos seculos XII a XV. Lisboa, 1945. Vol. I. P. 126; Almeida Costa M.J. de. Romantismo e bartolismo no direito português. Coimbra. 1960. P. 16–17; Caetano M. História... P. 342.

⁵⁷ Carta de D. Pedro restablecendo o antigo uso dos conservadores da Universidade de conhcerem e julgarem os feitos ocorridos entre escolares e outras pessoas e recomendando ao conservador Gonçalo Anes que tome conhecimento dos direitos invocados perante ele (Doc. 218) // CUP. Vol. I. P. 229–230. Грамота, наряду с упомянутой выше статьей кортесов, ценится в португальской историографии как важное свидетельство распространения Партид (см.: Caetano M. História... P. 342; Gomes da Silva N.J.E. História... P. 205–206), но мало изучена в контексте проблем истории привилегий университета.

⁵⁸ «me enujarom dizer que quando acintece que elles allegam em alguuns factos perante uos seus d̄reitos per seus liuros que lhes nom queredes delles conhecer saluo se uos monstrarem esse d̄reitos em liuros de partida sonre esto tenho por bem e mandouos que quando uos elles

Фасад Саламанкского университета. Гравюра XIX в.

Силва предполагает, что эти споры связаны с тем, что консервадор, будучи неграмотным (или, по крайней мере, малограмотным), не мог разобраться в сложностях латинских законов канонического и гражданского права и просил, чтобы все законы были представлены в Партидах — доступных ему, так как были написаны на кастильском (а возможно, имевшихся у него и в переводе на португальский)⁵⁹. Вполне вероятно, что речь идет не только о каноническом праве, к которому апеллировали большинство школьников, являвшихся клириками, но и собственно университетские установления. Можно уверенно говорить, что к 1361 г. уже сформировался первый корпус университетских привилегий, копии которых в 1367 г. были включены в королевскую грамоту, ставшую по сути первым картулярием Португальского *studium generale*⁶⁰.

59 «... alguuns dixerit mostrarem per seus liuros nos dictos factos que lhos agurdededes auendo ante conselho com letrados que delo saybham de quisa que as partes nom recebam agrauamento sem razam» (Carta de D. Pedro... Doc. 218. P. 230).

⁶⁰ Gomes da Silva N.J.E. História... P. 206.

Об этом процессе подробнее см.: Русаню А.В. Подтверждения привилегий Португальского университета в правление короля Фернанду (1367–1383) // Средние века. № 75(1/2).

Таким образом, к данному периоду влияние леоно-кастильского законодательства XIII в. на корпоративное право Португальского университета окончательно сходит на нет. В ходе процесса унификация португальского королевского права⁶¹, приведшего к составлению в середине XV в. Установлений короля Афонсу V, использовались некоторые законы Партиды⁶², сохраняя распространение и сам их текст на протяжении XV–XVI вв.⁶³, но едва ли можно говорить об их прямом влиянии на правовые акты, связанные с университетской корпорацией.

Безусловно, проблема кастильского влияния как в португальском средневековом праве в целом, так и в его разделах, касающихся университетской корпорации, нуждается в дальнейшем изучении. Также нуждается в дальнейшем исследовании соотношение «идеологических» и, собственно, правовых заимствований. Однако на основе предварительного рассмотрения данных процессов в связи с формированием и развитием корпорации Португальского университета удалось сделать ряд выводов.

Можно с определенной долей уверенностью утверждать, что идеи *studium generale* заимствовались и реализовывались в Португалии в контексте «престижа» власти, образа *rex litteratus* — под влиянием Кастилии и во многом в противостоянии с ней⁶⁴. Вскоре после этого происходит развитие понимания образа университета (как «проводника права»⁶⁵ и истока справедливого правления), заимствуются модели, воплощавшиеся в законодательном наследии Альфонсо X. Параллельно с этим корпорация университета заимствует опыт университета Саламанки (наряду с привилегиями университета Болоньи и, вероятно, Парижа), что находит отражение в предоставляемых королем привилегиях. В правление наследников Диниша уменьшается влияние кастильских образов

⁶¹ См.: *Варъяш* О.И. Юридическая культура португальского двора XIV в. // *Варъяш* О.И. Пиренейские тетради. М., 2008. С. 64–77.

⁶² Gama Barros H. da. História da Administração pública... Vol. I. P. 127; Caetano M. História... P. 546–547.

⁶³ Так, в каталоге библиотеки короля Дуарте упоминается «книга Первой Партиды» («livro da primeira partida») (*Livro dos Conselhos de El-Rei D. Duarte (livro da cartuxa)*). Lisboa, 1982. P. 208). Сохранился и ряд рукописей XV в. Например, о Первой Партиде из библиотеки церкви Святого Иакова в Торриши-Новаш см.: Rosa Pereira, I. da. Dos Livros e dos seus Nomes: Bibliotecas Litúrgicas Medievais // Arquivo de Bibliografia Portuguesa. № 17 (1974, separata). P. 127.

⁶⁴ См.: Fleisch I. Sacerdotium — Regnum — Studium... S. 352–356.

⁶⁵ См.: García y García A. Los estudios jurídicos en la Universidad medieval // Lex Ecclesiae. Salamanca. 1972. P. 575–592; García Díaz J. La Europa de Alfonso X el Sabio. En torno a una historia jurídica comparada // Alcanate. VIII (2012–2013). P. 271–272.

королей — покровителей школ, что, насколько можно судить, существенно уменьшает непосредственную поддержку *studium generale* и не раз приводит его к материальным затруднениям. Однако сохраняется и подтверждается (хотя далеко не всегда реализуется) корпус привилегий университета. Эти привилегии, в ряде существенных аспектов основанные на представлении о *studium generale*, выраженном в Партидах и, как видно, опередившем свое время, способствовали институализации университета в Португалии во второй половине XIV в. При этом сами Партиды воспринимались уже как свод, враждебный как каноническому праву, так и праву корпоративному — то есть двум важнейшим основам привилегий школяров и магистров.

REFERENCES

1. *Variash I.I., Rusanov A.V.* A New Interpretation of a Chart of 1338 issued by Afonsu IV to the University or Portugal [Novaya nauchnaya interpretaciya gramoty 1338 goda, vydannoj Afonsu IV Portugalskomu universitetu] // Srednie veka. N 73(3/4). P. 326–340.
2. *Variash O.I.* Law Culture of the Portugalian Royal Court at XIV cent. [Juridicheskaja cultura portugalskogo dvora XIV v.] // *Id. Pireneyskie tetradi*. M., 2008. P. 64–77.
3. *Marey A.V.* Language of Medieval Spanish Law: from Leges XII Tabularum to Siete Partidas. [Yazyk prava srednevekovoy Ispanii: Ot Zakonov XII Tablic do «Semi Partid»]. M., 2008.
4. *Rusanov A.V.* Confirmations of the Privilege of Portugalian University issued durng the Reign of Fernandu (1367–1383). [Podtverzhdeniya privilegij Portugalskogo universiteta v pravlenie korolia Fernandu (1367–1383)] // Srednie veka. N 75(1/2).
5. A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV. Lisboa, 2013.
6. *Albuquerque R. de, Albuquerque M. de.* História do Direito Português. Vol. I. (1140–1415). 1 Parte. Lisboa, 1999.
7. *Almeida Costa M.J. de.* Romantismo e bartolismo no direito português. Coimbra, 1960.
8. *Alonso Romero M.P.* El fuero universitario, siglos XIII–XV // Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. II: Estructuras y flujos. Salamanca, 2004. P. 161–165.
9. *Azevedo Ferreira J. de.* Fragmentos das Partidas de Afonso X reencontrados em Braga // Cohers de linguistique hispanique médiévale. 18–19 (1993–1994). P. 367–402.
10. *Azevedo Ferreira J. de.* Subsídios para uma edição de Terceira Partida de Afonso X // Boletim de Filologia. Homenagem a Manuel Rodrigues Lapa. Vol. II. T. XXIX. Lisboa, 1984. P. 114–117.
11. *Beltrán de Heredia V.* Los orígenes de la Universidad de Salamanca. T. 1. Salamanca, 1953.
12. *Braga T.* História da Universidade de Coimbra nas suas relações com a instrução portuguesa. T. I. 1289 a 1555. Lisboa, 1892.
13. *Brandão M., Almeida M.L. de.* A Universidade de Coimbra: esboço da sua história. Coimbra, 1937.
14. *Brandão M., Almeida, M.L. de.* A Universidade de Coimbra: esboço da sua história. Coimbra, 1937.
15. *Caetano M.* História do direito português: Vol. I. Fontes — Direito Púlico. Lisboa, 1981.

16. Costa A. *de Jesus da*. Fragmentos preciosos de Códices Medievais. Braga, 1949. P. 22–25.
17. Costa A. *de Jesus da*. Chancelaria Real Portuguesa e os seus registros, de 1217 a 1438 // Revista da Faculdade de Letras. História (Porto) Ser. 2. Vol. 13 (1996) P. 81, 84.
18. Denifle H. Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. B. I. Die Entstehung der Universitäten. B., 1885.
19. Dias A.F. As partidas de Afonso X: novos fragmentos em língua portuguesa. Coimbra, 1994.
20. Domingues J. As Partidas de Castela e o Processo Medieval Português // Initium 18 — Revista Catalana d'Història del Dret (2013). P. 237–288.
21. Farelo M. A universitas no labirinto: poderes e redes sociais // A Universidade medieval em Lisboa... P. 188–189.
22. Farelo M. Lisboa numa rede latina? Os escolares em movimento // A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV. Lisboa, 2013. P. 240–241.
23. Fleisch I. Sacerdotium — Regnum — Studium. Der westiberische Raum und die europäische universitätsskultur in Hochmittelalter. Prosopographische und rechtsgeschichtliche Studien. Münster, 2006.
24. Fleisch I. The Portuguese clergy and the European universities in the 12th and 13th centuries // Carreiras Eclesiásticas no Ocidente Cristão (séc. XII–XIV). Lisboa, 2007. P. 72–74.
25. Gama Barros H. *da*. História da Administração pública em Portugal nos séculos XII a XV. Lisboa, 1945. Vol. I.
26. García Díaz J. La Europa de Alfonso X el Sabio. En torno a una historia jurídica comparada // Alcanate.VIII (2012–2013). P. 271–272.
27. García y García A. Los estudios jurídicos en la Universidad medieval // Lex Ecclesiae. Salamanca. 1972. P. 575–592.
28. García y García A. Génesis de la Universidad, siglos XIII–XIV // Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. I: Trayectoria histórica e instituciones vinculadas. Salamanca, 2002.
29. García y García A. La enseñanza universitaria en las Partidas // Glossae. Revista de historia del Derecho europeo. 1989–1990. 2. P. 107–118.
30. González Jiménez M. Alfonso X y Portugal // Alcanate. IV (2004–2005). P. 19–34.
31. História da universidade em Portugal. Vol. I. (1290–1536). Lisboa, Coimbra, 1997.
32. Iglesia Ferreirós A. Derecho municipal, derecho señorial, derecho regio // Historia, Instituciones, Documentos. 4. 1977. P. 155–197.
33. Kleine M. La virtud de la prudencia y la sabiduría regia en el pensamiento político de Alfonso X el Sabio // Res publica. 17. 2007. P. 223–239.
34. Martins A. Lisboa, a cidade e o Estudo: a Universidade de Lisboa no primeiro século da sua existência // A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV. Lisboa, 2013.

35. Mattoso J. A Universidade portuguesa e as universidades europeias // História da universidade em Portugal. Vol. I (1290–1536). Lisboa, Coimbra, 1997.
36. Mattoso J. As relações de Portugal com Castela no reinado de Afonso X // Mattoso J. Fragmentos de uma composição medieval. Lisboa, 1987. P. 73–94.
37. Merêa P. A versão portuguesa das Flores de las Leyes de Jacome Ruys // Revista da Universidade de Coimbra. Vol. VI. P. 343–360.
38. Monsalvo Antón J.M. El Estudio y la Ciudad en el período medieval // Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. I: Trayectoria histórica e instituciones vinculadas. Salamanca, 2002. P. 448.
39. Nieto Soria J.M. Fundamentos ideológicos del poder real real en Castilla (siglos XIII–XV). Madrid, 1988.
40. Pedredo-Sánchez M.G. O saber e os centros de saber nas Sete Partidas de Afonso X, o Sábio // A Ciência e a Organização dos Saberes na Idade Média. Porto Alegre, 2000. P. 203–204.
41. Peset M. Interrelaciones entre las universidades españolas y portuguesa en los primeros siglos de su historia. Coimbra, 1982.
42. Pinto P. Um novo fragmento português medieval da Terceira Partida de Afonso X // Boletim da Direcção-Geral de Arquivos. Lisboa, 2009. N 8. P. 5.
43. Rashdal H. The Universities of Europe in the Middle Ages. Oxford, 1895.
44. Rodrigues M.A. Notas sobre a Universidade de Coimbra desde as origens (1290) até à fixação definitiva em Coimbra // Rodrigues M.A. A Universidade de Coimbra. Figuras e Factos da sua história. Porto, 2007. P. 9–233.
45. Rosa Pereira I. da. Dos Livros e dos seus Nomes: Bibliotecas Litúrgicas Medievais // Arquivo de Bibliografia Portuguesa. N 17 (1974, separata). P. 127.
46. Rubio Moreno L. Contribución al estudio de las definiciones léxicas de las «Partidas» de Alfonso el Sabio. Avila, 1991. P. 739–744.
47. Rucquoi A. Contribution des studia generalia à la pensée hispanique médiévale // Pensamiento medieval hispano: homenaje a Horacio Santiago-Otero. Madrid, 1998. Vol. 1. P. 740–743.
48. Saraiva A.J. O crepúsculo da Idade Média em Portugal. Lisboa, 1986. P. 116–117.
49. Veríssimo Serrão J. Portugueses no Estudo de Salamanca. I (1250–1550). Lisboa, 1962. P. 3–15.

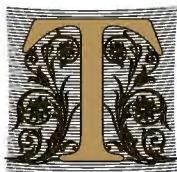

Ключевые слова:

Альфонсо X, история права, Португальский университет, университеты и королевская власть, король Диниш, концепция *Studium Generale*, португальско-кастильские отношения.

Alexander V. Rusanov

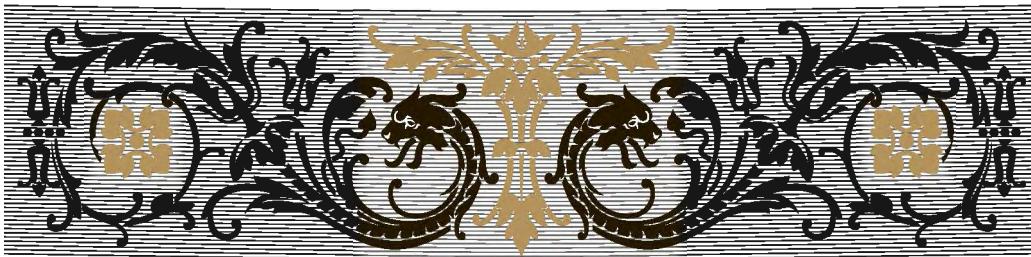
LEGAL HERITAGE OF THE KING ALPONSO X THE WISE AND CORPORATIVE LAW OF THE PORTUGUESE UNIVERSITY IN LATE 13th—14th C.

This article observes how the juridical heritage of King Alfonso X *El Sabio* influenced the corporative law of the Portuguese university founded in 1288–1290 in Lisbon by Alfonso's grandson, King Denis. By dynamic borrowing and translation of Castilian juridical texts (*Fuero Real*, *Siete Partidas*) Portuguese legal tradition adopted the new model of *studium generale*. The idea of *rex illustris* (and especially the king — protector of schools) was very important for the early history of the Portuguese university. In the *Magna Charta privilegiorum* (1309) the image of the higher school related to this idea and was adopted from the Castilian historical texts combined with the experience of the University of Salamanca. Later, in context of the forming of the unified Royal Law the situation was changing. On the one hand the care for the University still was still interpreted as a special duty of the King (for example by the Cortes in Elvas in 1361). On the other hand members of the university considered the usage of the *Partidas* as the legal source in their cases as a violation of their privileges (as it can be seen in the Diploma of 1361). We can see how the privileges that had been granted in the special context of the «prestige struggle» between Iberian kings became the foundation of the university corporative law for centuries.

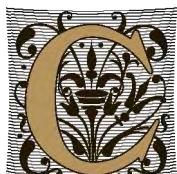
 Рusanov Александр Витальевич

аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
стажер-исследователь ИГИТИ имени А.В. Полетаева НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)

И.И. Варяш

ВЛАСТЬ КОРОЛЯ И КОРОЛЕВСКОЕ ПРАВО В «СЕМИ ПАРТИДАХ» АЛЬФОНСО МУДРОГО¹

редневековая литература, в том числе и пиренейская, опираясь на античную и христианскую традиции, посвятила немало внимания теме природы королевской власти и задач государей. Во многом дошедшие до нас тексты демонстрируют высокую степень топосности и даже клишированности. В связи с этим представляется более корректным в рамках настоящего исследования обратиться не к литературному, а к правовому источнику, который, безусловно, будучи отмечен все той же традиционностью в трактовке узловых вопросов, тем не менее, в силу своего жанра, говорит о власти короля и о королевском праве другим языком и рассматривает эти сюжеты с другой точки зрения.

В центре данной работы будет проблема законодательных и судебных функций короля, получивших трактовку в «Семи Партидах» — первом общекоролевском своде законов, созданном на Пиренейском полуострове в середине XIII в. под непосредственным руководством и при участии Альфонсо X Мудрого.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого».

Это внушительный труд (в издании Грегорио Лопеса от 1555 г. он уместился в три объемных тома), претендующий быть последним словом в юридической науке и в праве в его практическом приложении того времени. Не случайно «Семь Партид» оперируют устойчивым и отработанным понятийным аппаратом, который затем становится своего рода эталоном для юридических текстов; в нем отчетливо заметна работа королевских легистов, знакомых с римским правом.

«Семь Партид» был любимым детищем Альфонсо Мудрого, так же как и Книга игр, написанная этим удивительным и одаренным государем. Безусловно, король работал над Партидами не один, а с целой группой знатоков права, не в последнюю очередь еще и потому, что свод законов должен был учитывать местные обычаи и уметь найти компромисс, дать взвешенное решение той или иной проблемы. Однако достаточно прочитать Пролог, чтобы убедиться в присутствии яркой индивидуальности Альфонсо X на страницах Партид, в его личной заинтересованности в этом труде.

Альфонсо Мудрый был очень образованным и начитанным человеком, что, конечно, не могло не наложить отпечаток на его произведение: «Семь Партид» во многих своих проявлениях — и в структуре, и в терминологии, и в трактовках — весьма традиционны. Более того, он часто (особенно во вводных разделах) повторяет принятые в то время клише. Это утверждение в полной мере относится и ко Второй Партиде, посвященной «Императорам, Королям и прочим великим Сеньорам земли...». В то же время примечателен сам факт появления такого раздела в своде законов, в чем видятся, безусловно, королевская позиция и заинтересованность. Именно здесь Альфонсо Мудрый говорит о происхождении и назначении королевской власти, рассуждает о том, каким должен быть добрый государь.

Партиды открываются Прологом, написанным от лица короля, перед каждой книгой также помещается пролог; затем следуют титулы, на которые делится Партида и которые в свою очередь состоят из законов. Интересующая нас информация о природе королевской власти и короля встречается во всех упомянутых разделах.

Это само по себе показательно: Альфонсо Мудрый не ограничился общим изложением своей позиции в вводных разделах. Для него было и важно, и естественно вспоминать об этом предмете при изложении более конкретного материала, попавшего в законы. Здесь надо отметить, что законы Второй Партиды имеют очень разный характер: если первые два титула больше трактуют такие широкие вопросы, как «Что есть король», «Что есть король и почему так называется», «Почему подобает, чтобы был Король, и какое место занимает», «Какова власть Короля и как должен ею пользоваться»,

«Как Король должен любить Бога за великое добро, что есть в нем», «Каким должен быть Король в самом себе и прежде всего в своих помыслах» и т.д., то законы следующих титулов посвящены более частным темам: «Как Король должен быть умерен в еде и питье», «Каким должен быть Король по отношению к своей жене и она к нему», «Как Король должен любить своих детей и почему» и т.д. Впрочем, о чем бы ни говорил закон, Альфонсо X находит необходимым и уместным еще раз сказать о природе короля и его власти.

«Семь Партид» открываются традиционным *invocatio* в Прологе: «Мы, дон Альфонсо, Божьей милостью король Кастилии, и Толедо, и Леона, и Галисии, и Севильи, и Кордовы, и Мурсии, и Хаэна, и Алльгарве..»², а во Второй Партиде утверждается: «и особенно принимает Король имя от Господа нашего Бога: так же как он назван Королем над всеми Королями... от него имеют (Короли) имя и ими управляет и их поддерживает вместо себя на земле»³.

Положение о наместничестве короля от Бога, дословно выраженное на романсе — *en lugar de Dios*, встречается во Второй Партиде неоднократно. «Король поставлен на земле вместо Бога»⁴, «Король занимает место Бога...»⁵, «...и еще должен король знать Бога через веру... если... не будет его знать, не должен знать также ни имени, которое имеет, ни места, которым обладает...»⁶, «надо, чтобы его (Бога) боялся... еще и потому, что обязан давать отчет ему в этом мире и в другом, поскольку занимает его место на земле»⁷, «святое место, которым обладают (короли)»⁸.

Характерен и неизменно использующийся в данном контексте глагол — *tener* — король держит свою власть и свои полномочия по воле Бога, который «оказывает ему такую честь»⁹, а в 5-м законе первого титула Второй Партиды читаем: «Короли суть викарии Бога»¹⁰.

Из текста видно, что для Альфонсо X и имя короля, и его положение были не только от Бога, но Божьи, что особенно подчеркивает сакральность и самого короля, и его власти¹¹. Надо сказать, что такие формулировки тра-

² Part.prooem.

³ Part.II.1.6.

⁴ Part.II.1.5.

⁵ Part.II.1.7.

⁶ Part.II.2.1.

⁷ Part.II.2.3.

⁸ Ibid.

⁹ Part.P. II.1.1, T. I, L. I.

¹⁰ Part.II.1.5.

¹¹ О сакральности королевской власти, получившей отражение в «Семи Партидах», см. также: Варьяш И.И. Сакральное право короля творить право // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатуян. М.: Наука, 2006. С. 52–77.

Альфонсо X. Портрет работы Х. М. Родригеса де Лосада. XIX в.

диционны для пиренейских текстов, по тому или иному поводу касавшихся темы природы королевской власти¹². Это в полной мере относится и к вопросу о назначении короля, его задачах и функциях.

Альфонсо Мудрый однозначно оценивает главное назначение короля: «Короли должны поддерживать землю в справедливости и истине»¹³, «для поддержания и защиты земли в справедливости»¹⁴, «справедливость, которая, как он (Бог) хочет, совершилась бы на земле рукою Императоров и Королей»¹⁵.

¹² Ср., напр., с манифестом португальского короля Диниса от 1320 г.

¹³ Part.II.prooem.

¹⁴ Part.II.1.prooem.

¹⁵ Part.II.prooem. В тексте используется термин *justicia*, который я позволила себе перевести как *справедливость*, хотя, конечно, очевидно, что под ним понималось и правосудие. Скорее всего речь идет о комплексном восприятии этого понятия в середине XIII в., когда оно одновременно мыслилось и как *справедливость*, и как *правосудие*, и как *справедливое правосудие*. Понимая, что второе значение в русском варианте ближе по смыслу к латинскому и романсе, я все же перевожу *justicia* как справедливость еще и потому, что в понятийном аппарате «Семь Партид» нет особого термина, обозначающего справедливость, в том числе и высшую, божественную, каковая, следуя логике памятника, лежит в основе всякой земной справедливости.

Основной задачей короля позиционируется поддержание справедливости на вверенных ему территориях. Этот тезис может немного видоизменяться: «...Короли... поставленные над народами, дабы поддерживать их в справедливости и истине...»¹⁶, «...справедливость, которую должны совершать, чтобы поддерживать народы... ибо это их труд»¹⁷. Нередко слог Альфонсо становится поэтичным и образным: «Так же как душа располагается в сердце человека и ею живет тело и держится, так и в Короле располагается справедливость, которая — жизнь и поддержание народа его сеньории»¹⁸.

Благодаря небесному источнику королевской власти и государя, король определяется как вместилище источника жизни народа — справедливости. Таким образом последней отводится поистине животворящая роль, а задача государя определяется как поддержание жизни народа.

Подобные положения вполне традиционны в том числе и для правовой пиренейской риторики. Однако нельзя ли попробовать проникнуть за это клише и приблизиться к более содержательному пониманию того, что имел в виду Альфонсо X, когда говорил о справедливости? В некотором смысле ответ на этот вопрос лежит на поверхности, поскольку текст «Семи Партид» изобилует пассажами, в которых *justicia* упоминается совместно с другими терминами. Более того, чаще всего рядом с ней стоит *derecho* — право. «...Король поставлен на земле вместо Бога, дабы исполнять справедливость и каждому дать его право»¹⁹; или уже упоминавшийся отрывок: «также если... не будет его (Бога) знать, не должен знать... ни имени, которое имеет, ни места, которым обладает, дабы совершать справедливость и право»²⁰; «короли... должны быть справедливыми, давая каждому его право»²¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что справедливость рассматривалась как соблюдение права, а соблюдение права должно было совершаться по справедливости. Именно поэтому, кстати говоря, Альфонсо Мудрый так заботился о составлении Партид.

Эти два термина, постоянно встречающиеся рядом, дополняют друг друга и позволяют иначе взглянуть на категорию справедливости. В таком контексте она перестает быть отвлеченным синонимом высшей божественной истины, хотя и в этом качестве, безусловно, иногда выступа-

¹⁶ P. II, T. I, L. V.

¹⁷ Pr.

¹⁸ P. II, T. I, L. V.

¹⁹ Part.II.1.5.

²⁰ Part.II.2.1.

²¹ Part.II.1.9.

ет и обязательно так и должна восприниматься — но в таких случаях она чаще всего помещается в тексте одна, изолированно, или сопровождается такими словами, как *истина, милосердие*²². Появление же понятия *право* (к тому же в приложении к «каждому» подданному короля) указывает на вполне практическое отношение к справедливости. Этот вывод подтверждается и рассуждениями о двух видах власти, находящихся в руках короля, и об основании королевской власти, о которых также весьма простиранно повествует источник.

В самом начале Второй Партиды, в Прологе, находим: «...это два меча, которыми держится мир. Первый — духовный. И другой — мирской... И посему эти две власти переплетаются, чтобы дать вере нашего Господа Иисуса Христа справедливость полностью, и душе, и телу. Отсюда следует на правом основании, что эти две власти всегда должны быть согласны так, чтобы каждая из них помогала бы от своей власти другой»²³. Идея о переплетеении двух властей и их согласии друг с другом обосновывается здесь необходимостью совершить справедливость полностью — и душе, и телу. Только в этом месте мы находим краткое и емкое уточнение данного выражения — *fazer justicia complidamente* — хотя оно типично для этого времени и встречается не только в законодательных текстах, но и в актовом материале, что еще раз доказывает тезис о применении понятия «справедливость» и в практическом ключе.

«Семь Партид» видят гарантом такой полной справедливости именно государя, что отражается и в 6-м законе I титула: «И потому их называют Королями, что правят как в преходящем, так и в духовном... дабы совершать справедливость и право: также они обязаны поддерживать и защищать в справедливости и в истине (подданных) своей сеньории». Немного с другой точки зрения подходит к тому же предмету 6-й закон II титула: «и служить ему (Богу) Короли должны двояко. Во-первых, поддерживать веру и ее повеления, подавляя ее врагов и почитая и охраняя церкви и их права и их служителей. Во-вторых, охраняя и поддерживая людей и народы... дабы дать каждому справедливость и право на его месте»²⁴.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в обеих цитатах, трактующих вопрос о двух видах власти, логическим продолжением этой темы (и даже следствием ее) выступает вопрос о главной задаче короля — о творении справедливости и права. В то же время, по мнению Альфонсо Муд-

²² Part.II.2.3; Part.II.1.5; Part.II.prooem.

²³ Р. II, Пр.

²⁴ Part.II.2.6.

рого, королевская власть и в духовной, и в переходящей сфере обладала сугубо практическими задачами. Не случайно в последнем, приведенном мною, отрывке в двух частях — по отношению к вере и церкви и по отношению к народам — используются одни те же глаголы (поддерживать, защищать) и упоминается право. Две части закона ставятся на одну доску, взаимоуподобляются — в плане задач государя — благодаря риторическому искусству.

Впрочем, Альфонсо X не скучился на обоснования такой трактовки королевских полномочий, обращаясь к классическим для Средневековья рассуждениям о естественном основании и божественной природе королевской власти:

«Древние мудрецы приводили многочисленные и правдивые доводы в пользу того, что король должен существовать. <...> Один из доводов, приводившихся в пользу того, что король должен существовать, таков, что все живые существа от природы имеют при себе все, в чем нуждаются, и не подобает, чтобы к этому добавлялось что-либо извне. Поскольку, если речь идет об одежде, то все они одеты в свое, — кто в перья, кто в шерсть, кто в шкуры, кто в чешую или в раковину, согласно их природе, — и не имеют нужды в шитье, чтобы одеваться. Также и для защиты, у одних есть клювы, у других — зубы, у иных — когти или рога, или жала, или шипы, так что им нет нужды искать иного оружия для того, чтобы защищаться. Также и с тем, что они едят и пьют — каждый находит то, в чем имеет нужду, таким образом, что не должны они искать кого-то, кто приготовил бы для них, ни того, о чем знают лучше, и не должны ни покупать еду, ни идти за нее работать. Но человек не имеет для себя ничего из этого, за исключением помощи многих тех, кто ищет для него и приносит ему то, что ему подходит. И эта помощь не может быть оказана без правосудия, которое не сможет осуществляться иначе, кроме как начальниками, которым все прочие обязаны повиноваться. И не может быть, чтобы эти начальники, будучи многочисленными, не ссорились бы многократно, поскольку воли людей от природы разделены, и каждый для себя хочет большего, чем все остальные. И потому возникла нужда в справедливой силе, осуществлявшейся кем-то одним, возглавлявшим всех, рассудком которого направлялись бы и объединялись бы все, как все члены тела направляются и руководятся головой. И по этой причине короли должны были появиться, а люди — признать их за сеньоров. Другой довод уже имеет духовный характер, в соответствии со словами пророков и святых о том, зачем появились короли. И это случилось по причине справедливости, которую наш Господь Бог должен был дать этому миру, чтобы люди жили

в мире и любви, и нужно было, чтобы кто-то вершил ее за Бога в делах земных, воздавая каждому по праву, согласно его заслугам»²⁵.

Благодаря этому тексту мы можем легче судить о назначении короля и его власти в глазах Альфонсо Мудрого. Король призван помогать людям, будучи их главой и заботясь о том, чтобы они жили в мире и любви, как того хочет Господь. Одновременно обращает на себя внимание обилие упоминаний о справедливости и праве в этом небольшом отрывке: помо́щь, в которой так нуждается человек, должна быть справедливой; один, управляющий другими, появляется *por derecha fuerça* — посредством справедливой силы; духовным основанием существования королей называется божественная справедливость, ради которой они должны творить земное правосудие, обеспечивая права каждого. Сделав небольшой круг, мысль возвращается к тому, о чем постоянно говорится во II титуле Второй Партиды. И, видимо, это не случайно, но, напротив, отражает некие глубинные представления.

Для того чтобы с большей уверенностью говорить об этом, следует выяснить два момента: во-первых, рассказывает ли источник еще о каких-либо функциях королевской власти (связанных ли с правом или нет), во-вторых, пристальное взглянуть на употребление таких терминов, как *justicia* и *derecho*, что, возможно, также даст какой-нибудь новый ракурс, подчеркнет незамеченный ранее оттенок.

Во Второй Партиде — в 4-м законе I титула — есть очень краткое упоминание: «Король, т.е. такой как rexidor; так, бесспорно ему принадлежит управление королевством»²⁶. Пожалуй, это единственное, но весьма недвусмысленное заявление о функции короля как правителя — и в высшей степени важны употребленные здесь термины: *regidor*, *gouernamiento del reino*. Эта тема не получает в тексте никакого развития, что само по себе привлекает внимание, поскольку вопросы управления землями и народами вполне логично могли вписаться во Вторую Партиду. Вместо этого Альфонсо X дает аристотелевское положение: «И согласно тому, что говорили древние мудрецы и особенно Аристотель в книге, которая называется “Политика”, во времена язычников, король был не только предводителем и вождем войска, и судьей над всеми в королевстве, он был еще сеньором в духовном, что тогда совершалось через благоговение и почитание богов, в которых они верили. И потому их называют королями, что правят как в преходящем, так и в духовном»²⁷. Затем он касается уже рассмотренного выше пасса-

²⁵ Part.II.1.7, пер. А.В. Марея.

²⁶ Part.II.1.4.

²⁷ Ibid.

жка о том, что короли «правят как в преходящем, так и в духовном...». Круг опять замыкается.

Фраза о короле-*regidor*'e может быть лучше понята, если обратиться к законам, помещенным во Второй Партиде, но посвященным не королям, а императорам²⁸. В этом случае действительно обнаруживается перекличка. Второй, третий и четвертый законы титула рассказывают о том, «какую власть имеет Император» и «как Император должен использовать свою власть». Обращение к текстам, трактующим вопросы, связанные с императорской властью, кажется, вполне допустимым, поскольку в законах о королях указывается на то, что король — «как Император в своей империи»²⁹; и что «вся та власть... которой обладают Императоры и которую должны иметь над людьми своей империи, что той же самой обладают Короли в своих королевствах»³⁰.

По мнению составителей «Семи Партид», такая власть бывает двух видов: *de derecho* и *de fecho*³¹. Та власть, которой император обладает, *segund derecho*, заключается в следующем: он «может создавать новый закон и фуэро и менять старый»; прояснить «затемненный закон», может «пресечь использующийся обычай, когда поймет, что он был вреден, и сделать новый, который будет добрым». На первом месте, как видно из текста, стоит законотворчество государя.

Далее следуют судебные функции: «И еще имеет власть вершить справедливость / правосудие и наказание во всех землях». Только после этого перечисляются полномочия императора по управлению землями: «он имеет власть накладывать портазго и назначать ярмарки», «по его повелению... должна... чеканиться монета», «он один... властен разделить пределы провинций и городов», он «должен разбирать... когда случится столкновение из-за привилегий», «ему одному принадлежит власть назначатьadelantado и судей в земли», «взимать... подати, и налоги, и цензы», «по его повелению должны совершаться война, перемирие и мир».

В следующем за этим законе рассматривается второй вид власти императора: *de fecho* — «Император должен быть могущественным на деле:

²⁸ Проблеме императорской власти на Пиренейском полуострове и в «Семи Партидах» нами посвящено отдельное исследование: Варьяш И.И. Имперская идея на Пиренейском полуострове и концепция императорской власти в Семи Партидах Альфонсо Мудрого // Империи и этно-национальные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. С. 410–430.

²⁹ Part.II.1.5, 7.

³⁰ Part.II.1.2.

³¹ Ibid.

Иисус в образе короля-судьи. Фрагмент саркофага из Паленсии. XIII в.

таким образом, чтобы его власть была столь полной и также повелевающей, что мог бы больше, чем другие, в его владениях, дабы принудить тех, кто не захочет повиноваться³². «Чтобы иметь такую власть», указывается в «Семи Партидах», император «нуждается в том, чтобы владеть рыцарством», иметь любящих и преданных ему военачальников, быть сильным замками и крепостями и воротами империи, «чтобы в его власти была вся жизнь, входы и выходы империи». «И также должен иметь людей мудрых, и разумеющих, и преданных, и верных, чтобы помогали ему и служили ему на деле в том, что необходимо: для его совета и для совершения справедливости и права народу».

Этот закон продолжается утверждением, что «наибольшая» и «наиболее полная» власть принадлежит императору, «когда он любит свой народ и любим им» и что «он может заработать... эту любовь», «совершая правую справедливость тем, кто в ней нуждается, и обладая одновременно милостью...».

Тексты, посвященные двум видам власти императора, по объему практически одинаковы, однако информативность первого, повествующего о власти *de derecho*, намного выше. Кроме того, помещенный здесь мате-

³² Part.II.1.3.

риал более точен и практичен, если можно так выразиться, — он подразумевает объективно существующие и нуждающиеся во внимании самого правителя задачи. Несколько различной оказывается и стилистика этих двух законов, расположенных друг за другом и логически связанных между собой — в том числе и в сознании составителя, что отразилось в тексте, в начале 2-го закона: «Власть, которую имеет император двух видов. Первый — от права. И другой — от дела».

В первом отрывке император присутствует очень активно — он имеет власть совершать, наказывать, назначать, он властен разделить; может создавать, пресекать, взимать; по его повелению должны чеканиться монеты, совершаться война и мир, он должен разбирать тяжбы. Во втором отрывке император занимает гораздо более скромное место: здесь прямо говорится, что он «нуждается» в том, чтобы у него были рыцарство и верные военачальники. Указывается, что он должен быть силен крепостями и должен иметь мудрых советников. Собственно говоря, на этом завершается более или менее конкретная часть закона: следующий за этим текст снова обращается к общей теме справедливости.

Любопытное наблюдение, сделанное выше, о лидерстве правотворческих и судебных функций среди прочих функций государей подкрепляется материалом 4-го закона «Как император должен использовать свою власть». Этот закон, ссылаясь на древних мудрецов, говорит о существовании «времени войны» и «времени мира», которые возлагают на императоров разные задачи. Во время мира они должны готовиться к войне, дабы иметь все наготове, когда будет нужно³³. «Также должны в то же самое время разбираться в исправлении своего народа и своей земли, помогая себе законами и фуэро, и правами... давая свое право каждому»³⁴. Далее указывается, что император должен «налаживать и упорядочивать свои ренты», «хорошо работать, сохраняя... казну»³⁵. Во время же войны император «должен использовать оружие и все то, что может помочь ему против его врагов на море или на земле», и советоваться со знающими в военном деле людьми, «так же, впрочем, как руководствоваться советом знающих право, дабы пресекать столкновения, которые рождаются между людьми»³⁶.

Таким образом, и в законах 2 и 3, где речь идет о власти, которую император имеет (*que poderio ha el Emperador*), и в законе 4 о том, «как импера-

³³ Part.II.1.4.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

тор должен использовать (*usar*) свою власть», на первом месте стоят судебные и законодательные функции власти. Четвертый закон, вообще, кроме них упоминает — для мирного времени — еще только финансовые задачи (если не считать помещенного в начало и нераскрыто г тезиса о необходимости быть готовым к войне).

Разумеется, не стоит абсолютизировать правовой материал источника и полагать, например, что Альфонсо Мудрый считал, что во время войны император должен исключительно «использовать оружие» и «советоваться», оставляя без своего внимания все прочие задачи власти. Однако благодаря повторяющейся позиции источника в отношении правовых функций государя проступает известная закономерность, заставляющая пристальное взглядеться в термины³⁷.

Первый термин, на котором хотелось бы остановиться — *justicia*. Выше уже шла речь о том, что справедливость не всегда понимается в источнике как высшая, божественная, но явно рассматривается как связанная с земными, насущными нуждами.

Действительно, в высоком смысле слова *justicia* встречается не часто. Среди немногочисленных примеров можно привести следующие: «en el Rey yaze la justicia» — «в Короле располагается справедливость»³⁸; помочь, в которой нуждается человек (не приспособленный к жизни так, как животное), «не может быть без справедливости»³⁹; справедливость является одной из четырех добродетелей, которыми следует обладать королю, она — мать всего доброго⁴⁰.

В Прологе к Партидам встречается еще один случай такого применения *justicia*, но уже вместе с другим очень важным для моей темы термином — *derecho*: «..дон Фернандо, наш отец, который был исполнен справедливости и права...»⁴¹. Во всех приведенных отрывках речь не идет о справедливости, существующей в координатах земного правосудия. Напротив, подразуме-

³⁷ О таких терминах, как *justicia*, *direito*, *lei*, писала О.И. Варяш — применительно к актам португальских кортесов XIV в. Любопытно, что ее выводы о смысловых значениях этих понятий, особенно *direito*, во многом совпадают с моими, хотя исследование основывается на принципиально другом источнике, кроме того, датированном столетием позже. Это, видимо, должно свидетельствовать о существовании уже в XIII в. некоего общепиренейского понятийного юридического аппарата, а также об известной устойчивости и принятости восприятия таких слов пиренейским средневековым сознанием. Подробнее о португальской традиции см.: Варяш О.И. Понятия «закон», «право» и «обычай»... С. 70.

³⁸ Part.II.1.5.

³⁹ Part.II.3.7.

⁴⁰ Part.II.5.8.

⁴¹ Part.prooem.

вается некое качество сакрального характера, которое должно быть и может быть присуще королю по его природе.

Не так акцентированно, в довольно общем плане *justicia* присутствует, как уже отмечалось, при обозначении основных задач королевской власти. В этом случае она может сосуществовать с разными словами или, хотя и редко, оставаться самостоятельной: «...земля, которую они (короли) должны поддерживать в справедливости и истине»⁴²; «..дабы совершать справедливость и право: также они обязаны поддерживать и защищать в справедливости и в истине (подданных) своей сеньории»⁴³; «..дабы совершать справедливость и право в королевстве»⁴⁴; «..дабы совершать справедливость и право»⁴⁵; «..поддерживать свой народ в справедливости и праве..»⁴⁶; «..дабы поддерживать... дела своей империи в справедливости и в праве»⁴⁷. Словоупотребление в этих цитатах указывает на то, что понятия истина (*verdad*) и право (*derecho*) в такой позиции — рядом с *justicia* — очень близки, поскольку могут взаимозаменять друг друга.

В тексте присутствует целый ряд более развернутых высказываний (часть из которых уже приводилась выше): «..дабы исполнить справедливость и дать каждому его право»⁴⁸; «...Король вместо Бога совершает справедливость в преходящем, давая каждому его право, согласно его заслуге»⁴⁹; «..быть справедливым, давая каждому его право»⁵⁰; «..дабы дать каждому справедливость и право на его месте (*en su lugar*)»⁵¹; «..совершать справедливость хорошо и полно, т.е. дать каждому то, что подобает ему, полностью и то, что заслуживает»⁵²; «совершая правую справедливость тем, кто в ней нуждается»⁵³.

Вполне вероятно, что эти формулировки являются подробным, уточняющим, вариантом по отношению к цитированным перед этим. Но мы все же не склонны так однозначно их воспринимать. Представляется, что краткая и развернутая формулировки присутствуют в тексте законов не случайно —

⁴² Part.II.prooem.

⁴³ Part.II.1.7.

⁴⁴ Part.II.1.7.

⁴⁵ Part.II.2.1.

⁴⁶ Part.II.3.5.

⁴⁷ Part.II.5.13.

⁴⁸ Part.II.1.5.

⁴⁹ Part.II.1.7.

⁵⁰ Part.II.1.9.

⁵¹ Part.II.2.4.

⁵² Part.prooem.

⁵³ Part.II.1.3.

каждая из них выполняет свою функцию, наделяя понятие *justicia* разными оттенками. Отличие пространного варианта в том, что он имеет в виду не абстрактно существующую справедливость, которая по Божественной воле и в силу природы короля должна исполняться, но справедливость, действующую благодаря тому, что в ней нуждаются люди. В этой позиции *justicia* по значению, без сомнения, ближе к русскому «правосудие».

Справедливость/правосудие понимается как обеспечение правом каждого подданного короля. «Семь Партид» неоднократно подчеркивают это, превращая слова *a cada uno* — каждому — практически в обязательное клише, без которого рассуждения о королевской справедливости видятся уже невозможными.

Понимание *justicia* как правосудия ярко обнаруживается еще в одном месте источника: «...имеет власть творить справедливость и наказание (*escarmiento*)»⁵⁴ — здесь подчеркиваются карательные функции справедливости/правосудия, и через нее — власти государей. Отмечу специально, что это один из тех редких случаев, когда Вторая Партида говорит о наказании. Легко можно пересчитать места, где речь идет о каре, штрафе или в более общем плане об исправлении. В этом видится характерная и принципиальная особенность Второй Партиды, которая охотно и много уделяет внимания справедливости и праву, по существу совсем не затрагивая темы наказаний. Судя по всему, она не требовала отдельного освещения: термин *justicia* покрывал собою все, связанное с восстановлением и обеспечением справедливости, в том числе и возмездие, что и было впрямую выражено в приведенном отрывке.

В тексте источника несколько раз встречаются указания на то, как должна совершаться государем *justicia* — «совершать справедливость полно»⁵⁵, «...чтобы дать вере Господа нашего Иисуса Христа справедливость полностью, и душе, и телу»⁵⁶, «совершить справедливость хорошо и полностью» *fazer la justicia bien e cumplidamente*⁵⁷. Мы уже кратко упоминали об этом в той части статьи, где исследовались задачи королевской власти в контексте «идей двух властей». Теперь снова обращаемся к этому материалу, чтобы продемонстрировать отношение к самому понятию *justicia*.

В данном случае нас интересует, какие определения используются в тексте законов в приложении к процессу созидания *justicia* и к ней самой.

⁵⁴ Part.II.1.2.

⁵⁵ Part.II.5.12.

⁵⁶ Part.II.prooem.

⁵⁷ Part.prooem.

Эпитетов, которыми надеяется справедливость, немного: «справедливость духовная (*spiritual*)» и «справедливость мирская (*temporal*)»⁵⁸, а также уже упоминавшаяся «справедливость правая (*derecha*)»⁵⁹.

Таким образом, основными характеристиками *justicia*, как она позиционируется в Партидах, является ее связанность с вечным, божественным — и отсюда с заботой о душе — и с преходящим, земным. Только объединяя в себе эти два проявления, *justicia* может быть «хорошой» и «полной», а значит — «правой». Единственное, по существу, требование, которое предъявляется к справедливости в тексте — требование быть полной, логично вытекающее из ее двойной природы, ибо божественное, пусть и сотворяющееся в преходящем, ни в коем случае не может быть лишено цельности. А с другой стороны, только будучи совершенной полно, *justicia* способна обеспечить право.

То же самое можно сказать и о термине право — *derecho*, который фигурирует в тексте законов на разных уровнях. Присмотримся к нему внимательнее, чтобы определить, какой смысл или смыслы могли быть вложены в это понятие составителями правового памятника в середине XIII в. и как они относятся со значениями *justicia*, поскольку очевидно, что оба слова связаны друг с другом — и тематически, и по частому употреблению рядом. Кроме того, эти вопросы весьма важны при исследовании королевского права.

Выше уже приводились высказывания источника общего плана, по типу «совершать справедливость и право народу»⁶⁰. Здесь *derecho*, так же как и *justicia*, выступает в роли очень общего обозначения всего того, что верно, правильно, не беззаконно. Вспомним определение, приложенное к королю дону Фернандо, «который был исполнен справедливости и права». В таком высоком смысле слова *justicia* и *derecho* сближаются. Это неплохо видно на следующем примере: «...чтобы вера поддерживалась истиной (*con verdad*) и сила волей — правом и справедливостью: так, короли, зная то, что истинно и право, должны совершать это...»⁶¹. Примечательно, что в первой части цитаты рядом традиционно расположены право и справедливость, в то время как во второй части речь идет об истинном и правом, но уже в обратном порядке. По общему духу фразы все три слова — *verdad*, *justicia*, *derecho* — максимально приближены друг к другу, призваны подчеркивать различные стороны, оттенки некоего единого направления, в котором дол-

⁵⁸ Part.II.prooem.

⁵⁹ Part.II.1.3.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Part.prooem.

Император-судья. «Книга добрых наставлений Санчо IV». Рукопись XV в.

жны действовать короли. Даже при переводе этих понятий на русский язык чувствуется их родственность (в данном контексте): истинность, справедливость, правомерность (например, высказывания, позиции, пути и т.д.).

Свод законов, впрочем, не может ограничиться абстрактным и возвышенным пониманием *derecho*, если только Вторая Партида намеренно не концентрируется на этом уровне восприятия задач государей. Действительно, в тех формулировках, которые уже упоминались раньше, как более развернутые — «...дабы дать каждому справедливость и право»⁶² — *derecho* исполняет совсем другую функцию. Это особенно отчетливо видно в тех случаях, когда *justicia* и *derecho* не являются однородными членами предложения, а находятся в отношении соподчинения, каждый обладая своим глаголом. «...дабы исполнить справедливость и дать каждому его право» — здесь сочиненное предложение наделяет обе части одинаковым весом.

Однако такое равновесие соблюдается не всегда, а скорее всего, и вовсе не подразумевается, поскольку в романсе середины XIII в. сочинительный союз «*e*» не отрицал наличия между однородными членами некоторой подчиненности. В «Семи Партидах» формулировок, указывающих на наличие такой подчиненности, больше: например, «...совершает справедливость... давая каждому его право»⁶³, «...быть справедливым, давая каждому его право»⁶⁴. Еще сильнее зависимость *derecho* от *justicia* видна в отрывке: «...совершать справедливость... т.е. дать каждому то, что подобает... ему»⁶⁵.

⁶² Part.II.2.4.

⁶³ Part.II.1.4, 7.

⁶⁴ Part.II.1.9.

⁶⁵ Part.prooem.

Опираясь на опыт изучения всей Второй Партиды, мы можем ясно видеть, что под выражением «то, что подобает» подразумевается именно *derecho*. Таким образом, данный пассаж интересен не только тем, что он раскрывает, уточняет понятие *justicia*. Он в то же время указывает на то, что совершение справедливости (в общем) сводится по сути к тому, чтобы каждому дать то, что ему подобает (на уровне всех частностей), т.е., в формулировке Партид, дать «его право (*su derecho*)».

Обеспечение прав каждого предстает, соответственно, частным случаем творения справедливости, а сам термин *derecho* в этом контексте приобретает значение совокупности известных, конкретных прав и обязанностей индивида. С этой точки зрения очень важно обратить внимание на то, что в тексте Второй Партиды несколько раз особо указывается: право следует обеспечивать согласно тому, что каждый «заслуживает», «что ему подобает», «на его месте»⁶⁶.

Этот вывод подтверждается другими, очень интересными, примерами из текста законов. Вот первый из них: «...дабы жить правильно (*derechamente*) согласно повелению Бога и сеньора, разделяя и давая каждому его право»⁶⁷. Любопытно, что здесь употреблено сразу две глагольные формы: *departiendo* и *dando* — разделяя и давая... право. Мы имеем дело с типичной для классического Средневековья формулировкой о разделении, разграничении прав, при помощи которой еще отчетливее фиксируется значение *derecho* как права в его частных формах.

Тот же оттенок присутствует и в выражениях: «защищая их права» (*guardando sus derechos*)⁶⁸, «по его праву» (*por derecho de le*)⁶⁹, «наследовать по праву» (*heredar por derecho*)⁷⁰, «иметь право делать это» (*han derecho de lo fazer*)⁷¹, «приобретать по праву» (*se ganar por derecho*)⁷².

Близко по значению и *derecho*, присущее в формулировке «против права» (*cosa que sea contra derecho*⁷³; *contra derecho*⁷⁴). Конечно, в дан-

⁶⁶ Part.prooem; Part.II.1.7; Part.II.2.4; Part.II.5.8.

⁶⁷ Part.II.5.8. В отрывке наречие *derechamente* заменяет привычную уже на этом месте *justicia*, что лишний раз доказывает близость двух понятий на уровне обобщающего значения. Связано такое словоупотребление, возможно, с требованиями стиля — в тексте речь идет о справедливости как добродетели, которой должны обладать короли.

⁶⁸ Part.II.2.4.

⁶⁹ Part.II.1.3.

⁷⁰ Part.II.1.9.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid.

⁷³ Part.II.5.

⁷⁴ Part.II.1.2.

ном контексте *derecho* можно было бы понимать в общем плане, если бы не уточнение, сделанное во 2-м законе I титула: «против права или как не должен»⁷⁵, то есть имеется в виду право, существующее только в приложении к кому-то, а не абстрактно. Кроме того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что отрицание правомерности или правильности формулируется в источнике исключительно с использованием термина *derecho* и никогда — *justicia*. Это дает основание предположить, что смысл термина *derecho* в этом случае не близок к *justicia* так, как в известных других вариантах, и подразумевает более конкретный уровень.

Надо сказать, что текст «Семи Партид» обнаруживает еще одну возможную трактовку понятия *derecho* — когда он обозначает правовые установления, нормы, может быть, писанные, хотя последнее не обязательно. Свидетельством тому служат следующие выдержки из законов: «помогая себе законами (*leyes*), и фуэро (*fkuero*), и правовыми нормами (*derecho*)»⁷⁶, «согласно фуэро (*fkuero*) и праву (*derecho*)»⁷⁷. Особенno интересна фраза из Пролога к «Семи Партидам»: «И мы берем слова и добрые высказывания, которые высказали знающие, которые понимали вещи разумно согласно природе и из правовых норм законов (*de los derechos de las leyes*) и из добрых фуэро (*de los buenos fuyeros*), которые создали великие сеньоры и другие люди, знающие право (*sabidores de derecho*)...»⁷⁸

Упоминающиеся в источнике знатоки права также, видимо, владеют правом в значении некой совокупности норм — или зафиксированных властью, или — шире — норм обычного и писаного права. Приведенные выше цитаты позволяют понимать *derecho* и так, и так. Стоит, однако, учитывать, что сам термин, какой бы из его внутренних смысловых уровней ни воспринимался в отдельный момент, тем не менее, всегда продолжал оставаться многозначным, всегда предоставлял одновременно весь спектр своих значений.

На основании приведенного материала может сложиться представление, что термин *derecho*, обладая несколькими смысловыми уровнями, только на самом первом, абстрактном сближается с *justicia*. Это верно только отчасти. Было бы, конечно, легче изучать право двух других уровней уже независимо от категории справедливости, как более частное проявление правового пространства. Однако это было бы и упрощением, хотя бы пото-

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Part.II.1.3.

⁷⁷ Part.II.1.2.

⁷⁸ Part.prooem.

му, что, как показано выше, и справедливость — особенно в ипостаси правосудия — существует и мыслится во вполне практическом, конкретном смысле слова. Таким образом, и на уровне земной повседневности *justicia* и *derecho* обязательно встречаются, что подразумевается и текстом источника. Они не только продолжают сосуществовать в законах, их связывает внутреннее родство.

Оно обнаруживается, например, при использовании составителями «Семи Партий» производных от этих слов: *justiciero* и *derechero*⁷⁹ — каждое из них употребляется вместе с другим, родственным, термином. Так, в 9-м законе I титула встречаем: «...*ser justiciero, dando a cada uno su derecho* (быть справедливым, давая каждому его право)»⁸⁰, а 8-й закон V титула называет *derechero* (исполненным права) короля, который обладает целым рядом добродетелей, важнейшая из которых — справедливость⁸¹.

Любопытно также и присутствие в тексте таких формулировок как *justicia derecha* и *derecho de justicia*⁸². В первом случае, видимо, подчеркивается истинность, справедливость правосудия (иначе выйти из стилистической ситуации при переводе невозможно). Второй случай не столь однозначен: «...поддерживать земли, управлять народами *con derecho de justicia*», что можно трактовать двояко — с правом справедливости или со справедливым правом. Однако какой бы вариант перевода ни был избран, суть высказывания, подчеркивающая взаимосвязь права и справедливости, очевидна.

И еще одно соображение. В большей части положений законов «Семи Партий», упоминающих обеспечение «каждого его правом», присутствует и понятие справедливости.

Дабы не повторяться, сейчас стоит обратить внимание только на то, что в памятнике устанавливается прямая связь между *justicia* и *su derecho*, т.е. правом в значении совокупности прав и обязанностей индивида.

В этом случае понятие *justicia* корректнее передавать русским *правосудие*, оставив *справедливость* для тех ситуаций, когда *justicia* понимается более абстрактно. Но хотелось бы сохранить свойственное источнику

⁷⁹ *Justiciero* — единственная форма, производная от *justicia*, которая встречается в источнике. От *derecho* образуется больше форм — *derecha*, *derechamente*, *derechero* — и используются они довольно активно. Однако этот сюжет не относится напрямую к изучаемому вопросу о сакральности королевской власти в области права, поэтому я позволю себе на нем не останавливаться подробно.

⁸⁰ Part.II.1.9.

⁸¹ Part.II.5.8.

⁸² Part.II.1.3.

единообразие в использовании терминов. Это касается и *justicia*, и *derecho*, в применении многозначности которых, несомненно, отразился определенный этап развития юридического понятийного аппарата. Кроме того, такая многозначность позволяла без труда — пользуясь способностью человеческого сознания воспринимать семантическое поле в целом — сохранять неразрывной связь между разными уровнями смыслов. Опирая двумя многозначными терминами, ставя их в различное положение относительно друг друга, «Семь Партид» создавали еще более яркую в своей многогранности картину — при том, что грани ее все время будто бы «повторяются», чем достигается, кроме прочего, эффект неявного, незаметного перехода от вечного, божественного к преходящему, земному.

В завершение анализа терминов *justicia* и *derecho* представляется необходимым остановиться на глаголах, с которыми они встречаются. Однаково ли предикаты, употребляющиеся применительно к этим понятиям или нет? Если они различны, то в чем заключается разница и не поможет ли она лучше понять наполнение терминов?

Нами сразу было отмечено, что в тексте «Семи Партид» присутствует всего несколько глаголов, которые устойчиво используются и с *justicia*, и с *derecho*: *mantener en/con justicia e derecho* (поддерживать в/с справедливости и праве); *fazer la justicia e el derecho* (делать справедливость и право); *dar justicia e derecho* (дать справедливость и право); *era cumplido de justicia e derecho* (был исполнен справедливости и права). Такие глаголы могут одновременно прилагаться к обоим терминам — чаще всего так ведет себя глагол *mantener*, реже *fazer*, совсем редко *dar* — или могут относится только к одному из двух понятий. Так встречается формулировка *mantener e gouernar con derecho* (поддерживать и управлять с правом), *son tenudos de mantener e guardar en justicia* (обязаны поддерживать и защищать в справедливости), *mantener en justicia* (поддерживать в справедливости). Как видно, при таком применении глагол *mantener* может сопровождаться глаголами *gouernar* и *guardar*, встречается также и глагол *defender* (защищать).

Что же касается глагола *fazer*, то он никогда не ставится рядом с *derecho* в одиночной позиции, но оказывается бесспорным лидером в сочетании с *justicia*. Ни один другой глагол не прилагается к справедливости так часто, как этот. При переводе на русский язык приходится из стилистических соображений использовать выражения «совершать справедливость», «творить справедливость», поскольку невозможно сказать «делать справедливость», хотя эта формулировка была бы ближе всего и лучше передавала бы простоту мысли источника.

Право «делается» только в тех случаях, когда оно следует во фразе за справедливостью и по значению очень близко ей. То же самое можно сказать и об использовании глагола *cumplir* и производных от него форм — они относятся к *justicia* и никогда — к *derecho* самостоятельному.

Напротив, глагол *dar* и особенно образованное от него деепричастие *dando* чаще всего используется применительно к *derecho*: в хорошо памятных конструкциях *dando a cada uno su derecho* (давая каждому его право) или, например, в высказывании типа *tenido es, por derecho, de le dar* (обязан по праву ему дать).

Рядом с *justicia* этот глагол встречается редко, так же как и глагол *ser: virtud es justicia e es madre de todo bien* (справедливость — добродетель и мать всякого добра); или глагол *yazer: en el Rey yaze la justicia* (в Короле располагается справедливость); или глагол *gouernar: de gouernar e mantener... en justicia* (управлять и поддерживать в справедливости).

Таким образом, к *justicia* в текстах законов относятся прежде всего *fazer, mantener en/con, cumplir/fazer cumplidamente*. Остальные глаголы встречаются эпизодически.

Совершенно иная картина складывается при употреблении глаголов и отглагольных форм применительно к *derecho*. Они намного разнообразнее и по смыслу, и по форме. Под последней здесь понимаются, прежде всего, деепричастия: *guardando, departiendo, ayudandose de, dando*. Введение в текст понятия права в рамках деепричастного оборота указывает на его подчиненное положение по отношению к главному предложению.

Derecho встречается со многими глаголами: *haber — han derecho* (имеют право), *conocer el derecho* (знать право), *se ganar por derecho* (приобретать по праву), *heredar por derecho* (наследовать по праву), *pertenecer — a el pertenece segund derecho* (ему принадлежит по праву), уже упоминавшийся глагол *gouernar* (управлять). Такая пестрота лишний раз подтверждает способность термина *derecho* выступать в частных, конкретных значениях. В то же время чаще всего относящиеся к *derecho* глаголы — *dar* и *mantener* — отражают два других смысловых уровня этого термина.

Позволим себе вернуть читателя к основной проблеме данного исследования — королевскому праву.

Напомним, что важным наблюдением при изучении материалов Второй Партиды стало особенное внимание источника к тем задачам короля и королевской власти, которые связаны с правом. Анализ терминов *justicia* и *derecho* подтверждает и уточняет этот тезис, свидетельствуя о том, что Альфонсо Мудрый и его помощники-составители Партид широко и с раз-

Король-судья. «Книга добрых наставлений Санчо IV». Рукопись XV в.

ных точек зрения смотрели на справедливость и право, а значит, и на королевские полномочия в этой сфере.

Надо сказать, что помещение судебных и правотворческих функций короля на первое место обычно для Средневековья, хотя на это редко обращается внимание. «Семь Партид» единодушно относятся к королю прежде всего как к вершителю справедливости и права. Если же мы обратимся к тем речевым конструкциям, которыми пользовались составители памятника для обозначения задач короля, картина станет еще ярче.

Объясняя предназначение короля, «Семь Партид», как правило, оперируют двумя способами передачи этой информации: через союз *para — ради, чтобы, дабы —* и через долженствование. Мы уже видели выше все те выдержки из текста законов, к которым необходимо обратиться сейчас снова, чтобы проиллюстрировать эту мысль. Посмотрим еще раз, теперь уже *как — а не что —* говорит источник о функциях королевской власти.

«*Los reyes... puestos sobre las gentes para mantener las en justicia e en verdad*»⁸³ (короли... поставлены над народами, дабы поддерживать их в справедливости и истине); «*Rey es puesto en la tierra en lugar de Dios para cumplir la justicia e dar a cada uno su derecho*»⁸⁴ (Король поставлен на земле

⁸³ Part.II.1.5.

⁸⁴ Ibid.

вместо Бога, дабы исполнять справедливость и дать каждому его право); «...para mantener e guardar las tierras en justicia»⁸⁵ (...дабы поддерживать и защищать земли в справедливости). Как видим, Законы однозначно трактуют назначение государя — он поставлен Богом именно ради поддержания и исполнения справедливости и обеспечения права каждого. Прямая и единственная проговариваемая связь между двумя частями приведенных фраз очевидна.

То же можно наблюдать в следующих выдержках: (...и ими (королями) управляются и поддерживаются вместо него (Бога) на земле, дабы совершать справедливость и право: так, что они обязаны поддерживать и защищать в справедливости и правде (народы) своей империи); «...e tiene el lugar de Dios para fazer justicia e derecho en el reino»⁸⁶ (...и держит место Бога, дабы совершать справедливость и право в королевстве); «por el santo lugar que tiene para fazer justicia e derecho»⁸⁷ (посредством святого места, которым владеет, дабы совершать справедливость и право). «Местоблюстительство» королями Бога на земле также связывается в источнике исключительно с функциями королей в области права. Еще сильнее этот момент звучит в более развернутых формулировках: «...e (Dios) los gouierna e los mantiene en su lugar en la tierra, para fazer justicia e derecho: aissi ellos son tenudos de mantener e de guardar en justicia e en verdad a las de su seniorio» (...и (Бог) ими управляет и их поддерживает вместо себя (Бога) на земле, дабы творить справедливость и право: так что они обязаны их (земли) своей сеньории поддерживать и защищать в справедливости и истине)⁸⁸; «...e servir le (a Dios) deven (los Reyes)... guardando e manteniendo los pueblos e las gentes... para dar acada uno justicia e derecho en su lugar» (...и служить ему (Богу) должны (Короли)... защищая и поддерживая народы и людей... чтобы каждому дать справедливость и право на его месте)⁸⁹. Примечательно, что здесь появляется — в приложении к государю — долженствование. Это уже не просто констатация того положения, что король существует ради отправления справедливости, государь *должен* обеспечивать справедливость и право, поскольку к этому его обязывает божественное происхождение статуса и власти.

Долженствование чаще всего передается глаголами и глагольными конструкциями: «la justicia, que han (los Reyes) de fazer»⁹⁰ (справедли-

⁸⁵ Part.II.1.

⁸⁶ Part.II.1.7.

⁸⁷ Part.II.2.3.

⁸⁸ Part.II.1.6.

⁸⁹ Part.II.2.4.

⁹⁰ Part.prooem.

вость, которую должны (Короли) творить); «*reyes, que... han de mantener en justicia e en verdad la tierra*»⁹¹ (короли, которые..должны поддерживать в справедливости и истине землю); «*deven ser... justiciero, dando acada uno su derecho*»⁹² (должны быть... справедливыми, давая каждому его право); «*como Rey derechero deve fazer*»⁹³ (как Король, исполненный права, должен делать) и т.д.

Следует подчеркнуть, что прочие способы выражения судебно-правотворческой задачи встречаются в источнике несопоставимо реже. Как правило, это формулировки, использующие сослагательное наклонение: «*justicia, que quiso, que se fiziesse en la tierra por el mano... de los Reyes*»⁹⁴ (справедливость, которая, как хотел (Бог), совершалась бы на земле рукой... Королей); «...*oviesse quien la fiziesse por el*»⁹⁵ (чтобы был тот, кто ее (справедливость) совершал бы вместо него (Бога)).

Таким образом, королевское законодательство середины XIII в., трактуя вопрос о задачах короля и королевской власти, вменяло в обязанность государям прежде всего отправление справедливости и обеспечение права подданным. Такие функции короля тем самым превращаются в провозглашенную норму, приобретают юридическое значение, хотя генетически они, безусловно, остаются связанными и с литературной традицией (в том числе христианской), и с политической риторикой.

В то же время, раз речь идет о правовых нормах, интересно было бы посмотреть на объект приложения усилий королевской власти. Насколько абстрактным он выведен в законах? Обусловлен ли сословными границами или приоритетами (что не редкость для средневекового законодательства)? Ответы на эти вопросы помогут лучше понять, насколько объемлющим воспринималось создателями «Семи Партид» назначение королевской власти и короля, мыслилось ли оно как самодостаточное или связанное с людьми-подданными? Другими словами, помнил ли закон о человеческом факторе или, скорее, был отвлеченной декларацией?

Альфонсо Мудрый, вдохновленный идеей составить общекоролевский свод законов и выразивший во Второй Партиде личное государево отношение к королевской власти, не мог бы, даже если быставил это своей целью, обойти вниманием тех, ради кого короли должны были творить справедливость и право. Действительно, в законах постоянно упоминается, в чьих

⁹¹ Part.II.prooem.

⁹² Part.II.1.9.

⁹³ Part.II.2.8.

⁹⁴ Part.II.prooem.

⁹⁵ Part.II.1.7.

интересах, для кого действует монарх — поскольку это хорошо видно из приведенных выше многочисленных цитат, ограничимся краткими, суммирующими замечаниями.

Вполне естественно, что общекоролевские законы в части, посвященной к тому же во многом теоретическим вопросам полномочий и происхождения королевской власти, не знают никаких сословных ограничений. Чаще всего, как мы могли наблюдать, здесь встречается довольно обезличенная формулировка: короли наделяются народами и землями, трудятся ради поддержания народов и земель в справедливости и праве, управляют народами, любят свой народ и любимы им.

«Семь Партий» используют два термина для обозначения понятия народ: *gente/gentes* и *pueblos*, без отчетливо прослеживающейся разницы в употреблении. Нередкое упоминание земель (*las tierras*), самостоятельно или следом за народами, как одного из объектов обязательного внимания и заботы короля, еще сильнее обезличивает нормы, одновременно придавая им масштабность, которая как нельзя лучше сочетается с божественным происхождением и назначением короля: «..должны поддерживать земли и управлять народами...»⁹⁶

Однако было бы неверно утверждать, что человек — *ote/otres* — совсем не присутствует в источнике. Этот термин встречается в памятнике очень часто, в том числе и во Второй Партиде. Как правило, он используется или при рассуждениях общего плана о природе человека и о Божественном промысле⁹⁷; или в пассажах, не связанных напрямую с задачами королей, когда упоминаются представления людей, люди, знающие право, честные люди, с которыми императорам следует советоваться и т.д.⁹⁸ Если же речь заходит о «людях империи/сеньории», то подразумевается более конкретный уровень рассуждений, нежели в тех случаях, когда трактуются обязанности королей. Так, во 2-м законе I титула Второй Партиды говорится о правах людей империи, а в 3-м законе того же титула — о том, что император не должен презирать и приспособливать людей своей сеньории⁹⁹.

Чаще всего *ote/otres* встречаются в тексте источника в тех случаях, когда разбираются вопросы о конкретных правовых мерах, приложимых к человеку: например, о наложении штрафов на людей, о наказании человека, об обязанности наказывать человека¹⁰⁰; о наказании человека, как в

⁹⁶ Part.II.2.prooem.

⁹⁷ Part.II.1.6 et al.

⁹⁸ Part.prooem.; Part.II.1.2.

⁹⁹ Part.II.1.2, 3.

¹⁰⁰ Part.II.2.2; Part.II.3.5.

преходящем, так и в духовном¹⁰¹; об обязанности императора наказывать, «когда люди делают то, за что (следует наказывать)»¹⁰². Любопытен бросающийся в глаза факт — в большей части таких частных случаев человек фигурирует как преступающий норму (или потенциально способный на это) и подлежащий наказанию. Намного реже Вторая Партида говорит об обязанностях государя, используя термин *ote/otres*, а не *gentes* или *pueblos*: монарх должен разрешать «столкновения, которые рождаются между людьми» и «поддерживать истину между людьми»¹⁰³.

Имея в виду все вышесказанное, можно было бы предположить, что «Семь Партид» однозначно указывает на уровень задач короля — повелевать народами, — не обращаясь, когда речь заходит о справедливости, к людям и человеку. Но сделать это мешает одно обстоятельство, на котором я уже подробно остановливалась — это постоянное, усердное упоминание «каждого» (*a cada uno*), ради соблюдения прав которого призывается в этом мире король.

В небольшом отрывке из закона мы можем видеть, как, вознесенный Господом, обличенный Божественной властью поддерживать целые народы, король склоняется к каждому: «должны... устанавливать любовь и согласие в своем народе и быть справедливыми, давая каждому его право»¹⁰⁴.

Органичное, естественное для памятника совмещение этих двух уровней лучше, чем что бы то ни было другое, свидетельствует о Божественной природе короля и о Божественном источнике его главной задачи — творить справедливость и право. С другой стороны, только государь благодаря своему божественному, сакральному естеству обладает правом вмешиваться в миропорядок, поддерживать его своими направленными усилиями, быть его гарантом. Если следовать логике «Семи Партид», совершение справедливости и обеспечение правом, по сути, и означает власть от Бога, власть, данную королю и обеспечивавшую королевское право.

¹⁰¹ Part.II.prooem.

¹⁰² Part.II.1.2.

¹⁰³ Part.II.1.4; Part.II.2.3.

¹⁰⁴ P. II, T. I, L. IX.

REFERENCES

1. *Variash I.I.* The Sacred Law of a King to create the Law // Dacred Body of a King. Rituals and the Myths of a Power. Collected Papers / ed. by N.A. Hachaturjan [Sakralnoe pravo korolja tvorit pravo // Svjashhennoe telo korolja. Ritually i mifologiya vlasti / pod red. N.A. Hachaturjan]. M.: Nauka, 2006. P. 52–77.
2. *Variash I.I.* The Imperial Idea on the Pirenaic Peninsula and the Conception of the Imperial Power in the Siete Partidas of Alphonse the Wise // Empires and the Ethno-National States in the Medieval Europe / ed. by N.A. Hachaturian. [Imperskaya ideja na Pirenejskom poluostrove i koncepciya imperatorskoj vlasti v Semi Partidah Al'fonso Mudrogo // Imperii i etno-nacionalnye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja./ pod red. N.A. Hachaturian]. M.: Nauka, 2011. P. 410–430.
3. *Variash O.I.* The Concepts of a Law and Custom in the Portugal of XIV c // Law in the Medieval World [Ponjatie «zakon», «pravo» i «obychay» v Portugaliu XIV veka // Pravo v srednevekovom mire]. M.: 1996. P. 66–75.

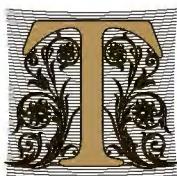

Ключевые слова:

Средние века, Пиренейский полуостров, власть и право, «Семь Партий», Альфонсо X Мудрый.

Irina I. Variash

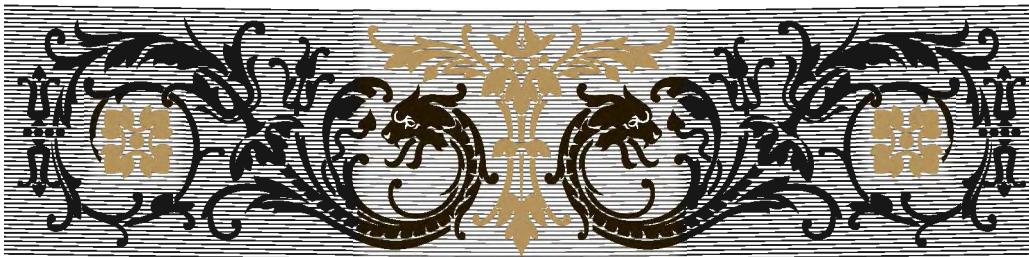
THE POWER OF KING AND THE ROYAL LAW IN THE SIETE PARTIDAS OF ALFONSO THE WISE

his research is focused upon the problem of the legislative and judicial functions of the king reflected in the Siete Partidas. It was the medieval Europe's most comprehensive code of law created in the Iberian Peninsula (13th c.). It is well known that it was created under the direct supervision and with the participation of Alfonso X the Wise. Particular attention was paid to the function of the king and the royal power, which are associated with the right, because The Second Part of The Siete Partidas gives them a special value. Analysis of the terms *justicia* and *derecho* confirms and refines this idea. Alfonso the Wise and his aides — compilers of The Siete Partidas looked widely and from different points of view for justice and right in the royal jurisdiction. The presentation of judicial and law-making functions of the king in the first place is usual for the Middle Ages. The Siete Partidas refers to the King as to the arbiter of justice and law. Royal legislation in the middle of the 13th c., considers that the most important task of the king and the royal authority is administration of justice and ensuring the right of subjects. Such functions of the king thus become the proclaimed norm, which acquired juridical sense and value. If we follow the logic of the Siete Partidas, we see that the administration of justice and the ensuring of the right, in essence, meant power from God. This was the base of the power granted to the King, that provides the royal law.

Ирина Игоревна Варьяш

кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой
Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

М. Клейне

ОБРАЗЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЬФОНСО X: REX IUSTUS¹

Введение

В этой третьей работе из серии исследований, посвященных образам королевской власти в текстах, созданных при дворе Альфонсо X², мы представляем образ *rex iustus*, напрямую связанный с королевской функцией, которая считалась важнейшей, а именно с отправлением правосудия. Предметом анализа стало в первую очередь корпоративное мышление эпохи Альфонсо, рассматриваемое на основании содержащихся в Партидах определений различных элементов, составляющих вместе политическое тело. Речь идет о понятиях «король», «королевство» и «народ», а также о способах их единения. В этом отношении главными узами, связывающими людей между собой и с землей, которую они населяют, становится aristotelевская кон-

¹ Перевод с испанского на русский выполнен Л.В. Черниной, редактирование перевода проведено А.В. Мареем. Данная статья написана и переведена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование "Семи Партид" Альфонсо X Мудрого».

² См. предыдущие статьи: Kleine M. El carácter propagandístico de las obras de Alfonso X. De Medio Aevo, 4 (2013). P. 1–42; и Id. Imágenes del poder real en la obra de Alfonso X: Rex christianus. De Medio Aevo, 5 (2014). P. 1–42.

цепция «уз естества»³. Задача королей поддерживать свой народ в состоянии справедливости в первую очередь отражается в исполнении функции судьи (*rex iudex*), которую Альфонсо X старался сосредоточить под своей властью, делегируя полномочия официалам, избранным им самим, и способствуя тем самым институциализации управления королевством. Во-вторых, мы увидим, что понятие суверенитета, присутствующее, в зачаточном состоянии, в творчестве Альфонсо X, позволяет понять, каким образом стало возможно, что кастильский король XIII в. выполнял также законодательную функцию (*rex legislator*) — нечто невообразимое в эпоху раннего Средневековья. Наконец, мы проанализируем присутствие в текстах Альфонсо X некоторых правовых принципов, наиболее важных для того периода, которые отражают как основное, для кастильской теории, обоснование процесса централизации — идею о том, что король является высшей мирской властью в королевстве и обладает автономией, сходной с положением императора в империи, — так и факторы, ограничивавшие власть короля и препятствовавшие ему создать нечто вроде преждевременного абсолютизма.

1. Корпоративное мышление в творчестве Альфонсо X⁴

Из образов монарха, рассеянных по творчеству Альфонсо X и ставших объектом целой серии исследований, образ *rex iustus* выделяется не только благодаря тому факту, что этот король считается автором или создателем важных

³ В тексте *naturaleza* О.В. Ауров так определяет этот концепт в своем переводе соответствующего титула Четвертой Партиды: «под этим понятием, как правило, подразумевается тип уз, связывающих вассала с его сеньором в силу факта рождения на земле последнего (ср. лат. *naturalitas*, а также в современных языках фр. *naturalité*, итал. *naturalità*, порт. *naturalidade* и т.п.); отсюда же проистекает и понятие «*sennor natural*» — «сеньор по рождению» (т.е. сеньор, чьи сеньориальные полномочия возникают естественным образом — *de naturaleza*). В русском языке это понятие не имеет прямых аналогов, чем объясняется сложность его перевода. В наиболее общем виде каст. *naturaleza* может быть передано понятием «узы естества», подразумевающим естественный характер самого факта рождения, а также (вследствие этого) — обусловленных им обязательств по отношению к сеньору, распространяющихся на рожденных на его земле — «*naturales*». (Партида IV, тит. 24: О долгे зависимых людей по отношению к их сеньорам, возникающем в силу естества. Пер. и коммент. О.В. Аурова. На правах рукописи). Подробнее см.: Martin G. De lexicología jurídica alfonsí: «naturaleza». Alcanate, 6 (2008–2009). P. 125–138; и *Id.* Le concept de «naturalité» (*naturaleza*) dans les «Sept Parties» d'Alphonse le Sage // e-Spania (онлайн: <http://e-spania.revues.org/10753>), 5 (2008). — Прим. ред.

⁴ Этот раздел был опубликован ранее с некоторыми изменениями на португальском языке: Kleine M. Os elementos do corpo político e a justiça nas Siete Partidas de Afonso X. Politeia: Historia e Sociedade, 5/1 (2005). P. 103–118.

правовых компиляций, но прежде всего потому, что с древних времен реализация политической власти ассоциировалась с представлением об отправлении правосудия⁵. В действительности, большая часть текстов, происходящих из королевского *скриптория*, в самых разных видах отражает эту идею, составляющую одну из основ политического мышления Альфонсо X.

В творчестве Альфонсо справедливость представлена не только как одна из четырех основных добродетелей, но и как один из важнейших атрибутов Бога. При этом короли, которые занимают самое высокое положение в социальной пирамиде и чье существование в Партидах признается необходимым, являются представителями Бога на земле и поэтому несут ответственность за поддержание божественной справедливости, чтобы сохранять мир в народе⁶. Как утверждает Дж. О'Кэллэхен, «короли должны были особенно любить и защищать справедливость, поскольку им было дано столько, сколько никому другому. Чтобы исполнить эту обязанность, они выступали как в роли судьи, так и в роли законодателя»⁷.

Для понимания того, как стало возможным, чтобы кастильский монарх исполнял эту двойную юридическую функцию в XIII в., необходимо рассмотреть ряд базовых аспектов политico-юридического мышления Альфонсо X, от определения политического тела и составляющих его элементов, а именно короля, королевства и народа, до самого понятия о справедливости в том виде, как оно представлено в его творчестве — особенно в Партидах, поскольку этот текст представляет самые широкие возможности для данного анализа.

Следуя общему стилю мышления, характерному для той эпохи, концепты и определения обычно представлены в творчестве Альфонсо X посредством метафор. Одно из таких интересных сравнений определяет королевство как сад, где деревья — это народ, а король — хозяин⁸. Это сравнение будет рассмотрено нами ниже. Однако самая распространенная метафора для описания королевства сравнивает его с «политическим телом». Образ королевства как тела был разработан в «Поликратике» Иоанна Солсберийского в середине XII в. и с тех пор получил широкое распространение в Европе⁹. Хотя политическое значение эта метафора приобрела в «Поликратике», она уже была

⁵ Vernant J.-P. Les cités grecques et la naissance du politique. Bernstein S., Milza P. (eds.) Axes et Méthodes de l'Histoire Politique. París, PUF. 1998. P. 7–12.

⁶ Ullmann W. Principios de gobierno y política en la Edad Media. Madrid, Revista de Occidente, 1981. P. 155 ss.

⁷ O'Callaghan J.F. El Rey Sabio — el reinado de Alfonso X de Castilla. Sevilla, Universidad de Sevilla, 1999. P. 52.

⁸ Part.II.10.3.

⁹ O'Callaghan. Op.cit. P. 41.

Король Альфонсо X.
Изображение XIX в.

довольно хорошо знакома христианскому миру, поскольку апостол Павел в Первом послании к коринфянам определяет Церковь как тело Христово:

Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. [...] Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член — страдают с ним все члены; славится ли один член — с ним радуются все члены. И вы — тело Христово, а порознь — члены¹⁰.

Так же как мистическое тело Церкви, описанное Павлом, политическое тело подразумевает единство составляющих его элементов¹¹. Тем не менее в политической концепции тела видны иерархические различия между головой (королем) и членами (народом), что указывает на верховенствующее положение первой и обязанность повиновения для последних, хотя все они необходимы для функционирования всего организма. Эта идея присутствует в нескольких текстах Альфонсо X и бесконечно повторяется в Партидах, откуда и взят фрагмент, который наилучшим образом определяет эту корпоративную концепцию:

¹⁰ 1 Кор. 12:12, 24–27.

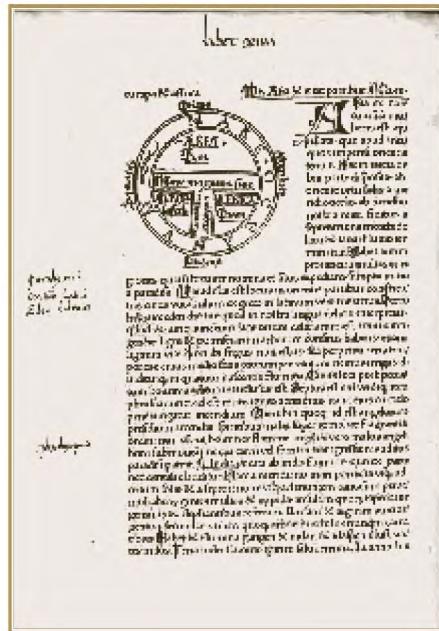
¹¹ Gonzalez Jimenez M. Alfonso X el Sabio. Barcelona. Ariel, 2004. P. 375.

И святые говорили, что король поставлен на земле на место Бога для того, чтобы вершить правосудие и воздавать каждому его право. И потому прозвали его сердцем и душой народа. Поскольку так же, как душа покоится в сердце человека, и потому тело его живет и сохраняется, так же в короле покоится правосудие, дающее жизнь народу в его сеньории и сохраняющее его. И точно так же, как сердце едино, и им соединяются все члены, чтобы стать одним телом, так и люди королевства, хотя и многочисленны (в то время как король есть и должен быть один), должны быть поэтому едины с королем, для того, чтобы служить ему и помогать в тех делах, которые тот должен делать. А мудрецы говорили, естественно, что король — это глава королевства, поскольку как из головы рождаются чувства, которыми направляются все члены тела, так и повелением, исходящим от короля, который есть сеньор и глава всех людей королевства, они должны направляться и управляться, и быть в согласии с королем, для того, чтобы повиноваться ему, и защищать его, и охранять, и увеличивать королевство. Потому что король есть душа и глава, а они — члены¹².

Партиды также определяют каждый из элементов, составляющих политическое тело, таким образом, что концепты дополняют один другой, по мере своего появления в тексте. Говоря об определении «короля», необходимо отметить, что в течение всей эпохи Средневековья существовала тенденция объяснять понятия с помощью этимологического анализа обозначающих их слов, и «Этимологии» святого Исидора Севильского пользовались огромным авторитетом не только на Пиренейском полуострове — они представляли собой фундаментальный источник знаний для всей западной мысли. Средневековые этимологии искали ассоциаций между значением слова и его происхождением, устанавливая такие связи между терминами, которые совсем не обязательно согласуются с современной исторической лингвистикой. Так, например, этимология Исидора объединяет слова *rex*, *regnum* и *regere* следующим образом:

«Королевство» (*regnum*) берет свое название от «королей» (*regibus*). Ведь как «короли» получили свое имя от «правления» (*regendo*), так и «королевство» от «королей». [...] «Короли» получили свое имя от «правления». Подобно тому как «священник»

¹² Part.II.1.5.

Страница
«Этимологий».
1472 г.

от «священнодействия», так и «король» от «правления». Ведь не правит тот, кто не исправляет. Следовательно «король» носит свое имя благодаря «правильному» действию и утрачивает его, если грешит. Поэтому и у древних существовала такая пословица: «Будешь королем, если будешь поступать правильно; а если нет, то и не будешь»¹³.

О значении этой связи, установленной святым Исидором, и о ее важности для западного мышления Мишель Сенелляр утверждает:

Относиться с улыбкой к этой этимологии, столь приверженной норме и так мало соответствующей современным требованиям лингвистической точности, значит, неправильно оценивать

¹³ Etym.IX.3.1, 4: Regnum a regibus dictum. Nam sicut reges a regendo vocati, ita regnum a regibus. [...] Reges a regendo vocati. Sicut enim sacerdos a sacrificando, ita et rex a regendo. Non autem regit, qui non corrigit. Recte igitur faciendo regis nomen tenetur, peccando amittitur. Vnde et apud veteres tale erat proverbium: 'Rex eris, si recte facias: si non facias, non eris'.

Исидор играет на многозначности слова *rex* — в его эпоху оно, без сомнения, означало короля, в то время как его изначальный, этимологический смысл — «правитель», производное от глагола *rego* (см.: Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de langue latine. P., 1939. P. 864). В испанском языке передавать эту игру нет необходимости, поскольку для перевода *rex* используется производное от него испанское *rey*, по-русски это невозможно, что и обуславливает использование разных слов для перевода одного латинского лексического куста. — Прим. ред.

роль этимологии в Средние века как формы мышления, а также огромное влияние, которым вплоть до XIV столетия пользовалось сочинение Исидора¹⁴.

Моральный и нормативный характер приведенной этимологии совершенно очевиден: термин *rex* возводится к *a regendo*, которое, в свою очередь, происходит от *a recte agendo*. Таким образом, король — это тот, кто правит, то есть действует правильно. Более того, Исидор утверждает, что тот, кто не поступает правильно, тот и не правит. Важно отметить вместе с Сенелляром, что «этимология слова *rex* устанавливается через действие, что доказывает, что, по мнению Исадора, короля создает правление»¹⁵.

Анализ генезиса этой формулировки Исадора, восходящей к Цицерону через Августина, а также различных толкований этой этимологии, возникавших на протяжении Средневековья, не входит в число задач настоящего исследования¹⁶. В любом случае, ясный след Исадоровой традиции виден в представлении о короле, изложенном в законе Второй Партиды Альфонсо X:

Король» (*rey*) означает то же, что и «правитель» (*regidor*), поскольку ему, без сомнения, принадлежит управление королевством. <...> И еще иным образом объясняли мудрецы, почему король называется так, и говорили, что «король» означает то же, что и «правило» (*regla*), поскольку как посредством правила узнаются и исправляются все ошибки, так посредством короля узнаются и устраняются все проступки¹⁷.

Определяя короля как «правителя», поскольку он отвечает за управление королевством, этот закон устанавливает ту же самую причинно-следственную связь, что наблюдалась в этимологии Исадора Севильского: *regir* — *rey* — *reino*. Также из утверждения о том, что король есть синоним правила (*regla*), которое исправляет ошибки, явствует моральный характер функции короля, напрямую происходящий из утверждения Исадора о том, что «не правит тот, кто не исправляет». Связь между словами *regere* («править») и *recte agere* («поступать правильно»), в свою очередь, подтверждается законами, которые определяют, что король должен быть добродетельным, особенно следующим

¹⁴ Senellart M. Les arts de gouverner. Du regimen médiéval au concept de gouvernement. París, Seuil, 1995. P. 66.

¹⁵ Ibid. P. 67.

¹⁶ См. об этом указанную работу Сенелляра, особенно главу I части II, с. 65–90.

¹⁷ Part.II.1.6.

фрагментом, где указаны четыре основные добродетели (благородство, сдержанность, сила и справедливость): «Посему король, обладающий четырьмя добродетелями, указанными в этом законе, носит свое имя по праву, поскольку он действует так, как надлежит действовать праведному королю»¹⁸.

Необходимость править / исправлять, которая оправдывает существование короля, в творчестве Альфонсо ассоциируется с необходимостью вершить справедливость, как показывает другой закон из Второй Партиды:

Помимо того, о чем мы говорили выше, применительно к императору, древние мудрецы приводили многочисленные и правдивые доводы в пользу того, что король должен существовать. И хотя мы говорили об императоре раньше, чем о короле, из почета к империи, но в древности короли появились раньше императоров. И один из доводов, приводившихся в пользу того, что король должен существовать, таков, что все живые существа от природы имеют при себе все, в чем нуждаются, и не подобает, чтобы к этому добавлялось что-либо извне. Поскольку, если речь идет об одежде, то все они одеты в свое, — кто в перья, кто в шерсть, кто в шкуры, кто в чешую или в раковину, согласно их природе, — и не имеют нужды в шитье, чтобы одеваться. Также и для защиты у одних есть кловы, у других — зубы, у иных — когти или рога, или жала, или шипы, так что им нет нужды искать иного оружия для того, чтобы защищаться. Также и с тем, что они едят и пьют — каждый находит то, в чем имеет нужду, таким образом, что не должны они искать кого-то, кто приготовил бы для них, ни того, о чем знают лучше, и не должны ни покупать еду, ни идти за нее работать. Но человек не имеет для себя ничего из этого, за исключением помоши многих тех, кто ищет для него и приносит ему то, что ему подходит. И эта помощь не может быть оказана без правосудия, которое не сможет осуществляться иначе, кроме как начальниками (*mayorales*), которым все прочие обязаны повиноваться. И не может быть, чтобы эти начальники, будучи многочисленными, не ссорились бы многоократно, поскольку воли людей от природы разделены, и каждый для себя хочет большего, чем все остальные. И потому возникла нужда в справедливой силе, осуществлявшейся кем-то одним, возглавлявшим всех, рассудком которого направлялись бы и объединялись бы все, как все члены тела направляются

¹⁸ Part.II.5.8.

и руководятся головой. И по этой причине короли должны были появиться, а люди — признать их за сеньоров. Другой довод уже имеет духовный характер, в соответствии со словами пророков и святых о том, зачем появились короли. И это случилось по причине справедливости, которую наш Господь Бог должен был дать этому миру, чтобы люди жили в мире и любви, и нужно было, чтобы кто-то вершил ее за Бога в делах земных, воздавая каждому по праву, согласно его заслугам. И король занимает место Бога для того, чтобы творить правосудие и право в королевстве, в котором он является сеньором, точно так же, как мы говорили выше об императоре в империи. А еще то, что король получает по наследству, император — в результате выборов¹⁹.

Приведенный закон в мельчайших деталях проясняет смысл слова «король», изложенный в предыдущем законе: необходимость существования монарха и правления одного-единственного человека оправдывается той ролью, которую играет король, то есть его функцией (*reges a regendo*). У людей, в отличие от животных, от природы нет всего того, что необходимо им для выживания, и поэтому они существуют в обществе, где «с помощью многих» могут получить все необходимое. Однако такая система взаимного содействия действует только в том случае, когда основывается на правосудии, которое может отправлять (*regir*) только один человек (король). Лишь в этом случае не возникнет разногласий, связанных с естественным свойством людей испытывать противоречия друг другу желания. Это наблюдение, основывающееся на необходимости применения правосудия, оправдывает верховенство главы над членами политического тела.

Этот же фрагмент объясняет, что функция отправления правосудия наместником Бога на земле должна осуществляться «в королевстве, в котором он является сеньором», определяя тем самым юридический предел «сеньории» (королевства). Определение королевства будет представлено ниже, в законе 3 титула 19 той же Второй Партиды:

Королевством именуется край, сеньором которого является король: и он носит имя короля за дела, которые он вершит в этом краю, поддерживая его в правосудии и праве. И поэтому сказали древние мудрецы, что они подобны душе и телу, которые, объединяясь, составляют единство, хотя сами по себе отделены. И посему

¹⁹ Part.II.1.7.

Король Фернандо I.
«Книга завещаний
королей Леона», XII в.

пусть даже народ хранит короля во всем указанном, но охрана эта будет неполной, если он не будет хранить королевство от всех напастей, которые могут приключиться²⁰.

Завершая рассказ о политическом теле, «Семь Партид» определяют его третий элемент — народ:

Народом называется собрание вообще всех людей: и знати, и средних, и меньших, поскольку они все необходимы, и не могут не быть там, так как должны помогать друг другу, дабы все смогли вести благую жизнь, быть защищенными и иметь достаток²¹.

Так что если король — это тот, кто правит, то королевство — это край, управляемый королем, а народ состоит из его подданных. Концепция, отраженная в сочинениях Альфонсо X, при котором «королевство» является синонимом «сеньории», выходит за рамки простой территориальности и отодвигает на второй план идею юрисдикции или места применения политической власти, то есть отправления правосудия. Хосе Антонио Мараваль, который, подобно большинству испанистов, занимавшихся творчеством Альфонсо X, отмечает огромное влияние римского права и философии Аристотеля на юридические сочинения Мудрого короля, считает эту концепцию королевства одной из важнейших и наиболее оригинальных черт политической мысли

²⁰ Part.II.19.3.

²¹ Part.II.10.1.

этого короля, поскольку «ни римское право, которое не ставит вопроса о территории как о факторе политического порядка, ни Аристотель, который высказывает идеи о городе, размеры которого должны позволять всем жителям знать друг друга лично, не могли породить у Альфонсо X этой политической концепции территории — одновременно обширной и теснейшим образом связанный с жизнью и историей общности, — которая является самой характерной чертой мысли этого короля. Возможно, это слияние народа с территорией является одним из аспектов, наиболее типичных для политических форм, существовавших в позднесредневековой Европе; и я сомневаюсь, что до 1260 г. кто-то мог бы настолько полно и ясно разработать это в теории, как это сделал Альфонсо X»²².

Необходимость единства в политическом теле становится особенно очевидной в законе, который устанавливает принцип неотчуждаемости и неделимости королевства и утверждает, что «народ должен следить за тем, чтобы сеньория была единой, и никоим образом не соглашаться отчуждать ее или делить»²³. Этот принцип не принадлежит изначально юристам Альфонсо X, поскольку, как сказано в самом законе, таков древний обычай: «С древности в Испании существовало фуэро и установление, что сеньорию королевства нельзя ни делить, ни отчуждать»²⁴.

Ту же формулу можно найти в «Первой всеобщей хронике», в главе, посвященной о разделе королевства Фернандо I между его сыновьями. В соответствии с текстом хроники, Санчо, старший сын и, по обычаю, наследник королевства, был не согласен с этим решением «и сказал отцу, что тот не может поступить так, ибо в древности готы заключили между собой соглашение о том, чтобы никогда не делилась империя Испании, но чтобы всегда принадлежала она одному сеньору»²⁵.

Оправданием единства политического тела в текстах Альфонсо X является аристотелевская идея «уз естества», определяемых, как «один из величайших видов долга, который только может быть между людьми [...] Ведь поскольку естество связывает их происхождением, точно так же это естество объединяет людей узами верности и расположения»²⁶. Принцип уз естества определяется как важнейшая связь, объединяющая людей и превращающая короля

²² Maravall J.A. Del regimen feudal al regimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // *Id. Estudios de historia del pensamiento español: edad media*. Madrid, Cultura Hispánica, 1983(a). P. 101.

²³ Part.II.15.5.

²⁴ Ibid.

²⁵ PCG, II, cap. 813. P. 494.

²⁶ Part.IV.24. proem., пер. О.В. Аурова.

в «сеньора по рождению» своего народа, то есть тех, кто живет на земле, которой он правит. Эта связь, соединяющая три элемента политического тела, считается важнейшим видом сеньории: «Ведь хотя бывает множество видов сеньоров, тот из них, чья сеньория определяется естеством, превыше всех, и люди должны охранять его превыше всего»²⁷. Поэтому так крепка связь, устанавливаемая в феодальных отношениях:

Аревние мудрецы установили десять видов обязанностей, проистекающих из уз естества. Первый и самый лучший — тот, который люди исполняют по отношению к своему сеньору по рождению, поскольку как они сами, так и те, из чьего рода они происходят, родились и поселились на земле, принадлежащей сеньору. Второй — тот, который возникает вследствие вассалитета²⁸.

Превосходство уз естества над вассалитетом недвусмысленно явствует из закона Второй Партиды, регламентирующего, кому должны принадлежать крепости и замки, завоеванные во время войны. В этом же законе отмечается, что денатурализация, то есть разрыв уз естества, может произойти только в результате воздействия превосходящей силы и по уважительной причине:

Если вдруг кто-либо будет вассалом одного короля, а вассалом по рождению — другого, и захватит какой-либо замок, принадлежащий второму, то, если его затем потребует его сеньор, он не должен ни отдавать его ему, ни забирать никоим образом у короля, который является его сеньором по рождению, если только тот не сделал раньше чего-либо такого, из-за чего этот вассал сможет разорвать узы естества²⁹.

Рассматривая указанный прецедент с замками и крепостями в качестве примера, Мараваль подчеркивает, что творчество Альфонсо X, «Семь Партид», одновременно консолидирует феодальные институты и, ограничивая их сколь возможно подробно и систематически, «нейтрализует социально-политическое значение этих институтов и [...] превращает их в инструмент развития и укрепления высшей власти короля, что даже противоречит первоначальному

²⁷ Part.II.13.26.

²⁸ Part.IV.24.2, пер. О.В. Аурова.

²⁹ Part.II.18.32.

их смыслу»³⁰. Так, провозглашая верховенство уз естества над вассалитетом, текст Альфонсо отрицает «политическую структуру феодализма, усиливая зависимость сеньоров от короля»³¹.

Одним из следствий уз естества, существующих между людьми и их страной и составляющих основу единства короля, королевства и народа, является их взаимодействие. Не зря закон провозглашает, что король должен любить, почитать и защищать разные группы, составляющие народ — «и знать, и средних, и меньших»³² — поскольку все они необходимы: прелатов и весь клир, как секулярный, так и регулярный; магнатов, рыцарей, магистров университетов, горожан, торговцев, ремесленников и крестьян. Также «все вышеперечисленные, каждый из них на своем месте, должны почитать и любить короля и королевство, охранять и приумножать его права, и всячески служить ему, каждый в должном виде, как своему сеньору по рождению, каковой есть их глава, и жизнь и поддержка»³³. Четвертая Партида, определяя узы естества, также указывает на их следствия и особенно выделяет среди них обязанность защищать короля и королевство, если необходимо, даже ценой собственной жизни³⁴:

Сеньоров обязаны почитать все рожденные на их земле в силу долга, естественным образом проистекающего из этого факта; и должны служить им за то благо, которое от них получают и надеются получить; и почитать их за почести, от них получаемые; и охранять их, поскольку и они сами, их имущество пользуются охраной со стороны сеньоров; и увеличивать их владения, поскольку в силу этого прирастает и их собственное имущество; и принимать достойную смерть за своих сеньоров, если в том возникнет необходимость, за ту достойную и почетную жизнь, которую они вели рядом с ними. И применительно к земле, на которой они родились, люди несут обязанности любить ее, и расширять ее пределы, и умирать за нее, если это будет необходимо³⁵.

³⁰ Maravall, 1983а. Р. 112. Автор говорит об отсутствии феодализма в позднесредневековой Испании как о социально-политической структуре, но не об отсутствии феодальных институтов. См. его статью: «La corriente democrática medieval en España y la fórmula ‘Quod omnis tangit’» // Id. Estudios de historia del pensamiento español: edad media. Madrid, Cultura Hispánica, 1983(б). Р. 161–177; иную интерпретацию взаимоотношений Альфонсо X и знати см. в статье Х. Санчеса-Арсильи Берналя в этом же номере журнала.

³¹ Ibid.

³² Part.II.10.1.

³³ Part.II.10.3.

³⁴ О принципе «смерти за отчизну» (*pro patria mori*) в Кастилии см. статью: Ariel Guíane A. To die for country, land or faith in Castilian medieval thought. Journal of Medieval History, 24–8 (1998). Р. 312–332.

³⁵ Part.IV.24.4, пер. О.В. Аурова.

Помимо определений элементов, составляющих политическое тело, и внимания, уделяемого необходимости поддерживать его целостность, столь же подробно в юридических сочинениях Альфонсо X рассматривается справедливость, которая в сочетании с концептом уз естества представляет собой основу королевской власти в политико-юридическом смысле.

Пролог к Третьей Партиде, посвященной регламентации тяжб и судебных процессов, позволяет отметить, что все сочинение организовано вокруг понятия справедливости. В тексте повторяется идея разделения властей (духовной и мирской), которая основана на геласианской теории о двух мечах, упомянутой в прологе ко Второй Партиде и в «Королевском фуэро». В прологе к Третьей Партиде объясняется, что Первая Партида была посвящена «духовной справедливости, которая есть первый меч, поддерживающий мир»³⁶, Вторая Партида рассказывала о «великих сеньорах, которые должны охранять все вообще своей крепостью и силой, каковые есть второй, мирской, меч»³⁷, а Третья будет рассматривать вопросы «справедливости, которую следует творить упорядоченно, разумом и мудростью, когда всякий требует и защищает в суде то, что считает своим правом, перед указанными великими сеньорами или официалами, поставленными судить вместо них»³⁸.

Первый титул Третьей Партиды определяет, что такое справедливость, какую пользу она приносит и каковы ее предписания. Например, в прологе к этому титулу содержится следующее определение:

Справедливость есть одна из вещей, которыми лучше и надежнее всего поддерживается мир. Она подобна источнику, из которого происходят все права. И справедливость присутствует не только в тяжбах, которые ведут между собой истцы и ответчики в суде; но и во всех остальных отношениях между людьми, строятся ли они на словах или на делах³⁹.

Из этого фрагмента понятно, что справедливость имеет не только сугубо юридический, но и моральный характер, поскольку она описывается как источник всех прав, как в тяжбах, так и в любых других отношениях, возникающих между людьми. Идея справедливости, характерная для Альфонсо и понимаемая одновременно как добродетель и как административная практика,

³⁶ Part.III.Prol.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Part.III.1.proem.

тика, регулирующая жизнь в обществе, «здесь представляет собой точку максимального контакта между моралью и правовой наукой»⁴⁰.

В моральном плане справедливость — одна из четырех основных добродетелей и в этом качестве Вторая Партида определяет ее следующим образом:

Четвертая добродетель — это справедливость, и она мать всяческого блага, ибо в ней соединяются все прочие [добродетели]; ведь связывая сердца людей, она делает их единым целым, чтобы они жили по праву, в соответствии с заповедями Божьими и повелениями сеньора, воздавая каждому его право, согласно тому, как ему подобает, и как он этого заслуживает⁴¹.

Таким образом, добродетель справедливости несет ответственность за объединение людей и гарантии их существования в социуме. В «Сумме теологии» святой Фомы Аквинского определяет справедливость как высшую из моральных (или кардинальных) добродетелей по двум причинам. Первая базируется на самой «добродетельной» сущности справедливости, поскольку хотя все четыре добродетели характеризуются притягивающей силой (волей), справедливость базируется «в благороднейшей части души»⁴², то есть к ней влечет рациональное желание, тогда как прочие моральные добродетели относятся к сфере чувственного желания, неразрывно связанного со страстями. Второй мотив касается объекта справедливости, поскольку если умеренность, благородство и мужество приносят благо только тому, кому они свойственны, то справедливость приносит благо другому человеку⁴³.

Третья Партида также подчеркивает добродетельность справедливости и отдельно упоминает, что люди испытывают желание придерживаться ее и что она превыше всех прочих моральных добродетелей:

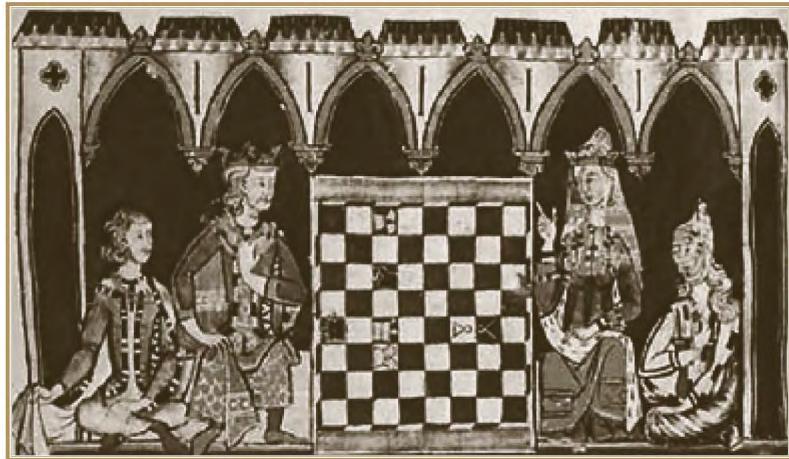
Согласно тому, как говорили древние мудрецы, справедливость — добродетель, укорененная в человеке, и она всегда присутствует в воле справедливых людей, и наделяет каждого его правом в равной степени. И, хотя люди умирают, справедливость сама по себе никогда не исчезает, но всегда остается в сердцах живых лю-

⁴⁰ Madero M. Formas de la justicia en la obra jurídica de Alfonso X el Sabio. // Hispania, LVI/2, 193 (1996). P. 455.

⁴¹ Part.II.5.8.

⁴² STh.IIa-IIae, qu.58, art.12.

⁴³ Ibid.

Король Альфонсо X и королева играют в шахматы. Средневековая миниатюра

дней, добрых и послушных праву. И хотя говорит Писание, что пра-
ведник грешит по семь раз на дню, поскольку он не может всегда
делать, что должно, по причине слабости своей природы, все же
волей своей он всегда должен стремиться делать добро и исполн-
ять заповеди справедливости. И поскольку она столь прекрасна
сама по себе, она сочетает в себе все прочие главные добродетели,
как говорили об этом мудрецы⁴⁴.

Далее цитируемый закон переходит к мысли, что справедливость — ис-
точник права, и здесь в тексте появляется интересная метафора «неиссякае-
мого источника»:

посему ее уподобляют неиссякаемому источнику, и тому есть
три причины. Во-первых, как вода, выходящая из него, льется на
восток, так и справедливость тянется всегда к истинному Солнцу,
каковое есть Бог; и поэтому святые называли в Писании Господа
нашего Иисуса Христа Солнцем справедливости. Во-вторых, как
вода из источника течет неостановимо и люди постоянно тянут-
ся к ней, поскольку о ней известно, что она лучше и целительнее
прочей, так и справедливость присутствует всегда и никогда не ис-
тощается и не ухудшается; и требующие ее притягиваются к ней
все больше, и нуждаются в ней, как ни в чем другом. В-третьих, как
вода в этом источнике горяча зимой и холодна летом, и ее благость
обратна злобности времени, так и право, исходящее из справед-

⁴⁴ Part.III.1.1.

ливости, устраниет все дурное и недостойное, что творят люди и противостоит ему⁴⁵.

Аллегория устанавливает причинно-следственные отношения, поскольку идея о том, что права порождаются справедливостью, прослеживается и в другом определении, присутствующем в этом произведении: «Справедливость — это нечто, в чем заключаются все права, какова бы ни была их природа»⁴⁶. Принимая во внимание эту связь, можно понять, чем обусловлена законотворческая деятельность Мудрого короля: если главная функция короля в роли представителя Бога состоит в управлении справедливости, а та является источником всех прав, то препятствие, мешающее королю *творить законы*, оказывается легко преодолимым, о чем мы будем говорить ниже.

Анализируя идеи, высказанные в творчестве Альфонсо, можно заметить, как корпоративная политическая мысль в сочетании с представлением о справедливости (а следовательно, и о праве) стала одним из основных шагов на пути выработки теории модерного государства.

Мараваль, ссылаясь на Лагарда, отмечает, что корпоративная идея представляет собой одно из трех крупных направлений политической мысли, характерных для XIII столетия. Эта эпоха находится на полпути между феодальной картиной мира, которой суждено вскоре исчезнуть, и государственной картиной мира, уже начинавшей быть заметной⁴⁷. Альфонсо X представляет собой прекрасный пример монарха, которого Ульман определил как «существо-амфибию» — он одновременно феодальный сеньор, связанный с вассалами договорными отношениями, и теократический монарх, чья власть базируется на реализации его воли и на принципе повиновения подданных⁴⁸. Эта двойственность прекрасно отражается в корпоративной мысли Альфонсо, где устанавливается иерархия, в которой король представляет собой главу политического тела, но в то же время отстаивается необходимость взаимодействия всех членов.

Принимая во внимание все сказанное, можно обратиться к двум юридическим аспектам, связанным с функциями короля в рассматриваемый период: идею короля как судьи, имеющей долгую традицию, и короля как законодателя — явное новшество, которое стало возможным после формулировки

⁴⁵ Ibid. Выражение «солнце справедливости» в качестве одного из атрибутов Бога появляется также в «Семичастнике». См.: Vanderford K. (ed.). Setenario. Buenos Aires, Instituto de Filología, 1945. Ley I.

⁴⁶ P.III.1.3.

⁴⁷ Maravall, 1983a. P. 99.

⁴⁸ Ullmann, 1971. P. 155–157.

предгосударственной корпоративной теории, где в латентном виде присутствовало понятие суверенитета.

2. *Rex iudex*

Принимая во внимание традиционную связь между управлением людьми и поддержанием справедливости, представляется очевидным, что одним из процессов, ставших частью трансформаций, которые начались в XII–XIII вв. и привели к образованию государства Нового времени, была централизация политической власти. В числе прочего эта централизация заключалась в концентрации полномочий, ранее нередко распределенных среди феодальных сеньоров, например судебной власти⁴⁹. В то же время по мере роста институционализации политической власти и, следовательно, юридической системы король все реже напрямую исполнял свои обязанности судьи и все чаще делегировал соответствующие полномочия назначенным для этого официалам. Говоря об этом процессе, Антонио Маронджиу отмечает в статье, посвященной средневековому представлению о «короле-судье», что «существовал достаточно долгий период, когда средневековые монархии, казалось, желали и должны были быть верховными структурами в сфере отправления правосудия, как в отношении юрисдикции, так и в отношении поддержания, сохранения и применения действующего права. Первой, фундаментальной и наиболее характерной задачей ее было насаждение не только морального, но и юридического долга»⁵⁰.

Кастильский XIII в. был отмечен серией инициатив, направленных на централизацию юридической системы⁵¹. Альфонсо X пытался унифицировать закон в королевстве — посредством не только «Королевского фуэро», но и «Семи Партид», которые, хотя и не получили силы закона в его правление, с предельной ясностью демонстрируют намерения централизаторского политического проекта. Но помимо этого он еще и стремился так организовать судебную систему, чтобы король не только определял, кто именно будет назначать людей на разные должности в этой системе, но и сам представлял собой высшую юридическую инстанцию. Чтобы понять роль, которую сам король

⁴⁹ Crossetti de Almeida C. Considerações sobre o uso político do conceito de justiça na obra legislativa de Afonso X. Anos 90, 16 (2001/2002). P. 15.

⁵⁰ Marongiu A. Un momento típico de la monarquía medieval: el rey juez. Anuario de Historia del Derecho Español, XXIII (1953). P. 714–715.

⁵¹ См. в связи с этим соображения о политическом проекте Альфонсо X в работе: Kleine, 2013.

уготовил себе в этой системе, необходимо сначала представить себе, как система вообще функционировала в соответствии с проектом, представленным в Партидах и, в меньшей степени, в «Королевском фуэро».

В девятом титуле Второй Партиды содержится серия законов, посвященных официалам, действующим на службе короля, и в этих законах определяются функции и обязанности каждого из них. Там говорится, что официалы необходимы императорам, королям и другим крупным сеньорам, они должны служить и содействовать им «в тех вещах, каковые тем надлежит делать»⁵². В законе, где дано определение офицерии, описаны также два типа официалов: те, кто служит «в дому короля», и «другие — вне последнего». Король, королевство и различные типы официалов метафорически описаны в виде тела:

Аристотель в книге, написанной для Александра, о том, как ему надлежит управлять своим домом и своей сеньорией, указал на сходство человека и мира, и сказал так: «Как небо, и земля, и вещи, на них находящиеся, составляют большой мир, также и тело человека составляет другой мир, именуемый малым. Поскольку как большой мир обладает подвижностью, и разумом, и делами, и согласующимся, и подразделенным, точно так же от природы этим наделен и человек. И от этого малого мира, которому подобен человек, берет свое начало и другой, которому подобны король и королевство, и способ, которым он упорядочивается». И показал он, что так же, как Бог вложил разум в голову человека, которая главенствует над всем телом и является самым знатным его местом, и подобна королю. И пожелал Он, чтобы все чувства и члены — как те, которые находятся внутри и являются невидимыми, так и видимые, находящиеся снаружи, — подчинялись ей и служили ей как сеньору, и управляли бы телом, и защищали бы его, как королевство. Кроме того, он показал, что официалы и высшие должностные лица должны служить королю как сеньору, и хранить и блести королевство, как свое тело, поскольку монарху надлежит править через их посредство⁵³.

Официалы, служившие «королевскому дому», составляли двор монарха, который можно назвать центральным институтом управления королевством. Несмотря на крайнюю мобильность, характерную для монархов XIII в. и де-

⁵² Part.II.9, проem., пер. О.В. Аурова.

⁵³ Part.II.9.1, пер. О.В. Аурова.

лавшую невозможным наличие одного места, которое служило бы резиденцией двора, двор сам выступал в роли такого центра, перемещаясь вместе с королем, куда бы тот ни отправился⁵⁴. Вторая Партида излагает концепцию двора следующим образом:

Двором называется место, где находятся король, и его вассалы, и его официалы, которые должны постоянно давать ему советы, и служить ему, а также те жители королевства, которые являются либо просить у него почестей, либо подать апелляцию, либо добиться права, или решить другие дела, требующие встречи с ним⁵⁵.

Двор определяется, прежде всего, через свою юридическую функцию: следуя принятой практике объяснять значения слов посредством предполагаемой этимологии, закон далее объясняет, что слово «двор» (*corte*) происходит как от латинского слова *cohors* с присущей ему военной коннотацией, так и от слова *curia*, то есть «место, где осуществляется забота (*cura*) обо всем, что происходит в стране, поскольку там обсуждается то, что должен иметь каждый в соответствии со своими правами и статусом»⁵⁶. Далее в тексте закона появляется смелая ассоциация между двором короля и мечом правосудия, причем последний действует не только в судебной сфере, но и определяет, какие поступки следует считать правильными в моральном смысле, поскольку с его помощью следует обрубать (*cortar*) все дурные деяния, совершенные как словом, так и действием, такие, как несправедливость, насилие и гордыня, которые допускают люди на словах и на деле, из-за чего проявляют себя наглыми и дерзкими. А кроме того — шутки, и ложь, и надменные и пустые слова, которые ведут людей к одичанию и делают их подлыми⁵⁷.

Продолжая мысль о поддержании и укреплении справедливости, следующий закон сравнивает двор с морем, создавая еще одну красивую метафору, обогащающую юридический текст Альфонсо:

Архивные мудрецы уподобляли королевский двор морю, поскольку, как и море, они долг, велич и окружает всю землю, и в нем водятся разные по своей природе рыбы; точно так же королевский двор должен обладать пространством для того, чтобы вме-

⁵⁴ Gonzalez Jimenez, 2004. P. 378.

⁵⁵ Part.II.9.27, пер. О.В. Аурова.

⁵⁶ Ibid., пер. О.В. Аурова.

⁵⁷ Ibid., пер. О.В. Аурова.

стить, и вынести, и сохранить все, что к нему прибывает, какой бы природы оно ни было, поскольку там должно разбирать великие тяжбы, и собирать великие советы, и раздавать великие дары. А потому двору необходимы великие размеры, и пространство, чтобы уметь перетерпеть раздражение, и жалобы, и непонимание со стороны тех, кто туда приходит, и эти чувства проявляются самым разным образом, и каждый хочет, чтобы дела рассматривались в его пользу. Поэтому, в силу перечисленного, необходимо, чтобы двор был протяженным, как море. Но помимо этого, есть другие вещи, на которые он должен быть похожим; ибо так, как те, кто путешествует по морю в хорошую погоду, люди должны двигаться правильно, и быть в безопасности с тем, с чем они явились, и заходить в тот порт, который хотят; точно так же двор, когда тяжбы там рассматриваются согласно праву, люди покидают безопасно и весело, расходясь по своим местам с тем, что они с собой принесли, и впредь никто не смеет им противоречить, и у них нет необходимости подавать апелляцию в другую инстанцию. А кроме того, у двора есть другое сходство с морем: как люди, путешествующие по нему, если они попадают в бурю, и не знают куда направляться и как продержаться, оказываются в опасности, из-за чего теряют свою земную жизнь и имущество, которое везут с собой, захлебнувшись и наглотавшись горькой морской воды; так же и те, кто являются ко двору по делам, не имеющим оснований, проигрывают свои тяжбы и захлебываются от того, чем пожелали владеть из-за своей жадности, а иногда — и умирают там в соответствии с нормами права, испив горечь правосудия суда за преступления, ими совершенные. Поэтому, прежде всего, король, который является главой двора, а также другие лица, которые находятся там для того, чтобы предоставлять ему совет и помочь в совершении правосудия, должны быть очень сдержанными, чтобы суметь слушать дела, не имеющие правовых оснований, и очень терпеливыми, чтобы не сорваться и не сдвинуться с места из-за высокомерных слов, которые произносятся присутствующими, ни из-за антипатии, ни в силу ненависти, которые возникают между людьми, поскольку они не расположены ни к королю, ни к людям, которые дают ему советы, если те не решают дела так, как им хочется. А поэтому те, кто находятся при дворе, должны быть в согласии и едины во мнении с королем, чтобы всегдасоветовать ему лучшее и сохранять и его, и самих себя от преступлений и противоправных действий.

И так же, как моряки в ночное время руководствуются средней линией между каменным диском и звездой, и он показывает им, куда следовать, как в плохие, так и в хорошие времена; точно так же те, кто должен давать советы королю, должны всегда руководствоваться справедливостью, которая есть среднее между Богом и миром на все времена, чтобы вознаграждать добродетельных и воздавать наказанием дурным, каждому в соответствии с тем, что он заслуживает⁵⁸.

Несмотря на особое внимание, уделявшееся отправлению правосудия, при дворе также находились официалы, как духовные, так и светские, которые трудились в других сферах управления, таких как канцелярия, а также официалы, выполнявшие военные функции, связанные с обороной и безопасностью королевства, и официалы, занимавшие должности более частного характера, например, придворный майордом, ответственный за «все относящееся к дому, столу, сокровищнице и личному достоянию монарха»⁵⁹.

Среди официалов судебной системы выделяются судьи, которые описываются как те, кто «не только разбирают тяжбы по делам, им направляемым, но также имеют власть судить других судей страны»⁶⁰. Первый закон четвертого титула Третьей Партиды определяет судей следующим образом: «Арбитры, которые исполняют свои обязанности как должно, по праву носят имя судей, то есть добрых людей, поставленных, чтобы указывать и вершить право»⁶¹. Ниже закон выделяет различные типы существующих судей, где «первые из них и самые почитаемые — те, кто судит при дворе короля, каковой есть глава всего королевства»⁶².

Королевский двор функционирует как высшая инстанция в правовой системе; над судьями королевского двора есть еще и некий «надсудья» илиadelantado, ответственный за принятие апелляций на вынесенные ими приговоры. Как заявляет закон Второй Партиды, определяющий функцииadelantado, «много раз подают королю апелляции люди, притесненные постановлениями, вынесенными против них придворными судьями, и иногда случается, что король, из-за спешки, не может выслушать их лично, но назначает вместо себя других лиц»⁶³. Следует отметить, что функцияadelantado — частично снять

⁵⁸ Part.II.9.28, пер. О.В. Аурова.

⁵⁹ Gonzalez Jimenez, 2004. P. 379.

⁶⁰ Part.II.9.18, пер. О.В. Аурова.

⁶¹ Part.III.4.1.

⁶² Ibid.

⁶³ Part.II.9.19, пер. О.В. Аурова.

с короля бремя вынесения приговоров. Подтверждение тому можно найти ниже в том же законе, где описывается, что аделантадо должен быть «высокого происхождения, и очень верным, и сведущим, и разумным», поскольку «доводить до совершенства постановления других судей и освобождать короля от личного участия в рассмотрении серьезных дел»⁶⁴.

Однако существовали особые случаи, когда судить мог только король, и один из таких случаев описан в законе 6 четвертого титула Третьей Партиды, где отмечается, что если судья совершил преступление, за которого он заслуживает смерти или отсечения части тела, «следует схватить его и привести к королю; и также предоставить ему писаное обоснование, по которому тот заслуживает такого наказания. И в этом случае право вынести приговор принадлежит королю и никому более»⁶⁵.

Другой случай, когда король должен судить лично, касается обжалований, поданных вдовами, сиротами, старицами, очень бедными людьми (чье состояние в целом не достигает двадцати мараведи), или богатыми, впавшими в бедность. Если такие люди приходят ко двору, он должен судить их лично, поскольку «хотя король обязан оберегать всех людей своего королевства, особенно он должен делать это в отношении таких людей, потому что они более беззащитны, чем прочие»⁶⁶.

Обжалование приговоров должно было происходить в соответствии с иерархией судей в королевстве, «поднимаясь ступень за ступенью от младшего к старшему, не пропуская ни одной ступени»⁶⁷, за исключением случаев, когда апелляция подавалась королю напрямую: «Но если некто пожелает подать апелляцию сразу королю, минуя других судей, постановляем, что он волен это сделать»⁶⁸. В соответствии с этим король и «верховный аделантадо королевского двора» были единственными судьями, приговор которых нельзя было обжаловать, за исключением нескольких видов тяжб, перечисленных в титуле 23 той же Третьей Партиды. В отношении монарха приводится две причины этого запрета:

Во-первых, поскольку они стоят выше всех по положению в том, что касается мирских дел. Во-вторых, потому что они любят справедливость и истину и всегда держат при своем дворе знатоков права; и поэтому всякий человек должен полагать, что их при-

⁶⁴ Ibid., пер. О.В. Аурова.

⁶⁵ Part.III.4.6.

⁶⁶ Part.III.23.20.

⁶⁷ Part.III.23.18.

⁶⁸ Ibid.

Миниатюра из «Книги игр» Альфонсо X

говоры праведны и достаточны. Но у них можно просить милости, если окажется, что в вынесенном решении нужно что-нибудь исправить или улучшить что-то; и если король почтет это за благо и сочтет справедливым, то пусть сделает так⁶⁹.

Что касаетсяadelantado, то в качестве причины, почему его приговор не может быть оспорен, указывается, что он занимает более высокое положение по сравнению со всеми прочими судьями королевства, за исключением короля, и кроме того, он как уже было сказано, замещает собой короля, что придает его решениям тот же ранг, что и у монарших⁷⁰.

В отношении апелляций «Королевское фуэро» устанавливает минимальную оспариваемую сумму, при которой можно представить дело королю, за исключением случаев, когда король и так оказался в местности, где должна рассматриваться тяжба: «Мы приказываем, чтобы никто не осмеливался обжаловать у короля решение судьи, если сумма иска не превышает десяти мараведи или равняется им. Но если король окажется в городе или в его округе, то к нему можно обращаться за обжалованием решения как по крупному делу, так и по мелкому»⁷¹.

⁶⁹ Part.III.23.17.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ FReal.II.15.5.

В городах, в том, что касается деятельности придворных официалов, ответственность за решение тяжб лежала прежде всего на алькальдах. «Королевское фуэро», предназначенное для городов, предоставляет больше информации о деятельности алькальдов и устанавливает, что они должны быть выбраны королем или обеими сторонами, вовлеченными в тяжбу: «Никто пусть не осмелится разбирать тяжбы, если он не алькальд, назначенный королем, или если стороны не выбрали его к обоюдному согласию, чтобы рассудить их, или если король не уполномочил его своей хартией разобрать определенную тяжбу»⁷².

Закон 1 седьмого титула первой книги «Королевского фуэро» устанавливает, что, будучи избранными на этот пост, алькальды должны дать клятву в городском консехо, что будут защищать права короля, и народа, и всех тех, кто предстанет перед их судом. Самое интересное место в данном законе следующее: «А если случится тяжба, которую нельзя решить по этой книге, то пусть пошлют к королю, чтобы он провозгласил закон, по которому следует судить, и закон, данный королем, пусть включат в эту книгу»⁷³. И действительно, в издании «Королевского фуэро», подготовленном Королевской академией истории, присутствует приложение, куда помешены решения, принятые Мудрым королем по поводу сомнений, возникших у алькальдов в случаях, не предусмотренных законами этого фуэро. Эти решения включены в указанное издание в виде законов, и их объединяет общая формулировка: «на сказанное алькальдами... король приказывает, чтобы...»⁷⁴. Кроме того, в этом издании присутствуют также грамоты, составленные Альфонсо X в ответ на аналогичные вопросы алькальдов, но написанные от первого лица. В них король в большинстве случаев использует такие выражения: «по этому поводу я считаю правильным, чтобы...», «говорю вам, что...», «приказываю вам, чтобы...» и «в этом случае я нахожу разумным и согласным праву, чтобы...»⁷⁵, и более пространные формулировки, например: «посылаю вам ниже мои хартии и мое приказание, как вам поступить»⁷⁶ и «тогда я сделаю и почту за благо следующее»⁷⁷. Поскольку эти решения превращались в законы, роль верховного судьи королевства, которую играл король, легко включала в себя законотворческую деятельность.

⁷² FReal.I.7.1.

⁷³ FReal.I.7.1.

⁷⁴ Fuero Real del Rey Don Alonso el Sabio. Copiado del códice del Escorial señalado ij.z.8 y cotejado con varios códices de diferentes archivos por la Real Academia de la Historia. Valladolid, Lex Nova, 1979. P. 181–198.

⁷⁵ Ibid. P. 199–209.

⁷⁶ Ibid. P. 205.

⁷⁷ Ibid. P. 206.

Эта деятельность представляет собой новшество в реформах юридической системы, предпринятых Альфонсо X, о чём пойдёт речь ниже.

Сочетание короля, королевства и официалов описывается в Партидах помимо упомянутой метафоры тела еще и метафорой сада, которая предназначена охарактеризовать функционирование королевства в конкретной плоскости направления правосудия, а также демонстрирует необходимость законодательной деятельности короля:

Королевство подобно саду, а народ — деревьям в нем, а король — его хозяину, а официалы короля (которые должны судить и помогать ему вести правосудие) подобны работникам; магнаты и рыцари подобны наемникам, охраняющим его; а законы, и фуэро, и права похожи на вал, окружающий его; а судьи и юстициарии — на стены и заборы, оберегающие его, чтобы никто не вошел бы туда с тем, чтобы нанести ему урон. И также по этому поводу сказал [Аристотель], что король должен действовать прежде всего в своем королевстве, воздавая добром каждому по заслугам его. И это подобно воде, которая позволяет всему расти; и он выводит вперед добрых людей, оказывая им блага и почести, и обрубает зло в королевстве мечом правосудия, и искореняет преступников, изгоняя их со своей земли, чтобы они не наносили ей вреда. И чтобы исполнить все это, ему нужны такие официалы, которые разбираются в праве и умеют судить. И также он должен держать в готовности рыцарей и других вооруженных людей и охранять королевство, чтобы оно не потерпело ущерба от злодеев ни изнутри, ни снаружи, то есть от врагов. И он должен даровать очень хорошие законы и фуэро, чтобы ими руководствовались и жили по праву и не хотели бы преступать их ни в чем. И прежде всего он должен поддерживать справедливость и истину, и заставить придерживаться их так, чтобы никто не осмеливался преступать их⁷⁸.

Состав королевского двора иногда расширялся, особенно когда возникали очень важные вопросы, требующие принятия решения, и королю приходилось обращаться за советом к представителям церкви, знати и городов. Такими ассамблеями были знаменитые кортесы — представительные органы, характерные в период позднего Средневековья не только для королевств, подчиненных кастильской короне, но присутствовавшие в XIII в. в

⁷⁸ Part.II.10.3.

большинстве западных королевств, хотя в каждом регионе они имели свои особенности⁷⁹.

О'Кэллэхен упоминает различные типы кастильских ассамблей, на которых собирались представители только одного из трех основных сословий, например, только клирики или только представители городов определенных регионов (так называемые *ayuntamiento*)⁸⁰. Однако этот автор на основании многочисленных документов утверждает, что только когда ассамблея приобретала пленарный характер, то есть собирала представителей всех трех групп, можно называть ее термином «кортесы». Кроме того, для получения этим собранием статуса кортесов необходимо было выполнение еще одного условия — чтобы эту ассамблею созвал лично король.

Основной функцией королевского двора, а следовательно и кортесов тоже, было давать монарху советы по широкому кругу вопросов. Согласно О'Кэллэхену, помимо роли двора как места, где король раздавал дарения церквям, монастырям и частным лицам, он действовал также и как судебное заседание. В качестве истца часто выступали города, как правило, в спорах о границах городских округов. Также при дворе слушались тяжбы о собственности между клириками и мирянами, и также там могли выноситься решения против знатных лиц по обвинениям в предательстве или в небрежности, проявленной в управлении⁸¹.

Альфонсо X созывал кортесы во время своего царствования чаще, чем любой из предшествовавших ему королей Кастилии: всего за 32 года его правления состоялось 24 собрания общих и региональных кортесов⁸². О'Кэллэхен связывает большое число кортесов, созывавшихся в среднем каждые два года, в числе прочих факторов с потребностью Мудрого короля добиваться согласия на частные повышения податей, поскольку ему необходимо было пополнять фонды для финансирования больших проектов, таких как *крестовый поход в Африку или борьба за имперскую корону*⁸³.

Официальные документы эпохи Альфонсо X позволяют современному историку определить, в каких ситуациях король выступал в качестве судьи в

⁷⁹ Guenée B. Occidente durante los siglos XIV y XV: los Estados. Barcelona, Labor, 1973. P. 180–196.

⁸⁰ O'Callaghan J.F. The Cortes of Castile-León 1188–1350. Filadelfia, University of Pennsylvania, 1989.

⁸¹ Ibíd. P. 13–14.

⁸² Ibíd. P. 20–26; Gonzalez Jimenes, 2004. P. 387–392.

⁸³ Словосочетанием «борьба за имперскую корону», в данном случае, переводится кастильская идиома *fecho del imperio*, которой обычно обозначается вся активность Альфонсо X, связанная с попыткой добиться короны императора Священной Римской империи. — Прим. ред.

Король Санчо III.
Портрет работы
Х. М. Родригеса
де Лосада.
XIX в.

самом широком смысле, принимая необходимые административные решения и обеспечивая их выполнение посредством письменного приказа⁸⁴. Однако поиски идеального образа *rex iudex*, как его видел Альфонсо X, следует предпринимать иным образом, имея в виду, что в центре этого исследования должны стоять образы королевской власти — то, как представлен король во всех его сочинениях.

Кроме текстов юридического характера, которые естественным образом представляют собой основной источник для изучения образа *rex iustus* и его производных, о тесной связи между королевской властью и справедливостью свидетельствуют и другие тексты, созданные в скриптории Мудрого короля.

В «Первой всеобщей хронике» описываются качества различных правителей, и распространенным мотивом является указание на аспекты, связанные с отправлением правосудия. Обычно речь идет о фигуре *rex iustus* вообще, без особых подробностей, как в случае с кастильским графом Гарсией Фернандесом (970–994), который описывается, как «человек весьма добрый, и весьма уважающий право, и весьма справедливый, и прекрасный рыцарь»⁸⁵, или с его

⁸⁴ Gonzalez Jimenez M., Carmona Ruiz M.A. Documentació n e itinerario de Alfonso X el Sabio. Sevilla, Universidad de Sevilla, 2012.

⁸⁵ PCG, II, cap. 729 P. 426.

сыном Санчо Гарсией (994–1017), которого описывают как «благочестивого, разумного и чтущего право, весьма проницательного и отважного, и весьма достойного»⁸⁶. О короле Фернандо I (1035–1065) тоже сказано, что он «был человеком, уважающим право»⁸⁷, а об Альфонсо VII (1109–1157) — «он был властителем весьма справедливым»⁸⁸.

Однако другие характеристики справедливости некоторых королей можно истолковывать как намек на то, что они исполняли роль судьи, например, рассказы о том, что они обезжали королевство, «верша справедливость». О Санчо III (1157–1158) хроника рассказывает, что он «ездил по королевству и укреплял свою власть, верша правосудие там, где была необходимость, ибо он был весьма справедливым, и весьма благоразумным, и весьма добросердечным, и весьма сильным, и весьма сдержаным, и весьма верным, и весьма правдивым и жизнерадостным»⁸⁹. Замечания такого рода изобилуют в рассказе о царствовании Фернандо III (1217–1252), например:

Когда король дон Фернандо был в королевстве Леона, езя по нему и верша правосудие и укрепляя королевство, ему понадобилось заехать в город Бенавенте⁹⁰.

И после того, как король дон Фернандо, который пребывал в Бургосе в болезни [...], почувствовал себя исцелившимся, он отбыл из Бургоса и отправился по королевству, везде верша великое правосудие, и наставляя свое королевство, и укрепляя его, в чем была большая необходимость⁹¹.

Наконец, в хронике есть и явные указания на то, что монархи вершат суд, как, например, в следующей фразе, которую Сид обратил королю Альфонсо VI (1072–1109): «Сеньор, вы рассудили, как справедливый король и сеньор по рождению и я принимаю ваш приговор»⁹²; а также прямые упоминания *rex iudex*, например, в связи с качествами Санчо III:

Он был щитом знати, и отцом бедных и сирых, и другом клириков и монашествующих, и защитником малолетних сирот, и

⁸⁶ PCG, cap. 764. P. 453.

⁸⁷ PCG, cap. 802. P. 483.

⁸⁸ PCG, cap. 980. P. 659.

⁸⁹ Ibíd., cap. 985. P. 664.

⁹⁰ PCG, cap. 1046. P. 729.

⁹¹ PCG, cap. 1061. P. 742.

⁹² PCG, cap. 943. P. 622.

*справедливым судьей всем, каждому по-своему; и поскольку он был добр и милостив ко всем, то все его очень любили*⁹³.

В «Кантигах Святой Деве Марии» атрибуты, касающиеся справедливости, очень часто приписываются Богу-Отцу, Христу и Деве Марии, что объясняется самим характером этого произведения. Так, Бога-Отца именуют «справедливым»⁹⁴, так же как и Христа, что видно в выражениях «Мать Справедливого»⁹⁵ и «Мать Царя справедливого»⁹⁶, относящихся к Деве, тогда как ее саму называют «Богоматерью благочестивой, святой и весьма справедливой»⁹⁷, а также «справедливой [...] Матерью Бога Иисуса Христа»⁹⁸. Также применительно к ней в кантиге 213 утверждается, что «все, кого судили несправедливо, идут к ней за утешением, / ибо во всех своих поступках она всегда чтит право»⁹⁹; а кантига 392, рассказав о чуде, сообщает: «Когда услышали об этом люди, то воздали хвалу справедливым / Иисусу Христу и Матери Его, сеньорам, чтущим право»¹⁰⁰. Христос и Бог-Отец также принимают на себя функцию судей¹⁰¹; многократно встречаются и упоминания о Страшном суде¹⁰². Кроме того, один из самых частотных эпитетов Девы во всех поэтических произведениях — это «заступница»¹⁰³ всех людей, то есть та, кто вступается за них перед Богом — высшим Судией.

Однако в некоторых кантигах можно найти аллюзии и на административную деятельность Альфонсо X. В этом отношении выделяется цикл из двадцати четырех кантиг, посвященных основанию и заселению Пуэрто де Санта Мария — местечка, стратегически расположенного между Средиземным морем и Атлантическим океаном неподалеку от устьев Гвадалквивира и Гвадалете¹⁰⁴. Например, в кантиге 379 упоминается огромное количество

⁹³ PCG, cap. 985. P. 664.

⁹⁴ Mettmann W. (ed.). *Cantigas de Santa Maria*. Coimbra, Universidade de Coimbra, 1959 (далее CSM). Здесь, CSM 45, v. 57.

⁹⁵ CSM 175, v. 85.

⁹⁶ CSM 379, v. 52; CSM 193, v. 6.

⁹⁷ CSM 302, v. 26.

⁹⁸ CSM 213, v. 59–61.

⁹⁹ Ibíd. v. 43–44.

¹⁰⁰ CSM 392, v. 50–51.

¹⁰¹ CSM 70, v. 20–21; CSM 72, v. 53. Также в кантиге 26 Дева Мария именуется «Матерью Того, Кому надлежит судить весь мир». CSM 26, v. 5.

¹⁰² В качестве примера можно указать на кантиги: CSM 48, v. 8; CSM 401, v. 7.

¹⁰³ Приведем лишь один пример, хотя таких случаев множество: «и потому она должна помогать нам, что она наша заступница». CSM 1, v. 81–82.

¹⁰⁴ Речь идет о кантигах № 328, 356, 357, 358, 359, 364, 366, 367, 368, 371, 372, 375, 376, 377, 378, 379, 381, 382, 385, 389, 391, 392, 393 и 398. Об этом поэтическом цикле и о

торговцев из самых разных краев, которые прибывают туда, привлеченные привилегиями, которые предоставил король¹⁰⁵.

Есть кантиги, в которых образ *rex iustus* прослеживается довольно четко, например в кантиге 382. Она посвящена одному магнату, который настойчиво требовал у Альфонсо X, чтобы тот отдал ему некую собственность, но это было неугодно королю¹⁰⁶, поскольку участки, которых требовал этот человек, уже были дарованы другому и их нельзя было забрать «не причинив ущерба, не совершив греха»¹⁰⁷. По этой причине тяжба все больше затягивалась, что тревожило истца и самого короля, «поскольку он вырастил его и был его сеньором по рождению»¹⁰⁸.

Решение этой проблемы было найдено благодаря смешению двух важных элементов — религиозного и правового. Истец взмолился Деве, чтобы «она изменила волю короля»¹⁰⁹, а король обратился за советом к брату, инфанту Мануэлю, и в конце концов принял именно такое решение, о котором истец просил Богоматерь. Тогда он вознес благодарность Деве Марии за то, что она направила королевскую волю. Еще более прозрачное описание *rex iustus* содержится в кантиге 401, называемой «*прошением*», когда король-трубадур включает в список своих просьб, обращенных к Деве Марии, следующую фразу: «чтобы я мог держать в справедливости моих людей»¹¹⁰.

Кантига № 386, одна из наиболее интересных с точки зрения исполнения королем административной функции, рассказывает о чуде, которое, по мнению О'Кэллэхена, произошло на кортесах, состоявшихся в Севилье в 1281 г.¹¹¹ Начиная с третьей строфы мы находим подробнейшее описание того, как происходила ассамблея. После битвы с маврами в Гранаде король Альфонсо X

[...] пришел затем в Севилью,
и приказал созвать там кортесы, и от Толедо

важности данного региона для Альфонсо X см.: O'Callaghan J.F. Alfonso X and the *Cantigas de Santa María* — a poetic biography. Leiden, Brill, 1998, особенно глава 9; Snow J.T. Alfonso X, cronista lírico de El Puerto de Santa María. Alcanate, 1 (1988–1999). P. 29–41; Gonzalez Jimenez M. El Puerto de Santa María en tiempos de Alfonso X el Sabio // Jimenez A., Montoya J., Tejada J.L.(eds.). Nuestros orígenes históricos como El Puerto de Santa María. El Puerto de Santa María, Ayuntamiento de El Puerto de Santa María, 1989. P. 10–32.

¹⁰⁵ CSM 379.

¹⁰⁶ CSM 382, v. 17.

¹⁰⁷ Ibíd., v. 18–19.

¹⁰⁸ Ibíd., v. 37.

¹⁰⁹ Ibíd., v. 47.

¹¹⁰ CSM 401, v. 39.

¹¹¹ O'Callaghan. 1989. P. 60–62; Idem. 1998. P. 166–171.

до Сантьяго и дальше до Арнедо
 не было никого, кто бы не пришел, чтобы избежать его гнева.
 И когда все прибыли туда и король сказал им,
 зачем он заставил их прийти словом и грамотой,
 все согласились с ним, сказав: «Да будет проклят
 тот, кто поступит вопреки тому, что вы велите, ибо никогда
 Люди не поступали столь во благо себе, как поступаем мы,
 исполняя ваш приказ [...]»
 И когда они сказали это, король был доволен ими
 и затем он даровал им все, о чем они просили
 во всех их справедливых ходатайствах;
 ибо странно просить сеньора без оснований¹¹².

В тексте стихотворения нашел отражение пленарный характер Севильских кортесов, поскольку там упоминается, что призванные прибыли из самых разных мест. Также там рассказывается о том, как же происходило это событие. Во-первых, король произносит своего рода «речь, посвященную открытию», объясняя, почему он созвал эту ассамблею «словом и грамотой». Далее король выдвигает свои просьбы, ассамблея их удовлетворяет или нет и сообщает о своем решении монарху. После этого участники собрания, в свою очередь, подают королю собственные прошения, и он тоже может удовлетворить их или не удовлетворить, в зависимости от изложенного, о чем говорится в стихотворении¹¹³. В следующих строфах кантиги упоминается закрытие сессии, которое сопровождается большим пиром, устроенным королем, и именно там Дева Мария совершает чудо, в честь которого и написана кантига.

Как уже говорилось в контексте обсуждения кортесов, в этих случаях мы наблюдаем короля-судью (*rex iudex*) непосредственно в действии, хотя и не в сугубо юридическом смысле, поскольку подобные собрания являли собой возможность, прежде всего, для городов, послать туда своих представителей для того, чтобы довести до сведения короля свои заботы¹¹⁴.

Другой интересный вопрос, поставленный в кантиге 386, касается того факта, что созванные на кортесы не осмеливаются не явиться, чтобы не навлечь на себя последствия королевского гнева. Хильда Грассотти в глубоком и прекрасно документированном исследовании о королевском гневе в Ка-

¹¹² CSM 386, v. 15–26 у 30–33.

¹¹³ Несмотря на то что эти элементы были общими для всех кортесов, такая последовательность не обязательно соблюдалась; могли возникнуть и дебаты в случае разногласий по тому или иному поводу. О порядке проведения кортесов см.: O'Callaghan. 1989, гл. 4.

¹¹⁴ Ibid. P. 58.

стилии и Леоне¹¹⁵ показала, насколько древним является этот юридический феномен, и отметила, что в XIII в. он уже допускал целый ряд существенных модификаций, хотя все еще можно найти в документах из канцелярии Альфонсо X фразы, подобные следующей: «И мы приказываем и повелеваем, чтобы никто не осмеливался ни выступать против этого нашего дарения, ни противоречить ему; а тот, кто поступит так, будет отлучен и навлечет на себя гнев Божий и наш, и попадет в ад вместе с предателем Иудой»¹¹⁶. Ослушаться королевского приказа означало навлечь на себя монарший гнев и считалось действием, аналогичным государственной измене или *laesae maiestatis*.

Касаясь вопроса о повиновении королевским приказам, стоит также отметить первый закон четвертого титула первой книги «Королевского фуэро», где устанавливается наказание для «всякого человека, которого позовут королевским приказом, чтобы он предстал перед королем или сделал еще что-нибудь, а он ослушается этого приказа и не пожелает прийти или не пожелает исполнить этот приказ»¹¹⁷, если только он не сможет оправдаться крайне уважительной причиной, например болезнью, пленением, ненастьем и т. п.

Привлекает внимание заключительная часть закона, где сказано, что «это не касается тех, кто был призван в суд своим противником: ибо если они не придут и не исполнят приказание, то понесут наказание, назначенное тем, кто не исполняет приказов судьи»¹¹⁸. Из этого совершенно ясно, что ослушаться сеньора по рождению — это совсем не то же самое, что ослушаться *rex iudex* в строго юридическом смысле этого термина, и наказания в каждом случае будут различаться.

3. *Rex legislator*

В обширном корпусе текстов, разработанных под руководством Альфонсо X, многочисленные произведения законодательного характера выделяются не только внушительным объемом, но и, прежде всего, новаторским характером. Мудрый король, разумеется, не был первым средневековым королем, который присвоил себе право творить законы — этот аспект характерен для боль-

¹¹⁵ Grassotti H. La ira regia en León y Castilla. Cuadernos de Historia de España, XLI–XLII (Buenos Aires, 1965). P. 5–135.

¹¹⁶ García Luján J.A. (ed.). Privilegios reales de la catedral de Toledo (1086–1462): formación del patrimonio de la S.I.C.P. a través de las donaciones reales. Granada, J.A. García Luján, 1982, doc. 74 (21 февраля 1253 г.).

¹¹⁷ FR I.4.1.

¹¹⁸ Ibid.

шей части западных монархий XIII столетия, в том числе на Пиренейском полуострове¹¹⁹. Однако, как показывают эти источники, инициативы Альфонсо X представляли собой большой шаг вперед к модерному государству или, по крайней мере, соответствующую попытку, хотя его план юридической реформы и централизации власти не получил успешной реализации и был заблокирован консерватизмом знати.

В течение большей части средневековой эпохи невозможно было представить, что королевская функция поддержания справедливости может быть также сопряжена с законотворческой деятельностью, поскольку это предполагало вмешательство в предустановленный божественный порядок, который король, будучи представителем Бога на земле, обязан был поддерживать¹²⁰. Марта Мадеро, анализируя формы, принимаемые справедливостью, в юридических сочинениях Мудрого короля, обращает внимание на другой ее аспект — онтологический, который предшествует моральному и юридическому, уже освещенным во втором разделе данной статьи. Справедливость в первую очередь воспринимается как порядок, установленный Богом во время творения, «поскольку Бог пожелал, чтобы все вещи пребывали в идеальном порядке»¹²¹, и это можно понять из пролога к Третьей Партиде:

Наш Господь Бог в великой мудрости своей сотворил все вещи весьма сложными, и, после того как они были сотворены, Он поддерживал каждую в ее состоянии. Этим Он явил, сколь велики Его благость и справедливость, и каким образом ее следует поддерживать тем, кто должен делать это на земле¹²².

Аналогичное определение справедливости — «воздавать каждому его право», — дополненное выражением «согласно его статусу или заслугам», очень часто встречается в Партидах¹²³ и отражает божественный порядок и стабильность, характерную для традиционных обществ. Как явствует из пролога к Партидам, люди не могли бы сделать всех вещей, необходимых для того, чтобы жить в добре и мире, и описанных в этой книге, «если бы каждый, согласно своему положению, не знал, как ему подобает в нем поступать и чего

¹¹⁹ См. пример графов Барселонских, рассмотренный в кн.: *Maravall*, 1983а. Р. 114.

¹²⁰ Weckmann L. El pensamiento político medieval y los orígenes del derecho internacional. Ciudad de México, Fondo de Cultura Económica, 1993. Р. 74–80.

¹²¹ Madero. 1996. Р. 452.

¹²² Part.III.prólogo.

¹²³ См. напр.: Prooem, Part.I.1.2–3, 7, 10 и 16; Part.II.1.5, 7 и 9; Part.II.2.1–2; Part.II.5.8; Part.II.9.18, 27 и 28; Part.II.10.3; Part.III.1.1–3.

ему надобно беречься. И также о положении других вещей, которым нужно повиноваться»¹²⁴. Каждый получает те права, которые ему принадлежат в соответствии с положением или статусом, которые он занимает в обществе, и он должен быть доволен порядком вещей. Так, справедливость — «это добродетель, которой поддерживается мир, поскольку она дает каждому жить в мире, согласно его состоянию, на свой вкус и чувствовать себя довольным тем, что имеет»¹²⁵. О статичности, характерной для средневекового общества, Мараваль утверждает: «с точки зрения традиционного общества, мудрость не изобретается, а получается; экономическое производство также ориентируется исключительно на удовлетворение уже имеющихся потребностей; наконец, право не создается, а признается. Статичному обществу соответствуют не менее статичные формы науки, экономики и права»¹²⁶.

Юридические сочинения Альфонсо X не опровергают этой традиционной консервативной концепции божественно предустановленного мира, но в то же время они отражают новую форму мышления, характерную для предбуржуазного общества той эпохи¹²⁷. Разумеется, перемены в обществе сформировали необходимость в создании новых законов и породили определенный конфликт между старым и новым правом. Позиция Альфонсо по этому вопросу тяготеет к реформе древних законов, и ее можно понять, взяв в качестве примера следующий фрагмент из Первой Партиды, где идет речь о новых законах, которые могут быть добавлены в книгу:

И законы, заново созданные и добавленные подобным образом, имеют такую же силу, как и прежние, или даже большую, поскольку более ранние законы люди уже использовали столько времени, что они как бы устарели и вызывают недовольство из-за ежедневного использования, а также потому, что от природы люди страстно желают видеть, и слышать, и знать новые вещи¹²⁸.

Конфликт между традицией и новаторством в данном случае разрешается словами, которые, по удачному выражению Мараваля, «кажутся дерзким и совершенно несвоевременным заявлением эпохи Ренессанса»¹²⁹.

¹²⁴ Part.Promoem.

¹²⁵ Part.III.1.2.

¹²⁶ Maravall. 1983a. P. 118.

¹²⁷ Ibid. P. 118–119.

¹²⁸ Part.I.1.19.

¹²⁹ Maravall. 1983a. P. 119.

Король Альфонсо VII.
Миниатюра XII в.

Предпочтение новым законам служит одним из оправданий реформы Альфонсо, который стремился заменить старые местные фуэро королевским законодательством. Другой мотив для составления Партид приведен в Прологе к этому сочинению: королю необходимо знать право, чтобы хорошо выполнять свою задачу по «поддержанию народа в справедливости и мире»¹³⁰. Кроме того, как в «Королевском фуэро», так и в Партидах указывается на необходимость объединить «сердца людей»¹³¹ или «людские рассудки»¹³², которые «разъединены» по отношению к фуэро. Эта инициатива Альфонсо, обоснованная таким образом, представляет собой пример конфликта между *iura propria* и *ius commune*, и на этом основании Х.М. Перес-Прендес считает «Семь Партид» «одним из лучших обобщений *iis communi* в собственном смысле слова»¹³³. В соответствии с определением этого автора, общее право представляет собой «особую амальгаму юридических постановлений, канонического права, римского права эпохи Юстиниана, феодального и торгового права, которая воспринимается не просто как сочетание, а как желательная интеграция (не всегда достижимая) всех вышеперечисленных форм, полученная на основании общего критерия христианства (принципиально важного для мировоззрения эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени)»¹³⁴.

¹³⁰ Part. Prooem.

¹³¹ FR, Prólogo.

¹³² Part. Prooem.

¹³³ Perez-Prendes J.M. Instituciones Medievales. Madrid, Síntesis. 1997. P. 40.

¹³⁴ Ibíd.. P. 38.

Аналогичное определение содержится в Первой Партиде, в законе, который определяет *ius naturale* и *ius gentium* следующим образом:

Ius naturale по-латыни означает на романсе естественное право, которое от природы есть во всех людях и также в прочих животных, имеющих способность чувствовать. Ведь согласно побуждению этого права мужчина соединяется с женщиной, что мы называем браком, и по нему же люди и прочие животные воспитывают своих детей. Также *ius gentium* по-латыни означает то же, что и право, общее для всех народов, подобающее людям, а не прочим животным [...] Из постановлений двух вышеназванных видов права и из других важных источников знания Мы собрали и объединили все законы этой Нашей книги, согласно тому, как нашли их записанными в книгах древних мудрецов, помесяцая каждый закон на его место, соответственно установленному Нами порядку¹³⁵.

Компиляции общего права, которые считаются одним из важнейших признаков окончания Средних веков в юридической сфере, знаменуют собой переход к Новому времени¹³⁶. Как ясно из определения Переса-Прендеса и из того же закона Альфонсо X, одной из характеристик общего права является его компилятивность, которая происходит от сознательного отбора и перераспределения законов и постановлений различной природы с целью создания нового правового кодекса. В случае Мудрого короля эта задача выражена в его собственном желании предстать в образе составителя своих законодательных текстов. Так, важнейшим изменением, появившимся в юридическом творчестве Альфонсо X, была идея о том, что король имеет право создавать законы в королевстве, сеньором которого он является. Ряд юридических принципов, почерпнутых, по большей части, из римского права и вновь получивших распространение в Европе той эпохи, появляются в текстах Альфонсо, выполняя как функцию легитимации королевской прерогативы творить законы, так и функцию ограничения этой власти, о чем пойдет речь ниже.

3.1. *Rex imperator in regno suo est*

В своей типологии образов, утверждающих королевскую власть в Кастилии периода позднего Средневековья, Х.М. Ньюто Сория выделяет группу образов юридических, а среди них — те, которые подчеркивают верховное положение

¹³⁵ Part.I.1.2. Курсив наш.

¹³⁶ Perez-Prendes. 1997. P. 38–41.

короля по отношению к другим мирским властям королевства. Автор называет эту группу «образами превосходства»¹³⁷. Юридический принцип, утверждающий, что король — это император в своем королевстве, оправдывает эти образы в той мере, в которой он отрицает всякую власть, стоящую над королем в мирской сфере (*et superiorem in temporalibus non recognoscit*).

Во Второй Партиде содержится известный фрагмент, который почти словно повторяет эту формулировку: «Короли — это наместники Бога, каждый в своем королевстве. Они поставлены над народами, чтобы сохранять их на этом свете в правосудии и в истине, так же, как и император в своей империи»¹³⁸. Такое же представление в слегка измененном виде можно найти и в «Королевском фуэро», где описывается различие между духовной и мирской властью и подчеркивается королевская автономия во всем, что касается мирских дел: «Ведь как Папа обладает полной властью в духовных делах, так и король в мирских»¹³⁹.

Теория о превосходстве короля в политической мысли эпохи Альфонсо неоднократно становилась объектом исследований, отправной точкой которых нередко становилась фраза из «Зерцала», которую цитировали исследователи творчества Альфонсо X: «Милостью Божьей нет над Нами никого в мирской сфере»¹⁴⁰. Эта идея впоследствии повторена в Партидах — и мы уже приводили соответствующую цитату в разделе 3 — в законе, который объясняет, что нельзя обжаловать приговоры, вынесенные королем, «поскольку короли не имеют над собой никого в мирских делах»¹⁴¹.

Идея суверенитета, встречающаяся в зачаточном состоянии в текстах Альфонсо X, выражается в них через термины «старший» и «старшина». По мнению О'Кэллэхена, понятие «старшинства» (*mayoría*) соответствует по значению термину «величие» (*maiestas*)¹⁴² и «означает, что король выше всех не только по « власти» (*potestas*), но и по авторитету (*auctoritas*)»¹⁴³. В действительности, полнота власти (*plenitudo potestatis*), на которую претендовал Альфонсо X, не превратила его в абсолютного монарха, но уравняла полномочия короля с полномочиями императора, исключив любой вид подчинения перв-

¹³⁷ Nieto Soria J.M. Fundamentos ideológicos del poder real en Castilla (siglos XIII–XVI). Madrid, Eudema. 1988. P. 111–134.

¹³⁸ Part.II.1.5.

¹³⁹ FR III.6.18.

¹⁴⁰ Martínez Diez G. Leyes de Alfonso X: I. Espéculo. Ávila, Fundación Sánchez Albornoz. 1985, I.13.

¹⁴¹ Part.III.23.17.

¹⁴² O'Callaghan. 1999. P. 49.

¹⁴³ Maravall. 1983a. P. 108.

вого второму и даже Папе, хотя последний тоже считал себя «высшим в мирских делах». Как пишет Мараваль, «в творчестве Альфонсо X нет ни единого прямого упоминания или намека на якобы верховную *auctoritas* Папы или императора в мирских делах. А та *auctoritas*, которого он требует для королей, подразумевает не только автономию и полноту власти, но и эффективное и нормативное превосходство¹⁴⁴.

Выражение «милостью Божьей» в приведенной цитате из «Зерцала» позволяет заметить представление, пронизывающее все творчество Альфонсо — о том, что король получает власть непосредственно от Бога, которого представляет на земле, не нуждаясь в согласии императора или посредничестве со стороны Церкви¹⁴⁵. Как совершенно недвусмысленно сказано о короле в «Королевском фузэро», «свою власть он имеет не от людей, а от Бога, чье место он занимает во всех мирских делах»¹⁴⁶.

Другим характерным элементом политического мышления Альфонсо X является идея о том, что король не только считается равным императору, но его власть на самом деле еще выше или еще легитимнее, поскольку императора выбирают люди, а король получает трон по праву наследования. Это представление становится понятнее, если иметь в виду, что в текстах Мудрого короля постоянно повторяется мысль о том, что Бог избрал его для царствования, поскольку хотел, чтобы он родился в роду королей и был первым сыном, то есть — наследником¹⁴⁷.

Среди полномочий императора — разделяемых и королем — есть и законотворчество. Так, хотя Вторая Партида устанавливает равенство между императором в империи и королем в королевстве, в Первой Партиде сказано:

Император или король могут создавать законы для людей своей сеньории. Более никто не имеет власти это делать в мирской сфере, если только это будет делаться с позволения одного из них. То же, что будет сделано иным образом, не имеет ни имени, ни силы законов и не должно действовать никогда¹⁴⁸.

Аналогичным образом только тот, кто творит законы, может исправлять их или разъяснять сомнительные места, то есть законодатель сам является толкователем законов:

¹⁴⁴ Ibíd.. P. 109.

¹⁴⁵ Kleine. 2014.

¹⁴⁶ FR IV.21.5.

¹⁴⁷ Kleine. 2014.

¹⁴⁸ Part.I.1.12.

Король Альфонсо VI. Миниатюра XII в.

В случае если законы будут порождать сомнения из-за ошибки в письме либо из-за плохого разумения того, кто будет их читать, их следует полностью прояснить и добиться понимания их истинного смысла. Это не может быть сделано никем, кроме как тем, кто их составил или кем-либо иным, занимающим его место, у кого будет власть творить новые законы и соблюдать уже созданные¹⁴⁹.

При анализе упомянутого выше конфликта между старыми фуэро и новыми законами, провозглашенными королем, бросается в глаза также необходимость исключительности в применении этих законов¹⁵⁰, которая подчеркивает превосходство монарха.

Исходя из этой посылки, Первая Партида указывает, что «все принадлежащие к сеньории творца законов, для которой он их издал, обязаны повиноваться им, и соблюдать их, и судиться по ним, а не по каким-либо другим записям иных законов, изданных каким бы то ни было образом. А тот, кто

¹⁴⁹ Part.I.1.14.

¹⁵⁰ Craddock J.R. The legislative works of Alfonso X el Sabio / Burns R.I. (ed.) Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance. Filadelfia, University of Pennsylvania, 1990. P. 182–197.

творит законы, обязан заставлять исполнять их»¹⁵¹. Также и Третья Партида, рассуждая о том, как судьям надлежит судить, устанавливает, что «тяжбы, которые возникнут между ними, пусть судят хорошо и верно, самым лучшим и быстрым из известных им способов; по законам этой книги, а не по другим»¹⁵².

«Королевское фуэро», специально разработанное, чтобы прийти на смену разнообразию муниципальных фуэро и объединить закон под властью короля¹⁵³, высказывает ту же мысль, но добавляет еще и наказание для слушников:

Мы охотно допускаем и желаем, чтобы всякий человек знал другие законы, чтобы люди были более сведущими и мудрыми, но Мы не желаем, чтобы кто-либо судился или разбирал тяжбы по ним. Пусть все тяжбы решаются по законам этой книги, которую Мы даем Нашему народу и повелеваем соблюдать. И если кто-либо принесет книгу других законов на суд, чтобы судить или разбирать тяжбы по ней, пусть заплатит 500 суэльдо королю; но если кто-либо будет ссылаться на законы, совпадающие с законами этой книги и подкрепляющими их, то он волен делать так и не понесет никакого наказания¹⁵⁴.

Итак, король не только был верховным судьей и представлял собой высшую юридическую инстанцию в королевстве, но он же был и «сенатором и главой всех жителей королевства»¹⁵⁵, обладавшим монополией на законотворчество, что неизбежно предполагало исключительное использование созданных им законов, поскольку никакая иная норма не имела силы закона, если не была порождена волей правителя.

3.2. Quod principi placuit legis habet vigorem

Юридический принцип, который гласит, что «то, что угодно королю, имеет силу закона», ассоциируется с социально-политическими трансформациями, начавшимися в XI–XII вв., но особенно типичными для XIII столетия, и ха-

¹⁵¹ Part.1.1.15.

¹⁵² P.III.4.6.

¹⁵³ O'Callaghan J.F. Sobre la promulgació n del Espéculo y del Fuero Real. En Estudios en Homenaje a don Claudio Sánchez Albornoz en sus 90 años. Anexos de Cuadernos de Historia de España, III (Buenos Aires, 1995). P. 167–179.

¹⁵⁴ FR I.6.5.

¹⁵⁵ P.II.1.5.

рактеризует корпоративную политическую мысль в отличие от феодальной. Как отмечает Мараваль, «король до такой степени присваивает законотворческую функцию, что не может быть законом то, что не является декларацией его воли»¹⁵⁶.

Королевская прерогатива законотворчества, основанная на принципе превосходства монарха в мирской власти, предполагала превалирование писаного права, порожденного королевской волей, над обычным правом, что ясно видно в законодательных текстах Альфонсо X. Соглашаясь с Маравалем, следует подчеркнуть, что «обычное право соответствует статичному обществу, которое не намерено трансформироваться, тогда как право, основанное на законодательстве, по справедливому замечанию Гарсии Пелайо, соответствует изменчивому обществу, которое считается с возможностью реформ»¹⁵⁷.

В этом контексте трансформаций следует истолковывать фрагмент из «Первой всеобщей хроники», который наглядно демонстрирует мысль о том, что сила законов базируется, прежде всего, на приказаниях монарха и принципе обязательности. Хроника — воспроизводя сюжет, содержащийся еще в повествовании Родриго Хименеса де Рады¹⁵⁸ — рассказывает о том, как король Альфонсо VI (1072–1109) решил принять римский литургический обряд, заменив им мосарабский, против воли клира и «всего народа Испании». В первую очередь он устроил поединок между двумя рыцарями, каждый из которых представлял один из обрядов, и мосарабский обряд вышел победителем. Несмотря на это король постановил, что «поединок этих двоих был несправедлив», и повелел развести костер, куда бросили книги, содержащие тексты обеих литургий. И вновь книга «толедского обряда» осталась невредима, но король дон Альфонсо был упрям и доводил до конца начатое, и воля его была такова, что люди не могли помешать ему, и даже испуг от произошедшего чуда не тронул его, и он не пожелал отказаться от желаемого. Но пригрозив смертью всем, кто возражал, сказав одним, что казнит их, а другим — что изгонит их из своего королевства, он приказал взять французский обряд и пользоваться им. И тогда все увидели, что он заставляет их делать это силой, и так непреклонна была воля короля; и она распространилась на всю Испанию и соблюдалась во всех пределах его королевства¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Maravall. 1983a. P. 116.

¹⁵⁷ Ibid. P. 117.

¹⁵⁸ Ibid.

¹⁵⁹ PCG, II, cap. 872. P. 542–543.

Ниже в тексте сказано, что от этого эпизода пошла пословица: «законы идут туда, куда хотят короли» или, по версии хроники Родриго де Рады, *quod volunt reges vadunt leges*¹⁶⁰.

Следует отметить, что поскольку из корпуса сочинений Альфонсо явствует, что королевская власть имеет божественное происхождение и король — наместник Бога, ответственный за поддержание своего народа в справедливости, это выражение королевской воли в законодательной сфере неразрывно связано с аксиомой о том, что Бог «может изменять все каждый час по Своей воле»¹⁶¹ и что «воли королей — в руках Бога»¹⁶².

Таким образом, несмотря на то, что закон устанавливается королевской волей, существует еще и Божественная воля, накладывающая ограничения, которые заставляют законы повиноваться определенным принципам. Цель закона, в соответствии с Первой Партией, состоит в том, чтобы соединять «любовью сердца людей, и они суть право и разум. И из них двоих выходит совершенная справедливость, понуждающая людей жить так, как подобает каждому из них»¹⁶³. В соответствии с доктринальным характером Партии, закон также определяется исходя из дидактической функции, которую он несет в обществе, поскольку он «связывает и принуждает человека не совершать зла, показывает и наставляет добро, которое человек должен творить и использовать»¹⁶⁴. Кроме того, применительно к законам устанавливаются следующие критерии:

Законы должны быть совершенными и полностью выверенными таким образом, чтобы они были разумными и трактовали о вещах, которые могут происходить согласно природе. Их слова должны быть правильными, и достаточными, и ясными, чтобы всякий человек мог бы их понять и запомнить¹⁶⁵.

Помимо этого, «все его постановления должны быть верными, и правыми, и совершенными, согласно Богу и справедливости»¹⁶⁶. Таким образом, прежде чем распространить волю короля-законодателя, нужно убедиться, что закон справедливый, разумный и служит «общей пользе земли», то есть общему благу, которое так часто упоминается во всех произведениях Альфонсо X.

¹⁶⁰ Ibid.; Maravall. 1983a. P. 117.

¹⁶¹ Part.II.2.1.

¹⁶² CSM 382, v. 5. См.: Kleine. 2014.

¹⁶³ Part.I.1.7.

¹⁶⁴ Part.I.1.4.

¹⁶⁵ Part.I.1.8.

¹⁶⁶ Part.I.1.4.

3.3. *Princeps legibus solutus est*

Этот принцип, в соответствии с которым принцепсу или королю нужно стоять над законом, а не подчиняться ему, чтобы быть единственным законодателем, был сформулирован и использовался начиная с XII в. рядом авторов, с намерением укрепить идею, тогда еще едва зарождавшуюся, верховенства королевской власти. Однако, как отмечает Бернар Гене, немногие могли согласиться с такими почти абсолютскими претензиями, поскольку «все были согласны, что это означает ровно то, что король обязан соблюдать закон не под давлением внешних юридических факторов, а по собственной доброй воле и в силу врожденного чувства справедливости»¹⁶⁷.

В реальности же, претензия на верховную власть в мирских делах на своей территории и, как следствие, исключительное право издавать законы в ее пределах, исходя лишь из королевской воли, порождали противоречие: если законы составляются или изменяются по одному лишь желанию короля, как он сам может им подчиняться?

И вновь этот вопрос решается в Партидах на основании моральных принципов. Если король обязан быть добродетельным и подавать тем самым пример народу¹⁶⁸, то он не может не подчиняться собственным законам в той же мере, в которой он ждет этого от всех подданных. Так, в 15-м законе первого титула Первой Партиды утверждается: «Также говорим, что хорошо, когда творец законов желает жить по ним, хотя он и не обязан делать это по принуждению»¹⁶⁹.

Таким образом, предложенное Альфонсо решение не противоречит видению богословов и моралистов той эпохи: «правитель подчиняется “направляющей силе” (*vis directiva*) закона, но не его “принуждающей силе” (*vis coactiva*)»¹⁷⁰. Король должен *хотеть* жить в соответствии с законами, хотя он не обязан этого делать. Объяснение продолжается и в следующем законе:

Король должен блести законы как свою честь и свое произведение, потому что он получает власть и разум для того, чтобы вершить справедливость. Ведь если он не будет соблюдать их, он пойдет против своего же творения, разрушая их, и от этого ему произойдет двоякий вред. С одной стороны, он разрушит столь

¹⁶⁷ Guenee. 1973. P. 92.

¹⁶⁸ Kleine. 2014.

¹⁶⁹ Part.I.1.15.

¹⁷⁰ Maravall. 1982. P. 124.

доброй вешь, сделанную им, с другой — обратится к общему вреду для народа, унизит себя самого, предстанет неразумным, а его законы и повеления будут презираемы¹⁷¹.

Невыполнение законов королем предполагает, таким образом, ослабление законодательства, а также формирует образ недостойного короля, который не ценит и не уважает собственное творение.

Несмотря на утверждение «Королевского фуэро», что «право королевской власти столь велико, что вмещает в себя все законы и все права»¹⁷², идея о том, что король, стоящий над позитивным правом, также неизбежно подчиняется естественному праву, препятствует тому, чтобы он сосредоточил в своих руках абсолютную власть. Противоречить божественному закону означало бы править вопреки «общему благу», что является признаком тирании¹⁷³, а это, в свою очередь, делает легитимным сопротивление и неповинование народа¹⁷⁴.

3.4. Quod omnis tangit ab omnibus debet approbari

Другой юридической концепцией, которая вошла в широкое употребление в позднее Средневековье благодаря рецепции римского права и в которой «нашел выражение общинный дух и определенный демократизм средневековой буржуазной культуры»¹⁷⁵, была идея о том, что «то, что касается всех, должно быть одобрено всеми».

Мараваль, анализируя высказанный в «Общей экономической истории» тезис Макса Вебера о том, что основание для демократизации имеет сугубо военный характер, а за ним следует политическая демократизация¹⁷⁶, замечает, что «в Испании знатное сословие очень рано утратило монопольное право на ношение оружия, если такая монополия вообще когда-либо существовала»¹⁷⁷. Исходя из этого утверждения, автор показывает, как демократический принцип «*quod omnis tangit...*» появляется в творчестве Альфонсо применительно как к военной, так и к политической сфере.

Вторая Партида в законе, где говорится о том, что народ должен охранять королевство, постановляет, что в случае войны как против внешнего

¹⁷¹ Part.I.1.16.

¹⁷² FR IV.21.5.

¹⁷³ Part.II.1.10.

¹⁷⁴ Weckmann, 1993. P. 76–77.

¹⁷⁵ Maravall, 1983a. P. 133.

¹⁷⁶ Maravall, 1983b. P. 166.

¹⁷⁷ Ibid.

врага, вторгшегося на территорию страны, так и против внутреннего врага, предавшего доверие короля и восставшего против него, все жители должны взяться за оружие, не ожидая королевского приказа, чтобы защитить короля «от вреда, от позора, которые порождены этим мятежом»¹⁷⁸. Никто не может уклониться от этой обязанности, ссылаясь на знатность и приближенность к монарху или на какую-то полученную от монарха привилегию, она лежит даже на женщинах и клириках и не касается только «человека, заключенного в темницу или тех, кто остается читать часы»¹⁷⁹. Всеобщий характер этой обязанности связан с формулой «*quod omnis tangit...*» со ссылкой на авторитет традиций «древних»: «Ибо поскольку зло и вред касаются всех, то неподобающе и несправедливо, если кто-то уклонится от этого, если все не выйдут, чтобы искоренить их»¹⁸⁰.

В сфере политики демократический принцип действует как практический ограничитель власти короля творить законы, более эффективный, чем моральный долг правителя, поскольку в законах Альфонсо многократно повторяется, что законы следует составлять «в совете с людьми знающими, и понимающими, верными и не алчными, поскольку таковые будут знать то, что необходимо для права и справедливости, и для общего блага всех»¹⁸¹. Также хотя только король обладает властью изменять законы, для этого необходимо, чтобы он «сперва договорился со сведущими людьми, со знатоками права, чтобы они тщательно проверили то, что следует исправить, а затем должен сделать это вместе со столь многими добрыми людьми, скольких сможет найти, из многих краев, чтобы многие согласились бы в одном»¹⁸². Наконец, для отмены законов необходимо «разумное основание», но и в этом случае она возможна исключительно «с совета всех добрых людей королевства, наиболее чтимых и наиболее знающих»¹⁸³.

О'Кэллэхен характеризует роль, которую играли кортесы в политическом применении принципа «*quod omnis tangit...*», в том смысле, что король нуждался в совете, чтобы реализовать свою законотворческую функцию, в соответствии с нормами Партид, и утверждает, что новая концепция законотворчества, сформулированная в сочинениях Альфонсо, предполагала, что хотя король был властью, провозглашавшей закон, все жители королевства

¹⁷⁸ Part.II.19.3.

¹⁷⁹ Ibid.

¹⁸⁰ Ibid.

¹⁸¹ Part.I.1.9.

¹⁸² Part.I.1.17.

¹⁸³ Part.I.1.18.

принимали участие в его выработке, изменении или отмене¹⁸⁴. Автор выдвигает убедительные аргументы в пользу того, что и «Зерцало», и «Королевское фуэро» были провозглашены на кортесах, собравшихся в Паленсии в 1255 г.¹⁸⁵

В рамках своего проекта по политической централизации Альфонсо X оставил такой обширный законодательный корпус, что в конечном итоге этот корпус лег в основу не только законодательства современной Испании, но и правовой системы изрядной части современной Латинской Америки¹⁸⁶. Как мы попытались показать в данной статье, его тексты изобилуют упоминаниями о первоочередной задаче короля — вершить справедливость в королевстве — и о соображениях Альфонсо X относительно того, каким образом ему следует исполнять эту функцию. Говоря словами Мануэля Гонсалеса Хименеса, «Тем не менее, Альфонсо X мечтал быть чем-то больше, чем просто справедливый король: он хотел обновлять, создавать Право и *творить законы*. [...] Таким образом, король перестал быть просто *предводителем и вождем войска*, военачальником, возглавляющим армию знатных и могущественных вассалов, от которых он зависит и которых опасается, когда они собираются вместе. Вместо этого он превратился в Наместника Божьего, единственного законодателя и верховного судью *всех жителей королевства*»¹⁸⁷.

И действительно, как это происходит с другими королевскими образами, проанализированными нами в серии исследований, в творчестве Альфонсо заметно явное желание Мудрого короля быть признанным как правитель, получивший власть и мудрость от Бога, чтобы поддерживать королевство в справедливости и мире, создавая и укрепляя образ *справедливого короля*, правящего ради общего блага.

¹⁸⁴ O'Callaghan. 1989. P. 113.

¹⁸⁵ Ibid., гл. 7; Idem. 1995.

¹⁸⁶ Idem. 1996. P. 324–325.

¹⁸⁷ Gonzalez Jimenez. 2004. P. 375–376. Курсив автора.

REFERENCES

1. *Ariel Guiance A.* To die for country, land or faith in Castilian medieval thought // *Journal of Medieval History*, 24–8 (1998). P. 312–332.
2. *Craddock J.R.* The legislative works of Alfonso X el Sabio // *Burns R.I. (ed.) Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance*. Filadelfia, University of Pennsylvania, 1990. P. 182–197.
3. *Crossetti de Almeida C.* Considerações sobre o uso político do conceito de justiça na obra legislativa de Afonso X. Anos 90, 16 (2001/2002).
4. *Gonzalez Jimenez M.* *Alfonso X el Sabio*. Barcelona, 2004.
5. *Gonzalez Jimenez M.* El Puerto de Santa María en tiempos de Alfonso X el Sabio // *Jimenez A., Montoya J., Tejada J.L.(eds.) Nuestros orígenes históricos como El Puerto de Santa María*. El Puerto de Santa María, Ayuntamiento de El Puerto de Santa María, 1989. P. 10–32.
6. *Gonzalez Jimenez M., Carmona Ruiz M.A.* Documentación e itinerario de Alfonso X el Sabio. Sevilla, Universidad de Sevilla, 2012.
7. *Grassotti H.* La ira regia en León y Castilla // *Cuadernos de Historia de España*, XLI–XLII (Buenos Aires, 1965). P. 5–135.
8. *Guenee B.* Occidente durante los siglos XIV y XV: los Estados. Barcelona, Labor, 1973. P. 180–196.
9. *Kleine M.* El carácter propagandístico de las obras de Alfonso X // *De Medio Aevo*, 4 (2013). P. 1–42.
10. *Kleine M.* Imágenes del poder real en la obra de Alfonso X: *Rex christianus* // *De Medio Aevo*, 5 (2014). P. 1–42.
11. *Kleine M.* Os elementos do corpo político e a justiça nas *Siete Partidas* de Afonso X. *Politeia: Historia e Sociedade*, 5/1 (2005). P. 103–118.
12. *Madero M.* Formas de la justicia en la obra jurídica de Alfonso X el Sabio // *Hispania*, LVI/2, 193 (1996).
13. *Maravall J.A.* Del regimen feudal al regimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // *Id. Estudios de historia del pensamiento español: edad media*. Madrid, Cultura Hispánica, 1983(a).
14. *Maravall J.A.* La corriente democrática medieval en España y la fórmula «*Quod omnis tangit*» // *Id. Estudios de historia del pensamiento español: edad media*. Madrid, Cultura Hispánica, 1983(b). P. 161–177.

15. *Marongiu A.* Un momento típico de la monarquía medieval: el rey juez// AHDE, XXIII (1953).
16. *Martin G.* De lexicología jurídica alfonsí: «naturaleza». Alcanate, 6 (2008–2009). P. 125–138.
17. *Martin G.* Le concept de «naturalité» (naturaleza) dans les «Sept Parties» d'Alphonse le Sage // e-Spania (онлайн: <http://e-spania.revues.org/10753>), 5 (2008).
18. *Nieto Soria J.M.* Fundamentos ideológicos del poder real en Castilla (siglos XIII–XVI). Madrid, 1988.
19. *O'Callaghan J.F.* Alfonso X and the Cantigas de Santa María — a poetic biography. Leiden, Brill, 1998.
20. *O'Callaghan J.F.* El Rey Sabio — el reinado de Alfonso X de Castilla. Sevilla, 1999.
21. *O'Callaghan J.F.* Sobre la promulgación del Espéculo y del Fuero Real// Estudios en Homenaje a don Claudio Sánchez Albornoz en sus 90 años. Anexos de Cuadernos de Historia de España, III (Buenos Aires, 1995). P. 167–179.
22. *O'Callaghan J.F.* The Cortes of Castile-León 1188–1350. Filadelfia, University of Pennsylvania, 1989.
23. *Perez-Prendes J.M.* Instituciones Medievales. Madrid, 1997.
24. *Senellart M.* Les arts de gouverner. Du regimen médiéval au concept de gouvernement. París, Seuil, 1995.
25. *Snow J.T.* Alfonso X, cronista lírico de El Puerto de Santa María // Alcanate, 1 (1988–1999). P. 29–41.
26. *Ullmann W.* Principios de gobierno y política en la Edad Media. Madrid, Revista de Occidente, 1981.
27. *Vernant J.-P.* Les cités grecques et la naissance du politique // *Berstein S., Milza P.* (eds.), Axes et Méthodes de l'Histoire Politique. París, PUF. 1998. P. 7–12.
28. *Weckmann L.* El pensamiento político medieval y los orígenes del derecho internacional. Ciudad de México, 1993.

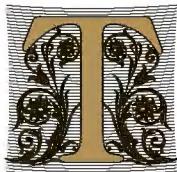

Ключевые слова:

Альфонсо X, образы королевской власти, творчество Альфонсо X, политическое мышление, отправление правосудия

Marina Kleine

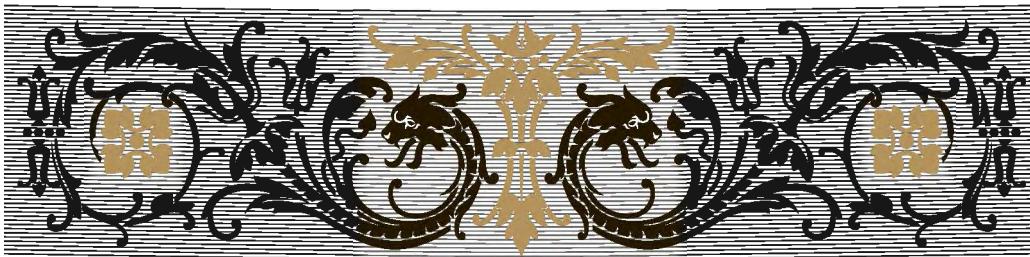
CHARACTERS OF ROYAL POWER IN WORK OF ALFONSO X: *REX IUSTUS*

his paper analyzes the character of *rex iustus* («Just King») which directly related to one of the most important functions of the King: to plant justice. The subject of the study was, firstly, the corporate thinking of the Alfonso Age estimated on the basis of determining the elements constituting the political body in the form, in which they are presented in the Seven-Part Code or Partidas. The King's task of maintenance the justice for the people, first of all, is reflected in its functions of a judge (*rex iudex*), which Alfonso X desired to as the key role in description of the King's authority. Secondly, the concept of supreme power is considered, which was being formed in Alfonso's work, and which allows us to understand how it was possible that this Castilian King of the 13th c. performed also the legislative function (*rex legislator*). Finally, we look at some legal principles which were drawn from Roman Law and acquired great significance in that period and which reflected both theoretical justification for the centralization process and the factors limiting the King's power.

Марина Клейне

доктор истории, специалист по эпохе Альфонсо X (Севилья, Испания)

Д. Панатери

РИТУАЛ В «СЕМИ ПАРТИДАХ» КОРОЛЯ АЛЬФОНСО X МУДРОГО¹

Введение

Цель настоящей работы в том, чтобы кратко проанализировать, какими способами «Семь Партид» отражают феномен ритуала посвящения применительно к королю и епископу. Партиды относятся, самое раннее, к 1265 г., причем после этой даты появилось несколько редакций, которые, как показал Дж. Крэддок², содержали существенные правки, поскольку новый политический контекст требовал от Мудрого короля новых действий. Альфонсо X (1252–1284) посвятил немалую часть своего правления решению двух политических задач: юридической унификации территорий, подвластных кастильской короне, и борьбе за император-

¹ Перевод с испанского на русский А.В. Черниной. Данная статья написана и переведена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого».

² Craddock J.R. La cronología de las obras legislativas de Alfonso X el Sabio// Anuario de Historia del Derecho Español, 1981 (51). P. 365–418; Id. Must the King Obey his Laws? // Florilegium Hispanicum: Medieval and Golden Age Studies Presented to Dorothy Clotelle Clarke / Geary J. (ed.). Madison, 1983. P. 71–79.

скую корону³. Оба эти феномена довольно подробно рассматривались в научной литературе. Одним из способов реализации данных проектов была концентрация символической власти. Она была обусловлена не только представлениями о престиже, но и необходимостью повысить эффективность королевской политики. В связи с этим предлагаемый анализ посвящен скорее истории идеологии, изложенной в правовой компиляции, чем описанию конкретных форм, которые принимал феномен ритуала в эпоху Альфонсо и которые известны по этому источнику. Таким образом, задача состоит в том, чтобы проанализировать, как именно сформулирована аргументация королевских юристов, и на этом основании доказать присутствие назидательных целей в юридическом кодексе. Хорошо известно, что Альфонсо X активно прибегал к формальным процедурам с целью разделить аргументацию на три категории: *аргумент от всеведения, аргумент от истины и аргумент от объективности*⁴. Эти три категории аргументации, сочетаясь между собой, создают эффект реальности, формируя фундаментальную в логической системе доказательств Альфонсо связь между словесным выражением и материалом. И в самом деле, во многих случаях содержание, почерпнутое из древней традиции, организовано на базе, которую мы можем назвать диалектикой порядка. Во-первых, она отображает как бы «снимок» устоявшегося общества; во-вторых, вводит этот образ в обиход посредством тончайших и сложнейших связей с целью обязательно привести читателя туда, куда направляет его текст. В-третьих, эта диалектика подводит читателя к последнему звену логической цепочки, создавая впечатление неоспоримой истины, хотя и противоречащей традиционному порядку с показанного ранее «снимка». Конкретика в изложении позиции незаметно реализуется посредством аргументации на базе устойчивой синтаксической связи, обычно зависящей от сущностной логической цепочки. Ниже мы увидим, как взаимодействует эта комбинация с прочими элементами дискурса Альфонсо.

В первую очередь необходимо оговорить, что хотя мы и принимали во внимание сложнейшую рукописную традицию текстов Альфонсо X, в на-

³ В историографии Альфонсо X, начиная со средневековых хроник, процесс борьбы кастильского короля за корону императора Священной Римской империи получил название *fecho de imperio*, дословно на русский не переводимое. См. об этом подробнее: O'Callaghan, J.F. El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla / trad. cast. por M. González Jiménez. Sevilla, 1999. P. 243–260; González Jiménez, M. Alfonso el Sabio. Barcelona, 2004. P. 107–294; и цит. там библиографию.

⁴ Lodares J.R. (1996) El mundo en palabras. Sobre las motivaciones del escritorio alfonsí en la definición, etimología, glosa e interpretación de voces // Cahiers de Linguistique Hispanique Médiévale. 1996 (21). P. 105–118.

стоящей работе мы пользуемся фрагментами из различных рукописей, но везде, где только возможно, стараемся ссылааться на издание Гр. Лопеса, чтобы пояснить и упростить обращение к первоисточнику.

Кроме того, следует заранее сказать, что в целях реализации настоящего исследования нам следует обратиться к некоторым концепциям из области антропологии (точнее, из области антропологии религии) по ряду важных вопросов⁵. Тем не менее наша работа не претендует на анализ религиозного характера, а также антропологической функции ритуала. Наша цель состоит в понимании его значения в рамках специфического политico-юридического дискурса. Это не значит, что мы проигнорируем основные теории ритуала — наоборот, мы посмотрим, какие из них могут оказаться существенными для понимания политической задачи включения ритуала в средневековый юридический текст. Мы намереваемся понять, почему епископское и тем более королевское помазание было включено в контекст законодательства, касающегося Церкви (Part. I.4.12 и 13).

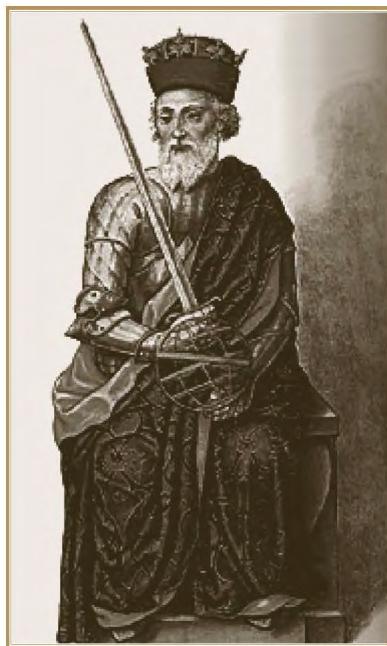
Хотя источники норм, связанных с Церковью, в самом тексте и не определены⁶, их представление обладает двумя характерными чертами. С одной стороны, мы знаем, что объективная информация, собранная из различных компиляций, почертнула, главным образом, из *Liber Extra*, а также из *Summa de casibus poenitentiae*. С другой — в том, что касается епископов и их обязанностей, основным источником был «Декрет Грациана». На эту тему уже писали А. Перес Мартин⁷ (Pérez Martín, 1992) и особенно много Р. Бидагор⁸. Так что учитывая, что этот вопрос очень хорошо изучен, а наша исследовательская задача заключается в том, чтобы понять, как именно *Партиды* трактуют реальность, с которой они сталкиваются в идеологической конфронтации (или, скорее, как они изображают эту реальность), мы не будем рассматривать ни источники норм, ни

⁵ Мы активно пользовались научной литературой по этому вопросу, хотя антропологический подход нечасто используется в наших исследованиях. Тем не менее я надеюсь, что не совершил особенно серьезных ошибок благодаря помощи коллег-специалистов, которые помогли мне разобраться в устоявшихся антропологических традициях, прежде всего доктора Сантьяго Баррейро.

⁶ García y García A. (1992) Fuentes Canónicas de las Partidas // *Glossae. Revista de Historia del Derecho Europeo*. 1992 (3). P. 93–101.

⁷ Pérez Martín A. Fuentes romanas en las Partidas // *Glossae. Revista de Historia del Derecho Europeo*. 1992 (4). P. 215–246.

⁸ Bidagor R. El derecho de las Decretales y las Partidas de Alfonso el Sabio de España // *Acta Congressus Iuridici Internationalis VII saeculo a Decretalibus Gregorii IX et XIV a Codice Iustiniano promulgatis*. 1936 (3). P. 297–313; *Id. La contribución española al estudio del Decretum Gratiani* // *Studia Gratiana*. 1954 (2). P. 529–539.

Альфонсо X. Изображение из «Книги портретов королей». 1594 г.

конкретные функции епископов, а вместо этого обратимся ко второй характеристике законодательного текста — более или менее коллективной⁹ деятельности по переписыванию, которая привела к появлению целых законов, не имеющих прецедентов и зачастую официальной санкции Церкви¹⁰. На протяжении всей работы мы будем обращаться к двум законам, помещенным один за другим и посвященным в первую очередь ритуалу помазания. Интересно посмотреть, каким образом он получил свое место в тексте посредством концептуализации функционирования ритуала в политическом мире. В свою очередь, мы должны объяснить причины, по которым вопросы королевского помазания освещаются непосредственно после рассказа о помазании епископов (в разделе, который явно посвящен исключительно церковным материям).

В настоящее время рассмотрение темы ритуала и его ведущего положения в религиоведении с точки зрения антропологии приобрело огромную популярность, хотя и, разумеется, в чрезвычайно узких кругах¹¹. Это заставляет нас сосредоточиться не столько на функциональном иссле-

⁹ Martin G. Compilation (Cinq procédures fondamentales) // Annexes des Cahiers de linguistique hispanique médiévale. 1997. Vol. 11. P. 107–121.

¹⁰ Craddock J.R Must the King Obey his Laws?.. P. 75.

¹¹ Ярким примером являются периодические издания: *Journal of Ritual Studies* (Питтсбургский университет) и *Journal of the American Academy of Religion* (Оксфорд).

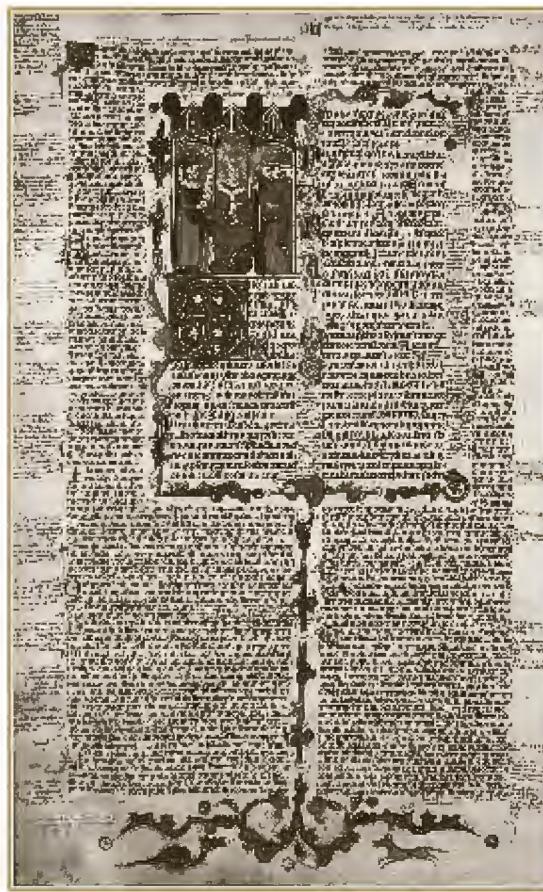
довании объекта антропологии или религиоведения как такового, сколько на базовых вопросах, не касающихся особенностей конкретного источника. Мы полагаем, что необходимо указать на относительно недавно опубликованную и сугубо теоретическую работу, которая стала общим инструментом разных историков в анализе проблемы ритуала¹². Стого говоря, необходимо отметить, что в задачу авторов сборника не входит изучение ритуала, но оно содержится в исследовании идеологии Жижека, и функции ритуала рассмотрены там настолько пристально, что это не может не привлекать внимания. Так, для этого современного теоретика ритуал — это идеологический феномен, который отражает материальную сущность самой главенствующей идеологии. Таким образом, ритуал возникает как внешнее проявление существующей власти и порождает почет в силу бессознательной практики и вертикального характера, характерного для ИАГ¹³. С нашей точки зрения, это утверждение полностью ошибочно. Для начала, наша критика отказывается видеть в характеристике ритуала, предложенной Жижеком, автоматическое и иррациональное явление идеологической конструкции, которое, помимо всего прочего, имеет много общего с концепциями Л.Г. Моргана¹⁴ и, что гораздо важнее, приводит к тому, что ритуал никак не соотносится с конкретной исторической реальностью (об этом Жижек писал в более ранней работе, опубликованной в конце XX в.). Ошибка заключается в том, что, согласно этой теории, ритуал порождает только слова, имеющие отношения исключительно к другим словам. Более глубокое прочтение приводит не к марксистской идеи, а к ее прямой противоположности — концепции Э. Дюркгейма. В этом отношении наши соображения больше соотносятся с понятием ритуала, предложенным А. ван Геннепом¹⁵ и предполагающим, что ритуал указывает на стабилизацию. Так, ритуал создает порядок посредством интеграции в общество различных или разнородных элементов. Такое понимание ритуала как постоянного и автоматического уста-

¹² Žižek S. (comp.) *Ideología. Un mapa de la cuestión*, Buenos Aires. 2003. P. 20–24; см. по-русски: Жижек Сл. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. В. Софонова. М., 1999.

¹³ ИАГ (Идеологический аппарат государства) — по представлению Л. Альтюссера, средство обеспечения господства одного класса, состоящее из целого ряда государственных институтов идеологии. — Прим. пер.; подробнее см.: Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Пер. с фр. С. Б. Рындина // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77).

¹⁴ Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. под ред. М.О. Косвеня. Л., 1933.

¹⁵ Геннеп А., ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / Пер. с фр. Ю.В. Ивановой, А. В. Петровской. М., 1999.

Liber Extra. Страница средневековой рукописи

новления порядка, исходящего от институтов, не позволяет видеть реальность иначе. Однако Манчестерская школа предложила посмотреть на эту проблему в совершенно ином разрезе. Полную противоположность ранее высказанным взглядам представляет собой теоретическая работа Виктора Тэрнера¹⁶, которая основана на результатах полевого исследования. Этот автор определяет ритуал как лиминальную fazу. Эта концепция, полезная в его специфическом исследовании африканского племени ндембу, объясняет сочетание смирения и иерархии, целиком организующее это общество. Выходя за рамки конкретного исследования, нам интересно проанализировать ритуал с этой точки зрения, поскольку «пограничность» ритуала указывает на творческий процесс, который на определенном этапе отличается напряженными отношениями между доминирующими элементами. Таким образом, ритуал далек от того, чтобы быть феноме-

¹⁶ Тэрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура / Пер. с англ. В. А. Бейлиса // Он же. Символ и ритуал. М., 1983. С. 104–264.

ном, отдельным от идеологии; он создается по ее запросу, вырабатывается как практика, запускающая социальные конфликты и в определенном смысле заставляющая «лиминальность» исчезнуть, когда ритуал отмирает (но будет возрождаться каждый раз, когда этот ритуал будет появляться). Эта теория выдвигает на первый план возникновение социального конфликта, поскольку такой конфликт неотделимо присущ институтам и для него не характерно застывание в одном образе.

Итак, чтобы приблизиться к пониманию ритуала в его текстуальной функции (то есть в политическом применении в конкретном тексте, в нашем случае средневековом), мы должны привлечь еще одно, более новое исследование¹⁷, где говорится, что «творческие» ритуалы (работа этого автора посвящена рыцарскому ордену) обладают побудительным принципом. Этот принцип предполагает, что записывание само по себе не создает объекты. Для такого общества, каким было средневековое, то есть для общества, чья структура основывается на концепции порядка, ритуал не просто уравнивает, поскольку напряжение, которое порождено «лиминальностью», отмеченной В. Тэрнером, по мнению Х. Родригеса Веласко, отражает диалектику, вовсе не указывающую на внешний слом социальной структуры, а требующую изучения особенностей этого общества, построенного на *ordines*. Родригес Веласко приходит к выводу, что ритуал не навязан средневековому вооруженному классу извне, а имманентно присущ ему. Более того, чтобы освободить лиминальность от ритуала, а его содержание от конфликтов между источниками власти, по мнению Родригеса Веласко, ритуалы предписывают определенный порядок властных отношений и в каждом случае формулируют соответствующую концепцию власти. Конструирование ритуала подобно определению и описанию систем зависимости внутри данного института, данного общества или другой организационной формы социума. Но конкретная процедура анализа состоит в исследовании формы, которую принимают эти ритуалы, что позволяет изучить порядок ритуала и его отношения с властью. Речь идет о полномасштабном процессе взаимодействия, который в эпоху позднего Средневековья выражался в получении и удержании юрисдикции.

В конечном счете ритуал представляет собой лиминальное явление, которое отражает напряженность в отношениях между источниками власти, его описание в документе отвечает на фактическое инициирование,

¹⁷ Rodríguez Velasco J. Ciudadanía, soberanía monárquica y caballería. Poética del orden de caballería. Madrid, 2009.

в свою очередь, являющееся признаком политического намерения определить взаимоотношения сторон. Пример Альфонсо X иллюстрирует, как это политическое намерение в контексте диалектики *ordo* (порядка) идеально отражает попытку контролировать юрисдикцию. В данном случае эта попытка заключается в определении и последующем подчинении посредством сравнения, зафиксированном в юридическом тексте, который мы рассматриваем.

Анализ форм посвящения и помазания в «Семи Партидах»

В 12-м законе четвертого титула *Первой Партиды* Альфонсо излагает ритуал епископского посвящения, благодаря которому будущие прелаты смогут выполнять свои обязанности. Изложение не свободно от комментариев, что характерно для Мудрого короля; и в данном случае содержит объяснения каждого шага и его символического значения. Выглядит это так:

Помазание миром совершают [...] когда посвящают епископов. Им помазывают елеем темя и руки. И *помазанием голов епископов* дается понять, что они должны быть светлы и чисты изнутри, в сердце своем, перед Богом, и извне, в добре славе своей, перед людьми. Ведь они должны любить Бога всем сердцем и всей волей своей, по разумению своему и возможностям своим, за то добро, которое Он совершил по отношению к роду человеческому, вскормив его и искупив его, управляя им, и воздавая ему награду в ином веке¹⁸.

В этом фрагменте указано, в каком месте следует помазывать епископов, и это место центральное. Елеем помазывают голову, поскольку там располагается «добре разумение» и чистота в момент служения. Таким образом, подчеркивается связь между ритуальным актом и материальными последствиями, и чтобы избежать всяких сомнений, Альфонсо еще раз подчеркивает:

И еще помазание головы означает, что получают они великую честь и великую власть в святой Церкви. **А** помазание рук означает, что они должны постоянно трудиться на благо всех людей, и, особенно, — своих един-

¹⁸ Партиды здесь и далее приводятся в переводе А.В. Марея. — Прим. ред.

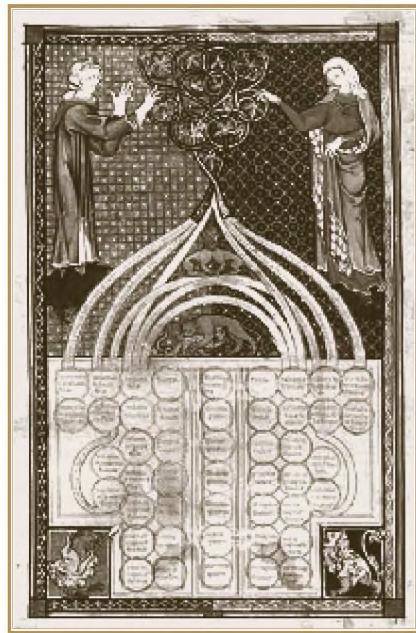
новерцев, — и что они получают власть благословлять и посвящать, и совершать в святой Церкви иные вещи, входящие в их обязанности.

Второй отрывок дополняет первый, и в нем содержится целый ряд индикаторов, которые, возможно, говорят о цели объявления этой нормы. В первую очередь дважды упоминается «святая Церковь» как место, где новому епископу предстоит служение. Следует отметить, что использованная формула «святая Церковь» может означать монументальное сооружение или институт, но при этом оно никак не соотносится с общиной верующих, которую в эпоху Альфонсо X обычно называли словом *cristiandad*. Тем не менее отношения между означающим и означаемым непростые, они подразумевают различия между частным и общим¹⁹ с лексической точки зрения, а также склонность отождествлять представление о месте с «должностью» (епископа посвящают, чтобы он отправлял «службы» в церкви, на которых будут присутствовать христиане). Все это указывает на то, что понятие «святой» используется сознательно в том самом смысле, который оно получило в цивильном праве, начиная с «Кодекса Феодосия» 438 г. Таким образом, светское сознание воспринимает пространство, где происходит священное и сакральное, просто как ограниченное место действия и материал²⁰. Поэтому прежде чем проанализировать представление о должности, необходимо подытожить сказанное выше, а для этого мы должны хотя бы вскользь обратиться к другим случаям использования термина «церковь» в Первой Партиде.

Для начала необходимо пояснить, что представленные нами материалы взяты исключительно из Первой Партиды. Шестьсот пятьдесят случаев появления этого термина мы разделили на три основные группы. Приведем здесь лишь несколько примеров из каждой группы. В первую очередь укажем на самое распространенное и частое употребление: «святая Церковь». В большинстве случаев этот оборот вводится с помощью предлога «в» или же имеет при себе словосочетания, указывающие на церковь, как на некую организацию, «которая сделала», «которая постановила» или «которая утвердила». В этом значении допускается две дополнительные вариации: прилагательные «католическая» и «римская», которые характеризуют эту организацию. Посмотрим на примеры употребления (взятые из рассуждений о крещении в титуле III): «в соответствии с формой, утвержденной святой Церковью» / «Все должны верить

¹⁹ Igna-Prat D. Iglesia y Sociedad en la Edad Media. México, 2010. P. 13–25.

²⁰ Ibid. P.16.

Древо родства. Страница из рукописи «Декрета Грациана»

так, как повелевает святая римская Церковь» / «И это постановила святая Церковь в подражание апостолам» / «И святая Церковь почла за благо, чтобы...» [далее следуют ритуальные формулировки обряда крещения] / «Постановила святая католическая Церковь» [в отношении догматов веры] и т. д. Во втором значении это слово используется гораздо более ограниченно, когда речь идет о какой-то конкретной церкви. Здесь слово *Eglesia* всегда сопровождается каким-то конкретным локативом: [Part. I.4.7] «у врат церкви» / [17] «прихожане церкви» / [18] «в дверях церкви» и т. д. Наконец, мы сталкиваемся с самым редким значением, когда церковью называется христианский мир вообще — во всех прочих случаях для этого используется слово *cristiandad*. Тут мы видим формулу «*Santa Eglesia General*» («всеобщая святая Церковь»). Она появляется в прологе к титулу III, где сказано: «мы твердо верим в одну всеобщую Церковь, в которой спасутся все христиане, а вне которой не спасется никто». Однако здесь наш термин выражает не очевидную идею христианского мира в узком смысле, а скорее идею глобального института²¹, поскольку Церковь преодолевает материальные границы расположения и превращается в создателя социальной жизни посредством контролирующей и других функций, ведь именно благодаря ей обеспечивается

²¹ Guerreau A. El feudalismo un horizonte teórico. Barcelona, 1984; *Id.* El futuro de un pasado. La Edad Media en el siglo XXI. Barcelona, 2002.

спасение. Тем не менее такое значение появляется лишь однажды среди шестисот пятидесяти примеров употребления. Во всех прочих случаях Альфонсо без лишних сложностей говорит *cristiandad*. Поэтому мы можем прийти к заключению, что слово *Eglesia* в Первой Партиде отражает определенный ракурс материальной или институциональной составляющей Церкви.

Итак, раз около шестидесяти процентов случаев употребления этого термина относятся к институциональной сфере, мы можем сказать, что наша гипотеза вполне правдоподобна, поскольку речь идет не исключительно об определенном физическом пространстве, а о юрисдикции, которая в данном конкретном случае представляется в некоем метафизическом или духовном смысле результатом действия.

Каждому христианину, для того чтобы узнать Бога и получить Его любовь, подобает иметь в себе две вещи. Первая из них — это католическая вера, которую он должен исповедовать; вторая — таинства святой Церкви, которые он должен принять. Ведь точно так же, как душа и тело составляют единого человека, а Иисус Христос есть человек и Бог, так же тот, кто исповедует католическую веру и принимает таинства святой Церкви, имеет имя Христа и есть совершенный христианин (Part. I.4, пролог).

В этом законе мы видим определение христианина и, шире, христианства. Таким образом, чтобы понять, каким образом автор представляет себе христианство (здесь как совокупность христиан), необходимо принимать во внимание две составляющие: веру и подчинение этой веры регулирующей власти Церкви, которая становится тем самым институтом, определяющим возможность спасения и других факторов, но обладающим нормативным характером и располагающим официальными служащими, которые руководят паствой. Другой вопрос, стоящий перед нами — является ли эта форма регулирования социальной жизни единственной возможной. На этот вопрос мы даем отрицательный ответ. Из текстов эпохи Альфонсо очень легко понять почему. Хотя Церковь — это единственный настоящий институт спасения и каждый христианин обязан туда ходить, в текстах ни разу не говорится, что тот, кто находится за пределами христианского мира (как совокупности христиан), обязательно является плохим человеком, или лучше сказать, не соответствует общественному порядку. При этом право, которое порождает светская власть, в соответствии с удачной формулировкой Партид, касается всех

без исключения, поскольку, как там сказано, относящееся лишь к христианам только их и коснется (речь идет о тех, кто привержен католической вере и, следовательно, соглашается с ритуальными элементами, превращающими его в «верного христианина» (*acavado cristiano*), принимает их и повинуется им).

Возвращаясь к основной линии нашего исследования, мы сталкиваемся со второй важной концепцией, содержащейся в приведенном отрывке, — «должность» (*oficio*). Этот термин не содержит в себе двусмысленностей, но мы не должны его игнорировать, поскольку он описывает конкретный тип службы, которую должны нести прелаты. В первом законе девятого титула Второй Партиды Альфонсо определяет: «Под “должностью” понимается конкретная служба, на которую назначен человек для того, чтобы служить королю или населению города или местечка». Строго говоря, нужно отметить, что это определение касается чиновников короля, однако само по себе определение должности в «Семи Партидах» обрисовывает четкое поле деятельности и конкретные задачи, которые должен решать указанный чиновник или, в данном случае, епископ. Так же развивается идея конкретной службы и подчинения вышестоящей власти. В целом, идея связать действия епископа с должностю указывает на отношения подчинения в определенной сфере. По словам Альфонсо, обязанности епископа состоят в том, чтобы освящать и благословлять. И вновь — Церковь занимается деятельностью, связанной с материальным миром. Эта мысль становится еще отчетливее, если проанализировать следующий закон.

В Part. I.4.13 Альфонсо пишет:

Согласно Ветхому Закону, королям обычно помазывали голову освященным маслом. Но в нашем Новом Законе их помазывают иным образом, по словам, сказанным Исаией, пророком Господа нашего Иисуса Христа о том, что он — Царь неба и земли и что *владычество на раменах его*. И это исполнилось, когда Ему положили крест на правое плечо [...] И поскольку христианские короли занимают Его место в этом мире для того, чтобы вершить правосудие и право, они обязаны нести все бремя и все труды [...]. Потому их помазывают сейчас священным маслом сзади на правом плече, в знак того, что [...] *Iugum teum suave est & onus teum leve²²*.

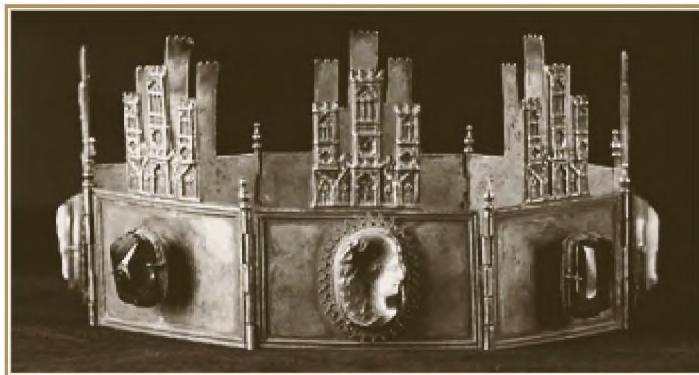
²² Это известный фрагмент из Евангелия от Матфея (11:30) — «Иго мое благо, и бремя мое легко».

Различия бросаются в глаза. В первую очередь другое место выбрано для помазания. Цари, правившие до пришествия Христа, принимали помазание так же, как и епископы — на голове. Но по Новому Завету все иначе — они принимают помазание на плечо, в знак того, что их труды на земле следуют толковать так же, как труды Христа. Отождествление проходит очень деликатно. Хотя его можно истолковать как уподобление человеческой и не божественной природе Христа, однако король в определенной степени ставится в положение попечителя и автора земных пла-нов; и возможно, именно в этой битве Альфонсо было очень важно победить. Для напоминания об этой идеи изменяется и местоположение. Речь идет о власти и о месте, которым владеют короли для реализации своих полномочий, и это земля. Она ничуть не менее важна. Альфонсо желает ограничить поле деятельности епископа Церковью (как институтом), и должность епископа охватывает все, что находится в Церкви (пусть даже само спасение). Эта мысль делает очевидным намерение освободить конкретную политическую сферу действий в пользу мирской власти. Поэтому компетенция короля представлена как всеобщая, тогда как компетенция епископа ограничена его должностю.

Посмотрим на структуру, в которую встроено это рассуждение, чтобы сделать идею ясной. В случае с епископом используется глагол в неопределенной форме *obrar* («действовать») в сопровождении модального глагола, обозначающего обязанность — *deve*. В этой структуре доминирует представление о добровольности, честности, необходимой для выполнения требуемых действий, а король (который в данном случае выступает как всеведущий рассказчик, но в то же время сливаются с законодательным текстом, не теряющим актуальности²³), похоже, выступает в качестве того, кто требует всего сказанного от епископа. В структуре второго процитированного закона мы обнаруживаем наречное высказывание, которое указывает не столько на требования, сколько на природную судьбу, предназначившую короля к определенным действиям. Там присутствует конкретная и неоспоримая цель, связанная с положением короля.

Законы 12 и 13 следует рассматривать, сопоставляя друг с другом. Это неизбежно в силу самого расположения текстов. Кроме того, логическая

²³ Эта мысль, которая очень близка к представлению о «побудительном начале», применительно к Партиям высказана Х. Родригесом Веласко (*Rodríguez Velasco J. La urgente presencia de Las Siete Partidas // La Corónica*. 2010 (38.2). P. 97–134), однако представляется, что более подробно она отражена в моей работе: *Panateri D. Uso, costumbre y fuero en relación al discurso medieval de la soberanía. Alfonso X el Sabio y la glosa de Gregorio López // Temas Medievales*. 2012 (20).

Корона Альфонсо X (она же — корона Санчо IV). *Ризница Толедского собора*

структуря в обоих случаях практически совпадает. Во-первых, вводится ритуальный элемент перехода, за которым следует изложение ключевого материала описанных символических механизмов. В центре логической цепочки — естественная связь между символом и действующей силой.

Помазание миром совершают [...], когда посвящают епископов. Им помазывают елеем темя и руки. *И помазанием голов епископов* дается понять, что они должны быть светлы и чисты изнутри, в сердце своем, перед Богом, и извне, в доброй славе своей, перед людьми [...] *И* еще помазание головы означает, что получают они великую честь и великую власть в святой Церкви. *А* помазание рук означает, что они должны постоянно трудиться на благо всех людей, и, особенно, — своих единоверцев, — и что они получают власть благословлять и посвящать, и совершать в святой Церкви иные вещи, входящие в их обязанности.

Цепочка выстраивается следующим образом: ритуал выполняется по установленному порядку; акцент делается на центральный элемент ритуала, то есть на помазание. Помазание осуществляется на двух частях тела: голове и руках. По мере завершения каждого этапа ритуала, связанного с той или иной частью тела, человек приобретает необходимые качества для исполнения новых функций, связанных с тем органом, который был затронут в ходе ритуала. В целом, существует согласованность между местом, функцией места и связанными с ней последующими действиями. Элементы, которые завершают закон, относятся к локализации пространства («в святой Церкви») и определению «должности» (*oficio*). Последний элемент мы уже охарактеризовали выше в этой главе, а первый дополняет список примеров, с которого мы начали эту главу. В том, что касается синтаксиса, используются паратаксис и, как это обычно бывает в такой структуре, союз *ca*, кото-

рый связывает отдельные элементы предложения, выстраивая отношения субординации.

О королях сказано иначе:

Согласно Ветхому Закону, королям обычно помазывали голову освященным маслом. **Но** в нашем Новом Законе их помазывают иным образом, по словам, сказанным Исаией, пророком Господа нашего Иисуса Христа о том, что он — Царь неба и земли, и что *владычество на раменах его*. **И** это исполнилось, когда Ему положили крест на правое плечо и заставили поднять его, **через что** Он в совершенстве обрел силу и на небе, и на земле. **И поскольку** христианские короли занимают Его место в этом мире для того, чтобы вершить правосудие и право, они обязаны нести все бремя и все труды, выпадающие им ради чести и восхваления креста. **Потому** их помазывают сейчас святым маслом сзади на правом плече, в знак того, что все бремя и все труды, выпадающие им по этой причине.

Связь выстраивается несколько другими способами. Во-первых, здесь присутствует элемент противопоставления, выраженный союзом «но» (*mas*), который приобретает большое значение, поскольку маркирует центральную точку аргументации. Во-вторых, в отличие от предыдущего закона этот начинается с изложения мотивов, по которым ритуал совершается над определенной частью тела, в качестве анафорического элемента, соответствующего тексту о короле. Это позволяет выдвинуть на первый план причину, кроющуюся в самом образе Христа-царя. Такая тактика широко распространена в дискурсе эпохи Альфонсо. Первым делом говорят о неоспоримой истине, чтобы потом с помощью логической связи привязать к первому термину второй, в подоплеке которого лежит конфликт или, по крайней мере, термин, обладающий более низким статусом. В этом фрагменте подобный прием представляется традиционным. Так же формулируется и сообщение о пространстве. Верховная власть Христа переводится на мирской уровень словами «в этом мире». Таким образом «в реальности» помазывают короля в силу занимаемого им места. Так символически завершается цепочка, ведущая от Бога к королям. С другой стороны, наоборот, существует «простой» ритуал перехода, где помазание играет роль символа новых характеристик *нового создания*. Таким образом, епископский ритуал контролирует, нормализует и осуществляет вступление в сан. Королевский ритуал разъясняет и показывает то, что уже присуще человеку, готовящемуся занять этот пост, подчеркивая, что нет власти выше данной ему, но это нужно лишь продемонстрировать с помощью указанных символов.

Заключительные размышления

Если мы оставим в стороне идею уподобления Христа и короля, которая в этом случае намного менее очевидна, чем в других фрагментах того же сочинения или в историографических трудах²⁴, этот анализ позволит нам увидеть, что введение ритуала вступления в должность епископа и короля выдвигает на первый план желание установить границы действий. Это неизбежно проявляется в связи с процессом поглощения юрисдикций, о котором мы упоминали, говоря о властных играх Средневековья. В данном случае указанный процесс представляется сложным, поскольку было бы неразумным предполагать, что Альфонсо хотел управлять таинствами. Как мы видим, на самом деле, он рассчитывал лишить ведущих церковных деятелей возможности действовать в политической сфере²⁵. Именно в этом и заключается смысл того, что о королевском помазании говорят в разделе, посвященном церковным вопросам. Политическая цель заключается в сравнении и противопоставлении (текстуальном), в данном случае только на уровне дискурса. Однако этот продукт сознания, не имеющий функциональных параллелей в XIII в., свидетельствует о напряженных отношениях между факторами власти, которые Мудрый король хотел вывести на первый план, чтобы укрепить королевскую власть и усилить ее юрисдикцию. Поэтому описанный ритуал демонстрирует напряженность, возникающую в результате специфического распределения власти, и предлагает видоизменить целый ряд традиционных факторов²⁶. Однако радикального слома идеологического порядка в правящей сфере не происходит. В целом, вся эта дискурсивная деятельность дает возможность увидеть главное оружие, которым располагал Мудрый король. Конечно, нельзя преуменьшать значение политических целей по сравнению с культурными, но на первый план

²⁴ Fernández Ordóñez I. Los frutos del análisis discursivo: a propósito de una caracterización reciente del modelo historiográfico alfonsí // Incipit. 1997 (17). P. 249–253.

²⁵ Но не в символической, и в этом одна из важнейших черт «диалектики порядка», которая функционирует, но одновременно бережет средневековое общество, построенное на *ordines*.

²⁶ П. Лайнхен (*Linehan P. Pseudo-historia y pseudo-liturgia en la obra alfonsina // España y Europa, un pasado jurídico común*, Actas del I Simposio Internacional del Instituto de Derecho Común. Murcia, 1986) показывает, что уже в каноническом праве той эпохи существовало принципиальное различие в отношении королевского помазания (голова по Ветхому Завету, плечо — по Новому). Однако наша идея объясняет, как вокруг этой нормы происходило конструирование дискурса, видоизменяющего традиционные для той эпохи представления.

выходит символическое значение Партид. Текст, который претендовал на то, чтобы стать крупнейшим (а в реальности и единственным) правовым компендиумом, так им и не стал; даже наоборот, сколько бы его ни возрождали, ни редактировали и ни провозглашали заново, он все равно оставался в категории дополнительного права. Однако непреходящее значение всегда было ему гарантировано, поскольку король сказал своим текстом гораздо больше, чем выразил на словах и смог реально осуществить в свою эпоху. Возможно, это и есть самая существенная характерная черта «Семи Партид», и, с нашей точки зрения, это основа, с которой следует начинать новый анализ этого текста и с новыми силами приступать к его изучению.

REFERENCES

1. *Althusser L.* Ideología y Aparatos Ideológicos de Estado: Freud y Lacan // Buenos Aires: Nueva Visión, 1970.
2. *Bidagor R.* La contribución española al estudio del Decretum Gratiani // *Studia Gratiana*. 1954 (2). P. 529–539.
3. *Bidagor R.* El derecho de las Decretales y las Partidas de Alfonso el Sabio de España // *Acta Congressus Iuridici Internationalis VII saeculo a Decretalibus Gregorii IX et XIV a Codice Iustiniano promulgatis*. 1936 (3). P. 297–313.
4. *Craddock J.R.* La cronología de las obras legislativas de Alfonso X el Sabio // *Anuario de Historia del Derecho Español*. 1981 (51). P. 365–418.
5. *Craddock J.R.* Must the King Obey his Laws? // *Florilegium Hispanicum: Medieval and Golden Age Studies Presented to Dorothy Clotelle Clarke / Geary J. (ed.)*. Madison, 1983. P. 71–79.
6. *Fernández Ordóñez I.* Los frutos del análisis discursivo: a propósito de una caracterización reciente del modelo historiográfico alfonsí // *Incipit*, 1997 (17). P. 249–253.
7. *García y García A.* Fuentes Canónicas de las *Partidas* // *Glossae. Revista de Historia del Derecho Europeo*. 1992 (3). P. 93–101.
8. *González Jiménez M.* Alfonso el Sabio. Barcelona, 2004.
9. *Guerreau A.* El feudalismo un horizonte teórico. Barcelona, 1984.
10. *Guerreau A.* El futuro de un pasado. La Edad Media en el siglo XXI. Barcelona, 2002.
11. *Iogna-Prat D.* Iglesia y Sociedad en la Edad Media. México, 2010.
12. *Linehan P.* Pseudo-historia y pseudo-liturgia en la obra alfonsina // España y Europa, un pasado jurídico común, Actas del I Simposio Internacional del Instituto de Derecho Común. Murcia, 1986.
13. *Lodares J.R.* El mundo en palabras. Sobre las motivaciones del escritorio alfonsí en la definición, etimología, glosa e interpretación de voces // *Cahiers de Linguistique Hispanique Médiévale*. 1996 (21). P. 105–118.
14. *Martin G.* Compilation (Cinq procédures fondamentales) // *Annexes des Cahiers de linguistique hispanique médiévale*. 1997. Vol. 11. P. 107–121.
15. *Morgan L.* Ancient Society. Chicago: Charles Kerr. 1877.
16. *O'Callaghan, J.F.* El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla / trad. cast. por M. González Jiménez. Sevilla, 1999.

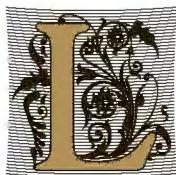
17. *Panateri D.* Uso, costumbre y fuero en relación al discurso medieval de la soberanía. Alfonso X el Sabio y la glosa de Gregorio López // Temas Medievales. 2012 (20).
18. *Perez Martin A.* Fuentes romanas en las *Partidas* // Glossae. Revista de Historia del Derecho Europeo. 1992 (4). P. 215–246.
19. *Rodríguez Velasco J.* Ciudadanía, soberanía monárquica y caballería. Poética del orden de caballería. Madrid, 2009.
20. *Rodríguez Velasco J.* La urgente presencia de Las Siete Partidas // La Corónica. 2010 (38.2). P. 97–134.
21. *Turner V.* The ritual Process. Structure and Anti-Structure. New York: Cornell University Press, 1977.
22. *Van Gennep A.* The rites of passage. Londres: Routledge, 1960.
23. *Žižek Sl. (comp.)* Ideología. Un mapa de la cuestión. Buenos Aires, 2003.

Ключевые слова:

«Семь Партий», текстовое конструирование, политический конфликт.

Daniel Panateri

RITUAL IN THE SIETE PARTIDAS OF ALPHONSO X THE WISE

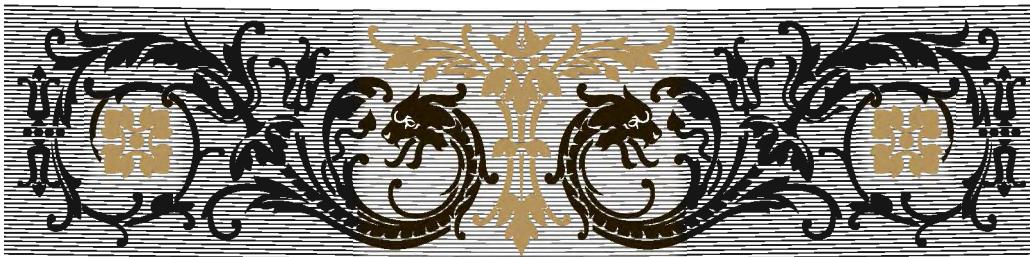

as *Siete Partidas* was the most important secular legal code of the Middle Ages. One of its goals was to legislate on all possible and known topics. This aim can be explained in two ways. On the one hand, as a legal project to give to the rising Spain a legal compendium that would answer all possible questions regarding the preservation of order and peace through civil means. On the other hand, as an ambitious political project that intended to demarcate through royal discourse the areas of activity in which the rest of the world powers could operate.

Based on this second point, the author analyzes the regulation of the ritual dimension of the bishops' and, in parallel, the kings' initiation (P. I, IV, 12 and 13). Leaving aside the possibility of failure or success of this primitive legal code, this analysis provides a textual construction of Alphonsine policy.

Даниэль Панатери

Научный сотрудник, Мультидисциплинарный институт истории и гуманитарных наук, Университет Буэнос-Айреса (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Х. Санчес-Арсилья Берналь

«ТЕОРИЯ ЗАКОНА» В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЬФОНСО X МУДРОГО

емь Партид» Альфонсо X Мудрого, важнейшее сочинение юридического содержания из числа тех, что относятся к скрипторию Мудрого короля, как известно, принадлежит к юридической традиции *ius commune* (общего права) и в особенности римского Юстинианова права. Авторы этого внушительного свода законов были превосходными знатоками римских и канонических источников, которые многие века представляли собой важнейший культурно-юридический фундамент Европы, сохраняющий свою роль и по сей день. Настойчивость, с которой авторы Партид вновь и вновь возвращаются к текстам «Дигест», настолько хорошо известна, что анализ юридического языка великого кодекса Альфонсо X неизбежно будет постоянно приводить нас к текстам Юстиниана и к заключениям, не отличающимся оригинальностью.

В связи с этим я предпочел направить свое исследование другими путями, и результаты его я представляю на суд публики. На самом деле, хорошо

¹ Статья впервые опубликована по-испански в журнале *Alcanate* (vol. VI, 2008–2009, р. 81–123). Перевод с испанского на русский осуществлен с разрешения автора. Перевод статьи выполнен Л.В. Черниной, редактирование перевода проведено А.В. Мареем, при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование "Семи Партид" Альфонсо X Мудрого».

известно, что уже более полувека не стихает ожесточенная полемика вокруг законоодательного творчества Альфонсо X², в ходе которой исследованию подверглись аспекты, связанные с авторством, датировкой, значением, законной силой и взаимоотношениями важнейших юридических текстов — «Королевского фуэро», «Зерцала» и Партид (в данном случае я оставляю в стороне другие юридические сочинения меньшего значения, такие как «Постановление об игорных домах», «Законы обычая» (*Leyes de Estilo*) или «Законы верховных аделантадо»³), также вышедших из скриптория Мудрого короля. Так, например, один из самых дискуссионных вопросов в историографии по истории права связан со смыслом, который Мудрый король изначально вкладывал в «Зерцало» и Партиды. И действительно, не-понятно, почему составление столь масштабного сочинения, как «Зерцало», внезапно было прервано и немедленно началось редактирование Партид. К этому следует добавить еще один спорный вопрос, касающийся практически одновременного составления «Королевского фуэро» и «Зерцала».

По мнению А. Гарсии-Гальо, «Книга фуэро законов», то есть сочинение, известное под названием Партиды, не только не имело законной силы вплоть до XIV в., но и в дошедшем до нас виде было результатом долгого процесса переработки, завершившегося лишь около 1325 г., то есть через много лет после окончания правления Альфонсо X. Этот исследователь полагал, что Партиды замышлялись как крупный энциклопедический компендиум юридической мысли, приобретший со временем силу закона.

А. Иглесия Феррейрос, со своей стороны, посвятил несколько исследований попытке дать удовлетворительный ответ на эти вопросы. По мнению этого автора, каждый из текстов эпохи Альфонсо выполнял конкретную задачу в рамках законоодательной политики этого монарха. «Королевскому фуэро» соответствовали установление нормотворческой монополии короля и конец системы свободного составления права, существовавшей в Кастилии и Эстремадуре; «Зерцало», если верить А. Иглесии, замышлялось с целью юридической унификации всех королевств, хотя этот труд в конце

² Об историографической полемике вокруг законоодательного творчества Альфонсо X Мудрого см.: Sánchez-Arcilla Bernal J. La obra legislativa de Alfonso X el Sabio. Historia de una polémica, en: El Scriptorium Alfonsí. De los Libros de Astrología a las Cantigas de Santa María. Madrid, 1999. P. 17–81. Эта работа была переиздана с целым рядом дополнений в статье: «La obra legislativa de Alfonso X el Sabio», Revista General de Legislación y Jurisprudencia, III época, 2003, N 1 (enero–marzo). P. 107–135 и N 2 (abril–junio). P. 267–297. Мою личную интерпретацию этой проблемы см. во вступительном исследовании к изданию: Las Siete Partidas, Madrid, 2004. P. XIII–XXXVI.

³ Существуют критическое издание и исследование этого текста: MacDonald R.A. *Leyes de los Adelantados Mayores*. New York, 2000.

концов остался незавершенным; и наконец, с помощью Партид монарх хотел добиться обновления права на базе римского права эпохи Юстиниана и канонического права (*ius commune*). В отличие от Гарсия-Гальо, Акилино Иглесия полагает, что Партиды в том виде, в котором они дошли до нас, прошли окончательную редакцию во времена Мудрого короля и с тех пор имели законную силу.

В мои намерения входит не возвращаться к вопросам, по которым я уже изложил свою позицию, а постараться найти ответы на некоторые вопросы, связанные с законодательным творчеством Альфонсо X. Таким образом, речь идет не об анализе юридического языка, а о юридическом анализе языка, цель которого — понять, существуют ли связи между компонентами нормативных предписаний и внутри этих компонентов. Разумеется, имея в виду все творчество Альфонсо, в этом исследовании я ограничусь только анализом некоторых норм, поэтому результаты моей работы можно расценивать только как предварительные. Предварительность объясняется также другим не менее важным условием: в настоящее время не существует критического издания Партид, в отличие от «Королевского фуэро»⁴ или «Фуэро законов» и «Зерцала»⁵. Ссылаясь на эти два текста, я пользовался публикациями Г. Мартинеса Диеса, тогда как цитируя Партиды, я придерживался издания, подготовленного великим кастильским юристом Грегорио Лопесом и считающегося официальным с XVI в.⁶

В целях настоящего исследования я хотел бы сделать еще одну оговорку. Пока что я обойду молчанием различные гипотезы, касающиеся законо-

⁴ Leyes de Alfonso X. II. Fuen Real. Edición y análisis crítico por G. Martínez Díez, Ávila, 1988, на которое мы ссылаемся.

⁵ Leyes de Alfonso X. I. Espéculo. Edición y análisis Crítico por G. Martínez Díez. Ávila, 1985, на которое мы ссылаемся. Этот текст был также издан в книге: MacDonald R. A. Espéculo. Texto jurídico atribuido el Rey de Castilla Don Alfonso X, el Sabio. Madison, 1990.

⁶ Las siete Partidas del Rey Sabio Don Alfonso el nono, nuevamente glosadas por el Licenciado Gregorio López... con un repertorio muy copioso así del texto como de la glosa. Salamanca, 1555. Официальный характер этому изданию придало королевское постановление от 7 сентября 1555 г., по которому судьям предписывалось руководствоваться этим текстом. Нам неизвестно, какие рукописи находились в распоряжении Грегорио Лопеса, но, как он сам сообщает в одной из гlossen (к Р.I.1.19, гlosса 3^a), он пользовался несколькими манускриптами, дополняющими друг друга, и исправлял текст, чтобы избежать противоречий. Очевидно, что Грегорио Лопес обработал несколько рукописей. А. Гарсия-Гальо (*García-Gallo A. El Libro de las Leyes de Alfonso de Sabio. Del Espéculo a las Partidas, Anuario de Historia del Derecho Español*, N 21 (1951). P. 345–528) отметил, что текст Грегорио Лопеса не совпадает ни с одной из ныне известных рукописей, поэтому историческая ценность его издания весьма неоднозначна, однако именно к этой версии проще всего обратиться благодаря переизданию, предпринятыму *Boletín Oficial del Estado*.

творчества Альфонсо X, в том числе свою собственную. Я буду исходить из датировки текстов Альфонсо, принятой до начала дискуссии на эту тему, то есть до 1952 г. Таким образом, я принимаю следующие даты завершения каждого из важнейших источников — 1255 г. для «Королевского фуэро»; также 1255 г. для «Зерцала» и 1263—1265 гг. для Партид.

В каждом из этих текстов содержится титул, посвященный законам, однако если в «Зерцале» и в Партидах титул о «законах» открывает Первую книгу, то в «Королевском фуэро» титул под названием «О законах и их установлениях» оказался шестым в Первой книге. Для тех, кто не очень хорошо знаком с этими сочинениями, стоит отметить, что Первая книга «Зерцала» посвящена церковным вопросам⁷, так же как и вся Первая Партида⁸. В свою очередь в Первой книге «Королевского фуэро» всего два титула — первый и пятый⁹ — связаны с церковными вопросами, тогда как все остальные освещают проблемы «политического»¹⁰ и «юридического» характера. На этом фоне отчетливо видно, что «Зерцало» и Партиды предваряют титулом, посвященным «закону», изложение церковных вопросов и ставят его во главе повествования. Имеет ли какое-нибудь значение эта тенденция, связанная с титулом о законе?

«Королевское фуэро», наоборот, не придерживается этой систематики, и данный титул помещен после изложения церковных вопросов и вопросов, связанных с персонами короля, его детей и отанными им приказами.

Оставив пока в стороне проблему систематики, мне хотелось бы отметить, что в трех важнейших юридических сочинениях Альфонсо X мы видим титулы, посвященные закону, в которых излагается аутентичная общая теория закона — особенно в «Зерцале» и в Партидах. Это обстоятельство дает нам возможность провести предложенный анализ.

⁷ Первая книга содержит три титула; после первого, посвященного «законам», оставшиеся два затрагивают вопросы, касающиеся «Святой Троицы и католической веры» и «вопросов веры».

⁸ Два первых титула Первой Партиды посвящены законам (титул I) и «обыкновению, обычай и фуэро» (титул II); остальные — вплоть до XXIV — охватывают церковные вопросы: «Святая Троица и католическая вера»; таинства; прелаты; клирики; монахи; обеты; отлучения от церкви; отлучения от причастия и интердикты; церкви; привилегии церквей и кладбищ; монастыри; погребения...

⁹ Титул I: «О Троице и католической вере»; титул V: «О хранении имущества святой Церкви».

¹⁰ Титул II: «Об охране королей и их власти»; титул III: «Об охране детей короля»; титул IV: «О тех, кто не повинуется приказу короля»; титул VII: «О должности алькальдов»; титул VIII: «О публичных писцах»; титул IX: «О защитниках»; титул X: «О поверенных или представителях»; титул XI: «О договорах, действительных и недействительных»; титул XII: «О венцах, ставших предметом тяжбы».

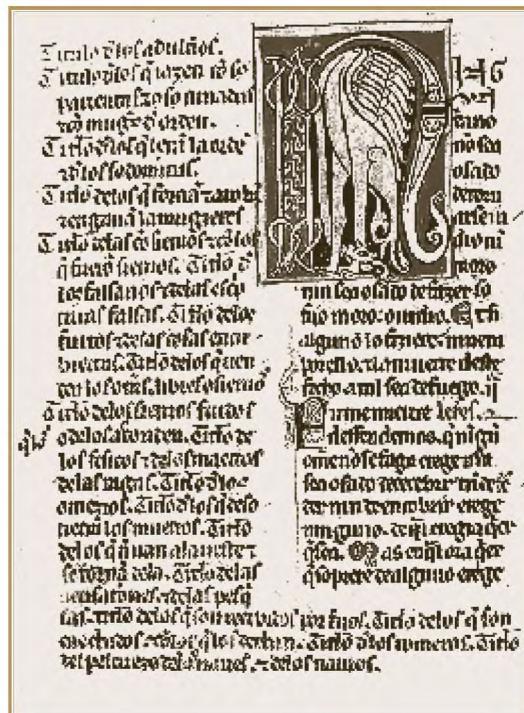
Однако наша гипотеза позволяет пойти еще немного дальше и попытаться связать теорию закона, которая содержится в текстах эпохи Альфонсо, с политической ситуацией, в которой оказалось королевство Кастилии и Леона во второй половине XIII в., а также с ее развитием в следующем столетии.

1. Теория закона в «Королевском фуэро»

В соответствии с целями, с которыми было составлено «Королевское фуэро», задумывавшееся как текст локального характера¹¹, титул о законе не очень обширен и состоит всего из пяти законов. В первом из них содержится определение закона. Однако если под определением мы понимаем операцию, с помощью которой мы пытаемся уяснить, в чем заключается данное явление, то есть, по заветам Аристотеля, производим интеллектуальное ограничение сущности объекта, то здесь мы видим, что автор «Королевского фуэро» предпочел настоящему определению (выражению, посредством которого указывается природа или сущность явления) определение «описательное» или «объяснительное». Такой тип определения состоит в описании сущности явления посредством указания на серию характеристик, которые, как предполагается, составляют это явление.

И действительно, «Королевское фуэро» (FR.I.6.1) описывает и истолковывает закон как «источник воспитания и учителя права и правосудия»; но в то же время это еще и «уложение добрых обычаев», «охрана народа и его жизни» и «охрана короля и его народа». Закон сам по себе еще «любит Божественное и наставляет в нем», а следовательно, в силу всех этих обстоятельств законы адресованы как женщинам, так и мужчинам, как юношам, так и старцам, как мудрецам, так и глупцам, как горожанам, так и жителям деревень; другими словами, автор «Королевского фуэро» описывает общий характер применения закона.

¹¹ И поэтому Мы, дон Альфонсо, милостию Божьей... узнав, что в городе, именуемом Санто Доминго де ла Кальсада, не было фуэро вплоть до Нашего времени, и судились по предцедентам, и по различным суждениям людей, и по несправедливым и противоправным обычаям, от чего происходило много зла и много урона людям и поселениям, и что они просили Нас о милости, чтобы Мы исправили бы им те обычай, которые сочтем противными праву, и дали бы им фуэро, по которому они жили бы в праве отныне и впредь, Мы собрали совет со всем Нашим двором и с людьми, сведущими в праве, и даем им это фуэро, записанное в этой книге, чтобы судились в соответствии с ним как мужчины, так и женщины; и повелеваем, чтобы это фуэро соблюдалось вечно и чтобы никто не осмеливался поступать вопреки ему.

Страница «Королевского фуэро». XIII в.

Этот текст дает понять, что автора «Королевского фуэро» вдохновляли законы 2 и 3 второго титула Первой книги «Книги приговоров»¹² (*Fuero Juzgo*), посвященного «созданию закона»¹³. Принимая во внимание, что «Фуэро Хузго» — это не что иное, как осовремененная романская версия древней «Книги приговоров»¹⁴ (*Liber Iudiciorum*), ясно, почему «Королевское фуэро» позаимствовало описательное определение закона, вместо того чтобы привести «настоящее» определение этого термина, как сделал, например, Исидор Севильский: «Закон есть установление для народа, по-

¹² Не существует также и качественного критического издания «Книги приговоров». Мы пользуемся изданием: *El Fuero Juzgo. Estudios críticos y transcripción*, ed. de J. Perona. Murcia, 2002.

¹³ FJ I.2.2 (=Lex Visigothorum I.2.2): «Что такое закон. Закон нужен для указания на Божественное, он указывает, как правильно жить, и он источник знания, и указывает право, и создает и насаждает добрые обычаи, и управляет городом, и любит правосудие, и наставляет в добродетели, и в нем жизнь всего народа». FJ I.2.3 (= Lex Visigothorum, I.2.3): «Что делает закон. Закон управляет городом и управляет человеком во всю его жизнь. И поэтому он дан мужчинам, как и женщинам, и большим, как и малым, и также мудрым, как и необразованным, и также идеальго, как и вилланам, и дается он прежде всего прочего ради благополучия правителя и народа, и сияет он, как солнце, запища всяческое». Я подчеркнул совпадения между FJ и FR, скорее смысловые, чем буквальные.

¹⁴ Цит. по изд.: Zeumer K. Leges Visigothorum // Monumenta Germaniae Historica. Vol. I. Hannover. P. 33–456.

средством которого благородные вместе с простолюдинами повелели нечто» (*Lex est constitutio populi, qua mayores natu simul cum plebibus aliquid sanxerunt*)¹⁵.

Если составление «Королевского фуэро» началось¹⁶ в первые три месяца 1255 г., то его редакция происходила одновременно с редакцией «Зерцала», причем последняя был прервана в том же самом году. Почему перед редактором «Королевского фуэро» не было титула, посвященного закону, из «Зерцала», и ему пришлось позаимствовать законы из «Фуэро Хузго»?

Несколько лет назад я выдвинул гипотезу о том, что первым крупным юридическим проектом Мудрого короля было «Зерцало», но либо поскольку создание текста затянулось дольше, чем предполагалось, либо поскольку король понял, что правовая унификация Кастильского королевства с помощью текста, обладающего данными характеристиками, обречена на провал, монарх повелел прервать составление «Зерцала» и переключился на создание текста, в большей степени отвечающего потребностям кастильских городов. Таким текстом и стало «Королевское фуэро». Однако на сегодняшний день я в большей степени убежден, что «Королевское фуэро» разрабатывалось независимо от других проектов, реализовывавшихся в королевском скриптории. Если, как полагает Мартинес Диес¹⁷, к 1252 г.

¹⁵ Etym.V.10.

¹⁶ Впервые это фуэро было дано местечку Агилар де Кампо 14 марта 1255 г. Город Саагун получил его 25 апреля 1255 г. Рукопись, опубликованная Мартинесом Диесом, происходит из канцелярии Альфонсо X. Она предназначалась для Санто Доминго де ла Кальсада и датируется 18 июля 1255 г.

¹⁷ В 1979 г. Гонсало Мартинес Диес указал в качестве возможной даты окончания редакции FR 1249 г. По его мнению, связь между законом из FR о гонорарах адвокатов и одной из глав «Цветов законов» (*Flores de las Leyes*), приписываемых магистру Хакобо, подтверждает эту гипотезу. Началась полемика о датировке этого последнего произведения, в ходе которой часть исследователей (А. Гарсия-и-Гарсия, А. Иглесия Ферреррос и А. Перес Мартин) отнесли его составление ко времени, когда Альфонсо X уже был королем, в ответ на что Мартинес Диес сослался на рукописную традицию «Цветов законов», пытаясь доказать, что это сочинение было посвящено Альфонсо X еще когда тот был принцем, то есть в эпоху правления Фернандо III. Этот исследователь пришел к выводу, что ни в рукописной традиции, ни в тексте, ни в контексте «Цветов законов» не содержится аргументов, подтверждающих, что адресатом сочинения был кто-то, кроме Альфонсо X, или, как утверждают некоторые, Альфонсо Фернандеса, незаконного сына Альфонсо X, хотя сам ученый склоняется к первой версии. Мартинес Диес вновь обратил внимание на сведения о монетах, содержащиеся в законе I.8.1 «Королевского фуэро», однако имеющиеся у нас сведения о соотношении монет разных чеканок эпохи правления Альфонсо X не позволяют сопоставить их с таблицей для публичных писцов, содержащейся в законе I.8.1 «Королевского фуэро». Поэтому Г.Мартинес Диес склонен предположить, что FR составлено явно до 1255 г. и с высокой долей вероятности до 1252 г. См.: *Martínez Díez G. Leyes de Alfonso X. II. Fuero Real. Ávila, 1988. P. 91–103.*

Миниатюра из «Фуэро Хузго». 1241 г.

редакция «Королевского фуэро» уже была завершена, то это, по его мнению, объясняет, почему редактор не имел перед глазами «Зерцала» и ему пришлось опираться на «Фуэро Хузго». Отказ от использования сочинения масштаба «Зерцала» заставляет нас думать, что либо редакция «Королевского фуэро» происходила за пределами королевского скриптория — несмотря на то, что впоследствии ее просмотрели «мужи, сведущие в праве» (*omnes sabidores de derecho*), либо «Королевское фуэро» составлялось до начала редакции «Зерцала».

Однако вернемся к первому закону. Обратите внимание, что «Королевское фуэро» ни разу не определяет и не описывает закон как юридическую норму, эта идея проступает только там, где говорится о законе как о «уложении добрых обычаев». Из этого фрагмента можно заключить, что основной источник закона — это обычай; что законодатель ограничивается тем, что поднимает на уровень правовой нормы и без того общепринятую практику, превращая ее в «законное право». В этом случае речь идет не об акте «создания» нового права, а лишь о подтверждении или придании законной силы старому праву¹⁸, которое кроется

¹⁸ О «старом праве» и «новом праве» см.: García Pelayo M. La idea medieval del derecho, en: Del mito y de la razón en el pensamiento político. Madrid, 1968. P. 66–140.

в обычаях. Но анализ законов «Королевского фуэро» может подтвердить, что памятники обычного права вовсе не являются основным источником «Королевского фуэро». В действительности, среди источников, использованных в «Королевском фуэро», присутствуют 157 законов из «Фуэро Сории»; 116 законов из кастильского текста «Книги приговоров»; 17 — из «Старого фуэро Кастилии»; 103 — из провансальского сборника *Lo Codi*; 10 — из «Институций»; 5 — из «Дигест»; 23 — из «Суммы Кодекса Юстициана»; 32 — из «Декреталий» и 82 из других неидентифицированных источников (или обычай?). Если оставить в стороне последнюю группу и считать правом обычного происхождения законы, взятые из «Фуэро Сории» и «Старого фуэро Кастилии», общим числом 174, то они составляют 37% от содержания «Королевского фуэро». Следовательно, обычное право, традиционное для фуэро, вовсе не является важнейшим источником «Королевского фуэро».

Ни в одном законе указанного титула «Королевского фуэро» не говорится, кто имеет право создавать закон, а также в чем состоит процесс нормотворчества. В предисловии Альфонсо X сообщает, что он держал «совет со всем нашим двором и с мужами, сведущими в праве». Отсюда очевидно, что король не сам лично составлял фуэро¹⁹; и независимо от того, кто был фактическим автором или авторами текста, из «Пролога» явствует, что текст был проверен придворными юристами.

Из «Королевского фуэро» со всей очевидностью следует, что только король обладает властью творить законы, но это обстоятельство упоминается исключительно в прологе к этому сочинению: «Поскольку... подобает королю... творить законы». В этом же фрагменте законодательная власть монарха оправдывается тем, «чтобы знали люди, как следует жить, а разлады и тяжбы, возникающие между ними, разрешались бы так, чтобы поступающие дурно несли бы наказание, а добрые люди жили в безопасности». Следовательно, создание «нового права» — это потребность общества и лишь в последнюю очередь проявление судебной власти мо-

¹⁹ Хотя всеми признается, что Альфонсо X был автором FR, невозможно установить степень личного участия монарха в составлении этого сочинения, которым, по признанию того же пролога, занимались «мужи, сведущие в праве». В XVI в. Франсиско де Эспиноса назвал фактическим редактором FR юриста Хакобо Законника, и с этой гипотезой соглашался А. Перес Мартин. Тем не менее Г. Мартинес Диес, исходя из содержания FR, отвергает ее, хотя и признает, что в FR можно найти элементы общего права. Однако по его мнению данное сочинение является попыткой синтеза традиционного кастильско-леонского права с «Книгой приговоров» и местными фуэро, что ставит под сомнение участие в его составлении иностранца, недавно прибывшего в Кастилию, каким был мастер Хакобо (*Martínez Díez. Leyes de Alfonso X...* P. 104—106).

нарха²⁰. Эта власть вновь появляется в «Королевском фуэро» I.6.3, источником которого опять является «Фуэро Хузго»²¹: «Вот какова причина, подвигнувшая нас творить законы: чтобы они обуздывали злодейство людей и жизнь добрых была бы в безопасности, а злые отказались бы от совершения преступлений под страхом наказания».

В «Королевском фуэро» I.6.2 указано, какими качествами должен обладать закон: он должен быть «ясным», то есть признанным всеми; подходящим для общины, «честным», «справедливым», «равным» и «полезным»²². И вновь бросается в глаза связь «Королевского фуэро» с «Фуэро Хузго»²³; так же как и в следующем законе, где оно излагает общий принцип, по которому незнание закона не освобождает от обязанности его выполнять²⁴.

В четырех законах, прокомментированных нами выше, не заложен архетип или парадигма указанных норм. В действительности, указанная норма (деонтическая) имеет структуру, состоящую из трех элементов. Во-первых, предлог в грамматическом смысле слова, именуемый «нормативным» или «деонтическим» предлогом; во-вторых, юридическая, или деонтическая

²⁰ В FR I.5.3 указано, что король получил имя и власть от Иисуса Христа, но эта власть вручена ему, чтобы «творить правосудие на земле», без указания на законотворчество. Эта прерогатива является следствием предыдущей, что подтверждает и «Пролог».

²¹ FJ I.2.5 (=Lex Visigothorum, I.2.5): «Для чего создается закон. Создаются же законы по той причине, чтобы страхом перед ними обуздывалась людская испорченность, и чтобы жизнь невинных была безопасна среди преступников, и те, подвергшиеся законной каре, отвернулись бы от преступлений из страха новых наказаний». Корни этого закона, в свою очередь, лежат в «Этимологии» Исидора Севильского: Etym.V.20: «Для чего делаются законы. Законы делаются для того, чтобы обуздывать ими человеческую дерзость, чтобы невинные были в безопасности среди бесчестных, и даже среди бесчестных желание вредить обуздывалось страхом наказания».

²² FR I.6.2: «Закон должен быть ясным, чтобы всякий мог понять его и не обмануться, и подходящим для этого места, для людей и для этого времени, а также честным, и справедливым, и равным, и полезным».

²³ FJ I.2.4 (=Lex Visigothorum, I.2.4): «Каким должен быть закон. Закон должен быть ясным, чтобы он не вводил никого в заблуждение. Его следует соблюдать по обычаям города, и он должен соответствовать месту и времени. И он должен быть справедливым и равным, честным и достойным, полезным и необходимым...» Ср. с FR I.6.2, приведенным в предыдущей сноски.

²⁴ FR I.6.4: «Всезнание устраняет незнание, поскольку написано, что тот, кто не желает понять, не желает поступать хорошо. И поэтому мы повелеваем, чтобы никто не подумал поступить дурно, говоря, что не знает законов и права, и если он поступит вопреки закону, незнание закона не извинит его преступление». FJ II.1.2: «О том, что каждый должен знать законы. Всякое знание справедливо презирает незнание, как написано: человек не пожелал узнать, как поступать правильно. И из этого следует, что желающий узнать имеет вкус к праведным поступкам. И поэтому пусть никто не осмелится поступать дурно, говоря, что не знает законов и права, ведь поступивший дурно не должен остаться безнаказанным, даже если отговорится, что не знает законов и права. Король дон Флавий Рейесвинт».

норма, то есть суть провозглашенного; именно это высказывание мы называем «нормой» в узком смысле термина. Наконец, положение вещей — это «нормативное» или «деонтическое отношение»; иначе говоря, отношение между субъектом — или совокупностью субъектов — и действием — или совокупностью действий.

Нормативный предлог подразумевает великое множество лингвистических выражений, но среди них есть группа так называемых «модельных». Это значит, что определенные термины выступают как лингвистические генераторы категории правовых предлогов²⁵. Указанные термины-генераторы (базовые или первичные операторы) — это «обязательно», «запрещено» и «разрешено», а также их синонимы. Следовательно, любой нормативный предлог в первую очередь должен содержать намек на один из этих генераторов.

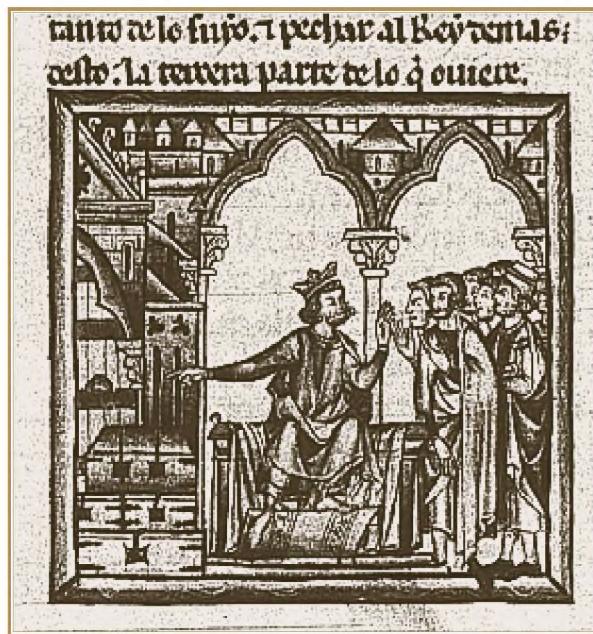
Однако в нормативных предлогах помимо генераторов «обязательно», «запрещено» и «разрешено» можно выделить и еще два компонента. Во-первых, присутствует «описание действия человека» или суть нормы, а во-вторых, «описание условий применения нормы», которые могут быть выражены или подразумеваться²⁶.

«Описание действия человека» в нормативных предлогах часто выражено простым глаголом («убить», «украсть», «клеветать», «нарушать»...), однако порой оно гораздо более подробно («судья, который сознательно вынесет неправедный приговор против обвиняемого в уголовном деле...» — в отношении злоупотребления; или «тому, кто насильственно или запугиванием захватит недвижимое имущество или узурпирует королевское право на чужую собственность» — о противоправном захвате чужого имущества). Описания содержат выражения, которые являются частью нормативных предлогов, но не являются таковыми, потому что в них нет нормативного генератора или функтора.

В свою очередь, «описания условий применения нормы» не обязательно должны быть выражены словесно, как другие категории. Они ссылаются на фактическую ситуацию, которая обусловила введение нормативного предлога: «судья, который сознательно вынесет неправедный приговор...»; «тому, кто насильственно или запугиванием захватит недвижимое имущество...». Наконец, нередко «описания», связанные с нормативным предлогом, ссылаются на другие нормы.

²⁵ Об этих терминах см.: von Wright G.H. Norma y acción: una investigación lógica. Madrid, 1979; Kalinowski G. Introducción a la lógica jurídica. Buenos Aires, 1973; Idem. La lógica del discurso normativo. Madrid, 1975; Capella J.R. El derecho como lenguaje. Barcelona, 1976; Idem. Elementos de análisis jurídico. Madrid, 3^a ed., 2004, особенно с. 61–77.

²⁶ Capella J.R. Elementos de análisis jurídico. P. 65 ss.

Король запрещает отчуждать церковное имущество.

Первая Партида. Рукопись Британского музея

Однако в сфере права мы можем также различать напрямую выраженные нормы (предлоги, обозначающие нормы) и «оценки» или суждения, которые являются основанием для нормы. Благодаря этому различению нормативные предлоги не путаются с оценочными предлогами, которые могут содержаться в нормах.

Указанные четыре закона из «Королевского фуэро» можно отнести к последней группе, то есть к категории законов, содержащих оценочные предлоги. В них содержатся суждения относительно того, каким должен быть закон: «указывает на Божественное»; «наставление в законе и правосудии»; «охрана народа и его жизни»; «подобает королевству и народу»; «честный, и справедливый, и равный, и полезный»; призванный обуздывать людские пороки... В этих законах мы не только не обнаруживаем никакого лингвистического генератора или функтора нормативных предлогов, но и не видим никакого описания действий человека или условий применения нормы. В этих законах субъект и действие не связаны друг с другом нормативными узами.

В связи с вышесказанным я полагаю, что гораздо интереснее содержание закона 5, который завершает этот титул. В нем монарх с самого начала заявляет, что терпимо относится к людям, которые признают «другие законы», поскольку благодаря этому люди становятся более «понимающими» и «мудрыми», но после этого говорит: «Мы не желаем» (запрет = базовый

оператор, функтор), чтобы кто-то судил или разбирал (описание действия человека) тяжбы иначе как «*по законам этой книги, которую Мы даем Нашему народу и приказываем соблюдать*» (описание условия применения нормы). А если кто-то воспользуется в суде другой книгой законов, чтобы судить и разбирать по ней, пусть заплатит королю 500 суэльдо; но если некто будет судить по законам, совпадающим с законами этой книги, и воспользуется ими, то он волен делать это и не понесет никакого наказания»²⁷.

Основные адресаты этого распоряжения — судьи, поскольку речь идет о тяжбах, которые следует судить и разбирать в соответствии с законами, содержащимися в «Королевском фуэро». Но кроме того, распоряжение содержит еще один фундаментальный аспект юридических норм — меру воздействия. Предписанные в нормах санкции состоят в насильтвенных действиях власти и применяются в случае нарушения этих норм.

В отличие от оценочных предлогов, содержащих суждение, в юридической норме предусмотрено, что в случае нарушения фактического условия, присутствующего в условиях применения (судить и разбирать тяжбы в соответствии с законами, отличными от законов «Королевского фуэро»), норма предписывает наказание за такое нарушение. В данном случае «Королевское фуэро» устанавливает возмещение королю в размере 500 суэльдо. Однако в том же законе предусмотрено исключение: если использованные законы совпадают с нормами королевского законодательства, то судья может прибегать к ним, не опасаясь предусмотренного наказания.

Какие законы имел в виду Альфонсо X? Выше мы говорили об источниках, которыми пользовался автор «Королевского фуэро» при составлении своего труда. Больше всего заимствований (157) было сделано из Фуэро Сории²⁸, но этот город 19 июля 1255 г. получил от самого Альфонсо X Королевское фуэро, с условием, что алькальды Сории могут обращаться к старому фуэро в той мере, в какой его установления совпадают с «Королевским фуэро». Но это скорее исключение. В свою очередь, «Фуэро Хузго» имело гораздо более широкое распространение (в Леоне, Толедо, Севилье, Кордове, Хаэне и Мурсии) и, следовательно, было гораздо лучше известно. Из этого я заключаю, что сохранялась возможность судить и разбирать тяжбы в соответствии со 116 установлениями «Фуэро Хузго», которые совпадали с «Королевским фуэро», но это фуэро Мудрый король использовал, главным об-

²⁷ FR I.6.5.

²⁸ В 1120 г. Альфонсо I Арагонский даровал Сории краткое фуэро; это фуэро с рядом новых привилегий подтвердил Альфонсо VII Кастильский в 1143 г.

разом, в Кастилии, то есть в королевстве, где вестготская юридическая традиция не сохранилась. Также я полагаю, что вряд ли возможно было привлекать законы, происходящие из *Lo Codi*, поскольку это сочинение имело гораздо менее широкое хождение; в отличие от *Старого фуэро Кастилии*, однако из последнего в «Королевское фуэро» вошло лишь 17 законов.

Тем не менее остается вопрос, который представляется мне самым важным: в «Королевском фуэро» не предусмотрено никакого дополнительного права; другими словами, при отсутствии нужной нормы невозможно, например, воспользоваться старым местным фуэро или обычаем. Так же как и в других правовых текстах не указано, что в случае лакуны следует обратиться к королю, чтобы тот издал новое постановление. Конечно, как указал в свое время А. Иглесия, именно это было одной из целей внедрения «Королевского фуэро» в Кастилии — положить конец системе свободного создания права, царившей в Кастилии и Эстремадуре²⁹, чтобы предусмотреть отсутствие заменяющей нормы в случае правового вакуума.

С помощью «Королевского фуэро» Альфонсо X в первую очередь заявил о своей законодательной монополии, не только потому что только король обладает властью писать законы — новое право, — но еще и для того чтобы положить конец свободному созданию права из обычая, традиционных законов или прецедентов, которые запрещалось даже привлекать в качестве дополняющего права в случае отсутствия подходящей нормы в «Королевском фуэро». Другими словами, монарх заменял порядок, основанный на традиционном праве, порядком, рационально организованным по воле законодателя — Альфонсо X.

Во-вторых, Мудрый король обновил с помощью «Королевского фуэро» кастильское право, выпустив новый корпус, состоящий из текстов различного происхождения. Лишь треть из них имеют кастильские корни — *Фуэро Сории* и *Старое фуэро Кастилии*, а две трети взяты из других источников. Самые важные с политической точки зрения законы взяты из «Фуэро Хузго», то есть происходят из римско-вестготской традиции.

В-третьих, нововведение Альфонсо X предполагало введение законодательной монополии короля в главных городах Кастилии, на которые было распространено «Королевское фуэро». В действительности, в соот-

²⁹ См. об этом: *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X el Sabio y su obra legislativa: algunas reflexiones*. Anuario de Historia del Derecho Español (AHDE), N 50 (1980). P. 445–465; «Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores». Historia Instituciones Documentos, N 9 (1982). P. 9–112; «Fuero Real y Espéculo». AHDE, N 52 (1982). P. 111–191; «Cuestiones alfonsinas». AHDE, N 55 (1985). P. 95–149; La labor legislativa de Alfonso X el Sabio. en: *España y Europa. Un pasado jurídico común*. Murcia, 1986. P. 275–599.

ветствии с «Королевским фуэро», назначение алькальдов должно было оставаться прерогативой монарха³⁰, что представляло собой прямой выпад против привилегий самоуправления, которые кастильские города накапливали с XII в.

Наконец, «Королевское фуэро» также использовалось как инструмент юридической унификации права в Кастилии, а впоследствии также в Эстремадуре, под предлогом, что те «*судятся по прецедентам и различным суждениям людей, и по несправедливым и противоправным обычаям*».

Юридическая монополия и конец всего предшествующего права оказались достаточными причинами, чтобы королевская политика оказалась неудачной; как известно, в 1272 г. Альфонсо X был вынужден отозвать «Королевское фуэро» и подтвердить старые законы всех кастильских городов и местечек.

2. Теория закона в «Зерцале»

Нам неизвестна дата, когда начали составлять «книгу, являющуюся зерцалом права», а также когда этот труд был закончен или прерван. Из пролога к «Зерцалу» можно логически вывести некоторые сведения. В первую очередь предназначение, которое монарх видел для этого текста:

И поэтому Мы, дон Альфонсо... понимаем и видим зло, порожденное и восставшее в Наших землях и Наших королевствах из-за множества фуэро, существовавших в различных городах и краях, так, что одни судились по фуэро из неполных и незавершенных книг, а другие — по несправедливым и противоправным прецедентам, а некоторые из тех, кто владеет указанными неполными книгами и судят по ним, уничтожают и изменяют тексты на пользу себе и во вред людям. И по всем этим причинам убывали справедливость и право, ведь те, кто должен был судить, не могли выносить верные и полные приговоры, а те, кто понес ущерб, не могли добиться права, как должны были. И поэтому Мы, упомянутый король дон Альфонсо, видя и понимая все это зло, умножившееся по указанным

³⁰ FR I.7.2: «*Никто пусть не осмелится разбирать тяжбы, если он не алькальд, назначенный королем, или если стороны не выбрали его к обоюдному согласию, чтобы рассудить их, или если король не уполномочил его специальным письмом разобрать определенную тяжбу...*»

причинам, которые Мы упомянули, составили эти законы, записанные в этой книге, являющейся зерцалом права, чтобы судились в соответствии с ними все люди наших королевств и нашей сеньории³¹.

Как видно, существует известное сходство между прологом «Королевского фуэро» и прологом «Зерцала». Мудрый король оправдывает дарование «Королевского фуэро» всем жителям указанного города, поскольку «до настоящего времени у них не было фуэро, и они судились по прецедентам и обычаям людей, дурным и противоправным обычаям, от чего происходил большой вред и ущерб людям и народу...» Теперь он оправдывает составление «Зерцала» «множеством фуэро, существующих в городах и землях и различающихся во многом, когда одни судятся поискаженным и незавершенным фуэро, а другие — по несправедливым и противоправным и бесправным прецедентам...»

В первом случае составление «Королевского фуэро» объяснялось отсутствием фуэро, в связи с чем людям приходилось судиться в соответствии с прецедентами, обычным правом и «несправедливыми обычаями». Во втором случае составление «Зерцала» обусловлено множеством фуэро, существовавших в городах. Одни управляются фуэро, которые записаны в «искаженных и неполных книгах», и, как будто этого недостаточно, другие скрывают и изменяют содержание установлений, записанных в этих фуэро. В свою очередь, в третьих городах используют «несправедливые и противоправные прецеденты». Представляется очевидным, что в данном случае Альфонсо X имел в виду кастильские города и местечки, но имел ли он в виду Леонское королевство, говоря о городах, которые руководствуются фуэро из «книг»? Возможно. И я считаю, что это возможно, поскольку немного ниже монарх излагает источники, положенные в основу его новой книги: «и мы выбрали из всех фуэро наиболее действительное и лучшее и изложили его, как по Фуэро Кастилии, так и по Фуэро Леона, и по фуэро других мест, которое мы сочли справедливым и разумным, не забывая о законе, которому они должны соответствовать». Новая книга задумывалась для того, чтобы по ней судились «все люди наших королевств и нашей сеньории». Следовательно, если одной из целей «Королевского фуэро» была унификация права Кастилии и Эстремадуры, то с помощью «Зерцала» король рассчитывал унифицировать право всех своих королевств.

³¹ Espéculo, proem., ed. cit. P. 101–102.

Так что поначалу, после восшествия на престол в 1252 г., политика короля ограничивалась унификацией права Кастилии; с этой целью прежде чем начать составлять «Зерцало», он поручил редактировать «Королевское фуэро» хорошему знатоку кастильско-леонского права (Фернандо Мартинесу де Саморе? В Серватосе?). После этого он задумался об унификации уже не только кастильского права, а всего права всех своих королевств; именно тогда коллективу придворных юристов было доверено составление «Зерцала». Но, возможно, из-за трудностей, с которыми столкнулся этот проект, когда в 1255 г. было закончено составление «Королевского фуэро», он решил прервать и работу над «Зерцалом» и инициировать другое, более амбициозное начинание, имевшее другие цели.

В любом случае, сейчас мне хотелось бы подчеркнуть, что посредством «Зерцала» Мудрый король хотел начать реализацию амбициозного плана по унификации права всех «королевств и наших владений», а не только в Кастилии. В рамках этого плана он также собирался обновить традиционное право с помощью нового юридического текста, где монарх присваивал себе монополию не только в управлении правосудием, но и в создании нового права.

Если в «Королевском фуэро» содержалось пять законов, посвященных теории права, то «Зерцало» посвящает этому вопросу 13 законов. Очевидно, назначение самого текста оправдывало более внимательное отношение к этой теме, и здесь можно обнаружить позицию, отличающуюся от той, которую мы видели в «Королевском фуэро».

Так же как и в «Королевском фуэро», объяснение, что такое закон, не ссылается на короля, однако здесь присутствует прием, указывающий на источник — и этот прием мы увидим впоследствии также и в Партидах (PART)³². По этому поводу «Зерцало» сообщает, что «*Закон означает то же, что наказание и наставление, записанное, чтобы человек, прочитав его, не поступал бы дурно, или которое заставляет его стать законопослушным, поступая по праву*». Но обратите внимание, что авторы «Зерцала» не ищут терминологического эквивалента и не объясняют слово посредством других, более употребительных слов. Вместо этого они указывают на последствия закона или, лучше сказать, на последствия,

³² О техниках дефиниций, используемых в «Партидах», см.: *Rubio Moreno L.M.^a. Leyes de Alfonso X. III. Contribución al estudio de las definiciones léxicas de «Las Partidas» de Alfonso X el Sabio*. Ávila, 1991. Р. 11–14. Не содержит теоретического обзора, но придерживается римских текстов исследование: *Zurita R. Textos de definiciones romanas y de Partidas*. Madrid, 1973. Также полезен словарь: *Allen Van Scoy H. A Dictionary of Old Spanish Terms Defined in the Works of Alfonso X*. Madison, 1986.

которые наступят в случае нарушения закона, то есть на наказание. Синонимом закона будет не норма или приказание, а кара. И эта кара будет наложена на человека, чтобы он не поступал дурно и действовал бы по праву.

В законе 1 первого титула Первой книги мы встречаем другое определение закона, в данном случае выраженное с помощью иных синонимов: «*Эти законы являются соглашениями и установлениями и фуэро, чтобы люди знали, как себя вести и придерживаться веры Господа нашего Иисуса Христа сполна, какова она есть, а также чтобы люди жили друг с другом по праву и справедливости*». Обратите внимание, что текст гласит, что законы, собранные в «Зерцале», представляют собой три различных типа норм: «соглашения», «установления» и «фуэро». Стоит спросить, а являются ли «соглашения», «установления» и «фуэро» подвидами законодательного жанра? Или это разные типы норм, которые король благодаря присущей ему законодательной власти превратил теперь в законы? Рассмотрим этот вопрос по частям.

a. «Соглашения» (*posturas*). Термин «соглашение» означает договор, контракт, условие³³. «Зерцало» (I.1.7) определяет его не описательно, а через королевское постановление: «*А соглашением называется всякий добродушный уговор, который устанавливает король или другой человек по его приказу, или заключают люди между собой, и который служит общему благу королевства или отдельных указанных мест, и после этого король утверждает его, и подтверждает посредством привилегии или хартии, или приказывает соблюдать*». Но я хотел бы обратиться к конкретным «соглашениям», которые обладают особой ценностью, поскольку были приняты кортесами.

Традиционно считается, что первыми кортесами на Пиренейском полуострове была Курия, созванная королем Альфонсо IX Леонским, на которой присутствовали «выйборные граждане из нескольких городов» (*electis civibus ex singulis civitatibus*). Оставив пока в стороне проблему датировки этого собрания³⁴ — по всей вероятности, оно состоялось в первые годы XIII в., а не в 1188 г., как принято считать — в данный момент

³³ См. примеры, собранные в словаре: Sánchez N. Diccionario español de documentos alfon-síes, dirigido por. Madrid, 2000, «*postura*». P. 344.

³⁴ О проблемах, связанных с этими кортесами, см.: Estepa Díaz C. La Curia de León de 1188 y los orígenes de las Cortes, en: Las Cortes de Castilla y León 1188–1988. Valladolid, 1990. Vol. I. P. 19–39. В этом же сборнике см. также: Prieto y Prieto A. La autenticidad de los De-cretos de la Curia de 1188 (Notas urgentes). P. 41–58.

мне хотелось бы отметить, что постановления, изданные там королем, приняли форму «*decreta*», а не «*leges*»³⁵. Это явление, вероятно, объясняется влиянием канонического права. Тем не менее в тот же период, после 1208 г., Альфонсо IX впервые созвал кортесы в Леоне и в открывшей их речи, в достоверности которой уже нет сомнений, сообщил, что после долгих размышлений «*со всеобщего согласия выпустил этот закон (legem), который надлежит соблюдать мне и всем моим потомкам*»³⁶. Можно предположить, что отраженная здесь разница между «*decreta*» и «*lex*» состоит в том, что последний является плодом добровольного согласия всех присутствующих. Мы встречаемся здесь с первоначальным смыслом, который имел термин «*lex*» в Древнем Риме, где он был синонимом договорной нормы, достигнутой в результате консенсуса всего «*римского народа*» (*populus romanus*). Эту традицию, как мы видели выше, позаимствовал для своих «Этимологий» Исидор Севильский³⁷. Но чуть ниже сам Альфонсо IX называет норму, провозглашенную на этих кортесах, «*нашей конституцией (nostri constitutionis)*»³⁸. «Закону» (*lex*) Исидор противопоставляет «конституцию или эдикт» (*constitutio vel edictum*), которые «*король или император постановил или издал*» (*rex vel imperator constituit vel edicit*), но всё, кроме Исидоровой традиции, указывает на то, что равнозначность «*lex*» и «*constitutio*», берущая начало в Риме III в., проникла в Леонское королевство через посредство «Книги приговоров», во многих нормах которой слова «*lex*» и «*constitutio*» используются как синонимы.

Следует указать на тот факт, что монарх пользуется возможностью создавать новое право, как предписывается старым вестготским кодексом и текстами Юстиниана, которые в тот период уже начали распространяться на Пиренейском полуострове³⁹. Соглашения, принятые кортесами, по воле короля превратились в «конституции».

³⁵ Cortes de los antiguos Reino de León y de Castilla (CLC). Madrid, 1861. I. P. 39–42.

³⁶ CLC. I. P. 47.

³⁷ Etym.V.10: Lex est constitutio populi, qua mayores natu simul cum plebibus aliquid sanxerunt.

³⁸ В старокастильском тексте этих кортесов сохранилось еще четыре соглашения. В параграфах 7 и 9 речь опять идет о характере «конституций», который монарх хотел придать им: «... после того как эти конституции будут опубликованы...» — CLC. I, 7 P. 50; «Также Мы создаем такую конституцию...»; «...после того как эти конституции будут обнародованы в их краях...»; «...после того как Мы вновь устанавливаем наши конституции в Леоне...» — CLC. I, 9. P. 51.

³⁹ Это отражено в материалах Леонских кортесов 1208 г.: как свидетельствует как цивильное, так и каноническое право, истец следует фуэро ответчика. — CLC. I, 5. P. 48.

Король представляет епископам светских патронов.
Первая Партида. Рукопись Британского музея

На первых кортесах, собравшихся в правление Альфонсо X, а именно на Севильских кортесах⁴⁰ 1252 г. король начал свою речь с заявления, что он видел «соглашения, которые заключили король дон Альфонсо, мой прадед, и король дон Фернандо, мой отец, ради блага своего, и своего народа и всего их королевства... и вы указали мне на вред, который претерпели из-за того, что соглашения не соблюдались так, как были заповеданы». После этого король признал, что практика заключения «соглашений» между монархом и представителями жителей королевства восходит ко временам Альфонсо IX и Фернандо III. Невыполнение этих договоров привело к тому, что пришлось вмешаться Альфонсо X, который говорит, что «соглашения же составляйте, посоветовавшись и заручившись согласием моего дяди дона Альфонсо де Молина и моих братьев дона Федерико, и дона Фелипе, и дона Мануэля, и епископов, и магнатов, и рыцарей, и монашеских орденов, и добрых людей городов, и других добрых людей из моего окружения»⁴¹.

⁴⁰ García Ramíla I. Ordenamientos de posturas y otros capítulos generales otorgados a la ciudad de Burgos por el Rey Alfonso X. Hispania, t. V, N 19 (1945). P. 179–235; N 20 (1945). P. 385–439; N 21 (1945). P. 605–650. Первое «постановление», изданное в Севилье в 1252 г., опубликовано на с. 204–222; второе «постановление» Вальядолидских кортесов 1258 г. — на с. 224–235. Севильское «постановление» 1252 г. ранее уже издавалось М. Бальестеросом: Ballesteros M. Las Cortes de 1252. Anales de la Junta para ampliación de estudios e investigaciones científicas, t. III (1910). Memoria 3^a. P. 113–143.

⁴¹ Ordenamiento de posturas, ed. cit. P. 205.

Содержание «соглашений» самое разнообразное. Среди них преобладают документы экономического характера, в которых устанавливаются тарифы на разные товары, но немало также распоряжений фискального и процессуального характера.

Тем не менее я хотел бы отметить, что хотя «постановление» представляется нам плодом консенсуса, договоренности между королем и королевством, все «соглашения» начинаются с глагола «приказывать» («приказываю» / «также приказываю»), а в некоторых случаях король ссылается на эти документы, называя их «мое повеление» (*mio mandamiento*)⁴². Большинство «соглашений», соответственно, отражают реальность в форме нормативных предлогов, а многие из них содержат также санкции для нарушителей, которые поступят вопреки указанному.

На Вальядолидских кортесах 1258 г. мы обнаруживаем такую же ситуацию. Монарх приказывает, «чтобы все грамоты, которые были составлены по поводу отдачи денег в рост до издания этого соглашения, пусть будут исполнены так, как было до этого соглашения, и пусть исполняются в течение четырех лет после этого соглашения, а потом станут недействительны. И если некто возьмет большие назначенного этим соглашением, пусть потеряет право требования»⁴³. В конце протоколов кортесов содержится королевское распоряжение: «И я, указанный король дон Альфонсо, приказываю вам, чтобы вы сохраняли и соблюдали все вышеизложенные соглашения. И повелеваю, чтобы никто не осмеливался нарушать их или преступать хоть в чем-нибудь, а нарушивший поплатится мне жизнью и всем своим имуществом. А если случится так, что кто-то нарушит их, то приказываю алькальдам и судье взять добрых поручителей и достойный залог, чтобы он предстал передо мной, а я назначу ему такое наказание, которое приличествует тому, кто преступает клятву и нарушает повеление сеньора»⁴⁴. В свете этих текстов не остается сомнений, что договоры, утвержденные королем и представителями королевства в кортесах, имели статус «соглашений». Как и на Севильских кортесах в 1252 г., реализация соглашений происходит по приказу монарха, в соответствии со сказанным в «Зерцале»: «а после этого провозгласил это король, и подтвердил привилегии и хартией, и повелел соблюдать».

⁴² Как, например, в «соглашении» 12: *qualquiere que este mio mandamiento pasare — ed. cit. P. 209.*

⁴³ CLC. I, 30. P. 60.

⁴⁴ CLC. I, in fine. P. 63.

На Севильских кортесах⁴⁵ 1261 г. договорной характер постановлений не настолько прозрачен, хотя он и явствует из обращения короля к консеко епархии Асторги, составленного на этих кортесах: «...И на этот счет мы достигли согласия и будем блюсти те вещи, которых лучше всего следует придерживаться...»⁴⁶ Предписывающий характер протоколов несомненен, но важно иметь в виду, что данный документ содержит не сами протоколы заседаний кортесов, а сообщение об их решениях, направленное консеко Асторги, отсюда косвенное упоминание текста. Тем не менее решения кортесов все еще имели характер пакта. Это очевидно проявилось на Хересских кортесах 1268 г., на которых Альфонсо X утвердил систему, гарантирующую исполнение соглашений, достигнутых в его присутствии⁴⁷.

На кортесах, созывавшихся последующими королями, термин «соглашение» больше не будет использоваться, но это не помешало представителям консеко Кастилии, Леона и Эстремадуры на Паленсийских кортесах 1286 г. заявить Санчо IV о «некоторых обременениях», которые монарх счел правильным заслушать и возместить⁴⁸. В конце протоколов кортесов содержится сообщение, что король взял на себя обязательство блюсти все пожалования «твердо и незыблемо» и «пообещал» не нарушать их; так, будто действие всех достигнутых там соглашений зависело исключительно от обещания монарха. По-видимому, слова короля проникнуты духом «соглашения», договора⁴⁹. И такой же характер обещания имеют некоторые ответы⁵⁰, данные Санчо IV на кортесах в Аро 1288 г. Однако на Вальядолидских кортесах 1293 г. обещания, данные королем представителям городов Кастилии⁵¹ и Леона⁵², не содер-

⁴⁵ См.: González Jiménez M. Cortes de Sevilla de 1261. HID, N 25 (1998). P. 295–311, особенно с. 301–305, откуда взяты цитаты.

⁴⁶ Севильские кортесы 1261 г., ed. cit. P. 301.

⁴⁷ *E para faser guardar todas estas cosas e posturas tengo por bien e mando que en todo lugar quellos alcaldes o el merino, o el alguacil o la justicia, o los que y fueren, que tomen dos omme buenos e sabidores de cada collacion e que les fagan jurar sobre santos evangelios que guarden bien e conplida mente todas estas posturas, e cada domingo que rrecudan a ellos e queles digan e queles muestren aquellos quelas posturas pasaren, e los escarmienten e lieuen dellos los cotos e las penas asy como son puestas; e sy aquellos que dieren para esto non lo sopieren, o lo por otra parte sopieren, que entonces ayan aquella pena que los otros avian de ayer; et sy aquellos jurados les mostraren los que quebrantaren las posturas, e los alcaldes o las justicias, o el merino o el alguacil que fueren enel lugar non lo escarmentaren asy como sobre dicho es, que yo faga enellos aquel escarmiento quelo otros ouieren de ayer.* — CLC. I, 49. P. 84–85.

⁴⁸ О правлении Санчо IV см.: Nieto Soria J. M. Sancho IV (1284–1295). Palencia, 1994.

⁴⁹ CLC. I, in fine. P. 99.

⁵⁰ CLC. I, 20 и 21. P. 104–105.

⁵¹ CLC. I, in fine. P. 116–117.

⁵² CLC. I, in fine. P. 130.

жат формулы компромисса, наоборот, король говорит о «милостях», то есть о даровании постановлений. Термин «*соглашение*», обозначавший договоры, заключенные между королем и королевством, исчезает из актов кортесов. Чем объясняется такая перемена?

Разумеется, данная тема заслуживает более подробного исследования. Совершенно ясно, что монарх предпочел, чтобы договоры приняли характер милости или привилегии. Ответ на этот вопрос, возможно, содержится в одном из Законов *обычая* (*Leyes de Estilo*). Как известно, это сочинение представляет собой сборник из 252 «обычаев» или практик придворного суда, критического издания которого до сих пор не существует⁵³. Его составление, видимо, завершилось к 1300 г., и туда вошли «*обычаи*» эпохи Альфонсо X, Санчо IV и Фернандо IV.

В законе 238 придворного суда перечислены случаи, когда можно «*отменить*» писаное право, то есть законы. В соответствии с этим постановлением можно принять решение, противоречащее писаному праву, во-первых, по «*принятыму обычаю... если он разумен*». Во-вторых, по «*соглашению, заключенному между сторонами*». В-третьих, по «*королевскому прощению, когда он отменяет приговор*». В-четвертых, «*когда создают новый закон, имея намерение его создать, хотя он противоречит иному писаному праву*». И наконец, по «*естественному праву*», когда оно «*противоречит позитивному праву*»⁵⁴.

Если верить упомянутому «*обычаю*», соглашение могло отменить писанный закон. Очевидно, монарх вряд ли был согласен с тем, что политические компромиссы, достигнутые на кортесах, были в состоянии отменить закон или королевское «*повеление*». Введение этого «*обычая*» в политический обиход означало ни больше ни меньше как разделение с представителями королевства «*власти провозглашать законы*» (*potestas condendi leges*). Если на уровне частного права пакт — «*соглашение*» — между сторонами превращался для тяжущихся в закон, то договоры, заключенные кортесами в ранге «*соглашений*», оказывались правомочны изменить королевское законодательство. Короли сознавали, что, принимая во внимание шаткое экономическое положение, в котором они пребывали постоянно, представители королевства могли шантажировать

⁵³ В сборнике *Opúsculos legales del Rey don Alfonso el Sabio*, опубликованном Королевской исторической академией (Madrid, 1836. Р. 235–338), содержится версия Законов *устава*, представленная в рукописи, которая хранится в библиотеке Эскориала и на которой основаны все последующие издания.

⁵⁴ Leyes del Estilo, 238, ed. cit. Р. 332. Очень показательно, что *Партиды* не засчитывают «*соглашений*» среди вещей, способных отменить закон. См. Р. I.2. проем.

Король-судья.
Миниатюра
из «Книги добрых
наставлений Санчо IV».
Рукопись XV в.

их посредством «соглашений» и заставить не только изменить все старое законодательство, но и создавать новое право. В свете этого обстоятельства становится яснее, что решения кортесов перестали технически быть «соглашениями», и хотя политические переговоры никогда не прекращались, представители кортесов теперь «просили милости», а монарх оказывал им ее. Милости, так же как и соглашения, имели вид *привилегий, грамот или повелений*.

С правления Санчо IV совокупность пожалований, сделанных королем в ответ на прошения, поданные ему представителями (прокураторами) королевства, начинают называть «уложением» (*ordenamiento*)⁵⁵.

В период малолетства Фернандо IV Леоно-Кастильское королевство переживало трудные моменты⁵⁶; поэтому неудивительно, что на первых кортесах, созванных доньей Марией де Молина и инфантом доном Энрике и состоявшихся в Вальядолиде в 1295 г., мы вновь находим компромиссы и обязательства уважать пожалования, сделанные там. Более того, опекуну, инфанту дону Энрике, пришлось поклясться на Евангелии

⁵⁵ В правление Альфонсо X, в 1274 г., состоялись важные кортесы в Саморе, от которых сохранилось несколько «законов и уложений» (*leyes e ordenamientos*; CLC. I. P. 87–94); однако, как указывал еще Колмейро в издании Королевской исторической академии, не сохранилось ни одной подлинной рукописи или позднейшего списка протоколов этих кортесов, на основании которых можно было бы издать их материалы. Опубликованный документ представляет собой отрывок из решений, принятых на этих кортесах, но выполненных после смерти Альфонсо X, в связи с чем мало доверия внушают слова «законы и уложения», помещенные в заглавии изданных материалов, а также «уложение» в конце документа (р. 94).

⁵⁶ См.: González Mínguez C. Fernando IV. 1295–1312. Palencia, 1995.

и кресте, что он будет соблюдать и исполнять все, что было принято на кортесах⁵⁷.

Тем не менее несколько лет спустя, по-видимому, произошли существенные изменения. В этом отношении очень показательно прошение, поданное монарху городами и mestechkami на cortesах в Medina del Campo в 1302 г., по поводу подтверждения их привилегий. Фернандо IV ответил, что он почел «за благо, чтобы все утвержденное и пожалованное на cortesах нашего правления относительно прошений, поданных нам от жителей королевства в целом, и от указанных консехо в частности, было действительно и соблюдалось, и в этом не совершили бы никаких нарушений»⁵⁸. Это прошение показывает, что договоры, принятые на cortesах, не имели законной силы; поскольку обычную норму, то есть закон, нет необходимости «подтверждать». Тогда как эти договоры имели обозначенный в «Зерцале» характер «привилегий», которые монарх обязался уважать. В конце протоколов этих cortesов король называет пожалования городам «милостями». Пакт или компромисс — «соглашение» — заменила милость; милость, которую король превращает в «уложение»⁵⁹ (*ordenamiento*).

б. «Уложения». Теперь нам следует задаться вопросом о том, какова была законодательная сила «уложений». Имели ли они характер закона? Я думаю, нет. И к такому ответу нас подталкивают протоколы cortesов в Medina del Campo 1305 г.

Документ, данный в этом городе кастильским консехо, Фернандо IV начинает с того, что одно из свойств, дарованных королям Богом, это «оказывать благоволение и милость», и оказывающий их король должен учитывать три условия: «первое, что милость оказывается тем, кто о ней просит; второе — польза и вред, которые могут произойти, если он ее окажет; третье — какой местности оказывается милость и заслуживают ли ее жители этой местности». Король продолжает: «мы хотим, чтобы знали, посредством этой нашей привилегии...»⁶⁰. Далее он рассматривает прошение представителей, которые ходатайствуют, чтобы король соблюдал «свои фуэро, и привилегии, и хартии, и

⁵⁷ CLC. I, in fine. P. 132–133. В том же духе выдержано уложение, пожалованное прелатам в ходе тех же cortesов (CLC. I. P. 134).

⁵⁸ CLC. I, 3. P. 162.

⁵⁹ CLC. I, 14. Otros a lo que me pidieron queles non mandase tomar chacelleria por estos ordenamientos; tengolo por bien et otorgo gelo.

⁶⁰ CLC. I, proem. P. 172–173.

милости, и вольности, и свободы, и уложения, и добрые обыкновения, и добрые обычаи...». На это монарх ответил, что он счел правильным уважать свои «*фуэро, и свои привилегии, и хартии, и милости, и вольности, и свободы, и уложения, которые те имеют, и добрые обыкновения, и добрые обычаи, которых они всегда придерживались*»⁶¹. Если бы «*поповеления*» имели характер всеобщего закона, то не было бы нужды в их подтверждении.

В ответе на более позднее прошение Фернандо IV ссылается на одно из решений, записанных в протоколах кортесов, как на «*привилегию*»: «*И также мы обещаем хранить и соблюдать все сказанное выше так, как написано в этой привилегии*»⁶². Однако через два года, на Вальядолидских кортесах 1307 г., в ответ на аналогичное прошение король назвал содержание протоколов «*уложением*»⁶³. Так имело ли уложение, как форма выражения решений кортесов, характер привилегий или нет?

Термин «*уложение*» Фернандо IV вновь использует на Вальядолидских кортесах 1312 г., ссылаясь на норму, данную им для урегулирования функционирования придворного суда⁶⁴, хотя в конце говорится только о «*протоколах со всеми прошениями о милостях...*»⁶⁵.

На кортесах, созывавшихся в период несовершеннолетия Альфонсо XI, его опекуны⁶⁶ активно сопротивлялись употреблению термина «*уложение*» в отношении резолюций, принятых кортесами. Так, на Паленсийских кортесах 1313 г. инфант дон Хуан говорил о «*том, что написано в этих протоколах*», имея в виду соглашение с прокураторами королевства⁶⁷. В аналогичном смысле на кортесах, созванных в том же городе и в том же году королевой доньей Марией и инфантом доном Педро, были одобрены «*грамоты о вольностях и привилегиях, и фуэро, и обыкновениях, и обычаях, и свободах, и милостях... содержащиеся в этих протоколах...*»⁶⁸. По завершении этих кортесов представители заручились у опекунов подтверждением «*этих протоколов, и грамот,*

⁶¹ CLC. I, 11. P. 176. Прошение повторяется в грамоте, данной Эстремадуре и Толедскому королевству (CLC. I, 11. P. 182–183).

⁶² CLC. I, 19. P. 177.

⁶³ CLC. I, 35. P. 196.

⁶⁴ CLC. I. P. 197. См.: Benavides A. Memorias de Fernando IV de Castilla. Madrid, 1860, t. II. P. 732–738. Также см. рукопись, хранящуюся в Национальной библиотеке, ms. 5741.

⁶⁵ CLC. I, 103. P. 220.

⁶⁶ Об этом правлении см. мою книгу: Sánchez-Arcilla Bernal J. Alfonso XI (1312–1359). Gijón, 2007.

⁶⁷ CLC. I, 45. P. 232.

⁶⁸ CLC. I, proem. P. 234.

и привилегий, данных разным местностям...»⁶⁹. Представление о том, что договоры кортесов уже не являются «уложением», отражено также в протоколах Эрманады, утвержденных на Бургосских кортесах 1315 г., на которых опекунов просили утвердить «фуэро, и льготы, и вольности, и добрые обыкновения и обычай, и привилегии, и грамоты, и протоколы, которые есть у нас»⁷⁰. В нескольких случаях, в виде исключения, термин «уложение» используется применительно к содержанию протоколов⁷¹; или к распоряжениям, отанным предшествующими монархами⁷². Общее правило, действовавшее на кортесах, которые собирались при малолетнем Альфонсо XI, состояло в использовании слова «протоколы» (*cuaderno*). Так, на Каррионских кортесах 1317 г., говоря о сборе форальных платежей, опекуны упоминали «протоколы, данные нами в прошлом году на кортесах в Бургосе...»⁷³.

Термин «уложение» не встречается ни в «Зерцале», ни в Партидах, но он используется в документах эпохи Альфонсо для обозначения комплекса распоряжений⁷⁴. В свете проанализированных текстов можно утверждать, что слово «уложение» используется в отношении привилегий, данных монархом и выраженных в виде договоров — зафиксированных в «протоколах» и подтвержденных на кортесах представителями королевства. При этом «уложения» не имели всеобщего характера, как законы, а требовали подтверждения со стороны монарха: на Мадридских кортесах 1329 г. представители городов ходатайствовали у Альфонсо XI, чтобы он почел за благо «одобрить и подтвердить фуэро, и привилегии, и грамоты, и свободы, и вольности, и добрые обыкновения, и обычай, и протоколы, и уложения, которые есть у консехо этих городов и местечек и деревень во всей моей сеньории...». На это монарх ответил, что под-

⁶⁹ CLC. I, 49. P. 246.

⁷⁰ CLC. I, проем. P. 248. Аналогичный смысл имеют тексты кортесов в Медина дель Кампо 1318 г. (CLC. I, 9 и 24, р. 332 и 336) и Вальядолидских кортесов 1322 г. (CLC. I, 43 и 56, pp. 337 и 368).

⁷¹ Бургосские кортесы 1315 г.: «Также приказываем, что те должники, которые не платят, но не в соответствии с буллой или папской декреталией или по другой причине, пусть заплатят в соответствии с этим повелением» (*Otrossi mandamos que ningunos delos deidores que sse non defiandan de pagar por bulda nin por decretal del Papa, nin por otra razon ninguna, ssi non que paguen ssegunt este ordenamiento.* — CLC. I, 28. P. 285). На кортесах в Медина дель Кампо 1318 г. упоминается «повеление, отданное в Бургосе...» (*ordenamiento que ffue hecho en Burgos...* — CLC. I, 4. P. 331).

⁷² Бургосские кортесы 1315 г. (CLC. I, 26. P. 282); Вальядолидские кортесы 1322 г. (CLC. I, 43 и 56, р. 348 и 353).

⁷³ CLC. I, 20. P. 308.

⁷⁴ *Diccionario español de documentos alfonsies*, на слово «ordenamiento». P. 303.

Альфонсо XI.
Миниатюра
из средневековой
рукописи

тврждает их фуэро, привилегии, грамоты, вольности и льготы, «и каждый из добрых обыкновений и добрых обычаев, и протоколы, и уложения, созданные на кортесах королями, от которых я рожден...»⁷⁵.

Начиная с 1325 г., когда Альфонсо XI стал совершеннолетним, слово «уложение» начинает использоваться все чаще — при том что термин «протоколы» не исчезает полностью.

Прежде чем завершить этот раздел, я хочу все же отметить, что на Вальядолидских кортесах 1325 г. мы впервые встретимся со словом «закон» применительно к одному из решений кортесов. Речь идет о прощении, поданном королю, чтобы тот не издавал грамот или рескриптов против «того, о чем говорится в этих протоколах», и «чтобы приказал в этом законе консехо и официалам и всем прочим, кого это касается, чтобы они не исполняли таковых»⁷⁶. Следующего такого упоминания придется подождать еще двадцать лет, до кортесов в Алькала-де-Энарес 1345 г.⁷⁷

6. «Установления» (*establecimientos*). В «Зерцале», как мы уже говорили, первый закон первого титула начинается с указания, что собранные здесь законы являются «соглашениями, установлениями и фуэро». Ниже, в за-

⁷⁵ CLC. I, 81. P. 433–434. На тех же кортесах Альфонсо XI обязался соблюдать фуэро, добрые порядки и обычай, привилегии и грамоты так, как «этот протокол и все прочие, изданные королями, от которых я происхожу...» (*este cuaderno e todos los otros que ellos tienen delos reyes onde yo vengo* CLC. I, 90. P. 436).

⁷⁶ CLC. I. P. 388.

⁷⁷ Кортесы в Алькала-де-Энарес 1345 г.: CLC. I, 9. P. 480–481 «Тем, кто просил нас о милости, чтобы мы приказали соблюдать закон, закрепленный в протоколах, данных нами на Мадридских кортесах всем жителям нашего королевства... На это отвечаем, что рассудили за благо соблюдать закон, записанный в указанных протоколах».

коне 7, дается определение, что такое закон, что такое соглашение и что такое фуэро. Однако авторы «Зерцала» забыли дать определение и объяснить, что они понимают под «установлением». Этот термин используется в документах эпохи Альфонсо X⁷⁸, но если истолковывать указанный закон буквально, можно предположить, что «установления» стали частью законов, вошедших в «Зерцало», так же как и соглашения. В свою очередь, в Партидах, в одной из версий, опубликованной Королевской академией истории⁷⁹, в титуле IV, посвященном таинствам, где говорится о крещении, «установление» определяется как «*слово весьма емкое и весьма весомое, которое обозначает сделанное столь твердо, что его невозможно изменить*»⁸⁰. Если, как мы сказали, «установления» — это юридические нормы, то они обладают такими характеристиками, как весомость и неизменность. Но неизменность как раз одно из неотъемлемых свойств права, так что определение Партид ничего особенного нам не проясняет. «Установления» и «повеления» (*mandamientos*), которые встречаются в документах Альфонсо X и некоторых кортесов⁸¹ — это одно и то же? Если мы согласимся с этой гипотезой, то «повеления» должны быть распоряжениями королевской власти в адрес конкретных местных властей, институтов и лиц, отदанными с целью привести в исполнение те или иные приказы, не касающиеся всего королевства.

2. «Фуэро» (*fueros*). Термин «фуэро» происходит от значения, которое уже в постклассическую эпоху приобрело слово «*forum*» — то есть действие суда и продвижение в нем дела⁸². На самом деле, деятельность судей, связанная с толкованием права, приобрела огромное значение с VIII в. Закон — *Книга приговоров* — едва ли применялся в кругах, близких ко двору и в религиозных учреждениях, где можно было найти списки старого вестготского кодекса. Вместо него основным источником права стал обычай. Однако су-

⁷⁸ *Diccionario español...*, v. «establecimiento». P. 173.

⁷⁹ Издание Королевской академии истории (*Las Siete Partidas del Rey Alfonso el Sabio, cotejadas con varios codices antiguos*, Madrid, 1807, 3 томов) долгое время считалось лучшим с исторической точки зрения, но в действительности критерии отбора рукописей, использовавшиеся при подготовке издания Академии (см. р. XXIII–XXIV), нельзя считать об разцом тщательности. В этой публикации приводятся две версии Первой Партиды, одна из которых — Силосская, происходящая из Королевской библиотеки и датирующаяся XV в., сильно отличается от второй, взятой из рукописи XIV в., в которой можно найти больше совпадений с версией, опубликованной Грегорио Лопесом в XVI в.

⁸⁰ Р.I.4.11 (ed. RAH, t. I. P. 54).

⁸¹ Кортесы в Хересе, 1268 г. (CLC. I, 44. P. 82).

⁸² García-Gallo A. Aportación al estudio de los fueros // AHDE 26 (1956). P. 387–446.

ществовали суды, которые в качестве последней инстанции должны были оценивать существование и силу этого обычая. Были судьи, решавшие, что является правом, а что — нет.

Изначально, как отметил Гарсия-Гальо, решения, вынесенные этими судами, именовавшиеся «*fazañas*» или «*iuditia*», напоминали о конкретных разрешенных ими случаях, но со временем имена тяжущихся сторон и решавших дело судей исчезали и оставалась абстрактная норма, применявшаяся далее. Таким образом «*fazaña*» превратилась в «*фуэро*», в синоним юридической нормы и утратила связь с судом, который вынес соответствующее решение⁸³.

Термин «*фуэро*» продолжал приобретать новые значения. Порой этим словом обозначалась конкретная норма, но начиная с XI в. его стали использовать в качестве синонима собрания норм, применяемых в одной местности. Поскольку большая часть этих норм не была записана, слово «*фуэро*» столь часто приравнивалось к обычаям, что при возникновении сомнений следовало доказать, что «*фуэро*» имеет хождение.

Понимая под «*фуэро*» норму или комплекс норм, короли и сеньоры издавали «*фуэро*» в момент заселения местности или с целью даровать новые привилегии жителям данной местности или поселения. Такие привилегии прибавлялись к существующим обычаям и прецедентам (*fazañas*) и составляли «*фуэро*» этой местности. Благодаря этому в документах появляется тенденция к различению «*добрых фуэро*», содержащих множество преимуществ и привилегий для обитателей данной местности, от «*дурных фуэро*».

В XII и особенно в XIII столетии концепция фуэро становится более абстрактной. Теперь, хотя толкование «*фуэро*» как комплекса норм, господствующих в данной местности, сохраняется, это слово начинают употреблять также в значении несформулированного, но всем известного правового уложения, в соответствии с которым жители города выработали целый ряд порядков, которые приобретают характер обычая или юридической нормы. Поскольку фуэро признано всеми, то судьи действуют в соответствии с его предписаниями, «*по праву фуэро*» (*a fuero de albedrío*)⁸⁴.

«Зерцало» (I.1.7) определяет фуэро «как писанный или неписанный закон, справедливо использующийся в течение долгого времени». Следовательно, фуэро иерархически занимает такое же положение, что и закон, и даже выше, поскольку может отменить его. Мы видим, что Мудрый ко-

⁸³ «Aportació n al estudio...». P. 394.

⁸⁴ García-Gallo. Op. cit. P. 401–402.

роль подчеркивает в определении «фуэро» его характер как юридической нормы, которая применяется «справедливо» — не сказано, кем именно, — в течение долгого времени, вне зависимости от того, была она записана или нет. «Фуэро» противопоставляется «соглашению», составленному королем и обязательно подтвержденному впоследствии «привилегией, или грамотой, или приказанием соблюдать его». Похоже, что составители «Зерцала» использовали термин «фуэро» в значении комплекса норм, действующих в конкретной местности, по крайней мере, это утверждение верно для пролога к данному сочинению, где сказано: «...мы отобрали из всех фуэро самое ценное и наилучшее, и собрали это здесь, как из фуэро Кастилии и Леона, так и из фуэро прочих местностей, которые, по нашему мнению, справедливы и разумны, не забывая о праве, поскольку оно присуще им».

Определение фуэро, содержащееся в Партидах («фуэро — это вециъ, в которой заключены две другие, о которых Мы сказали ранее, — обыкновение и обычай, — поскольку оба они должны войти в фуэро, чтобы обрести крепость»), было сформулировано в начале XIV в., то есть, очевидно, после Альфонсо X. Сейчас мне интересно отметить, что если в Партидах рассматриваются и регулируются «обыкновение», « обычай» и «фуэро», то «Зерцало» не углубляется в анализ этих форм правового творчества. Но к этому пункту мы вернемся позже.

д. Понимание закона в «Зерцале». В отличие от простоты «Королевского фуэро», «Зерцало» более подробно развивает теорию закона. Следуя принципам Юстинианова права, авторы «Зерцала» отдают законодательную монополию монарху: «Никто не может творить законы, за исключением императора, или короля, или другого лица по их приказанию; а если другие лица будут творить их без приказа, то это не будет законом, и ему не следует повиноваться или соблюдать его как закон, и он никогда не будет иметь силы» (I.1.3). После 1213 г., когда декреталия *Per venerabilem* уравняла императорскую власть с королевской, власть создавать новое право, настоящие *leges* — которую римское право давало только императору — была представлена также тем королям, которые не имеют над собой никого на земле⁸⁵. Это обстоятельство отражено и в «Зерцале», в последнем законе первого титула⁸⁶.

⁸⁵ О политическом значении этой формулы см.: Calasso F. I glossatori e la teoria della sovranità. Milan, 1957.

⁸⁶ Esp. I.1.13: «...ибо по милости Божьей в мирских делах мы не имеем над собой никого».

Король дарует священникам привилегию.
Первая Партида. Рукопись Британского музея

Кроме того, «творцу законов» (*ffazedor de las leys*) недостаточно быть облеченым властью, он должен сочетать в себе целый ряд качеств: любовь к Богу, справедливость и правдивость; не должен быть алчным; должен обладать мудростью, чтобы отличать праведное от неправедного; разумом, чтобы помогать тем, кто требует правосудия; быть твердым с жестокими и тищеславными, но милосердным с виновными и бедными; он должен быть смиренным, чтобы не впадать в гордыню или жестокость по отношению к своим людям; должен уметь подавать пример понимания законов и уважения к ним; должен быть терпеливым и внимательно выслушивать то, что ему говорят, и сдержаным, чтобы не позволять себе впадать в гнев ни словом, ни делом⁸⁷.

Также король-законодатель должен уважать законы как свою честь и себя самого; впрочем, это требование распространяется на всех жителей

⁸⁷ Esp.I.1.4: *El ffazedor de las leys deue amar a Dios e temer e tenerle ante ssus oios quando las ffeziere por que las leys que ffeziere ssean complidas e derechas. E deue amar iusticia e verdat e sseer ssin codicia para querer que aya cada uno lo ssuyo. E deue sseer entendudo por ssaber departir el derecho del tuerto, e apercibido de razon para responder ciertamente a los que la demandaren. E deue sseer ffuerte a los crueles e a los ssoberuios, e piadosso para auer merced a los culpados e a los mezquinos ol conuenier. E deue sseer omildosso para non sseer ssoberuio nin cruo a ssus pueblos por ssu poder nin por ssu razon, e bien razonado por que ssepa mostrar cõmo sse deuen entender e guardar las leys. E deue sseer ssoffrido en oyr bien lo quel dixieren, e messurado en non sse rrebatar en dicho nin en fecho.*

королевства: духовного и светского звания, благородных и простолюдинов, богатых и бедных, мужского и женского пола⁸⁸. Причины, по которым не только король, но и все его подданные должны повиноваться законам, рассматриваются вместе: «Всех людей следует обязать повиноваться законам, и особенно королей, по следующим причинам: во-первых, потому что они обладают почетом и властью благодаря законам; во-вторых, потому что законы помогают им вести справедливость и право, что они обязаны делать; в-третьих, потому что они творцы законов, и справедливо, чтобы они сами повиновались бы им в первую очередь. Также и народ должен повиноваться им по трем иным причинам: во-первых, потому что они суть повеление сеньора; во-вторых, потому что это достойно и ограждает их от вреда; в-третьих, потому что это приносит им пользу»— «Зерцало». I.1.9.

Важно отметить настойчивость, с которой «Зерцало» обязывает короля выполнять законы, тем самым делая его власть весьма далекой от абсолютной. Объяснение, на мой взгляд, состоит в том, что в рассматриваемый период Мудрый король был полностью погружен в процесс восстановления монополии закона как источника права в ущерб другим источникам, таким как обычай и фуэро. «Зерцало» не признает другого источника права, кроме себя самого. Так же как и в «Королевском фуэро», ничего не предусмотрено на случай правовой лакуны; не признается никакое дополнительное право. В момент составления текста король превратил в законы «соглашения», «установления» и «фуэро» (выбрав, напомним, лучшее из каждой группы, как в Кастилии, так и в Леоне).

В этом духе, подтверждения всех достоинств законов, выдержаны законы 5 и 6 «Зерцала»: «Законы даруют мир и свободу, и дают людям добрую жизнь и добрые обычаи, и делают их богатыми, заставляя каждого желать своего, а не чужого, и наказывают зло, и воздают за добро, и возышают сеньора, и умножают людей, и показывают путь к достижению любви Божьей»⁸⁹. Но кроме того, «...они наставляют его в познании Бога и после этого обучают, как следует любить и бояться Его. Также они наставляют в познании своего сеньора по рождению, и как следует повиноваться ему и хранить верность. И также они наставляют людей любить друг друга и воздавать друг другу по справедливости, и не делать им того,

⁸⁸ Esp.I.1.10: *El rrey deue guardar las leys como a ssu onra e a ssu ffechura e el pueblo como a ssu vida e a ssu guarda. E por esto todos sson tenudos de las guardar tan bien los de las órdenes como los sseglares, tan bien los altos como los baxos, tan bien los rricos como los pobres, tan bien los omnes como las mugieres.*

⁸⁹ Esp. I.1.5.

чего бы они не хотели для себя. И соблюдая все это, они живут по праву, в богатстве и в мире, и каждый пользуется принадлежащим ему, и об этом знают [другие] люди, и народ растет, а королевство увеличивается и богатеет»⁹⁰. И по всем этим причинам никто не должен уклоняться от исполнения законов⁹¹.

С формальной точки зрения законы должны удовлетворять определенным критериям: быть сообразными, продуманными и отобранными так, чтобы быть справедливыми и полезными для всех; в то же время они должны быть ясными и доходчивыми, чтобы их мог понять каждый. В них не должно содержаться исправлений или ошибок, чтобы вокруг них не

⁹⁰ Esp. I.1.6.

⁹¹ Esp.I.1.11. О том, что никто не может оправдаться, сказав, что не знает законов.

Ведь как от знания происходят все добро и все возможное благо, так же и от незнания происходит все зло и весь вред, и поэтому его именуют невежеством. И благодаря знанию человек познает Бога и понимает, как следует любить и почитать Его, и также понимает все прочее и узнает, как поступать с каждой вещью; и благодаря этому человек становится совершенен во всем хорошем и сторонится всего, что противоречит разуму. А в незнании человек грешит против Бога и не знает, как следует почитать Его, и также грешит против всего остального, потому что не знает, как поступать с каждой вещью; и о том, кто живет так, мы говорим, что он ведет жизнь звериную, и даже хуже, потому что зверь поступает по присущему ему чувству, а человек, не желающий знать, не может достичь того, чего достиг бы разумом. И так как столько добра происходит от знания и столько зла от незнания, то ясно, что не желающий знать не стремится и делать добро. И поскольку люди от природы стремятся все знать и особенно то, что пойдет им на пользу, то мы рассудили за благо, чтобы все жители наших королевств и нашей сеньории стремились узнать законы этой книги, от которых будет им польза и почет. И никто не может оправдаться, говоря, что не знает их; потому что если он не узнал их сам, пусть узнает от тех, кто знает; а поступивший иначе если совершил проступок, то не сможет оправдаться и избежать наказания, назначенного законом.

Оправдание незнанием возможно лишь в исключительных случаях: Esp.I.1.12: «...Однако есть основания, на которых некоторые люди могут оправдаться и избежать наказания, каковому они подлежат за совершенное ими по ошибке из-за незнания законов, и это рыцари, и лица младше 25 лет, и деревенские жители, простые и неразумные, которые трудятся на земле; также женщины в исключительных случаях, записанных в этой Нашей книге. Ведь рыцари могут оправдаться за совершенный проступок, потому что они обязаны владеть не законами, а оружием и всем прочим, что относится к рыцарскому обучению. А лица младше 25 лет — тем, что возраст их легкомысленен и несовершен; а простые деревенские жители — поскольку они живут среди неразумных, где нет людей, сведущих в праве, а все их знания — как обрабатывать земельные участки; также и женщины могут оправдаться тем, что природа их слаба и легко-мысленна, и еще тем, что им не приходится ни учить в школе законы, ни ввязываться в тяжбы, идущие среди мужчин. Но если кто-то из указанных лиц совершил такой проступок, который является дурным в соответствии с простым здравым смыслом, например, если он совершил предательство, или измену, или прелюбодеяние, или убийство, или кражу, или грабеж, или насилие, или другой подобный проступок, он не сможет избежать наказания, назначенного этими Нашими законами.

возникало споров⁹²; и их интерпретация всегда должна быть верной и справедливой⁹³.

Так же как и в «Королевском фуэро», большая часть предлогов, которые мы находим в законах первого титула «Зерцала», являются оценочными, и они прославляют исключительно достойные суждения. Единственные два закона, где содержатся нормативные предлоги, предусматривающие санкцию, это законы 11 и 12, которые, как мы знаем, регулируют возможность избежать наказания по незнанию права.

e. «Конституция» Альфонсо X. Составители «Зерцала», как мы видели выше, предоставили королю монополию на составление права, но добавили один закон, в котором попытались показать, почему Альфонсо X обладает властью создавать законы.

В этом законе приведено три аргумента: *«на основании рассудка, преуспенства и права»*. В первую очередь король обладает такой возможностью благодаря легитимности, присущей наследственной монархии. На самом деле, если некоторые императоры и короли, вставшие во главе своих империй и королевств в результате выборов, могут составлять законы, то тем больше оснований делать это у Альфонсо X, который получил королевство по праву наследования. Во-вторых, дело в том, что в Испании с древнейших времен не только короли имели право составлять законы, но также и графы, судьи и adelantado; следовательно, если эти люди, *«над которыми есть вышестоящие»*, могут составлять законы — а их законы сохранились до сих пор, — то тем более такой властью обладает Мудрый король, не признающий никого над собой в мирских делах. Наконец, основания законодательной власти Альфонсо X подкрепляются римским правом, каноническим и вестготским, так как в них во всех утверждается, что короли и императоры могут составлять законы, дополнять их, отменять и изменять, когда пожелают, *«посему, — заключает монарх, — по всем изложенным причинам мы имеем полную власть творить законы»*.

Оставив в стороне второй аргумент, ложный, поскольку здесь законы перепутаны с «фуэро», мне хотелось бы подчеркнуть важность этого за-

⁹² Esp.I.1.2: *Quales deuen sseer las leys. Conplidas dezimos que deuen sseer las leyes e muy cuyadas e muy catadas por que ssean derechas e proue chossas conplidamente a todos, e deuen sseer llanas e paladinas por que todo omne las pueda entender e aprouecharse dellos a su derecho, e deuen sseer ssin escatima e ssin punto por que non pueda venir ssobrellas disputacion nin contienda.*

⁹³ Esp.I.1.8: *Commo sse deuen entender las leys. El entendimiento de las leyes deue sseer conplido e ssano, e tomado todavia a la mejor parte e mas derecha e mas aprovechossa e mas verdadera.*

кона. Закон 13 первого титула Первой книги «Зерцала» был нормой, на которой покоилась вся политическая и юридическая система эпохи Альфонсо X; говоря нынешним языком, это был «конституционный закон» его правления.

По мнению Г. Кельзена, основание юридической нормы может находиться только в другой юридической норме, которая первое время занимает более высокую ступень в иерархии. Однако хотя одна норма основывается на другой, более важной, но эта цепочка не может развиваться до бесконечности; в какой-то момент она должна остановиться на норме, которая считается последней и наивысшей. На этой норме, которую Кельзен называет *Grundnorm*, покоится весь нормативный порядок, и она является общим источником для всех норм, входящих в него. Эта «норма-основательница» придает единство множеству законов, входящих в систему, поскольку представляет собой фундамент для действенности всех остальных норм⁹⁴.

Основная норма правового порядка должна содержать некое правило, которое определяет, как должны создаваться общие нормы и кто является авторитетом в нормотворчестве. Закон 13 из «Зерцала» определяет, кто именно обладает властью создавать нормы общего характера, законы, а в других законах первого титула устанавливается, как именно их следует создавать. Только одно лицо, в данном случае Альфонсо X, может создавать действительные нормы, законы, и его авторитет базируется на основной норме, которая позволяет ему устанавливать законы.

В действительности, норма, которая регулирует создание общих юридических норм, называется «конституцией» в материальном смысле. Конституция может возникнуть в повседневной жизни или посредством специального действия — законодательного акта (закон 13 «Зерцала»). В последнем случае конституция обязательно должна быть закреплена в тексте, и поэтому ее обычно именуют «писаной конституцией», то есть конституцией в формальном смысле. Следовательно, «Зерцало» стало «писаной конституцией» Альфонсо X, а основным законом этой «конституции» был закон 13.

Писаная конституция содержит не только нормы, регулирующие создание общих юридических норм — законов, но и нормы, регулирующие деятельность других важных политических институтов, например, монар-

⁹⁴ Kelsen H. Teoría pura del derecho. Mexico, 1983. P. 202 y ss. (рус. пер. С. Лёзова, Ю. Пивоварова: Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Вып. 1. М., 1987. С. 105 и далее).

хии — этому посвящена вся Вторая книга «Зерцала», — или органов, осуществляющих управление правосудием⁹⁵ (Четвертая книга).

Альфонсо X, разумеется, не осознавал, что составляет «формальную конституцию» для своих королевств, как ее описывает нам Кельзен, но он прекрасно осознавал важность контроля над творением права — что Жан Боден несколько веков спустя назовет первым и важнейшим признаком суверенитета. Следовательно, «Зерцало» знаменует передачу монарху монополии в области законодательства и управления правосудием⁹⁶. Но есть и еще кое-что.

Как мы говорили выше, «Зерцало» не признает другого юридического источника, кроме закона: попавшие в него «соглашения», «установления» и «фуэро» превращаются в «законы». Это означает, что после его публикации и провозглашения в качестве единственного закона во всех королевствах — как указано в прологе — все предшествующее традиционное право (фуэро, привилегии, обычаи и т. п.) было отменено. Только «Зерцало» и ничего кроме «Зерцала» могло использоваться в королевских судах.

Вернемся снова к Кельзену. Конституция в материальном смысле устанавливает, кто и как создает общие юридические нормы, законы, в юридической системе. Лишь основная норма может определить, какие органы могут их создавать; в нашем случае таким органом был Альфонсо X. Но чтобы суды могли применять другие нормы, отличные от основной, необходима авторизация. Следовательно, чтобы суды приняли обычай и/или фуэро в качестве норм, применимых при решении дел, «конституция» должна провозгласить обычай и фуэро действительными источниками права⁹⁷, тем более если обычное право может отменять изданные законы. В противном случае невозможно его применение органами, ответственными за осуществление правосудия.

Когда Альфонсо X в «Зерцале» обходит молчанием наличие других нормативных источников (обычаи, фуэро) и не наделяет напрямую суды правом использовать эти источники, он по умолчанию отменяет в своих королевствах все предшествующее право.

Мог ли Мудрый король в 1255 г. осуществить такой амбициозный проект на практике? Были ли королевства готовы к «революции» такого рода? Как отреагировала бы знать на лишение ее права даровать фуэро? Как от-

⁹⁵ Kelsen H. Op. cit. P. 232–233 (там же, с. 111).

⁹⁶ В том числе на локальном уровне: Esp.IV.2.prom: Алькальдов, поставленных, чтобы судить в городах и местечках, не может назначать никто, кроме короля...

⁹⁷ Kelsen H. Op. cit. P. 233–234 (там же, с. 112).

Страница рукописи Первой Партиды. Рукопись Британского музея

реагировала бы она, увидев, что ее лишили судебных привилегий? Как отреагировали бы города на отмену их традиционного права? Как они бы отреагировали, лишившись привилегий самоуправления?

«Зерцало» в качестве политической «конституции» Кастильского королевства было невыполнимым проектом. Оно было «мечтой» Альфонсо X. Перед тем как убедиться, что эта мечта неосуществима, король, как я полагаю, сделал попытку пойти другим, менее радикальным путем. С одной стороны, он воскресил старый проект, начатый, возможно, как отмечает Г. Мартинес Диес, еще когда он был принцем, то есть «Королевское фуэро». По уже изложенным причинам я склонен полагать, что «Королевское фуэро» было составлено коллективом юристов, которые начали работать при дворе во время редактирования «Зерцала».

В «Королевском фуэро» соединились несколько целей: признание законодательной монополии; юридическая унификация; обновление права и монополия на судебную власть. Оно должно было вступить в силу не во всех королевствах одновременно, как это предполагалось для «Зерцала», а для начала только в Кастилии — впоследствии его распространили на Эстремадуру — под предлогом, что там «судились по прецедентам, и по различным суждениям людей, и по несправедливым и противоправным обычаям». Пожалование «Королевского фуэро» предполагало отмену всех обычаев, фуэро, местных обыкновений и привилегий самоуправления, позволявших

жителям самим назначать себе алькальдов. Результат этой политики Мудрого короля нам уже известен: в 1272 г. ему пришлось пойти на попятную, отменить «Королевское фуэро» и подтвердить старые фуэро.

Остановка в работе над его «конституцией», «Зерцалом», не препятствовала тому, чтобы ряд материалов последнего был использован при разработке «Законов верховных аделантадо», ордонансов, направленных алькальдам Вальядолида, законов о ростовщичестве и норм ведения следствия. Но, прервав составление «Зерцала», король решил изменить ориентацию сочинения, которое отражало его несбыточную политическую мечту, и в 1256 г. повелел начать составление другого текста, имеющего назидательный или энциклопедический характер и вобравшего в себя все юридическое знание того времени. Этим текстом и стали *Партиды*.

3. Теория закона в Партидах

Как мы отметили в начале, критического издания Партид до сих пор не существует. Это обстоятельство вынуждает нас погрузиться в море конъектур, хотя я должен признаться, что в тот день, когда такое издание выйдет в свет, видимо, останется еще масса невыясненного, поскольку пока что неизвестно, как передавался текст в период между 1263–1265 и 1348 гг. Я предлагаю, что для того, чтобы сделать определенные выводы, важнее заниматься исследованием содержания законов, чем кодикологическим анализом и сопоставлением рукописей с целью выяснить, где какой закон отсутствует или добавлен.

Похоже, нет никаких сомнений, что самый древний манускрипт, в котором содержится Великий кодекс Альфонсо X, это рукопись Первой Партиды, хранящаяся в Британском музее и опубликованная в свое время Х.А. Ариасом Бонетом⁹⁸. Установлено, что рукопись датируется 1290 г. В ней заметны существенные отличия от версии Первой Партиды, присутствующей в манускрипте, известном под названием Силосского⁹⁹ и опубликованном в 1807 г. Королевской академией истории. Х.Ариас Бонет объяснял расхождения с помощью гипотезы, что уже в правление Альфонсо X существовали различные редакции Партид. Одна из них была плодом работы комиссии юристов, собранной для редакции «Семичастника» (*Setenario*),

⁹⁸ Alfonso X el Sabio. Primera Partida (Manuscrito Add. 20.787 del British Museum), ed. de J. A. Arias Bonet, Valladolid, 1975. (далее в сносках — Part BM).

⁹⁹ То есть, происходящего из монастыря Святого Доминика в Силюсе. Сейчас эта рукопись хранится в Национальной библиотеке Франции (Париж), ms. Espagnol 440. — Прим.ред.

и,, следовательно, отличается многословием, характерным для этого сочинения; другую редакцию составили юристы, ранее создававшие «Зерцало». Но король — по мнению Ариаса Бонета — не отдавал предпочтения какой-либо одной из этих версий¹⁰⁰.

Мне не хотелось бы сейчас вдаваться в обсуждение вопросов, имели ли редакторы Партид перед собой определенную модель и существовала ли некая промежуточная, ныне утраченная версия. Как я сказал в начале этого раздела, мои соображения касаются содержания законов и их связи с политической и юридической ситуацией того времени.

Первая проблема, к которой я хотел бы обратиться, связана с очевидной преемственностью между первым титулом Первой Партиды из Британского музея с первым титулом Первой книги «Зерцала». За исключением закона 5 из «Зерцала» (*Какова польза от законов?*), которую переписчик не включил (забыл?) в текст Партид, хотя это упущение не получило развития¹⁰¹, остальные законы явно воспроизведены дословно с незначительными разнотекстами.

Тем не менее следует обратить внимание на весьма выразительную деталь. Заголовок закона 13 из «Зерцала», который мы называли «основной нормой конституции» Альфонсо X, гласил: «Этим законом показывается, каким образом король *дон Альфонсо может творить* законы и могут творить их его наследники». Однако заголовок этого же закона, дословно воспроизведенного в Партидах (Брит. музей), изменен: «Указание всех справедливых причин, по которым *вышеназванный король дон Альфонсо обладал властью творить эти законы*».

Изменение времени глагола с настоящего на прошедшее указывает, на мой взгляд, на два обстоятельства. Во-первых, когда копировалась рукопись Партид, хранящаяся ныне в Британском музее, Альфонсо X уже умер. Любопытно, что в тексте закона Мудрый король все еще говорит о себе в первом лице (...что Мы, вышеназванный король дон Альфонсо, обладаем властью творить эти законы...), но несомненно, что переписчик просто не осмелился изменить содержание закона и ограничился лишь добавлением нового заголовка.

¹⁰⁰ *Alfonso X el Sabio...*, см. в предыдущем примечании, РР. LI–LII.

¹⁰¹ В действительности, закон 5 «Зерцала» рассматривает преимущества, происходящие от законов, однако закон 6 обращается к той же теме и гораздо многословнее. В связи с этим случайное или сознательное невключение его переписчиками в рукопись Part BM не изменяет ни содержания, ни смысла титула, посвященного законам. С другой стороны, пролог к первому титулу «Зерцала» в Part BM превратился в закон 1, поэтому в конечном итоге первый титул содержит ровно столько же законов (13), сколько и в «Зерцале».

Во-вторых, здесь присутствует более существенное, на мой взгляд, упущение. В действительности, в заголовке закона 13 «Зерцала» объясняется, что король «может творить законы», а также что «могут творить их его наследники». Это последнее замечание переписчик рукописи из Британского музея опустил. Значит ли это, что Санчо IV, в правление которого была составлена рукопись, не имел права писать законы? Если бы рукопись вышла из кругов, близких ко двору Санчо IV, столь важное замечание обязательно бы присутствовало. Достаточно, однако, другого объяснения: признать, что в тот момент Партиды не имели законной силы; что это сочинение было составлено Альфонсо X, а его наследник Санчо IV не имел намерения провозглашать или добавлять к нему новые распоряжения. В «Зерцале» — «конституции Альфонсо» — действительно было важно отметить, что также и наследники Мудрого короля облечены властью составлять законы. Но в Партидах, не имевших статуса закона, отсутствие этой фразы не имело никакого значения.

Кроме того, я хотел бы обратить внимание на другой вопрос, который представляется мне важным и ответ на который дается в Партидах (Брит. музей): когда в 1256 г. в королевском скриптории началось составление нового свода, юристы, трудившиеся при дворе, сохранили в целости первый титул «Зерцала», в котором содержалась вся теория закона, и он перешел в версию Партид (Брит. музей) — древнейшую из дошедших до нас. Это тем более правдоподобно, что, как мы только что сказали, этот раздел имел исключительно «теоретическую» ценность, поскольку у Партид не было силы закона.

Очевидно, что сочинение, целью которого было соединение всего юридического знания того времени, не могло игнорировать такое важное явление реальности, как обычай. Если мы признаем, что Лондонская рукопись содержит одну из древнейших версий Партид, несомненно, что в ней сохранился дух «юридической революции» Альфонсо X. Но как мы сказали, поскольку Партиды превратились в своего рода энциклопедическое сочинение, необходимо было включить в него другой важный источник средневекового права. Поэтому в начале XIV в., примерно в 1310 или 1312 г., некий юрист решил восполнить эту серьезнейшую лакуну. Поскольку Партиды представляли собой «открытый» текст, он добавил в Первую книгу второй титул об обычаях и фуэро. В этой новой версии, содержащейся в рукописи Нью-Йоркского Испанского общества¹⁰², со-

¹⁰² Alfonso X el Sabio. Primera Partida (Ms. HC. 397/573) Hispanic Society of America, ed. F. Ramos, Bossini, Granada, 1984 (далее в сносках — PART.HS).

ставлявший ее юрист сохранил все законы первого титула так же, как и в рукописи из Британского музея, но с одной разницей: он опустил закон 13, который, как мы знаем, был основополагающим законом юридического порядка Альфонсо X. В начале XIV в. эта норма была бессмысленной и абсолютно анахроничной. Наоборот, нужно было добавить теорию об обычаях и фуэро.

В Силосской рукописи, опубликованной Королевской исторической академией, представлена еще одна версия — с целым рядом добавлений — из множества версий, существовавших и использовавшихся юристами при переписывании.

4. К новой «конституции» королевства

В течение первой трети XIV века юристы все больше интересовались Партидами; может быть, в силу авторитета Мудрого короля, а может быть, потому что в них были собраны на романском языке законы и принципы *ius commune*, на которых они учились в университетах; в любом случае очевидно, что Партиды приобрели широкое распространение. Поскольку законной силы это сочинение не имело, точность в передаче текста была не столь важна, и поэтому порой некоторые законы сознательно опускали, а другие соединяли с сочинениями юристов того времени, например, Джованни Андреа¹⁰³. В середине XIV в. между имевшимися версиями уже существовали существенные расхождения.

Правление Альфонсо XI представляет собой важную веху в консолидации королевской власти. После беспокойного периода несовершеннолетия, завершившегося в тридцатые годы XIV в., этот монарх начал проводить в жизнь политику, направленную на восстановление престижа королевской власти. Но необходимость заручиться помощью в противостоянии мусульманской угрозе (война за Гибралтарский пролив) заставила его вступить в союз со знатью и городской олигархией. В этом контексте легче понять, почему в эту эпоху была узаконена власть олигархий на местах¹⁰⁴.

¹⁰³ Джованни Андреа (*Иоанн Андреа*) (1275–1348) — один из наиболее известных и влиятельных канонистов европейского Средневековья. Согласно «Закону о цитировании», изданному Хуаном II в 1427 г., мнения Дж. Андреа и Н. Тедески в вопросах канонического права следовало предпочитать всем прочим юристам, высказывавшимся по этому вопросу. — Прим. ред.

¹⁰⁴ См.: Sánchez-Arcilla J. Algunas consideraciones acera del origen de los corregidores en Portugal y España, en: Justicia y Derecho Tributario. Madrid, 2008. P. 803–820.

Я полагаю, что первым проявлением этого союза стало *Уложение Вильяреала*¹⁰⁵ 1346 г.; на будущий год он обсуждался на Сеговийских кортесах¹⁰⁶ 1347 г., а в 1348 г. был подтвержден и дополнен на кортесах в Алькала-де-Энарес.

Как известно, кортесы в Алькала-де-Энарес имеют особое значение для историков права, поскольку на них было принято знаменитое «уложение», в котором определялся порядок предпочтения источников в юридической системе Леоно-Кастильского королевства. Однако параграф 64 этого уложения следует толковать в свете следующего за ним параграфа. Действительно, в параграфе 65¹⁰⁷ недвусмысленно признаются судебные права сеньоров (*прелаты, а также магнаты, и рыцарские ордена, и прочие церкви, и монастыри, и рыцари, и другие лица нашей сеньории имеют города и местечки, в которых обладают собственной сеньорией и юрисдикцией*), и все они могут и дальше получать судебные сборы так, как получал их король «*для нашей казны в этих местах*». Альфонсо XI отказался от большей части судебной власти, признав судебные привилегии знати и

¹⁰⁵ Gibert R. «El Ordenamiento de Villa Real, 1346», AHDE, N 25 (1955). P. 703–729. По мнению Хиберта, из текста не следует, что указанное Уложение было утверждено какими-либо кортесами, хотя скучные сообщения «Хроники Альфонсо XI» относительно событий 1345 и 1346 гг. не позволяют полностью исключить эту гипотезу. В любом случае, договорной характер Уложения вовсе не обязательно предполагает, что соглашение между королем и знатью было подписано на кортесах. Более того, тот факт, что впоследствии параграф 18 Уложения Вильяреала был повторен на Сеговийских кортесах, прошедших годом позже, позволяет предположить, что текст данного Уложения был подготовлен в этом городе Ла-Манчи, но ратифицировали его в Сеговии, а потом, два года спустя, в Алькала-де-Энарес, при этом дополнив, как мы увидим ниже. Параграф 18 Уложения Вильяреала совпадает с параграфом 29 Уложения Сеговии 1347 г., приведенного в следующем примечании.

¹⁰⁶ Cortes de Segovia, 1347, cap. 29: *Porque muchos delos nuestros rengos assy perlados como ricos omnes e ordenes de caualleria et otras iglesias e monasterios et caballeros e otras personas del nuestro sennorio e jurisdiccion et es nuestro [blanco] de proveer que entodo el nuestro sennorio sea guardada e mantenida justicia e derecho, tenemos por bien e mandamos que todas estas cosas contenidas en este nuestro ordenamiento sean auidas por leyes et que las guarden e fagan guardar cada uno en las villas e logares don an sennorio e la justicia e la jurisdiccion; e otrossy que aya cada uno dellos en ssus logares que dichos sson la meatad de las penas sobre dichas, segund que las nos retenemos para la nuestra camara en los nuestros logares. Et qualquier de los dichos ssenores que lo assynon guardaren, errar lo hayan, como aquelllos que non quieren guardar las leyes fechas por su rey et por su señor; et nos compliremos la justicia en el lugar do se menguare en la manera que deuieremos — ed. G. Sánchez. «Ordenamiento de Segovia 1347», Boletín de la Biblioteca Menéndez y Pelayo, nº 4 (1922). P. 301–320, цитата на с. 319–320). Текст соответствует Уложению кортесов в Алькале, 28, 2.*

¹⁰⁷ «Уложение кортесов в Алькале», 28, 2 в систематизированной версии. Ср. с текстом, приведенным в предыдущем примечании.

Страница рукописи Первой Партиды. Рукопись Британского музея

церкви, а также их право пользоваться выгодами, получаемыми от исполнения правосудия; в ответ на это сеньоры признавали, что «*все указанное в этой книге они будут признавать законом и соблюдать это во всех королевствах и краях нашей сеньории; и будут следить за соблюдением всего этого в городах и местечках, находящихся под их властью и юрисдикцией*»¹⁰⁸. Следовательно, за применение королевского законодательства во владениях местных сеньоров приходилось платить не чем иным, как подтверждением их судебных привилегий и перераспределением судебных сборов, полагающихся монарху в силу верховенства его власти, причем, по-видимому, сеньоры уже получали эти сборы за счет королевской казны.

Если нам приходится толковать этот пакт — «соглашение», как называл бы его Альфонсо X — *a sensu contrario*, мы можем предположить, что до этого момента королевское законодательство вовсе не применялось в сеньориальных наделах, или его применение было крайне ограниченным, а его «сила», если пользоваться кельзеновским термином, в сеньориях зависела в конечном итоге от воли сеньоров. Иначе говоря, признание законодатель-

¹⁰⁸ Монарх также добавляет: CLC. I, cap. LVI. P. 543: «И всякий из этих сеньоров, который не станет соблюдать этого, согрешит, и с ним поступят как со всяkim, кто не соблюдает законов, установленных его королем и сеньором. И Мы свершим правосудие в этом месте подобающим Нам образом».

ной власти короля во всех его королевствах состоялось в пакте, заключенном знатью.

Мы уже видели, что в законе 13 первого титула Первой книги «Зерцала» Альфонсо X попытался установить *Grundnorm*, или основную норму юридического порядка посредством одностороннего акта, провозглашенного исключительно его волей. Эта норма означала учреждение краеугольного камня в создании права. Она стала исходной точкой процесса создания позитивного права. Мы также отметили, что «юридическая революция» Мудрого короля так и осталась нереализованным проектом, поскольку ее применение оказалось невозможным из-за сопротивления со стороны сеньоров и городов, которые сочли, что ущемляют их судебные привилегии и их право даровать «фуэро». Альфонсо XI, напротив, добился целей, поставленных его прадедом, но другим путем — посредством пакта.

Кельзен четко разделял понятия «действительности» и «эффективности», хотя между ними и существует определенная взаимосвязь. Для того чтобы некая норма была «действительна», вовсе не обязательно, чтобы она применялась и конечные адресаты ее исполняли. Норма является «эффективной», во-первых, когда те, для кого она предназначена, признают ее, а во-вторых, когда она используется в судах. Норма «действительна», если ее провозгласили в соответствии с предусмотренным для этого процессом и никакая последующая норма ее не отменила. Но если норме недостает эффективности, то сколь бы действительной она ни была, она не выполняет свою социальную функцию и не регулирует поведение человека. Так что действительность предполагает не только правильный процесс выработки и провозглашения, но и известную долю эффективности. Более того, норма может утратить действительность в силу *desuetudo*, то есть когда ей не подчиняются, а суды ее не применяют.

Альфонсо XI осознавал, что эффективность — а не действительность — королевского законодательства зависела от пакта со знатью: пакта, заключенного на Сеговийских кортесах 1347 г. и дополненного годом спустя в Алькала-де-Энарес.

Выше мы сказали, что «конституция» содержит нормы, регулирующие создание писаных законов общего характера или, другими словами, указывает, кто имеет право провозглашать юридические нормы общего характера. Но кроме того, конституция устанавливает, какие суды уполномочены применять указанные нормы. Параграф 29 кортесов в Сеговии 1347 г. (= «Уложение кортесов в Алькале» 28.2) не только признает законодательную монополию Альфонсо XI, но также наделяет сеньориальные суды полномочиями легитимных органов для применения закона. Но есть и еще кое-что.

Альфонсо X в первом титуле «Зерцала» признает закон единственным источником, создающим право. Провозглашение этого правового кодекса предполагает прекращение действия всего традиционного права и отмену привилегий сеньоров и городов. Со своей стороны, Альфонсо XI знал, что невозможно внедрить изменение такого масштаба, особенно в тот момент, когда он так нуждался в ресурсах для ведения войны за Гибралтарский пролив.

Пакт, заключенный в Сеговии в 1347 г., был ратифицирован на следующий год в Алькала-де-Энарес, но король добавил в «Уложение кортесов в Алькале» целый ряд важных штрихов по сравнению с прошлогодней версией. На самом деле, именно с этого момента можно говорить о введении *Grundnorm*, на которой должно было покояться все юридическое устройство Кастильско-Леонского королевства. Эта норма содержится в «Уложении...» 28.1, где провозглашаются «определенные законы, по которым должны разрешаться тяжбы и споры».

В этом распоряжении Альфонсо XI в первую очередь открыто признал, что хотя придворный суд и некоторые городские суды королевства пользуются «фуэро законов» (то есть “Королевским фуэро”), в иных местностях действуют «различные другие фуэро», и порой тяжбы и конфликты невозможно «разрешить при помощи фуэро». Далекий от того, чтобы отменять традиционное право, Справедливый король¹⁰⁹ проявил уважение к фуэро, ратифицировав их «в тех аспектах, в которых они используются, за исключением тех, которые Мы сочли нуждающимися в улучшении и дополнении». Следовательно, для применения фуэро в разрешении гражданских и уголовных тяжб оно, прежде всего, должно было быть действующим, то есть в суде использовались только те нормы, которые сохраняли силу. Однако использования фуэро было недостаточно, и поэтому король оставил за собой право улучшать и дополнять их в любой момент. Это обстоятельство понятно, если иметь в виду, что фуэро имели характер привилегии.

Кроме того, судьям нельзя было применять те нормы фуэро, которые противоречат Богу, разуму и «законам, содержащимся в этой Нашей книге», даже если они имели хождение. В этом случае использованию местного права препятствовала другая важная оговорка. Нет никаких сомнений в том, что имеет в виду «Уложение кортесов в Алькале», говоря о фуэро, которые «противоречат Богу»; совершенно очевидно, что речь идет о каноническом праве. Также не представляет трудностей коллизия между нормами местного права и законами, содержащимися в самом «Уложении...». Од-

¹⁰⁹ Справедливый (*Justiciero*) — прозвище Альфонсо XI. — Прим. ред.

нако указание на «разум» не так однозначно. Подразумевал ли король под этим термином *естественное право*? Намекал ли он на римское Юстинианово право? Или это выражение аналогично *sensum naturalem* арагонских и каталанских текстов? Ясно, что двусмысличество этой фразы могла дать юристам основания идентифицировать «разум» с Юстиниановым правом (*ratio scripta*). В любом случае, правильно будет подчеркнуть примат королевского права («законов этой нашей книги») над местным правом в случае противоречий в нормах.

Законы, собранные в «Уложении...», превратились в право, которое использовалось по преимуществу в судах и на местах — с указанными выше оговорками, — но только в случае недостаточности упомянутых законов. Альфонсо XI распорядился, что при отсутствии действующих норм судьи должны придерживаться «законов, содержащихся в книгах «Семи Партий», которые повелел составить король дон Альфонсо, наш прадед, хотя до сего дняшнего дня они не публиковались и не использовались в качестве законов».

Я неоднократно обращался к проблеме значения этой фразы, и поэто-му сейчас не буду на нем останавливаться. Достаточно отметить, что она прозрачно указывает, что до этого момента Партиды не были правовым текстом, применявшимся в Кастильском королевстве. Альфонсо X никогда не провозглашал («публиковал») Партиды. Но его правнук сообщает нам и другие ценнейшие сведения:

Но Мы повелели разыскать, и проверить и исправить [Партиды] в тех местах, где это необходимо. И в проверенном виде и с дополнениями, взятыми и почерпнутыми из высказываний святых отцов, из права и высказываний множества древних мудрецов, и из фуэро и древних обычая Испании, Мы объявляем их нашими законами. А чтобы они были верными и ни у кого не было причин сокращать их, или дополнять, или изменять в них что-либо по собственному желанию, Мы приказали изготавливать их в двух книгах, и одна из них будет запечатана нашей золотой печатью, а другая будет запечатана нашей свинцовой печатью, и хранить их в нашей казне, чтобы всякий раз, когда возникнет сомнение, справляться с ними.

Из слов короля можно сделать следующие выводы: во-первых, в 1348 г. имели хождение разные версии Партий, разница между которыми была значительно существеннее, чем если бы это были просто разные копии, до такой степени, что пришлось сверять их (*conçertar*) и исправлять (*emendar*).

Во-вторых, при дворе в это время не было ни одного экземпляра Партид, даже того, который должен был принадлежать самому Альфонсо X, — в противном случае королю не нужно было бы разыскивать (*rrequerir*) экземпляры этой книги; достаточно было бы истребовать экземпляр, хранившийся в королевской казне или канцелярии. Если же Партиды были действующим нормативным текстом и применялись в судах, то как могло случиться так, что не оказалось ни одного списка в королевском придворном суде? В-третьих, из текста также следует, что юристы вносили в текст целый ряд вариаций и интерполяций («чтобы ни у кого не было причин сокращать их, или дополнять, или изменять в них что-либо»). Это обстоятельство было возможным только потому, что Партиды не имели силы закона¹¹⁰, в противном случае букву закона изменять было бы нельзя. В-четвертых, по той же причине король распорядился, чтобы после сверки и исправления, то есть после выработки окончательного текста, два экземпляра книги, одна с золотой печатью, а другая со свинцовой, хранились в королевской казне.

Тем не менее применение Партид в судах все равно было ограниченным, поскольку в случае расхождения между ними и содержанием законов «Уложения кортесов в Алькале» или любых других норм, происходящих из действующих фуэро, Кодекс Альфонсо должен был склониться перед их авторитетом, поскольку они стояли выше его в иерархии источников права.

Также Альфонсо XI пришлось признать существование фуэро в отдельных регионах, находившихся под его властью¹¹¹, обычав и порядков, связанных с вызовами на поединок, и на тех же кортесах даровать отдельное уложение для идальго. Наконец, Альфонсо XI не только настоял на своей монопольной власти создавать законы (*potestas condendi leges*)¹¹², но и на праве истолковывать их (*ius interpretandi*¹¹³).

¹¹⁰ Эта гипотеза подтверждается ниже, когда король заявляет: *et tenemos por bien que sean guardadas e valederas de aquí adelante en los pleitos e en los juicios...*

¹¹¹ OA 29: *Et porque los fijosdaldos de nuestro Regno han en algunas comarcas fuero de alvedrio, e otros fueros porque se juzgan ellos e sus vasallos, tenemos por bien que les sean guardados sus fueros a ellos e a sus vasallos segunt que lo han de fuero, e les fueron guardados fasta aquí.*

¹¹² «И поскольку королю принадлежит право создавать фуэро и законы...».

¹¹³ *Tenemos por bien que si en los dichos fueros, o en los libros de las Partidas sobredichas, o en este nuestro libro, o en alguna o en algunas leyes de las que se contienen, fuere menester interpretación o declaración, o emendar, o annadir, o tirar, o mudar, que nos que lo fagamos. Et si alguna contrarieitat paresciere en las leyes sobredichas entre si mismas, o en los fueros, o en cualquier dellos, o alguna dubda fuere fallada en ellos, o algunt fecho porque por ellos non se puede librarr, que nos seamos requeridos sobrelo porque fagamos interpretación, o declaración, o emienda do entendieramos que cumple, e fagamos ley nueva la que entenriremos que cumple sobrelo porque la justicia o el derecho sea guardado.*

Представляется очевидным, что те версии Партид (как рукопись Британского музея), которые больше всего приближались к «Зерцалу» («конституции Альфонсо»), никак не соответствовали новой политико-юридической ситуации королевства, закрепленной в «Уложении...», поскольку эта «конституция», как мы попытались доказать, не только признавала за королем законодательную и судебную монополию, но и отменяла собой все сеньориальное и традиционное право Леона-Кастильского королевства. «Уложение...», помимо признания судебных привилегий сеньоров и сохранения силы — с отмеченными оговорками — сеньориальных и городских фуэро, превращением версии Партид в официальный текст, посредством его провозглашения («публикации»), вводило теорию не только закона, но и обыкновения, обычая и фуэро, такую, как закрепленная в версии Партид (Исп. общество). Когда же в Партиды был добавлен 2-й титул («Об обыкновении, обычae и фуэро»)?

Во втором титуле Партид (Исп. общество) регулируются исключительно «обычай» и «фуэро», тогда как три закона, посвященные «обыкновению» и появляющиеся в некоторых версиях, здесь отсутствуют. Датировка этой версии Первой Партиды лишена точности¹¹⁴, ее обычно относят к первой трети XIV в. Если эта рукопись была составлена до 1348 г., то вставка во второй титул была заслугой частного лица, причем, как мы уже отметили, это обстоятельство не имело большого значения, если учесть, что текст Альфонсо не имел силы закона. По той же причине возможно, что версия Партид (Исп. общество) — это промежуточный этап между версией Британского музея и Силюсской рукописью Первой Партиды. Но я чрезвычайно далек от того, чтобы вдаваться в безбрежное море текстуальных отношений между кодексами Партид. Я хочу лишь отметить

¹¹⁴ Рамос Боссини, издатель рукописи HS, рассуждая о датировке рукописи, указывает, что в версии Партид HS содержится больше совпадений с Партидами (ВМ), чем с версией, сохранившейся в Силюсском кодексе. По мнению Рамоса, Part (HS) представляют собой «настоящую амальгаму, в которой соединяются и смешиваются обе редакции [ВМ и Силюсская], а кроме того, введено порядка тридцати девяти новых законов». На основании «повторов одной и той же идеи в разных законах, аббревиатур, существующих в тексте, вариантов редакции некоторых законов, взаимное расположение которых в титуле соответствует логике углубления темы, а также на основании всей совокупности предложенных исправлений, мы склонны предполагать, — продолжает Рамос, — что писцы, составлявшие Ms. HS 397/573, должны были трудиться в первой четверти XIV в., не позже» (F. Ramos Bossini. «Notas de introducción a las Partidas de Alfonso X el Sabio», в издании Первой Партиды, указанном в прим. 98). Лично я придерживаюсь мнения, что датировку этого кодекса следует пересмотреть по результатам совместного исследования филологов, кодикологов и палеографов.

Король и монахи. Первая Партида. Рукопись Британского музея

некоторые моменты, которые представляются интересными для рассматриваемой темы.

В регулировании «обыкновения» (того, что рождается из человеческих высказываний и дел и длится непрерывно на протяжении долгого времени, ничем не прерываясь; Part.I.2.2) учитывается возможность, что «обыкновение» возникает «по приказу сеньора, имеющего власть» (Part.I.2.3); и если оно устанавливается «по их взаимному согласию, если они понимают, что это принесет им большую пользу», то сеньор тоже должен дать согласие. Следовательно, действительность обыкновения в конечном итоге зависит от воли сеньора. Но кроме того, обычай не может «противоречить установленным нормам права».

В случае с «обычаем» (фуэро, которое не записано, которым люди руководствовались на протяжении долгого времени; Part.I.2.4) мы сталкиваемся с похожей ситуацией. Действительно, рассматривая, кто именно может устанавливать обычай, закон говорит, что если «народ» (соединение всех людей того королевства, где они проживают; P.I.2.5) делает нечто в течение десяти или двадцати лет, то эта привычка может перейти в разряд обычая, если «сеньор страны будет знать об этом и не будет возражать, но будет считать это правильным». Далее тот же закон провозглашает: «И также говорим, что обычай, который народ пожелает установить и которому следовать, должен быть согласен праву и не быть

противным ни закону Божьему, ни сеньории, ни естественному праву, ни общей пользе всего того королевства, в котором он устанавливается...». Мне кажется, что связь с параграфом 28 «Уложения кортесов в Алькале» здесь очевидна.

Такую же связь можно найти и в Part.I.2.6, где указывается, что обычай «будучи установлен разумно, имеет очень большую силу», и если он регулирует вопросы, «о которых не говорится в писанных законах», то в этом случае «он имеет силу закона». За обычаем признается возможность «устранять древние законы, созданные прежде его появления», но только при условии, что на это согласится король. Наконец, обычай не только можно заменить другим обычаем «по приказу сеньора», но и «писанными законами или фуэро», учрежденными впоследствии.

Наконец, «фуэро» (вещь, в которой заключены две другие, о которых мы сказали ранее, — обыкновение и обычай; Part.I.2.7) должно охранять «разум, право, справедливость и правосудие» (Part.I.2.8). Фуэро должно составляться «по совету людей добрых и знающих, и по воле сеньора, и к удовольствию тех, для кого оно устанавливается».

Регулирование «обыкновения», «обычая» и «фуэро», содержащееся в Партидах, полностью соответствует великому «конституционному» пакту, утвержденному на кортесах в Алькала-де-Энарес в 1348 г.: триединство обыкновение-обычай-фуэро обусловлено в первую очередь волей сеньора этой земли, а во вторую очередь — королевскими законами¹¹⁵.

5. Выводы

Осознавая, что эти выводы могут иметь исключительно предварительный характер в силу отсутствия пока критического издания Партид, я полагаю, что анализ «теории закона», содержащейся в «Королевском фуэро» и «Зерцале», может дать нам определенные основания для прояснения загадочной законодательной политики Мудрого короля.

Вопреки моему же предыдущему утверждению я полагаю более вероятным, что «Королевское фуэро» составлялось вне скриптория, работавшего при дворе короля, что подкрепляет гипотезу, выдвинутую в свое время

¹¹⁵ Альтернативную точку зрения на теорию обыкновения, обычая и фуэро в законодательстве Альфонсо X см. в статье: Марей А.В. Обыкновение и обычай как источники права в кастильской правовой доктрине XIII века (Р.1.2) // Аэциум ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора А.В. Дождева. М: Статут, 2013 и цит. там библиографию. — Прим. ред.

Мартинесом Диесом относительно того, что этот текст был написан в монастыре Серватос Фернандо Мартинесом де Самора. В противном случае, непонятно, почему редактор или редакторы «Королевского фуэро» обращались не к «Зерцалу» — уже завершенному или почти завершенному в 1255 г., но обращались к «Фуэро Хузго» в процессе разработки немногочисленных норм, касающихся «теории закона».

Цель, ради которой «Зерцало» было включено в политico-законодательный проект монарха, прекрасно обозначена в прологе к этому сочинению. «Зерцало» соединяло в себе все замыслы Альфонсо X: монополию на создание права, судебную монополию, юридическую унификацию и обновление.

Закон 13 первого титула Первой книги «Зерцала» был «основной нормой» политического проекта этого монарха, поскольку там определялось, кто именно может создавать нормы общего характера, то есть законы. Законодательная власть признавалась только за королем, а новый кодекс отменял собой все предшествующее традиционное право. Закон 13 «Зерцала» стал кельзеновской *Grundnorm*, а все «Зерцало» — «формальной конституцией» королевства. Однако этот проект оказался нежизнеспособным; для его осуществления требовалась настоящая революция, а значит — столкновение со всеми сословиями королевства. Другими словами, война.

Возможно, по той же самой причине король решил прервать работу над «Зерцалом» и воплотить свои идеи в сочинении со строго определенными функциями, а именно в энциклопедическом или дидактическом труде, не претендующем на «позитивность», где были собраны разнообразные политические и юридические представления Мудрого короля. Таким образом, редакторам Партид удалось без проблем позаимствовать теоретические рассуждения из первого титула «Зерцала» и перенести их в Партиды. Этой фазе соответствует версия Первой Партиды, сохранившаяся в рукописи Британского музея, в которой, вслед за «Зерцалом», еще не было общей теории «обычая» и «фуэро». Эту теорию добавили позже, в других версиях, во множестве ходивших на территории королевства. Наконец, к этому же второму титулу были добавлены — возможно, уже в 1348 г. — три закона, касающихся «обыкновения».

Почти век спустя Альфонсо XI смог даровать Леоно-Кастильскому королевству новую «конституцию» в виде пакта, заключенного с сословиями. Теперь *Grundnorm* стал параграф 28 «Уложения...», который можно понять только в связи со следующим параграфом того же текста. Нет необходимости напоминать о распространении этой нормы, которая вос-

производилась и повторялась в самых важных последующих кастильских юридических текстах, таких как «Законы Торо»¹¹⁶, «Новое собрание»¹¹⁷ и «Новейшее собрание»¹¹⁸. Но мне хотелось бы отметить, что теория закона, обыкновения, обычая и фуэро, содержащаяся в официальной версии Партид, приобрела гораздо большее значение в политическую эпоху, когда был утвержден «конституционный пакт» в Алькала-де-Энарес, чем во времена Мудрого короля.

¹¹⁶ Leyes de Toro, ley 1.

¹¹⁷ Nueva Recopilación, 2, 1, 3.

¹¹⁸ Novísima Recopilación, 3, 2, 3.

REFERENCES

1. *Allen Van Scy H.* A Dictionary of Old Spanish Terms Defined in the Works of Alfonso X. Madison, 1986.
2. *Ballesteros M.* Las Cortes de 1252 // Anales de la Junta para ampliación de estudios e investigaciones científicas, t. III (1910), Memoria 3^a. P. 113–143.
3. *Calasso F.* I glossatori e la teoria della sovranità. Milan, 1957.
4. *Capella J.R.* El derecho como lenguaje. Barcelona, 1976.
5. *Capella J.R.* Elementos de análisis jurídico. Madrid, 3^a ed., 2004.
6. *Estepa Díaz C.*, La Curia de León de 1188 y los orígenes de las Cortes // Las Cortes de Castilla y León 1188–1988. Valladolid, 1990. Vol. I. P. 19–39.
7. *García Pelayo M.* La idea medieval del derecho // Del mito y de la razón en el pensamiento político. Madrid, 1968. P. 66–140.
8. *García Ramila I.* Ordenamientos de posturas y otros capítulos generales otorgados a la ciudad de Burgos por el Rey Alfonso X // Hispania, t. V, N 19 (1945). P. 179–235; N 20 (1945). P. 385–439; N 21 (1945). P. 605–650.
9. *García-Gallo A.* Aportación al estudio de los fueros // AHDE 26 (1956). P. 387–446.
10. *García-Gallo A.* El Libro de las Leyes de Alfonso de Sabio. Del Espéculo a las Partidas // AHDE 21 (1951). P. 345–528.
11. *González Jiménez M.* Cortes de Sevilla de 1261 // HID, N 25 (1998). P. 295–311.
12. *González Mínguez C.* Fernando IV. 1295–1312. Palencia, 1995.
13. *Iglesia Ferreirós A.* Alfonso X el Sabio y su obra legislativa: algunas reflexiones // AHDE 50 (1980). P. 445–465.
14. *Iglesia Ferreirós A.* Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores // HID, N 9 (1982). P. 9–112.
15. *Iglesia Ferreirós A.* Cuestiones alfonsinas // AHDE 55 (1985). P. 95–149.
16. *Iglesia Ferreirós A.* Fuero Real y Espéculo // AHDE 52 (1982). P. 111–191.
17. *Iglesia Ferreirós A.* La labor legislativa de Alfonso X el Sabio // España y Europa. Un pasado jurídico común. Murcia, 1986. P. 275–599.
18. *Kalinowski G.* Introducción a la lógica jurídica. Buenos Aires, 1973.
19. *Kalinowski G.* *La lógica del discurso normativo*. Madrid, 1975.
20. *Kelsen H.* Teoría pura del derecho. Mexico, 1983.
21. *MacDonald R.A.* Leyes de los Adelantados Mayores. New York, 2000.

22. *Martínez Díez G.* Leyes de Alfonso X. II. Fuero Real. Ávila, 1988. P. 91–103.
23. *Nieto Soria J. M.* Sancho IV (1284–1295). Palencia, 1994.
24. *Prieto y Prieto A.* La autenticidad de los Decretos de la Curia de 1188 (Notas urgentes) // Las Cortes de Castilla y León 1188–1988. Valladolid, 1990. Vol. I. P. 41–58.
25. *Rubio Moreno L.M^a.* Leyes de Alfonso X. III. Contribución al estudio de las definiciones léxicas de «Las Partidas» de Alfonso X el Sabio. Ávila, 1991.
26. *Sánchez-Arcilla Bernal J.* Alfonso XI (1312–1359). Gijón, 2007.
27. *Sánchez-Arcilla Bernal J.* La obra legislativa de Alfonso X el Sabio. Historia de una polémica // El Scriptorium Alfonsí. De los Libros de Astrología a las Cantigas de Santa María. Madrid, 1999. P. 17–81.
28. *Sánchez-Arcilla Bernal J.* La obra legislativa de Alfonso X el Sabio // Revista General de Legislación y Jurisprudencia, III época, 2003, N 1 (enero–marzo). P. 107–135; N 2 (abril–junio). P. 267–297.
29. *Sánchez-Arcilla J.* Algunas consideraciones acera del origen de los corregidores en Portugal y España // Justicia y Derecho Tributario. Madrid, 2008. P. 803–820.
30. *Wright G.H., von.* Norma y acción: una investigación lógica. Madrid, 1979.
31. *Zurita R.* Textos de definiciones romanas y de Partidas. Madrid, 1973.

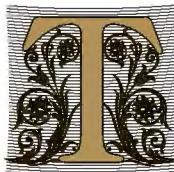

Ключевые слова:

«Зерцало», «Семь Партий», Альфонсо X Мудрый, Кастилия, теория права

José Sanchez-Arcilla Bernal

«THEORY OF LAW» IN LEGISLATIVE ACTIVITIES OF ALFONSO X THE WISE

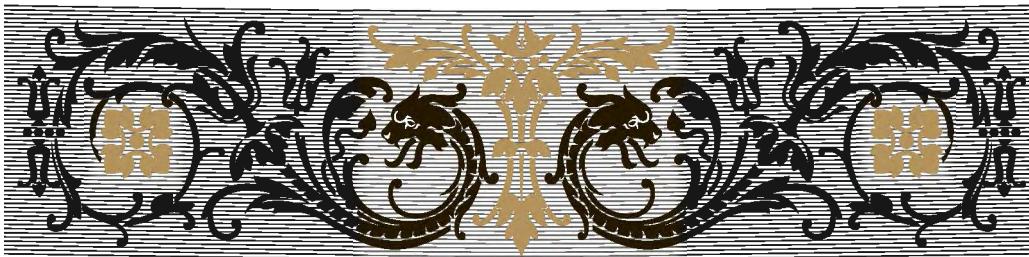
This paper presents the main stages of the legislative policy of Alfonso X. Based on the data of various regulatory sources of the second half of the 13th — first half of the 14th c. the author consistently builds his own vision of the Castilian Monarch's legal ideology. According to the author's version, Alfonso X claimed to radically reorganize the entire legal system of his kingdom, with a view to which the Mirror was made at his court. In a separate development, but exempt from the Royal Scriptorium, the Royal Fuero was written, which was subsequently granted by the King to a number of cities of Castile and Andalusia. However, the reformation, expected by introduction of the Mirror, had such a revolutionary nature that Alfonso X had to put an end to them by ending work on this code and transferring its basic ideas to another work, which had no strength of law during in his rule — to the Seven-Part Code or Partidas. Thus, the Partidas were represented as a didactic and encyclopedic abridgment which had no direct application and did not even exist in complete form until the famous Cortes in Alcal de Henares in 1348, at which King Alfonso XI gave them the power of an auxiliary legal source.

Хосе Санчес-Арсилья Берналь

профессор истории права, директор департамента истории права и государства, Комплутенский университет (Мадрид, Испания)

Х. Вальехо

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ «КОРОЛЕВСКОГО ФУЭРО»¹

1. Основание, аргумент и гипотеза

Несложно найти основания, которые оправдывали бы выбор «Королевского фуэро» в качестве объекта нашего исследования. В творчестве Альфонсо X, которого традиционно называют «испанским Фридрихом II», соединяется целый ряд характеристик, делающих его исключительным и придающих значительность тем выводам, к которым может прийти такое исследование. Речь идет о законченном сборнике законов, завершенном в соответствии с первоначальным планом и фундаментальным образом отличающемся от так называемого «Зерцала», еще одного произведения Альфонсо X, которое, по самым убедительным предположениям, так нико-

¹ Статья впервые опубликована по-испански в составе коллективной монографии: «Colendo iustitiam et iura condendo». Federico II legislatore del Regno di Sicilia nell'Europa del Duecento. Per una storia comparata delle codificazioni europee. Atti del Convegno Internazionale di Studi / Romano. A. Roma, 1997. P. 485–514. Пер. с исп. на русский осуществлен с разрешения автора.

Перевод статьи выполнен Л.В. Черниной и А.В. Мареем при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование "Семи Партий" Альфонсо X Мудрого»; редакция перевода проведена А.В. Мареем.

гда и не было закончено². «Королевское фуэро» также представляет собой сборник законов, которые эффективно действовали практически сразу с момента их создания в разных местах (в разных городах и при дворе короля) и на протяжении долгого времени (вплоть до XIX в.)³, в отличие от «Семи Партид» — вершины деятельности кастильского монарха в качестве *творца законов* (*conditor legum*) — которые, однако, получили распространение довольно поздно и лишь на ограниченной территории. Их провозгласили дополнительным правом второй степени в 1348 г., в королевской прокламации, из которой следует, что в предшествующие десятилетия они не применялись. Даже если оставить в стороне проблемы с практическим применением, книга «Семи Партид» по масштабу и характеру не имеет никаких аналогий в свою эпоху, чего нельзя сказать о «Королевском фуэро». Последнее по всем параметрам является лучшим детищем своего времени и своего региона, тесно связанным с живой кастильской юридической традицией королевского права, ведущей начало еще от вестготов. Его можно поставить в один ряд как с многочисленными муниципальными фуэро того времени, так и с другими сборниками законов, возникшими тогда в различных частях западного христианского мира по обе стороны Пиренеев.

Принимая во внимание все сказанное, «Королевское фуэро» представляется мне подходящим текстом, на основании которого можно построить

² Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa de Alfonso X el Sabio // España y Europa, un pasado jurídico común, Actas del I Simposio Internacional del Instituto de Derecho Común. Murcia, 1986. P. 275–599, особенно см. р. 281 и 400–455; эта работа представляет собой весьма убедительную попытку доказать гипотезу, которую автор выдвинул много лет назад; следует указать в связи с этим прежде всего на его статьи: *Id.* Las Cortes de Zamora de 1274 y los casos de corte // AHDE 41 (1971). P. 945–971, особенно см. с. 952–957, и: *Id.* Fuero Real y Espéculo // AHDE 52 (1982). P. 111–191, особенно с. 176–184. Принимая во внимание некоторые идеи, высказанные в настоящей работе, и невзирая на определенные разногласия, в этом первом примечании мне представляется не лишним подчеркнуть, что даже имея в виду весьма относительную точность наших знаний по этому вопросу и ограниченность критерии, с которыми обычно подходят к этой теме, работа А. Иглесии Феррейроса представляет собой единственную глобальную оценку юридического творчества Альфонсо X — это признание, отметим мимоходом, нельзя считать новым. Пространное изложение интерпретационной модели Акилино Иглесии с ответом на возражения можно найти в указанных работах и в других разнообразных публикациях, появлявшихся, главным образом, в AHDE начиная с 1980 г. Немало странниц в его статьях представляют собой прямое опровержение идей Альфонсо Гарсии-Гальо, на которых мы не будем здесь останавливаться. Две обобщающие идеи Акилино Иглесии, которые я разделяю, предлагая одновременно свою собственную, будут изложены ниже, в прим. 5.

³ Pérez Pujol E. Apuntes sobre la fuerza obligatoria del Fuero Real // Revista General de Legislación y Jurisprudencia. 1882. 30 (60). P. 488–506; на сегодняшний день изложение этой работы проще всего найти в кн.: Romeu Alfaro S. Eduardo Pérez Pujol: vida y obra, Valencia, 1979. P. 227–242.

серию умозаключений, представляющих, на мой взгляд, определенный интерес, как в силу достоинств самого памятника, так и, прежде всего, в контексте работы, посвященной отношениям между законом и правовой доктриной на судебном материале. Говоря об отношениях между законом и правовой доктриной, я имею в виду самую очевидную из возможных связей: юридические комментарии к закону, поэтому я, за редкими исключениями, не буду сосредоточиваться исключительно на том, что средневековые юристы писали на основе «Королевского фуэро»⁴. Меня интересует анализ соотнесения текста закона с повседневной судебной практикой, законами «Королевского фуэро» и сочинениями тех, кто принадлежал к юридической культуре того же времени и региона и выступал в качестве посредников и толкователей. В связи с этим в сфере юрисдикции я коснусь понимания вопроса власти в связи с концепцией *iurisdictio*, то есть «провозглашения закона» (*ius dicere*) и «установления справедливости» (*aequitatem statuere*), и в целом затрону нормативную плоскость этого понятия, в которой интерпретация описывается выражениями «учреждать право» (*condere ius*), «учреждать закон» (*condere legem*), «создавать закон» (*facere legem*) и т. п.⁵

В аргументации, изложенной на последующих страницах, мы будем отталкиваться от противоречия. И это противоречие коренится не в историческом дискурсе и не в той плоскости, которая объединяет средневековые законы «Королевского фуэро» с судебными интерпретациями того времени и о которой мы уже упоминали. Противоречие, о котором нам хотелось бы поговорить в самом начале работы, исключительно историографическое, и его можно обнаружить только в дискурсе работ историков, занимавшихся или указанными законами, или указанными интерпретациями. *Status quaestionis* по поводу «Королевского фуэро», как в монографиях, так и в

⁴ Самые подробные гlosсы к «Королевскому фуэро» составил, как известно, Алонсо Диас де Монтальво. Они были напечатаны еще при жизни автора, в конце XV в., и с тех пор постоянно переиздаются: см. описание изданий в книге: *Fuero Real: edición y análisis crítico / por G. Martínez Díez // Leyes de Alfonso X. II. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 1988.* P. 12 ss. Сведения о различных гlosсах к этому Фуэро см.: Pérez Martín A. El estudio de la RecepCIÓN del Derecho común en España // Cerdá J. y Salvador P. (eds.). I Seminario de Historia del Derecho y Derecho privado. Nuevas técnicas de investigación. Barcelona, 1985. P. 241–325, особенно с. 278, 279, 281 и 283.

⁵ Здесь в первую очередь следует сослаться на книгу: Costa P. *Iurisdictio. Semantica del potere politico nella pubblicistica medievale (1100–1433)*. Milano, 1969; заложенным в ней идеям следует и развивает их на новом материале моя работа: Vallejo J. Ruda equidad, ley consumada. *Concepción de la potestad normativa (1250–1350)*. Madrid, 1992. Эта книга закладывает основные идеи и излагает немалую часть аргументации данной статьи; и если ниже следующие примечания создадут у читателя впечатление излишней склонности к самоцитированию, то причина тому — прежде всего в стремлении к краткости и удобству, а не к престижу.

Титульный лист «Королевского фуэро». Издание 1541 г.

обобщающих трудах, указывает на то, что в этом памятнике уже есть проявления *ius commune*, хотя обычно делают ряд оговорок в отношении конкретного интересующего нас вопроса⁶. Однако даже если согласиться, что

⁶ О генетической связи «Королевского фуэро» с рецепцией *iis commune* см., напр.: Martínez Díez, G. El Fuero Real y el Fuero de Soria // AHDE 39 (1969). P. 545–562; Id. Los comienzos de la recepción del Derecho romano en España y el Fuero Real // Diritto comune e diritti locali nella storia dell'Europa, Atti del Convegno di Varenna (12–15 giugno 1979), Milano, 1980. P. 251–262; Pérez Martín A. Op. cit. P. 286 ss. Хотя эти исследования сами по себе, разумеется, не отражают всех существующих мнений по данному вопросу, они свидетельствуют о генеральном направлении мысли в обобщающих трудах. Что касается этих последних, то в силу их разнообразия трудно рассуждать о них сразу, но можно сослаться на ряд текстов, уже ставших классическими: Gibert R. Historia General de Derecho Español. Madrid, 1978. P. 45–48; Lalinde Abadía J. Iniciación histórica al Derecho español, Barcelona, 1983. P. 126–127; Tomás y Valiente Fr. Manual de Historia del Derecho Español. Madrid, 1983. P. 163–164. См. также другие работы, более близкие нам по времени: Gacto E., Alejandro J.A. y García Marín J.M. El Derecho histórico de los pueblos de España (temas y textos para un curso de Historia del Derecho). Madrid, 1992. P. 267–269; Peset M. y otros. Historia del Derecho. Valencia, 1994. P. 136–140. По причинам, изложенным в прим. 1, отдельного упоминания заслуживают многие страницы из двух масштабных сочинений А. Иглесии Феррейроса: Iglesia Ferreirós, A. La creación del derecho. Una historia del Derecho español. Lecciones. Vol. 2. Barcelona, 1988. P. 264 ss; Id. La creación del Derecho. Una historia de la formación de un derecho estatal español. Manual. Vol. 2. Barcelona, 1992. P. 6 y ss.

в данном вопросе законодательство «Королевского фуэро» больше обязано вестготской юридической традиции, чем обращению к судебным принципам, сформулированным в ходе разворачивающегося процесса развития *ius somptuare*, именно эти принципы в любом случае формируют контекст, в котором читали и толковали королевские законы. И если *ius somptuare* в целом имеет судебное происхождение, можно ожидать, что судебные подходы соответствовали подходам «Королевского фуэро», по крайней мере, настолько, чтобы сделать возможным адекватное прочтение и истолкование законов. Очевидно, тем не менее, что это соответствие было неполным: обсуждение другого спорного вопроса, относящегося к судебному толкованию юридической реальности в интересующий нас период, привело к самым разнообразным выводам, которые делаю из установлений «Фуэро»⁷. Хотя сборник законов Альфонсо, похоже, является областью эксклюзивной королевской юрисдикции, правовая доктрина указывает нам на постоянный конфликт между юрисдикциями разнообразного происхождения и непохожей структуры. Хотя кажется, что сборник королевских законов исключает любую норму некоролевского происхождения, доктрина показывает, каким образом выносились судебные распоряжения в самом широком смысле этого слова — как совокупность норм, объединенных лишь гомогенностью и согласованностью — разного происхождения и разного характера. Хотя царственный автор законов, похоже, провозгласил себя истинным создателем норм, включенных в сборник, правовая доктрина считает выработкой норм задачу провозглашения, определения и толкования права на основе принципов, еще недоступных монарху.

Поскольку заинтересованный читатель легко увидит противоречие, можно без большого риска предположить, что историки права, которым приходится обратить на него внимание, по мере возможности пытаются его объяснить. И действительно, если историк соглашается с аномальностью того противоречия, о котором мы сказали, то он может повести себя по-разному. Некоторые, и таких исследователей абсолютное большинство вне зависимости от занимаемой эпистемологической позиции, игнорируют парадокс, разрешая обусловившее его противоречие. Тем самым можно снять аномалию и вдобавок еще укрепить эпистемологические принципы, лежащие в основе рассуждения. А поскольку существует целый ряд возможных объяснений, то мы остановимся сейчас на некоторых из них. Интересно отметить, что эти объяснения кажутся реальными, однако в представленном виде они могут не соответствовать другим объяснениям, в той

⁷ О сути вопроса и связанной с ним литературе см. прим. 4.

или иной степени разработанным историками. Элементы, из которых они состоят, я полагаю, легко можно найти в историографии вопроса.

Первое объяснение, дорогое сердцу как историков, так и юристов, придает правовой доктрине исключительно теоретическое, а не практическое значение⁸. Творчество юристов *iis compiti* якобы было исключительно интеллектуальным и академическим конструктом, возникшим в школах и обреченным на развитие и воспроизведение только в схоластической среде. На основе римского права и в соответствии с его анахроническим учением было разработано учение, которое трудно или невозможно было связать — не только в доктринальном, но и в сугубо практическом приложении — с основами *iura propria*, более адекватными времени и месту. Главное возражение, которое можно адресовать этой позиции, состоит в том, что оно является частью современного предрассудка. Принято считать, с одной стороны, что только законы, но не юридические толкования, могут сразу и непосредственно применяться на практике, и что их создают именно для того, чтобы применять в заданных границах, а с другой — что эти интерпретации служат, самое большее, для изложения, а не для применения права. Есть историки, которые обращаются только к законам, интересуясь практикой, действительной или потенциальной, тогда как можно почерпнуть информацию из источников судебного происхождения.

Существуют также объяснения, которые не выказывают такого пренебрежения к правовой доктрине. Самые влиятельные правовые школы, участвовавшие в разработке и первичном применении «Королевского фуэро», — и в связи с этим лучше всего известные нынешним историкам, — располагаются не на испанской почве. Поэтому можно подумать, что их установления соответствуют юридическому опыту тех территорий, на которых они находились, в той мере, в которой юридический дискурс отходит от римского текста и приближается к живому праву, к юридическому опыту,циальному территоиям, где находились эти школы. Отсюда всего один шаг до вывода, что эти установления совершенно не соответствуют кастильской реальности, которая лучше отражена в законах королевского сборника. Этот шаг делается тем проще, что можно опереться на богатейшую историографию, которая с собственных позиций изучала эти неиспанские школы, но в реальности не

⁸ Здесь достаточно двух примеров, один — с полным изложением позиции, а второй — с молчаливой убежденностью в правоте этой позиции: Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1984; и Leroy B. Pouvoirs et sociétés politiques en Péninsule Iberique (XIVe–XVe siècles). Paris, 1991. Обе монографии удостоились рецензий в указанном духе, соответственно в AHDE 57 (1987). Р. 1040–1045, и в Ius Commune, 22 (1995). Р. 381–383.

создала истории общего права без больших или меньших территориальных ограничений. В любом случае, это соображение не обязательно подразумевает недооценки сочинений юристов, но непременно исключает все достижения выдающихся представителей итальянских и французских школ, которые, кроме всего прочего, были первыми, кто воспользовался преимуществами печатного станка. Порой отмечают возможное присутствие в «Королевском фуэро» правовой доктрины, особенно испанской, но на это обстоятельство не всегда обращают внимание, хотя оно весьма достойно освещения⁹. Конечно, можно сказать, что пока это не сделано, невозможно узнать, отличалась ли испанская доктрина от аналогов, созданных в ведущих школах континента, и так ли она близка к буквальному прочтению законов Альфонсо, как можно было ожидать. Но в любом случае не нужно ждать этого момента, чтобы задаться вопросом о причинах полного исчезновения такой юридической литературы, особенно позднесредневековой, в эпоху печатного станка и потенциального присутствия кастильского королевского законодательства в испанском пространстве. И главная претензия, которую можно предъявить этой позиции, состоит в том, что она переоценивает национальную окраску средневековой юстиции, или, что то же самое, не видит общего в общем праве¹⁰.

Третье объяснение происходит от устоявшегося понимания исторического феномена, который принято обозначать термином «рецепция». С рассматриваемой точки зрения этот термин применительно к общему праву подразумевает установление на территории внешнего и чужеродного юридического порядка при сопротивлении собственного местного права, сформировавшегося в раннем Средневековье (чуть позже или чуть раньше). Результатом этой конфронтации становится появление нового права, происходящего от усвоения или отторжения элементов, соответственно, в большей или меньшей степени отвечающих традициям собственного права¹¹. Такая концепция при правильном применении легко допускает различия, даже радикальные, в

⁹ По этому вопросу, связанному с определением точных источников «Королевского фуэро», высказывались или редко и излишне бегло, или недостаточно. См. причины, изложенные в статье: Pérez Martín A. Op. cit. P. 292 и Id. El Fueno Real y Murcia // AHDE 54 (1984). P. 55–96. В связи с этим также представляют интерес многие страницы из труда: García y García A. El derecho común en España. Los juristas y sus obras. Murcia, 1991.

¹⁰ Относительно того периода, который представляет наибольший интерес, лучшее мнение одновременно является самым оригинальным: Dolezalek G. Observaciones sobre el desarrollo del Derecho común hasta la época de Alfonso X el Sabio // España y Europa... P. 27–44.

¹¹ Критический комментарий к этой позиции см. в статье: Petit C., Vallejo J. La categoria giuridica nella cultura europea del Medioevo // Storia d'Europa. Vol. 3: Il Medioevo (Secoli V–XV) / a cura di Gh. Ortalli. Torino, 1994. P. 721–760.

отношении собственного права, в силу того, что оно считается основным элементом, но не в отношении общего права, если попытаться осознать реальность законодательства, фактически действовавшего на данной территории. В нашем случае понятно, что правовую доктрину подчиняют королевским законам Альфонсо. Возражение, которое можно выдвинуть к этой позиции, состоит в том, что она видит в собственном праве способность управлять принципами отношений между собой и общим правом, что в реальности маловероятно, если исходить из предпосылки, что именно общее право формирует юридическую культуру, в рамках которой истолковывается местное право.

Помимо изложенных, могут порой возникать и другие концепции, построенные на других эпистемологических основаниях, в том числе и представляющие точки зрения, радикально отличающиеся от описанных выше. Можно, например, предложить гипотезу, базирующуюся на том, что сконструированным абстрактно и без должной связи с реальностью было как раз «Королевское фуэро» — сочинение короля, который отразил в нем юридический идеал, *desideratum*. Этот идеал невозможно было реализовать в условиях распыленной структуры власти, существовавшей на территории, где должна была действовать эта книга, плюрализма, который можно было преодолеть только с помощью доктрины, учитывающей реальную практику и не обращавшей особого внимания на один-единственный из существующих центров власти. Против этой концепции тоже можно выдвинуть возражения: здесь трудно будет согласиться, что король XIII столетия, тем более носивший имя Мудрого, мог счесть подобный политический проект реальным.

Таким образом, объяснения указанного принципиального противоречия могут быть не менее разнообразными, чем возражения, которые можно им адресовать, не говоря уже о том, что аргументы в пользу этих концепций не более убедительны, чем аргументы против них. Это соображение дополнительно подтверждает возможность, о которой мы будем говорить на этих страницах: мы не будем пытаться объяснить противоречие, сформулированное несколькими абзацами выше, добавляя еще одну гипотезу к списку перечисленных, а наоборот, докажем, что это противоречие, столь бросающееся в глаза в историографии, исторически может оказаться несуществующим. За основу будет взята простая предпосылка: сведения, которые оставили нам средневековые юристы, можно черпать не только из оставленных ими сочинений, но и из того, как именно эти сочинения написаны. Другими словами, средневековая юриспруденция учит не только тому, что написано напрямую, но и тому, как именно это следует читать. В этом утверждении нет ничего новаторского, но я полагаю, что именно эту теорию следует применить к прочтению «Королевского фуэро». Таким образом, мы сможем обратить особое внимание на

характер текста «Королевского фуэро», то есть выделить характер исследования, предложенного в этой небольшой работе. Интересно отметить, что тем самым «Королевское фуэро» не превращается просто в литературный текст, не имеющий дополнительного смысла и лишенный юридического значения. Мы не будем удаляться из сферы права, поскольку будем исходить из посылки, что с помощью юридического текста (правовой доктрины) можно научиться читать другой юридический текст (королевские законы нашего фуэро). Даже признание того, что эти группы текстов (доктрина и законы), будучи каналом изложения или провозглашения права, обладают разным характером, не может вызвать искажения. Чуть выше отмечалось, что тот, кто читает доктрину, учится читать доктрину, поскольку в ней содержатся собственные ключи к прочтению. Если это так, то тем более тот, кто изучает доктрину, прежде всего знакомится с методом, с помощью которого юристы общего права читали правовые тексты, поскольку именно законы (*leges*), а не что-то иное, считались средоточием *corpora iuris*, которые они комментировали. Излишне говорить, что обратный путь эпистемологически невозможен: законы не учат читать правовую доктрину, в силу своей цели предлагая лишь минимальные критерии для понимания и оценки юридической литературы.

В связи с этим данная работа представляет собой попытку нового прочтения законов «Королевского фуэро», понимаемых как собственно законы, на указанных принципах. Я не собираюсь истолковывать «Королевское фуэро» как исключительно виртуальный юридический порядок, больше ориентированный на символическое вмешательство и нацеленный на утверждение образа короля как высшего источника справедливости, чем на нормативное вмешательство, действительно призванное определять поведение людей. Именно так однажды определили королевское право позднего Средневековья и раннего Нового времени вообще, тем самым указывая на его тесную связь с доктринальными концепциями и объясняя с этой точки зрения то обстоятельство, что эти концепции также не были нацелены на повседневное моделирование юридической практики. Независимо от историографической ценности, которую может иметь развитие этой гипотезы, ее принятие в качестве отправного пункта заставит нас выйти за правовые и судебные рамки, в которые мы поставили себя с самого начала¹².

Еще одно обстоятельство побуждает нас предпринять попытку нового толкования: дело в том, что единственное прочтение «Королевского фуэро»,

¹² Эта концепция лучше всего отражена в работах Антонио Мануэля Эспаньи; укажем лишь самую последнюю и самую выразительную из них: *Hespanha A.M. Lei e justiça: história e prospectiva de um paradigma // Id. Justiça e litigiosidade: história e prospectiva*. Lisboa, 1993. Р. 5–58.

то есть современное его прочтение, не в состоянии избавиться от привычки рассматривать этот текст как один из «испанских кодексов» XIX в. Навсегда исчез собственный социальный, политический и юридический контекст «Королевского фуэро», остался только текст, напечатанный, размноженный и читавшийся на протяжении десятков лет, как должен был быть напечатан, размножен и прочитан несуществующий кодекс — поздний плод мучительного и долгого процесса кодификации в Испании¹³. Нынешний способ прочтения, который может показаться спонтанным, не вполне свободен от исторической детерминированности. Напротив, нынешнее прочтение непосредственно происходит из аномальной ситуации, которую я только что описал, и именно это прочтение наиболее очевидно связано с конкретными обстоятельствами данной эпохи и данного места, в наибольшей степени смоделировано историко-юридической культурой того времени, которое мы называем своим. Есть смысл потрудиться и предложить новое прочтение.

2. Доктринальное многообразие

Начнем мы с того, что перенесем акцент, который принято ставить на определенные законы для объяснения глобального характера «Королевского фуэро». Стандартное прочтение, предпочитая не начинать с пролога, выбирает отправной точкой закон FR I.7.2, сформулированный яснее, чем можно было ожидать от обычной сугубо королевской юстиции:

Никто да не осмелится разбирать тяжбы, кроме алькальда,
назначенного королем¹⁴.

¹³ Petit C. El Código inexistente (I). Por una historia conceptual de la cultura jurídica en la España del siglo XIX // Anuario de Derecho Civil, 12 (1995). P. 49–90.

¹⁴ Для цитирования в данной работе текстов «Королевского фуэро» я использую издание Гонсало Мартинеса Диеса, подготовленное вместе с Х. М. Руисом Асенсио и С. Эрнандесом Алонсо: *Fuero Real: edición y análisis crítico / por G. Martínez Díez // Leyes de Alfonso X. II. Avila: Fundación Sánchez Albornoz*, 1988, в дополнение к которому, особенно в дополнение к «Критическому анализу», предпосланному этому изданию и подготовленному также Г. Мартинесом Диесом, следует обязательно иметь в виду пространную рецензию: Iglesia Ferreirós A. En torno a una nueva edición del Fuero Real // AHDE 59 (1989). P. 785–840. Х. М. Руис Асенсио в «Палеографическом исследовании», включенном в это издание (P.133 ss.), показывает, что рукопись, положенная в основу публикации, происходит из королевского скриптория, тем самым опровергая мнение, распространенное ранее среди специалистов. См. напр.: MacDonald R.A. Law and Politics: Alfonso's Program of Political Reform // Burns R.I. (ed.). The Worlds of Alfonso the Learned and James the Conqueror. Intellect and Force in the Middle Ages. Princeton, 1985. P. 150–202.

Есть искушение счесть это заявление официальной формулировкой или, по крайней мере, политической целью, провозглашающей единственной юрисдикцией королевскую власть; это явный пережиток прочтения XIX в., отражающего стремление этого столетия к передаче единой законодательной власти в руки государства. Мы же начнем с другого места Фуэро, которое кажется менее важным в силу своего положения в общем порядке. Речь идет о законе из Второй книги, включенном в титул, который, по-видимому, регулирует отдельные вопросы, касающиеся частного права, приобретения или утраты собственности на предмет с течением времени. Это закон FR II.11.5:

Ничто из принадлежащего (*cosa*) сеньории короля не может быть утрачено с течением времени, но, когда бы он или его представитель ни затребовали бы это, пусть он его получит. Мы также приказываем, чтобы имущество святой Церкви не утрачивалось бы по прошествии времени, меньшего, чем установили святые отцы.

Как явствовало бы из терминологического анализа «Королевского фуэро», если бы таковой понадобился, термин *cosa* относится не только к материальной или вещественной собственности, а термин *señorio* обозначает не только «владение» в смысле, наиболее близком к современному понятию¹⁵.

¹⁵ В свете отсутствия лингвистического исследования, охватывающего хоть сколько-нибудь кастильских рукописей «Королевского фуэро» — статья С. Эрнандеса Алонсо, включенная в издание, которым мы пользуемся, слишком короткая и представляет собой лишь «Введение», каковым и является — я полагаю, что следует взять за основу исследование из перевода книги королевских законов на португальский язык: *Azevedo Ferreira, J. de. Afonso X. Foro Real. Lisboa, 1987*; особенно см. термин «cosa», р. 506 и 553 в т. I, и р. 78 в т. II; термин «señorio», р. 271 в т. II. Следует иметь в виду, что сделанные Ж. де Феррейрой выводы близки к реальности, но все же остаются приблизительными и допускают определенные вариации. Заметим вскользь, что в потенциальному компаративном исследовании настоящих кастильских рукописей тоже было бы невозможно оценить первый из указанный терминов — *cosa*: хотя, по подсчетам Феррейры (I, р. 506) он встречается в «Королевском фуэро» 424 раза, его практически невозможно определить иначе как при чтении или при анализе текста компьютерными методами. Термин *señorio* дает больше возможностей для выделения оттенков смысла: Феррейра отмечает 27 случаев его употребления в различных формах; лично я встретил его в тексте 29 раз. В 26 случаях транскрипция португальской рукописи и использованного кастильского издания совпадает; в португальском, но не в кастильском тексте он встречается лишь однажды (FR III.2.2 «de donadio de señor» вместо «doutro senhorio»), а в кастильском, но не в португальском — трижды, причем в одном из случаев расхождение объясняется отсутствием в португальской версии титула о вызовах (FR IV.21 или 25, в зависимости от расположения в кастильских изданиях и рукописях), а два других явно демонстрируют определенное понимание кастильского текста (в FR I.2.2 в одном из

Король Альфонсо VI. «Книга завещаний королей Леона», XII в.

Следовательно, к «принадлежащему сеньории короля» относятся также полномочия, признанные за ним в силу его верховного политического статуса в королевстве, власть, которая присуща его юрисдикции. В отношении них закон провозглашает отсутствие срока давности, и об этой декларации вспомнят почти сто лет спустя (в Алькала-де-Энарес в 1348 г.) в королевском постановлении противоположного характера, указав попутно на конкретную сферу, выраженную в терминах, по меньшей мере, двусмысленных для современного читателя «Королевского фуэро»¹⁶.

В данный момент мы не будем руководствоваться терминами, определяющими королевские права в середине XIV в., нас интересует середина XIII в.; но это действительно были королевские права. Приобретение юрис-

случаев, где по-кастильски встречается термин «señorío» [del rey], по-португальски он превращается в «геноу», а преступления «contra señorío del rey» [против сеньории короля] в FR II.1.3 по-португальски становятся преступлениями «contra el rey» [против короля].

¹⁶ См. об этом недавнюю работу: Vallejo J. Leyes y jurisdicciones en el Ordenamiento de Alcalá // Textos y Concordancias del Ordenamiento de Alcalá / ed. por Fr. Waltman y P. Martínez de la Vega Mansilla. Madison, 1994. Р. 1–19. После 1348 г. текст FR II.11.5 в любом случае могли истолковывать в соответствии с новой нормой: Alonso Díaz de Montalvo, глосса ‘ninguna: de señorío de rey’ к FR II.11.5: Hodie tamen de jure Regni praescribitur jurisdictionis civilis, & merum Imperium contra Regem spatio centum annorum. Et quod hic dicitur, intelligitur de majoritate iustitiae, quae nullo temporis spatio potest praescribi (= Ныне однако в королевском праве предписано, что гражданская юрисдикция и власть короля распространяются на сто лет. А сказанное тут tolkuется в духе величия правосудия, которое не может быть ограничено никаким течением времени); я использую снабженное глоссами издание, El Fuero Real de España, Madrid, 1781.

дикции в обход короля запрещается, поскольку можно допустить, что подобное приобретение станет причиной усиления судебной власти различных должностных лиц. Допускается возможность — а с ней и реальность — применения другими людьми полномочий, которые считаются королевскими с претензией на исключительность. Тот, кто поступает таким образом, считается узурпатором, хотя в рассматриваемом юридическом контексте у него есть достаточно аргументов противодействовать решительному вмешательству короля, направленному на восстановление эксклюзивных прав в судебной сфере, пусть даже эти аргументы негативного характера¹⁷. Кроме того, нужно еще посмотреть, какие полномочия — или, точнее, в какой степени — имеются в виду под эксклюзивной и неотъемлемой королевской сеньорией, однако к этому вопросу мы обратимся ниже.

Однако для начала необходимо завершить анализ разбираемой нормы разбором отсылки к Церкви, которая также представляет особый интерес¹⁸. При том что норма касается той же сферы, то есть юрисдикции, в ней применительно к судебным полномочиям Церкви утверждается то же, что отрицается применительно к юрисдикции короля: хотя смысл нормы представляется ограничительным, то есть Церковь может потерять свою юрисдикцию с течением времени, все же тот, кто отправляет публично и мирно судебные полномочия, изначально приписанные церковным властям, укрепляет свою позицию, приобретая собственность на них. Следует понимать, что если владелец является мирянином, отправляемые им полномочия не должны быть несовместимы с его статусом¹⁹.

Я полагаю, что по результатам комбинированного рассмотрения двух норм, включенных в FR II.11.5, можно сделать вполне очевидный вывод, что контекст, в который вмешиваются королевские законы, — это контекст судебного плюрализма, признанного самим «Королевским фуэро». Это судебный плюрализм, который в целом нельзя назвать статичным — в той части, которая касается способов приобретения и утраты — за исключением юрисдикции короля, в данном случае при условии исключительности, которая, конечно, никогда не была очевидной, если брать за отправную точку декларацию об исключительности, содержащуюся в FR I.7.2.

Тот факт, что множественность юрисдикций приводит к множественности норм, не обязательно выводить из позднесредневекового определения

¹⁷ Vallejo J. Ruda equidad... P. 101 ss.

¹⁸ Мы также приказываем, чтобы имущество святой Церкви не утрачивалось бы по прошествии времени, меньшего, чем установили святые отцы. — Прим. ред.

¹⁹ Достаточно сослаться на базовый справочник: Dumas A. Juridiction ecclésiastique (Histoire de la) // Dictionnaire de Droit Canonique / dir. por R. Naz. T.VI. Paris, 1957. Cols. 236–283.

iurisdictio. Из того самого закона, который мы рассматриваем, это совершенно ясно, поскольку он без особых уточнений ссылается на указания святых отцов, нормативный характер которых должен иметь строго юридическую природу, ведь они, по меньшей мере, должны подразумевать сугубо юридический режим приобретения юрисдикции с указанием сроков. В системе «Королевского фуэро» речь идет о первой ссылке на юридический порядок, внешний по отношению к самому сборнику законов; первой, но не единственной, поскольку в последующих законах вновь появляются такие отсылки, всегда на каноническое право. Особую важность представляет ссылка в FR III.12.5, поскольку она использует формулу — «установленное святой Церковью» — более конкретную, чем просто ссылка на патристику, как это было раньше.

Это признание чужих полномочий, причем действительных, интересно отметить, особенно в связи с материальной стороной или смыслом норм королевского права, которые они ущемляют. И это не просто отсылка к ним, но и включение в «Королевское фуэро» норм, которые для начала должны были находиться по этой логике в собственном правовом корпусе Церкви. В FR I.5.2 король провозглашает неотчуждаемость всего, что приобретет или приумножит прелат от имени своей церкви:

Также мы приказываем, что ни епископ, ни аббат, ни другой какой-либо прелат не может продавать или отчуждать что бы то ни было из того, что он приобрел или приумножил от имени своей церкви, но если он приобретет или унаследует нечто сам по себе, то пусть делает с этим что пожелает.

С одной стороны, можно сделать вывод, что этот закон не касается вопросов юрисдикции — но это трудно предположить: помимо того, что постановка проблемы в нем имеет характер общий и неопределенный, не следовало бы толковать в ограничительном духе норму, созданную в интересах Церкви и направленную на сохранение и поддержание легитимно установленной ситуации. В противном случае получается, что этот закон плохо сопоставим с FR II.11.5, который мы только что рассмотрели и который определяет наличие срока давности для церковного имущества. Здесь интересно отметить возможное противоречие, основанное на неадекватности нормы «Королевского фуэро» принципу судебной аргументации, который предполагает совпадение отсутствия срока давности и неотчуждаемости. Это значит, что если об этом сказано — что явно неизбежно в силу применения канонического постановления с прилагающейся к нему весьма подробной правовой доктриной, — то дискуссия относительно раз-

решения этого противоречия обязательно должна была присутствовать за пределами или на полях книги королевских законов²⁰. Это, разумеется, не исключает возможности, что в самой книге разъясняется, как могут мирно сосуществовать обе нормы. На самом деле, определение любой некоролевской юрисдикции как подчиняющейся сроку давности могло быть только выгодным королю, в чью пользу работал этот механизм, поскольку именно он был лицом, обладавшим изначальной юрисдикцией. Аналогичным образом, декларируемая неотчуждаемость территорий, находящихся в собственности Церкви, также могла стать препятствием увеличению за их счет иных сеньориальных доменов. Это так и в любом случае, если руководствоваться логикой понимания и толкования, предложенными вне фуэро. Данная логика ни при каких условиях не может не отражать напряженную игру конкурирующих юрисдикций, в чем можно убедиться в том же титуле I.5 «Об охране имущества святой Церкви», где помочь светской королевской власти, провозглашенная в законах 4 и 6 — с явным признанием в последнем некоролевского «правосудия», — компенсируется кажущимся признанием со стороны Церкви исключительности королевского правосудия в отношении преследования определенных преступлений²¹.

Королевская исключительность остается именно в этом пункте. Она, разумеется, присутствует в «Королевском фуэро», поскольку формулировка FR.I.7.2 вовсе не ложна, и сейчас мы можем вернуться к этому вопросу с более глубоким пониманием дела. Мы уже знаем, чего именно *не* могли хотеть сказать лаконичным: «Никто да не осмелится разбирать тяжбы, кроме алькальда, назначенного королем»²². Рассмотрим теперь, с другой стороны, как исключительность королевской юрисдикции может сочетаться с множественностью юрисдикций, ясно видной из постановлений того же Фуэро.

²⁰ Об этой дискуссии см: *Vallejo J. Ruda equidad...* P. 114 ss.

²¹ В любом случае, нужно иметь в виду, что FR I.5 — это титул с особой структурой: в отношении прежде всего используемого нами издания см.: *Iglesia Ferreirós A. En torno a una nueva edición...* P. 825 ss.; о самом важном из законов этого титула, посвященном десятинам, см.: *Id. Fuero Real y Espéculo...* P. 181–182 и *Id. El privilegio general concedido a las Extremaduras en 1264 por Alfonso X. Edición del ejemplar enviado a Peñafiel el 15 de abril de 1264 // AHDE 53 (1983).* P. 456–521.

²² Тот факт, что это заявление содержит в себе более глубокий смысл, чем кажется на первый взгляд, я полагаю, лучше всего отображен в гlosse Диаса де Монтальво, которая кратко вводит FR I.7.2 в точный исторический контекст — парадоксальным образом не являющийся одновременно более широким. Эта гlosса помогает понять буквальный смысл, указывая на нормы, предшествующие этой (*Liber Iudiciorum* II.1.15; *Fuero Juzgo* II.1.13 — и конечно 16) и наследующие ей (Постановление в Алкала 27, 2). См.: Alonso Díaz de Montalvo, гlosса к ‘ningun home debe juzgar’, *Fuero Real* I.7.2: *Concordat foro juz. lib.2 tit.1.16. potest tamen ille qui jurisdictionem praescripsit: foro novo, tit.27.1.2.*

Разумеется, такая комбинация представляется изначально невозможной, но в реальности оба эти явления — исключительность и множественность — составляют юрисдикционную основу «Королевского фуэро». Я обращался к этому вопросу несколько лет назад, не зная тогда ответа на него и оставив его открытым, в связи с так называемыми «делами королевского правосудия» (то есть уголовными делами. — Прим. ред.)²³.

Тогда речь шла о процессуальной категории, описанной в книге королевского права, которая изначально, по-видимому, отсыпала к различию между гражданским и уголовным процессом или, по меньшей мере, к определению, закрепленному для данной эпохи в ставшей уже классической историографии, уголовного процесса, отделенного от цивильного, общего порядка судебного разрешения конфликтов. Фактически, хотя это определение имело уголовно-правовой характер, оно было лишено точности: процессуальные особенности, позволявшие индивидуализировать «дела королевского правосудия», касались лишь случаев рассмотрения преступлений особой тяжести, которые иногда просто перечислялись, а иногда лишь упоминались в связи с соответствующими наказаниями. Ни одно из двух определений так и не обрело достаточной точности, поскольку различные упоминания рассматриваемых преступлений, вместе или поодиночке, не всегда совпадали, как и отсылки к характерным мерам наказания. Но если границы были плохо прописаны, то, по меньшей мере, существовало несомненное ядро «дел королевского правосудия»: дела по преступлениям, каравшимся смертной казнью или телесными наказаниями. Из специфических особенностей процесса по «делам королевского правосудия» стоит упомянуть лишь то, что по преступлениям, которые рассматривались в этой категории, предусматривалось начало разбирательства без обязательного вмешательства обвинителя.

В результате анализа этих элементов можно сказать, что, с точки зрения правовой доктрины, современной «Королевскому фуэро», пользуясь ее терминологией, книга законов Мудрого короля формирует конкретную сферу высшей юрисдикции, то есть исключительной власти (*merum imperium*), ограничиваемой обычно элементами уголовно-правового порядка, такими

²³ *Pleitos de justicia* — так назывались уголовные дела, традиционно подлежащие суду короля (они же известны как *casos de corte*). — Прим. ред.

См.: *Vallej J. Fueno Real 1,7,4: pleitos de justicia // Historia, Instituciones. Documentos*, 11 (1984) (= *Homenaje al Pfr. Dr. D. José Martínez Gijón*). Р. 343–374, с дополнительными разъяснениями: *Id. Historia del proceso, procedimiento de la historia. Diez años de historiografía procesal en España (1979–1988) // Hispania. Entre derechos propios y derechos nacionales, Atti dell'incontro di studio, Firenze-Lucca 25, 26, 27 maggio 1989 / a cura di B. Clavero, P. Grossi, Fr. Tomás y Valiente. Milano, 1990. P. 885–921.*

как определенные преступления и наказания, которые выделяются особо в силу своей тяжести²⁴.

Именно эту судебную власть монарх и требует лишь для себя. Нормы, регулирующие производство по уголовным делам, с ясностью показывают, как, в случае возникновения оснований для подобных дел, исключается любая возможность возмещения ущерба или иного урегулирования вопроса без вмешательства королевской власти. Король требует себе, исключительно и в полной мере, и основания, и право осуществления исключительной власти, высшего вида власти судебной, которая в то время, когда кастильский монарх разрабатывал сборник законов, считалась не однородной и единой, а распределенной по разным инстанциям. И если в самом «Королевском фуэро» пределы исключительной власти, то есть границы, которые отделяют ее от других видов, степеней и разделов судебной власти, не представлены, как было показано, с полной ясностью, то столь же нечетки они были в правовой доктрине, особенно связанной с фуэро²⁵. Согласно как законам, так и правовой доктрине, к ведению одного лишь короля относились дознание по наиболее тяжким преступлениям, наложение и приведение в исполнение подходящих наказаний, а следовательно, и их предварительное нормативное определение. В понимании того, зачем король резервирует за собой эту сферу в нормативной системе, предполагавшей, изначально, что вся юрисдикция относится к королю, могут помочь взгляды, охватывающие всю эту юрисдикцию в ее полноте, и внимательное чтение заявлений фуэро, которые могут доказывать идею королевской юрисдикционной монополии.

С точки зрения множественности юрисдикций определенные предписания фуэро, которые изначально, в буквальном смысле, должны были бы рассматриваться с позиций единства юрисдикции, можно понять и по-другому. Так, определения фуэро в наиболее строгом процессуальном смысле этого термина²⁶ или закрепление сферы компетенции алькальдов могут рассматриваться уже не как неизбежное следствие точного раздела территории королевства на судебные округа и развертывания в этих окружах сети судей, назначенных королем, а как предупреждение будущих кон-

²⁴ Связь между уголовными делами и исключительной властью была отмечена в статье: Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa... P. 305, 374–381.

²⁵ Vallejo J. Power Hierarchies in Medieval Juridical Thought. An Essay in Reinterpretation // Ius Commune, 19 (1992). P. 1–29.

²⁶ То есть, как территории, на которой действуют нормы того или иного фуэро. Альфонсо X, публикую «Королевское фуэро» и раздавая его множеству кастильских городов, преодолевал, тем самым, характерный для средневекового феодального общества правовой плюрализм, выражавшийся, в том числе, и в постоянном конфликте юрисдикций различного порядка. — Прим. ред.

фликов между различными юрисдикциями. Королю было особенно важно обеспечить такие условия для реализации своей — высшей — юрисдикции, чтобы ему не могли бы помешать судебные полномочия отдельных сеньоров. Я полагаю, что именно так можно истолковывать первый закон второй книги «Королевского фуэро», который открывает собой не только серию законов о юрисдикции судей, но и наиболее важную часть регламентации судебного процесса в собственной системе кодекса Альфонсо X:

Если какой-либо человек, проживающий в чьей-либо сеньории, совершил дурной поступок, за который он должен понести телесное или имущественное наказание, перейдет в другую сеньорию, то пусть отвечает и принимает приговор перед тем алькальдом, в чьем kraю было совершено преступление, и он не сможет отказаться от суда, говоря, что переехал жить в другое место.

Столь нечеткая формулировка, использованная в содержании приведенного выше закона, лишь расширяет возможности его применения. Ведь королевское правосудие действует не только в выделенной им для себя сфере. Если цель состоит в том, чтобы сделать правосудие неизбежным, то можно предположить, что эта норма также является отражением принципа, не сформулированного в «Королевском фуэро», который, тем не менее, кажется мне не чуждым его содержанию. Я имею в виду принцип верховенства правосудия, то есть эффективное вмешательство королевской судебной власти в случае недостаточной действенности местной юстиции, не делающей того, что нужно было бы сделать²⁷. Судебное вмешательство короля, таким образом, потенциально имеет всеобщий характер и не ограничивается тесными пределами собственной исключительной сферы. Подобное действие, разумеется, имеет не только судебный характер: так, фундаментальное положение, содержащееся в прологе к «Королевскому фуэро», который оправдывает его составление и дарование различным городам, указывает именно на ситуацию ущербного правосудия, которую

²⁷ Выражение этого принципа не совсем отсутствует в «Королевском фуэро», но оно видно лишь в контексте закона FR I.5.3, где указанный недостаток влияет на саму королевскую юстицию: «И поскольку воля Наша такова, чтобы в Наше время не ущемлялись и не терялись бы права Господа из-за недостатка Нашего правосудия... посему мы приказываем и устанавливаем навечно, чтобы...»; о недостатках правосудия в целом см. недавнюю основательную работу: Garriga C. Control y disciplina de los oficiales públicos en Castilla: la ‘visita’ del Ordenamiento de Toledo (1489) // AHDE 61 (1991). P. 215–390.

король должен исправить²⁸. В первых же абзацах король утверждает, что в кастильских городах

не было фуэро вплоть до Нашего времени, и судились по прецедентам, и по различным суждениям людей, и по несправедливым и противоправным обычаям...²⁹

Он не претендует на то, чтобы модифицировать действующее право — его задача состоит в том, чтобы ослабить неизбежно негативный эффект отсутствия подходящих норм. Существующие обычаи и прецеденты не являются правом, и поэтому их наличие создает объективно нежелательную ситуацию, с которой король должен покончить. Можно сказать, что это сугубо политический аргумент: возможно, но этим объясняется и его важность в качестве свидетельства доминирующих представлений.

3. Создание законов

Хотя нельзя сказать, что «Королевское фуэро» с самого начала предполагалось применять в обход всех прочих источников права, следует еще раз признать здесь, что буквальный смысл некоторых законов вполне вписывается в такого рода представление об исключительности. Здесь уместно вспомнить текст закона FR I.6.5:

Мы охотно допускаем и желаем, чтобы всякий человек знал другие законы, чтобы люди были более сведущими и мудрыми, но Мы не желаем, чтобы кто-либо судился или разбирал тяжбы по ним. Пусть все тяжбы решаются по законам этой книги, которую Мы даем Нашему народу и повелеваем соблюдать. И если кто-либо принесет книгу других законов на суд, чтобы судить или разбирать тяжбы по ней, пусть заплатит 500 суэльдо королю; но если кто-либо будет ссылаться на законы, совпадающие с законами этой книги и подкрепляющими их, то он волен делать так и не понесет никакого наказания.

²⁸ Vallejo J. Leyes y jurisdicciones. Cit., p. 12-13.

²⁹ О прологе к «Королевскому фуэро» см.: Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa de Alfonso X el Sabio. Cit., p. 293 ss.

Титульный лист *Liber Iudiciorum* (Вестготская правда). Издание 1600 г.

Весьма вероятно, что этот закон отражает несомненно существовавшую процессуальную практику, относительно которой, однако, нет специального регулирования. В начале процесса стороны доказывают свою позицию перед судьей, указывая на конкретные места как в «Королевском фуэро», так и в других сборниках законов, которые юридически поддерживают их позиции. У приведенного закона существует очевидный предшественник в вестготском королевском законодательстве (*Liber Iudiciorum* II.1.11, закон Рецесвinta), а это неизбежно предполагает, что либо описанная процессуальная практика с древности укоренилась на испанской земле, либо Альфонсо X или конкретные редакторы его законов полагали уместным возрождение такого способа ведения судебного процесса, как *recitatio*, считая его особенно удачным. Как бы то ни было, включение этого закона в «Королевское фуэро» приближает его к реальности, которую он должен был регулировать; к реальности, где существовало множество различных уложений, которые знали и на которые, по всей видимости, ссылались при обращении к судьям, обязанным решать тяжбы. По отношению к этим уложениям действия позднесредневекового короля-законодателя были явно более сдержанными, чем действия его вестготского предшественника. Включение нормы из «Книги приговоров» в «Королевское фуэро» сопровождалось удалением пассажа, обязывавшего судью уничтожить книгу законов, содер-

жание которой не соответствует официальной книге, под страхом такого же наказания, какое грозит стороне, ссылающейся на него³⁰.

В суде ссылались на разные книги — вот первое, что можно вынести из закона, изначальная цель которого, изложенная выше, состоит в том, чтобы запретить применение других законов помимо содержащихся в «Королевском фуэро». Это опять нельзя понимать однозначно. Запрет распространяется в полном масштабе на те сферы, где объективная юрисдикция короля действует эксклюзивно, либо в тех случаях, когда она должна действовать эффективно и не страдать от ограничений, связанных с недостатками применения, либо в тех местах, которые посредством соответствующих компенсаций согласились использовать фуэро в виде привилегии, вместо действовавших там ранее местных норм³¹. Сила данного закона, таким образом, неизбежно становится относительной, хотя его возможности и возрастают иным путем: FR I.6.5 также является законом, описывающим, каким образом «Королевское фуэро» встраивалось в существующие и конкурирующие с ним правовые порядки, которые оно, в целом, не собиралось вытеснять. То, что возникает необходимость привлекать иное юридическое уложение, кроме королевских законов, при этом содержащее нормы, совпадающие с этими законами, означает лишь намерение сторон подкрепить свою позицию, как бы легитимируя нормы фуэро наличием аналогичных им законов в иных источниках, хотя бы и полностью лишенных силы. Более того, тот факт, что эти законы совпадают с «Королевским фуэро», легко может означать, что они не противоречат ему, и что они находятся по отношению к королевским законам в позиции норм *praeter legem*, а не только *secundum legem*. Сам тон «Королевского фуэро» способен натолкнуть читателя на след того, чего нет в его законах, а в результате трудно предположить, что юридическая реальность, существовавшая помимо фуэро, была неважна. Если даже сами привилегии, которыми жаловалось «Королевское фуэро», могли стать основанием для использования норм, касавшихся внутригородских

³⁰ О *Liber Iudiciorum* II.1.11 см.: *Petit C. De negotiis causarum* (II) // AHDE 56 (1986). Р. 5–165; о значении вестготского процессуального законодательства для «Королевского фуэро» см.: *Vallejo J. La regulación del proceso en el Fuero Real: desarrollo, precedentes y problemas* // AHDE 55 (1985). Р. 495–704. О значении рассматриваемого нами закона «Королевского фуэро» с рассмотрением вестготского права и в целом позицию, отличную от представленной нами, см.: *Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa de Alfonso X el Sabio. Cit.*, p. 303 ss. Позиция Алфонсо Гарсии-Гальо, выдержанная в другом интерпретационном ключе см.: *García-Gallo A. La obra legislativa de Alfonso X. Hechos e hipótesis* // AHDE 54 (1984). Р. 97–161.

³¹ О процессе распространения «Королевского фуэро» см.: *González Jiménez, M. Alfonso X y las oligarquías urbanas de caballeros* // *Glossae: European Journal of Legal History*, 5–6 (1993–1994). Р. 195–214.

отношений, не отраженных среди законов «Королевского фуэро», то редчайшее присутствие терминов, указывающих на феодальные отношения, указывает, что почти ничтожное институциональное присутствие этих отношений в королевских законах, в том числе в таких специфических титулах «Королевского фуэро», как III.13 — «О вассалах и о том, что дают им сеньоры», а также в титуле «О вызовах» (IV.21), не могло бы соответствовать реальному влиянию сеньориального права, без сомнения, бывшего более влиятельным³². В этом контексте нормативную совокупность, которая могла бы существовать *praeter legem*, за пределами королевских законов, вряд ли можно было бы ликвидировать путем применения того же самого фуэро³³.

Я полагаю, что этот аргумент убедительный и сочетается с нормой, содержащейся в FR I.7.1, которая на первый взгляд полностью отрицает его. Этот закон примыкает к рассмотренному выше, хотя и располагается в другом титуле, и является выводом из предыдущего:

Мы приказываем, чтобы... алькальды... судили по законам, записанным в этой книге, а не по другим. А если случится тяжба, которую нельзя решить по этой книге, то пусть пошлют к королю, чтобы он провозгласил закон, по которому следует судить, и закон, данный королем, пусть включат в эту книгу.

И вновь, опираясь на предшествующую вестготскую традицию, проблему заполнения лакун в процессе применения «Королевского фуэро» пытаются решить прямым обращением к королю³⁴. Помимо утверждения заявленной ранее законодательной монополии монарха, этот закон стремится лишь приспособить фуэро к условиям времени и места, которым должны отвечать эти законы, по утверждению самого фуэро³⁵. Подобные меняющиеся условия могли сделать необходимым провозглашение новых норм,

³² Clavero B. Behetría, 1255–1356. Crisis de una institución de señorío y de la formación de un Derecho regional en Castilla // AHDE 44 (1974). P. 201–342.

³³ Подобное прочтение в итоге было весьма распространено, хотя в иной период, после составления «Королевского фуэро» и уже в иной правовой ситуации в Кастилии: Alonso Díaz de Montalvo, glossa ‘bien sofrimos deste libro’, к FR I.6.5: Ex quo infertur a contrario sensu, quod hodie licitum est, alias leges in causas praeter istas allegare.

³⁴ О предшествующем вестготском материале и возможном пути его попадания в «Королевское фуэро» см.: Vallejo J. La regulación del proceso en el Fuego Real: desarrollo, precedentes y problemas. Cit., p. 582–583.

³⁵ FR I.6.2: Закон должен быть ясным, чтобы всякий мог понять его и не обмануться, и подходящим для этого места, для людей и для этого времени, а также честным, и справедливым, и равным, и полезным.

отвечающих новым потребностям — к этому вопросу юриспруденция того времени обращается постоянно, что объясняется претензией на вечный характер уже установленного права. Эта претензия, отраженная также и в самом «Королевском фуэро»³⁶, логично вытекает из представления о том, что установление права — это акт не творения, а декларирования или позитивирования более высокого порядка норм поведения, установленного высшей Божественной волей. Наиболее практичный и видимый эффект этой концепции состоял в достижении чрезвычайной стабильности законодательства³⁷.

Это особенно верно применительно к FR I.7.1, потому что лаконичное обоснование этого закона направлено не на отрижение того, что существуют законы некоролевского происхождения, а на провозглашение куда менее масштабного принципа: лакуны в книге королевских законов должен заполнять король. В таком истолковании закону FR I.7.1 соответствует нормативный контекст, отличный от того, в котором следует рассматривать предыдущий закон — FR I.6.5. Схематично говоря, последний закон шестого титула направлен вовне «Королевского фуэро», а первый закон седьмого — вовнутрь книги королевских законов; FR I.6.5 представляет собой образец отношений с другими уложениями законов, а FR I.7.1 предлагает способ заполнения лакун внутри самого королевского уложения.

Интеграция, которая производится без привлечения творчества, как мы только что сказали, а в процессе, природа которого ближе к юридическому толкованию, призвана превратить короля в посредника между чистой справедливостью, столь же объективной, сколь и неопределенной, и справедливостью, узаконенной и сформулированной в виде позитивной нормы. Рассуждать об этих вопросах на основании буквального смысла законов действительно сложно, поскольку конкретное доказательство того, что эта концепция породила идеи «Королевского фуэро», отсутствует. Закон — результат процесса, который ему самому объяснить не нужно, и не следует удивляться тому, что этот результат чрезвычайно редко отражается в текстах изучаемой нами королевской книги.

Существуют ли другие пути исследования? Разумеется, существуют, и некоторые из них уже использовались, всегда давая спорные результаты. Как мы вскоре увидим, они мало могут дать для достижения наших целей.

Например, ни к чему не приводят семантический и частотный анализ глаголов, которые вводят нормы, хотя от этого метода изначально можно было

³⁶ FReal, Prooem.: ...И повелеваем, чтобы это фуэро соблюдалось вовеки...

³⁷ Vallejo J. Ruda equidad, ley consumada. Cit., p. 302 ss.

ожидать существенного эффекта³⁸. Такие глаголы — обычно это следующие наиболее распространенные формы: «Мы приказываем» (*mandamos*), «Мы желаем» (*queremos*), «Мы запрещаем» (*defendemos*), «Мы постановляем» (*establecemos*) — используются слишком произвольно, и невозможно сказать, что составители «Королевского фуэро» вкладывали в них определенный и постоянный смысл. Обратите внимание, например, на использование слова «Мы приказываем», глагольной формы, которая на первый взгляд должна подразумевать решительный императив и наличие смысловых оттенков для демонстрации исключительности личной воли монарха. В некоторых случаях это слово используется для введения норм, связанных с соблюдением постановлений, не исходящих от короля³⁹, в других — для норм сугубо декларативного или толковательного характера⁴⁰; нередко оно вводит лишь одну из норм, содержащихся в данном законе⁴¹. Остальные случаи применения занимающей нас формы глагола *mandar* также недостаточно показательны для выработки какой бы то ни было гомогенной характеристики законов, в которых он присутствует, а следовательно, и для отличения их от законов, где норма вводится другим глаголом⁴². Дополнительные основания для такой позиции дают те случаи, где допускается взаимозаменяемое использование слов «приказываем» (*mandamos*) и «постановляем» (*establecemos*)⁴³, или те,

³⁸ Реальный предел выводов, которые можно извлечь из этого исследовательского метода, представляющегося мне бесплодным в нашем конкретном случае, см. в работе: José de Azevedo Ferreira. Afonso X. Foro Real, cit., I, p. 417 ss. С другой стороны, из простой констатации нельзя сделать вообще никаких выводов, см.: García-Gallo A. La obra legislativa, cit., p. 107 и 154.

³⁹ О FR II.11.5 см. выше в тексте; FR III.1.1: Постановляем и приказываем, чтобы все браки совершились словами, которые приказывает святая Церковь.

⁴⁰ FR III.1.1.1: И поскольку некоторые сомневаются, является ли продажей, если одну часть наследственного владения или какую-либо вещь отдают за коня или за другое наследственное владение или за деньги, Мы приказываем, чтобы это считалось обменом.

⁴¹ Обычно оно вводится посредством слова *otrosi*: FR I.5.2; II.9.8; II.11.2; II.12.2; III.4.9; III.5.12; III.6.10; III.12.7; III.15.7; IV.20.15; IV.22.5, хотя и не всегда: FR II.10.3; III.1.8; III.3.2; III.4.17; III.10.6; III.13.6; III.16.6; IV.5.2; IV.11.4; IV.12.2; IV.15.4; IV.17.8; IV.19.1; IV.21.25.

⁴² Термин «*mandamos*» («приказываем») используется особенно часто; доказательство тому см. FReal, Prooem.; I.1; I.2.2; I.3.1; I.5.1; I.5.2; I.5.3; I.5.4 (относительно этого закона см. критический аппарат к используемому изданию); I.7.1; I.7.8; I.8.3; I.9.4; I.10.17; I.10.19; II.5.1; II.8.2; II.8.19; II.11.8; II.11.10; II.14.2; II.15.1; II.15.2; II.15.5; III.2.2; III.5.7; III.8.1; III.8.3; III.10.1; III.13.2; III.13.5; III.19.5; IV.5.1; IV.9.2; IV.11.1; IV.18.5; IV.20.10; IV.21.11; IV.21.19; IV.22.4; IV.24.1; IV.25.1.

⁴³ FR I.2.2: И посему постановляем... Также приказываем...; FR I.5.2: поэтому постановляем... и приказываем это. Также важны примеры из FR III.5.5 и 7, поскольку первый из этих законов вводит с помощью «постановляем» норму, близкую по масштабам норме второго закона, начинающегося с «приказываем». Более того, португальская версия FR III.5.5 начинается со слов «Постановляем и приказываем» (*Estabelecemos e mandamus*). См.: José de Azevedo Ferreira. Afonso X. Foro Real, cit., I, p. 211.

где термин «приказываем» усилен терминами «постановляем»⁴⁴ или «желаем»⁴⁵, если предположить, что эти последние нельзя выделить в отдельную категорию, но они придают особую специфику законам, где используются только эти две глагольные формы⁴⁶. Особенно неустойчиво все, что касается «постановляем» — термина, от которого в наибольшей степени можно было бы ожидать значения установления права в собственном смысле слова⁴⁷. Наконец, «запрещаем» (*defendemos*) — это глагольная форма, использование которой предполагает негативный смысл фразы, что, впрочем, не дает нам делать определенных выводов на основании ее употребления⁴⁸.

Если указанный путь ведет в никуда, то и другие, которые можно попробовать использовать, ведут туда же. Я считаю приемлемым использовать следующую отправную гипотезу: чтобы понять природу действий короля в творении законов, следует обратить внимание на структуру этих законов и особенно на их порядок и формальное расположение в тексте⁴⁹. Но в силу особенностей стиля, использованного составителями «Королевского фуэро», которые в большинстве случаев ограничивались максимально лаконичным изложением нормы, а не ее обоснованием, объяснением или изложением ее оснований, данная гипотеза оказывается практически недоказуемой, хотя возможно, она может дать результаты для других юридических сочинений Альфонсо X⁵⁰.

⁴⁴ FR I.5.3 и III.1.1.

⁴⁵ FR I.1: И мы желаем и приказываем, чтобы всякий христианин придерживался этой веры и соблюдал ее... В издании Королевской академии истории есть еще один пример в титуле о паломниках: FR IV.23.2: мы желаем и приказываем, чтобы паломники... могли... составлять распоряжение о своем имуществе...

⁴⁶ «Желаем» не всегда появляется в значении императива, порой вводя собой объяснение нормы. См. FR IV.20.6: ...ибо мы не желаем, чтобы он по малолетству утрачивал свое право против того, кто нанес ущерб.

⁴⁷ Этот термин используется не так часто, как можно было бы ожидать. См. FR I.2.1; I.2.2; I.5.2; I.5.3; I.6.4; I.8.1; I.10.10; II.1.8; II.11.7; III.1.1; III.4.10; III.5.5; III.10.9; IV.20.1.

⁴⁸ См. FR III.5.10 в отличие от FR III.5.5 («постановляем») и FR III.5.7 («приказываем»); а также FR III.5.19 в отличие от III.19.2. В тексте FR IV.11.1 и FR IV.24.1 связь с «приказываем» видна особенно ясно.

⁴⁹ См. пример такого подхода: Herzog T. The 'Recopilación de Indias' and its discourse. The Spanish Monarchy, the Indies and the Seventeenth Century // *Ius Commune*, 20 (1993). P. 143–163.

⁵⁰ Они способны предоставить некоторые дополнительные аргументы, хотя, возможно, и не окончательного свойства. См., напр., показательный пример из «Зерцала» III.2.1, где присутствует цепочка деклараций, выстроенных в следующем порядке: 1. «Считаем согласным праву», что поведение X недостойно для подражания; 2. Причиной тому является то, что поведение X приводит к ущербам А и В, а тот, кто поступает таким образом, грешит тремя способами: С, Д и Е. З. Поэтому «приказываем», что тот, кто поступает X, умрет. 4. И это так, потому что «таково право», и нужно придерживаться поведения Y.

Тем не менее нельзя сказать, чтобы аргументы совсем отсутствовали, и пусть даже язык законов «Королевского фуэро» дает ничтожно мало сведений о себе самом, но законы кое-что говорят о себе. Послушаем их в завершение. Существует определение закона, причем определение в широком смысле, которое отбрасывает формальные аспекты и сосредоточивается на сущности и функции. Речь идет о FR I.6.1:

Закон любит божественное и наставляет в нем, он источник просвещения и учитель права и справедливости, уложение добрых обычаев, охрана народа и его жизни...

В закон включена консервативная klaузула «охрана народа и его жизни», а это означает, что закон не создается заново, а лишь записывается; нет ничего, что может ассоциироваться с нововведением любого толка, с изменением общего юридического порядка, который, как считается, существует от века и королевские законы включаются в его контекст. Правовой порядок в конечном итоге имеет божественное происхождение, и закон не может не гармонировать с ним — он «любит его», — тем самым поясняя его. Не только справедливость, но и «право» — это реальность, предшествующая закону, который показывает ее и наставляет в ней. Еще одну ссылку к ценностям более древним, чем закон, можно заметить в указании на добрые обычаи — закон, упорядочивая их, тем самым формулирует их и дает им нужное направление. Но в этом «уложении добрых обычаев» видна и проекция в будущее. Закон исполняет функцию формирования поведения, которая находится в полном соответствии со средневековой концепцией, основанной прежде всего на текстах, включенных в канонические собрания, подтверждения обычаями писаного закона. Речь идет не о порождении обыкновения, соответствующего закону, в результате удачного применения правовой нормы ее адресатами, а о символической легитимации закона, который понимается именно в том широком смысле, который использует «Королевское фуэро». В этом смысле утрачивает определяющий характер не только форма, которую принимает норма, но и тот, кто ее провозглашает, конкретный носитель

Хотя в «Королевском фуэро» таких ярких примеров нет, они изобилуют в «Зерцале», где приведенная схема повторяется неоднократно. Однако нет причин полагать, что законодательство «Королевского фуэро» не следует аналогичным базовым принципам, которые предполагают соответствие высшему и неизменному юридическому порядку, как его представляет монарх. Описанная выше схема изложения нормы идеально соответствует этим принципам.

нормативной власти, который является ее непосредственным автором. FR I.6.1 определяет не закон короля, а закон вообще, эквивалентом которому является норма принципиально иного характера, а именно обычай. Во-первых, это идентификация, прекрасные основания для которой предлагает буквальный смысл закона, который мы комментируем, а во-вторых, статут — это наиболее общее обозначение, используемое в правовой доктрине для истолкования любого судебного уложения, ограниченного по территориальным, персональным или объективным критериям⁵¹.

В этом титуле автор законов не то чтобы не упоминается, но он все время остается второстепенным по сравнению с характеристиками, более имманентно присущими закону. Например, в FR I.6.3:

Вот какова причина, подвигнувшая нас творить законы: чтобы они обуздывали злодейство людей и жизнь добрых была бы в безопасности, а злые отказались бы от зла в страхе наказания⁵².

У этого пассажа есть аналог в прологе к книге законов:

...Поскольку подобает королю, который должен содержать свой народ в справедливости и праве, творить законы, чтобы знали люди, как следует жить, и о разладах и о тяжбах, которые возникают между ними, так чтобы поступающие дурно несли бы наказание, а добрые люди жили в безопасности.

Речь идет о гарантировании и поощрении добра и преследовании и наказании зла, а не об их определении. Последнее станет креативным элементом процесса, в ходе которого, если пользоваться терминами, предложенными самими королевскими законами, творец этих законов играет второстепенную роль, которую он обязан сыграть, потому что такова природа его положения — «подобает королю».

⁵¹ Глосса к слову «закон» Алонсо Диаса де Монтальво к FR I.6.1 доказывает, что именно так можно читать FR I.6.1 в историческом контексте возникновения этой нормы и что именно так она действительно читалась позднее, когда господствовали такие же ценности: Sed in larga significatione lex est sanctio sancta iubens honesta: prohibens contraria regula justorum et injustorum... & sic sumitur pro omni rationabili statuto: ut in ista lege... Item nota circa hanc materiam, quod inveterata consuetudo est tacita lex. О правовой доктрине эпохи «Королевского фуэро» см.: Vallejo J. Ruda equidad, cit., p. 265 ss.

⁵² См. указание на происхождение этого закона от Исидора: Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa, cit., p. 302.

Этот контекст придания королевским законам сущностной роли, недоступной самой власти, которая их провозглашает — единственное, что может объяснить текст, подобный FR I.6.4:

Всезнание устраниет незнание, поскольку написано, что тот, кто не желает понять, не желает поступать хорошо. И поэтому мы повелеваем, чтобы никто не подумал поступить дурно, говоря, что не знает законов и права, и если он поступит вопреки закону, незнание закона не извинит его преступление.

Может ли быть что-либо нелепее, чем читать этот закон, как если бы он относился к позитивному юридическому порядку конвенционального характера, которому для безопасности в атмосфере постоянно нарастающего юридического движения требуется признать незнание нормы непростительным? Смысл FR I.6.4 совершенно в другом: нет прощения не знающему принципа, который отражает, определяет, истолковывает или формулирует закон, и это не имеет почти ничего общего с тем, был ли буквальный текст королевского закона прочитан или услышан нарушителем хоть однажды⁵³. В середине XIII столетия это требование совершенно очевидно было столь же невыполнимым, сколь чрезмерным оно считалось много позже, в момент наивысшего успеха в толковании «Королевского фуэро»⁵⁴.

Давайте откажемся от подобных способов прочтения и сделаем попытку прочесть текст заново. На этих немногих страницах я хотел представить первоначальный план разработки критериев понимания королевских законов, наиболее приближенных к правовой доктрине того времени. Я полагаю, что эти критерии имеют право на существование, и признаю их спорными по целому ряду пунктов. Если при двух этих условиях наше прочтение расширит горизонты и обострит критическое чутье у читателя, который вновь обратит свой взор на «Королевское фуэро», то оно выполнит свою задачу внести минимальный вклад в понимание комплекса проблем, которые часто поднимают, но в целом признают нерешаемыми.

⁵³ О FR I.6.4 без подробных объяснений см.: Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa, cit., p. 303.

⁵⁴ О последнем контексте см.: Grossi P. Absolutismo jurídico y derecho privado en el siglo XIX. Bellaterra. 1991.

REFERENCES

1. *Clavero B.* Behetría, 1255–1356. Crisis de una institución de señorío y de la formación de un Derecho regional en Castilla // AHDE 44 (1974). P. 201–342.
2. *Costa P.* Iurisdictio. Semantica del potere politico nella pubblicistica medievale (1100–1433). Milano, 1969.
3. *Dolezalek G.* Observaciones sobre el desarrollo del Derecho común hasta la época de Alfonso X el Sabio // España y Europa... P. 27–44.
4. *Dumas A.* Jurisdiction ecclésiastique (Histoire de la) // Dictionnaire de Droit Canonique / dir. por R. Naz. T.VI. Paris, 1957. Cols. 236–283.
5. *Gacto E., Alejandre J.A. y García Marín J.M.* El Derecho histórico de los pueblos de España (temas y textos para un curso de Historia del Derecho). Madrid, 1992.
6. *García y García A.* El derecho común en España. Los juristas y sus obras. Murcia, 1991.
7. *García-Gallo A.* La obra legislativa de Alfonso X. Hechos e hipótesis.// AHDE 54 (1984). P. 97–161.
8. *Garriga C.* Control y disciplina de los oficiales públicos en Castilla: la ‘visita’ del Ordenamiento de Toledo (1489) // AHDE 61 (1991). P. 215–390.
9. *Gibert R.* Historia General de Derecho Español. Madrid, 1978.
10. *González Jiménez, M.* Alfonso X y las oligarquías urbanas de caballeros // Glossae: European Journal of Legal History, 5–6 (1993–1994). P. 195–214.
11. *Grossi P.* Absolutismo jurídico y derecho privado en el siglo XIX, Bellaterra. 1991.
12. *Herzog T.* The ‘Recopilación de Indias’ and its discourse. The Spanish Monarchy, the Indies and the Seventeenth Century // Ius Commune, 20 (1993). P. 143–163.
13. *Hespanha A.M.* Lei e justiça: história e prospectiva de um paradigma // *Id. Justiça e litigiosidade: história e prospectiva*. Lisboa, 1993. P. 5–58.
14. *Iglesia Ferreirós A.* El privilegio general concedido a las Extremaduras en 1264 por Alfonso X. Edición del ejemplar enviado a Peñafiel el 15 de abril de 1264 // AHDE 53 (1983). P. 456–521.
15. *Iglesia Ferreirós A.* Fuero Real y Espéculo // AHDE 52 (1982). P. 111–191.

16. Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa de Alfonso X el Sabio // *España y Europa, un pasado jurídico común*, Actas del I Simposio Internacional del Instituto de Derecho Común. Murcia, 1986. P. 275–599.
17. Iglesia Ferreirós A. Las Cortes de Zamora de 1274 y los casos de corte // AHDE 41 (1971). P. 945–971.
18. Iglesia Ferreirós A. En torno a una nueva edición del Fuero Real // AHDE 59 (1989). P. 785–840.
19. Iglesia Ferreirós A. La creación del derecho. Una historia del Derecho español. Lecciones. Barcelona, 1988.
20. Lalinde Abadía J. Iniciación histórica al Derecho español, Barcelona, 1983.
21. Leroy B. Pouvoirs et sociétés politiques en Péninsule Iberique (XIVe–XVe siècles). Paris, 1991.
22. MacDonald R.A. Law and Politics: Alfonso's Program of Political Reform // Burns R.I. (ed.). *The Worlds of Alfonso the Learned and James the Conqueror. Intellect and Force in the Middle Ages*. Princeton, 1985. P. 150–202.
23. Martínez Díez G. El Fuero Real y el Fuero de Soria // AHDE. 39 (1969). P. 545–562.
24. Martínez Díez G. Los comienzos de la recepción del Derecho romano en España y el Fuero Real // *Diritto comune e diritti locali nella storia dell'Europa*, Atti del Convegno di Varennna (12–15 giugno 1979). Milano, 1980. P. 251–262.
25. Pérez Martín A. El estudio de la Recepción del Derecho común en España // Cerdá J. y Salvador P. (eds.). I Seminario de Historia del Derecho y Derecho privado. Nuevas técnicas de investigación. Barcelona, 1985. P. 241–325.
26. Pérez Martín A. El Fuero Real y Murcia // AHDE 54 (1984). P. 55–96.
27. Pérez Pujol E. Apuntes sobre la fuerza obligatoria del Fuero Real // Revista General de Legislación y Jurisprudencia. 1882. 30 (60). P. 488–506.
28. Peset M. y otros. Historia del Derecho. Valencia, 1994.
29. Petit C. De negotiis causarum (II) // AHDE 56 (1986). P. 5–165.
30. Petit C. El Código inexistente (I). Por una historia conceptual de la cultura jurídica en la España del siglo XIX // Anuario de Derecho Civil, 12 (1995). P. 49–90.
31. Petit C., Vallejo J. La categoria giuridica nella cultura europea del Medioevo // Storia d'Europa. Vol. 3: Il Medioevo (Secoli V–XV) / a cura di Gh. Ortalli. Torino, 1994. P. 721–760.
32. Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1984.
33. Romeu Alfaro S. Eduardo Pérez Pujol: vida y obra, Valencia, 1979. P. 227–242.
34. Tomás y Valiente Fr. Manual de Historia del Derecho Español. Madrid, 1983.

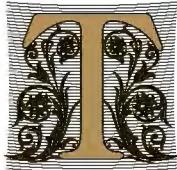
35. *Vallejo J.* Fuero Real 1,7,4: pleitos de justicia // HID, 11 (1984) (= Homenaje al Pfr. Dr. D. José Martínez Gijón). P. 343–374.
36. *Vallejo J.* Historia del proceso, procedimiento de la historia. Diez años de historiografía procesal en España (1979–1988) // Hispania. Entre derechos propios y derechos nacionales, Atti dell'incontro di studio, Firenze-Lucca 25, 26, 27 maggio 1989 / a cura di B. Clavero, P. Grossi, Fr. Tomás y Valiente. Milano, 1990. P. 885–921.
37. *Vallejo J.* La regulación del proceso en el Fuero Real: desarrollo, precedentes y problemas» // AHDE 55 (1985). P. 495–704.
38. *Vallejo J.* Leyes y jurisdicciones en el Ordenamiento de Alcalá // Textos y Concordancias del Ordenamiento de Alcalá / ed. por Fr. Waltman y P. Martínez de la Vega Mansilla. Madison, 1994. P. 1–19.
39. *Vallejo J.* Power Hierarchies in Medieval Juridical Thought. An Essay in Reinterpretation // Ius Commune, 19 (1992). P. 1–29.
40. *Vallejo J.* Ruda equidad, ley consumada. Concepción de la potestad normativa (1250–1350). Madrid, 1992.

Ключевые слова:

Альфонсо X, «Королевское фуэро», Испания, конфликт юрисдикций, принципы права

Jesús Vallejo

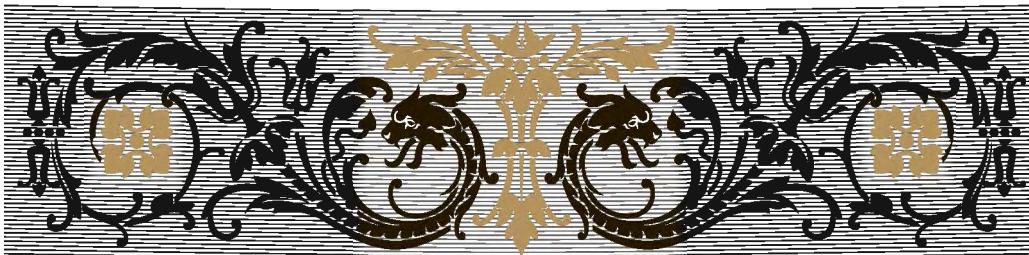
NEW INTERPRETATION OF THE ROYAL FUERO

The paper seeks to carry out a new reading of the Royal Fuero by Alfonso X with an emphasis on the aspects of its practical application. Thereby the author focuses on the rules governing problems of interaction and correlation of different jurisdictions — the royal and ecclesiastical, the and the interaction between jurisdiction of the royal nobility and the nobility. Based on the data of the analysis of a number of fuero rules the author discusses the duality of its nature, both as a practical abridgment and realization of the most important theoretical dogmas of the law simultaneously. The author's methodological idea is that the Royal Fuero shall be understood not in itself, but in the context of the accompanying legal doctrine of 13th–15th cc.

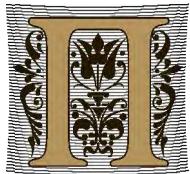
Хесус Вальехо Фернандес Регера

доцент факультета права, Севильский университет (Севилья, Испания)

А.В. Марей

АЛЬФОНСО X В ОТРАЖЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: КОНЕЦ XIII — НАЧАЛО XIV В.¹

осле смерти Альфонсо X, случившейся в Севилье 4 апреля 1284 г., его скрипторий практически прекратил свою активность, работа над целым рядом проектов, в том числе историографических, была приостановлена. Причиной

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-01-00135 «Научный комментированный перевод “Первой всеобщей хроники”») и гранта НИУ ВШЭ по софинансированию проекта РГНФ №15-09-0251.

Хочу отметить, что проведение этого исследования было бы невозможно без поддержки и помощи со стороны моих коллег, консультировавших меня и предоставлявших в свое распоряжение свои материалы, в том числе и рукописные. Я благодарен им всем, и было бы несправедливо не упомянуть их в начале этой статьи. Профессор Автономного университета (Мадрид, Испания) Инес Фернандес-Ордоньес (Ines Fernández-Ordóñez) любезно предоставила в мое распоряжение материалы, использовавшиеся ею при подготовке издания «Всеобщей истории» Альфонсо Мудрого, включая текст самого этого издания, а доцент университета Дархэма (Великобритания) Мануэль Ихано (Manuel Hijano), великолдушно откликнувшись на мою просьбу, помогал мне консультациями, присыпал текст своей диссертации, а также, что невозможно переоценить, свою транскрипцию Бирмингемской рукописи «Истории деяний готов», нигде на сегодняшний день не опубликованную. Последнему по порядку в этом перечне, но, безусловно, первому по значению, заслуженному профессору университета Севильи, дону Мануэлю Гонсалесу Хименесу (Manuel González Jiménez), я обязан гораздо большешим, чем просто помочь библиографического характера (хотя и она неоценима!) — беседы с ним об истории Испании и, в частности, об Альфонсо X, консультации по конкретным источникам, его открытость и готовность всегда делиться с собеседником своим научным багажом наполняют меня чувством глубокой признательности и любви к нему.

тому, по утверждению Д. Каталана, стало прекращение финансирования этих работ со стороны нового короля — Санчо IV Храброго (1284–1295)². Должно было пройти несколько лет, прежде чем этот монарх, при активном участии своей жены — королевы Марии де Молина, вновь обратился к разработке текстов исторического, этико-идеологического и правового содержания и, как следствие, к оплате трудов их авторов³. Именно тогда, около 1289 года, была продолжена «История Испании», изложение событий в которой при Альфонсо X было доведено только до короля Леона Фернандо II (1158–1188). При Санчо IV повествование «Истории Испании» было дополнено правлениями последующих королей и завершено рассказом о смерти и погребении Фернандо III Святого⁴. Однако ни в одной официальной хронике, подготовленной при дворе Санчо IV, не было сказано ничего о правлении его отца, короля Альфонсо X Мудрого.

Подобное молчание, было оно умышленным или спонтанным, может создать впечатление, что описания правления Альфонсо X появились в исторических сочинениях только в середине XIV в., в правление его правнука, Альфонсо XI, когда была создана знаменитая «Хроника Альфонсо X»⁵. Однако подобное впечатление будет обманчивым, поскольку информация о

² Catalán D. El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio // Romanía, 84 (1963). P. 354–375; Funes L. Una versión nobiliaria de la historia reciente en la Castilla post-alfonsí: la *Historia hasta 1288 Dialogada // Revista de Literatura Medieval. XV/2 (2003). P. 71–83.

³ Обзор письменной культуры двора Санчо IV и основных произведений, созданных в период его правления, см., напр., в работе: Gómez Redondo F. Historia de la prosa medieval castellana. Vol.1. La creación del discurso prosístico: el entramado cortesano. Madrid, 1998. P. 853–1092; роль королевы Марии в развитии историографических проектов при дворе Санчо IV особо подчеркивается на с. 959–979.

⁴ О генезисе «Истории Испании», соотношении ее различных версий и, шире, об историографической технике сотрудников скриптория Альфонсо X написано достаточно большое количество исследований. Чтобы не перегружать статью, я сошлюсь лишь на несколько основных работ, без учета которых уже нельзя представить себе исследования по исторической культуре эпохи Мудрого короля. Прежде всего, это статья И. Фернандес Ордоньес и подготовленная ею же коллективная монография: Fernández-Ordóñez I. La historiografía alfonsí y post-alfonsí en sus textos. Nuevo panorama // Cahiers de Linguistique Hispanique Médiévale, 18–19, 1993–1994. P. 101–132; Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España / ed. por I. Fernández-Ordóñez. Valladolid, 2000. Также следует отметить две, ставших уже классическими, книги Д. Каталана: Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X: creación y evolución. Madrid, 1992; Id. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí: códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. Madrid, 1997; названные работы хороши еще и тем, что в них проводится тщательный анализ всей предшествующей им исследовательской традиции.

⁵ Crónica de Alfonso X según el ms.II/2777 de la Biblioteca del Palacio Real (Madrid) / Edición, transcripción y notas por Manuel González Jiménez. Índice por M. A. Carmona Ruiz. Murcia, 1998.

правлении Альфонсо X и о его личности фиксируется в ряде нарративных источников, написанных вне королевской канцелярии, как в правление самого Мудрого короля, так и при его сыне, внуке и правнуке, и, впоследствии, оказавших влияние как на названную выше «Хронику Альфонсо X», так и на исторические памятники последующей эпохи. Значительная часть помянутых хроник и иных исторических сочинений привлекалась в разное время исследователями эпохи Альфонсо X для установления или уточнения каких-либо деталей биографии кастильского монарха, однако, как правило, они играли роль вспомогательных источников, уступая актовому материалу, привлекавшемуся в качестве основного источника⁶. Единственным исключением из этого утверждения является статья барселонского исследователя Акилино Иглесии, подробно исследовавшего отражение законодательной деятельности Альфонсо Мудрого в испанских исторических сочинениях Средних веков и Нового времени⁷.

В своей статье я делаю попытку проанализировать образ Альфонсо Мудрого, сложившийся именно в нарративных источниках. Представляется, что эти источники — хроники, анналы, памятные записки и т.д. — и формировали картину исторической памяти для большинства людей Средневековья, а значит, именно по ним образованная публика пиренейских королевств создавала себе впечатление об одном из наиболее ярких своих королей⁸. В ряду малых и больших хроник, историй и анналов, в которых освещаются, в той или иной мере, жизнь и правление Альфонсо Мудрого, совершенно особое место занимает посвященная ему «Хроника Альфон-

⁶ На исследовании документов Альфонсо X с привлечением в качестве вспомогательных источников правовых текстов его эпохи, а также разнообразных анналов и хроник построены как минимум все наиболее серьезные биографии Альфонсо X, написанные А. Бальестеросом, М. Гонсалесом Хименесом, Дж. Келлером, Дж. О'Кэллехеном и Х. Сальвадором Мартинесом: *Ballesteros Beretta A. Alfonso el Sabio*. Barcelona, 1984; *González Jiménez M. Alfonso X el Sabio*. Barcelona, 2004; *Keller J.E. Alfonso X, El Sabio*. New York, 1967; *O'Callaghan J.F. El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla / trad. esp. por M. González Jiménez*. Sevilla, 1999; *Salvador Martínez H. Alfonso X, el Sabio. Una biografía*. Madrid, 2003. Исключением из этого ряда смотрится блестящее биографическое исследование Дж. О'Кэллехена, написанное на материалах анализа «Кантиг Святой Деве Марии»: *O'Callaghan J.F. Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria. A Poetic Biography*. Leiden: Brill, 1998.

⁷ *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores // HID. N 9 (1982). P. 9–104.*

⁸ По причине прежде всего ограниченного объема статьи исследование построено на материалах именно кастильских хроник, за единичными редкими исключениями. В данной работе не используются ни французские, ни провансальские, ни итальянские источники, сохранившие данные об Альфонсо X. Остаются за кадром и арабские анналы, в которых Мудрый король также оставил свой след. Исследование этих источников является делом будущего.

Король Альфонсо X. Средневековая миниатюра

со X», составленная Фернандо Санчесом де Товар в первой половине 40-х гг. XIV в. До нее не существовало ни одного обобщающего текста, посвященного Мудрому королю, зато после нее уже ни один историк, автор хроники или любого другого текста, не мог обойтись без этого произведения, говоря о знаменитом кастильском монархе. Таким образом, вся средневековая историография, содержащая сколь-нибудь значимую информацию об Альфонсо X, совершенно логично распадается на три блока: а) хроники и анналы, созданные до «Хроники Альфонсо X»; б) собственно, сама эта хроника и подготовительные материалы к ней; и в) разноплановые исторические сочинения, созданные после ее завершения, в период с середины XIV по начало XVI в. Эта статья первая из цикла и посвящена она анализу отражения Альфонсо X в историографических памятниках, составленных до появления на свет «Хроники Альфонсо X», то есть в период с середины XIII в. и до начала 40-х гг. следующего столетия.

* * *

Источники, созданные или завершенные в означенный период, достаточно обильны. Среди них необходимо назвать следующие: сочинение Родриго Хименеса де Рады «Об испанских делах»⁹ и «Всемирную хронику» Луки Туйско-

⁹ Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / ed. J. Fernández Valverde. Turnhout: Brepols, 1987 (= Rod.Tol.).

го¹⁰, «Хрониконы Карденьи I и II»¹¹, «Толедские анналы II и III»¹², «Анналы инфанта Хуана Мануэля»¹³, «Хронику заселения Авилы»¹⁴. Сюда же следует добавить «Первую всеобщую хронику»¹⁵, завершенную при Санчо IV и содержащую ценную, хотя и достаточно немногочисленную информацию об Альфонсо X в то время, когда он еще был инфантом. Дополнить эту группу можно латинской «Хроникой королей Кастилии», написанной Хофе де Лоайсой¹⁶, анонимными анналами правления Альфонсо X¹⁷, основное ядро которых было составлено, согласно опубликовавшему их М. Гонсалесу Хименесу, в правление Санчо IV, и, разумеется, историческим сочинением, называемым, с легкой руки Д. Каталана, «Историей в диалогах до 1288 г.»¹⁸. Наконец, сюда же следует добавить и еще один небольшой, но весьма примечательный текст несколько иного плана, чем предыдущие — краткую биографию Альфонсо X, составленную около 1278 г. для наследного инфANTA Санчо францисканским теологом Хуаном Хилем де Самора¹⁹, автором знаменитого труда «О восхвалении Испании». Я сознательно не перечисляю здесь еще некоторое количество местных анналов и хроник, поскольку единственная информация об Альфонсо X, которую они содержат, — это сообщение о том, что он стал королем.

Для удобства обращения перечисленные тексты представляются целесообразным разбить на три группы. Первая из них объединяет в себе сочинения, повествующие об Альфонсо в бытность его наследным инфантом и не затрагивающие, по тем или иным причинам, событий его правления. Сюда следует отнести исторические труды Родриго Толедского и Луки Туйского (второй — с его кастильским продолжением), «Первую всеобщую хронику», а также

¹⁰ Lucae Tudensis *Chronicon mundis* / ed. E. Falque. Turnhout: Brepols, 2003 (= Luc.Tud.).

¹¹ *Chronicon de Cardeña* // *España Sagrada*. Vol.23/ por E. Florez. Madrid, 1767. P. 370–380 (=Card.I / Card.II).

¹² *Anales Toledanos* // *España Sagrada*. Vol.23/ por E. Florez. Madrid, 1767. P. 401–423 (=Tol. II / Tol.III).

¹³ *Chronicon del Excelentísimo señor D. Juan Manuel, hijo del infante D. Manuel* // *España Sagrada*. Vol.2/ por E. Florez. Madrid, 1754. P. 213–222 (=Anales JM).

¹⁴ *Crónica de población de Ávila* / ed. e ind. por A. Hernandez Segura. Valencia, 1966.

¹⁵ *Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289* / Publ. por R. Menéndez Pidal. Madrid, 1955. (= PCG).

¹⁶ *Jofré de Loaysa. Crónica de los reyes de Castilla Fernando III, Alfonso X, Sancho IV y Fernando IV (1248–1305)* / edición, traducción, introducción y notas de Antonio García Martínez. 2ª edición. Murcia, 1982.

¹⁷ *González Jiménez M. Unos anales del reinado de Alfonso X* // BRAH. 192 (1995). P. 461–491 (=Anales).

¹⁸ *Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X...* P. 248–268.

¹⁹ *Fita F. Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Gil de Zamora* // BRAH. 5. 1884. P. 308–328 (=Bio.).

«Толедские анналы II». Во вторую группу можно включить «Хрониконы Кардены I и II», а также «Толедские анналы III», так называемые «Анналы инфанта Хуана Мануэля» и «Хронику заселения Авилы», повествование которых, как будет показано ниже, охватывает правление Альфонсо X частично или полностью, но, в силу ряда объективных причин, связанных, прежде всего, с жанровыми ограничениями анналов, затрагивает лишь некоторые события из него, показавшиеся составителям анналов достойными внимания. На конец, в третью группу войдут «Анналы правления Альфонсо X» и латинская биография монарха, составленная Хуаном Хилем де Самора, описывающие последовательно все правление Альфонсо Мудрого, с большей или меньшей степенью подробности останавливаясь на его конкретных событиях. От произведений второй группы их отличает, во-первых, жанровое своеобразие, а во-вторых, то, что для их авторов Альфонсо X был, безусловно, основным или, по крайней мере, одним из основных героев их повествования.

Разбору хроники Хофе де Лоайсы, также известной, как «Хроника королей Кастилии» и «Истории в диалогах до 1288 г.», несмотря на то, что они подпадают под хронологические рамки, заявленные в данной статье, я посвящу следующую статью данного цикла. Причина подобного решения, прежде всего, в том, что эти источники, наряду с «Хроникой Альфонсо X», формируют ту базу, на которой потом будет развиваться вся последующая историографическая традиция, относящаяся к Альфонсо Мудрому положительно, вслед за Хофе де Лоайсой, или отрицательно, наследуя пафос двух других произведений. Уже поэтому эти тексты следует разбирать в непосредственной связи с «Хроникой Альфонсо X», сопоставляя их свидетельства между собой и выстраивая взаимосвязи между ними.

* * *

Анализ текстов первой группы логично открыть рассмотрением двух наиболее крупных латинских историографических проектов Пиренейского полуострова — леонской «Всемирной хроники» Луки Туйского и кастильской «Готской истории» Родриго де Рады. С одной стороны, именно они стали основными источниками как для «Первой всеобщей хроники», так и, в случае с «Готской историей», для «Толедских анналов II»²⁰. С другой — именно в них, по очевидным причинам, содержится наименьшее коли-

²⁰ См. об этом вступительные замечания Э. Флореса к «Толедским анналам II»: *Anales Toledanos // España Sagrada / por E. Florez*. Madrid, 1767. P. 363–364.

чество информации об Альфонсо X. Поскольку Лука Туйский довел свою хронику до 1237 г., а Родриго де Рада — до 1243-го, то Альфонсо и так мог фигурировать у них обоих лишь в качестве наследного инфанта; даже при этом туйский каноник ограничился лишь указанием его в числе детей Фернандо III и королевы Беатрисы²¹, тогда как толедский митрополит, помимо аналогичного упоминания²², отметил еще брак Альфонсо с дочерью арагонского короля Хайме I Виолантой²³ и участие наследного инфанта в покорении округи Кордовы в 1241 г.²⁴

«Толедские анналы II», в составлении которых, по мнению Э. Флореса, мог принимать участие сам митрополит Толедо Родриго де Рада²⁵, обращаются к личности будущего Альфонсо X только трижды. Первое упоминание приходится на 1221 г. и содержит новость о рождении первенца у короля Фернандо и королевы Беатрис, второе и третье датируются 1243 и 1244 гг. соответственно, и речь в них идет о покорении наследным инфантом королевства Мурсии и взятии городов Мула и Лорка.

Здесь же можно упомянуть и кастильскую версию «Всемирной хроники» Луки Туйского²⁶, составленную, по всей видимости, в конце XIII — начале XIV в. Во всех рукописях этого текста к хронике Туйского каноника дописаны еще 9 глав, посвященных кампании Фернандо III по взятию Севильи, смерти этого короля и возведению на престол Альфонсо X²⁷. Дописаны они были, по мнению Х. Гонсалеса, разделяемому М. Гонсалесом Хименесом, в

²¹ Luc.Tud.IV.93: Duxit namque uxorem ex imperiali genere Romanorum Deo deuotissimam feminam nomine Beatricem, ex qua genuit Aldefonsum, Fredericum, Fernandum, Philippum, Henricum, Sancium, Emanuelem, Alienor, Berengariam et Mariam.

²² Rod.Tol.VIII.12: Suscepit autem rex Fernandus ex uxore sua gratissime Beatrice filios hic notatos: Aldefonsum primogenitum, Fredericum, Fernandum, Henricum, Philipum...

²³ Rod.Tol.VI.5: Hic, ut diximus, [rex Iacobus] a prima uxore per Ecclesiam separatus, duxit aliam nomine Yolesam filiam Andree regis Vngarie et Yolese regine, qua fuit filia Petri imperatoris et Yolese imperatricis Constantinopolitanensis, qui erant de genere regum Francorum; et ex hac uxore suscepit filiam nomine Yolesam, quam dedit uxorem domino Aldefonso primogenito regis Fernandi, qui Castelle, Toleto, Legioni, Gallecie, Cordube, Lusitanie et Murcie principatur.

²⁴ Rod.Tol.VIII.18: Verum rex Fernandus cum filiis suis Aldefonso et Fernando, qui tunc in flore adolescencie letabantur, Cordubam est reuersus, et in aduentu suo multa castra Sarracenorum, que Christianorum incursibus et intestinis cedibus longo tempore tabescebant, uolentes colere pacifice terras suas pactis interpositis se regis dominio tradiderunt.

²⁵ Anales Toledanos // España Sagrada / por E. Florez. Madrid, 1767. P. 363—364.

²⁶ Crónica de España por Lucas, obispo de Túy. Primera edición del texto romanceado conforme a un códice de la Academia preparada y prolongada / por J. Puyol. Madrid, 1926 (= Luc.Tud. Rom.).

²⁷ Crónica de España por Lucas, obispo de Túy... P. XVIII—XIX, 431—449.

Альфонсо X вступает в Кадис. Картина М. Морено. 1866 г.

конце XIV или даже в XV в.²⁸ Я, со своей стороны, склоняюсь к тому, чтобы уточнить эту датировку в пользу более позднего происхождения кодекса, полагая, что рассматриваемые главы были добавлены в кастильскую версию «Всемирной хроники» в самом конце XV или, скорее, в начале XVI в. Причины этого уточнения я изложу чуть ниже, при анализе рассказа о коронации Альфонсо X. Автор девяти добавленных глав был далек как от Севильи, так и от королевской канцелярии — материал для своего рассказа он черпал, по всей видимости, из утерянной ныне хроники Пелайо де Коррала, магистра ордена Сантьяго при Фернандо III²⁹, другой информацией не владел или практически не владел, что и обуславливает относительно низкую ценность этого источника. Так, он совершенно не упоминает кампанию Альфонсо X по завоеванию королевства Мурсии, мало — по сравнению с той же «Первой всеобщей хроникой» — рассказывает о его участии в севильской кампании. Единственный фрагмент этой хроники, интересный мне в рамках данной статьи, — это рассказ о провозглашении Альфонсо X королем после смерти его отца, когда «он принял скипетр королевства»³⁰.

Согласно последней главе хроники, сразу после того, как тело его отца, Фернандо III, было упокоено в севильском соборе Святой Девы Марии, Альфонсо X предъявил свои права на корону, а все присутствующие подтвердили,

²⁸ González J. Reinado y diplomas de Fernando III. Vol.1. Cordoba, 1983. P. 46–47; González Jiménez M. Fernando III el Santo. Sevilla, 2006. P. 21.

²⁹ González J. Op. cit. P. 46.

³⁰ Luc.Tud.Rom.IV.102: Mas la señora muy noble reyna doña Juana, su muger, y don Alfonso fijo del rey, que recibio el cetro del reyno despues de la muerte de su padre...

ЧТО ОНИ О НИХ ОСВЕДОМЛЕНЫ, ХОТЯ ОН ЕЩЕ И НЕ КОРОЛЬ. Затем, по окончании формальностей, связанных с похоронами, в той же соборной церкви Альфонсо X посадили на «королевского коня», провозгласили королем и, сменив траурные одежды на праздничные, провезли на этом коне по улицам Севильи. Во время публичной аккламации Альфонсо X называли «королем и правителем всего народа испанцев». Затем окружающие его люди, «подданные и повинующиеся», посадили Альфонсо на трон его отца, после чего он объявил собравшимся «прелатам, и рыцарям, и горожанам, и всем прочим», что будет блюсти добрые фуэро и привилегии, выданные предыдущими королями, не будет обременять подданных и просить от них того, «к чему они не привыкли»³¹.

В этом описании бросаются в глаза несколько деталей, которые и заставляют меня уточнить датировку анализируемого текста, предлагаемую другими исследователями. Прежде всего, я говорю о титуловании Альфонсо «правителем всего народа испанцев» (*príncipe de todo el pueblo de los españoles*). Понятие *príncipe* в королевской титулатуре начинает использоваться в Испании достаточно поздно, в правление Энрике II (1369–1379)³² и утверждается окончательно при его преемнике Хуане I (1379–1390)³³. Но в этот период еще совершенно не используется словосочетание «народ испанцев» (*pueblo de los españoles*), которое начинает постепенно появляться в языке лишь в первой половине XVI в., после объединения Кастильской и Арагонской корон в единое государство. Обращает на себя внимание и речь Альфонсо X, обращенная к «прелатам, рыцарям и горожанам», точнее даже не речь, а именно эта формулировка. Подобная формула впер-

³¹ Luc.Tud.Rom.IV.103: En la hera de mill e trezientos, despues que fue asentado el glorioso cuerpo del nuestro príncipe Fernando en la yglesia cathedral de Sancta Maria Virgen <..> su fijo don Alfonso, primogenito, en la yglesia de Santa Maria, dixo a los perlados y caualleros que estauan presentes: «Soy yo agora rey». Estonç respondieronle los que ende estauan: «Sabemos ciertamente que de vuestro padre soys fijo primogenito para resçibir el gouierno del reyno». Y despues que acabaron los offiçios del enterramiento del rey Fernando, venieron todos en essa yglesia y dieronle el cauallo real y pussieron al señor Alfonso ante el altar de Santa Maria sobre él, llamando todos a vna voz el señor rey Alfonso, dexando las vestiduras llorosas y vestiendole vestiduras e paños reales de sirgo; despues traxeronlo por toda la çibdad de Seuilla con pregones y trompetas de alegría grande: «Ahe vuestro rey: dalde reverencia y honor y obedescedlo, porque este es el nuestro rey y príncipe de todo el pueblo de los españoles». Estonç lo resçibieron por rey todos los pueblos y fueronle subditos y obedientes, y asentaronlo altamente en la silla del padre; y prometio a todos los de su reyno, tan bien a los perlados como a los caualleros e çibdadanos y a todos los otros de su reyno de traer buenos fueros y guardar los priuilegios y cartas y todas las otras cosas que auian ganado de los reyes antiguos, y de los non afrigir con algun enojo nin demandarles cosas non acostumbradas.

³² CLC, Toro, 1371, 12.

³³ CLC, Briuiesca, 1387, proem.

вые фиксируется в источниках лишь в правление Изабеллы I Кастильской (1474–1504), до того, как правило, король обращается к «прелатам, рыцарям и представителям (прокураторам) городов» или к представителям отдельных консеко. Высказанные замечания и приводят меня к убеждению в том, что последние 9 глав кастильской версии «Всемирной хроники» Луки Туйского были дописаны лишь в конце XV — первой половине XVI в.

Наконец, «Первая всеобщая хроника Испании», завершенная при Санчо IV около 1289 г. и доведенная до смерти деда правившего монарха, Фернандо III Святого (1214–1252), также содержит относительно немногочисленную информацию об участии инфанта Альфонсо в политике королевства в 40-х гг. XIII в. Причины, по которым составители «Хроники...» при дворе Санчо IV не сочли возможным включить в свое повествование рассказ о правлении Альфонсо X, определить сложно. Они, безусловно, владели всем необходимым объемом информации, как документами, так и показаниями еще живых свидетелей недавних событий, но при этом почему-то промолчали. При этом примерно в это время в кругах знати, близких ко двору короля, писалась так называемая «История в диалогах до 1288 г.», а в королевских архивах уже хранились аналитические материалы по восстаниям знати в 1272–1274 гг. и инфанта Санчо — в 1281–1284 гг., легшие потом в основу соответствующих глав «Хроники Альфонсо X». Свежа была память и о так называемом «походе за императорской короной» Альфонсо Мудрого, и о его встрече в Бокере с Папой Григорием X, отразившейся даже в некоторых местных анналах Кастильского королевства. Краткое резюме правления Альфонсо X вошло, однако, только в состав галисийского перевода «Хроники...», созданного в период правления короля Фернандо IV (1295–1312)³⁴.

Классический же текст «Хроники...», помимо перечисления, вслед за Родриго де Радой, Альфонсо в числе детей Фернандо III³⁵, его свадьбы с Виолантой³⁶ и участия в осаде Кордовы³⁷, приводит ряд других фактов из биографии наследного инфANTA, не упоминающихся ни в хронике толедского примаса, ни у Луки Туйского. Так, в «Хронике...» подробно описаны вылазка отряда кастильских рыцарей, во главе которых стояли инфант дон Альфонсо и Альвар Перес де Кастро по прозвищу «Кастилец», под стены Хереса, где им пришлось выдержать серьезное сражение с превосходящими силами

³⁴ См. текст данного синоптика, приведенный в статье А. Иглесии Феррейроса: *Iglesia Ferreiro A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 33.

³⁵ PCG, cap. 1036, p. 720^a.

³⁶ PCG, cap. 798, p. 480^b.

³⁷ PCG, cap. 1048, p. 735–736.

мавров³⁸, посольство из Мурсии к Фернандо III с предложением сдать ему город, последующее покорение королевства Мурсии инфантом Альфонсо³⁹ и, отдельно, взятие им города Мулы⁴⁰. Помимо этого, ряд глав посвящен описанию участия Альфонсо в осаде Севильи, в том числе попытке покушения на него, организованной маврами. В качестве источника всех этих сведений Р. Менендес Пидаль указывал некое кастильское продолжение «Готской истории» Родриго де Рады, известное только благодаря «Мемории об исключительной святости и героических добродетелях короля дона Фернандо»⁴¹, составленной в начале XVII в. испанским иезуитом Хуаном де Пинедой с целью содействия канонизации Фернандо III⁴². На настоящий момент проверить эти данные не представляется возможным, поскольку из всех существующих переложений на кастильский язык «Готской истории» опубликовано лишь одно⁴³, и оно не содержит данной информации. Остальные же хранятся в виде рукописей в различных библиотеках Испании (прежде всего, в Национальной библиотеке, в Мадриде), и потому для изучения данного вопроса необходима длительная архивная работа.

Однако более всего привлекают внимание два других фрагмента из «Первой всеобщей хроники», где упоминается имя Мудрого короля. Один из них описывает встречу Фернандо III со своей матерью, королевой Беренгелой, произшедшую в местечке под названием Посуэло. Уточняя место встречи, хронист отмечает, что «сейчас это место называется Вилья Реаль, и построил там большой город по прошествии времени король дон Альфонсо...»⁴⁴. Интересен этот фрагмент тем, что позволяет с уверенностью датировать данную главу периодом после правления Альфонсо X — глагол в сочетании с его именем стоит в прошедшем времени, а упоминание того, что прошло

³⁸ PCG, cap. 1040–1044, p. 725–729; «Толедские анналы III» тоже описывают этот рейд, датируя его 1232 г., но утверждают, что в нем участвовал не сын Фернандо III, а его брат, инфант Альфонсо де Молина (см. TolIII, a.1232).

³⁹ PCG, cap. 1060–1062, p. 741–743.

⁴⁰ PCG, cap. 1065, p. 744.

⁴¹ Pineda Juan de S.I. Memorial de la excelente santidad y heroicas virtudes del señor rey Don Fernando, tercero deste nombre, primero de Castilla i de Leon. Eficaz motivo a la magestad catolica de Filipo III, nuestro Señor, para que afectuosamente mande solicitar con la Sede Apostolica la deuida i breue Canonizacion del Rey Santo, su XIII Progenitor. Sevilla, 1624.

⁴² Op. cit. P. 128–142; о кастильских продолжениях «Готской истории» см. также: Gómez Redondo F. Op. cit. P. 168–170; Catalan D. El Toledano Romanzado y las Estorias del fecho de los godos del siglo XV // Estudios dedicados a J.H. Herriott. Madison, 1966. P. 9–102.

⁴³ Cronica de España del arzobispo don Rodrigo Jiménez de Rada. Tradujóla en castellano y la continuo hasta su tiempo don Gonzalo de Hinojosa obispo de Burgos y después un anónimo hasta el año de 1454 // CODOIN. Vol.105–106. Madrid, 1897.

⁴⁴ PCG, cap. 1067, p. 745^a.

Альфонсо X диктует законы. Миниатюра из «Книги Игр», XIII в.

«некоторое время» (*despues a tiempo*), показывает, что на момент написания этих строк после основания города прошло уже достаточно много лет.

Второй момент, на котором я завершу рассмотрение «Первой всеобщей хроники» в рамках данной статьи, — это сцена оглашения королем Фернандо III своей последней воли. Перед смертью он подзывает к себе Альфонсо, благословляет его и поручает ему, как старшему сыну, заботиться о своих братьях, о своей матери и дяде — Альфонсо де Молине, а также обо всех магнатах и рыцарях королевства; применительно к последним король отдельно просит своего наследника хранить их «фуэро, и вольности, и свободы», обещая ему, в случае его правильного поведения, свое благословение, в противном же случае грозя проклятием⁴⁵. Завершая свое обращение к наследнику, король говорит, что оставляет ему «всю землю, которую мавры отняли у короля Родриго», частью завоеванную, частью — обложенную данью, и предусматривает три возможных варианта развития дальнейших

⁴⁵ PCG, cap. 1132, p. 772^b: ...Primeramente fizo acercar a si don Alfonso su fijo, et alço la mano contra el, et sanguinolento et diol su bendicion, et desi a todos los otros sus hijos. Et rogo a don Alfonso que llegase sus hermanos a sy, et los criase et los mantouiese bien, et los leuase adelante quanto podiese, et rogo por la reyna que la touiese por madre et que la onrrase et la mantouiese siempre en su onrra commo a reyna conuiene, et rogo por su hermano don Alfonso de Molina, et por las otras hermanas que el auie, et por todos los ricos omnes de los sus regnos, et por los caualleros que los onrrasse et les feziese siempre algo et merced et se touiese bien con ellos et les guardse bien sus fueros et sus franquezas et sus libertades todas, a ellos et a todos sus pueblos. Et si todo esto quel el encomendaua et rogaua et mandaua compliese et lo feziese asi, que la su bendicion complida ouiese; et si non, la su maldicion; et fizol responder «amen».

событий: если Альфонсо удержит все это в своих руках и не потеряет ничего, то будет он столь же хорошим королем, как и его отец, если сумеет увеличить, будет лучше, если же утратит хоть что-либо — будет хуже его⁴⁶.

Рассматриваемая сцена интересна сразу по нескольким критериям⁴⁷. Во-первых, в тексте «Хроники...» она уникальна, там нет больше ни одного хоть сколько-нибудь схожего с ней сюжета. Традиционное описание смерти короля, если он умирал своей смертью, а не в бою и не в результате предательства, выстраивалось несколько по-другому: король перед смертью исповедовался, принимал последнее причастие, произносил несколько последних слов и, собственно, умирал. В нескольких случаях в «Хронике...» отдельно отмечалось, кому король передавал королевство (например, в описании смерти Альфонсо VII Императора тот завещает королевство Кастилии своему старшему сыну Санчо, а Леона — Фернандо), но ни разу не приводилось подробных обращений королей к своим наследникам. Единственным исключением из этого утверждения смотрится описание смерти Фернандо I Великого, который незадолго до кончины разделил свое королевство между тремя сыновьями. Но даже в том тексте смысловой центр тяжести приходится не на слова короля — они передаются косвенной речью, — а на ответ, даваемый ему старшим сыном, инфантом Санчо, будущим королем Санчо II⁴⁸. Здесь же, в рамках анализируемой сцены, инфант Альфонсо присутствует только в качестве адресата высказывания — он молча стоит и слушает последнюю волю своего

⁴⁶ PCG, cap. 1132, p. 772^b—773^a: ...Et dixol mas: “Ssenor te dexo de toda la tierra de la mar aca, que los moros del rey Rodrigo de Espanna ganado ouieron; et en tu sennorio finca toda: la una conquerida, la otra tributada. Sy la en este estado en que te la yo dexo la sopieres guardar, eres tan buen rey commo yo; et sy ganares por ti mas, eres mejor que yo; et si desto menguas, non eres tan bueno commo yo.

⁴⁷ Любопытно, но, насколько мне известно, не существует не только специальных работ, рассматривающих эту речь Фернандо III, но и сколь-либо серьезных попыток ее анализа в контексте общих трудов, посвященных Альфонсо X. Дж. Келлер и Х. Сальвадор Мартинес акцентируют внимание только на последней реплике Фернандо III, касающейся объема передаваемого им сыну королевства, Дж. О'Кэллехен и А. Бальестерос вовсе оставляют этот момент без внимания. Мне удалось найти лишь два прямых обращения к этому монологу монарха: в монографии М. Гонсалеса Хименеса, посвященной Фернандо III и в неоднократно приводившейся выше статье А. Иглесии. Мануэль Гонсалес отмечает, что в этой главе ясно выражена точка зрения сторонников Санчо IV на последние годы правления Альфонсо X. А. Иглесия высказываеться в том же ключе, говоря, что «данный сюжет мог быть использован в равной мере, как для осуждения Альфонсо X, так и для оправдания восстания, поднятого инфантом Санчо». С известными оговорками я, как это видно из моего текста, присоединяюсь к мнению двух названных исследователей. См.: *Salvador Martínez H.* Op. cit. P. 13, 111; *Keller J.* Op. cit. P. 33; *González Jiménez M. Fernando III el Santo*. Barcelona, 2006. P. 261, infra 59; *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 24.

⁴⁸ PCG, cap. 813, p. 494^a.

родителя. Уникальность данного сюжета наводит на мысль о том, что он был введен в «Хронику...», во-первых, не случайно, а во-вторых, вовсе не для того, чтобы лишний раз рассказать, как события происходили на самом деле.

На это указывает и второй момент, выделяющий разбираемый сюжет из перечня других. Как уже говорилось, завершающие главы «Хроники...» писались уже после смерти Альфонсо X, в правление его сына, короля Санчо IV Храброго. Соответственно, авторам, вложившим эту речь в уста Фернандо Святого, были прекрасно известны события предшествующего правления, в том числе лишение королем наследственных владений своего брата, инфанта Энрике, и его последующее изгнание за пределы королевства, восстание, поднятое против Альфонсо X другим его братом — инфантом Фелипе, наконец, казнь еще одного сына Фернандо III — инфанта Фадрике, произведенная в 1277 г. по приказу короля. Также авторы этого монолога не могли не знать об обвинениях, выдвинутых инфантом Санчо против своего отца в 1281 г., когда он начал восстание против короля, приведшее, в итоге, Альфонсо X к низложению, а самого Санчо — на трон в 1284 г. Среди этих инвектив главное место занимало как раз обвинение в том, что Альфонсо Мудрый лишил магнатов, рыцарей и консехо многих городов их фуэро, не соблюдал их привилегии и вольности⁴⁹. Соответственно, составители «Хроники...», очевидно, одобрявшие действия Санчо IV в его конфликте с отцом, давали понять своему читателю, что Альфонсо X пал жертвой проклятия своего отца, Фернандо III, не исполнив, практически, ни одного из его заветов⁵⁰. Более того, по всей видимости, именно содержанием и тональностью данной главы «Хроники...» была, во-многом, обусловлена позиция Фернана Санчеса де Товар — канцлера короля Альфонсо XI и, одновременно, автора-составителя «Хроники Альфонсо X», задумывавшейся именно как продолжение «Первой всеобщей хроники». Если все это так, то можно, с

⁴⁹ Максимально кратко и одновременно исчерпывающее все эти обвинения были отображены в приговоре королю, зачитанном на кортесах в Вальядолиде в 1282 г. его братом, инфантом Мануэлем. Привожу текст, как он был сохранен во «Всеобщей хронике 1344 г.», составленной Педро, графом Барселос: «Por quanto el rey don Alfonso mato a don Fadrique su hermano e a don Ximon Ruyz señor de los Cameros e otros muchos fidalgos sin derecho como non deuia, pierda la justicia. E por que deseredo los fidalgos de Castilla e los de Leon e los ciudadanos e los concejos, non lo resçiban en las villas nin en las fortalezas e sea desheredado dellas. E por que desaforo los fidalgos, que non cumplan sus cartas nin le respondan con los fueros. E por que despeccho la tierra e fizó malas monedas, non le den pechos nin seruiçios nin monedas foreras nin las martiniegas nin otros derechos ningunos de la tierra aunque los demande». Cit.: González Jiménez M. Sancho IV, infante // HID. 28. 2001. P. 69.

⁵⁰ Ср. упоминавшийся выше синопсис правления Альфонсо X, вошедший в состав галисийского перевода «Хроники...». См. сноска 34.

известной долей уверенности, утверждать, что истоки отрицательного образа Мудрого короля, сложившегося в средневековой историографии, были заложены еще в начатой им же «Истории Испании».

* * *

Переходя ко второй группе источников, следует сделать несколько предварительных замечаний. В этой группе объединены несколько текстов, написанных в период с 80-х гг. XIII в. до конца 20-х гг. XIV в. и обладающих некоторыми общими чертами. Прежде всего, это касается их жанровых отличий — все собранные здесь тексты относятся к жанру местных анналов или хроник, причем достаточно значимы в данном случае оказываются обе характеристики. Жанр анналов сам по себе предполагает ведение достаточно кратких погодных записей, причем записи, как правило, делаются непосредственно *ad hoc*, по следам событий, а не потом, по результатам осмыслиения и переработки информации. Таким образом, информация, относящаяся к правлению Альфонсо X, фиксировалась в этих анналах непосредственно в этот период, а не после того. Некоторое исключение составляют хроники или *chronicones*, в которых запись событий иногда представляет собой краткий синопсис всего, относящегося к теме записи за последние несколько лет, как это видно, например, на материале «Хроникона Карденьи II». Вторая особенность всех собранных в эту группу текстов, как уже говорилось, в том, что все они имеют местный характер. Правление Альфонсо X отражалось в них лишь в той мере, в какой те или иные его действия или события затрагивали интересы авторов анналов или их покровителей — монастырь Святого Петра в Карденье, толедскую митрополию, консехо Авилы, монастырь Саагуна или сеньорию Пеньяфелья. Это, с одной стороны, сужает круг описываемых событий, с другой же — дает возможность посмотреть на, казалось бы, уже известные факты с новой точки зрения, переоценивая их значение и важность.

Две хроники эпохи Альфонсо X, происходящие одна из Авилы, вторая — из Саагуна, содержат крайне мало информации о его правлении и учтены в этой статье скорее для порядка, нежели по необходимости. Как в «Хронике заселения Авилы», так и в «Анонимных хрониках Саагуна» изложение прерывается на начале правления Альфонсо Мудрого и уже потому они содержат лишь отдельные его эпизоды. «Хроника заселения Авилы» завершается описанием подготовки Альфонсо X к походу на Сорио, направленному против короля Арагона, имевшей место в 1255 г., «Анонимные

хроники Саагуна» — визитом короля в монастырь в том же году, завершившимся пожалованием Саагуну «Королевского фуэро»⁵¹.

Документ, известный под именем «Хроникон Карденъи I», представляет собой погодные записи, ведущиеся в монастыре Святого Петра в Карденье (Кастилия). Изложение в них начато двумя записями, посвященными рождению Христа и Его распятию, продолжено же уже сообщением о заселении Амайи, произведенном по приказу короля Ордоньо I в 856 г. Доведено изложение до 1327 г., запись под которым гласит об избрании в Бургосе нового епископа — дона Гарсии — и, одновременно, о завершении хроники⁵². На то, что хроника была закончена уже в XIV в., указывает и ряд других признаков, в частности, сделанная под 1275 г. запись о смерти инфанта Фернандо де ла Серда, в которой также содержатся сведения о местах захоронения Альфонсо X (умер в 1284 г.) и его супруги, королевы Виоланты, умершей в 1300 г. в Ронсевале, на обратном пути из паломничества в Рим⁵³. Тем не менее представляется очевидным, что в 1327 г. произошла лишь окончательная редакция текста хроники, тогда как основная информация в ней появлялась в порядке погодных записей. Как источник по истории правления Альфонсо X, «Хроникон Карденъи I» интересен весьма ограниченно, поскольку кругозор хрониста, очевидно, был ограничен в основном местными событиями, непосредственно касавшимися монастыря или его округи. С другой стороны, расположение монастыря в непосредственной близости от одного из наиболее важных центров королевства Кастилии — Бургоса — позволяло составителю хроники быть в курсе дел, происходивших в этом городе.

Именно по этой причине в тексте «Хроникона» оказался отражен ряд матримониальных торжеств, таких, как свадьба сестры Альфонсо X, принцессы Алианоры с Эдуардом, наследным принцем и будущим королем Англии (1254 г.), прибытие в Бургос норвежской принцессы Христины и ее последующая свадьба с инфантом Фелипе, братом Альфонсо X, ради этой свадьбы отказавшимся от церковной карьеры (1254 г.), и свадьба старшего сына Альфонсо X — Фернандо де ла Серда с французской принцессой Бланкой, дочерью короля Людовика IX Святого (1269 г.). Все эти свадьбы

⁵¹ См. разбор этого эпизода в упомянутой выше статье А. Иглесии Феррейроса: *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 19–20.

⁵² Card.I: Era de MCCCLXV años fueron en la Eglesia de Santa María de Burgos hasta el obispo D. García, que era obispo, quando este libro fue fecho, veinte y ocho obisplos.

⁵³ Card.I: Era de MCCCXII años murió el Infant D. Fernando. Este Infant D. Fernando fue hijo del Rey D. Alfonso que yace en Sevilla, e de la Reyna Doña Violant, que yace en Roces-Valles: e este oviera a reynar, mas fino ant que su padre, e fue casado con Doña Blanca hija del Rey de Francia, e yace en las Huelgas de Burgos.

происходили в Бургосе, и вполне очевидно, что в монастыре Святого Петра в Кардене, бывшем заметным церковным центром в той округе, были прекрасно осведомлены о них. Помимо свадеб в «Хрониконе» предсказуемо фиксировались сведения о проходивших в Бургосе или в его округе похоронах знатных особ. Так, благодаря тому, что один из крупнейших магнатов королевства дон Нуно де Лара был похоронен в доминиканском монастыре в Бургосе, в анналах сохранилась запись о его гибели в битве при Эсихе, произшедшей в 1275 г. Под одним годом с этой новостью записаны сведения о гибели в битве с маврами при Мартосе архиепископа Толедо, сына арагонского короля Хайме I дона Санчо. Уже упоминавшаяся выше весть о смерти инфанта Фернандо де ла Серда также попала в «Хроникон» именно потому, что инфант был похоронен в бургосском монастыре Святой Марии де лас Уэльгас.

Наконец, кроме новостей о свадьбах и похоронах, «Хроникон» сохранил известия о каких-либо чрезвычайных событиях, касавшихся короля и королевства. К таковым, в данном случае, относятся приезд к Альфонсо X послов из Священной Римской империи, привезших ему предложение стать их императором⁵⁴, и обрушение в Сеговии королевского дворца в тот момент, когда там находился король со своим двором, имевшее место в 1258 г. Представляется весьма интересным, что ни в одной из редакций текста «Хроникона» не нашлось места для упоминания о пожаловании Бургосу «Королевского фуэро», которое произошло, согласно сохранившемуся документу, 27 июня 1256 г.⁵⁵ Возможно, это следует объяснить тем, что пожалование «Королевского фуэро» не затрагивало напрямую интересы монастыря, который, хотя и располагался вблизи Бургоса, все же обладал отдельной от него юрисдикцией, и потому нормы «Королевского фуэро» на него не распространялись.

Так называемый «Хроникон Кардены II», составление которого также было завершено в период малолетства Альфонсо XI, представляет собой собрание кратких аннотаций правлений всех королей Кастилии и Леона, начиная с Альфонсо II Целомудренного и заканчивая Фернандо IV, который умер в 1312 г. Правлению Альфонсо X в «Хрониконе» отведено больше места, чем любому другому королю, что заставляет предположить, что текст в

⁵⁴ Card.I: Era de MCCXCV, entraron los alemanes en Burgos, para dar el Emperazgo al rey D. Alfonso fijo del rey D. Fernando en el mes de junio.

⁵⁵ МНЕ, I, doc.45. P. 97–100; различные версии объяснения того, почему в «Хрониконе» отсутствует эта информация, см. в классической статье А. Иглесии Феррейроса, посвященной отражению законодательной деятельности Альфонсо X в трудах историков различных эпох: *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 17–20.

Королевская печать Альфонсо X

основном записывался в первые годы правления Санчо IV, а уже окончание было приписано позже.

Альфонсо характеризуется в этой хронике как «прекрасный и весьма разумный король», отмечаются его военные успехи, в частности, покорение королевства Мурсии, в бытность еще инфантом, участие в осаде Севильи, взятие Ньеблы и Хереса, а также и других замков по границе с маврами. Политическое значение Альфонсо подчеркивается рассказом о том, что он посвятил в рыцари целый ряд будущих монархов, среди которых были английский король Эдуард I (1272–1307), португальский Диниш (1279–1325), «король Германии» Рудольф (1273–1291)⁵⁶ и даже император Константинополя Филипп (Филипп I Тарентский, правивший Латинской империей как Филипп II (1313–1322). Добрая слава кастильского правителя была столь велика, подчеркивает «Хроникон», что электоры Германии избрали его императором, ради чего он поехал на встречу с Папой в Бокер, во время которой умер наследный инфант Фернандо де ла Серда, остававшийся в Кастилии. Императором Альфонсо все же не стал, по причине козней,чинимых ему Церковью. Наконец, последние годы правления Альфонсо описываются в «Хрониконе» со словами сожаления о том, что король поддался советам «дурных людей», заставившим его поссориться со своим народом, и жители королевства были вынуждены обратиться за помощью и поддержкой к наследному инфанту Санчо. Подобного рода за-

⁵⁶ То есть Рудольф I Габсбург, избранный императором Священной Римской империи вместо Альфонсо X.

блуждение короля длилось два с половиной года, а когда все прошло и весь народ вместе с Санчо пришел «вернуться в милость короля», Бог пожелал призвать того к себе⁵⁷.

Последний пассаж описанного текста с еще большей убедительностью свидетельствует в пользу того, что «Хроникон» или, по крайней мере, его часть, посвященная Альфонсо X, была написана в самом начале правления его сына, Санчо IV. С одной стороны, очевидно, что восстание инфанта Санчо против своего отца описано здесь одним из его сторонников. Санчо не восстает, в собственном смысле этого слова, а лишь «поддерживает в королевстве фуэро и право», пока его отец, поддавшись дурным советам, не делает этого. С другой стороны, и Альфонсо X описывается в тексте с положительной стороны, в отличие от галисийского перевода «Первой всеобщей хроники» или анонимных анналов правления Альфонсо X, — автор возлагает вину за происшедшее не на короля, а на неких «дурных людей», дававших королю советы, следуя которым, он оказался вынужден рассориться со своим народом и отказать им в милости вершить право и правосудие. Более того, король, в итоге, оставляет это свое заблуждение, и весь народ во главе с инфантом собирается вернуться под его руку и в его милость, но не успевает сделать этого. За рамками изложения остается вопрос о том, кем были эти «дурные люди», но можно предположить, что речь шла о легистах и советниках Альфонсо X, разрабатывавших и пытавшихся внедрить вместе с ним проект нового права королевства — «Королевское фуэро», «Зерцало» и «Семь Партид»; в таком случае, правда, непонятно, почему эти события относятся хронистом к самым последним годам правления Альфонсо Мудрого. Вторая возможная трактовка образа «дурных людей» состоит в том, что

⁵⁷ Card.II: Era de MCCCXII años de la era del emperador Cesar, era de MCCLXXXIV años, que Jesu Cristo vino en Santa Maria, murió el muy noble rey D. Alfonso, fijo del santo rey D. Ferrando, e della reyna Doña Beatriz, martes antes de Pascua, IV dias andados de abril. Este fue el deceno rey de este su nome, que ovo en Castiella, e en Leon, e fue muy bueno, e muy sesudo, e seyendo infant ganó el reyno de Murcia; e fue con el rey D. Fernando su padre en ganar Sevilla; e despues que fue rey, ganó el reyno de Niebla, e Xerez, e otros castiellos muchos en la frontera. E hizo caballero al rey de Inglaterra D. Adovar, e despues el rey D. Dionis de Portugal, e despues a D. Felipe emperador de Constantinopla, e a Rodolfo rey de Alemania, e muchos omes onrados, que vos non podremos aqui contar. E por bondat que este rey ovo en si, esleyeronle los de Alemania por emperador, e fue a vistas a Belcayenre con el Papa, e seyendo alla, vinol que era finado so fijo don Ferrando. O oviera a ser emperador si non por fuerza quel hizo la Iglesia. De si por consejo de omes malos, quel consejaron cosas, porque ovo de desavenir de con sos gentes, e los de la tierra pidieron merced al infant D. Sancho, so fijo, que los mantoviese a fuero, e a derecho fasta que combrasen merced del rey so padre: e esto duró dos años e medio. E quando infant D. Sancho e todos los de la tierra venien con el a la su merced, quisol Dios levar para si. E este rey D. Alfonso regnó XXXII años, e asi fue toda su vida LXII años e medio.

под ними имелись в виду политические противники Санчо, отстаивавшие права на трон малолетнего Альфонсо де ла Серда, сына наследного инфанта Фернандо де ла Серда, умершего в 1275 г. Впрочем, следует отметить, что и та и другая версия, безусловно, имеют лишь предварительный характер.

Практически теми же словами, что и в «Хрониконе Кардены II», описывается правление Альфонсо X еще в одной краткой хронике, составленной в период малолетства Альфонсо XI. Речь идет о неопубликованном «Собрании хроник царей Ветхого Завета, язычников, консулов и римских императоров, королей готов и королевств Кастилии, Арагона, Наварры и Португалии»⁵⁸, рукопись которого, датируемая 20-ми гг. XIV в., хранится в Национальной библиотеке Испании, в Мадриде. Портрет Альфонсо X размещен там на одной странице с портретом его сына, Санчо IV. Подпись под изображением Мудрого короля, как уже было сказано, почти дословно совпадает с синопсисом, сохранившимся в тексте «Хроникона Кардены II», что наводит на мысли о знакомстве автора краткой хроники с текстом «Хроникона». Есть, однако, в тексте и некоторые разнотечения, на которых стоит ненадолго остановиться. Так, в тексте этой хроники упоминается, что Альфонсо X был женат на донье Виоланте, дочери Хайме I Арагонского. Сам король характеризуется как «очень хороший, и весьма образованный, и очень удачливый в бою, так, что еще будучи инфантом, он захватил королевство Мурсии». Среди знатных мужей, посвященных в рыцари Альфонсо X, упоминаются те же, что и в «Хрониконе...», кроме Абенмарона, короля Ниеблы. В отличие от «Хроникона Кардены», в данной хронике не говорится ничего про последние годы правления Альфонсо X — рассказ о нем останавливается на том, что он стал бы императором, если бы не козни, чинимые ему Церковью. После строчки, содержащей дату его смерти, другой рукой, почерком начала XVI в., сделана приписка: «Он составил Семь Партид законов»⁵⁹.

⁵⁸ Biblioteca Nacional de Madrid, ms.7415 [Compendio de crónicas de reyes del Antiguo Testamento, gentiles, cónsules y emperadores romanos, reyes godos y de los reinos de Castilla, Aragón, Navarra y Portugal].

⁵⁹ BNE, ms.7415, fol.37v: Era de mill & CC & XC anos regno el muy noble rrey don Alfonso fijo del muy santo rrey don Fernando. Este rrey don Alfonso el XIIº (sic!) rrey que por este nombre fueron llamados en Castilla & en Leon. E caso con donna Violante fija del rrey don Jaymes de Aragon. E fue muy buen rrey, & muy letrado, & muy auenturado en armas & seyendo infante gano el rregno de Murcia & despues fue con el rrey don Fernando su padre en ganar a Seuilla. E despues que fue rrey gano a Niebla & a Xeres & a otros logares muchos. E fizoo cauallero a don Dionis rrey de Portogal & a don Doart rrey de Inglaterra & a don Felipo rrey de Costantinopla, & a Redulfo rrey de Allemania & Abenmaron rrey de Niebla & a otros muchos hombres honrrados. E por la bondat & por nobleza que auia ensi, los de Alemania eligieronlo por emperador, & fueralo, sinon por fuerça quele hizo la yglesia. E fino en Seuilla martes IIIº dias de abril era de mill CCCXXII annos // hizo las siete partidas de leyes.

Небольшие, но все же имеющиеся различия между «Хрониконом Кардены II» и «Собранием хроник...», по-моему, следует объяснить разными целями написания этих текстов. «Собрание..» представляет собой 176 небольших рассказов о царях древности, римских правителях и всех испанских королях, где каждый рассказ иллюстрируется отдельной миниатюрой, изображающей того или иного короля. При этом, стоит отметить особо, что качество миниатюр сильно уступает традиционным иллюминированным сводам, создавшимся в этот период. Здесь они напоминают скорее любительские рисунки, нежели точную работу профессионала. Подобную подборку, по-моему, могли составить только при дворе, в качестве своеобразного учебника истории в картинках, предназначавшегося для маленьких инфантов. Этим объясняются и простые, короткие предложения, и относительная простота миниатюр. Если принять мою версию за основу, то можно предположить, что автор «Собрания...» совершенно осознанно не стал писать в нем о восстании инфанта Санчо против своего отца и о лишении последнего трона. В данном случае ему было гораздо нужнее показать непрерывную цепочку правителей, обосновать легитимность присутствия на троне малолетнего Альфонсо XI, нежели выяснить, кто был прав в той войне отца и сына.

«Толедские анналы III»⁶⁰ представляют собой наиболее запутанный документ из всех трех анналов, формирующих серию (то есть «Толедских анналов I и II»). Как следует из замечаний их первого издателя — эрудита Э. Флореса, рукопись этих анналов состоит из достаточно большого количества фрагментов (Флорес выделяет 10), каждый из которых написан своей рукой. Таким образом, мы, по всей видимости, имеем дело с продолжающимися погодными записями, которые дополняли самые разные люди, имевшие доступ к ним. Этим объясняются, по всей видимости, и накладки с хронологией, и наличие пропусков в изложении событий, и разный язык анналов — то старокастильский, то латынь. Плохой сохранностью рукописи следует объяснить наличие лакун в самом тексте анналов: не все фразы и даже не все слова сохранились в целости. Наиболее подробно, хотя и достаточно путано в «Толедских анналах III» излагаются события 1270–1280-х гг., из чего можно сделать вывод, что, по большей части, редактировались они в первые годы правления Санчо IV, после чего к ним была сделана приписка (рука № 10, в классификации Флореса), рассказывающая о смерти инфанта

⁶⁰ Как было указано выше, я пользуюсь изданием «Толедских анналов», вошедшем в состав серии *España sagrada*, издававшейся Энрике Флоресом. Мне известно о существовании нового издания этого памятника, осуществленного в 1967 г. Антонио Флориано (*Anales toledanos III // Cuadernos de historia de España*. 43–44 (1967). Р. 154–87), но у меня к нему, к сожалению, нет доступа.

Энрике, брата Альфонсо X, имевшей место в 1303 г., и о двух событиях 1390 и 1391 гг., не имеющих уже отношения к предмету данной статьи. Как источник по истории правления Альфонсо Мудрого, «Толедские анналы III» имеют достаточно высокую ценность, поскольку содержат в себе ряд важных упоминаний о событиях 1275–1284 гг.

Упомянув о рождении инфанта Альфонсо в 1221 г., «Толедские анналы III» возвращаются к нему уже только в 1275 г., сообщая о смерти инфанта Фернандо де ла Серда, гибели ряда магнатов в битве при Эсихе и, одновременно, о поездке Альфонсо X на встречу с Папой Григорием X по поводу избрания его императором Священной Римской империи⁶¹. Затем анналы последовательно освещают события следующих нескольких лет, среди которых следует упомянуть оммаж, принесенный магнатами королевства инфанту Санчо, ставшему основным наследником после смерти Фернандо де ла Серда⁶², казнь инфANTA Фадрике и магната Симона Руиса Камероса, осуществленная по приказу Альфонсо X⁶³, и отъезд в Арагон жены Мудрого короля, королевы Виоланты с ее внуками, детьми инфанта Фернандо, а также последовавшее заключение этих детей в тюрьму в Арагоне⁶⁴. Из событий начала 80-х гг. XIII в. «Анналы» рассказывают о двух походах кастильских войск под Гранаду, героем которых оба раза был инфант Санчо⁶⁵, и о мятеже названного инфанта

⁶¹ Tol.III, a.1275: Anno Domini MCCLXXV, VIII Kalendis Agusti, obiit Dominus Fernandus, filius regis Castellae, illustris Domini Alfonsi filius. Et in eadem era obiit Dominus Nuno... ...Ecija Sabato VII nonas Septembris; & obiit cum eo Gaufridus de Loaysa, nepos Domini Gaufridi, qui erat alcaide Decija, & Alfonsus Gaufridi, filius Domini Gaufridi de [Loaysa]. Et in isto eodem anno fuit rex Alfonsus Castellae.ad videndum Papam Gregorium X & [lo] cutus est cum eo de facto Imperii, & de aliis...

⁶² Tol.III, a.1276: Anno Domini MCCLXXVI. Magnates regni Castellae, & Legionis, & Galiciae adque Lusitaniae fecerunt omagium Domino Sanctio filio illustris regis Alfonsi Castellae, & fratris Domini Fernandi; & eodem anno mortuus est Jacobus rex.

⁶³ Tol.III, a.1277: Anno Domini MCCLXXVII. Nobilis rex Alfonsus mediante justitia occidit Dominum Fredicum, & Dominum Simonem Roderici de los Cameros.

⁶⁴ Tol.III, a.1278: Anno Domini MCCLXXVIII. Domina Yoles regina Castellae et uxor Domini Alfonsi ...dem regis recesit cum nepotibus suis filiis Domini Fernandi in Aragoniam in mense Jenuarii: & eodem anno Dominus Petrus frater reginae, Rex Aragonum...sorori, & posuit eos in sua custodia.

⁶⁵ Tol.III, a.1280: Era de MCCCXVIII annos entró D. Sancho en la Vega de Granada, y Don Gonzalvo Roiz Giron Maestre duclés, e otros muchos caballeros seglares y freires: ovieron facienda con los moros, y duró todel dia fata que los partió la noche, y el maestre salio ferido, y murio dessas feridas, y el dia murieron hi muchos hombres buenos...

Tol.III, a.1281: [Anno Domini] MCCLXXXI entró el rey D. Alfonso en la Vega de Granada, y ... Don Sancho su fijo y heredero, y Don Pedro, y Don Juan sus hijos: y Don Sancho, y Don Pedro ovieron facienda con los moros el otro dia de Sant Juan, asi que por el esfuerzo de Don Sancho fueron vencidos los moros, y ante las puertas de Granada murieron tantos, que eran sin cuenta.

против своего отца. Из событий мятежа упоминаются низложение Альфонсо X в 1281 г.⁶⁶, разрушение силами Санчо города Талаверы и его округи за то, что те поддерживали его отца⁶⁷, и, наконец, смерть короля Альфонсо X⁶⁸.

«Толедским анналам III» вторят в некоторых моментах так называемые «Анналы инфанта Хуана Мануэля»⁶⁹, начинающие свое изложение с отъезда Альфонсо X в Империю в 1274 г.⁷⁰ и завершающие его 1329 г. Этот источник также упоминает гибель на войне с маврами графа Нуньо де Лара и митрополита Толедского дона Санчо, сына арагонского короля Хайме I⁷¹, отмечает приговор, вынесенный против Альфонсо X на кортесах в Вальядолиде, датируя его апрелем 1282 г.⁷², и, наконец, фиксирует смерть Альфонсо Мудрого, случившуюся в Севилье в апреле 1284 г.⁷³ От каких бы то ни было оценочных суждений автор данных анналов воздерживается, ограничиваясь лишь фиксацией фактов, однако, как это обычно бывает, даже из подбора им фактов для отображения в своих анналах можно сделать некоторые выводы о его политических пристрастиях. Вполне очевидно, что составитель этой краткой хроники принадлежал к сторонникам инфанта Санчо и последовательно поддерживал его в конфликте с Альфонсо X. На это указывают как косвенные (именно инфант Мануэль зачитывал «приговор», вынесенный Альфонсо X на Вальядолидской ассамблее), так и прямые признаки. Так, рассказывая о событиях 1282 г., хронист, помимо решения о низложении Альфонсо Мудрого, отмечает свадьбу Санчо с Марией де Молина и, говоря об этом бракосочетании, называет Санчо королем, хотя и с прибавлением — «будучи еще инфантом»⁷⁴. Конечно, подобная оговорка

⁶⁶ Tol.III, a.1281: Anno Domini MCCLXXXI. Los ricos hombres de Castiella... ... e los concejos privaron al rey D. Alfonso, fijo del rey D. Fernando, que gano Sevilla.

⁶⁷ Tol.III, a.1283: Era de MCCCXXI annos, anno Domini MCCLXXX[III] obiit Dominus Petrus, filius nobilissimi regis Alfonsi, & frater Domini Fernandi. Et eodem anno el arabal de Talavera fuit destructus, eo quod tenebant, & favebant partem regis Alfonsi, & fuit ille locus destructus...

⁶⁸ Tol.III, a.1284: Erra de MCCCXXII, anno Domini MCCLXXXIII, pridie nonas april, obiit nobilissimus rex Alfonsus, Ispali, & pater Domini Fernandi & praedicti Petri.

⁶⁹ А. Иглесия Феррейрос утверждает, что эти анналы ошибочно приписываются перу Хуана Мануэля, и я присоединяюсь к нему в этом утверждении. См.: Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa... Р. 17.

⁷⁰ Anales JM, a.1274.

⁷¹ Anales JM, a.1275.

⁷² Anales JM, a.1282: Era MCCCXX fuit lata sententia contra regem Alfonsum in Valletoleti, in mense Aprilis.

⁷³ Anales JM, 1284.

⁷⁴ Anales JM, 1282: Proxima praecedenti era contraxit rex Dominus Sancius adhuc infans, cum regina Maria Toleti, in mense Julii.

хрониста может свидетельствовать и о том, что данная новость записывалась им в анналы уже в правление Санчо IV, чем и вызвано его королевское титулование. Но даже это не объясняет еще одной особенности языка рассматриваемой хроники — говоря о Санчо IV, ее составитель всегда использует формулу «король дон Санчо» (*rex Dominus Sancius*), тогда как, упомянутая Альфонсо X, он достаточно вольно обходится без обязательного титула «дон», называя монарха просто «король Альфонсо».

Автор «Толедских анналов III», напротив, хотя и восхищался Санчо как бравым рыцарем и прекрасным воителем (что подтверждается записями о походах под Гранаду 1280 и 1281 гг., отличающимися по стилю от остальных), а также признавал в нем наследного инфанта, все же симпатизировал Альфонсо X в том, что касалось конфликта, развернувшегося в 1282–1284 гг. между отцом и сыном. На это указывает, во-первых, то, что об Альфонсо X «Толедские анналы» всегда отзываются с максимальным почтением — его имя крайне редко употребляется в этом тексте без эпитета «знатный» (*noble*) или «знатнейший» (*nobilissimus*), в то время как Санчо не удостаивается никаких эпитетов; во-вторых, записывая новость о смерти Мудрого короля, хронист называет среди его детей инфантов Фернандо де ла Серда и Педро, но не Санчо. Наконец, в-третьих, автор анналов явно держит сторону короля в его конфликте с феодальной знатью королевства — передавая новость о казни инфанта дона Фадрике и магната Симона Руиса, он особо подчеркивает, что казнь эта состоялась по результатам судебного процесса и вынесения приговора (*mediante justitia*). Для сравнения достаточно отметить, что в целом ряде других источников, авторы которых, очевидно, более симпатизировали магнатам, нежели королю, утверждается либо то, что «король услышал что-то» и на основании этого приказал убить своего брата⁷⁵, либо и вовсе прямо противоположное рассматриваемым анналам. Так, около века спустя после описываемых событий Педро Лопес де Айала в своей «Хронике Энрике II» вкладывает в уста магнатов следующее обвинение: «Король дон Альфонсо, который был избран императором Германии, и был сыном короля дона Фернандо, завоевавшего Севилью и Андалусию, и отцом короля дона Санчо, убил в замке Бургоса инфанта дона Фадрике, своего родного брата, и великого магната дона Симона де лос Камерос, и были они умерщвлены скрытно, без объявления королем причины, по которой он их убил...»⁷⁶

В этом месте представляется логичным перейти к рассмотрению источников, включенных мной в начале статьи в третью группу. Два памятника,

⁷⁵ См., напр.: CRC, cap. CCXIX, 23; CAX, cap. 68.

⁷⁶ Cronica de Enrique II, cap. 5.

разобранные ниже, были созданы в период с конца 70-х гг. XIII в. и до первых десятилетий XIV столетия, разными людьми и с различными намерениями. Однако, как уже говорилось выше, есть несколько моментов, объединяющих их и позволяющих рассматривать вместе, как тексты одного порядка. Прежде всего, Альфонсо Мудрый является если не главным героем всех повествований, то, безусловно, одним из главных; в тех главах хроник, где речь идет о его правлении, именно его поступки, решения и высказывания становятся основным предметом для рассмотрения. Применительно к правлению Альфонсо Мудрого анализируемые тексты ясно демонстрируют наступление качественно нового этапа в его осмыслении и интерпретации: из современности, или очень недавнего прошлого оно становится историей, понемножку обрастающей всеми необходимыми для средневековой «истории» атрибутами — легендами, домыслами и риторическими отступлениями.

Самым ранним из рассматриваемых источников, безусловно, является краткая биография Альфонсо X, составленная наставником инфанта Санчо, выдающимся францисканским теологом Хуаном Хилем де Самора. Создание ее датируется приблизительно 1278 г., то есть тем же временем, когда было закончено главное произведение Хиля де Самора — трактат «О восхвалении Испании»⁷⁷. Францисканец был не просто современником Альфонсо X, но его верным подданным и близким другом, знатным монарха много лет⁷⁸ и часто работавшим с ним вместе. В годы восстания, поднятого его воспитанником, он, по всей видимости, поддерживал законного короля, однако это не мешало ему находиться в близких отношениях и с мятежным инфантом. Биографии деда и отца инфанта Санчо — королей Фернандо III и Альфонсо X — Хиль де Самора писал, очевидно, и с воспитательными целями, и, одновременно, отдавая дань своим дружеским чувствам к этим монархам. Все сказанное выше заставляет с особым вниманием относиться к образу Альфонсо Мудрого, сформированному наставником его сына и наследника.

Обращаясь к юношеским годам Альфонсо X, Хиль де Самора отмечает ряд его характеристик, среди которых следует выделить усердие в учебе, остроту ума, хорошую память, а также щедрость, «порой походившую на

⁷⁷ *Fita F. Biografías...* P. 308; *Castro y Castro M. de.* P. LXXXII.

⁷⁸ О биографии Хуана Хиля де Самора см. прекрасный очерк, составленный издателем его «О восхвалении Испании» М. де Кастро: *Castro y Castro M. de. ed. Fray Juan Gil de Zamora O. F. M. De preconiis Hispanie*. Madrid, 1955. P. XXXV—CXXVII; современное состояние исследований творчества Хиля де Самора см. в статье: *Ferrero Hernández C. Nuevas perspectivas sobre Juan Gil de Zamora // Studia Zamorensia*. IX. 2010. P. 19–33. Для отечественного читателя и исследователя фигура наставника Санчо IV остается практически неизвестной, ее освещение представляется мне делом ближайших нескольких лет.

Надгробие Альфонсо X в королевской капелле Севильского собора

вид расточительства»⁷⁹. Эти его добродетели снискали ему такую славу к моменту восхождения на трон, что люди, стекавшиеся под его руку со всех краев, видели в нем «убежище от врагов, совет, разрешающий сомнения, утешение в безутешности, сокровище от нищеты...»⁸⁰. Сквозь фимиам этих риторических построений удается увидеть некоторые черты Альфонсо X, на которые будут впоследствии обращать внимание все авторы, будь они дружественны Мудрому королю или, напротив, настроены к нему отрицательно. Прежде всего, речь идет о щедрости Альфонсо X, столь впечатлявшей современников, что она даже вошла в легенды, как это будет показано ниже. Вторая черта кастильского монарха, которую тоже отмечали практически все авторы последующих хроник, — это его образованность и тяга к распространению знаний среди своих подданных. Именно в связи с этим Хиль де Самора сообщает о том, что Альфонсо X приказал перевести на

⁷⁹ Bio.16: *Infantilibus vero ac puerilibus annis in deliciis, ut moris est Regum filiis, evolutis, cepit infantulus jam in adolescencia constitutus esse acer ingenio, pervigil studio, memoria luculentus; quoad exteriora vero, discretus eloquentia, procerus elegantia, modestus in risu, honestus in visu, planus in incessu, sobrius in convictu. Adeo nihilominus extitit liberalis, quod ipsius liberalitas prodigalitatis speciem induebat.*

⁸⁰ Bio.21: *Ad ipsum quoque de universis fere mundi partibus confluabant Comites, Marchiones, Principes et Barones, milites et burgenses, propter ipsius fame fragantiam universaliter respirantem, habentes [ad] ipsum contra inimicos refugium, contra dubia consilium, contra desolationem solatum, contra penuriam et pauperiem thesaurum munificum, communicatum liberaliter, non signatum.*

кастильский все книги, необходимые для преподавания в университетах, включая своды права, Библию и святоотеческие тексты, а также сам, упоминаясь царю Давиду, писал гимны, прославляющие Деву Марию⁸¹.

Интересно отметить, что, создавая подобный панегирик Альфонсо Мудрому, его биограф ни разу не упомянул ни про масштабные правовые проекты короля, будь то «Королевское фуэро», «Зерцало» или Партиды, ни про его исторические труды. В более поздних текстах, посвященных Альфонсо X, этот сюжет претерпел уже некоторые перемены. Так, например, «Хроника Альфонсо X» указывает, что кастильский король приказал перевести на разговорный язык «все документы», а также книги Библии, книги различных искусств и астрологии, а помимо этого повелел создать «Фуэро законов» (то есть «Королевское фуэро») и книги Партид, дабы дать их своему королевству в качестве законов⁸².

Помимо описания характера Альфонсо X и его мероприятий по переводу книг с латыни на старокастильский, Хуан Хиль де Самора останавливается на нескольких политических инициативах короля. Прежде всего, речь идет о поддержке, оказанной юным наследным инфантом португальскому королю Саншу II Благочестивому (1223–1247), когда тот был смешен с престола своим братом, будущим королем Афонсу III (1248–1279)⁸³. Упоминает францисканец и участие Альфонсо X в осаде и взятии Севильи его отцом, королем Фернандо III. Из событий, имевших место непосредственно в правление Альфонсо Мудрого, в его биографии отразились его

⁸¹ Bio.21: *Adeo quoque animum suum transtulit ad investigandas et perscrutandas mundanas scientias et divinas, quod omnes fore scripturas triviales et quadriviales, canonicas et civiles, scripturas, quoque theologicas seu divinas transferri fecit in linguam maternam; ita et omnes possent evidentissime intueri et intelligere quoquomodo illa, que sub lingue latine phaleris et figura tecta et secreta, etiam ipsis sapientibus, videbantur. More quoque Davitico etiam, [ad] preconium Virginis gloriose multas et perpulchras composuit cantinelas, sonis convenientibus et proportionibus musicis modulatas.*

⁸² CAX, cap. 9: ...Este rey don Alfonso por saber todas las escripturas, fizolas tornar de latín en romançé. Et desto mandó fazer el Fuero de las Leyes, en que asomó muy brevemente muchas leyes de los derechos. E dio por ley e por fuero a la çibdat de Burgos e a otras çibdades e villas del reyno de Castilla, ca en el reyno de León avía el Fuero Judgo que los godos ovieron fecho en Toledo. Et otrosy en las villas de las Estremaduras avian otros feros apartados. Et porque por estos feros non se podían librar todos los pleytos, e el rey don Ferrando su padre avia comenzado a fazer los libros de las Partidas, este rey don Alfonso su fijo fizolas acabar et mandó que todos los omnes de los sus reynos los oviesen por ley et por fuero, et los alcaldes que judgasen por ellos los pleitos. Et otrosy mandó tornar en romançé todas las escripturas de la Bribia e todo el Eclesiástico e el arte de las naturas, e de la estrología.

Подробный разбор этой главы «Хроники Альфонсо X» см. в статьях Акилино Иглесии, прежде всего: *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 41 ss.

⁸³ Bio.18.

ссора с братьями — инфантами Энрике и Фадрике, которых Альфонсо X, «не без причины, как говорят», изгнал из королевства⁸⁴, обрушение дворца в Сеговии⁸⁵ и, разумеется, избрание Альфонсо Мудрого королем римлян, осуществленное частью электоров Священной Римской империи⁸⁶. Помимо этого, Хиль де Самора коротко упоминает о победе кастильского короля над маврами в 1266 г. и более уже к Альфонсо X не возвращается, посвящая остаток своего произведения рассказу о делах, происходивших в те годы в иных странах (в частности, он описывает смерть короля Франции Людовика IX Святого в его последнем крестовом походе).

Критерии, по которым наставник будущего Санчо IV отбирал события для биографии его отца, в целом, понятны. Как уже говорилось выше, основной целью для него было воспитание наследного инфанта, для чего был написан трактат «О восхвалении Испании», а биографии Фернандо и Альфонсо, по сути дела, служили иллюстрациями к трактату. Это особенно видно при сопоставлении описания идеальных королевских добродетелей, выведенных в трактате, с портретами двух ведущих пиренейских монархов XIII столетия⁸⁷. Соответственно, и события из жизни монарха Хилем де Самора отбирались такие, которые могли бы либо проявить одну или несколько из этих добродетелей — как, например, ученость Альфонсо X и его тяга к просвещению, — либо показать Божью заботу о своем помазаннике. Как очевидный пример последнего францисканский теолог приводит казус с обрушением дворца в Сеговии, когда «многие иные погибли и покалечились, он же (Альфонсо) остался цел и невредим». Этой же цели служит и приведенный в той же главке биографии рассказ о покушении на

⁸⁴ **Bio.22:** Adeo vero circa regni sui principia, et etiam post, fuit prefatus Aldefonsus a sui regni comparticibus infestatus, quod ipsum etiam oportuit causa pacis duos germanos suos a regni finibus propulsare, non tamen sine causa rationabili et nota, sicut fertur.

⁸⁵ **Bio.23:** Aldefonsum etiam prefatum Dominus altissimus et eternus a multis periculis liberavit. Nam semel, cum esset apud Secobiam cum suis secretariis secreta consilia sua tractans, solarium corruit cum eisdem; et aliis dirutis et destructis, evasit ipse incolumis et illesus.

⁸⁶ **Bio.24:** Alexandri vero quarti temporibus, cum vacaret Imperium per mortem Friderici et Corradi filii sui, et duorum qui ad Imperium sub contradictione fuerant electi, scilicet Landgravii Turingie ac Comitis Holandie, qui antequam ad imperialem benedictionem pervenissent vite terminum exegerunt, Romani quidem Imperii Electores, die prefixa convenientes ad eligendum, in eligendo inventi sunt non unanimes sed discordes. Sanior namque pars et melior Aldefonsum inclitum regem Legionis, Castelle ac Vandalie in Regem Romanorum et semper Augustum electione canonica preelegit. Alia vero pars in Richardum Comitem Cornubie germanum Regis Anglie concordavit. Super quo negotio longo tempore fuit in Curia decertatum.

⁸⁷ Подобное сопоставление интересно само по себе и вполне заслуживает стать предметом отдельной статьи. Здесь я опущу его из соображений объема и целостности текста.

короля, предпринятым кем-то неизвестным под Сеговией, когда Альфонсо X пытались застрелить из лука⁸⁸, но стрелы «божественной волей» отклонились от цели. Этого рассказа, кстати, нет больше ни в одном источнике, содержащем информацию о Мудром короле. Вместе с тем Хуан Хиль, по всей видимости, сознательно не стал включать в биографию Альфонсо те ее эпизоды, которые могли быть истолкованы неоднозначно с теологической или просто с моральной точки зрения.

Следующий источник редактировался, по всей видимости, в начале правления Санчо IV, в кругах знати, близких ко двору, но непосредственно не входивших в него. Он дошел до нас лишь в рукописях XVI и XVII вв., но его язык и подборка событий, включенных в него, позволяют с известной уверенностью утверждать, что он был создан в 1287–1295 гг. Речь идет об анонимных анналах правления Альфонсо X, опубликованных в 1995 г. Мануэлем Гонсалесом Хименесом в «Вестнике королевской академии истории». С точки зрения жанровой специфики этот источник, скорее, тяготеет к памятникам, включенным мной во вторую группу, поскольку тоже, как и прочие анналы, выполнен в форме погодных записей. Однако в отличие от всех приведенных выше местных анналов эти посвящены конкретному человеку и описывают события, произошедшие с ним во время его правления. Это сближает рассматриваемый текст с представителями жанра так называемых «королевских хроник», то есть хроник, выстроенных вокруг рассказа о правлении того или иного короля⁸⁹.

Текст «Анналов...» разбит на 20 глав, пронумерованных хронистом от 1 до 19 (глава 6 повторена дважды). Эти 20 глав, в свою очередь, довольно четко делятся на две части, различающиеся стилем, особенностями языка и содержанием. Первая часть, включающая в себя главы с 1-й по 17-ю, была составлена около 1287 г. и немного отредактирована в начале правления Альфонсо XI, тогда как вторая, охватывающая две последние главы текста, писалась позже, в конце правления Педро I или в начале Энрике II Трастамары.

⁸⁸ Bio.23: Apud Secobiam similiter cum in sero de civitate tres in ipsum sagitas emisissent ut ipsum vita et regno privarent, sagite in partem aliam voluntate deifica declinarunt, et in quodam lignum loco superpositum impegerunt, Regis interitum declinantes. A quibus vero vel a quo sagite fuerunt misse, et cuius seu quorum consilio, varie decantatur; et sanius judicio subticere quam super facto tam enormi aliquid sorspitare.

⁸⁹ Подробнее о становлении в кастильской историографии «королевских хроник» и об их жанровых особенностях см.: Gómez Redondo F. De la crónica general a la real. Transformaciones ideológicas en «Crónica de tres reyes» // La historia alfonsí: el modelo y sus destinos (siglos XIII–XV). Seminario organizado por la Casa de Velázquez (30.01.1995). Estudios reunidos e introducidos por Georges Martin. Madrid, 2000. P. 95–124; Id. La construcción del modelo de la crónica real // Alfonso el Sabio y las Crónicas de España / al cuidado de Ines Fernández Ordoñez. Valladolid, 2000. P. 133–158.

мара⁹⁰. На это указывает, помимо разного почерка писцов, и совершенно иное содержание, принципиально отличное от первых 17 глав: завершающие главы «Анналов...» посвящены подробному изложению легенды о богохульстве Альфонсо X, о небесном суде, собравшемся по этому поводу у престола Бога, и о приговоре, вынесенном Всевышним кастильскому суверену. Анализ данной легенды, ее происхождения, генезиса и бытования в историографической традиции, как представляется, имеет смысла только в контексте иных источников, совпадающих с ней по времени создания, и потому будет вынесен в следующую статью, в которой будет рассматриваться образ Альфонсо X в исторических сочинениях Пиренейского полуострова середины XIV—XVI в.

В качестве места создания «Анналов...» М. Гонсалес Хименес определяет Бургос, а точнее, находящийся неподалеку от него монастырь Святого Доминика Силосского⁹¹. На это указывают рассказ о чудесном сне Альфонсо X и его воплощении, сохраненный в первых трех главах «Анналов...», а также рассказ о случившемся в монастыре чуде с могилой святого Доминика, непосредственно предпосланный краткому сообщению о смерти Альфонсо X в главе 15-й. Собственно, эти главы, по замечанию М. Гонсалеса Хименеса, представляют собой краткое переложение соответствующих разделов «Чудес святого Доминика Силосского», изложенных на кастильском языке — труда, составленного монахом этого монастыря Педро Марином в последней четверти XIII в.⁹²

Содержание «Анналов...» (повторю, за исключением двух последних глав) создает четкое впечатление, что они были составлены лишь для того, чтобы написать в них главы с 12-й по 14-ю. В самом деле, в первых трех главах, а также в первой части 15-й главы автор отдает должное своему монастырю, рассказывая о чудесах, происходивших в его стенах и связанных с именем Альфонсо X. Главы начиная с 4-й представляют собой традиционно краткое, привычное для традиции средневековой анналистики, изложение событий 1256–1281 гг. В них отмечаются рождение детей Альфонсо и Виоланты с перечислением дат их рождения⁹³, брак наследного инфанта Фернандо де ла Серда с французской принцессой Бланкой⁹⁴, поездка Альфонсо X в Бокер на встречу с Папой и заставшая короля за границей смерть

⁹⁰ См. об этом: González Jiménez M. Unos anales... P. 469, 473–474.

⁹¹ Ibid. P. 471.

⁹² Ibid. P. 471–472; Los Milagros Romanzados de Santo Domingo de Silos de Pero Marín / ed. por M. González Jiménez y L.A. Molina Molina. Murcia, 2009.

⁹³ Anales.4.

⁹⁴ Anales.6.

его старшего сына, а также гибель королевского фаворита Нуньо де Лара и архиепископа Толедо дона Санчо от рук мавров⁹⁵, казнь инфанта Фадрике и магната Симона Руиса де Камероса⁹⁶, разгром войск и флота Альфонсо X под Альхесирасом⁹⁷ и смерть матери Альфонсо Мудрого, королевы Беренгелы⁹⁸. При этом составитель анналов допускает неточности, а то и прямые ошибки в хронологии, путается в родственных связях действующих лиц (так, он неточно перечисляет детей короля, делает Бланку Французскую dochерью Филиппа III, тогда как она была его сестрой, и т.д.).

Все меняется, когда автор анналов приступает к описанию розни, возникшей между инфантом Санчо и его отцом, и последовавшего между ними вооруженного конфликта: с этого момента и вплоть до рассказа о смерти Альфонсо Мудрого он перестает путаться в именах и датах, изложение приобретает развернутый, просторный характер. Автор совершенно определенно занимает в конфликте монарха и его сына-наследника позицию последнего. Согласно его версии, когда король отправился в 1281 г. в Севилью, чтобы похоронить там свою мать, королеву Беренгелу, он оставил Санчо управлять Кастилией вместо себя, чтобы все магнаты, инфансоны, рыцари и консехо относились бы к нему так же, как к своему королю. Санчо, объезжая королевство, нашел его в полном беспорядке и разорении и пожелал узнать их причину. В ответ на его вопрос он услышал многочисленные жалобы и прошения людей, уверявших его, что его отец, король Альфонсо Мудрый, разорил свою страну бесконечными поборами и лишил города и рыцарство их привычных фуэро. Завершались же эти жалобы общими просьбами к инфанту взять их под защиту от беззаконий короля⁹⁹. Приняв эти жалобы и прошения близко к сердцу, инфант созвал своих единомышленников, среди которых перечисляются его дядя, инфант Мануэль, братья Педро, Хуан и Хайме, магнаты Лопе Диас и Диего Диас де Аро и ряд епископов, в том числе Хуан Альфонсо, епископ Пален-

⁹⁵ Anales.6.

⁹⁶ Anales.9.

⁹⁷ Anales.10.

⁹⁸ Anales.11.

⁹⁹ **Anales.12:** ...Dexo [el rey] al ynfante don Sancho en toda Castilla que catassen los ricos homes e ynfançones e cavalleros e todos los conçejos, que fizieren por él así como por él mismo. E el ynfante don Sancho, andando por las villas e por la tierra, fallóla toda despojada, e demandó por que hera aquello. E los pueblos dábanle voces e pidíanle merçed que los oyese. E mostraronle que heran todos despobladós e despachados e que cada dia se hericarien mas los pecheros por los muchos pechos que les hechava el rey don Alfonso su padre, e que los desaforaba e que los despassava muchas cosas. <..> E pidieronle por merçed todos en cada villa que el pesasse e que les ayudasse e que quisiesse contraer los pueblos por que no se perdiessen la tierra...

Урна с сердцем Альфонсо X в соборе Мурсии

сии и фрай Фернандо, прелат Бургоса, и, с их согласия, объявил о созыве кортесов в Вальядолиде.

По результатам прошедшей ассамблеи Санчо послал к своему отцу с просьбой уменьшить подати, дабы не опустошать страны. Альфонсо X в ответ призвал к себе на помощь сеньора Марокко Абен-Юсафа, прося его обуздать восставшего инфанта. Тот, в свою очередь, собрал вторые кортесы, на которых потребовал от собравшихся помощи в войне против отца. Затем, как замечает автор анналов, началась война, в которой Альфонсо X вместе с армией мавров воевал с доном Санчо и войском христиан¹⁰⁰. Автор упоминает, что войска собирались у Кордовы, однако подробно о боях под этим городом не говорит, в отличие, скажем, от составителей «Истории в диалогах». Война отца и сына закончилась смертью Альфонсо X, последовавшей в апреле 1284 г. Приведя сообщение о смерти короля и о начале правления его сына, хронист снова теряет все свое красноречие, возвращается к краткому, лапидарному стилю повествования и доводит свой рассказ до 1286 г. Затем, уже в правление Альфонсо XI, в конце 17-й главы анналов была сделана приписка о гибели под Гранадой двух инфантов — Хуана и Педро, случившейся в 1319 г.

¹⁰⁰ **Anales.13:** El ynfante don Sancho, avido su acuerdo, enbiógelo mostrar al rey su padre e pidirle merçed que no despechasse atanto los pueblos que se ermaria toda la tierra. E el rey don Alfonso no le tovo en nada e enbiólo amostrar Avenyuçaf, señor de Marruecos, como se levantava contra el su fijo e toda Castilla e que le acorriese, e que le embiase ayuda... <...> E guerreaba el rey don Alfonso de Sevilla con poder de los moros al ynfante don Sancho, su fijo, e él con poder de los christianos a su padre, así que se juntó gran gente de christianos de la una parte e de la otra...

Желая доказать правоту Санчо в случившемся конфликте, автор анналов вынужден был где-то давать информацию не полностью, а где-то и во все идти на прямую подмену фактов. Так, он не мог не знать, что епископы Бургоса и Паленсии хотя и присутствовали на ассамблее в Вальядолиде, но никоим образом ее не поддерживали; напротив, этим двум прелатам принадлежало письмо протеста, в котором они отказались принимать участие в антикоролевском собрании и, более того, упрекали собравшихся аббатов в создании эрманда с мирянами, что противоречило их статусу, как духовных лиц¹⁰¹. Не мог хронист не знать и того, что Санчо вообще не имел права собирать подобных ассамблей, поскольку право созыва кортесов всегда было зарезервировано только за королем. Наконец, согласно анналам, на первых кортесах в Вальядолиде было принято лишь обращение к королю с просьбой уменьшить подати и обременения, дабы не опустошать свое королевство. Однако, как прекрасно известно из других источников (и наверняка было известно составителю анналов), на этой ассамблее было принято решение о низложении Альфонсо X¹⁰², на что Санчо также не имел никакого права. Наконец, умаливает автор и о роли Папского престола в развернувшемся конфликте, в частности, об интердикте, наложенном Мартином IV на Санчо за восстание против отца. Опустив же все эти детали, хронист создал образ инфанта-защитника королевства и короля, не просто опустошающего свое королевство чрезмерными поборами, но еще и наводящего на него мавров.

* * *

К моменту создания Фернаном Санчесом де Товар официальной королевской «Хроники Альфонсо X» образ Мудрого короля уже вполне сформировался в исторических сочинениях, имевших хождение в Кастильском королевстве. Значительная часть этих текстов, разумеется, концентрировалась не на личных качествах Альфонсо, а на событиях его правления, из которых наиболее значимыми признавались его поход за имперской короной 1274–1275 гг. и последовавшая за ним катастрофа. Практически все разобранные памятники так или иначе отводят какое-то место этим

¹⁰¹ O'Callaghan J.F. El Rey Sabio... P. 92, 311.

¹⁰² Tol.III, a.1281: Anno Domini MCCLXXXI. Los ricos hombres de Castiella... ... e los concejos privaron alrey D. Alfonso, fijo del rey D. Fernando, que gano Sevilla.

Anales JM, 1282: Era MCCCXX fuit lata sententia contra regem Alfonsum in Valleleti, in mense Aprilis.

событиям — смерть в битве при Эсихе одного из могущественнейших магнатов королевства и фаворита Альфонсо X, графа Нуньо де Лара, последовавшая за ним с разрывом в несколько дней, гибель от рук мавров архиепископа Толедо Санчо и кончина наследного инфанта Фернандо де ла Серда, сраженного болезнью и умершего в Вильяреале, практически обезглавили королевство. В отсутствие короля, находившегося в Бокере, командование над собирающимся войском принял еще совсем молодой инфант Санчо, в одночасье превратившийся из обычного инфанта в наследного. Ему, как известно, удалось, в общем, сдержать написк берберов-маринидов и дождаться возвращения короля, практически сразу подписавшего двухлетнее перемирие. Можно с известной долей уверенности предположить, что именно успешная кампания 1275–1276 гг. в сочетании со смертью старшего брата и отсутствием отца вскружили голову юному инфанту и заставили его мечтать о короне.

Второй блок событий, отразившийся в подавляющем большинстве нарративных источников конца XIII — начала XIV в., — это, собственно, восстание инфанта Санчо. Поскольку практически все разбираемые тексты либо создавались в первые годы правления Санчо IV, либо подвергались тогда редакции, почти все они транслируют именно его точку зрения на конфликт Альфонсо X со своим сыном и наследником, в соответствии с которой наследный инфант выступал не мятежником, но защитником королевства от неправомерных претензий своего отца. Редкое исключение представляют собой «Голедские анналы III» и «Хроникон Кардены II», авторы которых, как представляется, в целом поддерживали сторону Альфонсо X и не приветствовали нового короля. На фоне сказанного представляется странным практически полное молчание источников о восстании знати, имевшем место в 1272–1274 гг. Отдельные упоминания о нем всплывают при чтении «Анонимных анналов», но, пожалуй, и все. Этот сюжет начнет появляться несколько позже, в пространных хрониках конца XIII — первой половины XIV в. (в частности, в «Истории в диалогах»), но выйдет на первый план только в «Хронике Альфонсо X», где его разбору будет отдано больше половины всего объема хроники.

Еще одна «зона умолчания», хорошо заметная при анализе историографических текстов этой эпохи, — это законодательная деятельность Альфонсо X. За исключением одного короткого упоминания в «Анонимных хрониках Саагуна» мы не встретим ни слова ни о создании и распространении «Королевского фуэро», ни о «Зерцале», ни, тем более, о «Семи Партидах». Единственный момент, имеющий к этому отдаленное отношение, — это рассказ Хуана Хиля де Самора о проекте Альфонсо X по пе-

реводу на разговорный язык (*lingua materna*) большого объема различных текстов, в том числе всех книг канонического и цивильного права. Все же остальные памятники не дают ни одного упоминания переводческой, историографической или правотворческой деятельности короля. Весьма показательным в этом плане видится полное молчание на этот счет такого памятника «историографии знати», каким была «История в диалогах до 1288 года». Должна была появиться на свет «Хроника Альфонсо X», чтобы об этой стороне его деятельности понемногу начали писать в исторических сочинениях.

Несмотря на краткие и немногочисленные упоминания в источниках личных качеств Альфонсо X, можно все же утверждать, что к началу правления Альфонсо XI в историографии сложился обобщенный образ его прадеда. Он предстает читателю человеком весьма начитанным, любящим и умеющим учиться и учить, опытным в военном деле. Еще одна важнейшая характеристика монарха, введенная в оборот Хуаном Хилем де Самора и закрепившаяся впоследствии в более поздних текстах, — это его щедрость. Именно это качество Альфонсо X станет впоследствии базой для складывания первой из знаменитых легенд об этом монархе — легенды о его щедрости. Параллельно источниками создается устойчивое представление о Мудром короле как о человеке, имевшем серьезные проблемы с Церковью; хотя Папа и дарует ему временное право на сбор десятины в своем королевстве, все же именно «насилие со стороны Церкви» мешает Альфонсо X стать императором Священной Римской империи. Впрочем, касаясь проблемных отношений с клириками, ни один из источников, разобранных в этой статье, не подвергает сомнению богообоязненность короля и, соответственно, любовь к нему Бога. Изменение этого представления и складывание второй легенды об Альфонсо X — легенды о его богохульстве станет еще одной из серьезнейших инноваций историографической традиции последующего периода. Наконец, в традиции, восходящей к «Первой всеобщей хронике Испании», косвенно и непрямым образом создается образ Альфонсо X как человека жестокого по отношению к своим близким, неверного и не уважающего правовых обычая старины.

Все оговоренные и некоторые оставшиеся неназванными моменты будут развиты в историографии последующего периода, когда на смену анналам и кратким хроникам придут полномасштабные историописания Позднего Средневековья.

REFERENCES

1. Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España / ed. por I. Fernández-Ordóñez. Valladolid, 2000.
2. Ballesteros Beretta A. Alfonso el Sabio. Barcelona, 1984.
3. Castro y Castro M. de. ed. Fray Juan Gil de Zamora, O. F. M., De preconiis Hispanie. Madrid, 1955. P. XXXV–CXXVII.
4. Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí: códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. Madrid, 1997.
5. Catalán D. El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio // Romanía, 84 (1963). P. 354–375.
6. Catalan D. El Toledano Romanzado y las Estorias del fecho de los godos del siglo XV// Estudios dedicados a J.H. Herriott. Madison, 1966. P. 9–102.
7. Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X: creación y evolución, Madrid, 1992.
8. Fernández-Ordóñez I. La historiografía alfonsí y post-alfonsí en sus textos. Nuevo panorama // Cahiers de Linguistique Hispanique Médiévale, 18–19, 1993–1994. P. 101–132.
9. Ferrero Hernández C. Nuevas perspectivas sobre Juan Gil de Zamora // Studia Zamorensia. IX. 2010. P. 19–33.
10. Fita F. Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Gil de Zamora // BRAH. 5. 1884. P. 308–328.
11. Funes L. Una versión nobiliaria de la historia reciente en la Castilla post-alfonsí: la *Historia hasta 1288 Dialogada // Revista de Literatura Medieval. XV/2 (2003). P. 71–83.
12. Gómez Redondo F. De la crónica general a la real. Transformaciones ideológicas en «Crónica de tres reyes» // La historia alfonsí: el modelo y sus destinos (siglos XIII–XV). Seminario organizado por la Casa de Velázquez (30.01.1995). Estudios reunidos e introducidos por Georges Martin. Madrid, 2000. P. 95–124.
13. Gómez Redondo F. Historia de la prosa medieval castellana. Vol.1. La creación del discurso prosístico: el entramado cortesano. Madrid, 1998. P. 853–1092.
14. Gómez Redondo F. La construcción del modelo de la crónica real // Alfonso el Sabio y las Crónicas de España / al cuidado de Ines Fernández Ordoñez. Valladolid, 2000. P. 133–158.

15. González Jiménez M. Alfonso X el Sabio. Barcelona, 2004.
16. González Jiménez M. Fernando III el Santo. Barcelona, 2006.
17. González Jiménez M. Sancho IV, infante // HID. 28, 2001.
18. González Jiménez M. Unos anales del reinado de Alfonso X // BRAH. 192 (1995). P. 461–491.
19. González J. Reinado y diplomas de Fernando III. Vol.1. Cordoba, 1983. P. 46–47; González Jiménez M. Fernando III el Santo. Sevilla, 2006.
20. Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores // HID. N 9 (1982). P. 9–104.
21. Keller J.E. Alfonso X, El Sabio. New York, 1967.
22. O'Callaghan J.F. Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria. A Poetic Biography. Leiden: Brill, 1998.
23. O'Callaghan J.F. El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla / trad. esp. por M. González Jiménez. Sevilla, 1999.
24. Pineda Juan de. S.I. Memorial de la excelente santidad y heroycas virtudes del señor rey Don Fernando, tercero deste nombre, primero de Castilla i de Leon. Eficaz motivo a la magestad catolica de Filipo III, nuestro Señor, para que afectuosamente mande solicitar con la Sede Apostolica la deuida i breue Canonizacion del Rey Santo, su XIII Progenitor. Sevilla, 1624.
25. Salvador Martínez H. Alfonso X, el Sabio. Una biografia. Madrid, 2003.

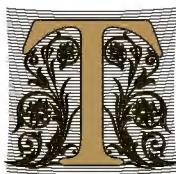

Ключевые слова:

Альфонсо X, историография, Кастилия, «Первая всеобщая хроника», анналы

Alexander V. Marey

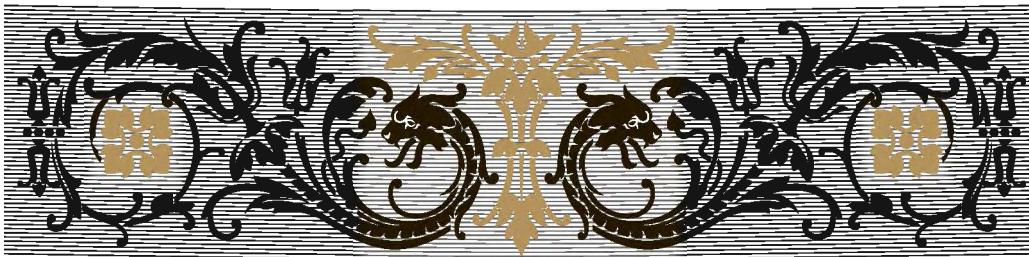
ALFONSO X IN REFLECTION OF MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY: THE END OF THE 13th — BEGINNING OF THE 14th C.

This article analyzes various information about the personality and the reign of Alfonso X the Wise, contained in the historical writing heritage of Castilian tradition from the late 13th to early 14th c. As exemplified in a number of the annals and brief chronicles, including unpublished ones, the article demonstrates the process of forming the main features of the image of Alfonso X, reflected later in the «Chronicle of Alfonso X» and subsequent historical work. The King is portrayed as an educated, knowledgeable and experienced ruler and warrior. However, it also emphasizes his generosity, which sometimes came to wastefulness. The study focuses on his problems in relations with the Church and with the traditions going back to the «First General Chronicle». The article refers to his disrespect for the customs and legal practices of the Castilian nobility, as well as his authoritarian and brutal nature.

Марей Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

М.К. Карапурова

ОТ «ПОЭМЫ О ФЕРНАНЕ ГОНСАЛЕСЕ» К «ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ХРОНИКЕ»: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ГРАФА ФЕРНАНА ГОНСАЛЕСА В XIII в.¹

мя графа Фернана Гонсалеса, правившего в Кастилии в X в., в испанской литературной и исторической традиции неразрывно связано с идеей борьбы за освобождение от владычества королей Леона и становления независимой Кастилии — сначала как самостоятельного графства, а затем — и королевства. Как прославленный герой Реконкисты, Фернан Гонсалес уступает в известности только Сиду Кампепадору. Его подвиги вдохновляли поэтов и писателей в течение многих веков: от безвестных бродячих певцов эпохи Средневековья до великого Лопе де Веги. Однако образ кастильского графа и его история в течение этого времени не оставались неизменными — они переосмысливались, видоизменялись и представляли всякий раз в несколько ином свете, чем это было в предшествующую эпоху и у предшествующего автора.

Эпохой, когда легенда о Фернане Гонсалесе получила наиболее полное и разностороннее содержание и обрела письменную форму, стал XIII в., так как именно к этому времени относится создание двух больших произведений на разговорном старокастильском языке, в которых описываются

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-01-00135 «Научный комментированный перевод “Первой всеобщей хроники”»).

Граф
Фернан Гонсалес.
Портрет XVII в.

дения доблестного графа. Одно из них — «Поэма о Фернане Гонсалесе» («Poema de Fernán Gonzalez», PFG), второе — «Первая всеобщая хроника» («Primera crónica general», PCG), наиболее значительный из сохранившихся фрагментов так и не завершенной «История Испании», составленная по указанию и под руководством Альфонсо X Мудрого.

Одной из причин столь пристального внимания к фигуре графа Фернана Гонсалеса со стороны авторов этих сочинений могли быть политические события, происходившие в XIII в. в Испании. Прежде всего, это завоевания, совершенные христианами в период так называемой «быстрой Реконкисты» 1220–1260-х гг. Отвоевание королем Фернандо III и его сыном Альфонсо X в первой половине столетия Кордовы, Мурсии, Севильи, Хаэна и Кадиса, а также военные успехи короля Арагона Хайме I на востоке полуострова фактически положили конец существованию на территории Пиренейского полуострова мусульманских государств, за исключением Гранадского эмирата. На фоне этих знаменательных побед обращение к образу героя, стоявшего у истоков Реконкисты, и воспевание его подвигов кажутся более чем обоснованным явлением. Ведь таким образом воздавались почести и королям-победителям, которые невольно сравнивались с великим героем прошлого.

Кроме того, легенда о Фернане Гонсалесе, не только как о великом воине, не жалеющем своей жизни в войне с маврами, но также как о правителе, добившемся почета, богатства и независимости для своей родной Кастилии, также приобрела в XIII в. особое значение в силу того, что Кастилия под управлением Фернандо III стала важнейшей частью могущественного королевства и центром объединения отвоеванных земель. Более того, короли Кастилии в этот период претендовали на господство не только на территории Испании, но и в Европе, о чем говорит упорная борьба короля Альфонсо X за трон Священной Римской империи. В этом историческом контексте прославление национального героя Кастилии, стоявшего у истоков ее могущества, должно было стать важной идеологической задачей.

Испанская историография не испытывает недостатка в исследованиях, посвященных анализу «Поэмы о Фернане Гонсалесе» и «Первой всеобщей хроники» и их сопоставлению друг с другом. Между тем в них, на удивление, не удается найти ответ на вопрос: почему же все-таки именно «Поэма о Фернане Гонсалесе» послужила источником для описания истории кастильского графа в хронике, созданной Альфонсо X? Чтобы ответить на этот вопрос, следует установить, что же конкретно привносila поэма в образ Фернана, какие еще варианты репрезентации его истории знала испанская хроникальная традиция и каким он в итоге предстал в конце XIII в. в официальной версии истории Испании, на страницах королевской хроники.

Истоки образа Фернана Гонсалеса, как эпического героя, нужно искать в устной традиции, которая сохранилась лишь в сильно деформированном виде, оказав влияние на авторские сочинения более поздней эпохи. Даже «Поэма о Фернане Гонсалесе» (далее — Поэма) до наших дней сохранилась в составе единственной рукописи XV в., хранящейся в Библиотеке Эскориала (Escor. Ms.b.IV.21), и этот текст содержит большие лакуны вплоть до того, что в нем отсутствует финальная часть Поэмы. Кроме того, в 1960 г. была найдена каменная плита, содержащая отдельные стихи Поэмы; происхождение этого источника неясно.

Автором Поэмы, согласно наиболее распространенной версии, высказанной еще М. Менендесом-и-Пелайо и впоследствии поддержанной Р. Менедесом Пидалем, являлся монах монастыря Святого Петра в Арлансе, который, по легенде, был основан именно Фернаном Гонсалесом, а затем стал местом его погребения². Существуют, однако, и другие гипотезы, приписывающие авторство представителю знатного кастильского семейства Лара

² На самом деле был основан до Фернана Гонсалеса. Подробнее см.: Martínez Díez G. El Condado de Castilla, 711–1038: La Historia Frente a la Leyenda. Madrid, 2005.

Уррака Фернандес, дочь графа Фернана Гонсалеса.

Миниатюра из Альбельдского кодекса. X в.

или другого клана, который мог иметь тесные контакты с монастырем, однако был человеком светским³.

Дату создания поэтического текста также сложно установить с точностью. Опираясь на текст самой Поэмы, а также ее возможные связи с литературными и историческими сочинениями, исследователи называют разные датировки: от XII до XIV в. Однако мы берем за основу одну из наиболее известных гипотез, что Хроника была создана не позднее, чем «Первая всеобщая хроника», источником для которой она послужила, то есть до 1289 г., а скорее даже к более раннему периоду.

«Поэму о Фернане Гонсалесе» принято относить к жанру ученой поэзии (*mester de clerecía*), авторами которой были образованные люди, чаще всего духовного звания, в отличие от поэзии и песен, сочиняемых и исполняемых бродячими поэтами и певцами (*mester de juglaría*). О принадлежности к ученой поэзии говорит литературная форма Поэмы: она написана alexandрийским стихом, объединенным в четверостишия с единой консо-

³ Montoya Ramírez M. I. Religiosidad y realidad histórica en el poema de Fernán González / Literatura y cristiandad: homenaje al profesor Jesús Montoya Martínez. Granada, 2001. P. 519.

нантной рифмой — *cuaderna ría*. При этом сюжет Поэмы — героические подвиги графа Кастилии, его войны с маврами и противостояние христианским королям — более типичен для народной поэзии (*mester de juglaría*) и считается очевидным, что именно песнями и легендами о Фернане Гонсалесе пользовался при работе над Поэмой ее автор, перерабатывая их сюжет согласно своему замыслу.

Однако помимо знакомства с народным эпосом, воспевающим национального героя Кастилии, автор Поэмы располагал также обширными знаниями в области Священного Писания и литературы, как латиноязычной, так и написанной на национальном языке. Среди источников, которые он использовал для написания длинного пролога, посвященного правлению последних королей вестготов, мусульманскому завоеванию и первым королям Астурии, были сочинения Исидора Севильского и Луки Туйского, а на стилистику и описание некоторых эпизодов Поэмы оказали влияние «Книга об Александре» («*Liber de Alexandre*») и сочинения ученого поэта Гонсало де Берсео.

Вполне возможно, что автор мог иметь доступ и к документам, созданным при жизни графа и сохранившимся в монастыре, однако они вряд ли могли бы его по-настоящему заинтересовать. Несмотря на всю эрудированность и возможность использовать самые разные источники сведений о жизни кастильского графа, автор Поэмы предпочитает максимально следовать сложившейся эпической традиции воспевания Фернана Гонсалеса, народным преданиям о нем, переосмыслия ее в традициях агиографического сочинения. В данном контексте историческая достоверность описываемых событий беспокоила ученого автора не более, чем сочинявших песни о кастильском герое хугларов.

Разумеется, в описываемых в Поэме событиях можно увидеть отголоски сражений с маврами, успехов и неудач, через которые действительно прошел Фернан Гонсалес. Однако гораздо более близким к истории оказывается пролог Поэмы, посвященный прошлому Испании до начала деяний Фернана Гонсалеса и основанный на хрониках и исторических сочинениях. Автор Поэмы стремится вписать деяния графа Кастилии в эту уходящую вглубь веков историю, подчеркнуть преемственность и причастность: ведь графу приходится бороться с тем злом, которое навлекли на себя последние короли вестготов, не сумевшие воспрепятствовать завоеванию Испании. Однако в том, что касается описания деяний Фернана Гонсалеса, автор стремится записать скорее не то, как это могло быть на самом деле, а то, как это должно было быть. Как и любое другое средневековое эпическое произведение, Поэма следует скорее законам жанра и особенностям истори-

Санчо I Толстый. Изображение XII в.

ческой памяти народа, чем исторической действительности, тем более что между описываемыми в ней событиями и временем ее создания прошло по меньшей мере три столетия.

В силу этого в Поэме неизбежно встречаются многочисленные неточности, вплоть до существенных расхождений в хронологии. Так, например, в Поэме Фернан Гонсалес сражается с маврами под предводительством Альмансора, хотя тот жил несколько позже и его военные кампании и успехи на самом деле приходились на время правления в Кастилии сына Фернана Гонсалеса, Гарсии Фернандеса⁴. Однако в народной памяти именно Альмансор олицетворял собой главного врага христианских земель и потому именно он, по закону оппозиционного принципа построения мифа, должен был противостоять главному герою. Точно так же, следуя законам эпической поэмы и сохранившимся в памяти народа событиям, Фернану Гонсалесу в Поэме противостоит король Санчо I (958–966; с перерывами), а не его отец, Рамиро II (931–951), на годы правления которого пришлись основные деяния графа. Однако король Санчо, прозванный Толстым и, видимо, не пользовавшийся особой любовью в народе, гораздо больше походил на роль политического противника для эпического героя. Эпос приписывает Фернану Гонсалесу не только деяния, совершенные на самом деле его отцом (взятие крепости Карасо, основание монастыря Сан-Педро-де-Арланса), но также подвиги других

⁴ Ср. годы правления графа Фернана Гонсалеса (931–970) и военных походов Альмансора (наст. имя Мухаммад ибн Абу Амир), хаджиба Кордовского халифата в 978–991 гг.

известных исторических личностей, живших в период между правлением графа и созданием Поэмы⁵.

Основанная на народных песнях и преданиях о подвигах доблестного кастильского графа, Поэма неизбежно перенимает ту концепцию представления о Фернане Гонсалесе, которая сложилась в устной традиции. Кастильский граф предстает в ней традиционным эпическим героем, благородным, доблестным, мятежным. Он отважно сражается с врагами, будь то мавры или христианские короли, дерзнувшие напасть на его земли, его мятечная натура приводит его к ссоре с королем Леона, его сеньором, а хитрость помогает ему добиться независимости Кастилии без лишнего кровопролития.

Начальный период жизни Фернана Гонсалеса также искается и приобретает причудливые очертания под воздействием народного эпоса. Так, например, в Поэме уделяется большое внимание генеалогии Фернана Гонсалеса, который происходит из рода Нунью Расуры, одного из первых судий, избранных в Кастилии в середине IX в. Тем самым Поэма наделяет графа знатным, почти легендарным происхождением. Однако если из хроник нам известно, что Фернан Гонсалес был единственным сыном Гонсало Фернандеса и был избран графом уже будучи зрелым мужем и прославленным воином, то в Поэме история его рождения и возмужания приобретает явные фольклорные черты. К ним можно отнести, прежде всего, упоминание трех сыновей Гонсало Фернандеса, третьим и самым младшим из которых и был Фернан Гонсалес, а также историю с похищением его в раннем детстве угольщиком с последующей жизнью и взрослением в горах, вдали от настоящего дома, своей истинной семьи и предназначения. Данная версия, видимо, была почерпнута автором Поэмы из народных преданий и он по какой-то причине пожелал сохранить ее в своей Поэме, хотя представляется маловероятным, что он не знал более достоверной версии, представленной в хрониках и документах, где ни братья Фернана Гонсалеса, ни его жизнь среди простых людей не были упомянуты.

На полях сражений, описанных в Поэме, граф проявляет безрассудную отвагу и смелость: он сам ведет свои войска в бой и сходится в поединках с

⁵ Например, эпизод с убийством в бою короля Наварры, скорее всего, является привнесенным из событий XI в. и связан с именем короля Кастилии Фернандо I, убившего подобным образом короля Гарсию в битве при Атапуэрке (1054 г.). Одинаковые имена могли послужить причиной возникновения путаницы и приписывания графу этого убийства, которое стало поводом дальнейшего развития сюжета Поэмы. Подробнее см.: West B. Epic, Folk, and Christian Traditions in the «Poema de Fernan González». Madrid, 1983. P. 190.

самыми заклятыми и сильными своими врагами. Даже эпитеты, которые автор использует при описании сражающегося графа, указывают на его животную силу, ярость и беспощадность: он «бесстрашнее змея» (PFG, cap. 516), творит то, что «волк делает в стаде» (PFG, cap. 500). При этом он всегда подчеркнуто благороден по отношению к своим врагам: он заботится о их соответствующем погребении, сам снимает доспехи, не приемлет военных хитростей, которые могут нанести урон его чести. И все же он вовсе не был лишен хитроумия и дальновидности, о чем свидетельствует один из ключевых фрагментов Поэмы, приобретения столь желанной свободы для родной Кастилии в результате торговой сделки: сумма, запрошеннная графом за коня и ястреба у короля Леона, увеличивалась вдвое за каждый день просрочки платежа и в результате оказалась непосильной для короля, из-за чего тот вынужден был отказаться от взимания налогов с Кастилии и фактически признать ее независимость⁶. Обретение независимости Кастилии, превращение ее из незначительной и бедной области в важную политическую силу среди других христианских владений Пиренейского полуострова — это главная цель Фернана Гонсалеса и одна из основных тем всей Поэмы. Доказательством тому служат многочисленные восхваления Кастилии и ее жителей, определение ее как «лучшей из всех земель Испании»⁷ и «глазы королевства»⁸. Граф же, стремящийся защитить свою родину от врагов и вывести ее из-под гнета короля, исполняет не только долг сеньора, но и следует воле Бога.

Личность автора, хорошо образованного, происходящего из монастырской среды или же близкой ему, также не могла не повлиять на ее форму и содержание. Во-первых, это выражается в использовании большого числа сравнений, аллюзий и примеров, почертнутых из Священного Писания и агиографических сочинений. Значительная их часть приходится на вступительную часть Поэмы, рассказывающую о вестготских королях, падении Испании и страданиях кастильцев, однако и Фернан Гонсалес, идущий на бой с Альмансором, удостаивается сравнения с царем Давидом, в то время как его враг — с Голиафом.

⁶ Фрагмент с описанием самого выкупа свободы Кастилии не сохранился, однако он легко восстанавливается благодаря ссылкам на него в сцене продажи коня и сокола (PFG, cap. 575–580).

⁷ PFG, 157: «Pero de toda España Castilla es mejor...» Здесь и далее нумерация строф приведена по изданию: Poema de Fernán González / edición facsímil del manuscrito depositado en el Monasterio de El Escorial. Burgos, 1989.

⁸ PFG, 172: «[...] de un alcaldía pobre fyzieronla condado / tornáronla después cabeza de reyinado».

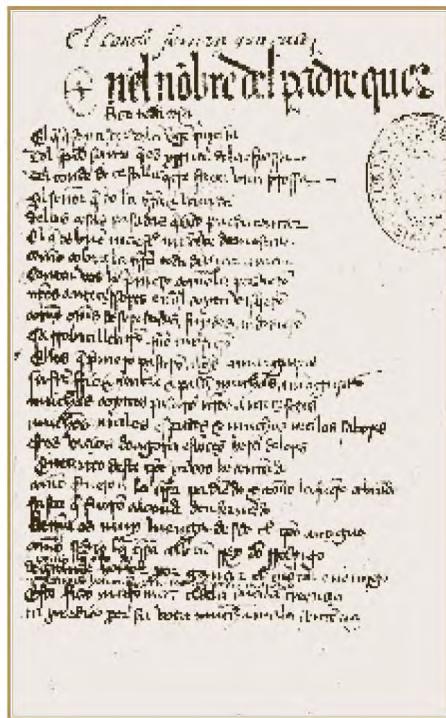
Следует также отметить, что автор Поэмы намеренно делает одним из центральных мест действия Поэмы монастырь Святого Петра в Арлансе, где граф молится Богу и получает в ответ пророчество и ответы на свои молитвы. Целью столь частого упоминания монастыря могло быть стремление автора привлечь внимание читателей Поэмы к положению обители, чтобы лишний раз упомянуть ее традентов и покровителей, и в этом контексте Фернан Гонсалес приобретал значение, сходное с восприятием образа местного святого.

Черты агиографического сочинения и отсылка к житиям святых, которые присутствуют в Поэме, только подтверждают это ощущение. Так, например, один из ключевых эпизодов Поэмы — охота на кабана, которая приводит графа в сокрытую обитель, где он встречает брата Пелайо и получает пророчество о своих будущих победах — имеет значительное сходство с видением во время охоты, описанной в Житии Святого Евстафия, что справедливо отметил в свое время Дж. Келлер⁹.

Религиозное мировосприятие автором не оставляет в Поэме места для иной версии о причинах страдания народа Испании, их поражений в битвах с маврами, кроме как наказание Богом за их грехи. Кроме того, главным врагом в Поэме выступают вовсе не Альмансор и его бесчисленные воины, и не христианские короли, бросающие вызов графу. Главный враг — это дьявол. Это он расставляет ловушки герою, а земные враги служат лишь орудиями в его руках. Учитывая это, главный герой также нуждается в помощи высших сил, чтобы одолеть своего врага. Его молитвам и воззваниям к Богуделено важное место в Поэме, и на примере одного из самых важных из них, моления в обители накануне битвы при Асиас, мы видим, что граф обращается к Богу, как вассал к своему сеньору: указывает ему на те страдания, что он претерпел, служа ему, на предательство других его вассалов, христианских королей, которые стали на сторону мавров, и просит у Него защиты и покровительства в решающий час¹⁰. Бог — единственный сеньор, чью власть над собой принимает Фернан Гонсалес, в то время как земные короли не могут склонить его к покаянию. И именно божественная помощь позволяет графу одолеть во много раз превосходящие вражеские силы.

⁹ Keller J. P. The Hunt and Prophecy Episode of the «Poema de Fernán González» // Hispanic Review. Vol. 23. No. 4. (Oct., 1955), P. 251–258.

¹⁰ PFG, v. 394–395: «Señor: por gran amor de fazer a ty servíçio / paso yo mucho lacerío e dejo mucho viçio / con este cuerpo lazrrado fágote servíçio / con moros e con cristianos métorne en gran volliçio / Los rreyes de España con deshecho pavor / olvidaron a ty, que eres su señor / tornáronse vasallos del rrey Almoçorre».

Страница поэмы
о Фернане Гонсалесе.
Средневековый
манускрипт

Таким образом, в Поэме формируется идеальный образ графа, который наделен всеми положительными чертами эпического героя, смелого и благородного, и в то же самое время приобретает черты святого, который ведет неравную борьбу против врагов христианства и как испытанный и верный вассал Господа всякий раз получает от него божественную помощь и защиту.

Удивительное сочетание ученого стиля и формы и народного предания как основы сюжета, искусное переплетение в поэме эпических, фольклорных и религиозных мотивов создало уникальное произведение средневековой испанской литературы. Нет достоверных сведений о том, насколько популярной была Поэма в XIII в., читалась ли она при дворе кастильского короля и среди знатных людей, однако мы можем утверждать, что она была известна и использовалась в интеллектуальной мастерской короля Альфонсо X Мудрого при создании обширного исторического труда — «Истории Испании» или «Первой всеобщей хроники» (далее — Хроника). Та часть этого масштабного труда, в которой описываются деяния Фернана Гонсалеса, была составлена уже в годы правления сына Альфонсо X, короля Санчо IV в 80-х гг. XIII в., однако материалы для нее, скорее всего, подбирались заранее и среди них, очевидно, была и «Поэма о Фернане Гонсалесе».

О том, что именно эта Поэма легла в основу фрагмента Хроники, посвященной действиям кастильского графа, свидетельствует почти абсолютное

совпадение сюжетной линии, а также языковая близость. Хотя очевидно, что при переводе поэтических строф в прозу авторы Хроники существенно сокращали текст Поэмы и пересказывали ее содержание, избавляясь от формул и привнося в повествование отсутствующие в эпосе последовательность и логическую обоснованность событий, все же некоторые пассажи из Хроники почти дословно воспроизводят стихи Поэмы. Большая часть практически дословных совпадений приходится на прямую речь: именно в ней сокращения и инверсии изначального стихотворного текста встречаются редко, от чего язык героев приобретает особую образность и поэтичность. Более того, в тексте Хроники сохранились даже некоторые традиционные для эпоса формулы, к примеру, «*Lorando mucho de los ojos*» (PCG, 710, 718).

Критический подход составителя Хроники к Поэме, как к источнику, заключался, видимо, в элиминировании ее наиболее явных традиционных (в том числе — религиозных) мотивов: истории о трех братьях, похищения в детстве, упоминания о вполне реальном вмешательстве дьявола в войну графа и его врагов, а также некоторое сокращение душеспасительных речей и пассажей. Без этих элементов сюжет Поэмы более органично вписывается в общий контекст Хроники.

Однако критический отбор сведений, очевидно, носил очень фрагментарный характер и в итоге Хроника унаследовала все ошибки в хронологии и анахронизмы, которые встречаются в Поэме. Можно сказать, что в Хронике эти неточности даже усугубляются, так как повествование, взятое из Поэмы, разбивается по годам, чьи датировки практически никогда не являются достоверными, и дополняется сведениями, почерпнутыми из других источников, прежде всего исторических сочинений того же XIII в.

Составители «Первой всеобщей хроники» в описании событий X в. и правления королей Рамиро II, Ордоньо III и Санчо I опирались в первую очередь на сочинения двух величайших эрудитов предыдущего поколения: на «Готскую историю» Родриго де Рады, митрополита Толедо, и «Всемирную хронику» Луки, епископа Туйского¹¹. Оба эти сочинения были написаны примерно в одно и то же время, в первой половине XIII в. Описывая примерно одинаковый круг событий, эти два произведения довольно сильно отличались кругом источников, на основе которых они составлялись, и были идеологически противоположными в силу политических расхождений их авторов. В то время как Лука Туйский был сторонником Леонской

¹¹ PCG. Prol: ... mandamus ayuntar quantos libros pudimos auer de istorias en que alguna cosa contassen de los fechos d'Espanna, et tomamos de la cronica dell Arçobispo don Rodrigo que fizò por mandado del rey don Ffernando nuestro padre, et de las Maestre Luchas, Obispo de Tuy <...> et compusieremos este libro...

монархии, ведущей свое начало от последних вестготских королей, и защищал ее исконные притязания на лидерство среди христианских государств, Родриго де Рада отстаивал превосходство Кастилии и ее права на положение политического центра объединения отвоеванных земель. В итоге история графа Фернана Гонсалеса была представлена в этих хрониках в полном соответствии с данными политическими преференциями.

В сочинении Луки Туйского Фернан Гонсалес упоминается крайне редко и даже не как граф Кастилии, а как «граф Бургоса». Даже описывая победу короля Рамиро при Осме, он упоминает безымянных кастильцев, попросивших у короля защиты, а имя графа в этой главе не фигурирует вовсе, что создает впечатление, будто автор хочет вовсе исключить его из своей истории. И это неудивительно, ведь главный акцент в сочинении епископа Туя делается на бесплодности всех попыток кастильцев восстать против своего законного короля.

В то же время Родриго де Рада, что вполне закономерно, уделяет правительству Кастилии гораздо больше внимания: при первом же упоминании Фернана Гонсалеса он характеризует его как славного воина, который был избран графом волей не только знати, но и простого люда, что служило доказательством уважения, которым он пользовался среди своего народа¹². Он перечисляет его подвиги и заслуги: поддержание мира и спокойствия в своих землях, победы над маврами, освобождение Кастилии от притеснений со стороны астуро-леонских королей, основание монастыря Святого Петра в Арлансе и т.д.¹³

Однако наиболее интересным является приведенный в «Готской истории» эпизод с описанием мятежа графа против короля Рамиро, который описан также в сочинении Луки Туйского. Согласно хроникам, Фернан Гонсалес и Диего Муньес, граф Салданьи, заключили союз с маврами и помогли им завоевать несколько городов во владениях короля Рамиро. Тот смог дать достойный отпор врагам, а неверных вассалов заточил в темницу — одного в Леоне, другого в Гордоне. Спустя некоторое время он прощает их, берет с них клятву впредь хранить верность королю и выпускает на волю. Родриго Хименес де Рада, однако, добавляет важное замечание об этих событиях: упомянутый Фернан Гонсалес не является графом Кастилии и не следует их путать¹⁴.

¹² De rebus Hispaniae. L. V, cap. 2.

¹³ Ibid. L. V, cap. 12.

¹⁴ Ibid. L. V, cap. 8: «et Fernandum Gunsalvi, non illum comitem Castele, et Didacum Munionis fautores Arabum comprehendit te alterum Legione, alterum Gordone in carcere vinculavit».

Можно было бы предположить, что в то время жил другой знатный человек с тем же именем, однако прямо вслед за этим в Хронике сообщается о браке дочери графа Фернана Гонсалеса и сына короля, который был призван окончательно примирить короля и графа после инцидента с мятеежом и тюремным заточением, о чем прямо говорит Лука Туйский¹⁵. На основе этого можно сделать вывод, что митрополит Толедо поддался искушению очистить имя эпического героя от позорящего его в глазах потомков союзничества с маврами, поражения и плена, — даже если все это, тем не менее, имело место. Однако при этом автор отнюдь не склонен идеализировать графа в его амплуа вассала: остальные мятежи и заговоры Фернана против королей Ордоньо III и Санчо I описаны подробно, а отвага и упорство, с которым граф боролся за независимость, единство и расширение своих владений, названы в числе его основных достоинств¹⁶.

Таким образом, мы видим, что к моменту создания «Первой всеобщей хроники» уже существовали разные варианты представления образа кастильского графа. Возникает вопрос, почему же именно «Поэма о Фернане Гонсалесе» стала основным источником рассказа о знаменитом графе и о становлении независимой Кастилии в Хронике, составители которой имели вполне реальную возможность выбора между сложившимися к тому времени версиями. Между тем именно поэма превратилась в основной источник создателей Хроники, а из сочинений Луки Туйского и Родриго де Рады были извлечены лишь фрагменты, призванные заполнить лакуны, касающиеся политики королей Леона, а не опровергнуть ту историю, которую Хроника повторяет вслед за Поэмой. Более того, в конечном итоге вставки из других источников лишь вносят дополнительную путаницу в хронологию событий, порождают внутренние противоречия и расхождения в тексте.

К примеру, и в Поэме, и в Хронике брат Пелайо предрекает графу, что тот дважды будет пленен, однако в Хронике к двум пленениям Фернана Гонсалеса, упомянутым в Поэме (одно — Гарсией, королем Наварры, другое — Санчо, королем Леона), добавляется третье — королем Леона Рамиро в наказание за попытку поднять мятеж против него. Само по себе это противоречие не является существенным для автора хроники, однако оно лишает смысла сам факт пророчества, столь важного для эпической традиции.

Кроме того, и в Поэме, и в Хронике упоминается только одна жена кастильского графа, наваррская инфанта Санча. В первом случае она выступает

¹⁵ *Chronicon mundi*. L. IV, cap. 33: «His supradictis remeantibus ad propria filiam Fernandi Gundissalui, quam ob causam ut pacificaret Castellanos et Legionenses, acceperat, reliquit nomine Urracam...».

¹⁶ *De rebus Hispaniae*. L. V, cap. 12.

сестрой короля Наварры Гарсии, а во втором оказывается его дочерью, однако остальные детали истории графа и его супруги идентичны: этот брак предлагаёт графу королева, когда он по зову короля Санчо прибывает в Леон на кортесы, однако в результате обмана граф оказывается в темнице короля Наварры; в конечном итоге именно Санча освобождает его оттуда. В то же время в Хронике есть упоминание о том, что король Рамиро при жизни заключает брак между своим наследным сыном Ордоньо и Урракой, дочерью кастильского графа¹⁷, что означает, что последний к тому моменту уже должен был быть женат. Подобное несоответствие объясняется просто: на самом деле граф был женат дважды. Его первая жена, действительно, носила имя Санча и была сестрой короля Наварры Гарсии. Вторая же звалась Урракой и являлась дочерью того же короля. Из этого можно сделать вывод, что в Хронике имеется в виду Уррака, однако составители вслед за автором Поэмы называют ее Санчей и не усложняют историю упоминанием второй жены, как несущественного элемента.

Точно так же отношения графа с королем Наварры Гарсией в Хронике предстают менее однозначными, чем в Поэме, где они являются кровными врагами. Так, например, и правитель Наварры, и кастильский граф вместе поддерживают мятеж Санчо против его брата, короля Ордоньо III¹⁸, хотя в Хронике, как и в Поэме, противостояние Кастилии и Наварры по количеству битв и взаимных обид лишь немногим уступает ожесточенной войне Фернана Гонсалеса с маврами и их союз, даже пред лицом общего врага, кажется маловероятным событием для Поэмы.

Но все вышеперечисленные противоречия, а также многие другие, оставшиеся неназванными здесь, очевидно, не заботили составителей Хроники, а это означает, что текст Поэмы должен был использоваться как источник в силу какой-то причины.

Для того чтобы понять, почему именно Поэма была выбрана основным источником для описания деяний графа в «Первой всеобщей хронике», следует определить, каким же в результате предстает в Хронике граф Фернан Гонсалес, его отношения с королевской властью и концепция независимой Кастилии в целом, что именно привнесла Поэма в образ графа по сравнению с тем, каким он был описан в хроникальной традиции.

«Первая всеобщая хроника», вслед за Поэмой и, отчасти, сочинением Родриго Хименеса де Рады, возносит хвалу кастильскому графу, уделяя значительную долю внимания именно его делам и подвигам, вплоть до того, что главы

¹⁷ PCG, cap. 701, p. 401. В сочинениях Луки Туйского и Родриго Толедского этот брак упомянут в связи с примирением Рамиро II и графа Кастилии после мятежа, который Фернан Гонсалес и Диего Муньос подняли против короля.

¹⁸ PCG, cap. 703.

Хроники о политике королей Леона, очень краткие по сравнению с наполненными деталями и речами эпизодами, являющимися пересказом Поэмы, кажутся лишь дополнениями к этим сведениям и меркнут на фоне деяний Фернана Гонсалеса, в ней есть несколько интересных фрагментов, которые заставляют читателя взглянуть на эпического героя Кастилии с разных сторон.

В своей статье «Короли и графы: прагматика и “Поэма о Фернане Гонсалесе” в “Первой всеобщей хронике”» Лоуренс Рич пишет о том, что авторы Хроники стремились максимально уравновесить военные успехи кастильского графа и не менее, а то и более значимыми победами королей Леона¹⁹. Однако с этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, не будь в Хронике глав, посвященных доблестным деяниям королей, и весь фрагмент Хроники, начиная с главы 684 и заканчивая главой 728, можно было бы без преувеличения назвать временем правления Фернана Гонсалеса. При этом если бы автор Хроники хотел подчеркнуть значение побед именно короля Леона, по сравнению с которыми успехи кастильцев казались бы менее существенными, ему достаточно было бы просто следовать тексту пролеонски настроенного Луки Туйского.

Между тем в «Первой всеобщей хронике» вклад Фернана Гонсалеса в победы над маврами только превозносится. И речь здесь идет не только о подробнейшем описании битв и побед, взятых из Поэмы, но и о внесении дополнений в те главы, источниками для которых служили хроники предшествующих лет. Наиболее ярким примером может служить описание битвы при Осмо (933 г.). У Луки Туйского эта победа над маврами приписывается целиком и полностью королю Рамиро II, Родриго Толедский упоминает о том, что в битве принимали участие леонские и кастильские войска, однако «Первая всеобщая хроника» приписывает данную победу в равной степени и Рамиро II, и Фернанду Гонсалесу²⁰. Более того, победа в битве при Осме указывается в Хронике как одно из наиболее значимых деяний кастильского графа²¹.

Таким образом, в Хронике закрепляется и развивается образ графа, как великого воина и полководца, и ни одна из его побед не ставится под со-

¹⁹ Rich L. Kings and Counts: Pragmatics and the «Poema de Fernán González» in the «Primera Crónica General» / La Corónica: A Journal of Medieval Hispanic Languages, Literatures & Cultures. Vol. 25. № 2. 1997. P. 109–111.

²⁰ PCG, 686: «Et ayuntaronse amas las huestes, la del rey et de los castellanos, en uno, et fueron contra los moros que les dixieron que eran en Osma [...] et tan fieramente los ferieron, que por merced de Dios fueron vençudos los moros [...] Et tornose el rey don Remiro para Leon con grand onrra, et el conde Fernand Gonçalez finco en su tierra con grand bienandança».

²¹ PCG, cap. 684.

мнение. И это неудивительно, ведь предполагалось, что героический граф должен был стать примером для подражания для всех людей рыцарского сословия, кто слушал Поэму или же читал Хронику.

Главная политическая цель графа — освобождение Кастилии от власти короля Леона — без сомнения является столь же важной, что и отвоевание земель у мавров. Однако если в Поэме граф в итоге добивается своего исключительно мирным путем, получая свободу для своего графства в качестве платы за коня и ястреба, и если и выражает неуважение к королю, то только не являясь в его кортесы (на что между тем даже имеет моральное право после оскорбления, нанесенного ему леонцами), то граф из Хроники представляется гораздо более мягким и непокорным вассалом, способным на заговор и вооруженное сопротивление сеньору, и гораздо более значительной политической фигурой.

Созданию такого образа, безусловно, служат фрагменты, привнесенные в Хронику из сочинений Луки Туйского и Родриго Толедского. Согласно им, граф принимает участие по крайней мере в трех мятежах: вместе с Диего Муньесом он готовит восстание против короля Рамиро II, за что оказывается заточенным в темницу; после смерти короля Рамиро он поддерживает инфанта Санчо в его стремлении свергнуть старшего брата, Ордоньо III; а после составляет заговор уже против самого Санчо, возведя в его отсутствие на трон Ордоньо IV, сына короля Альфонсо IV. При этом если первый мятеjh еще можно отнести к отстаиванию интересов своего графства²², то последующие уже говорят о значительных политических амбициях Фернана Гонсалеса, о его стремлении повлиять на политику королевства в целом, а не только в отношении Кастилии.

Примечательно, что в итоге все эти мятежи и заговоры закончились поражением Фернана Гонсалеса. И, если судить по некоторым замечаниям хрониста, такой исход кажется вполне логичным и справедливым. Так, например, одним из последствий мятежа графа против Ордоньо III было расторжение брака последнего с дочерью Фернана Гонсалеса, Урракой. Хроника так обосновывает это событие: «Но из-за поступка графа Фернана Гонсалеса, который помог тому, кому не должен был помогать, и который пошел против того, кто был ему зятем, чем проявил себя как врага, король оставил его дочь»²³.

В описании последующих отношений графа Фернана Гонсалеса с королем Ордоньо представлены две точки зрения на их исход: одна из них повтор-

²² Возможно, речь идет о заселении по приказу короля земель, отвоеванных у мавров, что создает препятствие для расширения владений обоих графов на юг.

²³ PCG, cap. 703.

ряет вслед за Лукой Туйским и Родриго Толедским эпизод с заключением мира между графом и королем и смертью последнего в результате болезни, вторая заявляет со ссылкой на неопределенный источник («некоторые говорят»), что король был убит графом Фернаном Гонсалесом в сражении²⁴. Нам неизвестен источник, который мог бы послужить основой для данного замечания, однако можно предположить, что это был недошедший до нас вариант устного предания о графе, из чего можно сделать вывод, что эпические произведения, рожденные в народной среде, представляли кастильского героя гораздо более мятеjkным и решительно настроенным против королей Леона, чем описал автор Поэмы.

Сочетание в «Первой всеобщей хронике» сведений из двух столь разных источников, которыми были эпическая поэма и латинские хроники, создало неоднозначный, на первый взгляд противоречивый образ графа.

Наиболее ярким примером являются последние из посвященных отношению Фернана Гонсалеса и короля Леона Санчо главы Хроники²⁵. Хотя стихи Поэмы, которые, видимо, служили источником для написания этих глав, отсутствуют в дошедшем до нас рукописи, они столь глубоко пронизаны эпическим мотивом страданий незаконно оскорбленного героя, что сложно усомниться в том, что за основу был взят именно текст Поэмы.

В данном эпизоде рассказывается, что после очередной совместной военной операции против мавров²⁶, в которой все лавры достаются Фернану Гонсалесу, происходит размолвка между ним и леонцами, вследствие чего в течение двух следующих лет граф отказывается явиться в королевские кортесы. Король Санчо воспринимает это как оскорбление и подозревает своего вассала в заговоре против него и потому отправляет ему грамоту с предупреждением: либо он явится в кортесы, либо лишится Кастилии. Фернан Гонсалес собирает своих приближенных и произносит речь, в которой просит совета у своих людей, так как решил, несмотря на то, что он знает о желании короля причинить ему вред, подчиниться королю и явиться в кортесы. В противном случае, как он справедливо полагает, его и всех кастильцев обвинят в мятеjке против короля, а это навсегда запятнает их добroе имя, и в глазах всех жителей Испании они будет выглядеть предателями, хотя всегда были известны своей верностью. Учитывая, что описанные

²⁴ PCG, cap. 706, p. 408: «Pero dizen algunos que lidio con el conde Fernand Gonzalez et quel mato».

²⁵ PCG, cap. 717, 720.

²⁶ В 931 г. согласно датировке, приведенной в Хронике, однако имеются в виду, скорее всего, события 960-х гг.

Король Ордоньо III.
«Книга завещаний
королей Леона», XII в.

события, согласно Хронике, происходят уже после упомянутых мятежей Фернана Гонсалеса, последний из которых посадил на трон другого короля, это утверждение графа о верности кастильцев и его покорность своему сеньору выглядят по меньшей мере странно.

С другой стороны, как уже было сказано, все мятежи графа против королей закончились неудачей, и он был вынужден всякий раз преклонить колено и принести клятву верности королю. В таком контексте вышеназванный эпизод можно истолковывать как осознание графом бессмыслиности какого-либо мятежа. Свободу для своего графства он в итоге добывает не с оружием в руках, а вполне законным путем: как выплату задолженной королем за коня и ястреба суммы. Если рассматривать события, описанные в Хронике, как историю, из которой следовало извлечь урок и некую мораль, то можно заключить, что это один из способов, которым в ней провозглашалась сила королевской власти, верность которой — долг каждого вассала, и мятеж против которой — тяжкое преступление, заранее обреченное на неудачу.

Однако в упомянутой речи примечательно также то, что граф называет себя «сеньором по рождению», то есть декларирует существование между ним и кастильцами иного вида социальной связи, помимо очевидной феодальной модели вассал—сеньор. Отношения, основанные на понятии *naturaleza* в XIII в. — это в первую очередь отношения между королем и всеми жителями королевства, которые не нуждались в скреплении вассальным контрактом, а выстраивались автоматически с момента восшествия короля на престол в силу проживания людей на территории королевства.

Использование термина *señor natural* служило, прежде всего, для утверждения верховных прав короля на повиновение со стороны жителей королевства и для опровержения возможности знати противостоять ему и покушаться на его власть и привилегии.

Таким образом, называя себя «сеньором по рождению», граф позиционирует себя как законного владельца Кастилии по праву рождения, а не милостью короля. Кроме того, в той же речи призывает своих людей защитить его сына, Гарсию, что бы ни случилось с ним по воле короля после прибытия в кортесы, тем самым он предопределяет установление системы наследования своего титула, чего раньше в Кастилии не было. Фактически, граф уже стоит на позиции суверенного сеньора, ему нужно лишь королевское признание свободы его земель, которое он в итоге получает.

* * *

Подводя итоги, отметим, что в зеркале Хроники граф предстает великим воином и талантливым полководцем, символом борьбы христианских земель против мусульманского владычества, одним из первых героев Реконкисты, на стороне которого — сам Бог. Описание побед, благородства и отваги легендарного графа выступает как пример для подражания для представителей феодального класса.

Кроме того, Фернан Гонсалес предстает правителем, сумевшим добиться независимости для своих владений, эпическим героем, стоящим у истоков могущественной Кастилии, которой, в итоге, заранее предопределена роль центра объединения земель и главной силы в борьбе против внешнего врага. Хотя в интерпретации хрониста он и предстает мятежным вассалом, но его вооруженные восстания и заговоры в конечном итоге оказываются бессмысленными и лишь подтверждают мощь и авторитет королевской власти.

Без привлечения Поэмы ни одна из этих граней образа Фернана Гонсалеса не была бы полностью раскрыта в Хронике. Если бы не длинные пассажи, наполненные эпическими образами, описаниями героических сражений, чудес и испытаний, выпавших на долю героя, граф в «Первой всеобщей хронике» оказался бы лишь одним из многих: одним из полководцев христианского воинства, вполне успешным, но явно уступающим королю, одним из хитрых, предприимчивых и вероломных королевских вассалов, готовых в своих интересах прибегнуть к помощи мавров, а также врагов своего сюзерена из числа христиан, мятежником, которому,

несмотря на понесенные поражения, все-таки удалось каким-то образом добиться своего. В таком случае, у читателя могло возникнуть впечатление, что графство Кастилия, как независимая политическая сила и как основа будущего единого королевства, зародилось в результате бунта, предательства и хитрой политической игры — явно не самый подходящий миф для «лучшей из испанских земель».

Между тем в Хронике образ графа, хотя и не является столь однозначным, как в Поэме (он лишен ореола, граничащего со святостью героического благородства), в конечном итоге оказывается более убедительным. Показывая графа с разных сторон, не как идеального героя, а скорее как реального исторического персонажа, совершившего как великие подвиги, так и ошибки, но в итоге благодаря своим достоинствам добившегося задуманного, составители «Первой всеобщей хроники» создали более понятный и близкий пример для подражания, пример, который Альфонсо X счел бы подходящим для рыцарей, которых со страниц «Семи Партий» призывал слушать истории о великих деяниях²⁷.

²⁷ Part. II.21.20: «Como ante los caualleros deuen leer las estorias de los grandes fechos de armas quando comieren».

REFERENCES

1. *Keller J.P.* The Hunt and Prophecy Episode of the «Poema de Fernán González» // Hispanic Review. Vol. 23. No. 4 (Oct., 1955). P. 251–258.
2. *Martínez Díez G.* El Condado de Castilla, 711–1038: La Historia Frente a la Leyenda. Madrid, 2005.
3. *Montoya Ramírez M. I.* Religiosidad y realidad histórica en el poema de Fernán González / Literatura y cristiandad: homenaje al profesor Jesús Montoya Martínez. Granada, 2001.
4. *Rich L.* Kings and Counts: Pragmatics and the «Poema de Fernán González» in the «Primera Crónica General» // La Corónica: A Journal of Medieval Hispanic Languages, Literatures & Cultures. Vol. 25. No. 2. 1997. P. 109–111.
5. *West B.* Epic, Folk, and Christian Traditions in the «Poema de Fernan González». Madrid, 1983.

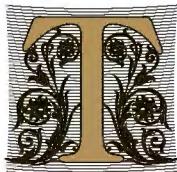

Ключевые слова:

Фернан Гонсалес, Кастилия, хроники Средневековья, Альфонсо X, Реконкиста, эпическая поэма, Королевство Леон.

Maria K. Karaulova

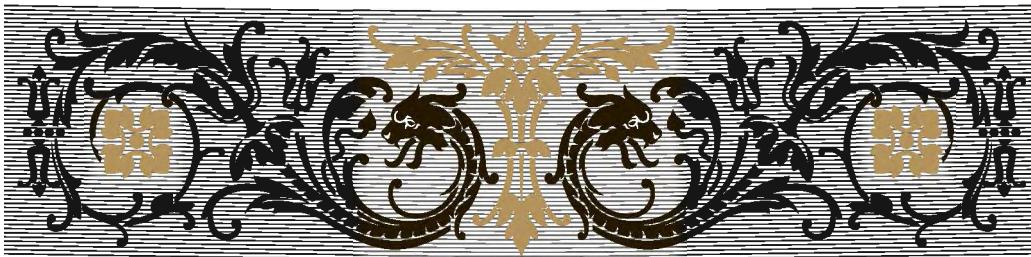
FROM THE «POEM OF FERNAN GONZALEZ» TO THE «FIRST GENERAL CHRONICLE OF SPAIN»

The article is devoted to an analysis of the transformation of Count Fernan Gonzalez's image as it has been presented in Spanish literary sources and chronicles of the 13th c. Fernan Gonzalez was the first autonomous Count of Castile and was well known for his courage and active participation in the Reconquest and internal policy of the Kingdom of Leon. He died in the 10th c. but the legends of his heroic deeds and victories lived through the ages and became very popular in the 13th c. He was mentioned in several chronicles and also became a protagonist of an epic poem which was created in the successful period of Reconquest. Using the chronicles of Lucas from Tuy and Rodrigo de Rada and comparing these texts with the poetic version of «Poem of Fernan Gonzalez» the author investigates which new features were added to the image and history of Fernan Gonzalez and how it combined epic, religious and historical elements. The purpose of the article is to define why the «Poem of Fernan Gonzalez» was used as a principle source for composition of the «First General Chronicle of Spain» in the epoch of King Alfonso X that presented the official version of Kingdom's history and the role of the Castilian Count in this history.

Карапулова Мария Кирилловна

аспирант Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Е.С. Марей

ДВЕ ВЕРСИИ МЯТЕЖА СИСЕНАНДА В «ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ХРОНИКЕ ИСПАНИИ»¹

стория Толедского королевства вестготов была недолгой: образовавшееся в 507 г. на территории Пиренейского полуострова, оно уже в 711 г. пало под ударами мусульман и прекратило свое существование. Тем не менее для хронистов средневековой Кастилии история готов имела невероятно большую ценность, поскольку Вестготское королевство воспринималось ими как прямой предшественник Кастильского. Первым наиболее отчетливо эту идею сформулировал в своей «Готской истории» епископ Толедо Родриго Хименес де Рада, а затем ее подхватили составители самого грандиозного исторического проекта в истории Кастилии — «Первой всеобщей хроники Испании», наиболее значимой из сохранившихся частей «Истории Испании», создававшейся во второй половине XIII в. по приказу короля Альфонсо X Мудрого.

История готов изложена в «Хронике...» довольно подробно. Повествование организовано по правлениям королей и посвящено главным образом их действиям. И хотя объем информации, посвященный тому или

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-01-00135 «Научный комментированный перевод “Первой всеобщей хроники”»).

Свинтила — король вестготов.
Картина работы М. Миранды-и-Рендан. Середина XIX в.

иному правителю, разный (зависит от срока правления и масштабности действий каждого конкретного монарха), составитель скрупулезно перечислил всех королей, даже тех, в правление которых не произошло ничего замечательного². При этом хронист в каждом случае обязательно указывал даты и обстоятельства начала и конца правления. На этом фоне резко выделяется рассказ о кончине короля Свинтилы, правившего с 621 по 631 г., и восшествии на престол его преемника короля Сисенанда (631–636). Здесь излагаются две версии событий, что в целом нехарактерно для средневековой историографии, тяготевшей к четким и ясным моделям представления прошлого. Согласно первой, основной, версии, представленной Родриго Хименесом де Радой, король Свинтила заболел и умер в Толедо, окруженный почетом и любовью подданных. Согласно второй, изложенной франкским хронистом Сигибертом из Жамбу, готы, устав от жестокостей Свинтилы, подняли мятеж и провозгласили королем дукса провинции Септимания Сисенанда³. Почему составитель «Хроники...» изложил

² Как, например, сына короля Рекареда Лиуву, правившего два года и ничем не отличившегося. См. PCG. 479.

³ PCG. 495.

обе версии? Какая из них является более правдивой и насколько? Каковы источники обеих версий? Ответам на эти вопросы и будет посвящена настоящая статья.

«Первая всеобщая хроника Испании» (История Испании) как источник по истории Толедского королевства

«Первая всеобщая хроника Испании» (История Испании) — грандиозный исторический труд, созданный при дворе короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого. Стоит заметить, что правление этого короля (1252–1284) стало для Кастилии временем небывалого расцвета культуры. При его дворе работали знаменитые ученые, юристы, писатели и переводчики, да и сам король не был лишен писательского таланта: его перу принадлежат «Кантиги Святой Деве Марии». Альфонсо X резко выделяется в кругу других просвещенных монархов средневековой Европы: ведь именно он стал первым европейским королем, который придал народному языку официальный статус. По приказу Мудрого короля на старокастильском языке был создан первый национальный свод права и начата работа над национальной историей — «Первой всеобщей хроникой Испании» (ок. 1270 г.). Таким образом, «Хроника...» стала первым историческим сочинением, написанным при дворе короля, а не в церкви или монастыре⁴.

«Первая всеобщая хроника» начинается с истории Всемирного потопа и расселения потомков Иафета, потом переходит к подвигам Геракла в Испании. Далее «Хроника...» описывает историю народов, в разное время населявших Испанию, и, наконец, заканчивается эпохой правления Фернандо III, отца Мудрого короля. При этом готский и предшествующие ему разделы были написаны в эпоху правления Альфонсо X, прочие — около 1289 г. при его сыне, короле Санчо IV Храбром. В прологе к «Хронике...» указывается целый ряд античных и средневековых авторов, чьи

⁴ Подробнее см.: Марей А.В. Дружба и доверие в испанском обществе XI–XIII вв.: неправовые регуляторы правового поля. М., 2011. С. 9–12; Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X. Creación y evolución. Madrid, 1992; Martín G. Le pouvoir historiographique (l'historien, le roi, le royaume. Le tournant alphonsoin) // Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero. Paris, 1997. P. 123–136; Id. Compilation (cinq procédures fondamentales) // Ibid. P. 107–121; Id. Los intelectuales y la Corona: la obra histórica y literaria // Alfonso X y su época / Coord. M. Rodríguez Llopis. Murcia, 2002. P. 259–285; Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Coord. I. Fernández Ordóñez. Valladolid, 2000 etc.

Исидор Севильский. Миниатюра из рукописи X в.

труды должны были лечь в ее основу, среди них: Павел Орозий, Иордан, Лукан, Исидор Севильский, Исидор Младший (или Исидор Бежский), Ильдефонс Толедский, Идаций, Клавдий Птолемей и т.д. Однако исследователи отмечают, что главными (а для многих глав — единственными) источниками были сочинения Луки, епископа города Туя († 1249), и Родриго Хименеса де Рады, митрополита Толедо (1189?–1247), чьи имена стоят в этом ряду первыми⁵.

Оба эти сочинения были написаны почти одновременно: Лука Туйский закончил свою «Всемирную хронику» (*Chronicon mundi*) в 1236 г., а первая редакция «Об испанских событиях» (*De rebus Hispaniae*) Родриго Толедского относится к 1243 г. Окончательно же это произведение было завершено в 1246 г. Оба хрониста писали свои произведения по королевскому «заказу»: Лука Туйский выполнял поручение королевы Беренгелы, Родриго Толедский — короля Фернандо III, отца Альфонсо X. Относительно влияния этих авторов друг на друга и заимствований мы не можем сказать ничего

⁵ PCG. Prol.: ... mandamus ayuntar quantos libros pudimos auer de istorias en que alguna cosa contassen de los fechos dEspanna, et tomamos de la cronica dell Arçobispo don Rodrigo que fizò por mandado del rey don Ffernando nuestro padre, et de las Maestre Luchas, Obispo de Tuy (выделено мной, — Е.М.), et de Paulo Orosio, et del Lucano, et de San Isidro el primero, et de sant Alffonso, et de sant Esidro el mancebo, et de Idacio Obispo de Galizia, et de Sulpiciuo Obispo de Gasconna, et de los otros escriptos de los Concilios de Toledo et de don Jordan, chanceller del sancto palacio, et de Claudio Tholomeo... et de Dion... et de Pompeyo Trogó, et dotras estorias de Roma las que pudieramos auer que contassen algunas cosas del fecho dEspanna, et compusieremos este libro...

конкретного, однако принято считать, что Родриго де Рада знал о «Всемирной хронике» и даже следовал ей⁶.

«Всемирная хроника» Луки Туйского начинается с Сотворения мира и заканчивается взятием Кордовы (1236 г.). В своем сочинении епископ Туя использовал произведения Иоанна Бикларского, Исидора Севильского, Идалия, Орозия, а также предшествовавшие хроники, например «Хронику Альфонсо III» и так называемую «Хронику Силосского монаха» (*Chronicon Silense*)⁷. При этом отличительным качеством Луки Туйского является, пожалуй, его любовь к неправдоподобным и даже анекдотичным историям; так, например, он рассказывает, что некоторые неизвестные сочинения Исидора Севильского были украдены, переведены на арабский и изданы под именем Авиценны⁸.

В отличие от Луки, Родриго Хименес де Рада подходит к своим источникам гораздо более взвешенно. Кроме того, его исторические произведения — «История арабов», «История римлян», «Готская история» (*Historia Gothica seu De rebus Hispaniae*) — отличаются большей детальностью описаний по сравнению с хроникой Луки. При создании «Хроники об испанских событиях» Родриго Толедский использовал многочисленные источники, такие, как «Хроника» Исидора Севильского, сочинения Сульпиция Севера, Диона Кассия, Помпея Трога и т.д., в том числе и арабские источники, что было нехарактерно для его предшественников. При работе над своим сочинением он не просто копировал доступные ему тексты, но и старался интерпретировать и пересказать их так, чтобы повествование служило главной цели его произведения — возвеличиванию Кастильского королевства и его правителей⁹.

Эти факторы привели к тому, что «Готская история» Родриго Хименеса де Рады в конечном итоге оказала наибольшее влияние на «Хронику...» и в значительной мере легла в ее основу. Замысел епископа Толедо как нельзя

⁶ Martin G. Luc de Tuy, Rodrigue de Tolède, leurs traducteurs et leurs compilateurs alfonsins. Comparaison seymmentaire d'une lexicalisation // L'activité paraphrastique en Espagne au Moyen Age. Cahiers de linguistique hispanique médiévale 14–15. 1989–1990. P. 173; Linehan P. Lucas de Tuy, Rodrigo Jiménez de Rada y las historias alfonsinas // Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Coord. I. Fernández Ordóñez. Valladolid, 2000. P. 19.

⁷ Подробнее об источниках Луки Туйского, а также об обстоятельствах создания его труда см.: Jerez Cabrero E. El *Chronicon mundi* de Lucas de Tuy (c. 1238): técnicas compositivas y motivaciones ideológicas. Tesis Doctoral. Universidad Autónoma de Madrid, 2006.

⁸ См.: *Luc. Tuyd.* Cron. 3. Примечательно, что составитель «Первой всеобщей хроники» повторяет эту историю (см. PCG. 504).

⁹ Марей А.В. Дружба и доверие... С. 9–12; Sánchez Alonso B. Historia de la historiografía medieval española. Madrid, 1947. P. 132.

Золотой триенс Сисенанда

лучше отвечал цели, которую поставил перед своими хронистами Альфонсо X. «Первая всеобщая хроника» создавалась для знатных и могущественных людей Кастильского королевства — магнатов и прелатов с тем, чтобы сплотить их вокруг короля¹⁰. Кроме того, как показывает О.В. Ауров, «Хроника...» исполняла очень важную дидактическую функцию, демонстрируя испанским рыцарям примеры храбрости и воинской доблести. Не случайно король Альфонсо X специальным законом, вошедшим в состав Партид (Part. II.21.20), повелел рыцарям слушать исторические рассказы в часы отдыха или во время трапезы¹¹. Подобная цель заставляет исследователей подозревать хронистов в тенденциозности и даже ставить вопрос о степени достоверности хроник.

Так, американская исследовательница Г. Шпигель доказывала абсолютную ангажированность хроник. По ее мнению, «Большие французские хроники» представляли собой целиком идеологическое произведение, служившее для прославления короля и для обоснования его верховной власти, следовательно, информация, содержащаяся в них, признается искаженной и мало соответствующей реальности¹². Противоположной точки зрения придерживался Б. Гене, для которого средневековые хроники обладали несомненной исторической ценностью¹³.

Эту же позицию разделяет ученик Б. Гене Ж. Мартен, анализирующий хроники средневековой Испании. Сопоставляя информацию, содержа-

¹⁰ Марей А.В. Дружба и доверие... С. 11.

¹¹ Ауров О.В. «Deuen leer las estorias...»: истоки и развитие сословной идентичности кастильского рыцарства (XII — середина XIV в.) // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 120–127.

¹² Spiegel G. Romancing the Past: the Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth-Century France. Berkeley-Los Angeles-Oxford, 1993 passim.

¹³ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002 passim.

шуюся в разных хрониках, он показывает, что освещение событий менялось в зависимости от эпохи, языка или предпочтений хрониста, однако применительно к хроникам нельзя говорить о сознательном умолчании или откровенной фальсификации¹⁴. Однако в большей степени историка интересует не оценка степени достоверности хроники, а причины, побудившие ее составителя интерпретировать события именно так, а не иначе.

В отечественной историографии проблеме достоверности испанских средневековых хроник посвящены работы О.В. Аурова¹⁵. Тщательно сопоставив данные многочисленных средневековых источников и проанализировав характер их субъективности, он стремится воссоздать более близкий к реальности, весьма противоречивый портрет вестготского короля Леовигильда. В свою очередь, анализ истории мятежа Сисенанда, его интерпретация и оценка в источниках XIII в., прежде всего в «Первой всеобщей хронике Испании», позволяют лучше понять принципы написания истории, которыми руководствовались историки Альфонсо X.

Мятеж Сисенанда: версия Родриго Толедского

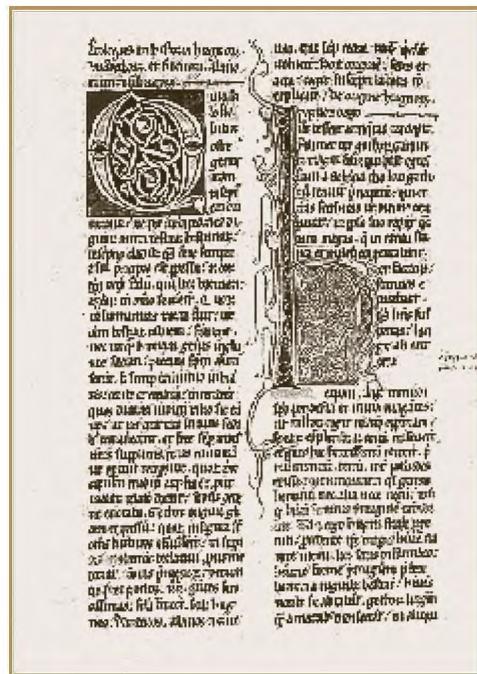
Обратимся к анализу двух версий событий 631 г.: согласно первой, король Свинтила мирно скончался в Толедо, а затем престол занял Сисенанд; согласно второй, Свинтила был очень жестоким правителем и поплатился за это престолом¹⁶.

Первая изложена в «Готской истории» Родриго Хименеса де Рады. Он рисует идеическое правление короля Свинтилы. По его мнению, король Свинтила, правивший 10 лет (621–631), прославился не только военными победами, но и выдающимися положительными качествами и

¹⁴ См., напр. сборник статей Ж. Мартена: *Martin G. Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero*. Paris, 1997.

¹⁵ Ауров О.В. Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. № 31. С. 73–103; Ауров О.В. «Gladio windice Lewwigildi...»: король-реформатор перед лицом памяти // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Всеобщая история». 2010. № 10. С. 33–50.

¹⁶ PCG. 495: Andados diez annos del regnado del rey Suyntilla, que fue en la era de seyscientos et setaenta et dos <..> este rey Suyntilla era buen Cristiano et sabio et de grand entendimiento et bueno, justiciero, franc, piadoso et mucho elmosnador, de guisa que non era tan solamientre llamado rey, mas padre de los pobres. Et auino assi que ell estando en Toledo, que adolescio et murió y, e la su muert fue mucho onrrada, segun cuenta ell arçobispo don Rodrigo. Mas dize Sigiberto dotra guisa que tan esquiuo et tan cruel fue este rey Suyntilla con los godos, quel tollieron del senorio, et que alçaron por rey al Sisenando con ayuda de Daguberto, rey de Francia.

Страница манускрипта «Об испанских событиях» Родриго Хименеса де Рады. XIII в.

добродетелями: он был человеком верующим, разумным, старательным, справедливо вершил суд, был щедрым и всегда помогал бедным. Он умер в Толедо, и его наследовал его сын Рихимер¹⁷. О воцарении Сисенанда Родриго говорит весьма скромно, упоминая только, что тот захватил власть как тиран¹⁸. Для восстановления более подробной картины разберем источники, которыми пользовался автор.

Источник первого отрывка установить довольно просто — перед нами пересказ «Истории готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского, современника королей Свентиля и Сисенанда¹⁹. Исидор, епископ Севиля с 590

¹⁷ Rod. Tol. Hist. reb. Hisp. II.8: Gloriosissimus Suyntila filius Recharedi suscepit diuina gracia regni sceptra era DCLXIII et regnauit annos X. <...> Preter has militaris glorie laudes plurime in eo uirtutes regie effulsere, fides, prudencia et industria, in iudiciis examinatio prouida, in regimine cura precipua, circa omnes largitas leta, erga inopes misericordia semper prompta, ita ut non solum princeps populorum, sed etiam pater pauperum uocaretur. Toleti propria morte decessit era DCLXXIII. Huius filius Richimirus in consorcio regni assumptus pari cum patre solio congregauit.

¹⁸ Rod. Tol. Hist. reb. Hisp. II.9: Post Suyntilam et Richimirum filium eius cepit regnare Sisenandus era DCLXXIII et regnuit annis V, mensibus XI. Iste per tyrannidem in regni Gothorum solio collocatur.

¹⁹ Isidori Historia... 64: Praeter has militaris gloriae laudes plurimae in eo regiae majestatis virtutes, fides, prudentia, industria, in iudiciis examinatio, strenua in regendo regno cura, precipua circa omnes munificentia largus, erga indigentes et inopes misericordia satis promptus. Ita ut non solum princeps populorum, sed etiam pater pauperum vocari sit dignus.

по 636 г. — одна из важнейших фигур в истории Испании. Выходец из знатной испано-римской семьи, Исидор получил хорошее образование: он не только прекрасно знал Священное Писание и сочинения Отцов Церкви, но и горячо любил и ценил произведения римских языческих авторов; он разбирался не только в каноническом праве, но также был весьма начитан в сочинениях римских юристов. Произведения Исидора Севильского касались самых разных вопросов: среди них есть и теологические, и морализаторские сочинения, монашеский устав, и грамматические трактаты (как, например, его знаменитая энциклопедия «Этимологии, или Начала», охватывающая все сферы античного знания), и, наконец, два исторических произведения — «Хроника» и «История королей готов, вандалов и свевов»²⁰.

В Исидоровой «Хронике» повествование доведено до 616 г. (четвертый год правления короля Сисебута), а потому она не представляет сейчас для нас интереса. «История готов, вандалов и свевов» начинается с происхождения готов, а заканчивается как раз правлением Свинтилы, т.е. до 631 г. Также в «Истории...» сказано, что Свинтила назначил соправителем своего сына Рихимера²¹. Что это значит? Напомню, что в Толедском королевстве не было правящей династии: вестготы выбирали из своей среды наиболее могущественного и знатного магната, что, разумеется, порождало волну недовольства и междоусобиц. Во избежание конфликтов короли еще при жизни стремились назначить себе соправителя — сына или брата: это обеспечивало относительно бескровную и спокойную передачу власти²². Тем

²⁰ Подробнее об Исидоре см.: Уколо́ва В.И. Исидор Севильский как деятель культуры раннего Средневековья // Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 176–190; Она же. Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V — середина VII в.). М., 1989; Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. Р., 1959; Madoz J. San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria. León, 1960; Díaz y Díaz M.C. Introducción general // Isidoro de Sevilla. Etimologías / J. Oroz Reta, M.-A. Marcos Casquiero, eds. Madrid, 1982. P. 6–257; Cazier P. Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. Р., 1994 и т. д.

²¹ Isidori Historia... 65: *Hujus filius Racimirus in consortium regni assumptus...*

²² О проблеме наследования и передачи власти см.: Torres López M. El Derecho y el Estado // Menéndez Pidal R. Historia de España. 5 ed. Madrid, 1985. T. III. España visigoda. P. 229; Ziegler A. K. Church and State in Visigothic Spain. Washington, 1930. P. 16–19; Orlandis J. La Iglesia Visigoda y los problemas de la sucesión al trono en el siglo VII // Le Chiese nei regni dell'Europa Occidentale e i loro rapporti con Roma sino all' 800. Programma della settimana di Studio. Spoleto, 1960. T. 1. P. 333–352; Sánchez-Albornoz C. La ordinatio principis en la España goda y postvisigoda// Estudios sobre las instituciones medievales españolas. México, 1965. P. 705–718; Valdeavellano L G. de. Curso de Historia de las Instituciones españolas (De los orígenes a la Baja Edad Media). Madrid, 1973. P. 192–196; González T. La iglesia desde la conversión de Recared hasta la invasión árabe// Historia de la Iglesia en España / Dirigida por R.G. Villoslada. Madrid, 1979. T. 1. P. 435–487.

Золотой триенс Иудилы

не менее наряду с подобной тенденцией существовала практика занимать престол силой. Франкский хронист Фредегар, о сочинении ниже будет сказано подробнее, с отвращением назвал этот обычай *morbum Gotthorum* — болезнью готов²³. Иначе говоря, в вестготскую эпоху мятеж Сисенанда не был из ряда вон выходящим событием. Более того, официально он даже не был признан мятежом.

Необычайно интересная трактовка действий Сисенанда содержится в канонах IV Толедского собора, проходившего под председательством Исидора Севильского. В 631 г., когда Сисенанд сверг короля Свинтилу (а не просто воцарился после смерти Рихимера, как повествует Родриго Толедский и вслед за ним составитель «Первой всеобщей хроники»), он не располагал достаточными силами для удержания власти: против него поднялся мятеж в окрестностях Гранады и Мериды под руководством некоего Иудилы²⁴. Сисенанд явно нуждался в легитимации власти. Такую поддержку ему мог дать лишь общегосударственный церковный собор, участники которого, выступая от имени своей паствы, узаконили бы его узурпацию. Чтобы не допустить начала новых междоусобиц и нового этапа борьбы за власть, отцы IV Толедского собора 633 г. признали Сисенанда законным правителем. Однако во избежание повторения захватов трона и сопутствующих им вооруженных конфликтов участники собора попытались законодательно запретить захват власти и упрочить авторитет законного правителя. Этому был посвящен семьдесят пятый канон IV Толедского собора. Сам собор и особенно этот канон знаменует собой окончательное оформление нового политического порядка — так называемой «вестготской симфонии» Церкви и королевской

²³ Fred. Chron. IV. 82.

²⁴ Клауде Д. История вестготов. СПб, 2000. С. 132–133. О личности Иудилы см.: García Moreno L.A. Judíla, rey了好多 y también gran general del rey Suintila? // Homenaje al profesor Eloy Benito Ruano. Madrid, 2010. Р. 331–341.

власти, начало которой было положено на III Толедском соборе²⁵, и в этом смысле внимание средневековых хронистов к семидесят пятому канону отнюдь не случайно. В чем же состояло новшество этого канона?

Отцы собора, проходившего под председательством Исидора Севильского и при его активном участии, впервые в истории Толедского королевства сформулировали принцип избрания нового правителя. Они постановили, что король избирается представителями Церкви и знати при полном их согласии²⁶, что должно было если не предотвратить, то уменьшить недовольство магната. Отцы собора установили весьма суровое наказание для преступников. Тех, кто покушается на жизнь и трон правителя, следовало предать анафеме и отлучить от Церкви²⁷. Этот приговор, необычайно страстный и торжественный, с небольшими изменениями был повторен трижды, вероятно, чтобы усилить производимый им эффект. Преступление против короля фактически приравнивалось к преступлению «против родины и народа готов» — самому тяжкому злодеянию, которые только можно себе представить²⁸.

Далее участники собора провозгласили Сисенанда законным правителем и осудили прежнего короля, Свинтилу, за жестокость и совершенные им злодеяния. По сути, противопоставив «положительного» Сисенанда

²⁵ Подробнее см.: Pérez Pujol E. Historia de las instituciones sociales de la España Goda. T. 3: Libro segundo. Parte especial. Instituciones para el fin moral y religioso. La Iglesia. Instituciones científicas. Valencia, 1896. P. 350–365; Ziegler A.K. Church and State in Visigothic Spain. Washington, 1930. P. 32–35; González T. La iglesia desde la conversión de Recaredo hasta la invasión árabe. P. 415—422; King P.D. Law and Society in the Visigothic Kingdom. Cambridge, 1972. P. 125–132; Stocking R. Bishops, Councils, and Consensus in the Visigothic Kingdom, 589–633. Michigan, 2000. P. 174–177; Castellanos S. Los godos y la cruz. Recaredo y la unidad de Spania. Madrid, 2007. P. 212–267 etc.

²⁶ Conc. de Toledo IV (633). can. 75: ...sed defuncto in pace principe *primatus totius gentis cum sacerdotibus* successorem regni concilio communi constituant... См.: Orlandis Rovira J. El poder real y la sucesión al trono en la monarquía visigoda // Estudios visigóticos. T. III. Roma — Madrid, 1962. P. 84–85; Orlandis Rovira J., Ramos-Lissón D. Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona, 1986. P. 295.

²⁷ Conc. de Toledo IV (633). can. 75: Quiquamque igitur a nobis vel totius Spaniae populis qualibet coniuratione vel studio sacramentum fidei sua, quod patriae gentisque Gothorum statu vel observatione regiae salutis pollicitus est temtaverit aut regem nece adtrectaverit aut potestatem regni exuerat aut prae sumptione tyrannica regni fastigium usurpaverit, anathema sit in conspectu Dei Patris et angelorum, atque ab ecclesia catholica quam per iurio profanaverit efficiatur *extraneus et ab omni coetu christianorum alienus* cum omnibus impietatis suaे sociis, quia oportet ut una poena teneat obnoxios quos similis error invenerit implicatos.

²⁸ Conc. de Toledo IV (633). can. 75: Quiquamque <...> sacramentum fidei sua quod *pro patriae salute gentisque Gothorum statu vel in columnitate regiae potestatis* pollicitus est, violaverit...

Свинтила и его сын Рихимер. Гравюра XVIII в.

и «отрицательного» Свинтилу, участники собора сформулировали правила, которым должен следовать «правильный» король; в сочетании с Исидоровыми «Сентенциями» они составляли, по выражению А.А. Гарсии Морено, своего рода «зерцало правителя» (*Speculum principis*)²⁹.

Итак, Свинтила, по мнению участников собора, был полной противоположностью идеалу и поэтому «сам лишил себя престола»³⁰. По словам епископов, он совершил за время своего правления столько ужасных преступлений, что сам их испугался. Они не перечисляют этих злодействий, однако по приговору суда Свинтила и его сыновья были смещены с должностей, которые они несправедливо занимали, и лишены имущества, отнятых у людей силой³¹. Возможно, в данном случае отцы

²⁹ García Moreno L.A. La oposición a Suintila: Iglesia, Monarquía y Nobleza en el Reino Visigodo // Polis. 1991. 3. P. 15–16.

³⁰ Conc. de Toledo IV (633). can. 75: De Suintilane vero qui sclera propria metuens se ipsum regno privavit et potestatis fascibus exuit...

³¹ Conc. de Toledo IV (633). can. 75: Ut neque eundem vel uxorem eius propter mala quae commisserunt neque filios eorum unitati nostrae unquam consociemus, nec eos ad honores a quibus ob iniuriam deiecti sunt aliquando provemus, quique etiam sicut fastigio regni habentur extranei, ita et a possessione rerum quae de miserorum sumptibus hauserant, maneat alieni...

П. Казье полагает, что под *miseri* подразумеваются не столько бедняки, сколько, напротив, представители знати, которых притеснял Свинтила. Подробнее см.: Cazier P. Les Sentences d'Isidore de Séville et le IVe Concile de Tolède // Los visigodos. Historia y civilización. Actas de la semana internacional de Estudios Visigóticos. Madrid, 1986. P. 377.

собора подразумевали назначение Рихимера соправителем Свинтилы с перспективой передачи ему власти. Можно предположить, что и угнение неимущих, и раздача наиболее значимых должностей входили в число преступлений, совершенных бывшим монархом. Он поступал несправедливо и не заботился о благе подданных, поэтому и потерял трон, ведь, согласно максиме Исидора, тот, кто поступает не как правитель, перестает им быть³². Поэтому настоящим королем, согласно логике участников собора, мог стать только милосердный Сисенанд, но не жестокий Свинтила.

Таким образом, уже в вестготскую эпоху личность короля Свинтилы, как и его правление, оценивалась двояко. В «Истории готов...», написанной в эпоху его правления, он предстает мудрым и справедливым правителем; напротив, в актах IV Толедского собора, созданного по инициативе его противника, отнявшего у него трон, Свинтила назван алчным и несправедливым. Характерно, что обе столь противоречивые оценки исходили от Исидора Севильского — автора «Истории готов...» и председателя IV Толедского собора³³. При этом мятеж Сисенанда квалифицировался отцами собора как освобождение, а не как тиранический захват власти.

Между тем Родриго Толедский говорит о том, что Сисенанд «подобно тирану расположился на престоле королевства готов»³⁴, хотя и не объясняет, в чем, собственно, заключается тианический захват власти. Текст настолько лаконичен, что его трудно понять до конца. Так, ключевую для нас фразу *post Suyntilam et Richimirum filium eius cepit regnare Sisenandus* можно прочесть в причинном смысле, что Сисенанд начал править *после смерти* Свинтилы и Рихимера, или же во временнóм смысле, что Сисенанд начал править *после* Свинтилы и Рихимера. Составители «Первой всеобщей хроники» придерживались первой трактовки³⁵, однако тогда остается непонятным, почему же Сисенанд все-таки назван тираном, если законный правитель умер своей смертью. Если же принять вторую трактовку, то можно домыслить, что Сисенанд сверг Рихимера и правил *после* него.

³² Isidori Etym. IX.5.4: Rex eris, si recte facias: si non facias, non eris.

³³ См. об этом: García Moreno L.A. La oposición a Suinthila... // Polis. 1991. 3. P. 16–17; Wood J. The Politics of Identity in Visigothic Spain. Religion and Power in the Histories of Isidore of Seville. Leiden — Boston, 2012. P. 5–7.

³⁴ Rod. Tol. Hist. reb. Hisp. II.9: Post Suyntilam et Richimirum filium eius cepit regnare Sisenandus era DCLXXIII et regnuit annis V, mensibus XI. Iste per tyrannidem in regni Gothorum solio collocatur.

³⁵ PCG. 495: El rey Suynilla seyendo aun uiuo regnaua su fijo Rachimiro con el... E lo uno por la persona, lo al por las costumbres, semeiaua bien a su padre; mas uisco poco despues del.

Сисенанд. Гравюра XVIII в.

В любом случае нарочитая краткость текста, в целом несвойственная этому автору, дает простор для толкования.

По всей видимости, здесь Родриго Хименес де Рада следует за так называемой «Мосарабской хроникой», известной также как «Хроника Исидора Бежского» или «Испанское продолжение»; на эту мысль наводят и текстуальные совпадения³⁶. «Мосарабская хроника» была написана в 754 г. мосарабом (т.е. христианином, проживающим на занятой арабами территории) из Толедо. Тот факт, что автор подробно останавливается на истории церковных соборов, говорит о том, что он, по всей видимости, был священником и имел доступ к архивам Толедской епархии³⁷. Автор «Мосарабской хроники» также расценивает Сисенанда как узурпатора, но не раскрывает причин, позволивших ему сделать такой вывод. Возможно, оба автора сознательно умалчивают о некоторых обстоятельствах воцарения Сисенанда; для восстановления полной картины обратимся к данным франкской хронистики.

³⁶ Cont. hispana. 18: Huius Eraclii temporibus Sisenandus in era DCLXVIII, anno imperii eius vicesimo, Arabum XIII, regnante in eis Amer anno pene expleto, per tirannidem regno Gothorum invaso, quinquennio regali locatus est solio.

³⁷ Martin G. Un récit (la chute du royaume wisigothique d'Espagne dans l'historiographie chrétienne des VIII et IX siècles) // Martin G. Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero. Paris, 1997. P. 13–14.

Мятеж Сисенанда: версия Сигиберта

Источники франкского происхождения — Фредегар († 660) и Сигиберт из Жамбу († 1112), на которого ссылается составитель «Первой всеобщей хроники», упоминают о союзе Сисенанда с королем Дагобертом и вооруженной помощи со стороны франков. Согласно Фредегару, Свинтила, царствовавший десять лет, был очень жестоким правителем, не счи- тавшимся с интересами знатных людей королевства. Тогда против него был составлен заговор, и глава мятежников, Сисенанд, по совету осталь- ных обратился за помощью к Дагоберту, пообещав ему дорогое золотое блюдо из казны готов. Правда, в дальнейшем вместо блюда пришлось от- дать двести тысяч солидов³⁸. Сигиберт из Жамбу был более лаконичен, но ошибся в датировке: описываемые им события произошли на 13 лет раньше и царствовал Сисенанд всего пять лет, а не двадцать, как утвер- ждает хронист³⁹. Таким образом, эта версия существовала только в «за- рубежной», франкской хронистике, хотя сомневаться в ее правдивости у нас нет никаких оснований.

Понятно и то, почему испанские источники замалчивали этот факт: обозначив его, отцам IV Толедского собора было бы трудно оправдать по- ступок Сисенанда и его легитимность как правителя. Умолчал о союзе с Да- gobертом и автор «Мосарабской хроники», известный под именем Исиодо- ра Бежского: он писал свою хронику сразу после арабского завоевания, так что история Толедского королевства представлялась ему своего рода утра-

³⁸ Fred. Cron. IV. 73: *Defuncto Sisebodo rege clementissimo, cui Sintela ante annum circiter successerat in regnum, cum esset Sintela nimium in suis inicis et cum omnibus regni suaे primatis odium incurriterit, cum consilium cytiris Sisenandus quidam ex proceribus ad Dagobertum expetit, ut ei cum exercito auxiliaretur, qualiter Sintilianem degradaret ad regnum. Huius beneficiae repensionem missurum aureum nobelissemum ex tinsauris Gothorum, quem Tursemodus rex ab Agecio patricio acceperat, Dagobertum dare promisit, pensantem auri pondus quinnentus. Quo auditio, Dagobertus, ut erat cupedus, exercitum in auxilium Sisenandi de totum regnum Burgundiae bannire precepit. Cumque in Espania devolgatum fuisset, exercitum Francorum auxiliandum Sisenando adgregere, omnis Gotorum exercitus se dicone Sisenando subaegit. Abundancius et Venerandus cum exercito Tolosano tanto usque Cesaram civitatem cum Sisenando acserunt; ibique omnes Goti de regnum Spaniae Sisenandum subliment in regnum. Abundancius et Venerandus cum exercito Tolosano munerebus onorati revertunt ad propries sedibus. Dagobertus legacionem ad Sisenando rigi Amalario duce et Venerando dirigit, ut missirium illum quem promiserat eidem dirigerit. Cumque ad Sisenando rego missurius ille legatarius fuisse tradetus, a Gotis per vim tolletur, nec eum exinde excobere permiserunt. Postea, discurrentes legatus, ducenta milia soledus missuriae huius praecium Dagobertus a Sisenandum acci- piens, ipsumque pensavit.*

³⁹ Sigiberti Gemblacensis. Chronica. 644: *In Hispanis Suintilane ob crudelitatem suam a Wisig- othis reprobato, Sisenandus per auxilium Dagoberti sublimatus in regnum, regnat annis 20.*

Золотой триенс Свинтилы

ченным «золотым веком», где по определению не может быть иностранной интервенции. Возможно, правда, что он просто не знал об этом, так как опирался только на акты IV Толедского собора. Не желал упоминать о вмешательстве франков и Родриго Хименес де Рада, написавший свою «Историю об испанских событиях» во славу готов, предшественников современного ему Кастильского королевства.

Мятеж Сисенанда и попытка его объяснения в XIII в.

При чтении «Готской истории» возникает впечатление, что Родриго Толедский не знал, как описывать события 631 г. и какую оценку давать королям Свинтиле и Сисенанду. С одной стороны, по его версии, Сисенанд получил власть незаконно, фактически узурпировал трон. С другой стороны, вслед за автором «Мосарабской хроники» Родриго рассказывает, что в царствование Сисенанда был созван IV Толедский собор, имевший огромное значение для истории всей вестготской Церкви⁴⁰. Таким образом, в целом его правление пошло на пользу Церкви и королевству. Этот тезис потом повторяется и в «Первой всеобщей хронике», составитель которой, отдав должное версии Сигиберта, далее придерживается текста Родриго Толедского⁴¹.

При этом в описании правления Свинтилы Родриго Хименес де Рада, как было показано выше, следует «Истории готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского, превозносящего правление Свинтилы. Находясь в плену этого идеального образа, Родриго вынужден дать ему логическое

⁴⁰ Rod. Tol. Hist. de reb. Hisp. II.9.

⁴¹ PCG. 495–497.

завершение, то есть описать достойную смерть этого правителя, не отличающуюся от кончины прочих славных королей. Но тогда воцарение Сисенанда нельзя назвать иначе как тираническое. Если для Исидора Севильского и его современников мятеж Сисенанда хотя и был чрезвычайным событием, но все же мог быть оправдан, то хронисту XIII в. такое оправдание было очень сложно принять. В Толедском королевстве при отсутствии правящей династии королем становился тот магнат, который избирался представителями Церкви и знати, и оставался на троне ровно до тех пор, пока он их устраивал. Однако в Кастилии XIII в. существовала правящая династия, да и власть короля была не в пример сильнее, чем у вестготов, поэтому любой мятеж против законного монарха автоматически считался нелегитимным, а уж мятеж, поддержаный извечными противниками — франками, и вовсе не мог быть оправдан. Именно поэтому при чтении рассказа Родриго Хименеса де Рады возникает ощущение недосказанности.

Оригинальным образом воцарение Сисенанда описано у современника Родриго, Луки Туйского. В своем произведении «Всемирная хроника» Лука излагает следующую последовательность событий: замечательный король Свинтила, мудрый, справедливый и щедрый правитель, скончался в Толедо в почете и славе, оставив двух сыновей, Сисенанда и Хиндасвinta, которые по очереди и стали его преемниками⁴². Надо сказать, что Лука Туйский дальновидно решает сразу две проблемы: легитимности Сисенанда и легитимности короля Хиндасвinta, который по восшествии на престол в 642 г. вырезал представителей многих знатных семейств. Так или иначе версия Луки Туйского не вошла в «Первую всеобщую хронику», возможно, как раз в силу своей неправдоподобности.

Перед составителем «Первой всеобщей хроники» вновь всталася проблема оценки правления Свинтилы и мятежа Сисенанда. Основным его источником была «История об испанских событиях», однако в данном случае этого текста было не достаточно: он не освещал полностью события 631 г., не раскрывал причины мятежа Сисенанда и не объяснял, почему он должен считаться тираном. Версию Луки Туйского — своего второго источника — хронист не смог или не захотел принять. Более ранние хрони-

⁴² *Luc. Tud. Chron. mundi. II.83:* Praeter has militaris glorie laudes plurime in eo regie maiestatis uirtutes fulsere: fides, prudencia, industria, in iudiciis examinatio strenua, in (regendo) regno [strenua] cura precipua, circa omnes munificentia largus, erga indigentes et inopes misericordia satis promptus, ut non solum princeps populorum, sed etiam pater pauperum uocari sit dignus. Fine proprio Toleto decessit tempore imperatoris Eraclei, relictis duobus filiis Sisnando et Cindasuindo, quos de Theodora filia Sisebuti regis suscepserat.

ки либо вовсе умалчивали об обстоятельствах воцарения Сисенанда, либо, как «Мосарабская хроника», кратко именовали его тираном, незаконно захватившим власть. При таких обстоятельствах хронисту не оставалось ничего другого, как только обратиться к «Хронике» Сигиберта из Жамбулу, которую он обычно использовал для описания событий византийской и франкской истории. Приведя версию Сигиберта, он заполнил лакуну в «приглаженном» и неполном рассказе Родриго Толедского. Нельзя также отрицать того, что обращение к тексту Сигиберта было продиктовано желанием составителя продемонстрировать свою эрудицию. Так или иначе, придворный хронист Альфонсо X представил наиболее полную и наиболее объективную (насколько это вообще было возможно) версию событий 631 г.

* * *

История мятежа Сисенанда, его последующего воцарения и легитимации на IV общенациональном соборе в Толедо является одним из важнейших событий истории королевства, ведь именно события 631 г. подтолкнули наиболее образованную часть епископата (прежде всего Исидора Севильского) сформулировать правила избрания монарха и кодекс его поведения. Образ Сисенанда в актах IV Толедского собора весьма идеализирован. О том, что новый король захватил престол благодаря военной помощи франков, умалчивают и отцы собора, и средневековые хронисты.

Хронисты Альфонсо X были первыми, кто попытался осветить эти события максимально подробно и честно. Как правило, при написании «готского раздела» составитель «Хроники...» в основном следовал «Готской истории» Родриго Хименеса де Рады, но в данном случае информации этого источника оказалось явно не достаточно. Хронист впервые обратился к версии Сигиберта и Фредегара и упомянул о том, что Сисенанда поддерживали франки — извечные противники вестготов. Тот факт, что хронист привел эту версию, на мой взгляд, говорит о том, что, помимо чисто идеологической, перед ним стояла другая, не менее важная цель — научно-познавательная, и в данном случае стремление докопаться до истины сыграло решающую роль при выборе источника.

REFERENCES

1. Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Coord. I. Fernández Ordóñez. Valladolid, 2000 etc.
2. Aurov O.V. «Gladio uindice Leuuigildi...»: the King-Reformator in the Face of Memory [«Gladio uindice Leuuigildi...»: korol-reformator pered litzom pamiatyi] // Vestnik RGGU. Ser. «Istoricheskie nauki. Vseobshchaja istorija». 2010. № 10. P. 33–50.
3. Aurov O.V. «Deuen leer las estorias...»: the issues and evolution of the Class Identity of Castilian Chivalry (XII–XIV cent.) [«Deuen leer las estorias...»: istoki i razvitiye soslovnoj identichnosti kastil'skogo rycarstva (XII — seredina XIV v.)] // Socialnaya identichnost srednevekovogo cheloveka. M., 2007. P. 120–127.
4. Aurov O.V. Visigothic Kings-arians after Jordan (Character, Ideology and Symbolism of their Power) [Vestgotskie koroli-ariane posle jepohi Iordana (character, ideologiya i simvolika vlasti)] // Vspomogatelnye istoricheskie discipliny. 2010. № 31. P. 73–103.
5. Castellanos S. Los godos y la cruz. Recaredo y la unidad de Spania. Madrid, 2007.
6. Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X. Creación y evolución. Madrid, 1992.
7. Cazier P. Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. P., 1994.
8. Cazier P. Les Sentences d'Isidore de Séville et le IVe Concile de Tolède // Los visigodos. Historia y civilización. Actas de la semana internacional de Estudios Visigóticos. Madrid, 1986.
9. Díaz y Díaz M.C. Introducción general // Isidoro de Sevilla. Etimologías / J. Oroz Reta, M.-A. Marcos Casquiero, eds. Madrid, 1982. P. 6–257.
10. Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. Paris, 1959.
11. García Moreno L.A. Judila, rey godo ¿y también gran general del rey Suintila? // Homenaje al profesor Eloy Benito Ruano. Madrid, 2010.
12. García Moreno L.A. La oposición a Suintila: Iglesia, Monarquía y Nobleza en el Reino Visigodo // Polis. 1991. 3. P. 15–16.
13. González T. La iglesia desde la conversión de Reccared hasta la invasión árabe// Historia de la Iglesia en España / Dirigida por R.G. Villoslada. Madrid, 1979. T. 1. P. 435–487.

14. Jérez Cabrero E. *El Chronicon mundi de Lucas de Tuy (c. 1238): técnicas compositivas y motivaciones ideológicas.* Tesis Doctoral. Universidad Autónoma de Madrid, 2006.
15. King P.D. *Law and Society in the Visigothic Kingdom.* Cambridge, 1972.
16. Linehan P. *Lucas de Tuy, Rodrigo Jiménez de Rada y las historias alfonsíes // Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Coord. I. Fernández Ordóñez.* Valladolid, 2000.
17. Madoz J. *San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria.* León, 1960.
18. Marey A.V. *Friendship and Faith in Spanish Society of XI–XIII cent.: non-legal Controllers of Legal Framework [Druzhba i doverie v ispanskom obshhestve XI–XIII vv.: nepravovye reguljatory pravovogo polja].* M., 2011.
19. Martin G. *Compilation (cinq procédures fondamentales) // Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero.* Paris, 1997. P. 107–121.
20. Martin G. *Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero.* Paris, 1997.
21. Martin G. *Le pouvoir historiographique (l'historien, le roi, le royaume. Le tournant alphonsin) // Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero.* Paris, 1997. P. 123–136.
22. Martin G. *Los intelectuales y la Corona : la obra histórica y literaria // Alfonso X y su época / Coord. M. Rodríguez Llopis.* Murcia, 2002. P. 259–285.
23. Martin G. *Luc de Tuy, Rodrigue de Tolède, leurs traducteurs et leurs compilateurs alfonsins. Comparaison segmentaire d'une lexicalisation // L'activité paraphrastique en Espagne au Moyen Age. Cahiers de linguistique hispanique médiévale 14–15.* 1989–1990.
24. Martin G. *Un récit (la chute du royaume wisigothique d'Espagne dans l'historiographie chrétienne des VIII et IX siècles) // Martin G. Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero.* Paris, 1997.
25. Orlandis J. *El poder real y la sucesión al trono en la monarquía visigoda // Estudios visigóticos. T. III.* Roma — Madrid, 1962. P. 84–85.
26. Orlandis J. *La Iglesia Visigoda y los problemas de la sucesión al trono en el siglo VII // Le Chiese nei regni dell'Europa Occidentale e i loro rapporti con Roma sino all' 800. Programma della settimana di Studio.* Spoleto, 1960. T. 1. P. 333–352.
27. Orlandis J., Ramos-Lissón D. *Historia de los concilios de la España romana y visigoda.* Pamplona, 1986. P. 295.
28. Pérez Pujol E. *Historia de las instituciones sociales de la España Goda. T. 3: Libro segundo. Parte especial. Instituciones para el fin moral y religioso. La Iglesia. Instituciones científicas.* Valencia, 1896. P. 350–365.

29. *Sánchez Alonso B.* Historia de la historiografía medieval española. Madrid, 1947.
30. *Sánchez-Albornoz C.* La ordinatio principis en la España goda y postvisigoda // Estudios sobre las instituciones medievales españolas. México, 1965. P. 705–718.
31. *Spiegel G.* Romancing the Past: the Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth-Century France. Berkeley-Los Angeles-Oxford, 1993.
32. *Stocking R.* Bishops, Councils, and Consensus in the Visigothic Kingdom, 589–633. Michigan, 2000.
33. *Torres López M.* El Derecho y el Estado // *Menéndez Pidal R.* Historia de España. 5 ed. Madrid, 1985. T. III. España visigoda.
34. *Ukolova V.I.* Isidore of Seville as a Cultural Figure of the Early Middle Ages [Isidor Sevilskii kak deyatel cultury rannego Srednevekoviya] // Problemy istorii. M., 1984. P. 176–190.
35. *Ukolova V.I.* The Heritage of Antiquity and a Culture of Early Middle Ages [Antichnoe nasledie i cultura rannego Srednevekoviya (konec V — seredina VII v.)] M., 1989.
36. *Valdeavellano L G. de.* Curso de Historia de las Instituciones españolas (De los orígenes a la Baja Edad Media). Madrid, 1973.
37. *Wood J.* The Politics of Identity in Visigothic Spain. Religion and Power in the Histories of Isidore of Seville. Leiden — Boston, 2012.
38. *Ziegler A. K.* Church and State in Visigothic Spain. Washington, 1930.

Ключевые слова:

«Первая всеобщая хроника Испании», Родриго Хименес де Рада, Толедское королевство, средневековые хроники, средневековая историография.

Elena S. Marey

TWO VERSIONS OF SISENAND'S REBELLION IN «PRIMERA CRÓNICA GENERAL DE ESPANNA»

The article describes one of the episodes of the struggle for power in the history of the Visigothic kingdom of Toledo - the Rebellion Dux Sisenand — and its subsequent interpretation in Medieval chronicles up to the famous «Primera Crónica General de Espanna» of King Alfonso the Wise.

In 631, Sisenard, the Dux of the province of Septimania rebelled against the legitimate King Svintila and seized the throne by force. Sisenand's power was legalized at the National IV Council of Toledo. None of the sources from the Iberian Peninsula mention that Sisenand won with the support of Dagobert, King of the Franks. This information can be found in Frankish sources: in the «Chronicle» Fredegar and Sigebert of Gembloux.

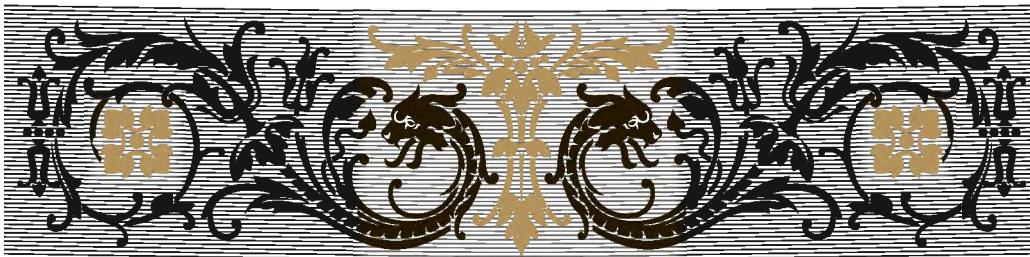
Only in the «First General Chronicle of Spain» was first announced, the «Frankish» version of events, along with the recognized version stored in the «De Rebus Hispaniae» of Rodrigo Jiménez de Rada.

According to Rodrigo, who relied on the «Historia gothorum, vandalorum et suevorum» of Isidore of Seville and the «Mozarabic Chronicle», the King Svintila was a fair, merciful and pious ruler, and he ended peacefully his days in Toledo. The circumstances of the accession of Sisenand are described very succinctly. Probably, this brevity and innuendo prompted chroniclers of Alfonso X to seek additional sources.

On the basis of this passage, some conclusions can be made about the principle of making «Primera Crónica General». Apparently, the chroniclers used data of the «De Rebus Hispaniae» of Rodrigo Jiménez de Rada and utilized other chronicles only if their information was incomplete or incomprehensible. The fact that the chronicler presented this version of Frankish historiography with, clearly hostile Visigoths, implies that, in addition to a purely ideological approach was another, equally important purpose — that of education, and in this case the desire to seek the truth played a decisive role in source selection.

 Елена Сергеевна Марей

кандидат исторических наук, старший преподаватель школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

О.В. Ауров

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ В РОССИИ И СССР

Люди, эпохи, идеи

аглавие этого очерка предполагает задачи гораздо более широкие, чем это позволяют ограниченные рамки небольшой статьи. К настоящему времени российская школа изучения истории средневековой Испании достаточно велика как по числу представителей, так и по объему сделанного. Поэтому с самого начала должен оговорить тот факт, что эта статья не является полноценным историографическим исследованием и ни в содержательном, ни в библиографическом плане не претендует на отражение всех научных концепций истории Испании, сложившихся в отечественной медиевистике. Разумеется, такая работа необходима. Но это остается делом будущего, тем более что целый ряд исследований по разным причинам до сих пор остаются неопубликованными.

Свою цель я вижу лишь в том, чтобы сделать первый шаг к решению этой грандиозной задачи. А именно: во-первых, обобщить данные о персональном составе тех, кто занимался и занимается изучением средневековой христианской Испанией¹ в исторической России, Советском Союзе и странах быв-

¹ Соответственно, вне моего поля зрения остаются работы по истории средневекового испанского искусства, востоковедению (история и культура аль-Андалуса), а также по истории средневековой Португалии, что объясняется исключительно соображениями объема.

шего СССР, и, во-вторых, представить гамму научных интересов отечественных испанистов-медиевистов с учетом той эволюции, которую эти интересы претерпели. Об актуальности решения этих, относительно скромных, задач свидетельствует, прежде всего, тот естественный факт, что любые, даже самые основательные и фундаментальные историографические обзоры со временем неизбежно нуждаются в дополнении и определенном уточнении с учетом вновь возникающих обстоятельств².

Пытаясь добиться максимально возможной точности, я стремился получить как можно более широкий круг информации непосредственно из первых рук, от своих коллег, которые не только щедро поделились со мной данными о своей работе, но и сообщали важную, порой уникальную, информацию о себе и своих учителях, за что я приношу им глубокую искреннюю благодарность.

* * *

Несмотря на то, что история российско-испанских политических и культурных связей восходит к XVII в., первые оригинальные исследования по истории средневековой Испании появились лишь на рубеже XIX—XX столетий, то есть тогда, когда образованное русское общество уже имело весьма целостное

² См.: Пичугина И.С. Изучение средневековой Испании в советской историографии // Средние века. 1958. Вып. 13. С. 69–78; Varíash O. Los estudios medievales en la Rusia actual // Medievalismo. Madrid, 1995. N. 5. P. 257–261; Savenko J.V. Estado y perspectivas de la investigación de la historia del derecho europeo en Rusia. La Edad Media y los comienzos de la Edad Moderna // Anuario de Historia del Derecho Español. 2005. N. 75. P. 611–640; Savenko J.V. Los estudios de fueros y diplomas medievales castellano-leonés en Rusia // Los Fueros de Sepúlveda. II Symposium de Estudios Históricos de Sepúlveda / Coord. J. Alvarado Planas. Madrid: Editorial Centro de Estudios Ramón Areces, S.A.; UNED, 2006. P. 273–304; Пичугина И.С., Ведюшкин В.А., Попова Г.А. Введение // История Испании. Т. 1: С древнейших времен до конца XVII в.. М.: Индрик, 2012. С. 10–17; Vedyushkin V. La España de los historiadores rusos (Segunda mitad del siglo XIX — comienzos del siglo XX) // Eslavística Complutense. 2013. N. 14. P. 107–114. Кроме того, насколько мне известно, в 2013 г. в Белоруссии была защищена диссертация на эту тему. См.: Кваченок В.В. Социально-экономическое развитие и этнорелигиозная жизнь средневековой Испании в российской историографии XIX — нач. XXI в.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; специальность 07.00.09 — «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Минск: Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка», 2013; на данный момент эта диссертация остается для меня недоступной; о ее основных выводах я могу судить лишь по статье В.В. Кваченка, которая (в доступной мне версии) содержит ряд неточностей. См.: Кваченок В.В. Историография средневековой Испании в работах советских медиевистов // Труд. Профсоюзы. Общество. 2010. № 4; см. также: URL: <http://wap.nkras.forum24.ru/?1-11-0-00000006-000-0-0-1272450520> (дата обращения: 16.01.2015).

представление об основных этапах истории Франции, Германии, Италии, Англии в период Средних веков. В целом, испанский язык и испанская культура, за небольшими исключениями, занимали периферийное положение в системе интересов гуманитарной интеллигенции дореволюционной России, что объяснялось, в целом, невысоким уровнем и относительно низкой интенсивностью испано-русских культурных связей до XX в. (разумеется, по сравнению с тем уровнем, который был достигнут в отношениях с Францией, Великобританией, Австрией или германскими государствами)³.

Однако такое положение не могло продолжаться вечно, прежде всего — в силу крайней интенсивности русско-французских связей. Между тем тесная связь Франции со своим западноевропейским соседом рано или поздно должна была отозваться и в России. Так и случилось: впервые интерес к Испании, ее политике и культуре проявился именно в связи с Францией. В контексте Наполеоновских войн в России впервые широко заговорили об Испании, ее народе и его герилье; через посредство французской литературы русский читатель впервые узнал о Сиде⁴ и Дон Жуане; с французского на русский были осуществлены первые переводы великого романа М. де Сервантеса⁵ и т.д.

Аналогичным образом и интерес к испанской истории впервые проявился как бы через призму истории французской. Знаменитый русский историк Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918), основные интересы которого были связаны с историей Франции, стал первым из отечественных исследователей, работавших в испанских библиотеках и архивах: осенью 1882 г. он приступил к работе в архивных собраниях Барселоны, Фуа и По. Интерес к поземельной общине в испанских Пиренеях и бегетриям средневековой Кастилии (это исследование так и не было закончено)⁶ также явился развитием его занятий аграрной историей Франции, но вместе с тем стал продолжением исследований

³ См., напр., об этом: Русские в Испании. Книга первая: Век XVII — век XIX /Сост. В.Г. Гринько. М.: Центр книги Рудомино, 2012.

⁴ Помимо известной пьесы П. Корнеля, можно вспомнить и о разборе работы о знаменитом рыцаре, написанной выдающимся французским ученым Р. Дози, осуществленном Т.Н. Грановским (1813–1855). См.: Грановский Т.Н. Испанский эпос. Новые исследования о Сиде //Грановский Т.Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1905. С. 255–276. См. также: История Испании... С. 10.

⁵ См., напр., об этом: Бурмистрова А.М. Русская судьба ламанчского рыцаря // «Он въезжает из другого века...»: Дон Кихот в России. М.: Центр книги Рудомино, 2006. С. 13–19. См. также: Сервантес в русской литературе. М.: ВГБИЛ, 1998.

⁶ Лучицкий И.В. Поземельная община в Пиренеях //Отечественные записки. 1883. № 9. С. 57–78; № 10. С. 467–506; № 12. С. 415–442; Лучицкий И.В. Бегетрии: очерк из истории испанских учреждений //Университетские известия (Киев). 1882. № 10. С. 404–418; 1883. № 1. С. 20–30.

общинного строя родной Украины, который И.В. Луцицкий пытался встроить в максимально широкий европейский контекст⁷. В тот же период интерес к социальной и экономической истории Испании проявлял также видный ученый и социолог Максим Максимович Ковалевский (1851–1916); однако, насколько мне известно, самостоятельного значения сделанные им наблюдения о средневековой испанской истории все-таки не имеют⁸.

Первым же профессиональным испанистом в России с полным основанием считается ученик И.В. Луцицкого, Владимир Константинович Пискорский (1867–1910). Исследованию его жизненного и творческого пути посвящена значительная по объему литература⁹, а потому позволю себе остановиться лишь на отдельных сюжетах, представляющихя мне особенно значимыми.

Выпускник Киевского университета, который на рубеже XIX–XX вв. обладал замечательной школой медиевистики, В.К. Пискорский был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Темой его научных занятий стала история средневековых кастильских кортесов, а также традиционная для русской медиевистики проблематика, связанная с аграрной историей, разрабатывавшаяся В.К. на материале Каталонии. Решающее значение для формирования Пискорского как ученого имели большие зарубежные командировки 1896–1897 гг., в ходе которых он стажировался в лучших научных учреждениях Европы: в парижской Школе картий, Школе высших исследований и Коллеж де Франс, страсбургском (тогда — Германия) семинаре выдающегося немецкого специалиста по палеографии и дипломатике Х. Бреслау¹⁰.

После возвращения из командировки и защиты магистерской и докторской диссертаций В.К. Пискорский преподавал в Нежинском педагогическом

⁷ См., напр., об этом: Лаптин П.Ф. Проблемы общины в трудах И.В. Луцицкого // Средние века. Вып. 23. С. 216–228.

⁸ См., напр., об этом: *Vedyushkin V. La España de los historiadores rusos...* P. 108.

⁹ См.: Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. Т. 1. А., 1929. С. 78–82; Мильская А. Т., Пичугина И. С. Русский испанист В.К. Пискорский (1867–1910) //Проблемы испанской истории. М., 1975. С. 230–249; Пичугина И.С. Эволюция общественно-политических взглядов В. К. Пискорского //ХХV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Ч. 2. Калинин, 1978. С. 146; Мильская А.Т. Владимир Константинович Пискорский (1867–1910) //Портреты историков: время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. М., Иерусалим, Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 125–132; Новикова-Пискорская Е.А. Из истории российско-испанских научных связей //Испанский альманах. Вып. 2: История и современность. М., 2010. С. 307–311 и др. Значимым событием стала публикация собственных воспоминаний В.К. Пискорского о его поездке: «Заграничные воспоминания» В.К. Пискорского (Из писем к жене, 1896–1897) /Публикация И.С. Пичугиной, Е.А. Новиковой-Пискорской //Проблемы испанской истории. М., 1992. С. 178–191.

¹⁰ [Пискорский В.К.] Отчет о зарубежной командировке приват-доцента университета св. Владимира В. Пискорского за 1896 и 1897 годы //ЖМНП. 1898. Т. 320. № 12. С. 19–47.

институте (1899–1905)¹¹ и Казанском университете (1906–1910). Как преподаватель, он зарекомендовал себя человеком либеральных взглядов¹², свойственных значительной части русских интеллигентов рубежа веков. О том же свидетельствует и круг его научных интересов: проблема средневекового парламентаризма¹³, а также форм и характера крестьянской зависимости в Каталонии¹⁴. О том же свидетельствует и содержание написанной В.К. Пискорским краткой «Истории Испании и Португалии»¹⁵, охватывающей период от доримских времен до начала XX в., большая часть которой была посвящена периоду Средневековья¹⁶. Прямых учеников-испанистов историк не оставил (наиболее известный из его учеников, Н.П. Грацианский, выбрал основной сферой своей специализации историю Франции).

* * *

Первая мировая война, а за ней — глубочайший национальный кризис, обусловленный революциями 1917 г., Гражданской войной и их последствиями, надолго прервал поступательное развитие гуманитарных наук, в том числе — медиевистики. Испанистика, традиция которой прервалась со смертью В.К. Пискорского, долго не имела никаких шансов возродиться вновь: отношения между Советской Россией-СССР и Испанией на протяжении 20-х — на-

¹¹ Об этом периоде жизни историка сохранились его воспоминания, которые опубликованы. См.: Пискорский В.К. История моего профессорства в Нежине (1899–1905) /Публ. А.Е. Москаленко //История и историки: Историографический ежегодник. 1979. М., 1982. С. 369–393.

¹² См., напр., об этом: Добиаш-Рождественская О.А. Выступление на защите кандидатской диссертации И. В. Арского «Аграрный строй Каталонии IX–XII вв.» (ЛГУ, 29. XI. 1937 г.) //Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987. С. 241.

¹³ Речь идет о знаменитой работе: Пискорский В.К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от Средних веков к Новому времени (1188–1520). Киев, 1897. Испанский перевод этой книги — главной из всего, созданного историком, был сделан по просьбе выдающегося медиевиста К. Санчеса-Альборноса в два этапа: сначала — с русского на немецкий, затем (под контролем самого испанского историка) с немецкого на испанский. См.: Piskorski V. Las Cortes de Castilla en el período de tránsito de la Edad Media a la Moderna, 1188–1520. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1930 (2-е изд. — 1977 г.).

¹⁴ См.: Пискорский В.К. Крепостное право в Каталонии в средние века. Киев, 1901; Он же. Вопрос о значении и происхождении «шести дурных обычаяев» в Каталонии. Киев, 1899. Последняя работа также была опубликована в Испании. См.: Piskorski V. El problema de la significación y del origen de los seis «malos usos» en Cataluña. [Barcelona], 1929.

¹⁵ Пискорский В.К. История Испании и Португалии. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1902.

¹⁶ Там же. С. 8–122 (из 199 страниц, включая библиографию).

чала 30-х гг. оставались прохладными, активное экономическое и культурное сотрудничество практически отсутствовало. Ситуация резко изменилась лишь в середине 30-х гг., особенно — с началом Гражданской войны (1936–1939) в Испании.

Активная и всесторонняя помощь Советского Союза республиканской Испании рассматривалась подавляющей частью советских людей как закономерный внешнеполитический шаг. В среде интеллигенции общее внимание к военно-политическим событиям в Испании способствовало резкому росту интереса к испанскому языку, культуре и истории этой страны. «В событиях борющейся за свою свободу и независимость народной Испании наших дней невольно оживает далекое прошлое этой замечательной страны, этого удивительного народа, вернее народов, вызывающих своим героизмом всеобщее восхищение и преклонение», — писал в тот период ленинградский историк Александр Евгеньевич Кудрявцев (1880–1941)¹⁷, книга которого «Испания в Средние века» (1937) стала первой работой по истории средневекового прошлого далекой пиренейской страны, со времен издания работ В.К. Пискорского.

В контексте настоящей работы фигура А.Е. Кудрявцева, старого большевика, выпускника Юрьевского университета, участника революции 1905 г., представляет существенный интерес, поскольку в 1930-х гг. он стал лидером группы ленинградских историков-испанистов, сформировавшейся в АГПИ им. А.И. Герцена¹⁸. В ее состав входили профессор Александр Михайлович Розенберг (1900–1955), ассистент (позже — доцент) Николай Сергеевич Масленников (1898–1984), а также аспирант (позже — доцент АГУ) Игорь Владимирович Арский (1913–1941) и студент Григорий Николаевич Коломиец (в будущем — известный ученый-латиноамериканист).

Все это были ученые новой, советской, генерации, отношения которой со старшими коллегами были непростыми. И хотя официальная власть, как казалось, находилась на стороне «молодых», порой представители «старой школы» высказывались достаточно резко. В частности, выступая оппонентом при защите кандидатской диссертации И.В. Арским в ноябре 1937 г.¹⁹, О.А. Добиаш-Рождественская в ноябре 1937 г., дав в целом позитивную оценку работе, вместе с тем заметила, что соискателю свойственны «... недопустимая спеш-

¹⁷ Кудрявцев А.Е. Испания в Средние века. Л., 1937. С. 3.

¹⁸ Об этой группе см. обзорную статью И.С. Пичугиной: *Пичугина И.С. Изучение средневековой Испании в советской историографии // Средние века. 1958. Вып. 13. С. 69–78.*

¹⁹ В 1934–1937 гг. И.В. Арский подготовил диссертацию на тему «Аграрный строй Каталонии IX–XII вв.». Позднее она была опубликована в виде монографии; см: *Арский И.В. Очерки по истории средневековой Каталонии до соединения с Арагоном (VIII–XII вв.).* Л., 1941.

ность, небрежность, подчас почти что-то худшее: неуважение к читателю, надежда на его рассеянность, на его доверчивость»²⁰.

Сказано жестко, но не без определенных оснований. Действительно, как и сам А.Е. Кудрявцев²¹, И.В. Арский²², говоря словами О.А., «много разбрасывался», занимался чрезмерно широким кругом сюжетов — от раннесредневековой историографии до социальных движений XV—XVI вв. Об их коллегах (А.М. Розенберге, занимавшемся политической историей позднего Средневековья, Н.С. Масленникове, подготовившем диссертацию по материалам «Семи Партид» Альфонсо X, начинающем историке Г.Н. Коломийце²³) это можно сказать в меньшей степени, однако и они не вышли за рамки «малого» историографического жанра — статей и рецензий.

Впрочем, подобное положение стало не столько виной, сколько бедой как ленинградских испанистов, так их коллег, работавших в последующие десятилетия. По понятным причинам для исследователей Испания была надолго закрыта. Работа с рукописными источниками стала практически невозможной; но и доступ к опубликованным памятникам превратился в проблему. При этом библиотечные собрания Советского Союза — включая самые богатые из них, московские и ленинградские, — изначально были относительно небогаты испанскими материалами, а новые публикации — как источников, так и литературы — поступали выборочно, нередко с опозданием, а порой не поступали

²⁰ Добиаш-Рождественская О.А. Выступление на защите кандидатской диссертации И.В. Арского «Аграрный строй Каталонии IX–XII вв.» (ЛГУ, 29. XI. 1937 г.) // Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987. С. 239–244.

²¹ Кудрявцев А.Е. Испания в средние века. Л., 1937. См. также: Он же. Городские движения в Испании в начале XVI в. (Исторический очерк) // Ученые записки АГПИ им. А.И. Герцена. 1941. Т. XLV. С. 6–36; Он же. Основные проблемы изучения средневековой Испании // Культура Испании... С. 21–42.

²² См.: Арский И.В. Последнее десятилетие визиготского государства в средневековых испанских хрониках (701–710) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6. С. 55–75; Он же. Крестьянские войны в Испании в XV в. // Борьба классов. 1936. № 5. С. 94–109; Он же. Восстание ремесленников в Валенсии. 1519–1522 // Исторический журнал. 1938. № 1; Он же. Сельская община в готской Испании // Ученые записки АГУ. 1939. Вып. 4, № 39. С. 191–215; Он же. Реконкиста и колонизация в истории средневековой Каталонии // Культура Испании. Б.м., 1940. С. 42–68.

²³ Розенберг А.М. Коннетабль кастильский Альваро де-Луна и его борьба с силами феодальной реакции // Ученые записки АГПИ. 1941. Т. XLV. С. 37–78; Коломиец Г.Н. Битва при Лас Навас де Толоса (Из истории Реконкисты) // Там же. С. 25; Масленников Н.С. «Siete Partidas» как исторический памятник // Там же. С. 79–107; Масленников Н.С. А.Е. Кудрявцев и проблема Реконкисты ...; Он же. О предпосылке образования испанской буржуазной нации // Вопросы истории. 1954. № 11; Розенберг А.М. Восстания против королевской власти в Кастилии в XV в. // Ученые записки АГПИ им. А.И. Герцена. 1948. Т. LXVIII, С. 143–191; Он же. Франко-испанские отношения в первые годы царствования Людовика XI // Вопросы истории. 1946. № 11–12. С. 106–121.

вообще. К этому перечню следует добавить и проблемы с публикацией результатов исследований: число научных журналов существенно сократилось, а издание монографии стало делом долгим и сложным.

Без существенных изменений такая ситуация сохранялась до конца 1990-х гг. В этих условиях создание полноценных фундаментальных трудов по истории средневековой Испании превратилось в существенную проблему. Исследования носили вынужденно фрагментарный, дисперсный характер и в большинстве случаев не выходили за рамки статей и рецензий. И тем не менее колossalная работа, начатая ленинградскими испанистами, а позднее продолженная их московскими коллегами, имела огромное значение. Ее результатом стал объем знаний о средневековом прошлом Испании и навыков работы с испанскими средневековыми текстами, который позволил создать не только общее представление об основных этапах средневекового прошлого народов Испании, но и значительные заделы на будущее.

Этапный характер носило участие видных представителей ленинградской группы испанистов-медиевистов 1930-х гг. в составлении сборника «Культура Испании» (1940 г.). В работе над книгой, редактором которой выступил один из «отцов-основателей» советской философии истории А.М. Деборин, приняли участие видные ученые — историки, филологи, лингвисты, — как «старой школы», так и советского поколения; в их числе — В.М. Жирмунский, И.Ю. Крачковский, А.А. Смирнов, М.В. Кельян, В.Ф. Шишмарев, М.А. Алпатов, О.А. Добиаш-Рождественская и др. Тем более показательным выглядит присутствие в их ряду А.Е. Кудрявцева («Основные проблемы изучения средневековой Испании») и И.В. Арского («Реконкиста и колонизация в истории средневековой Каталонии»). В целом, сборник представлял собой серьезную заявку на целостную марксистскую трактовку истории и культуры Испании Средних веков и Раннего Нового времени.

Однако эта работа не получила достойного продолжения. История ленинградской испанистики оказалась слишком короткой и закончилась резко и трагично. С началом войны добровольцами на фронт ушли И.В. Арский, Н.С. Масленников и Г.Н. Коломиец. И.В. Арский, сын морского офицера, эрудит, блестящий лингвист, по воспоминаниям О.Л. Вайнштейна, наряду с испанским, английским, французским, немецким владевший также скандинавскими языками, погиб в ноябре 1941 г. в своем первом же бою на «невском пятаке»²⁴. От последствий истощения блокадных месяцев по пути в эвакуа-

²⁴ Книга Памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, 1941–1945. Вып. первый / Под ред. Т. В. Глушенковой. СПб., 1995. С. 20–21. См. также: URL: <http://pobeda.spbu.ru/museum/item/1138-арский-игорь-владимирович-1913-1941> (дата обращения: 16.01.2015).

цию в декабре 1941 г. скончался А.Е. Кудрявцев²⁵. Уже в послевоенное время трагически сложилась судьба А.М. Розенберга, которого, несмотря на всю его крайнюю осторожность²⁶, не минули репрессии позорной кампании «борьбы с космополитизмом»; он ненамного пережил «вождя народов» и умер в 1955 г.

Н.С. Масленникову и Г.Н. Коломиццу удалось пережить войну и период репрессий, однако, по разным причинам, в послевоенное время их занятия средневековой Испанией также не получили достойного продолжения. Так, Г.Н. Коломиец, ушедший на фронт в июле 1941 г., прошел всю войну, но после 1945 г. не занимался медиевистикой; с начала 1960-х гг. он стал сотрудником ИЛА АН СССР²⁷.

Н.С. Масленников, прошедший всю войну, в том числе — ее самые тяжелые годы, которые провел на «невском пятаке», по возвращении, в 1946 г., защитил подготовленную еще до войны кандидатскую диссертацию «Кастильское государство при Альфонсе X Мудром». После этого он еще долго работал на кафедре всеобщей истории ЛГПИ им. Герцена, в том числе — в качестве заведующего, но публиковался мало и скромно. По мнению его дочери, Н.Н. Масленниковой (1927–2010), это было связано с особенностями его характера: «не был честолюбивым и не был настойчивым, когда дело шло о его личных интересах») писал, главным образом, в стол. До начала XVIII в. он довел свои «Очерки истории Испании», готовил исследование о восстании коммунисто, много работал с источниками. Ничего из этого не было опубликовано, а в 1970 г. историк тяжело заболел и отошел от активной работы.

Последним профессиональным испанистом, работавшим в Ленинграде в советский период, являлась Мария Борисовна Каасс, в 1955 г. защитившая диссертацию «Толедская деревня XII–XIII вв.»²⁸. К сожалению, мне известно о ней совсем немного: будучи востоковедом-арабистом по образованию, близким к школе И.Ю. Крачковского, она первой приступила к исследованию опубликованного в 1926–1930 гг. А. Гонсалесом Паленсия архива толедских мосарабов, прямых продолжателей традиции христиан, проживавших в му-

²⁵ См.: Педагогические вести. 1999. Апрель. № 5–6. С. 4.

²⁶ На эту черту его характера указывает в ироническом ключе работавший с ним в Государственном Эрмитаже А.Л. Раков. См.: Раков А.Л. В капле воды // Звезда. 2004. № 1.

²⁷ См.: Фруменкова Т.Г. Священная война // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 5. С. 7.

²⁸ Каасс М.Б. О хозяйстве толедской деревни // Средние века. 1955. Вып. 7. С. 47–63; Каасс М.Б. Реконкиста и колонизация в истории кастильского крестьянства // Средние века. 1962. Вып. 22. С. 130–158; Каасс М.Б. Архив толедских мосарабов XII–XIII вв. и изучение культурных связей между Востоком и Западом // Институт народов Азии. Москва. Краткие сообщения. 86. 1965. С. 196–202. Все эти данные сообщены мне Г.А. Поповой, за что я выражая ей самую искреннюю благодарность.

сультанском окружении со времен вестготов. Документы, вошедшие в состав этого собрания и написанные на арабском языке, и стали главным источником исследований М.Б. Каасс, развивавших положения ее диссертации и в основном выдержаных в рамках советской традиции изучения аграрной истории. Именно источник, раскрытие его содержания и представляет главный интерес в статьях ленинградской исследовательницы.

К сожалению, эта работа не была продолжена. Последняя из известных мне статей М.Б. Каасс датируется 1965 г. Вскоре после этого она эмигрировала в Израиль и, насколько можно понять, прекратила академические занятия испанистикой.

Следует, правда, оговориться, что в начале 2000-х гг. к сюжетам из истории средневековой (вестготской) Испании на некоторое время обратился Юлий Беркович Циркин, к этому времени — уже признанный специалист по истории финикийской и римской Испании, попытавшийся обосновать правомерность рассмотрения вестготского периода в испанской истории как части «долгой античности»²⁹. Впрочем, к настоящему времени Ю.Б., для которого свойственна ширина интересов, оставил занятия вестготскими сюжетами и обратился к материалу более раннего времени.

«Вестготские» работы Ю.Б. Циркина стали скорее исключением, подтверждающим правило. Во второй половине 1960-х гг. ленинградская традиция испанистики прервалась. С 1950-х гг. главным центром развития испанистики (в том числе — исследований по истории испанского Средневековья) стала Москва; эта ситуация не изменилась до настоящего времени.

* * *

В значительной степени появление московской школы изучения истории средневековой Испании было предопределено общим направлением развития советской медиевистики. Первым в ряду московских испанистов следует несомненно назвать Александра Рафаиловича Корсунского (1914–1918), имя которого в истории отечественной испанистики следует поставить непосредственно вслед за именем В.К. Пискорского. Символично, что учителем А.Р. стал Николай Павлович Грацианский (1886–1945), ученик В.К. по Казанскому университету. Сам Н.П. Грацианский испанистом не стал: единственная его работа, в той или иной степени связанная

²⁹ Циркин Ю.Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб., 2006; Циркин Ю.Б. Испания от античности к Средневековью. СПб., 2010.

с испанской проблематикой, касается раздела земель у бургундов и вестготов³⁰. Однако интерес к вестготской тематике, по всей видимости, не был случайным и дал начало теме кандидатской диссертации, которую Н.П. поручил своему ученику, аспиранту кафедры истории Средних веков МГПИ А.Р. Корсунскому. 26 мая тот защитил результаты своего исследования по теме «Вестготское государство в VI–VII вв.», которому надлежало стать еще один кирпичиком фундамента здания советской марксистской медиевистики.

А потом началась война. А.Р. Корсунский немедленно направился на фронт добровольно и уже в июле 1941 г., судя по документам, находился в действующей армии, сначала в качестве офицера-артиллериста, а затем — в качестве инструктора политотдела, занимавшегося пропагандой среди войск и населения противника. Скромного, исполнительного и отважного офицера слишком ценило начальство, чтобы позволить ему быстро демобилизоваться. Уйти с военной службы А.Р. удалось только в 1953 г., уже в звании подполковника. После этого он до 1960 г. преподавал историю КПСС на кафедре марксизма-ленинизма Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина. Лишь в 1960 г. он был приглашен на кафедру истории Средних веков исторического факультета МГУ, где в 1965 г. защитил докторскую диссертацию и где проработал до 1980 г. Только в это время А.Р. (не прекращавший своих научных занятий даже в период военной службы) в полной мере вошел в отечественную науку³¹. Поэтому рассказ о его научных занятиях как испаниста целесообразно изложить ниже, где речь пойдет о событиях более позднего времени.

До конца же 1950-х гг. ситуацию в испанистике определяли другие люди, которые пришли к изучению средневековой Испании разными путями: общей была лишь искренняя любовь к изучаемому материалу. Первым в их ряду следует назвать Сергея Васильевича Фрязинова (1891–1971). Представитель последнего довоенного выпуска историко-филологического факультета Московского университета, где он учился у А.Н. Савина, знаменитого специалиста по истории Англии и Франции, С.В., написавший выпускное сочинение по истории Великой французской революции, был оставлен для подготовки к

³⁰ Грацианский Н.П. О разделе земель у бургундов и вестготов // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 7–19.

³¹ О жизни и научной деятельности А.Р. Корсунского см.: Москаленко А.Е. Памяти А.Р. Корсунского // Вестник МГУ. Сер. История. 1980. № 4. С. 94–96; Памяти А.Р. Корсунского (1914–1980) // Средние века. 1982. Вып. 45. С. 381–382 (библиографию его трудов см.: Там же. С. 403–406); Мильская А.Т., Варьяш О.И. А.Р. Корсунский как историк-медиевист // Средние века. 1983. Вып. 46. С. 275–290.

товар. Корсунский в это счасточенное боевое закопался неподороготаенно в боязни поражких 842 стр., подняв организуя там Инспекторскую работу с личным составом.

В самое трупные минуты, когда на береге Бородки этого полка в районе Царбукса наступали шестиглавые тяжор и пехоты противника товар. Корсунский отважно и мужественно оказывал практическую помощь командование в отразивших немецких контратаках.

Будучи образцом для других он и в момент проприяния рабочего колыча демонстрал отважно. В результате блестящей работы товар. Корсунского личный состав покрасиленый, где был он всегда успешно решал поставленные задачи.

Выдержка из приказа о награждении А.Р. Корсунского орденом Красного Знамени

профессорскому званию. Однако, как и многие его сверстники, диссертацию Фрязинов защитить не успел — помешали революционные события 1917 г. и потрясения последующих лет³².

Докторской диссертации С.В. так и не защитил, несмотря на то, что его научное наследие было достаточно велико: слишком разными сюжетами пришлось заниматься на протяжении всей жизни. Впрочем, в письме своему коллеге и покровителю, членкору АН СССР С.И. Архангельскому, сам С.В. Фрязинов, признавая наличие этой проблемы, указывал на другие причины: «Общая тематика моих работ ... пестра — но так складывалась жизнь, особенно в связи с работой в провинциальных вузах, где в порядке “педагогической нагрузки” превращают преподавателя, за недостатком людей, в своеобразного “универсала”»³³.

В ряду этих интересов средневековая Испания появилась, когда С.В. стал читать специальный курс по истории средневековой Испании на испанском отделении Московского педагогического института иностранных языков, где проработал с 1942 по 1949 г. Затем он был вынужден уйти оттуда и перебраться в Горький, где работал в 1950–1951 гг., до выхода на пенсию, и где читал ряд курсов по истории средневековой Испании. В тот же период он активно занялся научной работой в области испанистики, писал большие «Очерки по истории средневековой Испании» (так и оставшиеся незавершенными). Вероятно, статьи, публиковавшиеся С.В. в этот период, следует рассматривать

³² О жизни и научной деятельности С.В. Фрязинова см.: Пичугина И.С. С.В. Фрязинов — видный советский исследователь средневековой Испании (1891–1971) //Проблемы испанской истории. М.: Наука, 1975. С. 250–251; Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк и педагог Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) //Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 6. С. 62–88; Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) //Диалог со временем. 2011. № 36. С. 377–402.

³³ Цит. по: Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк и педагог Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971)... С. 74.

как наброски отдельных частей этого труда³⁴. Их тематика весьма широка как в хронологическом, так и в содержательном плане — от аграрной истории и истории феодального землевладения Высокого Средневековья до социальных движений Позднего Средневековья. С.В. разрабатывал эту тематику и после выхода на пенсию, однако завершить работу над «Очерками...» так и не смог.

Помимо С.В. Фрязинова, в испанистику в первые послевоенные десятилетия вошли две ученицы академика Сергея Даниловича Сказкина (1890–1973), одного из признанных лидеров советской медиевистики середины XX в., видного специалиста по истории Франции, вынужденного, в силу отсутствия испанистов, своими силами заполнять «испанские» лакуны в трудах обобщающего характера, прежде всего — во всемирной истории. Естественно, «испанские» сюжеты были знакомы ему почти исключительно по литературе. Зато он ориентировал на исследования в этой области Э.Э. Литаврину и И.С. Пичугину.

Эллида Эдуардовна Литаврина (1928–2002) прожила непростую, но яркую и интересную жизнь. Дочь репрессированного, несмотря на прекрасно сданные вступительные экзамены, она смогла поступить в Московский университет лишь после того, как обратилась с письмом к В.М. Молотову. Период учебы также не был безоблачным: в 2000 г. в разговоре со мной она много рассказывала о том, как она, француженка по отцу, пережила страшные события эпохи «борьбы с космополитизмом». В университете под руководством С.Д. Сказкина в 1951 г. она подготовила и успешно защитила дипломную работу по теме «Особенности экономического развития Испании в XVI в.». Однако продолжать занятия по этой тематике не смогла: несмотря на получение диплома с отличием, прекрасную защиту и блестящую лингвистическую подготовку (она владела испанским, французским, английским, немецким и латинским языками), по окончании университета Э.Э. смогла получить работу

³⁴ См.: Фрязинов С.В. Некоторые данные о крестьянских движениях в Кастилии XV в. (Германдиносы и крестьянские германдады; движение в армии при Саморе и Торо) // Ученые записки Горьковского университета. 1957. Вып. 43. С. 109–122; Фрязинов С.В. Из истории феодального землевладения клунийских монастырей в средневековой Кастилии // Ученые записки Горьковского университета. 1959. Вып. 46. Серия историко-филологическая. С. 83–122; Фрязинов С.В. Проблемы Реконкисты как колонизационного движения в освещении испанских ученых // Ученые записки Горьковского университета. 1959. Вып. 46. С. 3–30; Фрязинов С.В. К вопросу об уровне сельского хозяйства в кастильской деревне XIII–XIV вв. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 2. С. 185–202; Фрязинов С.В. Феодальная борьба за земли во владениях монастыря в Онье (середина XII — начало XIV вв.) // Ученые записки Горьковского университета. 1958. Вып. 88. Ч. 2. С. 5–36; Фрязинов С.В. Из истории развития феодального землевладения в Астурнии и Леоне IX–X в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 2. С. 122–142.

лишь в вечерней школе рабочей молодежи при ЗИЛе. Лишь после ХХ съезда, реабилитации отца и изменения социально-политического климата в стране она смогла поступить в аспирантуру Института истории АН СССР; в 1957 г. вышла ее первая научная статья по проблематике, связанной с дипломной работой. В 1965 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Проблема экономического упадка Испании в XVI — начале XVII в. по сочинениям испанских экономистов XVI—XVII вв.».

К этому времени она уже несколько лет работала в Институте Латинской Америки АН СССР, а в 1966 г., уже в качестве латиноамериканиста, вернулась в Московский университет, где проработала до конца жизни, пройдя путь от ассистента до профессора. Исследования по истории Испании отошли на второй план, хотя статьи по этой тематике Э.Э. Литаврина публиковала еще на протяжении длительного времени. Результаты ее работы как испаниста детально проанализированы В.А. Ведюшкиным, которого, судя по известным мне ее отзывам, она считала одним из наиболее талантливых своих учеников³⁵.

Владимир Александрович Ведюшкин, научные интересы которого в хронологическом плане находятся на стыке Средневековья и Раннего Нового времени, в 1987 г. защитил диссертацию в Институте всеобщей истории АН СССР «Дворянство в социальной структуре Кастилии (вторая половина XVI — первая половина XVII в.)»³⁶. Руководителем этой диссертации являлся известный советский историк А.Н. Чистозвонов (1914–1998), однако общая тональность исследований, тонкость и даже изысканность наблюдений, несомненно, во многом продолжают традицию Э.Э. Литавриной.

В дальнейшем тематика диссертации была развита В.А. в ряде статей, опубликованных в 1980–1990-х гг.³⁷ Подводить результаты его исследовани-

³⁵ См.: Ведюшкин В.А., Щелчков А.А. Эллида Эдуардовна Литаврина (1928–2002) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 5: Средние века. Новая и Новейшая история /Отв. ред. Г.И. Севостьянов. М.: Наука, 2010. С. 87–99 (перечень основных трудов Э.Э. Литавриной см.: Там же. С. 99). См. также: Памяти Эллиды Эдуардовны Литавриной //Латинская Америка. 2002. № 4. С. 109–111; Э.Э. Литаврина (17.01.1928–21.01.2002) // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 467–477; Литаврина Эллида Эдуардовна //Энциклопедический словарь Московского государственного университета. Исторический факультет. М., 2004.

³⁶ Ведюшкин В.А. Дворянство в социальной структуре Кастилии (вторая половина XVI — первая половина XVII в.). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1987.

³⁷ Ведюшкин В.А. Дворянские братства в Кастилии в XVI–XVII вв. // Общности и человек в средневековом мире. М., 1992. С. 139–141; Ведюшкин В.А. Дворянство в борьбе за власть в кастильском городе XV–XVI вв. // Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М., 1992. С. 348–355; Ведюшкин В.А. Дворянство в кастильских кортесах (XVI — начало XVII в.) // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме /Ред. Е.В. Гутнова. М., 1985. С. 98–110; Ведюшкин В.А. Представления о знатности в испанских трактатах конца XV–начала XVII в. // Господствующий

ям явно рано: В.А. активно продолжает активную работу; им написаны десятки статей, ряд учебников и учебных пособий по истории Средних веков для высшей и средней школы и т.п. Одним из наиболее значимых результатов его трудов как испаниста стал выход в свет первого тома «Истории Испании» (2012 г.)³⁸. Следует отметить факт значительной (если не решающей) роли В.А. в разработке концепции этого издания, охватывающего период от Античности до конца XVII в., в котором им — непосредственно или в соавторстве — были написаны главы, посвященные истории Кастилии второй половины XIV — середине XV в., эпохе Католических королей, испанской культуре этого времени, а также истории испанской монархии начала XVII в., эпохе Оливареса и культуре Испании Золотого века.

Традицию Э.Э. Литавриной, в известной мере, продолжает и ученица В.А. Ведюшкина, молодая исследовательница Наталья Владимировна Фомина, в 2002 г. защитившая диплом под руководством И.И. Шиловой-Варьиной по политической истории Испании эпохи Католических королей, а в настоящее время под руководством В.А. работающая над диссертацией, посвященной близкой ее учителю тематике, по истории кастильской аристократии рубежа Средневековья и Раннего Нового времени. В первом томе ею (как персонально, так и в соавторстве) написан ряд глав, посвященных истории и культуре Испании XV—XVI вв.

Еще одной ученицей С.Д. Сказкина, изначально занимавшейся Францией, но затем, по рекомендации своего учителя, переключившейся на испанскую проблематику, стала Ирина Сергеевна Пичугина³⁹. Признанный дуайен отечественной испанистики, она и сегодня продолжает плодотворную работу. На протяжении многих лет она вела большую научную и общественную работу в Институте всеобщей истории. Предмет ее научных интересов менялся

класс феодальной Европы. М., 1989. С. 181–195; Ведюшкин В.А. Экономическое положение кастильской аристократии в XVI в. // Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984. С. 151–173. Наиболее полную опубликованную библиографию работ В.А. Ведюшкина последнего времени см.: URL: <http://istina.msu.ru/profile/VedyushkinVA/> (дата обращения: 16.01.2015).

³⁸ История Испании. Т. 1: С древнейших времен до конца XVII в. М.: Индрик, 2012.

³⁹ См.: Пичугина И.С. О положении крестьянства Леона и Кастилии XII–XIII вв. (По данным фузарос) // Средние века. 1962. Вып. 21. С. 49–60; Пичугина И.С. Из истории средневековых общин-богатий Кастилии // Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965; Пичугина И.С. Крестьянство и кортесы Кастилии во второй половине XIII — первой половине XIV вв. // Европа в Средние века: экономика, политика, культура. М., 1972. С. 189–197; Пичугина И.С. Особенности Реконкисты в Кастилии XIII–XIV вв. // Проблемы испанской истории. 1979. С. 334–340 и др. Полный перечень публикаций И.С. Пичугиной см.: URL: <http://www.igh.ru/book/authors/pichugina/> (дата обращения: 16.01.2015).

ся с течением времени — от истории кастильского крестьянства, свободных общин-бегетрий до политической истории, прежде всего — истории кортесов. Однако, пожалуй, наиболее значимым направлением ее исследований последних лет стали работы по истории отечественной испанистики, прежде всего — научного и творческого пути В.К. Пискорского⁴⁰. Участвовала Ирина Сергеевна и в работе над «Историей Испании», где ею написана часть «Вступления», а также главы, посвященной истории Кастилии и Леона в XII — середине XIV в.⁴¹ Наконец, И.С. Пичугиной принадлежат интересные воспоминания, доступные в сети Интернет в аудиоверсии⁴².

Ученицей С.Д. Сказкина, научные интересы которой непосредственно затронули историю средневековой Испании, является и Виктория Ивановна Уколова. Занятия духовной культурой Раннего Средневековья, прежде всего — наследием Кассиодора и осттотской Италии в более широком смысле, в 1970-е гг. закономерно привели ее к исследованию творчества Исидора Севильского и интеллектуального климата его эпохи. Эти сюжеты, наряду с магистральными для В.И. проблемами творчества Кассиодора, получили освещение в ее, пожалуй, наиболее известной работе — монографии «Античное наследие и культура Раннего Средневековья» (М: Наука, 1989), а также серии статей⁴³. По существу, только с трудами В.И. Уколовой в отечественной историографии были сделаны первые шаги к освоению Исидорова наследия: ранее к этому наследию обращались лишь спорадически. В этом смысле работы В.И. стали серьезным заделом на будущее. Несмотря на то, что среди ее многочисленных учеников практически нет собственно испанистов (за исключением И.И. Шиловой-Варьяш, интересы которой лежат далеко от периода Раннего Средневековья), а сама В.И. в настоящее время занимается почти исключительно позднеантичными сюжетами, сегодня ее дело как испаниста в определен-

⁴⁰ Пискорский В.К. Флорентийский сборник /Ред. М.К. Кеда, Е.А. Новиковой, И.С. Пичугиной. М., Киев, Чернигов: Изд-во ИВИ РАН, 2013. См. также выше прим. 10.

⁴¹ История Испании. Т. 1. С. 25.

⁴² Встреча седьмая: Ирина Сергеевна Пичугина //URL: <http://worldhist.ru/News/426/10430/> (дата обращения: 16.01.2015).

⁴³ Непосредственно творчеству Исидора посвящена глава «Рождение средневекового энциклопедизма. Исидор Севильский». См.: Уколова В.И. Античное наследие и культура Раннего Средневековья. М: Наука, 1989. С. 207–283. См. также: Уколова В.И. Исидор Севильский и его сочинение «О природе вещей» //Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985; Уколова В.И. Исидор Севильский и античная философия // Средние века. 1985. Вып. 48. С. 27–37; Уколова В.И. Исидор Севильский как деятель культуры Раннего Средневековья //Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 176–190; Уколова В.И. Мир и человек в мировоззрении Исидора Севильского // Проблемы испанской истории. М., 1987. С. 273–287; Уколова В.И. Первый средневековый энциклопедист //Вопросы истории. 1983. № 6. С. 185–188.

ленной степени продолжают представители молодого поколения исследователей, разных научных школ и специализаций.

В их числе — и моя ученица Елена Сергеевна Марей, под руководством которой группа молодых исследователей в составе Михаила Юрьевича Биркина и Сергея Александровича Воронцова завершила работу над переводом Исидоровых «Дифференций». В 2011 г. ею была защищена диссертация, касающаяся правовых представлений Исидора Севильского, а в 2014 г. вышла монография, написанная на ее основе⁴⁴. Кроме того, проблематику, связанную с богословскими представлениями Исидора, разрабатывает другой молодой ученый — уже упоминавшийся выше С.А. Воронцов, кандидат богословия, преподаватель Богословского факультета ПСТГУ⁴⁵, а представления Исидора о епископской власти — М.Ю. Биркин. Наконец, нельзя не упомянуть также о проекте полного перевода на русский язык Исидоровых «Этимологий», реализуемом выпускником Философского факультета СПбГУ Л.А. Харитоновым⁴⁶. Таким образом, традиции, заложенные В.И. Уколовой, продолжают развиваться.

Разумеется, мои замечания о результатах научной деятельности В.И. Уколовой носят характер наброска, тем более что гораздо лучше и глубже, чем я, это уже сделал один из ее любимых учеников П.П. Шкаренков, к статье которого я с удовольствием переадресую читателей, интересующихся деталями⁴⁷.

* * *

В 1960-х гг. ситуация в испанистике резко изменилась, прежде всего — как за счет притока молодых исследователей, так и за счет обращения к испанской проблематике исследователей, ранее занимавшихся иными сюжетами. Прежде всего, в 1960-х гг. как испанист выступила Лидия Тихоновна Мильская (1924–2006), ранее занимавшаяся исключительно историей раннесредневековой Германии⁴⁸. Она прошла школу видного отечественного медиевиста

⁴⁴ Марей Е.С. Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2014.

⁴⁵ См., напр.: URL: <http://pstgu.ru/faculties/theological/chairs/apologetics/common/> (дата обращения: 16.01.2015).

⁴⁶ Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В 20 кн. Кн. 1–3. Семь свободных искусств /Пер., ст., прим. и comment. Л.А. Харитонова. СПб.: Евразия, 2006.

⁴⁷ Шкаренков П.П. «Translator temporis». Виктория Ивановна Уколова — человек, ученый, педагог / П.П. Шкаренков // Средние века. 2004. Вып. 65. С. 174–198.

⁴⁸ О жизни и научной деятельности А.Т. Мильской см.: Лидия Тихоновна Мильская //Новая и Новейшая история. 2006. № 6. С. 218; Мильская Лидия Тихоновна (1924–2006, ИВИ РАН) //URL: <http://www.srednieveka.ru/author/id304> (дата обращения: 22.01.2015).

А.И. Неусыхина (1898–1969), но также испытала и значительное влияние идей Н.П. Грацианского, с которым познакомилась еще в школьные годы и в спецсеминаре которого занималась до самой смерти ученого⁴⁹.

Это неожиданное расширение исследовательского поля принесло позитивные плоды. В 1962 г. появилась ее монография, положения которой впоследствии были развиты в ряде статей⁵⁰, которые принесли ей заслуженное признание не только в нашей стране, но и в среде каталонских историков, внимательно отслеживающих все, что касается внимания к их исторической области за пределами Испании. Наконец (но далеко не в последнюю очередь), А.Т. Мильская оставила целый ряд работ по историографии, наиболее значимые из которых вошли во второй том издания «Портреты историков: время и судьбы»; в частности, в него вошли уже упоминавшиеся главы, посвященные В.К. Пискорскому, Н.П. Грацианскому и А.Р. Корсунскому. К сожалению, настоящих историографических работ о научном творчестве А.Т. Мильской еще не написано; уверен, что это — дело будущего. Отдельного замечания заслуживает колossalная научно-организационная работа, проводившаяся А.Т. Мильской, в том числе — как многолетним сотрудником редакции ежегодника «Средние века»⁵¹.

На рубеже 1960–1970-х гг. в испанистику вошел Николай Петрович Денисенко (1941–2007). Выпускник Ленинградского университета, он закончил аспирантуру ИВИ АН СССР под руководством уже упоминавшегося А.Н. Чистозвонова и по прошествии некоторого времени защитил кандидатскую диссертацию по теме «Аграрный строй Кастилии в XVI в.» (1980). В 1977 г. он был приглашен на работу во вновь основанный Ивановский университет, где и проработал до 1998 г.

⁴⁹ См. об этом: Мильская А.Т. Николай Павлович Грацианский (1886–1945)... С. 179–180.

⁵⁰ Мильская А.Т. Очерки истории деревни в Каталонии. М., 1962; Она же. К вопросу о характере землевладения в Астурнии IX–XII вв. (По документам епископства Овьедо) // Средние века. 1967. Вып. 30. С. 84–102; Мильская А.Т. Аграрное развитие Каталонии и окружающая среда (XII — начало XIII в.) // Средние века. 1981. Вып. 44. С. 117–135; Мильская А.Т. Пригородное землевладение арабов и Реконкиста в Каталонии XII в. // Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 158–165; Мильская А.Т. К вопросу о структуре господствующего класса в Каталонии X–XII вв. // Средние века. 1984. Вып. 47. С. 21–28; Мильская А.Т. К вопросу о судьбах общины в Каталонии (X–XII вв.) // Средние века. 1985. Вып. 48. С. 38–46; Мильская А.Т. Отчеты управляющих доменами графов-королей Каталонии — издание нового источника // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 284–287 и др. Отмечу также активное участие А.Т. Мильской в работе над первым томом издания «История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма» (М.: Наука, 1985) и над вторым томом «Истории Европы» (М.: Наука, 1992).

⁵¹ Подробно об этом см.: Мильская Аидия Тихоновна (1924–2006, ИВИ РАН) // URL: <http://www.srednieveka.ru/author/id304> (дата обращения: 22.01.2015).

Помещенный в этом же номере журнала текст Г.В. Савенко снимает проблему характеристики круга научных интересов Н.П. Отмечу лишь, что он был весьма широк — от аграрной истории позднесредневековой Испании до истории испанского абсолютизма⁵². Кроме того, Н.П. активно занимался переводами со средневекового кастильского языка, перевел отдельные статьи таких значимых средневековых памятников, как фуэро Тревиньо 1254 г., фуэро Теруэля (1177 г.), Старого фуэро Кастилии (1256 г.) и ряда других текстов, включая завещание Изабеллы Кастильской.

После того как Н.П. отошел от дел и переехал в Белгород, где и закончился его жизненный путь, эта традиция была продолжена в трудах его ученика Георгия Владимировича Савенко, главной работой которого следует считать перевод на русский язык кастильских версий фуэро Куэнки и Сепульведы (2004)⁵³. В целом же, предмет научных интересов Г.В. составляют история испанского права эпохи Высокого Средневековья (прежде всего — история юридической техники этого времени, изучению которой была посвящена его диссертация кандидата юридических наук), а также историография отечественной испанистики (главная статья на эту тему опубликована в 2005 г. в «Ежегоднике истории испанского права»)⁵⁴.

* * *

Большая часть испанистов, работающих в науке в настоящее время, принадлежит к традиции, основы которой были заложены уже упоминавшимся А.Р. Корсунским. Человек довоенного поколения, как ученый он в наибольшей степени проявил себя в 1960–1970-х гг., на которые приходится время его преподавания в Московском университете и выход научных трудов, принесших ему значительную известность как среди отечественных, так и

⁵² См.: Денисенко Н.П. Проблемы аграрной истории Испании XVI в. в зарубежной буржуазной историографии // Средние века. 1975. Вып. 39. С. 211–224; Денисенко Н.П. Отчуждение земель королевской властью в Испании в XVI в. // Средние века. 1976. Вып. 40. С. 172–183; Денисенко Н.П. Кастильская деревня в XVI в. (К характеристике производительных сил) // Средние века. 1985. Вып. 48. С. 125–140; Он же. Испанская корона и крестьянство в XVI в. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С. 230–241 и др.

⁵³ Памятники права средневековой Испании: Фуэро Куэнки. Фуэро Сепульведы / Пред., перев. и comment. Г.В. Савенко / Под ред. В.А. Томсина. М.: ИКД «Зерцало-М», 2004 (Серия: «Памятники права зарубежных стран»).

⁵⁴ Savenko J.V. Estado y perspectivas de la investigación de la historia del derecho europeo en Rusia. La Edad Media y los comienzos de la Edad Moderna // Anuario de Historia del Derecho Español. 2005. T. 75. P. 611–640.

среди зарубежных ученых. Будучи в первую очередь исследователем вестготской Испании, истории которой были посвящены его кандидатская и докторская диссертации (1965 г.)⁵⁵, он воплотил результаты своих многолетних исследований, начатых еще в предвоенные годы и продолженных серией статей, опубликованных в 1950–1963 гг.⁵⁶ В 1969 г. вышла в свет его главная работа — «Готская Испания», в которой рассматривались ключевые вопросы политической и социально-экономической истории Тулузского и Толедского королевств вестготов⁵⁷.

Эта книга не является легким чтением. Она написана жестким, аскетичным языком, свойственным немецкой медиевистике рубежа XIX–XX вв. Для того чтобы оценить выводы автора, надо глубоко вчитаться в его текст, пройти по его примечаниям, прежде всего — на многочисленные источники, которые А.Р. знал всесторонне и глубоко. Несмотря на то, что книга писалась в СССР, наука которого была во многом изолирована от мировой, в монографии содержатся ссылки на важнейшие работы того времени, как если бы автор писал свою книгу в Мадриде, Париже или Геттингене.

Детальный анализ текста этой, да и других монографий Корсунского выходит за пределы задач настоящей статьи⁵⁸. Поэтому ограничусь лишь замечанием о том, что работа была встречена с большим интересом и за пределами СССР, в том числе — в Испании, где о ее содержании в разное время позитивно отзывались А. Иглесия Феррейрос (Барселона), К. Петит (Уэльва), а совсем недавно, в личной беседе со мной, — Л. Гарсия Морено (Мадрид), знавший А.Р. лично. Такая оценка стоила тем больше, что отнюдь не предполагала согласия с мировоззрением и политическими взглядами А.Р. Корсунского. Разрабатывавшаяся им история революционного перехода от Античности к Средневековью, наиболее последовательно изложенная в их совместной работе с восточногерманским историком Р. Гюнтером, носила четко выраженный марксистский характер⁵⁹. Такие же взгляды были характерны и для мно-

⁵⁵ «Основные вопросы истории Испании V–VII вв.»; записана на Историческом факультете МГУ.

⁵⁶ См. полный список трудов А.Р. Корсунского (Средние века. 1982. Вып. 45. С. 403–406).

⁵⁷ Корсунский А.Р. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969.

⁵⁸ Об оценке работы современниками историка см., напр., рецензию А.Д. Люблинской (Люблинская А.Д. [Рец.:] Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 328 // Вопросы истории. 1972. С. 163–165; Мильская А.Т., Варьяши О.И. А.Р. Корсунский как историк-медиевист // Средние века. 1982. Вып. 46. С. 275–290).

⁵⁹ См.: Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984. См. также: Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; Корсунский А.Р. Проблемы

гих его учеников; в частности, покойный С.Д. Червонов во второй половине 1980-х гг. вполне искренне говорил мне, тогда ее только начинавшему свою студенческую жизнь, что история средневековой Испании является блестящим подтверждением марксистского понимания истории.

Особенности вклада А.Р. в науку заключаются в плодотворной и планомерной работе, связанной с освоением все новых источников и новых сюжетов, значительная часть которых имела самое непосредственное отношение к истории средневековой Испании, в том числе и за пределами вестготского периода. Именно А.Р. наметил важнейшие направления исследования испанского Средневековья в своей монографии «История Испании IX–XIII веков» (1976 г.)⁶⁰. Эта книга, написанная как пособие по спецкурсу, в первую очередь представляет собой масштабный план исследований, отдельные аспекты которого постепенно разрабатывали как сам А.Р. Корсунский (написавший ряд статей по социальной и аграрной истории раннесредневекового Астуро-Леонского королевства⁶¹), так и его многочисленные ученики.

Безвременная смерть А.Р. в 1980 г. прервала творческий путь ученого. Его работу продолжили многочисленные ученики; не все из них в дальнейшем выбрали испанистику направлением своих исследований, не все смогли остаться в науке, но даже с учетом этого можно уверенно говорить о школе Корсунского, едва ли не самой представительной в отечественной медиевистике.

В числе прямых учеников А.Р. Корсунского выделю Сергея Тимофеевича Минакова, разрабатывавшего проблемы истории испанского средневекового города на материале опубликованного архива Саагунского монастыря⁶²; в дальнейшем он оставил занятия Средневековьем и занялся отечественной историей XX в., но по-прежнему подчеркивает свою принадлежность к школе Корсунского.

революционного перехода от рабовладельческого строя к феодализму в Западной Европе // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 95–111.

⁶⁰ История Испании IX–XIII веков (Социально-экономические отношения и политический строй Астро-Леонского и Леоно-Кастильского королевств). М.: Высшая школа, 1976.

⁶¹ Корсунский А.Р. О крестьянских общинных организациях в Астурнии, Леоне и Кастилии в IX–XIII вв. // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в. включительно). Ч. 1. Минск. С. 145–151; *Korsunskij A.R.*

⁶² См., напр.: Минаков С.Т. Зависимое крестьянство во владениях Саагунского монастыря в X–XIII вв. // Проблемы всеобщей истории. М., 1977. С. 268–286; Минаков С.Т. Восстание горожан в Саагуне в XI–XII вв. // Вестник МГУ. История. 1978. № 4. С. 71–80; Минаков С.Т. Крупная феодальная вотчина и город в Леоне в X–XIII вв. (По документам Саагунского монастыря). Автограф. дисс. канд. ист. наук. М., 1984; Минаков С.Т. О характере городских движений XI–XIII вв. в Испании (на примере города Саагун) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1984. С. 174–184; Минаков С.Т. Социальная структура североиспанского города в XI–XIII вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 133–138.

Дипломницей А.Р. Корсунского являлась и Елена Александровна Радзиховская, ныне работающая в Одессе. Защитив в 1978 г. диплом по теме «Борьба Леоно-Кастильского королевства с мусульманской Испанией в XI—первой половине XII в.»⁶³, в дальнейшем она занималась историей Арагона и защитила диссертацию по истории отношений Франции и Арагона под руководством Н.А. Хачатуриян⁶⁴.

Еще одним учеником А.Р., трагически рано ушедшим из жизни, являлся Сергей Дмитриевич Червонов (1955–1988), яркий, талантливый и обаятельный человек; именно благодаря ему я пришел в испанистику и медиевистику. Прекрасный лингвист, наряду с европейскими языками, изучавший также арабский, он в 1982 г. защитил диссертацию по истории испанского средневекового города по материалам городских хартий и судебников — фуэро⁶⁵. Я успел поработать с ним лишь в рамках просеминара второго курса, но его взгляды и личность оказали на меня столь значительное влияние, что я считаю его своим первым учителем. Тем не менее учеником С.Д. Червонова в собственном смысле слова может считать себя только Владимир Анатольевич Кучумов, человек яркий и талантливый, блестящий лингвист, в 1990 г. защитивший диссертацию по истории кортесов средневекового Арагона⁶⁶ и написавший ряд статей на эту тему⁶⁷; по ряду причин в настоящее время занятой медиевистикой он не продолжает.

⁶³ См.: Дипломы, заполненные на кафедре истории Средних веков Исторического факультета МГУ // URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/Medieval/index.html> (дата обращения: 16.01.2015).

⁶⁴ См.: Радзиховская Е.А. Арагоно-Каталонское королевство и Франция во второй половине XIII — начале XIV в. Автореф. дисс. канд. ист. наук М.: МГУ, 1983. <http://onu.edu.ua/ru/structure/faculty/history/oldhist/>. См. также: Экономические идеи испанского купечества конца XIII — первой половины XIV в. (на материалах королевства Арагон) // Общности и человек в средневековом мире. М., 1992. С. 69–71 и др.

⁶⁵ В 2005 г., к 50-летию учителя, группе моих однокурсников при моем участии удалось издать диссертацию и статьи С.Д. Червонова под одной обложкой, добавив свои воспоминания о нем. См.: Червонов С.Д. Испанский средневековый город. М.: б.и., 2005. Там же помечена моя статья о нем: Ауроб О.В. Сергей Дмитриевич Червонов и его труды по истории испанского средневекового города // Червонов С.Д. Испанский средневековый город. М.: б.и., 2005. С. 5–18.

⁶⁶ Формальным руководителем диссертации являлась Е.В. Гутнова. Однако и выбор темы, и повседневную работу с В.А. до самой своей смерти вел Сергей Дмитриевич.

⁶⁷ Кучумов В.А. Кортесы Арагона и Каталонии: генезис и специфика // Проблемы испанской истории. 1992. С. 146–159; Он же. Постоянные депутации арагонских и каталонских кортесов в XIII–XV вв. // Испания и Португалия. М., 1996. С. 21–39; Он же. Становление сословно-представительной монархии в Арагоне и Каталонии в 12–15 вв. /Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1990; Он же. Феодальная оппозиция внешнеполитическим планам Альфонсо X Кастильского (50–80-е годы XIII в.) // Господствующий класс феодальной Европы. М., 1988. С. 98–109.

Наиболее видной представительницей школы А.Р. Корсунского несомненно следует считать Ольгу Игоревну Варьяш (1946–2003). Несмотря на свою несправедливо раннюю смерть, она успела сделать очень и очень многое. Начав с исследований по аграрной истории Астуро-Леонского королевства, в дальнейшем она включила в сферу своих интересов широкий круг сюжетов — от истории средневекового права до истории средневековой культуры и педагогической мысли. Хотя начиная с 1980-х гг. О.И. работала в первую очередь как специалист по истории средневековой Португалии, она оставалась испанистом до конца жизни, написала десятки работ на эту тему⁶⁸ и подготовила целый ряд учеников, воспоминания которых об учителе собраны в третьей части посвященного ее памяти сборника «Historia animata»⁶⁹. Кроме того, материалы к биографии О.И. Варьяш (прежде всего — ее письма) включены в сборник «Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века» (2006 г.). Вступительную статью к сборнику, содержащему, среди прочего, очерки биографии О.И., написал хорошо знавший ее и относившийся к ней с искренним уважением П.Ю. Уваров⁷⁰.

В числе учеников О.И. на первое место следует поставить ее дочь, И.И. Шилову-Варьяш, Г.А. Попову и Г.С. Зеленину⁷¹. К числу ее учеников принадлежу и я, испытывающий к ней глубочайшую благодарность за согласие руководить моей дипломной работой после безвременной смерти С.Д. Червонова. Галина Александровна Попова, старший научный сотрудник ИВИ РАН, в своих научных занятиях продолжала традиции изучения мосарабов, заложенные М.Б. Карапас; именно этой тематике были посвящены ее кандидатская диссертация, защищенная в 2002 г. («Мосарабы Толедо: проблемы идентификации»), и ряд опубликованных в тот же период статей. С течением времени сфера интересов исследовательницы расширяется, частично включив историю вестготского времени и историю средневекового Королевства Толедо как средневекового территориального и политического комплекса. В значительной мере эти новые интересы отразились в написанных Г.А. Поповой, персонально или в соавторстве, главах первого тома «Истории Испании»; они посвящены таким

⁶⁸ Полный перечень трудов О.И. Варьяш см. в кн.: *Варьяш О.И. Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века /Сост. и отв. ред. И.И. Варьяш, Г.А. Попова / ИВИ РАН. М.: Наука, 2006.*

⁶⁹ *Historia animata. Сборник статей. Ч. 3 / Редкол.: И.И. Варьяш, Е.Н. Кириллова, Г.А. Попова. М.: ИВИ РАН, 2004.*

⁷⁰ Уваров П.Ю. Пунктир ненаписанной книги // *Варьяш О.И. Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века / Сост. и отв. ред. И.И. Варьяш, Г.А. Попова / ИВИ РАН. М.: Наука, 2006. С. 11–24.*

⁷¹ Еще одна известная ученица О.А., Е.Е. Бергер, занимается историей Испании Раннего Нового времени.

сюжетам, как история Вестготского королевства, история Астуро-Леонского королевства, история Леона и Кастилии в период Высокого Средневековья, и, разумеется, в очерке истории христиан-мосарабов в аль-Андалусе. Квалифицированный исследователь, помимо европейских языков, она владеет еще и арабским, необходимым для работы с мосарабскими материалами. Среди ее учеников — молодая исследовательница Мария Кирилловна Карапурова, выпускница РГГУ, защитившая диплом у автора этих строк и продолжающая под руководством Г.А. занятия политической историей Арагона эпохи Позднего Средневековья.

Галина Светлояровна Зеленина, выпускница РГГУ и аспирантуры ИВИ РАН, работает на стыке медиевистики и гебраистики. Она защитила диссертацию (2005 г.) и опубликовала по ее материалам ряд статей и книгу по истории восприятия крещеных евреев (конверсо) в христианском (прежде всего — придворном) обществе Кастилии и Леона на рубеже Средневековья и Раннего Нового времени⁷². В настоящее время сфера ее научных интересов весьма широка и распространяется на историю евреев разных периодов и регионов Европы; вместе с тем «испанской» проблематики она не оставляет, свидетельством чему явились написанные ею разделы по истории испанских евреев в первом томе «Истории Испании». Г.С. ведет активную преподавательскую деятельность. В настоящее время она является доцентом Центра библеистики и иудаики Российского государственного гуманитарного университета. Вне сомнения, молодую исследовательницу ждут значительные научные перспективы.

Ирина Игоревна Шилова-Варьящ, дочь О.И. Варьящ, продолжает многие из начинаний Ольги Игоревны. Она — признанный историк-испанист, доцент кафедры истории Средних веков Московского университета, специалист, работающий на стыке востоковедения и медиевистики. Ученница В.И. Уколовой, она, разумеется, испытала и влияние взглядов и научных интересов своей матери, с которой была необыкновенно близка до самой смерти О.И. Защитив диссертацию по теме «Право и правовое положение иноконфессионального населения в Испании XIII—XV вв. (на примере мудехаров Арагона)», она опубликовала на ее основе книгу «Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII—XV вв.» (М., 2001⁷³); еще ранее она выпустила в свет комментированный перевод своего главного источника — «Книги Сунны и Шары мавров», содержащей важные сведения по социальной и правовой

⁷² Зеленина Г.С. От скипетра Иуды к жезлу шута: придворные евреи в средневековой Испании / Институт всеобщей истории РАН. М.: Мосты культуры, 2008.

⁷³ В 2012 г. вышло второе издание книги. См.: Шилова-Варьящ И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании. М., 2012.

истории мусульманского меньшинства в Арагоне⁷⁴. Главной сферой научных интересов И.И. Шиловой-Варьяш остается история средневекового права, в том числе — мусульманского права христианской Испании. В этом смысле она органично продолжает дело, которым на протяжении многих лет занималась ее мать. На эти темы Ириной Игоревной опубликованы десятки статей⁷⁵.

Она ведет активную преподавательскую деятельность, прочла и читает целий ряд специальных общих и специальных курсов. Ею подготовлено 11 дипломников, в числе которых следует выделить Марию Владимировну Рыбину, в 2010 г. защитившую кандидатскую диссертацию по истории кордовских мучеников и опубликовавшую ряд статей на эту тему. В настоящее время она заведует кафедрой истории и политологии Московского государственного машиностроительного университета (МАМИ)⁷⁶. В числе аспирантов И.И. Шиловой-Варьяш, в настоящее время завершающих свои докторские исследования, следует назвать Марата Астахова, занимающегося историей взаимоотношений Арагона и Гранадского эмирата и написавшего ряд разделов в первом томе «Истории Испании», Дарью Софонову и будущего португалиста Александра Русанова.

В числе работ самой И.И. Варьяш последнего времени выделю подготовленные ею главы в первом томе «Истории Испании», посвященные истории Каталонии и Арагона, а также истории мусульманского меньшинства. Несомненно, однако, что ее роль в работе над этим фундаментальным трудом не ограничилась лишь этими главами. Во многом первый том «Истории Испании», вышедший в свет в 2012 г., стал памятником О.И. Варьяш, не только потому, что значительная часть материалов была написана представителями ее школы, но и потому, что в содержании труда ощущается значительное влияние ее концептуальных представлений.

Что касается самого автора этих строк, то в числе своих учителей я должен назвать С.Д. Червонова, О.И. Варьяш и особенно Владимира Ивановича Мажугу, с которым я работал наиболее долго и активно (и с которым продолжаю сотрудничать до сих пор). Сфера моих интересов связана с социальной, правовой и культурной историей Кастилии и Леона эпохи Высокого Средне-

⁷⁴ Книга Сунны и Шары мавров /Пер., коммент., вступ. ст. И.И. Шиловой-Варьяш. М., 1995.

⁷⁵ См. личную страницу И.И. Шиловой-Варьяш на портале Исторического факультета МГУ ([URL: http://www.hist.msu.ru/Departments/Medieval/Staff/Shilova-Varjash.htm](http://www.hist.msu.ru/Departments/Medieval/Staff/Shilova-Varjash.htm) (дата обращения: 16.01.2015)).

⁷⁶ Общие сведения о М.В. Рыбиной см. на портале МАМИ ([URL: http://mami.ru/new/index.php?id=277](http://mami.ru/new/index.php?id=277) (дата обращения: 16.01.2015)).

вековья; по этой теме мной опубликована монография⁷⁷; работать над ней я продолжаю и теперь. Кроме того, начиная с 2005 г. я довольно много работаю над проблемами политической и церковной истории, а также истории права Тулузского и Толедского королевств вестготов; здесь главным результатом стала публикация осуществленного под моим руководством русского перевода «Книги приговоров» («Вестготской правды») в 2012 г.⁷⁸

Ни один из моих проектов — ни прошлых, ни нынешних, — не мог бы успешно завершиться без участия моих учеников, чью помощь и поддержку я ощущаю постоянно и которым очень многим обязан. Не все из них избрали испанистику сферой своих занятий, не все сумели удержаться в науке в наше непростое время. Из тех, кто сумел преодолеть все испытания и доказать свое право на занятие историей средневековой Испании, в первую очередь, выделяю Александра Владимировича Марея и Любовь Витальевну Чернин. А.В. Марей, позднее защитивший диссертацию под руководством видного современного юриста-романиста Д.В. Дождева, — один из лучших специалистов по истории права Кастилии и Леона в период правления Альфонсо X Мудрого, работающих за пределами Испании. Давно уже являющийся самостоятельным исследователем, работы которого известны испанским коллегам и признаны ими, он плодотворно работает в Высшей школе экономики. Его перу принадлежат монография, написанная по материалам кандидатской диссертации⁷⁹, и десятки статей, проблематика которых охватывает сюжеты от Позднего Рима до философии и культуры Испании эпохи Раннего Нового времени⁸⁰.

Л.В. Чернин, работающая одновременно в Израиле и в России, представила диссертацию на соискание степени PhD Ерейского университета в Иерусалиме. Она — компетентный специалист в области истории испанских евреев, прежде всего — вестготского времени, опубликовала ряд исследований на эту тему, в том числе — на испанском языке⁸¹. Блестящий переводчик с

⁷⁷ Ауроб О.В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII — середине XIV в. М.: ИЦ РГТУ, 2012.

⁷⁸ Вестготская правда (Книга приговоров). Lex Visigothorum (Liber Iudiciorum). М.: Изд-во ун-та им. Дмитрия Пожарского, 2012.

⁷⁹ Марей А.В. Язык права средневековой Испании: от законов XII Таблиц до Семи Партий. М: УРСС, 2008.

⁸⁰ См. страницу А.В. Марея на сайте НИУ ВШЭ ([URL: http://www.hse.ru/org/persons/35436457](http://www.hse.ru/org/persons/35436457) (дата обращения: 16.01.2015)).

⁸¹ Чернин А.В. Инструментарий Ранней Схоластики: пример Петра Альфонси // Кентавр/Centaurus: Studia classica et medievalia. Вып. 1. М., 2004. С. 161–178; Чернин А.В. Интерес к иудаизму и иудейской учености в Ранней Схоластике (Петр Альфонси и Петр Абелляр) // Вестник Ерейского университета в Москве. 2004. № 9(27). С. 9–28; Чернин А.В. Иудейский мессия глазами христианских полемистов: несколько примеров эпохи Высокого Средневековья //Кентавр/Centaurus: Studia classica et medievalia. Вып. 2.

латинского и кастильского языков, она участвовала и участвует в целом ряде проектов по переводу средневековых текстов. Как исследователь, переводчик и талантливый редактор она пользуется заслуженным уважением коллег.

Далеко не последнее место в этом ряду занимает также Елена Сергеевна Марей, о которой говорилось выше. Квалифицированный специалист по истории культуры вестготской Испании, она делает первые — и весьма успешные — шаги как самостоятельный исследователь.

* * *

Представители среднего и младшего поколения российских испанистов вошли в науку в непростых условиях переломной эпохи. 1990–2000-е гг. стали жестокой проверкой на прочность убеждений и верность науке. То, сколь многие смогли преодолеть эти испытания, говорит о прочности позиций российской школы испанистики как в отечественной, так и (теперь уже) мировой науке. И хочется верить, что это — только начало большого пути.

М., 2006. С. 146–157; Чернин А.В. Экономические причины аниудейской политики в Вестготском королевстве VI–VII вв. // Вестник Еврейского университета в Москве. 2008. № 12. С. 13–31; Чернин А.В. ‘Non gente sed fide Judaeus’ и ‘fide et gente Hebraeus’: к проблеме отступничества в аль-Андалусе IX в. // Кентавр/ Centaurus: Studia classica et medievalia. Вып. 5. М., 2008. С. 136–152; Chernin L. «Quod fidei plenitudine fines semper Spaniae floruerunt...» Egica and the Jews // Sefarad. 2009. Р. 7–24; Чернин А.В. «Послание Севера Меноркского: социальный конфликт в зеркале литературы «чудес» // Научные труды по иудаике: Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. 1. М.: Sefer, 2010. С. 82–98; Chernin L. Social conflict in the literature of miracles: Epistle of Severus, bishop of Menorca // Hispania Judaica. 2012. N. 9 (на иврите).

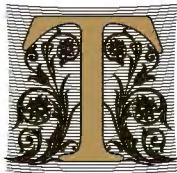
Ключевые слова:

Испания, Россия, Средние века, медиевистика, историография, история идей, Леон, Кастилия, В.К. Пискорский, А.Р. Корсунский

Oleg V. Aurov

STUDIES IN MEDIEVAL HISPANIC HISTORY IN RUSSIA AND IN THE USSR

Persons, epochs, ideas

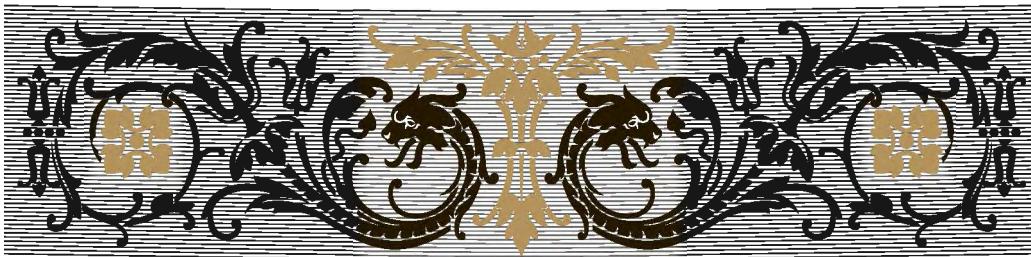

The article is devoted to explore the main periods of studies in medieval Hispanic history in Russia and in the USSR. The text contains characteristics of biographies and scholarly activities of the prominent Russian and Soviet specialists in medieval Hispanic history like Vladimir Piskorsky, Alexander Korsunsky, Olga Variash and others.

The contemporary situation is analyzed. The perspectives of scholarly activity are presented.

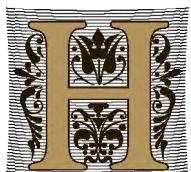
Ауров Олег Валентинович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС
(Москва, Россия)

Г.В. Савенко

ПАМЯТИ Н.П. ДЕНИСЕНКО

Николай Петрович Денисенко (19.10.1941 — 28.01.2007) — выпускник исторического факультета ЛГУ им. Жданова. В аспирантуре ИВИ АН СССР под руководством профессора Чистозвонова он подготовил кандидатскую диссертацию «Аграрный строй Кастилии XVI в.», которую защитил в 1980 г. До 1977 г. работал в Красноярском педагогическом институте, а также переводчиком на Кубе. После образования Ивановского государственного университета Н.П. Денисенко в 1977 г. был приглашен для преподавания, в котором проработал до 1998 г. на кафедре Древнего мира и Средних веков сначала в должности старшего преподавателя, а затем доцента. Некоторое время даже возглавлял кафедру.

На истфаке ИвГУ Н.П. Денисенко запомнился всем нам как замечательный педагог и в высшей степени доброжелательный человек, не жалевший своего внимания и сил для работы со студентами. Его спецкурсы по истории королевства Кастилии, а также семинары по истории Средних веков, не говоря уже об индивидуальной работе со студентами, заставляли чувствовать себя сопричастным к решению серьезных научных проблем. Простота в общении, моментальное снятие каких-либо коммуникативных барьеров позволяют думать, что Николай Петрович

был и талантливым психологом. Да и в целом на истфаке ИвГУ Н.П. Денисенко держался независимо, пользуясь большим уважением среди преподавательского коллектива. Своим коллегам-медиевистам Н. П. Денисенко был также известен как вдумчивый и справедливый критик и оппонент. Так, например, он был вторым оппонентом на защите диссертаций С.Д. Червонова, В.А. Кучумова и С.Т. Минакова. Николай Петрович очень сожалел, что судьбы этих ученых сложились непросто, а то и трагически.

Научные интересы Н.П. Денисенко не ограничивались только рамками XV–XVI вв. и только проблемами аграрной истории или вопросами складывания абсолютной монархии. Из списка его публикаций можно увидеть, что на страницах межвузовских сборников и ежегодника «Средние века» с 1972 г. появлялись его статьи о гранадских морисках, кастильских эрмандах (союзах городов), духовно-рыцарских орденах, об испанских университетах. Своим студентам Н.П. Денисенко рекомендовал обращать внимание и на правовые сюжеты. Известно, например, что две его студентки в середине 80-х гг. XX в. написали и успешно защитили дипломные работы по таким институтам в Старом Фуэро Кастилии (1356 г.), как залог и поручительство. В этом студентам помогало небольшое пособие «Испанское общество в XIII–XIV вв.» (Иваново, 1982), в котором Н. П. Денисенко впервые в СССР перевел отдельные статьи фуэро Теруэля (1177) — одного из самых известных испанских городских судебников, Старого Фуэро Кастилии 1356 г., полностью фуэро городка Тревиньо 1254 г., целый ряд привилегий Альфонсо X городам и крепостям центра и юга королевства Кастилии. Вообще же Николай Петрович считал, что советская наука, да и отечественная испанистика недооценивают юридическую составляющую жизни испанского общества, значение римского правового наследия в истории Кастилии. Появление работ С.Д. Червонова, а затем и его диссертации Николай Петрович воспринял как настоящий прорыв и очень сожалел о том (да и лично говорил об этом С.Д. Червонову), что тот не подготовил специальное приложение к своей диссертации с переводом текстов фуэро. Вряд ли случайным можно назвать тот факт, что два единственных аспиранта Николая Петровича (Г. Савенко и А. Павлов) защитили впоследствии в Москве и Санкт-Петербурге диссертации по истории права и им были присвоены ученые степени кандидатов юридических наук; явление не совсем обычное, если учесть, какие административные барьеры разделяют до сих пор историческую и юридическую специальности и соответственно докторские советы. Это еще раз подчеркивает глубокие и разносторонние знания Николая Пе-

тровича по истории кастильского общества и его умение, педагогический талант передать их другим. Он часто повторял своим ученикам, что они должны работать так, чтобы «не было стыдно перед европейцами».

Последний мой разговор по телефону с Николаем Петровичем состоялся за несколько дней до его ухода из жизни. На одну мою реплику он с азартом стал говорить о процессе распада в Кастилии крупных городских альфосов (округов) в XIII в., которые у них появились после колонизации центральной Испании, о резком увеличении количества поселений, о появлении у сельских поселений органов самоуправления, о стремлении их закрепить свой статус, путем получения у короля привилегии или фуэро или же путем их фальсификации (например, Амайя, 1285 г.). И эта беседа, и все предыдущие заставляют думать, что Николай Петрович — глубокий и оригинальный ученый — не реализовал до конца свой талант и свои возможности; уход его из науки произошел формально и вынужденно. Его угнетало то, что в 1990-х гг. Ивановский университет и государство практически полностью отказали преподавателям в какой-либо помощи, в стажировках в московские и питерские библиотеки. Не меньшее его удручало и то обстоятельство, что исторический факультет ИвГУ скатывался, по его словам, к уровню педвуза, а научные исследования при этом «мельчали». Он неоднократно сетовал на «вымывание» с кафедры Древнего мира и Средних веков позитивной истории и увлечение проблемами ментальности, общественной психологии, которые с подачи московских коллег с конца 80-х гг. XX в. стали в провинциальных вузах весьма популярными. Возможно, Николай Петрович относился слишком сурово к себе и так же сурово оценивал других коллег-историков.

Справедливости ради стоит сказать, что Н.П. Денисенко выступал также резко против «однобокого», по его словам, увлечения историков правовыми сюжетами и утраты исторического содержания в исследовании. Он возражал против сведения исторического исследования к абстрактным правовым конструкциям. Например, его настораживало мое увлечение испанскими историками права, которые издавали и комментировали испанские средневековые нормативные источники. На этой почве у нас с ним возникали не просто разногласия, но даже острые конфликты. Большого труда стоило убедить его в том, что базой историко-правовых исследований является именно история Средних веков, а внешний «перекос» в сторону правовых сюжетов — не что иное, как своего рода компенсация за долгое игнорирование в нашей науке роли институтов права в жизни средневекового общества. Николай Петрович также предостерегал еще от одной крайности — от чрезмерного увлече-

ния историей отдельных институтов (приводя в качестве примера исследования крупного испанского ученого Луиса-Гарсии де Вальдеавельяно), подчеркивая, что объектом изучения историка являются факты, их совокупность, материальная, так сказать, составляющая нашей жизни.

Несмотря на то, что в 1998–2007 гг. Николай Петрович, по его собственным заявлениям, и расстался с наукой, и просил «не втягивать» его в научные дискуссии, тем не менее он не оставлял своих учеников без доброго совета. Так, например, он проявил живой интерес к переводу судебников Куэнки и Сепульведы, которым я занимался в 2002–2004 гг. Помимо долгих разговоров по телефону он внимательно просматривал присланные ему фрагменты переводов с приложением оригинального текста и возвращал со своими пометками и комментариями. Споры с ним по поводу тех или иных вариантов перевода были иногда весьма острыми. В итоге он вычитал полностью перевод судебника Сепульведы 1300 г., хотя и не со всем предложенным Николаем Петровичем пришлось согласиться. Он смог также просмотреть часть перевода судебника Куэнки и некоторые к нему комментарии. Так что рождение в 2004 г. русских текстов судебников без живого участия Николая Петровича могло и не состояться и является, по сути, «ответным даром», искренней благодарностью дорогому Учителю.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н.П. ДЕНИСЕНКО

Составил Г.В. Савенко

Денисенко Н.П. Некоторые вопросы хозяйственного уровня Кастильской деревни второй половины XVI в. // Вопросы всеобщей истории / Красноярский пединститут. 1972. Вып. 2. С. 59–81.

Он же. Проблемы аграрной истории Испании XVI в. в зарубежной буржуазной историографии // Средние века. Вып. 39. 1975. С. 210–224.

Он же. Отчуждение селений и земель королевской властью в XVI в. // Средние века. Вып. 40. 1976. С. 172–183.

Он же. Аграрный строй Кастилии в XVI в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978. С. 48.

Он же. Генеральные Эрмандады в XIII—XV вв. (социальный состав и роль в централизации) // Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М., 1979.

Он же. Рец. на La economía agraria en la historia de España. Explotación, Commercialización, Rentas. Madrid, 1979. Аграрная экономика в Испанской истории. Собственность, формы эксплуатации, торговля, ренты. Мадрид, 1979 // Средние века. Вып. 47. 1984. С. 354—358.

Денисенко Н.П., Штэкли А.Э. А.Н. Чистозвонов как историк // Средние века. Вып. 47. 1984. С. 274—281.

Он же. Кастильская деревня в XVI в. (К характеристике развития производственных сил) // Средние века. Вып. 48. 1985. С. 125—140.

Он же. Испанский абсолютизм и гранадские мориски (1492—1571) // Проблемы истории Западной Европы развитого и позднего феодализма. Иваново, 1986. С. 143—155.

Он же. Испанская корона и крестьянство в XVI в. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М.: ИВИ РАН, 1987. С. 230—241.

Он же. Проблемы бедности в трактате испанского гуманиста Хуана Луиса Вивеса «О вспомоществовании бедным» // Возрождение: общественно-политическая мысль, философия, наука. Иваново, 1988. С. 90—101.

Он же. Проблемы медиевистики в испанском историческом журнале // Средние века. Вып. 51. 1988. С. 167—180.

Денисенко Н.П., Кузнецова С.В. Налоговая реформа в Кастилии в 1480—1483 гг. // Проблемы истории западноевропейского феодализма: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1989. С. 79—89.

Денисенко Н.П. Испанские университеты в XIII—XV вв. // Университеты Западной Европы. Средние века, Возрождение, Просвещение. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1990. С. 95—104.

Он же. Испанская монархия в последней трети XV — начале XVI века. Иваново, 1991.

Он же. Испанские военные ордена Сантьяго и Калатрава в XV — нач. XVI века // Латинская Америка в исторической ретроспективе XVI—XIX вв.: Материалы Всесоюзной конференции. Москва, 14—16 мая 1990 г./ РАН. ИВИ. Центр латиноамер. исслед. М., 1994. С. 115—127.

Публикации источников (переводы)

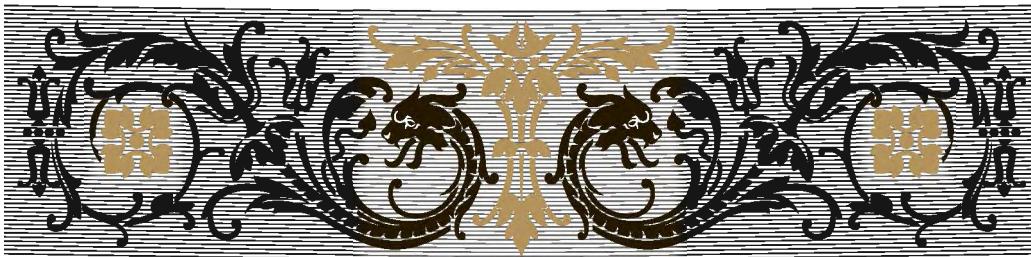
Испанское общество в XIII—XIV вв. (методические указания и материалы к специальному семинару для студентов исторического факультета). Иваново, 1982.

Завещание Изабеллы Кастильской (1451—1504) / Пер. и комм. Н. П. Денисенко // Европа и Америка на перекрестке эпох. Межвуз. сб. Иваново, 1992. С. 113—145.

Хуан Луис Вивес и его трактат «О вспомоществовании бедным» / Публ. Н.П. Денисенко // Возрождение: гуманизм, образование, искусство. Иваново, 1994. С. 127—139.

 Савенко Георгий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент Ивановского государственного университета (Иваново, Россия)

И.В. Ершова

ВЕЛИЧИЕ МЫСЛИ И ДЕЛА: КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ АЛЬФОНСО X МУДРОГО

Márquez Villanueva Fr. El concepto cultural Alfonsí
Toledo, 2004. 313 p.

амо название этой книги выделяет ее из обширнейшей литературы об Альфонсо Мудром — речь идет о попытке вычленить, осмыслить и сформулировать ту концепцию культуры, которой совершенно осознанно и целенаправленно руководствовался в своих действиях кастильский monarch.

Фундаментальность книги филолога-испаниста Маркеса Вильянуэвы в значительной мере вызвана как поставленной им задачей, так и избранной им методологией ее решения. Последнее, в свою очередь, теснейшим образом связано с его научными ориентирами и учителями.

Франсиско Маркес Вильянуэва (1931–2013), ученый с мировым именем, гарвардский профессор, крупнейший специалист по культуре и литературе Средних веков и Возрождения, автор 29 монографий, начинал свои научные занятия в университете Севильи студентом, а затем и ассистентом прославленного медиевиста Ф. Лопеса Эстрады. Однако сразу после блестящей защиты диссертации о поэте-конверсо XV в. Хуане Альваресе Гато он вынужден был оставить университет и уйти в добровольное изгнание (1959), чтобы уберечь от репрессий своего научного руководителя; тогдашний ректор пригрозил Лопесу Эстраде увольнением, если он даст должность на своей кафедре молодому ученому. Изгнание затянулось на всю жизнь, препо-

давать в Севилью Маркес Вильянуэва не вернулся, как он сам говорил, «ни при франкистах, ни при демократах». Более чем успешная научная карьера в Америке и непререкаемый авторитет среди испанистов всего мира оказались недостаточным основанием для университетов Испании предложить место профессору-изгнаннику. Причина, как кажется, лежит в его главной теме и области научных занятий — литература и культура Испании на стыке существования и взаимодействия трех культурных традиций, христианской, еврейской и арабской. Ученик и приверженец идей филолога и культуролога Америко Кастро в его споре о «проблеме Испании» и национальной идентичности с историком Клаудио Санчесом-Альборносом, Маркес Вильянуэва вобрал в себя не только идеи своего учителя, но и его «историологический» метод исследования, своего рода междисциплинарную герменевтику, рассуждение от текста через историю, социологию, историю идей, политику к выводам общекультурного, парадигматического порядка.

Книга «Концепция культуры Альфонсо X», вышедшая в 1994 г., дополненная автором и переизданная в расширенном виде в 2004 г., почти сразу стала хрестоматийным текстом для исследователей Альфонсовой эпохи. По словам американского лингвиста, этнографа, испаниста Самуэля Дж. Армистеда, сказанным об этой книге, «есть труды, которые являются чем-то большим, чем просто книги». Ее особая роль выражалась не только в постановке и решении самой проблемы, но и в определении научных перспектив для целого поколения исследователей, занимающихся этой проблематикой. Огромный и тщательный научный аппарат книги позволил ее автору концептуально осмыслить культурную стратегию Альфонсо Мудрого и почти по пунктам расписать область лакун и возможных тем последующих изысканий.

У этой книги есть еще одна удивительная особенность — при непрерывной опоре на конкретные тексты и труды самого Альфонсо, она вся словно бы состоит из выводов и наблюдений самого общего историко-культурного свойства, исторических параллелей, социологических выкладок, которые шаг за шаг вырисовывают удивительно стройную и структурированную картину культурных ориентиров и задач Альфонсо X. Не случайно у книги, по сути, нет заключения. Главная мысль сформулирована сразу, во введении к книге, именно она движет всем дальнейшим ходом исследования, и каждая следующая часть текста ясно и продуманно надстраивает следующий этаж рассуждений и выводов. Сам автор настаивает на том, что отнюдь не вводит новый материал, более того, все факты и тексты, приводимые в ней, известны (хотя и не все изучены в полной мере), его же задача прояснить некоторые сущностные вопросы, подчеркнуть роль и оценку «восточного»

компонента, не умаляя остального, достроить «незаконченную картину» некоторыми фундаментальными положениями.

Маркес Вильянуэва объясняет появление этой книги тем, что «нельзя двигаться дальше, не прояснив главного», понимаемого им как серьезный разговор о событиях, обстоятельствах и условиях, определивших не только облик испанской культуры в Средние века, но и отразившихся в ее судьбе вплоть до нынешнего дня. Генезис «сущности Испании» он усматривает в трудах и делах ученейшего из испанских монархов, Альфонсо X Мудрого (1222–1284), сравнимого по своей роли и личностной значимости с Генрихом II Плантагенетом и Фридрихом II Штауфеном, а по масштабу задач отчасти превосходящего их. Собрание сочинений Альфонсо X уникально не только своим объемом, но также в силу своего основополагающего и стратегического характера для культуры. Культурный проект испанского короля, «не имеющий параллелей в христианском мире» Запада, оказывается важен не суммированием предыдущего опыта, но своей устремленностью в будущее. «Концепция культуры» Альфонсо, по мнению исследователя, опирается на идею последовательной секуляризации знания, заимствованной им у знаменитой Толедской школы переводчиков, цель существования которой заключалась в передаче христианскому западу арабских книг, сcretоточия самого передового научного знания той эпохи и где особую роль играли евреи-переводчики, переводившие на латынь арабские учёные труды. Описывая взаимодействие трех языков и культур в эпоху Альфонсо X, ставшее основой его культурной политики, Маркес Вильянуэва использует термин *«mudejarismo»*, понимая под ним обширный процесс культурной гибридизации, взаимного окультуривания, где элементы западноевропейского мира смешиваются с элементами мира восточного, определяя тем самым особый характер развития мысли, литературы, институций, политики.

Цель книги, по словам автора, объяснить, что достижения Альфонсовой эпохи представляют собой не просто естественный результат средневекового «возрождения» XII в., не имевшего столько яркой выраженности на Пиренеях в силу ее особых обстоятельств, и не следствие «национальной мечты» в ее современной трактовке, а результат осмысленной и продуманной политики конкретного человека, его ясного и основательного видения происходящего, внимательного и тщательного анализа реального положения дел. Политика эта опередила свое время лет на сто и была не вполне понята даже ближайшими потомками испанского короля (в частности его сыном Санчо IV).

Начиная свой разговор о концепции культуры Альфонса Мудрого, Маркес Вильянуэва призывает учитывать социологию повседневной жизни кастильского мира Альфонсовой эпохи, в частности, особенности ежедневной

практики общения трех общественных групп — христиан, евреев и мусульман. Речь не идет о «мирном существовании» вер в современном смысле этого понятия, всё, безусловно, было подчинено христианской власти, ее законам и институтам. Однако именно повседневная реальность (а не умозрительный культурный эксперимент или утопическая идея), заключающаяся в сосуществовании трех народов и общности их разговорного языка, вызвала к жизни обширный культурный проект Альфонсо X.

Конечно, важнейшей в его формировании оказывается сама личность короля-магистра, короля-ученого (глава «El Rex Magister»), человека редкой образованности и обширнейших познаний. Его роль — это не роль мецената и покровителя искусств, собирателя книг и коллекционера. Он не библиофил, а исследователь, не любитель учености, а знаток и мудрец, желающий распространения, передачи и обучения знанию для своих подданных. Стремление и воля Альфонсо X к обновлению носили всеобщий и политически мотивированный характер; его культурная концепция тем самым была не абстрактным идеальным горизонтом, к которому надлежало стремиться, но, согласно выводам Маркеса Вильянуэвы, была целью осознанной и прагматической (глава «Политическая концепция культуры»). Именно таким способом, как полагал Альфонсо X, мог монарх приумножить славу предков и совершенствовать собственную роль правителя — эта мысль будет ясно осмыслена и четко сформулирована в созданном по его началом своде законов «Семь частей». Для Альфонсо власть и культура суть понятия синонимичные. Осознающий свою ответственность перед народом и свою культурную миссию, монарх превратил ее в политическую стратегию, став не только монархом, но и учителем для всего общества. Его понятие «тела народа», выведенное за пределы традиционного средневекового членения, отсылает ко всему обществу в целом, к каждому отдельному человеку (*отне qualesquier*), утверждая, вслед за Аристотелем, столь почитаемым монархом, естественное право народа на осознание своей «природы». Культуртрегерская программа Альфонсо X обращена к среднему человеку, и взгляд этот в значительной мере был заимствован монархом, по мнению автора монографии, из тогдашней арабской культуры.

Обращаясь к среднему человеку, Альфонсо осознанно выбирает и «средний» язык, понятный всем и каждому. Из трех доступных языков — латынь (язык церкви и документа), арабский (язык литературы и мудрости) и кастильский (язык бытового общения) — он выбирает последний как всеобщий для всех народов, населяющих его земли, и свободный от закрепленных за ним функций (глава «Освящение народного языка»). Именно кастильскому языку (*castellano*) предстоит стать ключевым элементом интеллектуальной реформы Альфонсо Мудрого. При этом если само преобладание кастиль-

ского в качестве разговорного — это процесс естественный и спонтанный, то желание вытеснить им латинский — осознанный. В XIII в. только в Кастилии народный язык полноценно вторгся в область права и государственных бумаг. В главе о выборе языка, как и на протяжении всей своей книги, Маркес Вильянуэва не раз подчеркивает особую нагрузку кастильского в представлении испанского монарха — вытеснить и заменить латынь, секуляризировав тем самым культурное поле, сделать кастильский в первую очередь языком светского знания. В ситуации трехглоссии выбор кастильского, с одной стороны, подчеркивал западную ориентацию Испании, а с другой — свидетельствовал о выборе особого пути, открывая дорогу для арабской мысли и знания. Коротко и очень деликатно вклиниваясь в спор Кастро и Санчеса Альборноса (глава «Полемика Кастро-Альборнос») по вопросу о статусе *alfonsí*, Маркес Вильянуэва отстаивает тезис о целенаправленном выборе кастильского как всеобщего языка трех народов для культурных целей Альфонсо.

Выбор кастильского стал и своего рода реакцией на закат латинского в Кастилии и Леоне (главы «О проблеме культурного наследия», «Перед латинским наследием»). Эти области Испании совсем не знали того расцвета латинской культуры, который обозначается как «латинский ренессанс XII века»; число созданных здесь в это время литературных памятников на латыни ничтожно мало по сравнению, скажем, с соседней Францией, как нет и фигур, сопоставимых по масштабу, например, с Иоанном Солсбериjsким. Слабая латынь и узость ее применения, ограниченная преимущественно клерикальной сферой, во многом определили уверенность Альфонсо в неспособности латыни соответствовать его новым целям и задачам. Маркес Вильянуэва высказывает мысль о том, что и сам Альфонсо знал латинских авторов куда хуже, чем арабских. Даже латинская патристика представлена у него в основном именами святого Иеронима и Блаженного Августина, позже, в «Семи Партидах», начинает звучать голос Исидора Севильского, хотя меру его присутствия и влияния еще предстоит оценить. Более всего об этом свидетельствуют собственные труды Альфонсо: латинские источники в них ограничены и конкретны, а арабское влияние обширно и многослойно — от исповедальных интонаций в «Кантигах», проникших из арабской поэзии (глава «Альфонсо-литератор»), до астрономических и астрологических трудов, отразившихся в базовом для европейской культуры докоперниковой поры труде «Альфонсовы таблицы».

Выбор кастильского определял и новые задачи: создание языка истории, права, науки и политики. Для поэзии готовый язык уже существовал (галисийско-португальский), король сам сочинял на нем песнопения в честь Девы Марии и песни «хулы и насмешки», при этом интересно, что обожавший поэзию

и музыку Альфонсо не особенно заботился о развитии поэзии и всего того, что можно обозначить как «вымыщенное повествование» (*ficción narrativa*). Почти не интересовала его и философия как таковая. Следует, кстати, помнить, что наиболее авторитетным языком философии на Пиренейском полуострове того времени был арабский (именно на нем будет изначально писать почти все свои сочинения его современник Рамон Льюль, настаивавший на необходимости обязательного изучения арабского в школе).

Альфонсо язык нужен для других целей и для другого рода словесности — научной, исторической и правовой прозы, то есть всего того, что должно выполнить главную цель монарха-просветителя — учить и образовывать свой народ. Праобраз этой модели в ее практическом воплощении он находит в работе еврейских переводчиков Толедо (глава «Толедский культурный идеал»). Оглядываясь на предысторию, Маркес Вильянуэва всячески подчеркивает особую роль переводческой традиции и еврейских переводчиков, в том числе и в истории развития и становления кастильского как языка распространения знания. Особая техника перевода (кастильский как устный посредник между письменным арабским и письменным латинским), принятая в Толедских школах (в отличие от остальных европейских стран), по сути подготовила работу по выработке письменной нормы кастильского, предпринятую Альфонсо Мудрым (глава «Мир переводов»). Устная традиция должна была получить письменное закрепление, но без этой латентной, долгой подготовительной фазы создать так быстро письменный язык было бы невозможно (уже начало «Истории Испании» свидетельствует о «готовом» языке).

Под руководством Альфонсо принятymi и востребованными становятся переводы на кастильский, тогда как латинские переводы составляют лишь редкое исключение из правил. Результатом этого, по мнению ученого, стала некоторая обособленность пиренейской научной, исторической, политico-правовой мысли, незначительно повлиявшей на европейское ментальное пространство. Так, перевод «Семи Партид» на латинский мог бы изменить политические и правовые ориентиры Европы. Если же латинские переводы, как побочный результат обширной работы в переводческих мастерских Альфонсо, все же случались, то резонанс оказывался удивительным и мощным (глава «Побочные переводы»); в качестве примера Маркес Вильянуэва приводит судьбу «Книги о лестнице Магомета», одного из возможных источников «Божественной комедии» Данте, учебника по практической магии, астрологии и талисманам «Пикатрикс» и знаменитых астрологических «Альфонсовых таблиц». Автор справедливо сетует на то, что полный «*corpus alfonsí*», включающий перечень всех трудов, переведенных с арабского и еврейского в Толедской школе переводчиков по указанию ученого короля, еще ждет

своего исследователя, тогда как масштаб осуществленной работы потрясает. Именно эта часть культурной политики Альфонсо в полной мере отражает весь спектр интересов и направлений мысли короля-ученого.

При этом Альфонсо отнюдь не балансировал на границе между христианским миром и арабо-иудейским. Он всегда остается в христианском поле веры, но его главный интерес ученого и учителя сосредоточен не на вере, которой он не касается (не случайно в его окружении и среди его сподвижников почти нет ни одного крупного религиозного деятеля) и языке которой он отверг (глава «Выход Альфонсо за пределы церковной культуры»). Выбрав однажды и ни разу потом не усомнившись в избранном пути, он сосредоточивает все свои силы на универсальной природе человеческого знания и на желании его всячески приумножить. Иудео-мусульманская культура и наука давали ему возможность утолить этот интерес (глава «Мавры и евреи»). Его влечет не метафизика космоса, но метафизика «природы» и человека. Арабская культура дала ему и модель школы, которая должна была вне стен церкви, в пространстве, свободном от влияния веры, сосредоточиться на делах науки. «Мудехаризм» как важнейшее синтетическое свойство его культурной концепции, по мнению Маркеса Вильянуэвы, неотделим от направленной секуляризации мысли, предпринятой Альфонсо X.

Избрав язык, определив свои культурные ориентиры и задачи, Альфонсо Мудрый принялся за систематическую работу по созданию испанской прозы, «отправив в путь великий язык культуры». Это работа не столько по созданию собственного литературного творчества, работы писателя, хотя было и это (глава «Король-писатель»), сколько гораздо более сложная и многомерная работа издателя, идеолога, редактора, переводчика. Он сам разработал и принципы перевода (следуя преимущественно стратегии перевода *de verbo ad verbum*), сам отбирал тексты для перевода и определял состав источников для исторических и правовых сочинений, просматривал и редактировал их, придавая всему необходимую смысловую цельность.

Такой была работа над историческими сочинениями (глава «Историография Альфонсо. Ориентиры»), радикально переориентировавшая историографическую традицию латинских хроник. С 1250 г. и до конца своих дней он работает над созданием сначала «Истории Испании», а затем и «Всеобщей истории». Его интересует не хроника событий, правлений, а история произошедшего, рассказ о мотивах, причинах и результатах. По мнению Маркеса Вильянуэвы, Альфонсо решительно рвет с традицией Исидора Севильского, уходит от провиденциалистской концепции истории, трактуя мифологические и даже библейские события сугубо эвгемеристически. Его главная забота — идея светской власти, опору которой он ищет в нацио-

нальной истории, следуя и существенно расширяя границы, очерченные недавней латинской историографией Луки Туйского и Родриго Хименеса де Рады. Его читатель и слушатель — все население его земель, все населявшие их народы, потому и круг источников включает и латинскую, и арабскую историографию (глава «Новое искусство истории»). Вдохновленный «суммами» схоластов и опытом арабских хронистов, Альфонсо всегда изучает и использует разные источники в рассказе об одном и том же событии. Его история призвана учить, наставлять и увлекать своим рассказом, именно это во многом определило почти художественный язык Альфонсовой прозы.

Идея обучения, явно заложенная в историографии, дает Маркесу Вильянуэве повод затронуть еще один аспект культурной программы Альфонсо X. Речь заходит об образовании, о поощрении университетского образования (глава «Университетская политика») и создании школ, об Альфонсовом патронаже Саламанкского университета, о создании двенадцати кафедр и присвоении ему имени «университет» в указе об основании от 2 мая 1254 г. В этом самом указе ясно видна ориентация не на теологические штудии, а на юридические науки.

Важнейшей идеей Альфонсо была, как пишет ученый, также задача сохранения и приумножения традиции арабского преподавания, выражавшаяся в создании школ в Севилье и Мурсии (глава «Продолжение арабского преподавания») и поощрении самого духа арабской учености. Сохранение арабских медресе (а в Арагоне они будут существовать еще и на протяжении всего XV в.), избранная им политика протектората на арабских землях имели для Альфонсо Мудрого, согласно автору книги, сугубо практические причины. Отвечая на вопросы, зачем было сохранять школы и «estudios de arávico», Маркес Вильянуэва предполагает, что Альфонсо X полагал, что только таким путем можно сохранить не только систему обучения евреев и мусульман, но только так могут продолжить свое существование и развитие естественные науки (математика, физика, астрономия и даже менее важная для него медицина), то есть все науки о «природе вещей», которые Альфонсо хотел включить в круг знаний своих современников (глава «Научные труды»).

И вновь в поисках истока идей Альфонсо об образовании Маркес Вильянуэва возвращается к «толедской модели» (глава «Школа переводчиков, еще раз»), где с давних пор взаимодействовали латинская ученость и арабская наука, которой обучались в индивидуальных школах (вне и помимо церкви) и мавры, и иудеи, и христиане. Эти неофициальные «толедские университеты», о которых мы знаем по рассказам Даниэля де Морли, Виргилия Кордобского, Херардо де Кремона и других, подсказали ученому монарху оптимальный путь передачи знания.

Интерес Альфонсо X к естественным наукам, а именно к магии и астрологии, бывшим, по сути, одним из вариантов натурфилософии, о котором Маркес Вильянуэва пишет в главе «Астрология, магия и гадание», во многом опережал свое время (их расцвет в Европе придется на эпоху Возрождения). От увлечения монарха натурфилософией фокус повествования естественным образом (астрологические занятия в Средние века были неотъемлемой частью аристотелевской космологии) смещается к самому сложному и вместе с тем самому важному для исследователя утверждению.

Речь идет о философских основах культурного проекта Альфонсо Мудрого, где особая роль отводится им Аристотелю, ценимому испанским монархом очень высоко. Упоминания о нем неоднократно возникают на страницах «Семи частей» и других его сочинений. И снова возникает идея синкретизма классического и восточного: источником культурной концепции Альфонсо X оказываются как положения самого Аристотеля, так и идеи, развиваемые арабо-иудейскими комментариями аристотелевских трудов Аверроэса и Маймонида. Важнейшей для Альфонса среди прочих идей Аристотеля становится мысль о естественном желании человека обретать знание («слышать и узнавать о новых вещах» — *«oír, et saber cosas nuevas»*, Part. I, 1,19). Это «новое» для Альфонса составляло, в том числе, и рациональный и трезвый взгляд на традиционные темы и предметы, например, библейские сюжеты. По словам Маркеса Вильянуэва, «сама идея знания как высшего показателя совершенства человека, в совершенной независимости от национальной принадлежности и религии, обязана своим происхождением самому радикальному аристотелизму» (р. 215). Под влиянием именно этих аристотелевских идей формируется положение Маймонида о Государстве как организованном обществе, которое должно обеспечить человеку не только физическую включенность и здоровье, но и его потребности в интеллектуальном и моральном порядке. Не менее близкой и ключевой для Альфонсо должна была быть и мысль Аверроэса об «обучающем государстве», центром которого становится фигура просвещенного правителя. Этот двойной рационализм придавал особый вес той концепции культурного строительства, которую столь тщательно и мотивированно исследует в своей книге испанский филолог. Мощь и масштаб замыслов Альфонсо особенно ярко видны в сопоставлении, предпринятом в последних параграфах книги, с фигурами его великих современников — Хайме I и Рамона Альюля.

Заключением к книге стал краткий экскурс в историю развития и функционирования результатов проведенной Альфонсо X культурной реформы (глава «Судьба и хронология концепции культуры Альфонсо»); проекта, несомненно, удачного и подготовившего (даже вопреки оппозиции ближай-

ших потомков) тот расцвет испанской литературы и культуры XIV–XV вв., который составил славу испанской средневековой словесности.

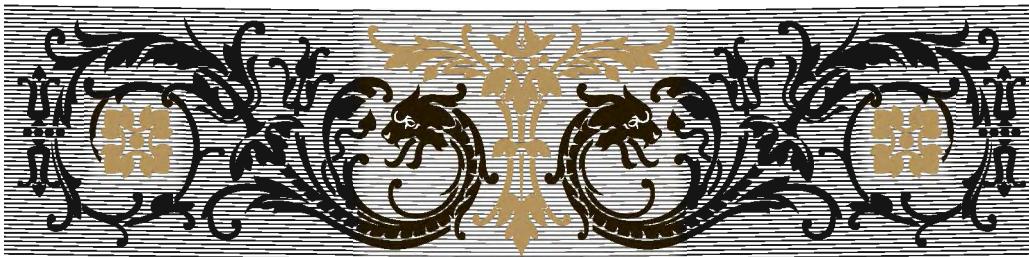
Если работа Америко Кастро, его учителя и вдохновителя, вышла в чрезвычайно неудобный в политическом отношении момент, когда Испания спустя долгое время начинала активно встраивать себя в европейское сообщество и невольно обрела то громкое политическое звучание, на которое никогда не претендовала, то книга Маркеса Вильянуэвы оказалась свободной от этой идеологической нагрузки и сыграла ту роль, какую и должна была сыграть талантливо и увлекательно написанная работа концептуального характера. Именно этот концептуальный смысл книги, собравшей воедино результаты многих исследований медиевистов-историков, филологов, историков культуры, антропологов и социологов (добрая половина пространства книги занята обширными и очень содержательными сносками, содержащими богатейший справочный и научный материал по теме), а также плоды его собственных многолетних изысканий, и стал фундаментальным основанием для восторженной рецепции книги. Вместе с тем логичным следствием этой концептуальности стали неизбежное упрощение и схематизация высказываемых предположений. Это касается и идеи «двойного рационализма» в основании культурных и политических идей Альфонсо, требующей специального анализа, и тезиса о почти полном небрежении Альфонсо латинской и патристической мыслью.

Вместе с тем несомненно одно — «Концепция культуры Альфонсо» указала один из важнейших векторов движения научной мысли для будущих исследователей испанского Средневековья. Лучшим свидетельством тому можно считать недавно вышедшую (но отнюдь не первую) коллективную монографию «Перекресток культур: Альфонсо X и его пограничное время» (Encrucijada de Culturas: Alfonso X y su Tiempo de Frontera. Homenaje a Francisco Márquez Villanueva. Sevilla, 2014), посвященную памяти Франиско Маркеса Вильянуэвы, книга которого сама обрела статус «культурного проекта» для своих читателей.

 Ершова Ирина Викторовна

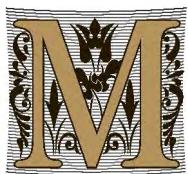
доктор филологических наук, профессор Института филологии
и истории РГГУ (Москва, Россия)

Н.К. Спиченко

ШЕСТЬ ВЕКОВ ИСПАНСКОЙ АДВОКАТУРЫ

Alonso Romero M.P., Garriga Acosta C. *El régimen jurídico de la abogacía en Castilla (siglos XIII—XVIII)*
Madrid, 2014. 332 p.

онография «Адвокатура в Кастилии XIII—XVIII вв.», написанная в соавторстве известными испанскими историками права Марией Пас Алонсо Ромеро и Карлосом Гарригой Акостой, представляет собой историко-правовое исследование, посвященное становлению и развитию института адвокатуры в период от правления Альфонсо X Мудрого (1252–1284) до конца XVIII в., иными словами, в период господства в Испании правовой системы *ius cattinile*¹.

Данная книга является исправленным и дополненным изданием вышедшего двадцать лет назад одноименного исследования, опубликованного в 1994 г. Она обновлена с учетом результатов основных трудов авторов, проведенных за минувшие годы, однако, как заверяют сами авторы, они постарались сохранить как сюжетную канву, так и основные выводы первоначального

¹ Обзор *ius cattinile* в Кастилии см. в статье мадридского историка права Фаустино Мартинеса: *Мартинес Мартинес Ф.* Когда Европа была единой. Общее право, стиль итальянский, стиль французский и кастильское приложение // *IUS ANTIQUUM*. Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 143–162.

текста. Структурно книга разделена на две части, одна из которых составляет собственно исследование и по объему занимает одну треть издания, вторая, большая часть работы, является приложением к исследованию, в котором собраны законодательные акты XIII—XVIII вв., посвященные статусу и деятельности адвокатов. Немного отвлекаясь в сторону, отмечу, что тексты, подобранные в приложении к рассматриваемому исследованию, выстроены его авторами в хронологическом порядке, что, в свою очередь, позволяет оценить их позицию по вопросу о датировке основных законодательных памятников эпохи Альфонсо X. Так, «Королевское фуэро» и «Зерцало» они помещают между документами, выпущенными в 1254 и 1258 гг., соответственно, а Партиды и «Новые законы» — между 1258 и 1274 гг.

Исследовательская часть анализируемой книги состоит из шести глав, каждая из которых посвящена определенной теме: эволюции в истории института адвокатуры и собственно адвокатов (глава 1), личным требованиям к кандидатам и условиям приема в адвокаты (глава 2), функции и отправлению адвокатуры (глава 3), вознаграждению и гонорарам адвокатов (глава 4), ответственности, дисциплине и контролю за деятельностью адвокатов (глава 5) и привилегиям адвокатов (глава 6). Внутри каждой главы изложение выстроено в хронологическом порядке — там, где источники предоставляют такую возможность, авторы рассматривают интересующие их аспекты истории адвокатуры на протяжении всего избранного для исследования периода.

Исследование М.П. Алонсо Ромеро и К. Гарриги не имеет полемического характера: авторы претендуют на то, чтобы осветить процесс становления и развития адвокатуры, не входя при этом в серьезные историографические дискуссии. Данное исследование, скорее, можно охарактеризовать как исторический экскурс или историческое обозрение института адвокатуры Кастилии Средневековья и Нового времени, наиболее ценной и содержательной частью которого, безусловно, следует счесть подборку источников, приведенных в приложении. По заявлению самих авторов работы, в это приложение вошли все законодательные документы от XIII до XVIII в., имеющие отношение к истории и правовому положению адвокатов.

Обращаясь к вопросу развития института адвокатуры в истории, авторы отмечают, со ссылкой на Франсиско Мартинеса

Марину, что в вестготский период в Испании института адвокатуры не было, поскольку в адвокатах там не было нужды. Впервые адвокаты упоминаются в кастильских источниках в сводах законов Альфонсо X Мудрого, таких как «Королевское фуэро», «Зерцало» и Партиды, где адвокаты именуются словом *bocero*, что в буквальном переводе означает «гласный». При этом в Партидах дается объяснение, что адвокат называется *bocero* потому, что в своей работе пользуется голосом и словами. При этом характерно, что к концу XIV в. это понятие получает иное, уничижительное, значение и начинает восприниматься как «болтун», а в юридических документах для обозначения адвокатов укореняется термин *letrado* (как минимум начиная с кортесов в Бривиеске, собиравшихся там в 1387 г., при короле Хуане I).

Качественно иной этап развития института адвокатуры переживает в эпоху правления Католических королей, что отражается в королевском ордонансе 1495 г. и рескриптах 1499 и 1502 гг. Именно с этого времени и в течение всего XVI столетия численность адвокатов возрастает настолько, что в 1601–1602 гг. указами Филиппа III было предписано ее сократить вдвое. Однако, несмотря на очевидный переизбыток адвокатов, спрос на них, в силу сугубжнического характера общества, в XVII в. оставался высоким. Вместе с тем при такой высокой востребованности адвокатов их репутация в глазах испанского общества оставалась низкой и часто подвергалась насмешкам, о чем хорошо свидетельствует собирательный образ адвоката, созданный Франиско Кеведо и неоднократно встречающийся в его знаменитом сатирическом сборнике повестей «Сновидения».

Вместе с тем в начале XVIII в. адвокаты в силу профессиональной солидарности и корпоративного сознания, характерного для той эпохи, создают адвокатские коллегии, в которых вырабатывают свои нормы регулирования деятельности института адвокатуры.

Во второй главе, посвященной личным требованиям к адвокатам, исследователи обращают внимание на то, что законодательство Альфонсо X Мудрого разрешало заниматься адвокатской деятельностью только христианам, тогда как мусульманам и иудеям занятия адвокатской практикой были запрещены, за исключением тех случаев, когда была необходимость защищать в суде своих единоверцев (Part. III.6.2). Равным образом отреше-

ние от адвокатуры распространялось и на лиц духовного звания, которые имели право лишь на защиту в суде интересов своей церкви, своего вассала, его потомков, или неимущих. Кроме того, запрет на адвокатскую деятельность распространялся также на женщин, вплоть до XIX в., на осужденных, рабов и представителей таких профессий, как тореадоры (Part.III.6.4)². Все эти положения позднее подтверждались ордонансом 1495 г., который распространил запрет на отправление адвокатской деятельности также и на потомков иудеев и мусульман, принявших христианство.

Наконец, становиться адвокатами запрещалось целому ряду должностных лиц, отправлявших судопроизводство, а именно судьям первой и апелляционной инстанций (*oidores*) и алькальдам королевского суда, о чем свидетельствуют протоколы кортесов, проходивших в Торо в 1371 г. и в Сеговии в 1386 г. Значительно позднее адвокатские коллегии еще больше ужесточили требования к желающим получить разрешение на отправление адвокатской деятельности.

На фоне столь жесткого фильтра, имевшего ярко выраженный сословный характер, выглядит крайне интересным, что в кастильском праве на протяжении нескольких столетий к желающим заниматься адвокатурой не предъявлялись требования обязательного университетского образования. Условия образовательного ценза, необходимого для занятий адвокатским делом, упоминаются лишь в Партидах, где говорится, что адвокат должен быть знатоком права, или фуэро, или обычаев края (Part.III.6.2), и в Барселонской Прагматике 1493 г., устанавливающей необходимость изучать юриспруденцию в течение десяти лет, чтобы получить право заниматься этой профессией. Законодательно закрепленное требование университетского образования и звания бакалавра права для участия в тяжбах в суде низшей инстанции или — лиценциата и доктора права — для участия в процессе в суде высшей инстанции появляется только в упомянутом выше королевском ордонансе 1495 г.

² Интересные результаты может принести сравнение данного списка лиц с другим, в который включались все те, кому было запрещено выходить на поединок. Практически полное совпадение этих двух перечней наводит на мысль, что адвокатура изначально воспринималась как занятие для рыцарей-идальго — благородных мужчин, обладавших правом носить оружие. — Прим. ред.

Однако поскольку университетское изучение права в тот период основывалось на текстах и общих положениях *jus cōmūne*, без привязки к правовым реалиям Кастилии рубежа XV–XVI вв., то эти адвокаты с университетским образованием оказывались зачастую дальше от реальности, чем «знатоки права, фуэро и обычаяев края» времен Альфонсо X. Понимая необходимость того, что адвокаты должны знать право не только в теории, но и на практике, доктор права и адвокат верховного трибунала Гранады Мендес де Саласар в 1523 г. предложил обязать всех соискателей должности адвоката присутствовать один год в процессах.

Для удовлетворения этих же требований равного знания теории права и судебной практики в XVIII в. стали появляться предшественники современных юридических клиник — так называемые академии юридической практики — сначала как профессиональные сообщества, а позже, с одобрения Королевского совета, как учебные заведения. Ситуация кардинальным образом изменилась в последней трети XVIII в., когда в ходе университетских реформ, проводимых Карлосом III, в 1771 г. на юридических факультетах были созданы кафедры королевского права.

Новый импульс в образовательном процессе адвокатов был получен благодаря реформе, проведенной в 1802 г. Хосе Антонио Кабальеро, согласно которой от будущих адвокатов требовалось изучение теории в течение четырех лет и приобретения практических навыков в течение последующих двух лет в верховном трибунале или суде апелляционной инстанции. Обращаясь к теме деятельности адвокатов и отправлению адвокатуры, авторы отмечают, что основной обязанностью адвоката было консультирование в области права. Будучи сведущими в области юриспруденции, они занимались не только защитой прав и интересов своих сторон, что составляло главную задачу их деятельности, но и участвовали в принятии решения.

Как правило, к большинству адвокатов обращались по какому-либо определенному делу, вместе с тем были те, кто защищал интересы постоянных клиентов за назначенное жалованье. Поскольку услуги адвокатов, как правило, дорого стоили, то судья мог обязать кого-нибудь из них в случае защиты интересов вдов, сирот и других обездоленных брать с них умеренную плату или защищать их из любви к Богу, то есть, по сути, безвозмездно (Part. III.6.6). В 1595 г. была создана конгрегация адвокатов Мад-

рида с ярко выраженным религиозными и благотворительными целями, занимавшаяся покровительством бедных. Численность этой конгрегации изначально составляла восемь человек и на протяжении двух последующих столетий снизилась до четырех, что в итоге в 1771 г. привело к ее упразднению, после чего мадридская коллегия адвокатов ежегодно выделяла шесть адвокатов, которые обязаны были в течение года вести дела неимущих, заключенных в королевской тюрьме.

Адвокаты брались за любые дела, в том числе за самые бесперспективные, руководствуясь, по признанию Антонио де ла Пенья — адвоката XVI в., с одной стороны, тем, что обе стороны не могут выиграть дело, с другой — возможностью заключения мирового соглашения. В случае заключения мирового соглашения адвокат мог взять на себя роль примирителя, за что получал вознаграждение. Если же избирался путь судебного разбирательства, то адвокат брался защищать интересы доверителя, конечная цель которого заключалась в выигрыше в суде, и в течение этого времени адвокат был обязан хранить лояльность своему клиенту. В свою очередь, тот должен был предоставить честную и правдивую информацию по спорному вопросу, изложить все события, привести доказательства в свою пользу и любые сведения, которые могли бы облегчить работу адвоката. Эти правила были закреплены в ордонансе 1495 г. и являлись серьезной гарантией от возможных будущих рекламаций со стороны клиентов, несогласных с итогами от оказанных услуг.

Однако требования, установленные ордонансом 1495 г., практически не исполнялись. В ряде случаев адвокатов приводили к присяге для того, чтобы напомнить те координаты, в которых они должны были осуществлять свою деятельность: верность, прямота, правдивость, соблюдение норм права и также требование, не включавшееся в текст присяги, но также необходимое — это независимость от судей. Иногда необходимость отделения адвокатов от судей вносилась в список запретов: не принимать от них ни денег, ни подарков, ни займов, они не размещались в одних и тех же гостиницах и не имели приватных разговоров.

В ведении адвокатов находились определение предмета спора, стратегия ведения дела, обоснование и доказательство требования. С 1504 г. адвокаты получают право вместо судей самим назначать адвокатов, предварительно приняв у них соответствую-

щий экзамен. Несмотря на то, что именно устная традиция дала название слову «гласные» (*boceros*), почти вся работа адвокатов велась письменно. В их функции входило составление основных процессуальных документов, как в фазе установления предмета спора, так и в стадии доказательств и выводов для принятия решения. Написание таких документов, как требования и обвинения по форме, возражений, допрос свидетелей или приведение доводов доказательства и выводов — все это было в ведении адвоката. По этим документам оценивалась работа адвоката. Поэтому естественно, что адвокаты старались непропорционально увеличить количество и объем этих процессуальных бумаг, что, очевидно, было одной из причин медлительности судебной машины, против которой все так боролись.

Звездным часом каждого адвоката была защитительная речь, которой они стремились произвести впечатление на доверителя и тем самым получить большой гонорар. Также в задачу адвокатов входило по окончании судебного заседания подписать протоколы, чтобы подтвердить всё то, что было произнесено в ходе судебного заседания. По окончании судебного разбирательства адвокаты каждой из сторон должны были информировать судью о своем праве выступить на конечной стадии процесса. Для этого они садились по старшинству. Сначала речь держал адвокат истца, затем ответчика, и в этот момент выступления они должны были встать и говорить стоя, в отличие от судей, высушивавших их сидя, хотя на практике это не всегда соблюдалось.

Переходя к вопросу о вознаграждении адвокатов, авторы отмечают, что в законодательном порядке установление оплаты работы адвокатов относится к эпохе Альфонсо X, и эта фиксация, по сути, стала основным элементом юридической практики и, вероятно, главной статьей расходов тяжущихся сторон. При этом, несмотря на постоянные ссылки к знаменитому закону Цинция 204 г. до н.э. (*lex Cincia*), который запрещал адвокатам принимать подарки от своих клиентов, практика шла совершенно по другому пути. Более того, начиная с минимум с конца XV в. подобные подарки адвокатам были, по сути, легитимированы правовой доктриной. Так, известный юрист XVI в. Херонимо Кастильо де Бовадилья, служивший в канцелярии Филиппа II и не проявлявший никакой благосклонности к адвокатам, тем не менее признавал, что безвозмездная защита чужих

интересов была бы неразумной и неестественной, ибо заставила бы адвокатов забросить свои собственные дела и семьи.

Сумма вознаграждения определялась по взаимной договоренности адвоката с его подзащитным. Однако, несмотря на то, что в Кастилии никогда не существовало обязательного указания цены на адвокатские услуги, ограничения в размере гонорара были установлены еще законодательством Альфонсо X. Вознаграждение могло быть как в размере «двадцатой части от суммы иска», то есть пяти процентов от стоимости предмета спора, но не выше ста мараведи (Part.III.6.14). Кроме того, под запретом была практика заключения *racta de quota litis*, то есть соглашения, которое ставило в зависимость размер гонорара от результата судебной тяжбы, и нарушение этого запрета могло привести к пожизненному запрету на профессию адвоката. В уголовных делах, в которых, в отличие от гражданских дел, не было цены иска, алькальду предписывалось назначить вознаграждение адвокату по своему усмотрению. Норма этого закона была обязательна для королевского суда и, несмотря на свою очевидную непопулярность среди адвокатов, должна была применяться на местах.

Неопределенность в установлении размера вознаграждения длилась на протяжении нескольких столетий, вплоть до правления Католических королей. Так, в ордонансе 1489 г. обязанность назначать сумму вознаграждения по каждому делу возлагалась на судей, и максимальный уровень оплаты, выше которого нельзя было платить, при этом не оговаривался. В неоднократно уже упомянутом ордонансе 1495 г. были добавлены новые нормы, согласно которым доверитель мог заключить с адвокатом соглашение на определенный период времени и за определенное жалованье. Причем адвокаты обязаны были договориться о сумме вознаграждения в начале процесса. Это первый случай, в котором видна попытка урегулировать на законодательном уровне соотношение вознаграждения и адвокатской деятельности. Следует отметить, что новация, установленная ордонансом 1495 г., сохранилась практически в нетронутом виде вплоть до издания в 1895 г. Новейшего свода законов Испании (*Novísima recopilación de las leyes de España*). Однако, по мнению авторов, подобное долголетие нормы свидетельствует, скорее, не столько о ее действенности, сколько о неприменимости на практике.

Помимо установления суммы вознаграждения в начале ведения тяжбы (*ab initio*), ордонансом 1495 г. было также разрешено пересматривать размер гонорара по окончании процесса, как от цены иска, так и от затраченного на ведение дела времени, но размер не должен был превышать двадцатой части от суммы выигранного дела. Это дополнение получило значительное развитие в XVI в., когда контроль за размером вознаграждения после окончания тяжбы (*ex post*) оказался единственным возможным способом сдерживать неумеренные аппетиты адвокатов. Такой контроль за размером вознаграждения *a posteriori* привел к тому, что предварительное соглашение адвоката с доверителем о размере вознаграждения в начале тяжбы стало свободным, а установленный в конце процесса размер гонорара был обязательным к выплате. Это касалось в первую очередь судов высшей инстанции, в которых судьи действительно контролировали гонорары адвокатов. Однако проведенная в королевской аудиенции (суд апелляционной инстанции) в 1594 г. проверка размеров вознаграждений обнаружила, что никакие законодательные меры по ограничению размера вознаграждения не могли справиться с умением адвокатов их обходить.

Спустя два десятилетия, в 1615 г., кортесы вынуждены были признать положение настолько серьезным, что два года спустя, в 1617 г., ими был принят специальный декрет 1617 г., в котором устанавливались новые ограничения размера гонораров. По мнению авторов, эти действия не только были негативно восприняты адвокатами, но и никогда не выполнялись. Оба исследователя сходятся во мнении, что на практике вплоть до конца XVIII в. между адвокатом и его доверителем заключалось соглашение, и лишь в случае отсутствия такого размера вознаграждения назначал судья.

Несмотря на широко распространенные злоупотребления с размером вознаграждения в адвокатском сообществе, следует помнить и о том, что сами адвокаты порой становились жертвами обмана со стороны клиентов или своих коллег-конкурентов и в случае неуплаты доверителями обещанного гонорара могли предъявить им исковые требования. Переходя к вопросу об ответственности адвокатов за свою деятельность, исследователи отмечают, что институт адвокатуры служил ярким примером существовавшей разницы между законом и практикой.

Альфонсо X привлекал к ответственности адвокатов за их противоправное поведение при исполнении профессиональных обязанностей. Замысел был прост: если по закону адвокаты должны были быть «добрьими» и действовать «честно», то, соответственно, закон должен наказывать зло и неверность адвокатов в отношении их подзащитных. Следует отметить, что если наказание «плохих» и «нечестных» адвокатов еще могло применяться в королевских судах, то в судах низших инстанций такой практики не было.

Слабым местом законодательства было отсутствие материальной ответственности адвокатов. Возможно, именно поэтому Толедские кортесы 1480 г. обязали адвокатов возмещать ущерб и расходы, которые их клиенты понесли из-за их халатности или непрофессионализма. Это положение нашло также поддержку в ордонансе 1495 г. Дальнейших изменений в вопросе об ответственности адвокатов вплоть до начала XIX в. больше не происходило.

На практике ответственность адвоката возникала из обязательств перед подзащитным в тот момент, когда он заключал с ним соглашение об оказании помощи и защите его интересов за вознаграждение. В соответствии с преамбулой к шестому титулу Третьей Партиды он должен был действовать «хорошо» и «честно». Таким образом, главными требованиями к адвокату были, с одной стороны, расторопность и профессионализм, а с другой — сохранение тайны и лояльность клиенту. При несоблюдении этих требований наступала ответственность, которая обычно квалифицировалась как недобросовестность или злой умысел (*culpa y dolo*). Наибольшим изменениям подвергались нормы, применявшиеся к недобросовестным адвокатам (*culpa*). Ответственность за злой умысел (*dolo*) наступала тогда, когда адвокат умышленно действовал против интересов клиента. В этом случае он совершал подлог (*falsedad*), что квалифицировалось как двурушничество и считалось наивысшим преступлением в профессиональном сообществе.

Среди наказаний предусматривался штраф, более серьезные нарушения могли караться временной приостановкой деятельности или запретом на профессию, а в особо тяжких случаях (как, например, говор с противной стороной против своего клиента) предусматривалась смертная казнь. Однако свидетельств применения такой меры нет. Все эти меры могли оказать эффект только

в случае осуществления контроля за их исполнением. Контроль должны были осуществлять в первую очередь судьи. Кроме того, в 1594 г. были введены ежегодные проверки жалованья адвокатов. Однако, как было выше отмечено, эти нормы, направленные на ужесточение, никогда строго не исполнялись. Можно сказать, что если судьи наказывали адвокатов за какие-либо нарушения, то делали это не столько в соответствии с нормами, сколько по своему усмотрению.

О контрольных функциях за деятельностью в XVII–XVIII вв. практически ничего не известно, и, вероятно, снижение их было обусловлено появлением и развитием понятия профессиональной этики.

Обращаясь в заключительной главе к вопросу привилегий адвокатов, исследователи отмечают, что требования к адвокатам и та ответственность, которую они должны были нести за свои действия, вели, в свою очередь, к выработке адвокатами тактики собственной защиты. Так, в 1764 г. издается «Краткий перечень привилегий, наград и прерогатив испанских адвокатов». И хотя в кастильском праве не найдется ни одного текста, который мог бы служить основанием для такого особого отношения, авторы с завидным упорством прибегают к текстам, которые щедро выдают свободные интерпретации древних норм, по сути, сводящимся к двум положениям Партид, в которых, безотносительно к адвокатам, говорится о том, что «древние мудрецы полагали, что знание права есть особый вид рыцарского служения» и что «магистр права должен быть освобожден от пыток».

На этом основании зиждалось уважение адвокатуры как своего рода дворянства (*nobleza de letras*), дворянства личного, не потомственного, но которое позволяло людям адвокатского звания получать дворянские и военные привилегии на протяжении всего рассматриваемого периода, вплоть до конца XVIII в. Все это должно было привести и привело к тому, что адвокатское сообщество, которое создавалось с религиозными и милосердными целями, превратилось в профессиональную корпорацию для защиты интересов своих членов. Это обстоятельство со временем вызвало к жизни ряд норм с целью «придать блеск» сообществу и обеспечить ему «чистоту крови».

С этой целью в 1673 г. было подано в Королевский совет прошение о принятии нового Устава, который гарантировал бы, что

новые члены будут «чисты от всякой заразы и дурного происхождения, дети добродетельных родителей, занимающихся достойным делом», а с 1685 г. это стало обязательным требованием к желающим стать адвокатом. Претендент должен был представить семь свидетельств о крещении: свое собственное, своих родителей и бабушек и дедушек с обеих сторон, а также рекомендации двенадцати свидетелей, которые подтверждали бы чистоту крови и рода. На протяжении XVIII в., по мере усиления внутригрупповых связей, ограничения такого типа становились все жестче.

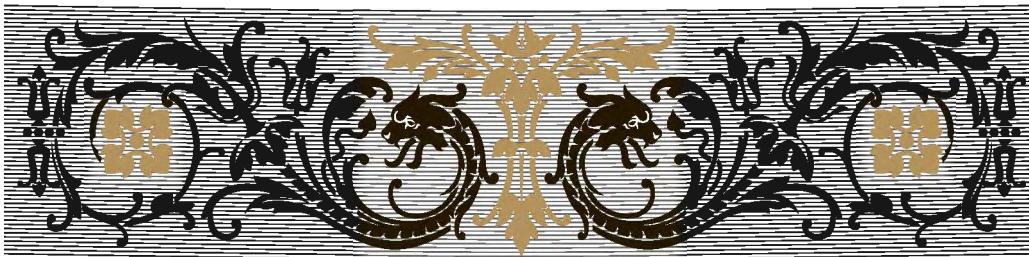
Так или иначе, но людей, которым удавалось преодолеть все эти препоны, было предостаточно, что привело к переизбытку адвокатов, так что многие из них, не находя клиентов, влажили нищенское существование. К концу XVIII в. в игру вступили совсем новые правила — спрос и предложение. Мадридская коллегия адвокатов в 1773 г. предложила сократить свою численность. Ее голос в тот момент не был услышан, но позже к нему присоединились другие коллегии, так что в 1794 г. был принят королевский указ о постепенном сокращении численности адвокатов в Мадриде до 200 человек.

А в 1798 г. новым указом предписывалось распространить практику сокращения численности адвокатов на все коллегии всех уровней в соответствии с численностью местного населения. Наступал новый век, а с ним — новое общество, новая юридическая культура, новое право и новая юридическая система ожидали адвокатское сообщество.

 Спиченко Нина Константиновна

кандидат исторических наук, юрист (Москва, Россия)

О.В. Ауров

«ОБ УЧИЛИЩАХ, ГДЕ УСВАИВАЮТСЯ НАУКИ, И О МАГИСТРАХ, И О СТУДЕНТАХ»¹

лестяще образованный и амбициозный король Альфонсо X Мудрый², метко названный исследователями «императором культуры», сделал право одной из основных сфер своих реформ, именуемых в литературе «ренессансом XIII в.»³ Вслед за «Зерцалом» (ок. 1255–1260) и «Королевским фуэро» (1255)⁴ появились «Семь Партид», ставшие вершиной законодательного творчества «Мудрого короля»⁵. Следуя стандартам Юстинианова (и вообще позднеримского) права, Партиды (то есть, по

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого» (грант РГНФ № 13-03-00181).

² Наиболее полную из существующих биографий Альфонсо X см., напр.: *González Jiménez M. Alfonso X el Sabio*. Barcelona, 2004. См. также: *Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio /Coord. por Miguel Rodríguez Llopis*. Barcelona, 2001.

³ См., напр., сборник: *Emperor of Culture. Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance /Ed. by R. Burns*. Pennsylvania, 1990.

⁴ Общий обзор законодательной деятельности см., напр.: *Craddock J.R. The Legislative Works of Alfonso el Sabio // Emperor of Culture... P. 182–197; Perez Martín A. La creación del derecho de estado // Alfonso X y su época... P. 235–256; Марей А.В. Язык права средневековой Испании: От Законов XII Таблиц до Семи Партид. М., 2008. С. 14–23.*

⁵ См. об этом, напр.: *Марей А.В. Язык права средневековой Испании... С. 27–34.*

существу, отдельные части — «книги» () в римском понимании) делились на титулы, а титулы — на отдельные законы. Последние даже в чисто стилистическом плане испытывали огромное влияние Дигест: часто они напоминают не столько законы *stricto sensu*, сколько фрагменты из юридических трактатов.

Представленный ниже текст титула II.31 из Второй Партиды, содержание которой современная исследовательница И. Нану вполне обоснованно связывает с традицией трактатов об идеальном государстве эпохи Высокого Средневековья⁶, завершает соответствующую часть Свода. Он воспроизводит нормы, выработанные в дидактической, социальной и правовой практике Болонского университета: не случайно в тексте ощущается явное влияние знаменитой привилегии 1158 г., пожалованной университету Фридрихом I Барбароссой; как известно, именно эта привилегия предоставила университету официальный статус.

Как и весь памятник, текст содержит значительную долю правовой утопии, которая особенно ощутима в тех его частях, которые посвящены описанию идеального учебного заведения, его наставников и питомцев. Чего стоят одни только замечания о том, что в городе, где надлежит основывать описанные учебные заведения, воздух должен быть приятным, а путь к его воротам — красивым, «чтобы магистры, дающие знания, и студенты, которые их усваивают, вели в нем здоровую жизнь, и по вечерам, когда утомленными они станут из-за своих занятий, могли бы предаваться отдыху и наслаждаться окружающим». Кроме того, место расположения «училища» должно изобиловать хлебом, вином и «добрьми», но недорогими постоянными дворами (служившими болонским студентам общежитиями-дормиториями). Жителям же университетского города вменялось в обязанность всеми силами защищать и почитать магистров и студентов во всех их делах. Строжайше запрещалось брать залоги от должностных лиц студенческих корпораций (*universidad*). По отношению к студентам или их родителям городским властям не следовало допускать бесчестья, беззакония или насилия. В этих описаниях сильно ощущается дух Болоньи, для которой университет превратился, по существу, в градообразующее предприятие, с которым была связана немалая часть городских доходов.

В целом, титул II.31 весьма интересен как источник по истории распространения болонской традиции, чему в случае королевства Кастилия

⁶ Nanu I. La Segunda Partida de Alfonso X el Sabio y la tradición de los *Specula Principum*. Tesis doctoral. Valencia, 2013.

и Леон (как, впрочем, и во многих других подобных случаях) активно способствовали как профессора, так и выпускники Болоньи, заложившие основы системы высшего образования на испанской земле. Его содержание позволяет проникнуть сквозь века, ощутить дух университетской жизни эпохи, когда эта жизнь только зарождалась. Немногие тексты того времени представляют ее настолько полно и всесторонне, как представленный ниже титул из второй части «Семи Партий мудрого короля дона Альфонсо».

Перевод сделан по изданию: *Las Siete Partidas del muy noble rey don Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio López...* T. 1. Madrid: Compañía general de impresores y libreros del Reyno, 1843. P. 647–652.

PART.II.31. ОБ УЧИЛИЩАХ⁷, ГДЕ УСВАИВАЮТСЯ НАУКИ, И О МАГИСТРАХ⁸, И О СТУДЕНТАХ⁹

том, как король и народ должны любить и защищать страну, в которой они живут, заселяя ее и защищая ее от врагов, мы сказали достаточно в титулах, предшествующих этому. И поскольку советами мудрецов пользуются, оберегают себя от опасностей и руководствуются людьми, страны и королевства, потому мы желаем в конце этой Партиды поговорить об училищах, и о магистрах, и об учениках, которые трудятся во имя того, чтобы преподавать и усвоить знания. И мы установим в первую очередь, что такое училища, и каких типов они бывают, и по чему приказанию должны создаваться. И что магистрами должны быть те, кто руководят отдельными школами (факультетами) в этих училищах, и где таковые должны быть основаны, и какими привилегиями и почестями должны обладать магистры и студенты, которые день за днем читают лекции и посвящают себя учебе. А затем мы поговорим о библиотекарях, которые хранят книги, и о том, что касается общих училищ (университетов)¹⁰.

Закон 1

Что такое училища, и каких типов они бывают, и по чему приказанию должны создаваться

Училище — это сообщество магистров и студентов, которое создается в каком-либо месте добровольно и со стремлением усвоить знания. И училища

⁷ В тексте — *estudios* (от лат. *studium*); как явствует из дальнейшего изложения (см. Part.II.31.1), этот термин носит общий характер, подразумевающий все виды учебных заведений — от средних школ до высших; в противовес им, под «университетом» понималась студенческая или профессорская корпорация, каковых изначально Кастилия не знала. См. об этом: Part.II.31.11.

⁸ В тексте — *maestros* (от лат. *magister*), то есть собственно учителя. Подробнее об этом см. ниже, Part.II.31.8.

⁹ В тексте — *escolares*, дословно — «учащиеся».

¹⁰ В тексте — *estudio general* (лат. *studium generale*). Сохранение термина «училище» представляется целесообразным, поскольку в тексте «общие училища» противопоставляются «частным», то есть средней школе.

бывают двух типов. Первый — которые именуются «общими училищами» (университетами), где есть магистры свободных искусств, таких, как грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия и астрология; а также там присутствуют магистры канонического права¹¹ и магистры цивильного права¹². И такое училище должно быть основано по приказанию либо Папы, либо императора, либо короля. Другой тип — те, что называются «частными училищами», под которыми понимается, когда какой-нибудь магистр учит в каком-нибудь городе немногих школьников. И таковое училище могут приказать создать прелат или консеко.

Закон 2

В каком месте следует основывать училища и каким образом должны быть защищены магистры и студенты

Там, где находится город, где пожелают основать училища, воздух должен быть приятным, а путь к его воротам¹³ — красивым, чтобы магистры, дающие знания, и студенты, которые их усваивают, вели в нем здоровую жизнь, и по вечерам, когда утомленными они встанут из-за своих занятий, могли бы предаваться отдыху и наслаждаться окружающим. Кроме того, этот город должен изобиловать хлебом, вином и добрыми постоянными дворами, в которых магистры и студенты могли бы жить и проводить время без больших расходов. Далее, мы устанавливаем, что горожане того места, где будет основано училище, должны всеми силами защищать и почитать магистров и студентов во всех их делах. И у представителей¹⁴, которые являются к ним из своих городов, никто не должен ни брать залога или задерживать их за долги, сделанные как их родителями, так и другими лицами из тех мест, уроженцами которых они являются. И кроме того, мы утверждаем, что ни из-за вражды, ни из-за наличия преступного умысла со стороны какого-либо лица, по отношению к студентам или их родителям не следует допускать бесчестья, беззакония или насилия. И потому мы приказываем, чтобы и магистры, и студенты, и их пред-

¹¹ В тексте — *Decretos*; от лат. *decretum* (изначально — послание епископа, направленное его пастве), форма множественного числа которого (*decreta*) обозначала каноническое право.

¹² В тексте — *Señores de Leyes*. Подробнее об этом см. ниже, Part.II.31.8.

¹³ В тексте — *salidas*, дословно — «выходы», «подъезды».

¹⁴ Речь идет о представителях университетской корпорации (*universidad* в собственном смысле слова). Подробнее об этих корпорациях и их представителях см. ниже, Part. II.31.10.

ставители, и все их вещи были в безопасности, и защищены перемирием на пути в училище, и в период пребывания в нем, и во время возвращения в свои страны. И эту безопасность мы жалуем им во всех местах, находящихся под нашей сеньориальной властью. И всякий, кто это нарушит, забрав у них что-либо насильно или ограбив их, должен вдвое заплатить четверть стоимости присвоенного; и если он ранит, или подвергнет бесчестью, или убьет, преступник должен быть жестоко наказан, как тот, кто нарушил Наше перемирие и Наши гарантии безопасности. Но если случайно те, кто будут рассматривать этот иск в суде, не пожелают исполнить право так, как об этом сказано выше, они должны заплатить требуемую сумму из своего имущества и быть смещеными со своих постов, как запятнавшие себя позором. И если они выступят против студентов из злого умысла, не желая применить судебную власть против тех, кто совершили бесчестье, или нанесли ранение, или убили, тогда официалы, совершившие это, должны быть строго наказаны волей самого короля.

Закон 3

Сколько магистров должно быть в университете и в какой срок им должно быть выплачено их жалованье

Для того чтобы общее училище (университет) было полноценным, магистров в нем должно быть столько же, сколько существует наук, чтобы каждая из них была представлена по меньшей мере одним магистром. Но если для всех наук не смогут найти последних, то достаточно, чтобы были магистры грамматики, логики, риторики, цивильного и канонического права. И жалованье для тех, кто преподает, должно быть установлено королем, причем следует точно указать, сколько положено каждому соответственно науке, которую он представляет, а также тому, в какой мере является ее знатоком. И жалованье, положенное каждому магистру, должно выплачиваться в три приема: одну часть должны выдать ему вслед за тем, как он начнет читать курс; вторую — в Пасху, а третью — в праздник святого Иоанна Крестителя.

Закон 4

Каким образом магистры должны преподавать знания студентам

Магистры должны передавать студентам знания тщательно и верно, читая им книги и объясняя их содержание настолько хорошо, насколько только смогут. И начав читать, они обязаны продолжать курс вплоть до момента,

когда будут закончены книги, к которым они приступили. И будучи здоровыми, они не имеют права поручать другим, чтобы те читали вместо них, за исключением случая, если кто-нибудь из них поручит когда-нибудь сделать это, чтобы оказать ему честь, а не для того, чтобы самому освободиться от чтения. Но если случится, что кто-нибудь из магистров, уже начав курс, заболеет, причем болезнь окажется столь тяжелой и долгой, что он никоим образом не сможет читать, мы приказываем, чтобы ему выдали жалованье так, как если бы он читал. И если случится так, что он умрет от болезни, пусть его наследники получат причитающееся ему жалованье, как если бы он читал в течение всего года.

Закон 5

В каких местах должны располагаться школы, открытые магистрами, или о студентах

Школы университета должны располагаться в месте, находящемся за пределами города, одни рядом с другими, чтобы студенты, намеревающиеся пройти ускоренный курс, могли слушать по две лекции подряд или даже больше, если захотят этого; и чтобы о вещах, вызывающих у них сомнение, одни студенты спрашивали у других. Но вместе с тем одни школы должны быть настолько удалены от других, чтобы магистры не мешали самим себе, когда одни слышат то, что читают другие. Кроме того, мы утверждаем, что студенты должны наблюдать, чтобы постоянные дворы или дома, в которых живут одни из них, не занимались другими в то время, когда они заняты первыми, желающими проживать в них и далее. Но если один студент узнает, что дом занят другим жильцом, и он не имеет желания оставаться там дольше срока аренды, если первый пожелает поселиться там, он должен спросить уже живущего студента, не намеревается ли он жить там еще, и если получит ответ «нет», он может арендовать этот дом, но никак иначе.

Закон 6

Что магистры и студенты могут создавать между собой совет и братство, и избирать одного, чтобы он их наказывал

Архивные мудрецы определили, чтобы совета и братств, объединяющих многих людей, не было ни в городах, ни в королевствах, поскольку от этого происходит больше дурного, чем доброго. Однако мы считаем соответ-

ствующим праву, чтобы магистры и студенты могли создавать таковые в университете, поскольку они собираются с намерением сделать благое, и являются иностранцами, происходящими из разных мест. А потому пусть все они собираются согласно нормам права, когда это будет необходимо, для обсуждения дел, которые пойдут на пользу их курсам и во имя защиты самих себя и всего принадлежащего им. Кроме того, они могут ставить старшину над всеми, который по-латыни зовется *rector* училища, власти которого пусть они подчиняются в делах подходящих, сообразных и соответствующих нормам права. И ректор должен наказывать студентов, дабы они не создавали группировок и не устраивали драк ни вместе с студентами из разных мест, ни между собой. И чтобы следили за тем, чтобы ни к кому не поступали бесчестно и беззаконно. И следить, чтобы никто не расхаживал по ночам, но чтобы все отдыхали на своих местах на постоянных дворах и предавались исследованиям, и учебе, и добродетельной и честной жизни. Поскольку училища учреждаются именно для этого, а не для того, чтобы днем и ночью расхаживать вооруженными, стремясь завязать драку или совершить иное сумасбродство или злодеяние в ущерб самим себе, вплоть до изгнания из тех мест, где они проживают. И если кто-либо выступит против этого, тогда наш судья должен наказать их и направить на верный путь так, чтобы они воздерживались от дурного и совершили благое.

Закон 7

Какие судьи должны судить студентов¹⁵

Магистры, обучающие наукам в училищах, могут судить студентов у них в том, что касается исков, которые одни из них подают против других, а также в других делах, возникающих между людьми, которые не касаются криминального; и их не следует препровождать к иному алькальду для подачи исков или под охраной без их добровольного согласия. Но если им захотят предъявить иск перед лицом магистра, то на их выбор остается отвечать ли на него непосредственно перед ним или же перед местным епископом или судьей по фуэро — так, как им покажется более приемлемым. Но если студент выдвинет иск против того, кто студентом не является, тогда он должен действовать согласно праву в общем порядке перед лицом того, кто

¹⁵ Содержание этой статьи воспроизводит привилегию студентам Болонского университета, изданную на Ронкальском сейме в ноябре 1158 г. Фридрихом I Барбароссой и включенную в состав «Новелл» (*Authentici*) Корпуса Юстиниана, в титула Habita IV.13. См.: *Privilegium scolasticum* // MGH: LL. T. 2. Hannoverae, 1837. P. 114.

может наказать ответчика. Кроме того, мы устанавливаем, что если студенту предъявлен иск перед судьей по фуэро, и он не сошлется на свою привилегию, заявив, что не должен отвечать иначе, как перед своим магистром или перед епископом, как сказано выше, то, если он будет отвечать на иск в обычном порядке, пусть он потеряет привилегию, которой обладает, в том, что касается дела, по которому он выступает ответчиком, и вплоть до завершения его дела должно вестись тем судьей, который начал его рассматривать. Но если случится, что студент захочет воспользоваться помощью своей привилегии прежде, чем выступит ответчиком, заявив, что не желает и не должен отвечать по иску иначе, чем перед своим магистром или епископом, и, тем не менее, его накажут и заставят быть ответчиком; тогда тот, кто предъявил против него иск, должен потерять все свои права на вещь, являющуюся предметом иска. А судья, который его наказал, должен получить наказание волей самого короля, за исключением случая, если тяжба будет касаться дел по королевскому или уголовному праву¹⁶, которые могут быть возбуждены против студента, являющегося мирянином.

Закон 8¹⁷

Какими особыми почестями должны обладать магистры цивильного права¹⁸

Изучение цивильного права — это как бы источник справедливости, и мир пользуется им в большей мере, чем другими науками. А потому императоры, которые создали цивильное право, жаловали магистрам факультетов привилегии четырех типов. Первая привилегия: чтобы, поскольку они являются преподавателями, они именовались бы магистрами, и рыцарями, и чтобы их именовали сеньорами цивильного права¹⁹. Вторая привилегия: что каждый раз, когда магистр права явится перед судьей, находящимся при исполнении своих обязанностей, тот должен подняться со своего ме-

¹⁶ В тексте — «de justicia o de sangre».

¹⁷ В целом, главным прототипом этого закона стала конституция императоров Феодосия II и Валентиниана III, изданная 15 мая 425 г. (на что в своем комментарии указывает и Гр. Аопес). Она вошла в состав Кодекса Феодосия (CTh. VI.21.1), однако ее текст был, скорее всего, известен составителям Партид по версии, вошедшей в состав Кодекса Юстиниана (C XII.15.1). Очевидно, однако, что на составителей Партид повлияла сама идея предоставления привилегий преподавателям, тогда как содержание римской нормы практически никак не отразилось в тексте рассматриваемого закона.

¹⁸ В тексте — *leyes*, в противовес *decretos* — каноническое право.

¹⁹ В тексте — «señores de las leyes».

ста, и поприветствовать его, и принять его так, чтобы он был рядом с ним. И если судья будет против этого, пусть действует закон о наказании, чтобы он выплатил три либры золота. Третья привилегия: что привратники²⁰ императоров, королей или князей не должны ни держать перед ними дверь, ни мешать войти перед ними, когда у них в том возникнет нужда, за исключением лишь времени, когда будут обсуждаться великие тайны; но даже тогда они обязаны сказать магистрам, если те находятся у дверей и спрашивают, приказали ли им войти или нет. Четвертая привилегия: чтобы они были проницательными и понятливыми, и чтобы умели учить такому знанию, и были разумны, и обладали хорошими манерами; и после того, как исполнится 20 лет со времени, как они держат школы цивильного права, магистры должны получить почести, приличествующие графам. И поскольку цивильное право и императоры желали отметить их особым образом, приличествует, чтобы и короли сохраняли за ними эти почести²¹. А потому мы считаем во благо, чтобы означенные магистры везде, куда простирается наша сеньориальная власть, обладали перечисленными выше привилегиями, как то приказывает и древний закон²². Кроме того, мы устанавливаем, чтобы эти магистры и другие, которые обучают наукам в училищах на землях нашей сеньории, должны быть свободны от платежей и им не следует являться ни в войско, ни в набег, ни исполнять иные обязанности, если сами они этого не желают.

Закон 9

Как следует проверять студента, который захочет стать магистром прежде, чем ему будет пожаловано разрешение преподавать

Студент, желающий стать магистром, прежде должен быть учеником²³. И когда он получит хорошую подготовку, то должен явиться к старшинам училищ, которые имеют право давать разрешение на преподавание. И они должны сохранять свое решение в тайне, прежде чем пожалуют это разрешение, если соискатель является человеком с положительной репутацией и

²⁰ В тексте — *porteros*.

²¹ Прототип этой нормы — упомянутая выше конституция из Кодексов Феодосия и Юстиниана, которая жалует отличившимся преподавателям знаки достоинства комита. См.: СTh. VI.21.1; С. XII.15.1.

²² То есть С. XII.15.1.

²³ В тексте — «discipulo», то есть лицо, готовящееся к званию магистра, в некотором роде — аналог современного аспиранта.

обладает хорошими манерами. Кроме того, он должен прочитать несколько лекций по книгам той дисциплины, с которой желает начать свое преподавание²⁴. И если он проявит хорошее понимание текста, и глассы по означенной дисциплине, и хорошие манеры, и плавную речь при объяснении, и хорошо ответит на вопросы и замечания, которые ему выскажут, то далее ему должны публично оказать почесть, сделав его магистром, после того как он принесет клятву в том, что будет добротно и верно преподавать свою дисциплину, и что ни даст, ни пообещает дать что-либо тем, кто пожалует ему это разрешение на преподавание, и не сделает это через кого-либо, чтобы получить это разрешение в будущем.

Закон 10

Что все студенты университета пусть имеют одного представителя, который именуется педель²⁵, и что входит в его обязанности

Университетская корпорация²⁶ студентов должна иметь одного представителя, по-латыни именуемого «*bidellus*». В его обязанности входит не что иное, как обходить факультеты, сообщая о праздниках, по приказанию старшины училища; и если случится, что кто-либо захочет продать книги или купить их, он должен объявить об этом. И ему следует идти, провозглашая, чтобы тот, кому нужны такие-то книги, явился в такое-то место²⁷, где они находятся, и откуда он узнал, кто желает продать их, и кто — купить, и этот педель должен осуществить добросовестное посредничество между ними. А кроме того, пусть он объявляет о том, чтобы студенты собрались в каком-нибудь месте для рассмотрения и решения дел, представляющих общий интерес, или для экзамена студентов, желающих стать магистрами.

²⁴ Имеется в виду методика проведения занятий, предполагавшая комментированное чтение (лат. *lectio*) текста по избранной дисциплине.

²⁵ П е д е л ь (от прев. *bedel*, восходящего к францк. **budil*, древневерхненем. *bital* — «тот, кто востребует»; ср.: англ. *beadle*, нем. *Pedell*) — в современном языке — надзоритель в учебном заведении.

²⁶ В тексте — *universidad*; речь идет не об университете вообще, а именно о корпорации. Следуя болонской модели, в данном случае она объединяет только студентов, но не профессоров.

²⁷ В тексте — *estación* (от лат. *statio* — «место», «местопребывание» и др.); так назывались места, где находились лавки стационариев (от лат. *stationarius* — постоянно находящийся в одном и том же месте), которые занимались продажей книг, а также их передачей для копирования и выдачей студентам на руки на время.

Закон 11

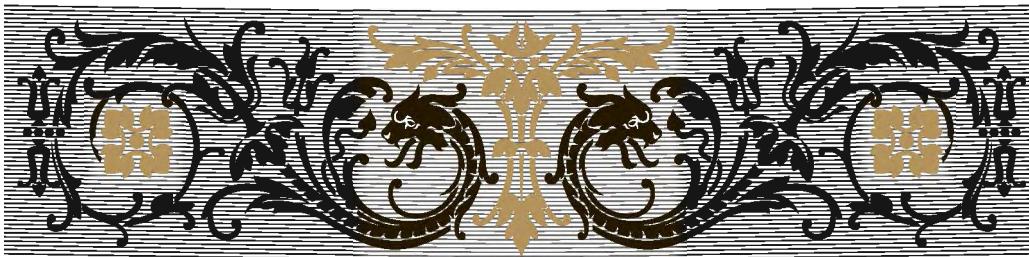
О том, что университеты должны иметь стационариев, которые пусть держат книжные лавки для снятия копий с книг

Необходимо иметь стационариев в любом университете, для того, чтобы он имел завершенный вид; чтобы такой стационарий имел у себя хорошие книги, пригодные для чтения, точно отражающие основной текст и гlosсу, и чтобы они за плату передавались студентам, дабы для них копировались книги — как полностью, так и частично, для улучшения уже переписанных ранее. И такую лавку или место никто не имеет права держать без разрешения ректора университета. И последний, прежде чем выдать соответствующее разрешение, должен сначала посмотреть книги того, кто должен будет держать лавку, чтобы удостовериться, что они хороши, и пригодны для прочтения, и точны в передаче текста. И тому, о ком выяснится, что у него нет таких книг, не следует давать права ни быть стационарием, ни предоставлять книги студентам за плату, кроме как если прежде они будут исправлены. Кроме того, ректор, с согласия совета университета, должен установить, сколько стационарий имеет права брать за каждую тетрадь, предоставляемую студентам за переписывание с начала и до конца, либо частично. Кроме того, они должен дать добрых поручителей, что они будут хорошо и правильно, без всякого обмана, хранить все те книги, которые им передадут для продажи.

 Ауров Олег Валентинович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС,
доцент РГГУ (Москва, Россия)

А.В. Марей

«ГЛАВА ВСЕХ ЗОЛ»: ЗАКОНЫ ПРОТИВ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В «СЕМИ ПАРТИДАХ»¹

мире средневековой Европы, в том числе и в средневековой Кастилии, предательство традиционно считалось наиболее страшным из всех преступлений, которые только мог совершить человек. Это становится понятным, если иметь в виду, что феодальное общество было построено, прежде всего, на системе личных связей², в основе которых лежали межличностные соглашения-пакты, генетически восходившие к римско-правовому *ractum*³. Пакты объединяли между собой не только рыцарей, приносивших вассальную присягу-оммаж своим сеньорам, но также и горожан, и представителей Церкви. В условиях правового плюрализма, подразумевавшего отсутствие единой правовой системы и, по сути, нормативный хаос, наиболее действенным регулятором внутриобщественных отношений феодального мира становились именно такие, не всегда формализуемые, связи личной верности. Соответственно, и покушение на них возводилось, по сути, в ранг

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого» (проект № 13-03-00181) и гранта НИУ ВШЭ по софинансированию проекта РГНФ №15-09-0251.

² Ganshof F.-L. Qu'est-ce que la féodalité? Paris, 1989.

³ Ауроб О.В. Город и рыцарство в феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII — середине XIV века. М., 2012.

покушения на основы самого миропорядка: недаром первым предателем считался дьявол, восставший против Господа, а его подобием в Новом Завете — Иуда Искариот, предавший Иисуса⁴. Эти соображения объясняют и внимание, уделявшееся средневековым законодателем фигуре предательства, и место, отведенное этим законам в Партидах — самое начало последней Партиды, посвященной уголовно-правовым материалам.

Этимология понятия «предательство» (*traición*) особых проблем не вызывает: оно восходит к латинскому термину *traditio*, однако основные вопросы, возникающие при исследовании понятия «предательство» в леоно-кастильском праве, связаны не с самим термином, а, скорее, с историей формирования его значения.

Работ об истории предательства в леоно-кастильском средневековом праве практически не существует. В нескольких работах это преступление рассматривалось в той или иной мере⁵, но есть, пожалуй, лишь одна монография, полностью посвященная его исследованию, — речь идет о работе знаменитого испанского историка права А. Иглесии Феррейроса «История предательства. Королевское предательство в Леоне и Кастилии», вышедшей в 1971 г.⁶ В своей монографии он весьма категорично утверждал, что то «предательство», которое мы знаем по памятникам леоно-кастильского средневекового права, было чисто готским институтом, не имевшим с римскими *crimen perduellionis* и *crimen laesae maiestatis* никакой связи, кроме внешней схожести.

⁴ Можно отметить, что даже само имя Господа передавалось по-латыни термином *Domini*, а по-кастильски — *Señor*, то есть теми же словами, которые использовались для обозначения сеньюра в системе вассально-сеньориальных отношений. Соответственно, восстание против Господа могло трактоваться как восстание против своего сеньюра, и наоборот. Можно вспомнить и написанную примерно в одно время с Партидами «Божественную комедию» Данте, где предатели, в число которых входили, помимо Иуды, также Брут и Кассий, занимали последний, 10-й круг Ада.

⁵ Марей А.В. Дружба и доверие в испанском обществе XI—XIII вв.: неправовые регуляторы правового поля. М., 2011; García González J. Traición y alevosía en la Alta Edad Media // AHDE. 1962. P. 323–346; Martínez Martínez F. Et cum iuda traditore domini: lenguaje bíblico como lenguaje jurídico en el derecho altomedieval hispánico // INITIUM. Revista catalana d'història del dret. 2005. P. 85–210; Orlandis J. Sobre el concepto del delito en el Derecho en la Alta Edad Media // AHDE. 1945. P. 112–192; Id. Las consecuencias del delito en el Derecho de Alta Edad Media // AHDE. 1947. P. 61–165.

⁶ Iglesia Ferreirós A. La traición regia en Leon y Castilla. Santiago de Compostela, 1971.

Справедливости ради, надо отметить работы К. Брехта (Brecht C. Perduellio. Eine Studie zu ihrer begrifflichen Abgrenzung im römischen Strafrecht bis zum Ausgang der Republic. München, 1938) и Фл.С. Ли (Lear F.S. Treason and related offenses in Roman and Germanic law. Houston, 1955), но первая из них ограничивается исследованием предательства в праве поздней Римской республики, вторая же доходит до Вестготского королевства. Помимо этого выводы обеих этих работ на сегодняшний день серьезно устарели.

А. Иглесия начинает свое доказательство с заявления о том, что «...предательство, дитя средневекового мира, было неизвестно среди римлян»⁷. Основой этого тезиса служит убеждение А. Иглесии в том, что предательство, прежде всего, было проявлением личной неверности (сеньору, королю и т.д.), тогда как римляне такой правовой фигуры не знали⁸. Следом, несколько противореча себе в части готского происхождения предательства, Иглесия предлагает искать его истоки в христианском вероучении, описывая образ Иуды как первого предателя и своеобразного «князя предателей»⁹. Однако все последующие выводы испанского исследователя относительно истории предательства на Пиренейском полуострове серьезных возражений не вызывают¹⁰.

По замечанию А. Иглесии, впервые понятие «предательство» появляется в латинских нарративных источниках около 1000 г. [Iglesia Ferreiraós, 1971, 100]. Примерно в это же время термин «предательство» (*traditio vel proditio*) начинает употребляться в нормативных источниках и в эпиграфических. С течением времени рассматриваемый термин начинает упоминаться все более и более активно, особенно в текстах нормативных источников: он появляется в тексте фуэро Миранды де Эбро, Фреснильо, Компостелы, в постановлениях собора в Паленсии. В тексте «Истории Родриго» появляется уже подробное описание как обвинения в «предательстве» (*reptatio traditionis*), так и процедуры очищения от подобного обвинения. Таким образом, в общих чертах основное ядро этой правовой категории сложилось к началу XII в., и потом, вплоть до середины XIII в., ее наполнение менялось лишь в сторону увеличения количества норм, входивших в нее.

Законодательство Альфонсо X в отношении предательства и, прежде всего, приведенный ниже титул Партид имели главным образом систематизирующее значение. Предательство получило здесь свое развернутое определение, описание основных признаков и регламентаию последствий. Однако, помимо этого, оно само по себе было серьезно переосмыслено, была предложена принципиально иная его концепция, соответствующая общей политической теории, развиваемой придворными интеллектуалами Альфонсо Мудрого.

В законах титула Part.VII.2 предательство определяется, во-первых, через этимологию слова, а во-вторых, через выстраивание параллелей из классиче-

⁷ Iglesia Ferreiraós A. Op. cit. P. 10.

⁸ Ibid. P. 85–86, 178–184.

⁹ Ibid. P. 95–96.

¹⁰ Более подробный разбор основных концепций происхождения средневекового предательства см. в моей статье: Марей А.В. *Proditio — traditio — traicion*: От Древнего Рима до кодификаций Альфонсо X Мудрого. Статья 1. Римские источники // IUS ANTIQUUM. Древнее право. № 20. М.: Спарк, 2008. С. 186–196.

ского римского права Свода Юстиниана. Апеллируя к этимологическому аргументу, составители закона отмечают, что «предательство значит то же, что предать одного человека другому, как бы передать из добра во зло; и это зло, которое выгрызает верность из сердца человека»¹¹. Первичное значение слова, в данном случае, мало чем помогает законодателю, что и приводит к появлению уточнения в формулировке — предает тот, кто не просто передает одного человека другому, но делает это со злой целью, «передает из добра во зло». Звучит в этом же определении и та противоположность предательству, которую то уничтожает, удаляет из сердца человека — «верность» (*lealtad*).

Помимо этимологии, авторы титула Part.VII.2 дают понятию «предательство» и еще одно определение, отождествляя его с латинскими терминами *crimen laesae maiestatis* и, в начале 3-го закона того же титула, — с *crimen perduellionis*. Оба этих отождествления не только выдают источники, использованные кастильскими юристами при составлении рассматриваемых законов, но и позволяют сделать определенные выводы относительно их понимания сути предательства.

Дело в том, что как первая, так и вторая латинские конструкции, приводимые авторами законов в качестве аналогов кастильскому понятию *traycion*, исторически восходят к публичному римскому праву, а если быть более точным, то к знаменитому Юлиеву закону об оскорблении величия (*lex Iulia maiestatis*), регулировавшему разбирательство по преступлениям, совершаемым римскими гражданами «против римского народа и его безопасности»¹². Согласно этому закону в состав такого преступления входили: убийство без надлежащего приказа заложников, покушение на убийство и убийство магистрата при исполнении тем обязанностей, захват храмов, подстрекательство к мятежу и участие в таковом, призыв врагов на территорию Рима, помощь им оружием или советом и т.д.¹³ В качестве отдельного

¹¹ Part.VII.2.1: *Traycion tanto quiere dezir, como traer vn ome a otro, so semejança de bien a mal: e es maldad que tira de si la lealtad del coraçon el ome.*

¹² D.48.4.1.1, *Ulp. VII de off. procons.*: *Maiestatis autem crimen illud est, quod adversus populum Romanum vel adversus securitatem eius committitur.*

¹³ D.48.4.1.1, *Ulp. VII de off. procons.*: *Quo tenetur is, cuius opera dolo malo consilium initum erit, quo obsides iniussu principis interciderent: quo armati homines cum telis lapidibusve in urbe sint convenienter adversus rem publicam, locave occupentur vel templo, quove coetus conventusve fiat hominesve ad seditionem convocentur: cuiusve opera consilio malo consilium initum erit, quo quis magistratus populi Romani quive imperium potestatemve habet occidatur: quove quis contra rem publicam arma ferat: quive hostibus populi Romani nuntium litterasve miserit signumve dederit feceritve dolo malo, quo hostes populi Romani consilio iuventur adversus rem publicam: quive milites sollicitaverit concitaveritve, quo seditio tumultusve adversus rem publicam fiat.*

См. также D.48.4.2.

состава, предусматривавшего более жестокие наказания, в состав «оскорбления величия» входило и преступление, называвшееся по-латыни *crimen perduellionis*. Оно включало в себя враждебные выступления лично против императора или против всей *res publica Romana*¹⁴.

Собственно, именно эти составы и были сведены составителями Партид в первый закон титула «О предательстве», с учетом, естественно, небольших, но весьма значительных изменений. Во-первых, в качестве родового состава, от которого зависят все остальные, было выбрано враждебное действие, направленное уже не против народа, но против личности короля¹⁵. Несколько строками ниже оно раскрывается чуть более подробно, как поступок, совершенный против «Бога, сеньора по рождению и всех людей»¹⁶. Подобное единство Бога, короля и народа становится понятным, если обратить внимание на Вторую Партиду, в первых двадцати титулах которой законодатель подробно расписывает свою теорию королевской власти, подразумевающую наличие органической связи между королем и его народом, с одной стороны, между королем и Богом — с другой¹⁷. С другой стороны, эта формулировка наводит на мысли о возможном влиянии на составителей Партид вестготской политico-правовой традиции, отраженной в «Книге приговоров», известной также как «Вестготская правда»¹⁸.

¹⁴ D.48.4.1.1, *Ulp.* VIII *Disp.*: ...qui perduellionis reus est, hostili animo adversus rem publicam vel principem animatus...

¹⁵ Part.VII.2.1: *Laese maiestatis crimen*, tanto quiere dezir en romance como yerro de traycion que faze ome contra la persona del rey.

¹⁶ Part.VII.2.1: E estas tres cosas fazen al coração del ome tan flaco, que yerra contra Dios, e contra su señor natural, e contra todos los omes...

Ср. замечание Ульпиана, открывающее цитированный выше титул Аигест, о том, что преступление против величия сродни святотатству: D.48.4.1pr., *Ulp.* VII *de off. procons:* **Proximum sacrilegio crimen est, quod maiestatis dicitur.**

¹⁷ Подробный разбор теории королевской власти Альфонсо X см. в статьях Д. Панатери, М. Клейне и Х. Санчеса-Арсильи Берналя, опубликованных в данном номере журнала, а также в следующих работах: Marey A.B. Король, Папа и Император: проблема легитимности светской власти в «Семи Партидах» и гlosse Грекорио Лопеса // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. № 2. С. 347–364; Marey A. El rey, el emperador, el tirano — el concepto del poder e ideal político en la cultura intelectual Alfonsina // Cuadernos de Historia del Derecho. 2014. N. 21; Nanu I. La «Segunda Partida» de Alfonso X el Sabio y la tradición occidental de los «specula principum». Ph.D. Dissertation. Barcelona, 2013; и цит. там библиографию; точку зрения, альтернативную представленной в названных работах, см. в статье И.И. Варяш, опубликованной в данном номере журнала.

¹⁸ Имеется в виду закон из 1-го титула 2-й книги «Книги приговоров», в заглавии которого употребляется знаменитая формула преступления «против правителя, народа и родины» (L.II.1.6 De his, qui contra principem vel gentem aut patriam refugi sive insolentes existunt).

Однако в упомянутом законе вестготского свода речь идет, прежде всего, о преступлениях против «народа и родины», а не против короля и, что даже более важно, совсем нет упоминания о том, что преступление против короля направлено и против Бога. Слегка забегая вперед можно с уверенностью отметить, что составители «Семи Партид», в отличие, скажем, от авторов «Королевского фуэро», в данном случае сознательно отошли от вестготской традиции, предпочтя ей римскую.

В последующих строках первого закона рассматриваемого титула Партид его составители суммируют основные известные им гипотезы предательства, общим количеством четырнадцать. На первый взгляд они в целом совпадают со списком, приведенным в 26-м законе соответствующего титула «Королевского фуэро»¹⁹, однако присутствует серьезное различие, на котором необходимо остановиться. В отличие от «Королевского фуэро», признававшего предательством преступление, совершенное вассалом против своего сеньора или, в частности, против короля (сеньора по рождению), Партиды акцентируют внимание на том, что предательство всегда направлено только и исключительно против короля. Даже тогда, когда конкретное действие преступника наносит ущерб кому-либо из официалов или, более абстрактно, «общей пользе королевства», конечным пострадавшим все равно является король. Это и обуславливает содержащуюся в прологе к этому титулу трактовку предательства как «главы всех зол» и уподобление его по вредоносной силе прокаже. По сути, в разбираемых законах формулируется концепция уже не феодального, но государственного преступления, концепция, свойственная скорее Новому времени, нежели Средним векам.

Интересно обратить внимание и на эффекты, порождаемые совершающимся предательством. Таковых, описанных в Партидах, можно выделить два вида: этические и юридические. К первым относятся указанные в первых же строках первого закона ослабление сердца человека, разрушение в нем верности и, как следствие, зарождение лжи, трусости и подлости²⁰. Сюда же можно отнести и ущерб, наносимый предательством репутации

¹⁹ FR.IV.21.26: Предателем считается тот, кто убил своего сеньора или его ранил, или его захватил, или передал в руки врагов, или же приказал, или посоветовал это сделать; или тот, кто какую-нибудь из этих вещей сделал сыну своего сеньора по рождению, тому, который должен царствовать, пока он не выйдет из подчинения своему отцу. Также предателем считается тот, кто переспит с супругой своего сеньора или посоветует это сделать другому. Также предателем считается тот, кто лишает наследства своего короля или помогает лишить его наследства, либо тот, который сдал замок или укрепленный город.

²⁰ Part.VII.2.1: E traycion es la mas vil cosa, e la peor, que puede caer en coraçon de ome. E nascen della tres cosas, que son contrarias a la lealtad, e son estas: tuerto, mentira, e vileza.

как самого человека, совершившего преступление, так и членам его рода — законодатель отмечает, что предательство, подобно проказе, накладывает свою печать не только на самого преступника, но и на тех, кто живет с ним вместе и ведет от него свой род²¹. Впрочем, этот эффект имел и вполне конкретные юридические следствия — сыновья предателя лишались права вести нормальную жизнь, быть рыцарями, жить при дворе и даже оставлять завещания и наследовать другим людям их имущество.

С ограничениями имущественных прав личности связаны и чисто правовые эффекты предательства. Четвертый закон 2-го титула Партид содержит весьма интересное утверждение, согласно которому человек, совершивший предательство, не может никоим образом подвергать свое имущество отчуждению, то есть продавать его, дарить, оставлять в залог и т.д. Связано это с тем, что, по утверждению составителей закона, с того момента, когда человек замыслил предательство и приступил к осуществлению своего преступного замысла, он перестает быть сеньором своего имущества, оставаясь при этом его держателем от имени короля²². Таким образом, конфискация имущества, закрепленная в качестве одного из наказаний за предательство, является лишь логичным следствием рассматриваемого эффекта: предательство в кастильской правовой доктрине оказывается сильнее права собственности (*señorio*) и, в силу самого факта своего возникновения, отменяет его. Поскольку же, как было сказано ранее, единственным потерпевшим от предательства является король, сеньория над указанным имуществом автоматически переходит к нему, становясь частичной компенсацией понесенного им ущерба. Похожая норма была известна в Римской империи — последний фрагмент титула «О Юлиевом законе об оскорблении величия» Кодекса Юстиниана содержит запрет обвиняемому по этому закону рас-

²¹ Part.VII.2.prooem.: E otrosi, que faze a ome, despues que es gafo ser apartado, e alongado de todos los otros. E sin todo esto es tan fuerte maletia, que non faze mal al que la ha en si tan solamente: mas aun al linaje que por la lina derecha del decienden, e a los que con el moran. Otrosi, en aquella manera misma, faze la traycion en la fama del ome, ca ella la daña, e la corronpe, de guisa, que nunca la puede endereçar, e aduze a gran alogança, e a estrañamiento de aquellos que conocen derecho, e verdad: e denegrece, e manzilla la fama de los que de aquel linaje decienden, maguer non ayan en ella culpa: de guisa que fincan toda via enfamados por ella.

²² Part.VII.2.4: Vendida nin donacion, nin camio, nin enagenamiento que ouiesse fecho de sus bienes, el que fuese juzgado por traydor, desde el dia que comenzó andar en la traycion, hasta el dia que dieron la sentencia contra el, non deue valer en ninguna manera: ca maguer fuese en tenencia de los bienes a la sazon, que los enagenaua, perdido auia ya el señorio por su maldad, e eran ya de la camara del rey. E porende non podria despues, ninguna cosa de los bienes que tenia enagenar en ninguna manera.

поряжаться своим имуществом²³. Однако уже к моменту составления Партид это положение являлось предметом дискуссии в среде юристов, значительная часть которых считала, что человек все же остается собственником своих вещей вплоть до вынесения против него приговора, предусматривающего конфискацию²⁴.

Завершая обзор представляемого титула, стоит обратить внимание еще на одно наблюдение, несколько раз уже появлявшееся в данной статье. Представляется любопытным, что составители Партид и, конкретно, титула «О предательстве» последовательно отказываются от вестготской правовой традиции, опираясь на традицию реформированного римского права. Интересно в этом повороте то, что при составлении «Королевского фуэро», как это было не раз отмечено исследователями²⁵, юристы Альфонсо X активно использовали как раз вестготский правовой материал, в то время как при работе над Партидами он учитывался очень ограниченно или, как в случае с титулом «О предательстве», не учитывался вовсе. Делать выводы о причине подобной смены ориентиров, опираясь на исследование одного титула Партид, конечно же, нельзя. Однако можно предположить, что ее следует искать в разном предназначении двух сводов права: «Королевское фуэро» составлялось и готовилось как действующий закон, как перспективная замена для местных фуэро кастильских городов, в то время как Партиды мыслились своеобразной «правовой энциклопедией», сводом, охватывающим все известные ветви права и предназначенным служить своеобразным правовым идеалом.

Перевод произведен по изданию: Las Siete Partidas del muy noble rey don Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio López... Т. 3. Madrid: Compañía general de impresores y libreros del Reyno, 1844. P. 328–337.

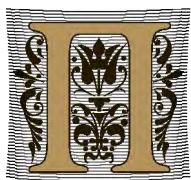

²³ C.9.8.6.3, *Paulus de publ. iudiciis*: Sic et divus Severus et Antoninus constituerunt, ex quo quis tale crimen contraxit, neque alienare neque manumittere eum posse: nec ei solvere iure debitorem magnus Antoninus rescripsit.

²⁴ См. материалы упомянутой полемики, собранные в гlossenах Гр. Аопеса к соответствующему закону: gl. Non deue ualer ad Part.VII.2.4; gl. El señorio ad Part.VII.2.4.

²⁵ См. статью Х. Санчеса-Арсильи Берналя, опубликованную в этом номере журнала, и цитированную там библиографию.

PART.VII.2. О ПРЕДАТЕЛЬСТВАХ

редательство есть один из наибольших проступков²⁶ и заблуждений, в которые может впасть человек; и древние мудрецы, которые правильно понимали положение вещей, считали его таким злом, что сравнивали его с проказой; так как точно так же, как проказа — это зло, которое охватывает все тело, и после того, как тело охвачено ею, нет возможности ни удалить ее, ни излечить, таким образом, чтобы больной выздоровел. И также заставляет оно человека, после того как он стал прокаженным, жить отделенным и отдаленным от всех остальных²⁷. Кроме всего этого, это столь сильная болезнь, что она причиняет зло не только тому, в ком она есть, но также и роду, который нисходит от него по прямой линии, и тем, кто вместе с ним живет. Так же и то же самое делает предательство и с моловой о человеке, так как оно вредит ей и ломает ее так, что уже никогда невозможно ее исправить; и приводит оно к большому отдалению и отчуждению от тех, кто живет по праву и правде; и очерняет и бесчестит оно молову о тех, кто происходит из этого рода, таким образом, что, хотя и нет их вины в нем, они все же остаются опозоренными за него. И поэтому после того, как в предыдущем титуле мы говорили в общем об обвинениях, которые выдвигаются по причине серьезных проступков, совершаемых людьми, хотим отсюда и далее установить, какие бывают преступления, которые совершают делом или словом; и сначала скажем о тех, которые совершаются делом; а потом расскажем о других, которые совершаются словом. И начнем мы с предательства, которое есть глава всех прочих зол; и покажем, что оно собой представляет; и откуда берется это имя; и какие его виды есть, и какое наказание за них должны иметь не только те, кто совершает его, но и советчики, и помощники, и соучастники, и еще те, кто знает о предательстве и не раскрывает его.

²⁶ Термин «проступок» (*yerro*) в законодательстве Альфонсо X использовался в качестве обобщающего для обозначения любых противоправных действий. Восходя этимологически к латинскому понятию *error*, то есть «ошибка, заблуждение», *yerro* объединял в себе правовые, религиозные и этические коннотации, придя на смену понятию «грех» (*pecado*), использовавшемуся для аналогичных целей в период правления Фернандо III. См. об этом подробнее: Марей А.В. Язык права средневековой Испании: от законов XII Таблиц до Семи Партий. М., 2008; Он же. Понятие *yerro* в кастильском праве XIII века: между грехом и преступлением // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2012. Т. 6. № 2. С. 365–384.

²⁷ Образ проказы заимствован из Библии. См.: Лев.13:2–59.

Закон 1

Что такое предательство, и откуда взялось это имя, и какие виды предательства бывают

Laese maiestatis crimen²⁸ значит то же, что на романсе предательство, которое совершает человек против личности короля. И предательство есть подлеешее и наихудшее из того, что может запасть в сердце человека; и рождаются от него три вещи, которые противны верности, и они таковы: кривда, ложь и подлость. И эти три вещи делают сердце человека столь слабым, что выступает он против Бога, и против своего сеньора по рождению, и против всех людей, делая то, чего делать не должно; так как столь велики подлость и злоба несчастных людей, которые совершают такой проступок, что не осмеливаются они отомстить тем, кому желают зла иначе, нежели скрытно и обманным путем. И предательство значит то же, что предать одного человека другому, как бы передать из добра во зло; и это зло, которое вырывает верность из сердца человека. И люди впадают в предательство различными путями, как показывают древние мудрецы, творившие законы. Первый, и наибольший, и тот, который должен быть наказываем наиболее сильно, — это если какой-либо человек добивается смерти своего короля или того, чтобы при жизни заставить его потерять достоинство своего положения, добиваясь с враждебностью, чтобы другой стал королем, или чтобы его сеньор был бы лишен королевства. Во-вторых, если кто-либо связывается с врагами для того, чтобы воевать или причинять зло королю или королевству, или помогает врагам делом или советом, или посыпает им письмо или гонца с тем, чтобы оповестить их о чем-либо, против короля и в ущерб королевству. В-третьих, если кто-либо добивается делом или советом того, чтобы какой-либо край либо народ, который повиновался своему королю, восстали против него, или чтобы не повиновались так хорошо, как принято. В-четвертых, когда какой-либо король или сеньор какого-либо края, который находится вне его сеньории, захочет отдать королю край, в котором он является сеньором, и повиноваться ему, платя дани и подати, а кто-нибудь из его сеньории воспрепятствует этому делом или советом. В-пятых, когда тот, кто держит от короля замок, или город, или другую крепость, поднимет в этом месте бунт, или сдаст его врагам, или

²⁸ Источником этого закона стали, по большей части, нормы, вошедшие в соответствующий титул Дигест Юстиниана (D.48.4 О Юлиевом законе об оскорблении величия).

потеряет его по своей вине или в результате чьего-либо обмана; тот же самый проступок совершил магнат, или рыцарь, или кто-либо другой, кто будет снабжать провиантом или оружием какое-либо укрепленное место, для того, чтобы воевать против короля или против общей пользы королевства, или если займет другой город, виллу или замок, хотя и не держит их от короля. В-шестых, если кто-либо оставит короля в битве, или переметнется к врагам или на другую сторону, или покинет войско другим образом без королевского приказа до истечения того времени, которое он должен служить, или если позволит себе лишнего, или умышленно начнет сражаться с врагами без приказа короля или не уведомив его, так, что враги пленят его, или нанесут ему какой-либо ущерб или какое-либо бесчестье, а король останется незапищенным, или откроет врагам королевские тайны в ущерб королю. В-седьмых, если кто-либо, составляя против короля заговоры или сообщества рыцарей или городов, поднимет в королевстве бунт или мятеж, от которого произойдет ущерб королю или королевству. В-восьмых, если кто-либо убьет кого-нибудь из старшихadelantado короля, или из чтиемых советников короля, или из рыцарей, назначенных охранять его тело, или из судей, которые имеют власть судить по поручению короля при его дворе. В-девятых, когда король даст какие-нибудь гарантии какому-либо человеку или населению какой-либо местности или края, а другие из его сеньории нарушают ту гарантию, которую он дал, убив их или ранив, или обесчестив против его запрета, если только им не пришлось этого сделать от страха, защищая себя или свое имущество. В-десятых, когда каких-либо людей дают в качестве королевских заложников, а кто-либо убьет их всех или кого-либо из них, или позволит им сбежать. В-одиннадцатых, когда какой-либо человек обвинен или вызван на поединок по делу о предательстве, а другой отпустит его или устроит так, чтобы тот сбежал. В-двенадцатых, если король лишит должности какого-либо adelantado или другого официала из старших и назначит другого на его место, а первый будет столь упрям, что не оставит свою должность или крепости со всем, что к ним относится, и не захочет принимать другого по приказу короля. В-тринадцатых, когда кто-либо злонамеренно сломает или ударит, или повалит какое-либо изображение, которое будет сделано или установлено в каком-либо месте в честь или в подобие короля. В-четырнадцатых, когда кто-либо делает фальшивую монету или подделывает печати короля. И кроме того, постановляем, что когда что-либо из этих вышеназванных проступков совершено против короля, или против его сеньории, или против общей пользы королевства, то это собственно и называется предательством, а

когда это совершено против других людей, то называется это изменой²⁹, согласно фуэро Испании³⁰.

Закон 2

Какое наказание заслуживает тот, кто совершает предательство³¹

Какой-либо человек, который совершил любой из видов предательства, установленных нами в предыдущем законе, или окажет кому-нибудь в этом деле помощь, или подаст совет, должен умереть за это, а все его имущество должно отойти в королевскую казну, за исключением приданого его жены и долгов, которые он был должен отдать и которые он сделал до того дня, когда он начал творить предательство. И более того, все его дети мужского пола должны навсегда оставаться заклейменными позором, таким образом,

²⁹ Основное различие между понятиями «предательство» (*traición*) и «измена» (*aleve*) заключается в том, что первое из них совершается по отношению к королю или к своему сеньору, то есть, разрывает вертикальные связи, скрепляющие иерархическую систему леоно-кастильского феодального общества. Измена (*aleve*), в свою очередь, совершается по отношению к другому иадальго, с которым правонарушитель не состоит в вассально-сенсириальных отношениях, то есть по отношению к формально равному ему субъекту. Таким образом, измена влечет за собой разрыв «горизонтальных» внутриобщественных связей, обозначавшихся в источниках терминами «древняя дружба» (*amistad antigua*) и «доверие» (*fe*). См.: *Marey A.B. Дружба...; García González J. Traición y alevosía...; Iglesia Ferreirós A. La traición regia...; Otero Varela A. El riepto en el derecho castellano-leonés // Id. Dos estudios historico-jurídicos. Roma — Madrid, 1955.*

³⁰ FR.IV.21.1–3.

³¹ Источником для этого закона послужила конституция 397 г., изданная императорами Аркадием и Гонорием и включенная в соответствующий титул Кодекса Юстиниана:

C.9.8.5, *Imperatores Arcadius et Honorius AA. Eutychiano PP.: Quisquis cum militibus vel privatis, barbaris etiam scelestam inierit factionem aut factionis ipsius suscepit sacramenta vel dederit, de nece etiam virorum illustrium qui consiliis et consistorio nostro intersunt, senatorum etiam (nam et ipsi pars corporis nostri sunt), cuiuslibet postremo qui nobis militat cogitarit (eadem enim severitatem voluntatem sceleris qua effectum puniri iura voluerunt), ipse quidem utpote maiestatis reus gladio feriatur, bonis eius omnibus fisco nostro addictis: 1. Filii vero eius, quibus vitam imperatoria specialiter lenitate concedimus (paterno enim deberent perire suppicio, in quibus paterni, hoc est hereditarii, criminis exempla metuentur), a materna vel avita, omnium etiam proximorum hereditate ac successione habeantur alieni, testamentis extraneorum nihil capiant, sint perpetuo egentes et pauperes, infamia eos paterna semper comitetur, ad nullos umquam honores, nulla prorsus sacramenta perveniant, sint postremo tales, ut his perpetua egestate sordentibus sit et mors solacio et vita suppicio. 2. Denique iubemus etiam eos notabiles esse sine venia, qui pro talibus umquam apud nos intervenire temptaverint. 3. Ad filias sane eorum, quolibet numero fuerint, falcidiā tantum ex bonis matris, sive testata sive intestata defecerit, volumus pervenire, ut habeant mediocrem potius filiae alimoniam quam integrum emolumētum ac nomen heredis. Mitior enim circa eas debet esse sententia, quas pro infirmitate sexus minus ausuras esse*

что они никогда не смогут иметь чести рыцарства, ни какого-либо достоинства, ни должности, также они не могут наследовать имеющимся родственникам, ни чужаку, который назначит их наследниками, ни могут принимать дары, отказаные им по завещанию. Это наказание они должны нести за то зло, которое совершил их отец. Но дочери предателей, конечно, могут наследовать до четверти имуществ своих матерей; это так потому, что никто не должен полагать, будто женщины совершают предательство или столь же безрассудно, как и мужчины, вмешиваются в это дело, чтобы помочь своему отцу. Поэтому не должны они нести столь же тяжкое наказание, как те. А все прочие наказания, которые установлены за предательство согласно фуэро Испании, в полной мере собраны во Второй Партиде этой книги, в законах, которые говорят на эту тему.

Закон 3

За какое предательство человек может быть обвинен после своей смерти, и кто может выдвинуть такое обвинение, как это

*Crimen perduellionis*³² по-латыни значит то же, что на романсе предательство, которое человек совершает против личности короля или против общей пользы всего королевства. И это предательство такого рода, что хотя бы тот, кто его совершил, и умрет до того, как будет обвинен, могут его обвинять также и после его смерти; и если его наследник не сможет его защитить или оправдать по праву, то должен король осудить покойного

confidimus. 4. Emancipatio, quae a praedictis sive in filios, post legem dumtaxat latam, sive in filias fuerit collata, non valeat. Dotes donationes, quarumlibet postremo rerum alienationes, quas ex eo tempore qualibet fraude vel iure factas esse constiterit, quo primum memorati de ineunda factione ac societate cogitaverint, nullius statuimus esse momenti. 5. Uxores sane praedictorum recuperatas dotes, si in ea condicione fuerint, ut, quae a viris titulo donationis acceperunt, filiis debeat reservare, tempore quo usus fructus absunitur omnia ea fisco nostro se relicturas esse cognoscant, quae iuxta legem filii debebantur: Falcidia etiam ex his rebus filiabus tantum, non etiam filiis deputata. D. prid. non. sept. Ancyrae Caesario et Attico cons.

Содержательно этому закону соответствует также последний закон титула «О вызовах», вошедшего в четвертую книгу «Королевского фуэро»:

FR.IV.21.17: Каждый предатель умрет за предательство, которое сделает, и потеряет все, что он имел, и отойдет это королю, даже если бы у него и были законные дети, или внуки, или кто-либо еще.

³² Источник этого определения следует искать в норме из Дигест Юстиниана (**D.48.4.11, Ulp. VIII Disp.**), где *crimen perduellionis* определяется, как наиболее тяжкая часть общего *crimen laesae maiestatis*, включавшая в себя враждебные действия против императора или общего блага республики.

как виновного в предательстве и приказать забрать у его наследника все имущество, полученные тем от предателя. Но по любому из остальных видов предательства, которые мы установили в первом законе этого титула, никто не может быть обвинен, ни вызван на поединок после своей смерти. Также постановляем, что любой человек, будь то мужчина или женщина, пользующийся доброй или дурной славой, богатый или бедный, а также все те, о которых мы постановили в титуле об обвинениях, что не могут они обвинять других, могут сделать это в случае предательства; и это было им позволено, поскольку видели мы в древних книгах, как некоторые женщины и подлые людишки раскрывали предательства, совершившиеся против императоров, и поэтому не должны отводиться те, кто раскрывает предательства, кем бы они ни были³³. Но если тот, кто вызывает другого за предательство, не сможет этого доказать, то он должен получить такое же наказание, которое получил бы вызванный, если бы было доказано его предательство.

Закон 4

О том, что человек, который совершает предательство, не может отчуждать свое имущество с того дня, как он начал его совершать и далее

Ни продажа³⁴, ни дарение, ни обмен, ни отчуждение, которые совершил со своим имуществом тот, кто был признан предателем, с того дня, когда он начал совершать предательство, и до того дня, когда ему вынесут приговор, никоим образом не должны иметь силы, поскольку хотя бы имущество и находилось в его владении в тот период, когда он совершил отчуждение, но из-за своего преступления он уже потерял сеньорию над ними, и они уже относились к казне короля; и поэтому после того он никоим образом не мог отчуждать ничего из имущества, которыми он владел.

³³ Норма, позволяющая выдвигать обвинение в предательстве любому человеку, восходит к двум фрагментам из Дигест Юстиниана (**D.48.4.7, Mod. XII Pand.; D.48.4.8, Par. XIII resp.**). Во втором из этих фрагментов его автор, римский юрист эпохи Северов Секст Эмiliй Папиниан, комментируя то, что женщинам разрешено обвинять в предательстве, упоминает заговор Луция Сергия Катилины, о котором, как известно, Цицерону донесла женщина.

³⁴ Источник этого закона следует искать в Кодексе Юстиниана:

C.9.8.6.3, Paulus de publ. iudiciis: Sic et divus Severus et Antoninus constituerunt, ex quo quis tale crimen contraxit, neque alienare neque manumittere eum posse: nec ei solvere iure debitorem magnus Antoninus rescripsit.

Закон 5

**О том, что тот, кто задумал предательство, может быть прощен,
если откроет его до того, как оно свершится**

Поскольку, как говорили философы, первые порывы, волнующие сердца людей, находятся не в их власти³⁵, то если кто-либо по своей воле войдет заодно с остальными вговор о предательстве и откроет его королю до того, как они принесут клятву о предательстве, постановляем, что ему должен быть прощен проступок, который он совершил, согласившись в сердце своем участвовать в таком заговоре. И сверх того, считаем правильным, чтобы еще ему дали награду за то добро, которое он совершил, открыв предательство, поскольку следует полагать, что он состоял в этом заговоре не с намерением совершить проступок, а для того, чтобы смоинуть о нем и лучше обезвредить его, чтобы он не был совершен; или что в сердце его было столько добра, что он раскаялся и предупредил короля, пока тот еще мог уберечься от предательства. А если вдруг он откроет предательство после клятвы, но до того, как оно совершился, то, поскольку могло бы статья, что оно все же было бы совершенено, если бы он его не открыл, ему все же должен быть прощен проступок, который он совершил; но не должен он иметь никакой награды, так как он столь далеко зашел в этом, и прошло столько времени, прежде чем он его открыл³⁶.

Закон 6

Какого наказания заслуживают те, кто злословит о короле

Злопыхательство³⁷, укорененное в сердцах людей, лишает их чувства меры, так, что когда они не могут помешать своим сеньорам делом, то пыта-

³⁵ См. высказывание об этом Папы Григория Великого, включенное в Декрет Грациана (*D.2 c.23 de Poen.*).

³⁶ Ср. фрагмент приведенной выше конституции Аркадия и Гонория (397 г.): **C.9.8.5.7:** *Sane si quis ex his in exordio initiae factionis, studio verae laudis accensus, ipse prodiderit factionem, et praemio a nobis et honore donabitur. Is vero, qui usus fuerit factione, si vel sero, tamen incognita adhuc consiliorum arcana patefecerit, absolutione tantum ac venia dignus habebitur.*

³⁷ Составители Партид в данном случае следовали более гуманистической модели регулирования данного преступления. Составленный ими закон повторяет собой конституцию императоров Феодосия и Валентиниана, включенную в Кодекс Юстиниана в титул «О тех, кто будет злословить императора» (**C.9.7.1**). В то же время вестготская традиция, закрепленная в «Книге приговоров», устанавливала жестокое наказание для тех, кто будет злословить о короле, как живом, так и уже усопшим — в первом случае предусматривалась конфискация половины имущества, во втором — публичное бичевание злословившего (**L.I.II.1.7**).

ются злословить о них, позоря их так, как не должно делать. И потому постановляем, что если кто-либо скажет плохо о короле, будучи пьяным, или беспамятным, или безумным, то не должен он нести за это никакого наказания, поскольку сделал он это, будучи не в своем уме, так, что не понимал того, что говорит. А если вдруг кто-либо скажет плохо о короле, находясь в своем уме, то поскольку он мог пойти на это по причине великой обиды, которую он претерпел от короля, или по причине изъяна в правосудии, которое тот не захотел свершить по отношению к нему, или из-за великой злобы, которая укоренилась в его сердце вместе с неприязнью к королю, то древние мудрецы считали правильным, чтобы ни один судья не осмелился назначать наказание такому человеку, но чтобы задержали его и привели перед лицо короля, так как ему и никому другому надлежит расследовать и судить такой проступок. И тогда, если король увидит, что тот, кто злословил о нем, делал это как человек, имеющий какую-либо справедливую причину, то может по своей милости простить его, если захочет; и также должен он приказать исправить ту обиду, которую тот потерпел. Но если король поймет, что тот, кто злословил о нем, делал это несправедливо и из злопыхательства, то должен он так покарать его, чтобы остальные, которые слышали бы об этом, испугались бы и побереглись бы злословить о своем сеньоре.

REFERENCES

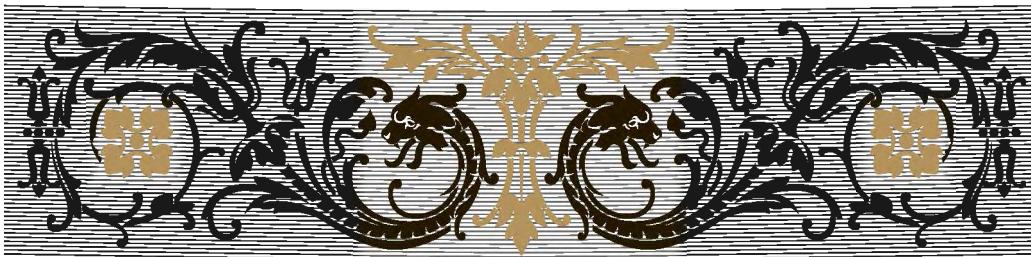
1. *Aurov O.V. A City and a Chivalry in the Medieval Castile: Sepulveda and Cuellar in XIII–XIV cent. [Город и рыцарство в феодальной Кастилии: Сепулведа и Куэллар в XIII — середине XIV века]*. M., 2012.
2. *Brecht C. Perduellio. Eine Studie zu ihrer begrifflichen Abgrenzung im römischen Strafrecht bis zum Ausgang der Republic*. München, 1938.
3. *Ganshof F.-L. Qu'est-ce que la féodalité?* Paris, 1989.
4. *García González J. Traición y alevosía en la Alta Edad Media // AHDE*. 1962. P.323–346.
5. *Iglesia Ferreirós A. La traición regia en Leon y Castilla*. Santiago de Compostela, 1971.
6. *Lear F. S. Treason and related offenses in Roman and Germanic law*. Houston, 1955.
7. *Marey A.V. Language of Medieval Spanish Law: from Leges XII Tabularum to Siete Partidas [Язык права средневековой Испании: От Законов XII Таблич до «Семи Партид»]*. M., 2008.
8. *Marey A. El rey, el emperador, el tirano — el concepto del poder e ideal político en la cultura intelectual alfonsina // Cuadernos de Historia del Derecho*. 2014. No 21.
9. *Marey A.V. Friendship and Faith in Spanish Society of XI–XIII cent.: non-legal Controllers of Legal Framework [Дружба и доверие в испанском обществе XI–XIII vv.: неправовые регуляторы правового поля]*. M., 2011.
10. *Marey A.V. The Concept of Yerro in Castilian Law of XIII century: between Sin and Crime [Понятие ярро в кастильском праве XIII века: между грехом и преступлением] // ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and Classical Tradition*. 2012. T. 6. N 2. S. 365–384.
11. *Marey A.V. The King, the Pope and the emperor: a Problem of Legitimation of the Secular Power in the «Siete Partidas» and in the gloss composed by Gregorio Lopez [Король, Папа и Император: проблема легитимности светской власти в «Семи Партидах» и гlosse Gregorio Lopesa] // ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and Classical Tradition*. 2014. N 2. S. 347–364.
12. *Marey A.V. Proditio — traditio — traicion: from Ancient Rome to the Code of Alphonse X the Wise. Part 1. Roman issues [Продитио — традитио — траicion: От древнего Рима до кодификации Альфонсо X Мудрого. Статья 1. Римские истоки] // IUS ANTIQUUM. Древнее право*. N 20. 2008. S.186–196.

13. *Martínez Martínez F.* Et cum juda traditore domini: lenguaje bíblico como lenguaje jurídico en el derecho altomedieval hispánico // INITIUM. Revista catalana d'història del dret. 2005. P. 85–210.
14. *Nanu I.* La «Segunda Partida» de Alfonso X el Sabio y la tradición occidental de los «specula principum». Ph.D. Dissertation. Barcelona, 2013.
15. *Orlandis J.* Las consecuencias del delito en el Derecho de Alta Edad Media // AHDE. 1947. P. 61–165.
16. *Orlandis J.* Sobre el concepto del delito en el Derecho en la Alta Edad Media // AHDE. 1945. P. 112–192.
17. *Otero Varela A.* El riepto en el derecho castellano-leonés // *Id.* Dos estudios historico-juridicos. Roma — Madrid, 1955.

 Марей Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листа (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и большего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ ХХ В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор.

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегль) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Для иностранных изданий: Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует также представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций с указанием после выходных данных, которые даются в цифровом формате.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

*Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009), The system of peer review in scientific information provision *Information Support of Science. New Technologies: Collected papers* [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki *Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.*], Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.*

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1000–1500 знаков с пробелами.

СВѢДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Подписка на журнал возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ с любого месяца.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 83564.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке